

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 2

МОСКВА
2024

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН (Москва, Россия);

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:

А. В. Гик, канд. филол. наук (Москва, Россия);

З. Ю. Петрова, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 2

MOSCOW
2024

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

Anna A. Pichkhadze, D. Sc., D. Sc., Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Galina I. Kustova, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board of the issue

Anna V. Gik, Ph. D. (Moscow, Russia);
Zoya Yu. Petrova, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1. Грамматические процессы и системы в синхронии

<i>О. Азам</i> (Париж) Синтаксическое значение предикативного употребления полной формы имени прилагательного в именительном падеже и его семантические следствия	11
<i>Я. Э. Ахапкина</i> (Москва) Корпус раннего детского письма как источник лингвистической информации	27
<i>Ф. В. Байков</i> (Москва) Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование.....	47
<i>Д. Д. Белова</i> (Москва) Предикативное согласование с местоименными конъюнктами: опыт экспериментального исследования	62
<i>О. И. Глазунова</i> (Санкт-Петербург) Наречия со значением высокой, очень высокой и предельной степени интенсификации признака	73
<i>М. В. Ермолова</i> (Москва) О генезисе антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка	94
<i>О. Ю. Инькова</i> (Женева; Москва) <i>В то же время и вместе с тем</i> : семантическая эволюция и функциональные особенности	111
<i>В. В. Казаковская</i> (Санкт-Петербург) Личные местоимения и их пропуск (pro-drop) на ранних этапах усвоения языка.....	133
<i>Ю. М. Кувшинская</i> (Москва) Употребление неопределенных местоимений серии на <i>-либо</i> в контексте прямого отрицания	150
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва) Грамматическая вариативность в местоименных конструкциях: <i>много кто / что VS. много кого / чего</i>	174
<i>Е. М. Лазуткина</i> (Москва) Оператор «сила субъекта» в модельной семантике активных конструкций.....	196
<i>И. И. Рыжаченков, Е. В. Рахилина</i> (Москва) Жизнь и судьба калек XVIII века: опыт корпусного исследования	211
<i>Т. Е. Янко</i> (Москва) Иллокутивная структура русского вопросительного предложения: значения и средства их выражения.....	231
<i>А. А. Яскевич, И. И. Колесниченко, О. Е. Пекелис,</i> <i>Е. В. Рахилина</i> (Москва), <i>П. А. Бычкова</i> (Люблина) Опыт создания онлайн-ресурса для лингвистического комментирования (повесть «Фаталист» М. Ю. Лермонтова).....	242

II. Грамматические процессы и системы в диахронии

<i>Е. В. Буденная</i> (Москва)	
<i>Коньячку бы, да до дому</i> : хронология развития некоторых форм второго родительного падежа	261
<i>Е. А. Галинская</i> (Москва)	
Формы родительного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода в лечебнике XVII века	282
<i>О. Ф. Жолобов</i> (Казань)	
Заметки по исторической грамматике: архаизмы и инновации в машиночитаемом корпусе паримейников XII–XIV вв.	300
<i>И. И. Макеева</i> (Москва)	
Некоторые наблюдения над формой родительного падежа отглагольных имен существительных в западнорусской рукописи XV–XVI вв.	311
<i>М. О. Новак</i> (Москва)	
«Панове / паны рада» в истории русского языка: состоялась ли грамматическая адаптация?	325
<i>Д. В. Сичинава</i> (Москва)	
Панхронический корпус: интеграция исторических и современных корпусных ресурсов	336
<i>Витторио С. Томеллери</i> (Турин, Италия)	
О некоторых грамматических особенностях двух новгородских переводов с латыни. На примере Первой библейской Песни Моисея (Исх. 15: 1–19).....	354
<i>И. С. Юрьева</i> (Москва)	
Особенности употребления коррелятивов при условных союзах в различных жанрах древнерусской оригинальной письменности	379

CONTENTS

I. Grammatical processes and systems in synchrony

<i>Olivier Azam</i> (Paris)	
The syntactic meaning of the predicative use of the full form of the adjective in the nominative case and its semantic implications.....	11
<i>Y.???? E. Akhapkina</i> (Moscow)	
Corpora of an early children’s written language as a resource of linguistic information.....	27
<i>Fedor V. Baykov</i> (Moscow)	
Negative concord items inside adjective phrases: an experimental study.....	47
<i>Daria D. Belova</i> (Moscow)	
Predicate agreement with pronominal conjuncts: an experimental research	62
<i>Olga I. Glazunova</i> (Saint Petersburg)	
Adverbs with the meaning of a high, very high and extreme degree of feature intensification.....	73
<i>Maria V. Ermolova</i> (Moscow)	
On the genesis of the annti-resultative meaning of the pluperfect in the history of russian	94
<i>Olga Yu. Inkova</i> (Geneva; Moscow)	
<i>V to zhe vremya</i> and <i>vmeste s tem</i> : semantic evolution and functional features	111
<i>Victoria V. Kazakovskaya</i> (Saint Petersburg)	
Personal pronouns and pro-drop in the early stages of language acquisition	133
<i>Yulia M. Kuvshinskaya</i> (Moscow)	
Use of the indefinite pronouns of the <i>-libo</i> series in the contexts of the direct negation.....	150
<i>Galina I. Kustova</i> (Moscow)	
Grammatical variability in pronominal constructions: <i>mnogo kto / chto</i> VS. <i>mnogo kogo / chego</i>	174
<i>Elena M. Lazutkina</i> (Moscow)	
The operator “the power of the subject” in the model semantics of active constructions.....	196
<i>Ivan I. Ryzhachenkov, E.V. Rakhilina</i> (Moscow)	
The life and fate of the calques of the XVIII century: corpus research experience.....	211
<i>Tatiana E. Yanko</i> (Moscow)	
The illocutionary structure of the russian questions: meaning and expression	231
<i>Alexey A. Yaskevich, Irina I. Kolesnichenko, Olga E. Pekelis,</i> <i>Ekaterina V. Rakhilina</i> (Moscow), <i>Polina A. Bychkova</i> (Lyublyana)	
Experience of creating an online resource for linguistic commentary («The Fatalist» by M. Lermontov).....	242

II. Grammatical processes and systems in diachrony

<i>Evgeniya V. Budennaya</i> (Moscow)	
<i>Kon'jačku by, da do domu</i> : on the development of some second genitive case forms in Russian	261
<i>Elena A. Galinskaya</i> (Moscow)	
Forms of the genitive and locative cases of the singular of masculine nouns in the medical book of the 17th century	282
<i>Oleg F. Zholobov</i> (Kazan)	
Notes on historical grammar: archaisms and innovations in the machine-readable Parimeinik corpus from the 12th–14th centuries	300
<i>Irina I. Makeeva</i> (Moscow)	
Some observations on the genitive of verbal nouns in 15th–16th century-manuscript from Western Russia	311
<i>Maria O. Novak</i> (Moscow)	
‘Panove / pany rada’ in the history of Russian: was the grammar adaptation successful?.....	325
<i>Dmitri V. Sitchinava</i> (Moscow)	
A panchronic corpus: integration of historical and contemporary corpus resources	336
<i>Vittorio S. Tomelleri</i> (Torino, Italia)	
On some grammatical features of two Novgorod translations from Latin. Based on the First song of Moses (Exodus 15: 1–19).....	354
<i>Irina S. Yuryeva</i> (Moscow).	
The use of correlatives of conditional conjunctions in different genres of original Old Russian written texts.....	379

1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

Оливье Азам

École normale supérieure / Centre de Linguistique en Sorbonne

(Франция, Париж)

azamoam@club-internet.fr

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОЙ ФОРМЫ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Выбор между краткой формой и предикативной полной формой имени прилагательного в именительном падеже чаще всего объясняется семантически. В данной статье, наоборот, рассматривается синтаксический подход к этому вопросу. Показывается, как при употреблении краткой формы признак приписывается подлежащему абсолютно, то есть непосредственно. При употреблении же полной формы в именительном падеже признак приписывается подлежащему только относительно, посредством эллиптического существительного с тавтологическим или родовым значением (*эти фрукты сочные, он человек умный*). Существительное-посредник опускается в виду своей нулевой информативной загрузки. На поверхности в составе именной части сказуемого остается только имя прилагательное, определение опущенного существительного. Показывается, что любое предикативное прилагательное в именительном падеже имеет атрибутивное происхождение и является результатом номинализации, что и имеет решительное влияние на выбор между именительным падежом полной формы и краткой формой предикативного прилагательного.

Дальше рассматривается несколько ограничений на употребление предикативной полной формы: невозможность использовать полную форму, если подлежащее является уникальным в своем роде или если прилагательное имеет сильное управление. Также обсуждается ряд семантических нюансов, традиционно приписываемых семантике каждой формы: выражение временного или постоянного признака и выражение избытка признака при употреблении краткой формы. Показывается, что именно синтаксический подход позволяет объяснить эти ограничения и нюансы, которые вытекают из синтаксического смысла выбранной предикативной конструкции — с краткой формой или с полной формой в именительном падеже.

Ключевые слова: предикативное употребление прилагательного, полная форма прилагательного, краткая форма прилагательного

1. Введение. От одной системы к другой

В общих чертах история синтаксиса имён прилагательных от общеславянского до современного русского литературного языка — это история медленного перехода от одной системы оппозиции к другой. В первоначальной системе полная и краткая форма противопоставляются по *семантическому* критерию. Существует сематическая оппозиция *привативного* типа, в которой маркированный термин (членная или полная форма) выражает определённую синтагму. Во второй же, современной, системе оппозиция между полной и краткой формой приняла совсем иной характер: из семантической она превратилась в *синтаксическую*. Краткая форма специализировалась в выражении синтаксической функции *именной части сказуемого*, а «полная форма» — синтаксической функции *определения*. Но по мере перехода от одной системы к другой, полные формы стали всё чаще употребляться и в роли именной части сказуемого, что привело к современной ситуации конкуренции краткой и полной формы в предикативной функции.

В рамках этой работы мы не затронем вопрос об употреблении творительного падежа и сконцентрируемся на некоторых моментах конкуренции между краткими и полными формами *в именительном падеже*. Мы также ограничимся *литературным* языком, так как в менее нормативных вариантах речи краткая форма почти полностью вытеснена полной формой, и последняя часто встречается даже в таких случаях, в которых она не допускается литературной нормой.

Выбор формы прилагательного в именной части сказуемого — одна из сложностей синтаксиса современного русского языка, которая приводит иностранцев в недоумение. В имеющихся в их распоряжении учебниках, грамматиках¹ и даже научных исследованиях для выбора между краткой и полной формой приводятся критерии преимущественно *стилистические* или *семантические*². Предлагая применить к изучению конкуренции полной и краткой форм «бисинхронический метод» Поля Гарда, М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1993] уже настаивала на необходимости учитывать микродиахронический аспект вопроса. [Viellard 2008] и [Sakhno 2010] уделяют особое внимание прагматическому подходу, подчёркивая тесную связь между выбором формы и коммуникативной стратегией говорящего.

Но не принимаются ли здесь следствия за причину? Во всех этих подходах роль синтаксиса как бы оставлена на втором плане. Взаимосвязь синтаксиса и семантических значений кратких и полных форм упоминается в [Viellard 2006], и она еще лучше подчеркивается в труде Г. И. Кустовой:

¹ Например, в [Roudet 2016], самом доступном для французских читателей современном синтаксисе русского языка.

² Для подведения итогов по этому вопросу см. [Кустова 2018: 82]: «Итак, два основных тезиса, выдвинутых в русском языкознании по поводу краткой формы, — (1) краткая форма более книжная; (2) краткая форма используется для актуализации признака — не имеют универсального характера, но применимы к определенным прилагательным (группам прилагательных) и к определенным значениям прилагательных».

Противопоставление «атрибутивность vs. предикативность»³ в целом соответствует противопоставлению прилагательных и глаголов [...] Можно представить себе шкалу, на одном полюсе которой находятся вневременные признаки (прототипические прилагательные), на другом — временные, актуальные ситуации, имеющие привязку к определенному интервалу на оси времени (прототипические глаголы). Относительно этой шкалы прилагательные можно рассматривать как атрибутивно ориентированные и предикативно ориентированные. Атрибутивно ориентированные прилагательные моновалентны, тяготеют к атрибутивной функции, в предикативной позиции для них обычно возможны обе формы — полная и краткая. Предикативно ориентированные прилагательные, наоборот, в норме употребляются предикативно и в краткой форме, для полной формы обычно нужны определенные условия и определенные конструкции⁴.

Но можно пойти еще дальше и задаться вопросом, не играет ли на самом деле синтаксис решающую роль, и не восходят ли нюансы, чаще всего приписанные семантике форм, к более глубокой, синтаксической разнице между конструкциями с краткими формами и конструкциями с полной формой в именительном падеже?

Когда имя прилагательное стоит в краткой форме, оно всегда является предикативным прилагательным. Поскольку в современном языке употребление краткой формы в атрибутивной функции уже невозможно, другой синтаксической интерпретации не может быть. Но не так однозначен статус имени прилагательного, когда именная часть сказуемого сводится к полной форме прилагательного в именительном падеже.

Мы сначала покажем, что существуют структурно-двусмысленные высказывания типа *Река там глубокая*, в которых имя прилагательное может быть интерпретировано не только как именная часть сказуемого, но и как вынесенное в конец предложения определение. Впрочем, эти структурно-двусмысленные высказывания играли значительную роль в распространении употребления предикативных полных форм.-

Мы потом остановимся на тех случаях, в которых принадлежность полной формы к сказуемому не подвергается сомнению. Но мы увидим, являются ли эти полные формы *обычными* предикативными прилагательными, точно как краткие формы, или же они сохранили что-то от своего бывшего синтаксического статуса *определения*.

³ Здесь мы бы хотели подчеркнуть несовпадение французской и русской традиционных грамматических терминологий, которое не должно вводить в заблуждение. Французская грамматическая традиция отличает две основные синтаксические функции прилагательного — «эпитетическую» (*adjectif épithète*, определение) и «атрибутивную» (т. е. предикативную). Получается, что «атрибут» по-русски обозначает прилагательное в функции определения, а по-французски — точно наоборот: *attribut* — это имя прилагательное в функции именной части сказуемого. Ниже слова «атрибут, атрибутивный» употребляются в русском смысле.

⁴ [Кустова 2018: 82–83].

Наконец, опираясь на проведённый анализ полной формы в составе сказуемого, мы покажем, что именно синтаксический подход позволяет объяснить ряд ограничений и нюансов, которые в учебниках русского языка для иностранцев традиционно приписываются семантике полной или краткой формы.

2. Амбивалентный статус полной формы в именительном падеже в «предложениях-моделях» типа *Река там глубокая*

От предложений, в которых полная форма в именительном падеже бесспорно входит в именную часть сказуемого, следует в первую очередь отличать те предложения, в которых статус имени прилагательного не подвергается однозначному синтаксическому анализу и может быть интерпретирован и как определение, и как именная часть сказуемого.

Речь идёт о таких высказываниях, как

(1) *Река там глубокая*

(2) *Тада (sic) время было другое.* [В. М. Шукшин. Крепкий мужик]

Этот тип предложений давно существует в языке. Еще в XVI веке, например в «Хождении на восток гостя Василия Познякава с товарищи», уже встречается такой оборот, как:

(3) *Вода въ нихъ горячая течеть.* [Хождение на восток гостя Василия Познякава с товарищи]

рядом с конструкциями, в которых предикативный статус прилагательного не подвергается сомнению:

(4) *А повыше техъ источникъ течеть источникъ, имя ему Мерра, вода въ немъ холодна, только горька добре.* [Хождение на восток гостя Василия Познякава с товарищи]

Такие предложения, как (3) строятся по схеме: {существительное в именительном падеже + локализатор в виде обстоятельства места или времени + имя прилагательное в именительном падеже полной формы + любой глагол, способный функционировать и как глагол *бытийности*, и как *связка*}⁵.

Структурная (синтаксическая) амбивалентность таких предложений связана со следующими тремя факторами: во-первых, с амбивалентной семантикой глагола (глагола-связки или глагола бытийности); во-вторых, с наличием местного или временного локализатора; и в-третьих, с порядком слов, так как в нейтральном варианте порядка слов в этих предложениях имя прилагательное не предшествует, а следует за существительным и, следовательно, находится в той позиции, которую обычно занимает сказуемое по отношению к подлежащему.

⁵ Для истории появления этой конструкции и более подробного описания ее, см. [Azam 2000: 171–212].

Конечно, в синхронии можно увидеть в предложениях типа *река там глубокая* предложения, которые состоят из 1) подлежащего, 2) глагола, служащего связкой, и 3) предикативной полной форм. Но можно также понимать эти высказывания как предложения *бытийности*, в которых полная форма входит не в состав сказуемого, а в состав синтагмы-подлежащего, где прилагательное является *определением* подлежащего, расположенным после подлежащего по *прагматическим* причинам, так как прилагательное несёт здесь наибольшую информационную нагрузку и является ремой высказывания.

Разумеется, в экспрессивном варианте порядка слов имя прилагательное в именительном падеже может переместиться в начало предложения, сохраняя на себе центр интонационной конструкции (в данном случае ИК 2 в классификации Е. А. Брызгуновой⁶).

(5) *Глубокая там река*

Тем не менее, амбивалентность статуса имени прилагательного сохраняется и в экспрессивном порядке слов.

(6) *А хорошая сегодня погода.* [А. П. Чехов. Дядя Ваня]

(7) *Ужасный сегодня день... Не жарко...* [А. П. Чехов. Три сестры]

Такие предложения, как *Река там глубокая*, которые в синхронии не подвергаются однозначному синтаксическому анализу, мы условно называем *предложениями-моделями* (по-французски *modèles de phrases*)⁷. Они служат матрицами, при помощи которых производятся синтаксически амбивалентные высказывания.

Такие конструкции особенно часто встречаются с локализаторами *у + родительный падеж (у меня, у него...)* для охарактеризования какой-то части тела или черты характера, или с локализатором *на + местный падеж (на нём, на ней...)* для описания какой-то части одежды.

(8) *Почерк у меня скверный.* [А. П. Чехов. Вишневый сад]

(9) *Платье на ней было белое.* [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего]

Особенно интересен следующий пример из произведения Горького, в котором параллельно употребляются два типа предложений.

(10) *Лицо у неё было серьёзное, губы плотно сжаты.* [М. Горький. Васса Железнова]

Локализатор «у неё» стоит на оба предложения. Но второе предложение «губы плотно сжаты» не является предложением-моделью, так как здесь краткая

⁶ [Брызгунова 1980: 109–111].

⁷ Именно эта двусмысленность привела нас к созданию понятия «*modèle de phrases*». «[Nous utiliserons le terme «*modèle de phrases*»] pour qualifier des énoncés qui ne peuvent plus, en russe contemporain, être analysés de manière univoque, autrement dit des énoncés qui peuvent recevoir deux lectures syntaxiques différentes sans qu'il soit possible, synchroniquement, de trancher en faveur de l'une ou de l'autre.» [Azam 2004: 9].

форма однозначно указывает на предикативный статус причастия. Зато в первом предложении «серьёзное» может быть интерпретировано и как именная часть сказуемого, и как определение слова «лицо». А в последней интерпретации слово «лицо» является подлежащим предложения *бытийного* типа, синтаксически построенного как: *у неё серьёзное лицо*, но с другим актуальным членением. Параллельное употребление однозначно предикативных прилагательных или причастий (<у неё> *губы плотно сжаты*) с предложениями-моделями (*лицо у неё было серьёзное*) еще раз подчёркивает синтаксическую амбивалентность самих предложений-моделей.

В иных контекстах, например, при описании погоды, неба, и т. д. локализатор может даже опускаться. Высказывание сохраняет свою синтаксическую неоднозначность:

- (11) *Погода была прекрасная, он радостно вдохнул весенний воздух.* [Л. Н. Толстой. Воскресение]
- (12) *Погода была серая, но тихая и тёплая.* [Николай II. Дневники]
- (13) *Сквозь потолок — небо по-всегдашнему крепкое, круглое, краснощекое.* [Е. И. Замятин. Мы]

Несмотря на формальное отсутствие локализатора, последние три примера тоже являются предложениями-моделями.

3. Полная форма в именительном падеже однозначно входит в состав именной части сказуемого. Синтаксический смысл конструкции

После того, как мы рассмотрели предложения-модели, в которых синтаксический статус прилагательного структурно амбивалентен, изучим теперь высказывания, в которых прилагательное в полной форме в именительном падеже *бесспорно* входит в состав сказуемого.

3.1. Употребление полной формы как номинализация

В рамках настоящей работы мы не будем делать большого экскурса в диахронию, но напомним, что в древнерусском языке первые прилагательные в полной форме в предикативном употреблении появились в результате *номинализации*, чаще всего контекстуальной. Ещё в «Остромировом Евангелии» сказано:

- (14) *Та бждьть послѣдни първи и първи послѣднии. Мънози бо сжть зъванни мало же избъраннихъ.* [Остромирово Евангелие. От Матфея, гл. XX, ст. 16].

В более редких случаях, когда по завершении процесса субстантивации прилагательное полностью превращается в существительное, сохранив только морфологические признаки прилагательного, номинализация уже не зависит от контекста

как в слове «грешный» в следующем примере из Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.):

(15) *азъ ѡсмь **вканьныи грѣшьныи***. [Чудеса Николы. XII в.]

Как в древнерусском, так и в современном языке употребление полной формы в именительном падеже в предикативной функции является *номинализацией*. В обоих состояниях русского языка номинализация бывает чаще всего контекстуальной, но в некоторых случаях процесс номинализации может завершиться до конца⁸.

Традиционное противопоставление высказываний

(16) Он *болен* (il est malade) / Он **больной** (c'est un malade),

которое встречается чуть ли не в каждой грамматике русского, обычно приводится некстати. Оно вовсе не доказывает, что краткая форма сама по себе выражает временный признак, а полная форма — признак постоянный, а просто иллюстрирует один случай полного завершения описываемого процесса номинализации вплоть до полной субстантивации слова «больной» при употреблении этой полной формы в предикативной функции.

Контекстуальная номинализация также очевидна при употреблении превосходной степени имени прилагательного:

(17) Ты *самая умная*

Номинализация особенно ощутима при переводе на такой язык как французский, который требует здесь при прилагательном употреблении артикля, маркера субстантивации: *Tu es **la** plus intelligente*.

Номинализация полной формы при употреблении её в предикативной функции означает, что в составе именной части сказуемого прилагательное **является определением эллиптического существительного-посредника, выполняющего роль главного слова синтагмы (главы синтагмы)**, даже если в поверхностной структуре предложения именная часть сказуемого сводится к прилагательному: *Он умный*⁹.

Существительное, опущенное при контекстуальной номинализации имени прилагательного, может иметь значение либо *тавтологическое*, либо *родовое*.

Тавтологическими мы называем те эллиптические главы предикативной синтагмы, которые были бы простым повтором подлежащего, если бы они были восстановлены.

(18) *Эти фрукты **сочные и волокнистые** — они быстро помогут наладить пищеварение естественным путем*. [www.atlas.ru/blog, 29.06.2021]

(19) *Русский язык **трудный***

⁸ См. [Azam 2000: 91–92; 228–230].

⁹ Ср. с французским: *Он умный. C'est une personne intelligente, c'est quelqu'un d'intelligent. ≠ Он умен. Il est intelligent.*

Родовыми мы называем те эллиптические главы предикативной синтагмы, которые обозначают *род* — не в грамматическом смысле, а в смысле *класса, категории*, к которой принадлежит подлежащее или, точнее, его референт. От подлежащего эллиптическое существительное с родовым значением сохраняет род и число.

(20) *Маши, ты злая*

(21) *Он умный*

Как тавтологические, так и родовые главы предикативной синтагмы по природе своей несут *нулевую* информационную нагрузку, так как их обозначаемое уже полностью содержится в референте подлежащего. И в самом деле, когда речь идёт о *тавтологической* главе предикативной синтагмы, т. е. о простом повторе, то обозначаемое опущенной главы предикативной синтагмы и обозначаемое подлежащего точно совпадают. А когда речь идет о главе предикативной синтагмы с *родовым* значением, то обозначаемое опущенной главы предикативной синтагмы всегда уже входит в определение референта подлежащего.

Здесь ключевую роль играет именно *прагматика*. При такой нулевой коммуникативной нагрузке существительного-главы именной части сказуемого с тавтологическим или родовым значением вся информационная нагрузка именной части сказуемого концентрируется на прилагательном. На нем же находится центр интонационной конструкции, и поэтому говорящий часто освобождает для прилагательного последнее место в высказывании, то есть обычное место, занимаемое ремой.

Вместо

(22) *Он умный человек* (центр интонационной кривой на «умный»)

для выделения признака экспрессивнее сказать

(23) *Он человек умный* (с ремой в конце)

(24) *Он был человек добродетельный*. [Д. И. Фонвизин. Переписка. 1791]

(25) *Она женщина умная и даровитая, но вкус у нее слабоват*. [К. И. Чуковский. Дневник 1922–1935 (1928) НКРЯ]

(26) *Ольга же Ивановна, несмотря на то, что она старуха, до сих пор еще играет роль в том смысле, что она женщина очень забавная, оригинальная*. [С. Ю. Витте. Воспоминания (1911) НКРЯ]

(27) *Театральное дело — дело специальное, и его надо знать*. [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1903)]

При сохранении того же самого актуального членения также возможна *экспрессивная* инверсия ремы в *маркированном* варианте порядка слов:

(28) *Умный он человек*.

(29) *Хорошая она женщина, порядочная, честная, аж до смешного*. [Елена Литинская. Дашины стихи // «Ковчег», 2014. НКРЯ]

Но можно сказать то же самое еще проще, просто опуская ненужное, то есть опуская существительное-посредника с нулевой информационной нагрузкой, которое являлось главой предикативной синтагмы.

И, таким образом, в поверхностной структуре высказывания появляется предикативная полная форма в именительном падеже.

3.2. Синтаксический смысл предикативного употребления полной формы прилагательного в именительном падеже

Когда говорящий приписывает качество подлежащему при помощи краткой формы «*Он умён*», он совершает простую предикацию. Но употребление предикативной полной формы в именительном падеже комбинирует сразу несколько предикаций. Говоря «*Он умный*», говорящий одновременно утверждает три вещи: 1) подлежащее (здесь «*он*») — человек, то есть «*он*» принадлежит к роду людей мужского пола; 2) этот класс подразделяется на две группы: на подкатегорию людей, о которых можно сказать «*этот человек умен*», и на подкатегорию тех, кто лишен этого качества; 3) говорящий *включает* подлежащее в одну из этих подкатегорий: в подкатегорию тех, кто обладает качеством «*умный*», если строится утвердительное предложение («*Он умный*»), или в подкатегорию тех, кто лишен этого качества, если строится отрицательное предложение («*Он не умный*»).

Получается, что при предикативном употреблении полной формы прилагательного признак никогда не приписывается подлежащему абсолютно, а только *относительно*, через главу предикативной синтагмы, опущенную при контекстуальной номинализации прилагательного. Это также означает, что качество всегда приписывается подлежащему по отношению к *остальным представителям класса*, к которому принадлежит подлежащее, и *только* по отношению к этому классу. Таков синтаксический смысл конструкции с предикативной полной формой. А при употреблении краткой формы, наоборот, признак приписывается подлежащему *абсолютно* — в этимологическом смысле, то есть *непосредственно*. Далее мы увидим, почему эта разница чрезвычайно важна.

4. Некоторые конкретные следствия синтаксического смысла предикативной конструкции с полной формой

4.1. Невозможность употребления полной формы, если подлежащее уникально в своем роде

Из синтаксического смысла употребления полной формы вытекает несколько ограничений.

Главное из них заключается в том, что при всей распространённости предикативного употребления именительного падежа полной формы в современном русском, оно в литературном языке остаётся невозможным, если подлежащее является **уникальным в своем роде**. Употребление полной формы включает подлежащее *икс* в подкласс *иксов*, обладающих признаком. Но если в силу своей уникальности подлежащее не принадлежит ни к какому классу, то употребление полной формы блокируется.

В литературном языке такие высказывания, как

(30) (*) *Бог вечный*

(31) (*) *Земля прекрасная*

(32) (*) *КГБ бессмертный*

возможны только в политеистическом мировоззрении, в научной фантастике или если существует несколько КГБ, так как эти высказывания значили бы:

(30') 'Бог принадлежит к классу вечных богов'

(31') 'Земля принадлежит к классу прекрасных земель'

(32') 'КГБ принадлежит к классу бессмертных КГБ'

4.2. Невозможность употребления полной формы, если прилагательное имеет сильное управление

Прилагательные, имеющие сильное управление, то есть такие прилагательные как *довольный чем*, *похожий на*, которые *всегда* управляют собственным дополнением (выражаемым или эллиптическим), не могут употребляться в именной части сказуемого в именительном падеже полной формы в литературном языке.

Сила управления этих прилагательных означает, что качество приписывается ими *только по отношению* к управляемому ими дополнению. Когда говорят:

доволен собой,
похож на отца,

признаки «довольный», «похожий» приписываются подлежащему только по отношению к «себе» или «к отцу», что входит в конфликт со структурным — синтаксическим — смыслом конструкции с именительным падежом полной формы. Из этого вытекает, что такие высказывания, как

(33) **Мальчик довольный собой*

(34) **Мальчик похожий на отца*

с предикативной полной формой невозможны в литературном языке, так как качество приписывается не по отношению к другим мальчикам, а только по отношению к *себе* или к *отцу*. Здесь тоже употребление полной формы блокируется, и остаётся возможным только употребление краткой формы.

4.3. Выражение избытка признака в краткой форме

Легко понять, по каким именно синтаксическим причинам только краткая форма возможна для обозначения избытка признака в высказываниях, в которых говорящий жалуется, что какая-нибудь часть одежды ему не по размеру. В таком случае говорящий может только сказать

(35) *Эта юбка узка*

(36) *Эти брюки широки*

Варианты «*эта юбка узкая*», «*эти брюки широкие*» возможны, конечно, но тогда в силу синтаксического смысла выбора конструкции с полной формой смысл будет таким: «*эта юбка узкая как юбка*», «*эти брюки широкие как брюки*», то есть они принадлежат к категории узких юбок и широких брюк.

В крайнем случае можно бы было сказать:

?*Эта юбка для меня узкая,*

но опять же со значением: «*эта юбка принадлежит к классу узких юбок, а этот класс в целом мне не идёт, мне широкие юбки больше к лицу*». Но если смысл не в том, что узкие юбки мне не идут, а в том, что эта конкретная юбка мне не подходит по размеру, то возможен только вариант

Эта юбка мне узка.

При употреблении полной формы признаки «узкий», «широкий» приписываются только по отношению к остальным юбкам и брюкам. А жалуясь, что юбка не подходит *для меня*, признак приписывается юбке по отношению *к себе*, конечно, а не к другим представителям класса юбок. Поэтому для обозначения любого признака, приписанного не по отношению к классу, полная форма исключена, и возможна только краткая. Как мы видим, выражение избытка в предложениях типа *Эти туфли мне узки* не связано с самой краткой формой или с какой-нибудь семантикой форм, а лишь с отсутствием выбора при невозможности употребить полную форму в данном контексте.

Разумеется, выражение избытка или интенсивности признака вполне совместимо с употреблением краткой формы и в других контекстах:

(37) *Она очень мила, и мы установили контакт.* [М. Я. Гробман. Дневник (1971) НКРЯ]

Но вопреки распространённому мнению, эти нюансы не выражаются преимущественно при помощи краткой формы. Предикативная полная форма вполне совместима с такими наречиями как *слишком*, *очень* или *весьма*, так как говорящий всегда может создать внутри класса *иксов*, обладающих признаком, еще один подкласс — подкласс тех *иксов*, которые обладают тем же признаком в большей степени.

(38) *Она очень милая, но я не люблю ее в обществе молодых людей.* [М. Н. Вишневская. Дневник (1917) НКРЯ]

В высказывании

(39) *Тема эта не просто модная — она весьма актуальная и значимая.* [Т. В. Ершова, В. Черкасов. Информационное общество (2013) НКРЯ]

говорящий просто создаёт, как в матрёшке, дополнительный подкласс в классе «*актуальных и значимых тем*», подразделив его на подкласс *весьма* «актуальных

и значимых тем» и на подкласс *не весьма* «актуальных и значимых тем». И говорящий включает подлежащее («тему») в подкласс *весьма* «актуальных и значимых тем», созданный внутри класса «актуальных и значимых тем».

4.4. Выражает ли полная форма постоянность признака, а краткая — его временность?

Чаще всего *семантически* оправдывают выбор формы в таких ярких примерах, как

(40) *Он болен.*

(41) *Он больной.*

утверждая, что полная форма выражает постоянность признака, а краткая форма — его временность. Но тогда иностранцу не понять, почему говорят

(42) *Бог вечен.*

или

(43) *КГБ бессмертен*

Разве может быть нечто более постоянное, нежели вечность или бессмертность?

На самом деле, текстуальное значение каждого конкретного употребления краткой или полной формы является результатом синергии, в которую входят три компонента: 1) на высшем уровне — синтаксис, а именно синтаксический смысл выбора той или иной предикативной конструкции; 2) лексическое значение прилагательного; 3) контекст или ситуация.

В синергии с иными контекстами *синтаксический* смысл выбора полной формы — включение подлежащего в определённую категорию тех, кто обладает признаком, — может показаться более устойчивым приписыванием признака. Но включение подлежащего в определённый подкласс происходит именно в момент речи. И ничто в самом выборе полной формы не говорит о том, что это включение остаётся в силе навсегда или на всём протяжении существования подлежащего. При употреблении полной формы актом предикации *констатируется* принадлежность подлежащего к категории *иксов*, обладающих признаком *в момент высказывания*, и ничего более.

Если же появится дополнительная информация о том, что включение подлежащего в класс *иксов*, обладающих признаком, остаётся в силе навсегда, то эта дополнительная информация не содержится в самом выборе формы, она может вытекать только из синергии с контекстом или ситуацией.

И поэтому употребление полной формы вполне возможно для приписывания *временного* признака:

(44) Сниму на фоне Эйнштейна, **ты сейчас такая испуганная, такая трепетная.** [Нина Горланова. Филологический амур (1980) НКРЯ]

4.5. *Маша, ты злая* / *Маша, ты зла*.

Какое суждение категоричнее?

В некоторых контекстах

(45) *Маша, ты зла*.

покажется сильнее, обиднее, чем

(46) *Маша, ты злая*.

Но в других контекстах получится наоборот: полная форма покажется резче. Чем объясняется такая противоречивость? Здесь тоже абстрагирование от предполагаемой «семантики форм» и возвращение к синтаксическому смыслу выбранной конструкции позволяют преодолеть противоречивость.

4.5.1. *Маша, ты злая* (Полная форма в именительном падеже)

В примере *Маша, ты злая* сказано, что Маша принадлежит к тем женщинам, о которых можно сказать, что они злые. Не говорится ничего более. Конечно, в определенных контекстах *классификация* Маши в злую половину человечества женского рода при помощи употребления полной формы покажется безапелляционным приговором.

Но в других контекстах при употреблении полной формы слушатель запомнит, прежде всего, что Маша не *одна в своем роде*, что не одна Маша такая злая, что есть и другие женщины, такие же злые, и что признак приписывается Маше только *относительно*, и тогда суждение покажется мягче.

4.5.2. *Маша, ты зла* (Краткая форма)

Как мы увидели (см. выше 3.2), когда вместо полной формы употребляется краткая, то признак приписывается *абсолютно*, а не относительно. Поэтому в некоторых контекстах эта *абсолютность* будет воспринята как предел категоричности (Маша так зла, что в злости ей нет равных, по признаку злости она уникальна в своем роде), а в других ситуациях, наоборот: Маша зла (может быть сейчас), но не настолько зла, что её можно включить в категорию злых женщин при помощи полной формы.

Очевидно, что большую или меньшую категоричность нельзя приписать самой форме прилагательного, а, как всегда, только взаимоотношениям синтаксического смысла выбора той или иной конструкции с определённым контекстом.

6. Заключение

Запреты на употребление полной формы и противоречивость нюансов, приписанных полной и краткой форме предикативного прилагательного, нельзя понять, опираясь только на общепринятые семантические объяснения и не принимая в расчёт исходного статуса *определения* предикативного прилагательного в полной форме именительного падежа.

Если исходить из предполагаемой семантики форм прилагательного, можно ошибочно принять следствие за причину. Рассмотренные в этой работе запреты и нюансы не вписаны в сами формы, а вытекают из взаимодействия с контекстом синтаксического смысла каждой из двух предикативных адъективных конструкций. А именно — из *абсолютного* приписывания признака при употреблении краткой формы и из *относительного* приписывания признака через включение в подкласс *иксов*, обладающих признаком, когда употребляется полная форма в именительном падеже.

Для понимания факторов, определяющих выбор между краткой и полной формой, на первое место необходимо поставить именно синтаксис.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. С. 96–122.

Кустова Г. И. Прилагательные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 40–107.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 тт. Т. 6: (овадь — покласти) / Улуханов И. С. (гл. ред.). М.: Рус. яз., 2000.

Azam O. Syntaxe historique de l'adjectif russe des origines à nos jours. Thèse de doctorat, Paris-Sorbonne, 2000.

Azam O. Les modèles de phrases en russe contemporain // Essais sur le Discours de l'Europe éclatée. № 20. 2004. P. 5–20.

Guiraud-Weber M. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // Revue des études slaves. 65 (1). 1993. P. 81–95.

Roudet R. Grammaire russe : Tome 2. Syntaxe. Paris, Institut d'Études Slaves, 2016. 398 p.

Sakhno S. La syntaxe de l'adjectif attribut russe // ELAD-SILDA. 4. Lyon, 2020. P. 1–11.

Viellard S. L'adjectif attribut en russe contemporain: entre syntaxe et effets de discours // Revue des études slaves. 77 (3). 2006. P. 81–95.

Viellard S. Le traitement énonciatif de l'adjectif attribut en russe contemporain // *Roudet R. & Zaremba Ch.* [ред.]. Questions de linguistique slave. Études offertes à M. Guiraud-Weber. Aix-en-Provence, PUP, 2008. P. 351–366.

Olivier Azam

École normale supérieure / Centre de Linguistique en Sorbonne

(France, Paris)

azamoam@club-internet.fr

**THE SYNTACTIC MEANING OF THE PREDICATIVE USE
OF THE FULL FORM OF THE ADJECTIVE
IN THE NOMINATIVE CASE
AND ITS SEMANTIC IMPLICATIONS**

The choice between the use of the short form of a predicative adjective and its full form in the nominative case is most often explained semantically. This paper, on the contrary, takes a syntactic approach to this question. When the short form of a predicative adjective is used, the attribute expressed by this adjective is given to the substantive subject of the clause absolutely, that is, directly. But when the speaker uses the nominative of the full form of the adjective (*эти фрукты сочные, он умный*), the feature is given only relatively, via an elliptic noun with a tautological or generic sense. The intermediary noun is omitted due to its total lack of informative load and in the surface structure only the adjective remains.

This paper shows that any predicative adjective in the full form in the nominative case is originally an attributive adjective, and it can be used predicatively only as a result of nominalization, which has a decisive influence on the choice between the nominative case of the full form and the short form of the adjective. Several restrictions on the use of the predicative full form are further discussed: the inability to use the full form if the subject is unique in its kind or if the adjective has a strong government. A number of semantic nuances traditionally attributed to the semantics of each form are also discussed, such as the expression of a temporary or permanent feature depending on the chosen form and the expression of an excess of feature when the short form is used. It is shown that it is the syntactic approach that allows us to explain these limitations and nuances which stem from the syntactic sense of the chosen predicative construction, with a short form or with a full form in the nominative case.

Keywords: predicative use of adjective, full form of adjective, short form of adjective

References

Azam O. *Syntaxe historique de l'adjectif russe des origines à nos jours*. Thèse de doctorat, Paris-Sorbonne, 2000, 353 p.

Azam O. Les modèles de phrases en russe contemporain // *Essais sur le Discours de l'Europe éclatée*. 2004, no. 20, pp. 5–20.

Bryzgunova E. A. Intonacija. *Russkaja grammatika: v 2 tomah* [Russian Grammar]. N. Ju. Shvedova (Ed.). Vol. I. Moscow, "Nauka" Publ., 1980, pp. 96–122. (In Russ.)

Guiraud-Weber M. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne. *Revue des études slaves*. 65 (1), 1993, pp. 81–95.

Kustova G. I. [Adjectives]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo jazyka. Vyp. 3. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for a corpus grammar of the Russian language. Vol. 3. Parts of speech and lexical-grammatical classes]. St. Petersburg, “Nestor-Istorija” Publ., 2018, pp. 40–107. (In Russ.)

Roudet R. *Grammaire russe: Vol. 2. Syntaxe*. Paris, Institut d’Études Slaves, 2016. 398 p.

Sakhno S. La syntaxe de l’adjectif attribut russe. *ELAD-SILDA*. 4. Lyon, 2020, pp. 1–11.

Slovar’ drevnerusskogo jazyka (XI–XIV cent.) [Dictionary of Old Russian language]. 10 vv. Vol. 6: (ovad# — poklasti). I. S. Ulukhanov (ed.). Moscow, “Rus. yaz.” Publ., 2000. (In Russ.)

Viellard S. L’adjectif attribut en russe contemporain: entre syntaxe et effets de discours. *Revue des études slaves*. 77 (3), 2006, pp. 81–95.

Viellard S. Le traitement énonciatif de l’adjectif attribut en russe contemporain. Roudet R. & Zaremba Ch. (eds.). *Questions de linguistique slave. Études offertes à M. Guiraud-Weber*. Aix-en-Provence, PUP, 2008, pp. 351–366.

Я. Э. Ахапкина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
yakhapkina@hse.ru

КОРПУС РАННЕГО ДЕТСКОГО ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Корпуса нестандартной русской речи, создаваемые в школе лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», призваны стать представительной базой речевых данных для анализа узуса, для сопоставления живого функционирования языка и рекомендательных норм, для изучения динамики русской речи. Развиваются корпуса речи инофонов и эритажных говорящих, молодых носителей, русской речи позапрошлого столетия, региональной речи. Один из таких ресурсов — *Корпус раннего (начального) детского письма*. Коллекция снабжена метаданными и размечена с точки зрения отклонений от стандарта. Материал корпуса позволяет анализировать грамматические и орфографические аномалии, проливающие свет на устройство языковой системы. В частности, на материале корпуса можно проследить специфические черты словоупотребления, зафиксировать неканоническую сочетаемость, обнаружить системные аграмматизмы. Данные могут быть рассмотрены на фоне Национального корпуса русского языка и интернет-узуса и дают возможность рассуждать о становлении речевой системы в онтогенезе. Формирование навыка письменной речи отражает этапы фонетического письма, гиперкоррекции и приближения ко взрослой норме. Свободные жанры (изложение, сочинение) дают возможность проследить становление навыков выбора слова и конструкции, поэтапного оформления синтаксической структуры и целостного текста. Ошибки показывают зоны сложного выбора и дают представление о конкуренции стратегий в поиске адекватных замыслу средств выражения. Выявляются тактики упрощения задачи, связанные с ориентацией пишущего на принцип аналогии (графической, фонетической, грамматической, семантической) и на учет частотных, регулярных, формально прозрачных образцов.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: лингвистический корпус, нестандартная речь, русский язык, детское письмо, отклонения от рекомендательной нормы, грамматика, орфография

Живая устная и спонтанная письменная речь далека от кодифицированного стандарта. На отличия разговорной речи от нормативной литературной обращали внимание и в первой половине XX века, в связи с изменением узуса, и в последней трети прошлого столетия, когда обострилось внимание к коллоквиалистике. Диалектная и региональная речь — традиционный объект лингвистического анализа, позволяющий понять, как формировалась языковая система в прошлом. Речь носителей языка обнажает те особенности системы, которые характеризуют ее специфические, идиозтичные черты. Детская речь занимает в этом ряду нестандартных идиомов особое место. Изучение становления индивидуальной языковой системы позволяет понять, каковы механизмы функционирования этой системы. Наряду с описанием становления фонетики, лексики и грамматики устной речи принципиально отслеживание особенностей освоения речи письменной [Цейтлин 2000].

Нестандартная речь активно изучается методами корпусной лингвистики. В работах Е. В. Рахилиной и соавторов пристально рассмотрены речь инофонов на материале корпусного ресурса RLC [Полинская, Рахилина, Выренкова 2014, Рахилина, Марушкина, 2015, Vyrenkova, Rakhilina 2017, Рахилина, Выренкова, 2018, Казкенова, Рахилина 2019] и язык XIX века на фоне современной нормы на материале корпусного анализа текстов М. Ю. Лермонтова [Рахилина, Резникова, Бородина, 2016, Рахилина, Фесенко 2017]. Грамматика ошибок — перспективное направление в описании стандартной грамматики русского языка в динамике [Рахилина 2014, 2015, 2016]. Расхождения с рекомендательной нормой обсуждаются на материале *Корпуса русских учебных текстов* [Zevakhina, Dzhakupova 2015, Ахапкина, Буйлова 2016, Ахапкина 2019б]. Корпусному анализу детской речи посвящены работы [Эйсмонт 2017, Ахапкина, Сосновцева 2017, Ахапкина 2019а].

Одним из инструментов для анализа становления навыков письменной речи выступает корпус раннего детского письма. Коллекция текстов собирается в разных городах (среди них Воронеж, Красногорск, Москва, Нижний Новгород, Обнинск, Санкт-Петербург, Севастополь, Среднеуральск, Чебоксары, Череповец), снабжается данными об информантах и размечается морфологически и эрратологически (с точки зрения несовпадений с рекомендательной нормой). Среди способов пополнения коллекции важное место занимают плановые и творческие учебные работы, предоставляемые учителями, задания студентов-практикантов, выполняемые школьниками, сохранившиеся домашние коллекции ранних письменных текстов.

Пример задания студента-практиканта представлен на рисунке 1.

Информантами выступают старшие дошкольники и младшие школьники. Собранные тексты принадлежат к разным жанрам: изложения, сочинения, ответы на вопросы, бытовые сообщения, описания рисунков. Метаразметка указывает на пол и возраст автора, жанр текста, регион и время создания этого текста. Ресурс предназначен для исследователей и педагогов. В коллекции на 2022 год содержатся 981 документ, 8761 предложение, 63 473 слова.

Задание 1

На картинке спрятались сказочные персонажи. Найди их. Опиши, кто и где спрятался.

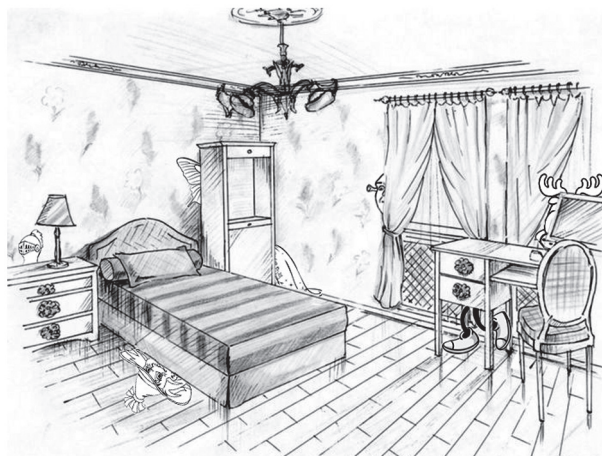

Рисунок 1. Пример задания студента-практиканта для информанта-школьника

Ранние письменные тексты отличаются специфическими особенностями: они отражают наивное владение языком; характеризуются чертами, обнаруживаемыми у взрослых наивных носителей как неконтролируемая особенность и в поэтической речи как прием; реализуют потенциальные языковые модели, действие которых в речи взрослых компетентных носителей языка ограничено нормой. На спонтанном письме сказывается опыт электронного взаимодействия (особенности переписки в социальных сетях и мессенджерах, смс-сообщений — черты устно-письменной речи). Ряд особенностей дошкольного предписья сохраняется дольше ожидаемого. Некоторые особенности схожи с отклонениями от стандарта в речи билингвов.

Рассмотрим такую характерную для детского письма особенность грамматики, как потенциальное словообразование. В примере 1 школьником употреблено прилагательное *призывистый*, не соответствующее кодифицированной норме² (в частности, отсутствующее в [МАС]: после статьи *призываться* следует статья *призывник*; в [БТС]; в [Ефремова 2000]).

Пример 1. *Через несколько минут раздался **призывистый** свист* [10 лет. Изложение. По К. Г. Паустовскому].

Информант образовал отглагольный атрибут по модели суффиксации усеченной основы (без суффикса-показателя этой глагольной основы -а-: *призыв-а-ть*) при помощи форманта -ист-, ср. *задиристый* от *задирать(ся)*, *напористый* от *напирать*, *прижимистый* от *прижимать* [Морфология / под ред. акад. В. В. Виноградова]. Академическая грамматика так описывает значение этой серии дериватов:

² Далее в примерах из детской речи сохраняется орфография оригинала.

'характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом', часто с отенком 'склонный к действию': *прерывистый, залиvistый, поджаристый, раскатистый, порывистый* [РГ-80].

Прилагательные на -истый активно сочетаются в авторской речи с именами звуков, что наглядно показывает коллекция Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), причем примеры XX века датируются разными периодами, не только рубежом XX–XXI веков, см. в порядке обратной хронологии:

Пример 2. — *Здравствуй*, — сказала она, услышав **напористый** голос Брюханова. [П. Проскурин. Судьба. Книга вторая. Не отринь (1993)]

Пример 3. *По середине мостовой шла группа солдат-саперов, донесся смех, перебористые* звуки губной гармошки. [Ю. Бондарев. Берег (1975)]

Пример 4. *Чей-то хриплый, надсадистый* голос покрывает общий гул голосов. [В. Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)]

Пример 5. *Совсем издалека, из-за лесистого увала, удаляясь, опять приплыл ослабевший перекатистый* крик: «*Ра-аа — а-урр-ррра-а-а!*». [М. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)]

Пример 5. *Народ шумел одним грузным усадистым* голосом; до Дванова доходил лишь безмолвный гул. [А. Платонов. Чевенгур (1929)]

Пример 6. *Вечером кто-то пьяным, надрывистым* голосом прокликает злодея Черномора, горемычную крестьянскую жизнь, помещиков и самого господ бога, попускающего такие гадости. [А. Богданов. Бунт (1926)]

Большим поклонником прилагательных и наречий с суффиксом -ист- был Н. С. Лесков. Многие -ист-лексемы его идиостиля окказиональны. Определяемыми при -ист-атрибуте могут быть имена людей, животных, неодушевленных предметов, действий:

Пример 7. *И несмотря на это, деревенские родственники нарочно и подсылают такую тетку*. — *Эта*, — говорят, — **управистая**. *За исполнение исковых поручений «тетка» урвет себе кус из взысканных денег и возьмет «отсыпного», т. е. Отсыплет чаю, сахару, кофе.* [Н. Лесков. Пагубники (1885)]

Пример 8. *У него дышловики* были сильные и **опористые**: *могли так спускать, что просто хвостом на землю садились* [Н. Лесков. Очарованный странник (1873)]

Пример 9. *Кокотки это по всей внешности их — дамы*, и подчас даже самые **казистые**, самые представительные дамы, которые одеваются у Изомбар, Андрие и Мошра [Н. Лесков. Русские общественные заметки (1869)]

Пример 10. *Существо это кряхтит потому, что оно уже старо и что оно не в силах нынче приподнять на дугу укладистый* казанский **тарантас** с тою же молодецкою удалью, с которою оно поднимало его двадцать лет назад, увозя с своим барином соседнюю барышню. [Н. Лесков. Некуда (1864)]

Пример 11. *Каганец погасили, и в комнате все стихло, только за досчатую перегородкою два семинариста долго за полночь бубнили вслух: один **отчетисто**, с сознанием своего собственного достоинства и достоинства произносимых слов, **вырубал ...** а другой заливчато зубрил ...* [Н. Лесков. Засуха (1862)]

Н. С. Лесков образует и отыменные -ист-дериваты с семой интенсивности признака: *видишь эту **дылдистую фигуру**; сделать на своем **седлистом вертлюге ... поворот**; роста невеликого, а лица долгого и **носа** большого, ко рту **похилистого**; один из глубоких **тинистых омутков**; **фразистая шумиха** слов.*

Наследником Н. С. Лескова в сфере -ист-деривации стал Е. И. Носов [Бобунова 2015]: *шагалистая песня, пришепистые шажки, разломистый ветер, укормистые тонкотравные луга, угонистая разновсячина <по влажным берегам росла> (угонистая ‘быстро растущая’), дерябистый разлом (в хлебе), см. комментарий М. А. Бобуновой: «с опорой на контекст полагаем, что диалектный глагол *дерябать* — ‘рвать, разрывать’ [Словарь русских народных говоров. 1965–2010. Вып. 8. С. 30 <ссылка внутри цитаты — Я. А.>] является производящим для наименования *дерябистый*».*

Прилагательные с формантом -ист- активны в говорах Приамурья [Садченко 2014]. В классе отглагольных прилагательных с суффиксом -ист- в этой работе выделены следующие модели.

Модель 1. Усеченная основа глагола + суффикс -ист-: ***сбежистый** ← сбежаться; **прогонистый** ← прогнать.*

Модель 2. Основа глагола + суффикс -ист- с интерференцией (наложением): ***колесистый** ← колесить, **буянистый** ← буяннить.*

Обе модели соответствуют продуктивным моделям литературного языка, как отмечает В. Т. Садченко; общее значение суффикса в выделенных моделях отглагольных прилагательных — ‘имеющий склонность к какому-нибудь действию’, ‘характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’.

Для существительных с семантикой звука в литературном стандарте типична сочетаемость с прилагательными на -истый: *заливистый хохот, раскатистый бас, прерывистый кашель.* Это поле стало образцом для образования окказионализма школьником в примере 1: *призывистый свист.* В отличие от нормативного *призывный свист* у -ист-прилагательного исчезает сема цели и идея орудийности, средства (*призывный* = ‘свист, предназначенный для того, чтобы призвать адресата, привлечь его внимание’). Вероятно, влияние оказала и общая регулярность разных -ист-образований, в частности типовая паронимия прилагательных с омонимичным -ист- (*болотистый-болотный, гористый-горный*), ср. **призывистый*^{ок}*призывный.* В паронимические отношения вступают в системе не только отыменные прилагательные, но и отглагольные, с искомым -ист-: *отрывистый-отрывной* [Бельчиков, Панюшева 2002].

Можно предположить идею предназначенности, целеполагания в прилагательном с -н- *отрывной* ('предназначенный для отрыва') в отличие от *отрывистый*, однако в МАС не акцентируется предназначенность в *призывный*:

ПРИЗЫВНЫЙ, -ая, -ое. Призывающий, являющийся призывом (во 2 знач.), звучащий как призыв. *Знакомый глас, призывный стон Из тихой бездны вылетает.* Пушкин, Руслан и Людмила. *В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался.* Арсеньев, Дерсу Узала.

При этом лексемы с суффиксом -ист- могут включать сему приспособленности к задаче (варианта предназначенности):

ПРИЁМИСТЫЙ, -ая, -ое; -мист, -а, -о. *Спец.* Легко управляемый, удобный в работе, в действии. *Приемистая машина. Подвернулись ему на глаза кем-то оброненные у каретника клещи. Он поднял, попробовал, каковы они в руке — приемисты ли, осмотрел цевки.* Федин, Костер.

Сема цели возможна и в отыменном -ист-прилагательном: *тернистый* — 'требующий усилий для преодоления' (схожий с путем, заросшим колючим кустарником — терном, терновником).

Окказионализм *призывистый* встречается в наивном творчестве взрослых носителей языка:

Пример 12. *Глаза любимые — призывистый маяк. С сердец морзянкой — путь к причалу.* (Г. Кипнис. 2011)

Пример 13. *Как там живётся-дышится, Везде, где нас и нет?! Покажется-услышится Призывистый привет.* (В. Афанасьевич. 2011)

Пример 14. *Манок был сделан из коктейльной трубочки красного цвета, язычок был изготовлен из сплава той же трубочки; издавал манок очень громкий нежный, призывистый звук петушка рябчика.* (А. Кадушкин. Мой первый рябчик. 2016)

Пример 15. *В наши дни, идя на войну, мы слышим призывистый бой барабанов в сочетании с торжественной музыкой военного марша.* (Музыка во всех ее проявлениях. 2013)

Призывистый звук издают рябчики, собаки, маралы; *призывистым* описывают барабанный бой. Призывистым, помимо звука, в речи взрослых наивных носителей языка выступают *мрак, маяк, привет.*

В изложении информанта *призывистым* был *свист*. Типовая сочетаемость существительного *свист* по Национальному корпусу русского языка такова:

пронзительный (по запросу «Раздался пронзительный свист» 12 примеров в НКРЯ), в частности:

Пример 16. *Раздался пронзительный свист — как будто флейта взяла самую высокую ноту, — и остро мелькнувшая в воздухе стрелка ударила Ворона в грудь.* [В. Каверин. Верлиока (1981)]

переливчатый:

Пример 17. Раздался **переливчатый свист**. И Андрей со Степаном по примеру соседей взяли за длинную дубовую скобу, прибитую к вальку весла. [В. Крашенинников. Мальтийский крест // «Вокруг света», 1994]

оглушительный (по запросу «Раздался **оглушительный свист**» 4 примера в НКРЯ):

Пример 18. Лежа на ней животом, услышал, что сзади, в первом дворе, раздался **оглушительный свист** и Неронов голос, а в этом, третьем, дворе, в черном окне из второго этажа на него глянуло искаженное ужасом женское лицо и тотчас исчезло. [М. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]

Эти атрибуты (*пронзительный, переливчатый, оглушительный*) наряду с *заливистый (смех, хохот, лай)* создают слоговую, акцентную и эвфоническую инерцию для окказионализма *призывистый*. В исходном тексте К. Г. Паустовского смех были *тихим призывным*: *Через несколько минут я услышал его **тихий призывный свист***. Конструируя пересказ *Раздался призывистый свист*, информант формирует амфибрахическую ритмическую структуру с эффектом ассонанса и аллитерации (*вист-вист*). Эта фонетическая поддержка становится дополнительной опорой для окказионализма.

Таким образом, на разных уровнях языковой системы (ритмико-звуковом, грамматическом, лексическом), а также в речи — в узусе и в прецедентных текстах — есть опора для появления окказионализма, не противоречащего правилам словообразования, но не кодифицированного рекомендательной нормой.

К другим особенностям речи, фиксируемым корпусом начального детского письма, относятся неканонические употребления форм грамматического числа существительных, сдвиги в синтаксической анафоре, вольное обращение с семантикой местоименной неопределенности, ненормативное управление и падежные замены, нарушения в выборе вершинного глагола в словосочетании, особенности согласования и референции, специфические синтаксические и ритмические конструкции.

Употребление форм множественного числа существительных вместо единственного характерно для архаизирующихся (утрачивающих актуальность) формул и идиом, как в примере 19 (с абстрактным существительным в неканонической форме мн. ч.), а также для собирательных и вещественных имен *sg tm*, особенно в однородном ряду счетных имен в форме мн. ч., как в примерах 20 (с собирательным) и 21 (с вещественным существительным во мн. ч.):

Пример 19. Я просытаюсь рано утром, и мой хозяин **ведёт** меня **по нуждам**. [12 лет. Сочинение. Мой день глазами собаки]

В примере 19 контаминируют формулы *ходить/выйти по нужде* и *вывести/выводить собаку*, при этом существительное из пассивного словарного запаса приобретает форму мн. ч. Ср. нормативное употребление лексемы в другом значении в форме мн. ч. с ударением не на окончании, а на основе: ^{ок}*по нуждам библиотеки*,

исторического момента, товарищей (в значении ‘потребность, необходимость’, фиксируется полная числовая парадигма: *рисковать без нужды*, ед. ч. и *нужды трудящихся* мн. ч.; в этом употреблении наблюдается свободная сочетаемость).

Пример 20. *Она была очень добрая и у неё были прислуги.* [9 лет. Спонтанное письмо. Ответы 41].

Пример 21. *Там будут жить конфеты: печеньки, мармеладки, ещё карамели.* [9 лет. Спонтанное письмо. Ответы 41].

Ранняя устная детская речь также характеризуется восстановлением ущербных парадигм по аналогии с полными: дети 1–5 лет системно игнорируют явления pl tm и sg tm [Цейтлин 2020: 93–97].

В ранней детской письменной речи наблюдается сдвиг анафоры: род существительного не совпадает с грамматическим родом глагола в прошедшем времени и (или) местоимения, как в примерах 22 и 23, местоимение при этом теряет антецедент, как в примере 24:

Пример 22. *Однажды в конфетном царстве жил была была бедная конфетка его некто не любил потому что он был бесвкусный.* [9 лет. Сказка]

Пример 23. *У мышонка Пика была большая норка не простая норка а волшебная, он был волшебным потому что когда мышонок Пик вечером пришёл с охоты говорил такие слова “дверь дверь откройся” а когда закрыть его он говорил “дверь дверь закройся”.* [9 лет. Сказка]

Пример 24. *Откручу крышку и проколю нагретой иглой. Продену верёвочку и продену её. Завяжу узелок и закручу крышку.* [9 лет. Покормите птиц зимой]

В замысле автора примера 24 остается невыраженный фрагмент (сперва продену веревочку в игольное ушко; затем продену веревочку с помощью иголки в дырочку на крышке), из-за эллипсиса локуса при глаголе *продеть* возникает семантическая и синтаксическая лакуна, нарушающая нормативную референцию местоимения *ее*: формируется плеоназм, фраза выглядит как самодублирующая.

Ошибки референции тесно связаны с другими местоименными сбоями. В частности, с употреблением неопределенных местоимений. В примере 25 возможна как фонетико-графическая ошибка, приводящая к грамматическому сбою (проявление редуцированного окончания в словосочетании с согласованным атрибутом по принципу гиперкоррекции: ^{ок}*какой-то палочкой* → **какое-то палочкой*), так и собственно грамматическая, связанная с заменой знака для прямого объекта при вершине *пишет*: ^{ок}*что-то* → **какое-то*:

Пример 25. *А после садится за стол и пишет какое-то палочкой.* [11 лет. Сочинение. Мой день глазами кошки]

В современном молодежном узусе активна оценочная конструкция с местоименной заменой внешне схожего типа (меняется не только первый компонент

формулы с *так* на *такое*, но и сочетаемость всей конструкции, при этом обратная замена оказывается возможна не во всех контекстах): *так себе* → *такое себе*, ср. примеры 26–28 из интернет-дискурса с просторечным употреблением указательного местоимения без определяемого в функции предиката низкой оценки *такое себе*.

Пример 26. *Есть аналогичный вариант, но на 15 дюймов? семнашку та-скать **такое себе** как по мне.* 31.12.2021

Пример 27. *Облачный гейминг **такое себе**. Пробовал с дачи играть на домашнем городском компе через ноут, по Steam Remote Play.* 11.04.2022

Пример 28. *Ну в Челябине **такое себе** покупать квартиру. Экология вся убитая, что уже даже дожди цементные идут.* 6.04.2022

Ошибки управления традиционно лидируют и в спонтанной речи взрослых носителей языка, и в речи инофонов, и в детской письменной речи. Существуют зоны системных падежных замен, описанных М. В. Русаковой для носителей [2013] и Е. А. Власовой для русско-финских билингвов [2020].

Традиционные падежные сбои часто обусловлены контаминацией конструкций. Так, управляющее слово может наследовать управление синонима (^{ок}*мнение о чем* → **точка зрения о чем*), антонима (^{ок}*опасен кому* [Розенталь 1986: 130] → **безопасен кому*), паронима (^{ок}*относиться к чему* → **соотноситься к чему*), потенциально — гиперонима / гиперонима или аналога. Важной причиной сбоя служит аналогия с устойчивым сочетанием схожего звучания, но иного значения. Рассмотрим с этой точки зрения пример 29.

Пример 29. *Когда **процентов на спасение** осталось мало в каюту ворвался Мофук.* [9 лет. Сочинение]

Нормативна конструкция *мало надежды/шансов на спасение*. Винительный падеж в примере 29 расширяет значение, конструкция расширяет лексическую сочетаемость (*осталось мало *процентов на спасение*). В норме есть опорная для сбоя из примера 29 конструкция *процентов (проценты) на* + винительный с различным лексическим и морфологическим наполнением (различаются части речи и семантика). Ниже приведены иллюстрации к употреблению вариантов конструкции из интернет-узуса.

А. Процентов на X, где X — числительное (синтаксически выражено значение приблизительности):

*A108 загружена **процентов на девяносто**.*

Б. X процентов на Y, где Y — тенденция к изменению результата, или меняющееся численный итог событие или явление, или причина потерь, реализуется семантическая роль негативной цели, источника предсказуемого ущерба, издержек (*на инфляцию, на усушку-утруску, на налоги*):

*По номиналу. Плюс триста **процентов на инфляцию**.*

В. X процентов на У, где У — участник дележа целого, или носитель слагаемого из суммы, или планируемая (позитивная, в отличие от Б) цель трат, или потребитель товара/услуги:

Вы видите разбивку: 27 процентов — на Китай.

Законные шесть процентов на развитие партийной деятельности и для вашего личного пользования.

Г. X процентов на У, где У — вероятное событие / положение дел (не цель, не издержки):

Оставим 6% на ревность как причину убийства банкира.

Д. X процентов/проценты на У, где У — начальный капитал (собственные средства, кредит), имеются в виду не проценты от заранее заданного целого, а проценты, увеличивающие общие траты:

Проценты на сумму долга начнут начисляться с первого же дни после оформления кредита.

Результатом взаимовлияния формулы *мало надежды/шансов на спасение* и вариативной по семантическому наполнению конструкции *процентов на + винительный* (здесь — в варианте Г, вероятностном) становится сбой ***процентов на спасение** *осталось мало*.

В примере 30 ненормативно употреблена локативно-целевая конструкция.

Пример 30. *Потом мы будем ложится в ночлег.* [9 лет. Ответ на вопрос]

Употребление предлога *в* вместо *на* и широкая относительно современной нормативной сочетаемость с глаголами-вершинами (*попасть, возвратиться, уехать в ночлег*) характеризовала эту конструкцию в конце XIX — нач. XX вв., что ясно из данных НКРЯ:

Пример 31. *Если бы и случился такой грѣхъ, что одинъ, отшатнувшись отъ компани, попалъ въ ночлеги на съѣзжую, то артель не замедлитъ отрядить на хлопоты...* [С. Максимов. Питерщикъ. (Похожденія кулачка). (1871)]

Пример 32. *Со всех трех лошадей сняли они гривы, дабы возвратившись в ночлег свой показать, что лошади поколели а не проданы, однако под сим видом, когда при конвое нет хозяина лошадей, работники нередко лучших из них съедают, а гривы привозят домой.* [Г. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним (1808–1809)]

Пример 33. — *Не могу знать, баринъ. «Подушку... Саквояжъ и подушку... Нѣтъ, ужъ это значитъ въ ночлеги уѣхала... Надо выручать... Надо какъ можно скорѣй выручать ее отъ Голубковой... А то налетятъ на нее эти контрбасы, кларнеты и скрипки у Голубковой...* [Н. Лейкин. В неладах (1903)]

Диахронический фон показывает, что мена предлога при словоформе винительного падежа *ночлег* не противоречит системе, хотя и ограничена современной нормой.

Конкуренция темпоральных предложного и винительного падежей разрешается в пользу неканонического варианта в конструкции с лексическим элементом *день рождения*:

Пример 34. *Я представляю что в моём день рождении будет вкусный шоколатный торт, клубничное мороженое, холотый лемонад, угошение. ... И в своём день рождение быть радостной, весёлой и очень доброй, и много, много очень весёлого.* [9 лет. Спонтанное письмо. Ответы27]

Пространственные винительный (направления) и предложный (места) также вступают в отношения конкуренции.

Пример 35. *Я бы хотела что бы были ливты на **которых** сел и сразу поехал бы в школу.* [10 лет. Сочинение. Вертолеты 35]

Конкуренция управления глаголов *сесть* (во что, куда — *на/в лифт(ы)*) и *поехать* <в школу> (на чем, в чем, где — *на/в лифте(ах)*) создает зону риска для выбора падежа анафорического местоимения *которые / которых*. В примере 35 выбор сделан в пользу неканонического для этой конструкции падежа — предложного.

О конкуренции падежей в речи русско-финских билингвов в работе Е. А. Власовой сказано, что предложный и творительный активно вытесняются родительным, творительный и родительный могут быть вытеснены дательным, винительный изредка вытесняется родительным и творительным, см. таблицу в статье [Власова 2020: 379]. По данным этой работы, родительный может вытесняться предложным.

В речи школьников-носителей контаминируют конструкции с объектным предложным и родительным:

Пример 36. *Там было о коговато **мышя*** [8 лет. Пересказ фильма. «Харли Квин»]

Конкурируют предлоги *о* и *про*, наблюдается контаминация синонимичных конструкций *об Хе* с предложным и *про Ха* с родительным падежом).

В примере 37 наблюдается замена дательного адресатного родительным. Контаминируют фонетически и семантически близкие конструкции *приглашать кого* и *предлагать кому*:

Пример 37. *Хоть орёл и не понимал человеческой речи, он он понял, что **его** предлагают лепёшку* [11 лет. Изложение. Пшеничная лепешка]

Замена корректного *ему* на аномальное *его* в словосочетании *ему (*его) предлагают лепешку* демонстрирует расподобление: окончание винительного падежа женского склонения -у в объектной позиции вызывает диссимилятивное *его* вместо созвучного *ему* в адресатной позиции.

Особый вариант оформления предложно-падежной конструкции получается при дублировании предлога в приставке: *ис-Р из X-а* (*исходить из комнаты* как *исходить из предположения, убеждения* — в современном узусе сохраняется переносное употребление). Пример 38 демонстрирует выбор архаичного глагола, стимулированный предлогом из препозитивного обстоятельства (ср. нормативные опорные для сомнительного [?]*звук исходил из комнаты* конструкции ^{ок}*звук раздался / раздавался / (по)слышался из комнаты* и ^{ок}*мальчик выходил из комнаты*):

Пример 38. *Прибежав в ту комнату, из которой он <звук> исходил, я поняла, что это упал с кровати небольшой мальчик.* [12 лет. Сочинение]

Дублирование предлога в глагольной приставке широко представлено в русской нормативной речи вплоть до современности. Приведем примеры разного времени с *до*, *по* и *из*.

— До- до X-а-родит.: **дойти до** подошвы горы, **доехать до** роши, **добежать до** места:

Пример 39. *И хотя с немалым истощением сил, но, вспоминая о вас, **добежал до места.*** [А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790)]

— По- по X-у-дат.: **пойти по** дороге, **поплыть по** реке, **полететь по** небу:

Пример 40. *В это время со страшным треском, с которым горит, может, только свиной жир, из развалившегося сарая словно бы выстрелило — сало! Сало! — закричали умудренные жизнью обыватели — и куски его, будто фейерверк, **полетели по небу.*** [Ю. Петкевич. Живые цветы зимой (2001)]

— Ис- из X-а-родит.: **исключить из** правила, **исходить из** гипотезы, **исчезнуть из** поля зрения:

Пример 41. *Промедление было невозможно — звезда Поллукс **исчезла из поля зрения всего на 5 секунд.*** [С. Лесков. Поллукс исчезла на пять секунд // «Известия», 2002.04.08]

Формула *исходить из* + локус в современной речи преимущественно реализуется метафорически: откуда-либо исходит *инициатива, информация, музыка, оппозиция*.

Пример 42. *Инициатива исходила из Петрограда, где еще помнили традиции реабилитационной работы Врачебно-полицейского комитета.* [Н. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2015]

Пример 43. *Интересно, что подобная информация исходила из кругов, близких к власти и к нашим спецслужбам.* [П. Вошанов. Проект «враги народа» // «Новая газета», 2003.01.02]

Пример 44. *Любой жест был самой музыкой, которая исходила из кончиков пальцев, палочки, спины [С. Спивакова. Не всё (2002)]*

Пример 45. *Самая большая оппозиция Чаплину исходила из Голливуда, где считали, что фильм нанесет непоправимый урон прибыльному европейскому прокату американских фильмов.* [С. Фрумкин. Благодарность за воспоминания // «Вестник США», 2003.09.03]

В примере 38 из комнаты исходит звук, что до некоторой степени отвечает метафорическому образцу. Но в примерах 42–45 в позиции локуса находится источник (администрация города, тело и инструмент дирижера, продюсеры кинокомпании), а в примере 38 локус не метонимичен, а буквален: это комната.

Речевой сбой может быть вызван парадигматическими причинами: выбором неканонического глагола из ряда конкурирующих лексем.

Пример 46. *Один раз я пошла на улицу с бабушкой мы увидели котёнка и попугаи, мы взяли их и положили у себя дома, но кошка убежала, но иногда приходит к нам на дачу. [9 лет]*

Речь в примере 46 идет о живых существах. В стандарте допустимо положить котенка на диван, но не *положить дома: о живом существе говорят иначе (*принесли / взяли домой котенка; оставили, поселили, поместили дома щенка*). Для неживых объектов схожее употребление требует особенного контекста и все равно остается сомнительным: *нашел в парке книжку, взял ее себе и положил пока что дома*). Единственный корпусный пример с глаголом *положить* в контексте обстоятельства *дома* применительно к живым существам, во-первых, содержит название контейнера (в *таз*), во-вторых, касается устриц, не вполне канонических живых существ, поскольку устрицы лишены способности к свободному перемещению и при этом осмысляются не только как живые организмы, но и как блюдо:

Пример 47. *Я набрал там устриц-мидий, положил дома их в таз, они там раскрылись, но через два дня все протухли.* [И. Шакиров. Дневник Ихтика (1996)]

В ряду синтаксических ошибок отметим нестандартную конъюнкцию. В отношении сочинения вступают неоднородные обстоятельства и определения, как в примерах 48–49 (в примере 48 это семантические роли средства/инструмента и адресата/бенефицианта; в примере 49 относительное, причастное по генезису, и качественное прилагательные):

Пример 48. *Я очень люблю делать подделки своими руками и для родных* (9 лет. Спонтанное письмо. Ответы_38).

Пример 49. *В микроскопе он увидел ходячие и милые эклеры, конфеты, леденцы на палочках и жвачки.* (9 лет. Спонтанное письмо. Ответы_51).

Противопоставление предикатов, оформленное союзом *а*, реализует не современную, а архаичную норму в примере 50:

Пример 50. *Он давно не спал, а играл в какуюто странную светящуюся вещь.* (11 лет. Сочинение. Мой день глазами собаки).

В современном узусе возможно противопоставление вида ^{ок}*давно не спал, а тут уснул* (противопоставлены две разновременные ситуации с кореферентным субъектом); ^{ок}*давно не спал, а спать хотелось* (противопоставлены реальная и ирреальная модальные ситуации, положения дел одновременны: незавершенное прошедшее первой клаузы накладывается на настоящее состояния второй клаузы)).

В современном узусе возможна оппозиция ситуаций неосуществления и последующей внезапной реализации одного и того же действия (одной референтной ситуации):

Пример 51. *Можно, правда, понять и так: **давно не перечитывал, а сейчас успел перечитать только половину.*** [И. Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010]

Пример 52. ***Давно не ходила, а тут ноги сами повели.*** [М. Трауб. Жизненный план (2009)]

Пример 53. ***Валю давно не видела, а тут встретились у лифта.*** [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)]

В НКРЯ обнаруживается только 5 вхождений по запросу «давно не R-изъявит+прош, а R-изъявит+прош» (примеры 54–58), при этом ни одного собственно противопоставления разных предикатов с референцией к разным ситуациям с одним и тем же действующим лицом, как в примере 50, не обнаружено в современном узусе.

Конструкция с первым предикатом НСВ (в примере 50 из детской речи оба глагола НСВ) в примере 54 осмысливается как устаревшая (ср. более приемлемое для современной нормы высказывание с первым глаголом СВ: *Почему же Вы сразу не сказали, а спорили?*):

Пример 54. — *Э, черт, так зачем же вы **давно не говорили, а спорили.*** [А. Достоевская. Воспоминания (1911–1916)]

В примерах 55–56 субъекты глаголов некорреферентны, в отличие от примера 50:

Пример 55. ***Давно не видались, а пришел — и сказать нечего.*** [Д. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)]

Пример 56. ***Если бы он нас, говорю, не боялся, то и Европы давно не было, а стоял бы какой-нибудь тысячелетний рейх с орлами на столбах.*** [Ю. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

В примере 57 в отношении оппозиции вступают не собственно предикаты, а объекты: *старым мостом давно не пользовались, а ездили по новому = ездили не по старому мосту, а по новому:*

Пример 57. ***Мост был старый, полуразвалившийся, и им давно не пользовались, а ездили по другому, что был гораздо выше по течению Иволги.*** [Т. Трошина. Русалка для интимных встреч (2004)]

Нет противопоставления предикатов как маркеров двух последовательных ситуаций, противопоставлены две частично совпадающие во времени ситуации самосознания (письмо и память) и в примере 58 (в отношении таксиса он отличается от примера 50):

Пример 58. *Дело было еще и в том, что он давно не писал, а сознавал себя, только когда исчезал мир вокруг и оставалось лишь его сознание, ничем не стесненное, хранящее в себе память обо всем, что было и будет.* [Д. Быков. Орфография (2002)]

В отсутствие темпорального маркера типа *уже* в первой клаузе пример 50 нельзя признать нормативным с современной точки зрения.

Таким образом, корпус раннего детского письма может быть источником сведений о механизмах реализации нетипичной лексической и грамматической сочетаемости, о становлении индивидуального грамматикона в речевом онтогенезе и об освоении процессов словообразования и словоизменения, о взаимодействии разных уровней языковой системы, об этапах овладения стандартной нормой и быть составляющей в осмыслении функционирования языка в синхронии и диахронии, «на материке» и в регионах, в речевом опыте носителей и инофонов.

Словари

Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов русского языка. М: АСТ; Астрель, 2002.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 тт.. М.: Русский язык, 2000.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Розенталь Д. Э. Управление в русском языке. Словарь-справочник. М.: Книга, 1986.

Литература

Ахапкина Я. Э., Буйлова Н. Н. Нестандартная русская речь: корпусные технологии в исследовании и методике преподавания // Проблемы преподавания курса «Русский язык и культура речи в вузах». М.: Научный консультант, 2016. С. 48–51.

Ахапкина Я. Э. Вариативность написаний в ранних детских письменных текстах // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия / Науч. ред.: Т. Круглякова. Иваново: Листос, 2019а. С. 69–73.

Ахапкина Я. Э. Эрратологическая разметка Корпуса русских учебных текстов: тактические решения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019б. Т. XXII. С. 11–22.

Ахапкина Я. Э., Сосновцева Е. Г. Корпус детской письменной речи StartWrit // Проблемы онтолингвистики — 2017: освоение и функционирование языка в ситуа-

ции многоязычия: Материалы ежегодной Международной научной конференции. 26–28 июня 2017 / Науч. ред.: Т. А. Круглякова. Иваново: Листос, 2017. С. 171–175.

Бобунова М. А. «Куделистые брови», «соломистые косицы» (прилагательные с суффиксом -ист- в прозе Е. И. Носова) // Русская речь. 2015. № 3. С. 26–34.

Власова Е. А. Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 366–396.

Казкенова А., Рахилина Е. В. Русская письменная речь студентов-казахов в зеркале Русского учебного корпуса: глагольная префиксация // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2019. № 1. С. 389–398.

Морфология / Под ред. В. В. Виноградова. М.: МГУ, 1952.

Полинская М., Рахилина Е. В., Выренкова А. С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Науч. ред.: М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. Федорова. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.

Рахилина Е. В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 310–333.

Рахилина Е. В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.

Рахилина Е. В., Выренкова А. С. Предикаты падения в RLC: нюансы семантики // Проблемы онтолингвистики — 2018: Материалы Международной научной конференции 20–23 марта 2018 / Науч. ред.: Т. А. Круглякова. СПб.: Листос, 2018. С. 188–192.

Рахилина Е. В., Марушкина А. С. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный русский») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. № 1. С. 621–639.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бородина М. А. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 10. С. 242–255.

Рахилина Е. В., Фесенко В. П. Возможности использования Корпуса текстов XIX века в лингвистическом исследовании // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2017». СПб.: СПбГУ, 2017. С. 299–303.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: ЯСК, 2013.

Русская грамматика. В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Садченко В. Т. О словообразовательной активности адъективных суффиксов в русских говорах Приамурья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3. Ч. 1. С. 156–159.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Владос, 2000.

Эйсмонт П. М. «Как стать большим?»: предикативные прилагательные в детской речи // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 65–78.

Vyrenkova A. S., Rakhilina E. V. Learner corpora supporting lexical typology // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 450–460.

Zevakhina N., Dzhakupova S. *Corpus of Russian student texts: design and prospects* // Материалы 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». М.: РГГУ, 2015. URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZevakhinaNADzhakupovaSS.pdf>

Y. E. Akhapkina

National Research University «Higher School of Economics»

(Russia, Moscow)

yakhapkina@hse.ru

CORPORA OF AN EARLY CHILDREN'S WRITTEN LANGUAGE AS A RESOURCE OF LINGUISTIC INFORMATION

The corpora of non-standard Russian speech, created at the School of Linguistics of the National Research University Higher School of Economics, are designed as a representative speech database which can be used to analyze language practices, to compare actual language use and prescriptive norms, and to study the dynamics of Russian speech. Several different corpora are developed representing foreign speakers' and heritage speakers' speech; young speakers' speech; Russian speech of the XIX-th century; regional speech. One such resource is the Corpus of Early (Initial) Children's Writing. The collection is provided with metadata and marked up in terms of deviations from the standard. The material of the corpus permits to analyze grammatical and spelling anomalies that can shed light on the structure of the language system. In particular, one can trace the specific features of word usage, register non-typical compatibility, and detect systemic agrammatisms. The data can be considered in comparison with those of the National Corpus of the Russian Language and Internet usage which can reveal the process of speech system formation in ontogeny. The formation of writing skills reflects the stages of phonetic writing, hyper-correction, and approaching the adult norm. Free genres (summary, composition) make it possible to trace the formation of the skills to choose appropriate words and constructions, the process of building syntactic structures and a coherent text. Errors show areas of difficult choice and give an idea of the competition of strategies in the search for adequate means of expression. Tactics of simplification of the task related to the orientation of the writer to the principle of analogy (graphic, phonetic, grammatical, semantic) and to the consideration of frequent, regular, formally transparent samples are revealed.

Keywords: linguistic corpora, non-standard speech, Russian language, children's writing, deviations from the recommended norm, grammar, spelling

Dictionaries

Bel'chikov Yu. A., Panyusheva M. S. *Slovar' paronimov russkogo yazyka* [Dictionary of Paronyms of the Russian Language]. Moscow, "AST" Publ.; "Astrel" Publ., 2002. (In Russ.)

BTS — *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language] / Gl. red. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, "Norint" Publ., 1998. (In Russ.)

Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-derivational]. V 2 tt. Moscow, "Russkii yazyk" Publ., 2000.

MAS — *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]: V 4-kh tt. / Pod red. A. P. Evgen'evoi. Moscow, "Rus. Yaz." Publ.; "Poligrafresursy" Publ., 1999. (In Russ.)

Rozental' D.EH. *Upravlenie v russkom yazyke* [Government in Russian]. Slovar'-spravochnik. Moscow, "Kniga" Publ., 1986. (In Russ.)

Referencies

Akhapkina Y. E., Builova N. N. [Non-Standard Russian Speech: Corpora Technologies in Research and Teaching Methods]. *Problemy prepodavaniya kursa "Russkii yazyk i kul'tura rechi v vuzakh"* [Problems of Teaching the Course "Russian Language and Speech Culture in Universities"]. Moscow, "Nauchnyi konsul'tant" Publ., 2016, pp. 48–51. (In Russ.)

Akhapkina Y. E. [Variation of Spellings in Early Children's Written Texts. *Sovremennaja ontolingvistika: problemy, metody, otkrytija* [Modern Ontolinguistics: Problems, Methods, Discoveries] / Nauch. red.: T. Kruglyakova. Ivanovo, "Listos" Publ., 2019a, pp. 69–73. (In Russ.)

Akhapkina Y. E. [Erratological Markup of the Corpus of Russian Educational Texts: Tactical Solutions]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2019b, vol. XXII, pp. 11–22. (In Russ.)

Akhapkina Y. E., Sosnovtseva E. G. [Corpora of Children's Written Speech Start-Writ]. *Problemy ontolingvistiki — 2017: osvoenie i funkcionirovanie yazyka v situatsii mnogoyazychiya: Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 26–28 iyunya 2017. Nauch. red.: T. A. Kruglyakova. [Problems of Ontolinguistics — 2017: Language Acquisition and Functioning in a Multilingual Situation: Proceedings of the Annual International Scientific Conference. June 26–28, 2017. Ed. by T. A. Kruglyakova.] Ivanovo, "Listos" Publ., 2017, pp. 171–175. (In Russ.)

Bobunova M. A. ["Kudelisty (crowy) Eyebrows", "Solomisty (straw) Braids" (Adjectives with the Suffix -ist- in the Prose of E. I. Nosov)]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2015, no. 3, pp. 26–34. (In Russ.)

Vlasova E. A. [Morphosyntactic Tendencies of Russian Bilinguals in Finland: Corpora-based Analysis of Errors in Prepositional Phrases]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. XVI, part 2, pp. 366–396. (In Russ.)

Kazkenova A., Rakhilina E. V. [Russian Written Speech of Kazakh Students in the Reflection of Russian Learner Corpora: Verbal Prefixation]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, 2019, no. 1, pp. 389–398. (In Russ.)

Morfologiya [Morphology] / V. V. Vinogradov (Ed.). Moscow, MGU, 1952. (In Russ.)

Polinskaya M., Rakhilina E. V., Vyrenkova A. S. [Grammar of Errors and Grammar of Constructions: “Heritage” (“inherited”) Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2014, no. 3, pp. 3–19. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Grammar of Errors: in Search of Constants]. *Yazyk. Konstany. Peryemnyye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables: In memory of Alexander Kibrik]. M. A. Daniehl', E. A. Lyutikova, V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov, O. Fedorova (eds.). St. Petersburg, “Aleteiya” Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Russian Comparative Constructions in the Aspect of Error Grammar]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2015, no. 6, pp. 310–333. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [On New Tools for Describing Russian Grammar: Corpora of Errors]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2016, no. 3, pp. 20–25. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Vyrenkova A. S. [Fall Predicates in RLC: Nuances of Semantics]. *Problemy ontolingvistiki — 2018: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 20–23 marta 2018*. [Problems of Ontolinguistics — 2018: Proceedings of the International Scientific Conference March 20–23, 2018]. T. Kruglyakova (ed.). St. Petersburg, “Listos” Publ., 2018, pp. 188–192. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Marushkina A. S. [A Corpus-based Analysis of Non-standard Russian Speech (“heritage Russian”).] *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2015, vol. XI, no. 1, pp. 621–639. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Borodina M. A. [«Taman Today»: Corpus research of XIX-th century’s Russian Language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2016, no. 10, pp. 242–255. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Fesenko V. P. [Possibilities of Using the Corpora of Texts of the XIX-th Century in Linguistic Research]. *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2017»* [Proceedings of the International Conference “Corpora Linguistics — 2017”]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2017, pp. 299–303. (In Russ.)

Rusakova M. V. *Ehlementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of Anthropocentric Grammar of the Russian Language]. Moscow, “YaSK” Publ., 2013. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. 1–2. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Sadchenko V. T. [On the Word-formation Activity of Adjective Suffixes in Russian Dialects of the Amur Region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2014, no. 3, part 1, pp. 156–159. (In Russ.)

Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoi rechi: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Language and Child: Linguistics of Children's Speech]. Moscow, "Vladost", 2000.

Ehismont P. M. ["How to Grow Big": Predicative Adjectives in Russian Child Language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2017, no. 6, pp. 65–78. (In Russ.)

Vyrenkova A. S., Rakhilina E. V. Learner corpora supporting lexical typology. *XVII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva: v 4 kn.* [XVII April International Scientific Conference on the Development of the Economy and Society]. Kn. 4. E. G. Yasin (Resp. ed.). Moscow, NIU VSHEH Publ., 2017, pp. 450–460.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian Student Texts: Design and Prospects]. *Materialy 21-i Mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoii lingvistike "Dialog"* [Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics "Dialogue"]. M.: RGGU, 2015. URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZevakhinaNADzhakupovaSS.pdf>

Ф. В. Байков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
baykov3105@mail.ru*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ ВНУТРИ ГРУППЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Ограничения на дистрибуцию отрицательных местоимений в русском языке в терминах локальности отрицательного согласования ранее формулировались в основном для клаузалных границ различных типов (инфинитивных клауз, финитных неиндикативных и индикативных клауз), тогда как проницаемость или непрозрачность границ неклаузалных составляющих детально практически не рассматривалась. Статья посвящена описанию синтаксического эксперимента, направленного на проверку и уточнение ограничения, задающего условия, при которых отрицательное местоимение внутри группы прилагательного (AdjP) может быть лицензировано сентенциальным отрицанием. Результаты эксперимента показывают, что такое лицензирование возможно, если вся группа прилагательного занимает предикативную позицию, и невозможно, если группа прилагательного является адьюнктом. Обсуждаются возможные способы теоретического моделирования полученных результатов, а также их значение для анализа структуры предложений с полными прилагательными в предикативной позиции в русском языке. Результаты проведенного эксперимента могут быть еще одним аргументом против анализа полных предикативных прилагательных как определений при невыраженной именной вершине, поскольку такой подход стирает различие между атрибутивными и предикативными группами полного прилагательного, а это не позволяет объяснить, почему отрицательные местоимения внутри предикативных AdjP могут лицензироваться сентенциальным отрицанием, а внутри атрибутивных AdjP не могут.

Ключевые слова: синтаксис, отрицательное согласование, отрицательные местоимения, группа прилагательного, предикативные прилагательные, неглагольная предикация

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова.

1. Отрицательное согласование в русском языке

Употребление отрицательных местоимений и наречий (*никто, ничего, никакой, никогда, нигде* и т. д.) в русском языке, как известно, подчиняется правилу обязательного отрицательного согласования (этот термин используется, в частности, в работе [Падучева 2017]; в англоязычной литературе соответствующее явление называется Negative Concord и иногда кратко обозначается NC). В подавляющем большинстве случаев (ср. обзорную работу [Garzonio 2019], посвященную отрицательному согласованию в русском языке) использование отрицательного местоимения или наречия (которые в генеративной грамматике иногда называются по-английски *negative concord items*, кратко NCI) допустимо только тогда, когда в той же клаузе имеется предикатное отрицание, ср. приемлемый пример (1a) и неграмматичный (1b):

- (1) а. ^{OK}Я *ничего не* помню.
б. *Я *ничего* помню.

В (1a) имеется приглагольное сентенциальное отрицание *не*, отсутствующее в (1b), из-за чего предложение (1b) оказывается неприемлемым.

Данная статья посвящена синтаксическому эксперименту, направленному на установление ограничений на дистрибуцию отрицательных местоимений внутри группы прилагательного (AdjP) в зависимости от синтаксической позиции этой AdjP (модификатор существительного vs предикат). В разделе 2 кратко описаны некоторые из наиболее значимых работ по отрицательному согласованию, выполненных в рамках генеративной грамматики. Раздел 3 содержит описание дизайна синтаксического эксперимента, а раздел 4 — описание результатов этого эксперимента и их статистической значимости. В заключительном разделе 5 обсуждаются итоги эксперимента и их значение, во-первых, для моделирования ограничений на локальность отрицательного согласования, и во-вторых, для анализа предикативных употреблений полных прилагательных в русском языке.

2. Анализ отрицательного согласования в генеративной грамматике

Явления, связанные с отрицательным согласованием, были наиболее подробно рассмотрены и проанализированы сторонниками формальных подходов к описанию синтаксиса, тогда как число типологических работ, посвященных этой теме, сравнительно невелико. В частности, отрицательному согласованию посвящено значительное число работ, которые были выполнены в рамках Теории принципов и параметров и основывались на материале различных языков [Laka 1990; Haegeman 1995; Zanuttini 1997; Zeijlstra 2004; Penka 2011, *i. a.*].

Одно из наиболее важных различий между конкурирующими подходами к анализу отрицательного согласования — механизм взаимодействия NCI и лицензирующей их единицы (приглагольного отрицания или расположенного на левой периферии предложения отрицательного оператора). В частности, [Zeijlstra 2004 *et seq.*] предложил свести отрицательное согласование к отношению дистантного согласования (long-distance Agree) между NCI и его лицензором (вершиной Neg⁰

для языков с нестрогим отрицательным согласованием или скрытым отрицательным оператором на левой периферии клаузы для языков со строгим отрицательным согласованием). Напротив, [Haegeman 1995; Brown 1999, *i. a.*] рассматривают отрицательное согласование как скрытое передвижение отрицательного местоимения к его лицензору. Еще один возможный подход представлен в более ранних работах [Laka 1990; Progovac 1994], где отрицательное согласование уподобляется процессу связывания анафора его антецедентом. И. Лака полагает, что основное ограничение на дистрибуцию отрицательных местоимений состоит в том, что ими должна с-командовать вершина полярности Σ^0 с признаком [negation], а это требование очень напоминает принцип А классической теории связывания, в соответствии с которым употребление анафора грамматично только тогда, когда им с-командует его антецедент (как в случае связывания анафоров, так и в случае отрицательного согласования лицензор — с-командующий элемент — должен находиться достаточно близко к лицензируемому; в первом приближении можно считать, что лицензирующий и лицензируемый элементы должны быть в одной клаузе).

Несмотря на значительное число работ, посвященных отрицательному согласованию в русском языке [Brown 1999; Fitzgibbons 2008; Letuchiy 2017; Gerasimova 2019; Erschler 2021; Lyutikova 2021, *i. a.*], ограничения на дистрибуцию NCI в пределах клаузы уделялось сравнительно мало внимания. Между тем данные об ограничениях на лицензирование NCI через границы разных категорий могут помочь прояснить его природу. Например, если отрицательное согласование сводится к передвижению NCI к вершине-лицензору, это передвижение должно подчиняться обычным ограничениям, таким как Условие на области извлечения (CED) [Huang 1982]. Если же лицензирование NCI не связано с синтаксическим передвижением, на его локальность должна влиять только признаковая интервенция и границы фаз.

Ограничения на локальность отрицательного согласования ранее изучались почти исключительно на материале возможности или невозможности лицензирования отрицательных местоимений через границы клауз различных типов: индикативных и субъонктивных финитных, инфинитивных (см., например, [Lyutikova 2021]) и т. д. Влияние на возможность лицензирования отрицательного местоимения, оказываемое границами различных лексических категорий, вторгающимися между нуждающимся в лицензировании местоимением и отрицанием-лицензором, рассматривалось гораздо реже.

Единственным известным мне исключением является дипломная работа [Рожнова 2009], где предпринимается попытка описать условия лицензирования NCI через границы различных лексических категорий (именных групп, групп прилагательного и причастия, деепричастных оборотов и др.), отделяющих NCI от приглагольного отрицания. Исследование М. Рожновой [Рожнова 2009], материалом для которого послужили корпусные данные НКРЯ и интроспективные суждения автора и небольшого числа опрошенных ей носителей русского языка, позволило сформулировать следующее ограничение, задающее условия для лицензирования

отрицательных местоимений предикатным отрицанием через границы лексических категорий:

- (2) Лицензирование отрицательных местоимений сентенциальным приглагольным отрицанием через границы групп прилагательного AdjP и именных групп DP/NP возможно тогда и только тогда, когда эти составляющие (AdjP и DP/NP соответственно) занимают аргументную позицию (и невозможно, если адьюнктную). [Рожнова 2009: 63]

Для групп прилагательного это утверждение означает, что лицензирование NCI внутри группы прилагательного (далее AdjP) возможно только тогда, когда эта AdjP является предикатом, а не модификатором при существительном. Таким образом, структура (3a) допустима, а (3b) неграмматична.

- (3) a. [_{NegP} *he* ... [_{PredP} ... Pred⁰ [_{AdjP} Adj⁰ ... NCI]]]
b. * [_{NegP} *he* ... [_{DP} D⁰ ... [_{AdjP} Adj⁰ ... NCI]]]

Эту закономерность можно проиллюстрировать примерами в (4–5): отрицательные местоимения допустимы внутри AdjP в предикативной позиции (4a–5a) и невозможны внутри атрибутивной AdjP (4b–5b).

- (4) a. Задание не будет легким ни для кого.
b. *Это не будет заданием, легким ни для кого. [Рожнова 2009: 63, (42)]
- (5) a. Клиенты не были довольны качеством ни одного из названных товаров.
b. *Нет клиентов, довольных качеством ни одного из названных товаров. [*ibid.*: 63, (43)]

Возможность лицензирования предикатным отрицанием отрицательных местоимений внутри группы прилагательного (т. е. через границу AdjP), таким образом, зависит от того, занимает ли эта AdjP предикативную позицию или атрибутивную. В первом случае лицензирование возможно (т. е. соответствующее предложение носители оценивают как приемлемое), во втором — нет (т. е. получающееся предложение является неграмматичным).

Как уже было указано выше, данные, на основании которых было сформулировано обобщение (2), были получены на основе материалов НКРЯ и неформального опроса носителей; о последующей экспериментальной проверке ничего не известно. Чтобы проверить обобщение М. Рожновой об условиях, необходимых для лицензирования отрицательных местоимений внутри группы прилагательного, был проведен синтаксический эксперимент.

3. Дизайн эксперимента

Была использована одна из наиболее популярных методик проведения экспериментов на оценку — оценивание предложений по шкале Ликерта. Испытуемым предлагалось оценить представленные предложения по шкале от 1 до 7, где 1 — самая низкая оценка (совершенно неприемлемое предложение), а 7 — самая высокая

(абсолютно нормальное предложение русского языка). Участники эксперимента видели сразу все предложение целиком и должны были выставить ему оценку, прежде чем переходить к следующему предложению.

Единственной независимой переменной была синтаксическая позиция группы прилагательного, содержащей отрицательное местоимение, причем принималась во внимание и форма самого прилагательного. Учитывались такие факторы, как атрибутивная или предикативная позиция группы прилагательного, содержащей внутри себя отрицательное местоимение; полная или краткая форма прилагательного в предикативной позиции; наличие или отсутствие субъектного генитива отрицания в предложениях с группами прилагательного в атрибутивной позиции². Все эти уровни независимой переменной объединяло то, что группа прилагательного содержала в себе отрицательное местоимение в позиции комплемента предлога *для*, причем отрицание в предложении было только одно — при глаголе-сказуемом. Таким образом, каждый экспериментальный блок включал четыре указанных ниже условия.

- Группа прилагательного в краткой форме в предикативной позиции:
(6) *Следующая задача не была проста ни для кого из школьников.*
- Группа прилагательного в полной форме в инструменталисе в предикативной позиции:
(7) *Следующая задача не была простой ни для кого из школьников.*
- Группа прилагательного в полной форме в позиции определения при существительном в предикативной позиции в предложении без генитива отрицания:
(8) *Следующее задание не было простой ни для кого из школьников задачей.*
- Группа прилагательного в полной форме в позиции определения к генитивному подлежащему в предложении с субъектным генитивом отрицания:
(9) *В следующем разделе не было простой ни для кого из школьников задачи.*

Единственной зависимой переменной была оценка приемлемости предложения респондентом. Предварительная гипотеза, основанная на данных из работы [Рожнова 2009], состояла в том, что первое и второе условия будут скорее оцениваться носителями как приемлемые, а третье и четвертое — как неприемлемые (т. е. в среднем получают значимо более низкие оценки).

Включение стимулов как с краткой, так и с полной формой предикативных прилагательных потенциально позволяло, кроме того, обнаружить свидетельства

² Выбор такого устройства независимой переменной был обусловлен невозможностью «перемножить» все потенциальные значения интересующих нас факторов. Так, выбор между краткой и полной формой прилагательного возможен только в предикативной позиции (т. к. в атрибутивной позиции краткая форма, как известно, в современном русском языке не употребляется). Кроме того, в предложениях с адъективными (и, шире, неглагольными) предикатами невозможен генитив отрицания [Pereltsvaig 2001].

различий в структуре предикативных AdjP в зависимости от краткой или полной формы вершины. Как полагают, в частности, авторы работ [Babby 1973; Franks 1994; Bailyn 2012: sec. 2.6.1], полные предикативные прилагательные (в отличие от кратких) являются модификаторами элидированных существительных.

Чтобы сделать стимульные предложения как можно более единообразными, во всех из них использовался глагол *быть*, как и в минимальных парах, иллюстрирующих условия лицензирования отрицательных местоимений внутри атрибутивных и предикативных AdjP в работе [Рожнова 2009].

(10) а. Задание не будет легким ни для кого.

б. *Это не будет заданием, легким ни для кого. [Рожнова 2009: 63, (42)]

Для поддержания единообразия структуры групп прилагательного в стимульных примерах использовались только прилагательные³, обладающие валентностью на бенефактивный аргумент, выражаемый предложной группой с предлогом *для*. Из отрицательных местоимений использовались только *никто* и *ни один* (каждое из них ровно в половине экспериментальных блоков).

Атрибутивные AdjP при генитивных подлежащих рассматривались отдельно, поскольку такие ИГ, будучи нереферентными, исключают возможность возникновения семантического конфликта с нереферентным отрицательным местоимением. Кроме того, они могут быть ИГ малой структуры (NP в отличие от DP в аргументных позициях в других контекстах) и содержать меньшее количество функциональных проекций. В качестве генитива отрицания использовались предложения с генитивом субъекта, содержащие один из так называемых генитивных глаголов (термин Е. В. Падучевой [Падучева 1997]). В половине случаев использовался глагол *быть*, в оставшейся половине — полнозначный предикат вроде *состояться*, *произойти*, *возникнуть*, *обнаружиться* и т. д.

Существительное, занимавшее позицию субъекта в предложениях с предикативными AdjP, в примерах с атрибутивными AdjP становилось вершиной предикативной ИГ, определением в которой является AdjP с отрицательным местоимением. При этом возникала возможность неправильного синтаксического анализа (парсинга) предложения испытуемыми⁴: если существительные — вершины ИГ-предиката и ИГ-субъекта относятся к одному роду, то респондент мог бы сначала неправильно проанализировать предложение, сочтя предикатом группу прилагательного и тем самым не найдя места для существительного в самом конце предложения (т. н. *garden-path sentences*, или предложения с эффектом садовой дорожки). Напротив, если вершины ИГ-субъекта и ИГ-предиката относятся к разным родам, то испытуемый мог бы также счесть предикатом только группу прилагательного и, заметив, что оно не согласуется с подлежащим по роду, сразу же

³ Использовались следующие прилагательные: *простой*, *приятный*, *заметный*, *сложный*, *занимательный*, *желательный*, *понятный*, *трудный*, *интересный*, *важный*, *полезный*, *обязательный*, *привлекательный*, *доступный*, *привычный*, *достаточный*.

⁴ Автор благодарит слушателей практикума по экспериментальному синтаксису, указавших на возможность неправильного парсинга стимульных предложений.

поставить низкую оценку всему предложению, не дочитывая его до конца. Поэтому было решено в половине блоков выбрать в качестве вершин ИГ-субъекта и ИГ-предиката существительные одного рода, а в половине — разного.

В соответствии с четырьмя уровнями единственной независимой переменной экспериментальный материал был разбит на четыре экспериментальных листа, из которых каждому конкретному испытуемому предлагался только один. Чтобы всякое условие в каждом из листов встретилось в четырех различных лексикализациях, в каждый из листов были включены 16 экспериментальных предложений. Соотношение экспериментальных предложений и филлеров было выбрано стандартное, 1:2. Для подготовки испытуемого к формату проведения эксперимента в самом начале предлагалось оценить четыре предварительных тренировочных предложения. Таким образом, каждый лист включал 52 предложения: 16 целевых, 32 филлера и 4 тренировочных.

Чтобы получить представление о том, как респонденты оценивают предложения, которые можно считать заведомо приемлемыми или неприемлемыми (т. е. чтобы иметь точку отсчета, с которой можно сравнивать оценки экспериментальных предложений), и чтобы уменьшить вероятность того, что испытуемые догадаются, на что направлен эксперимент, во все экспериментальные листы были включены по 16 грамматичных и 16 неграмматичных филлеров (равно количество грамматичных и неграмматичных филлеров должно было исключить их возможное влияние на оценки, выставляемые экспериментальным предложениям, в любую сторону). В качестве филлеров обоих типов использовались предложения с отрицательными местоимениями в позиции аргумента глагола, но в грамматичных филлерах приглагольное отрицание присутствовало (11), а в неграмматичных его не было (12). Примеры грамматичных и неграмматичных филлеров приведены ниже:

(11) Грамматичный филлер:

OK *Настолько популярным среди студентов не был ни один другой предмет.*

(12) Неграмматичный филлер:

**Его пространнный рассказ был интересен никому из присутствующих.*

В соответствии с четырьмя исследуемыми условиями были подготовлены четыре экспериментальных листа. Поскольку распределение экспериментальных предложений по листам определялось принципом латинского квадрата, в каждый лист содержал 16 экспериментальных предложений (чтобы каждое из условий встретилось в 4 различных лексикализациях) и 32 филлера (чтобы соблюдалось классическое соотношение экспериментальных предложений и филлеров — 1:2). Таким образом, каждый из 4 листов содержал 48 предложений.

4. Результаты эксперимента

Исследование проводилось с помощью сервиса Яндекс.Толока в мае 2021 года. В ходе эксперимента были опрошены 60 испытуемых, каждый из 4 экспериментальных листов был предложен 15 респондентам. После отбрасывания результатов

двух респондентов-аутлаеров, чьи оценки филлеров значительно отклонялись от ожидаемых, и применения z-трансформации к результатам оставшихся респондентов были получены следующие результаты, представленные в таблице 1:

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения для всех условий и филлеров после z-трансформации

	Mean	Sd
Полная предикативная	0.655	0.647
Краткая предикативная	0.649	0.725
Атрибутивная без генитива отрицания	-0.207	0.779
Атрибутивания в генитиве отрицания	-0.292	0.754
Неграмматичные филлеры	-0.878	0.549
Грамматичные филлеры	0.785	0.688

График взаимодействия, демонстрирующий взаимное расположение средних нормированных (z-трансформированных) оценок каждого из четырех условий, а также грамматичных и неграмматичных филлеров, представлен на рисунке 1. Оценки предложений с предикативными группами прилагательного близки к оценкам грамматичных филлеров и находятся в области положительных значений, а оценки предложений с атрибутивными группами прилагательного, как и оценки неграмматичных филлеров, располагаются в области отрицательных значений. Стоит отметить и близость средних оценок предложений с прилагательными в полной и краткой форме, а также близость оценок предложений с атрибутивными прилагательными при генитиве отрицания и в его отсутствие.

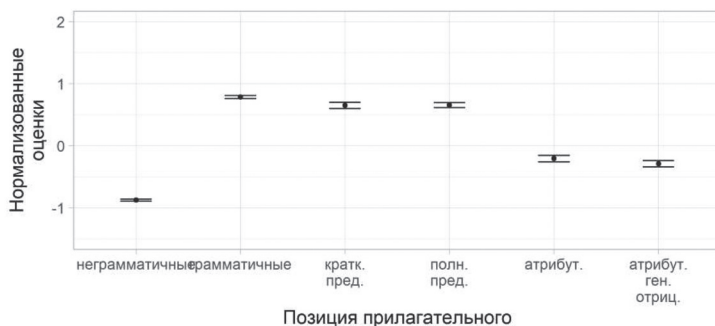

Рисунок 1. График взаимодействия: средние нормированные оценки каждого из условий и филлеров

Эти результаты также подтверждают выявленную ранее закономерность: предложения с группами прилагательного в предикативной позиции получают положительные нормированные оценки выше 0,6, а предложения с группами

прилагательного в атрибутивной позиции — отрицательные нормированные оценки ниже $-0,2$. Интересно отметить, что оценки предложений с предикативными группами прилагательного меньше отклоняются от оценок грамматичных филлеров (средняя оценка последних $0,78$), чем оценки предложений с атрибутивными группами прилагательного — от оценок неграмматичных филлеров (чья средняя оценка ниже $-0,87$).

Результаты применения одностороннего теста ANOVA для независимых переменных к полученным нормированным оценкам представлены в таблице 2. Они позволяют обосновать статистическую значимость выявленных различий в оценках предложений с атрибутивными и предикативными AdjP и тем самым экспериментально подтвердить обобщение М. Рожновой.

Таблица 2. Результаты применения одностороннего теста ANOVA для независимых переменных

	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	3.3156	0.1175	28.220	$<10^{-16}$
Атрибут. ген. отриц.	-0.2054	0.1658	-1.239	0.216
Полная предик.	1.9615	0.1651	11.882	$<10^{-16}$
Краткая предик.	1.8862	0.1647	11.450	$<10^{-16}$

В качестве точки отсчета принимаются оценки предложений с группами прилагательного в атрибутивной позиции в отсутствие генитива отрицания, и с ними сравниваются оценки каждого из трех оставшихся условий. Как показывают результаты применения статистического критерия, оценки предложений с атрибутивными группами прилагательного при генитиве отрицания статистически значимо от них не отличаются ($p\text{-value} = 0.216 \gg 0.05$), тогда как оценки двух других условий (предложений с предикативными группами прилагательного, где прилагательное употребляется в полной или краткой форме), напротив, обнаруживают статистически значимые различия с оценками предложений с атрибутивными AdjP (в обоих случаях $p\text{-value} < 10^{-16}$, т. е. $p\text{-value} \ll 0.05$).

Результаты множественных сравнений Тьюки, представленные в следующей таблице 3, также подтверждают обобщение М. Рожновой.

В данном случае каждое из четырех условий сравнивается попарно с каждым из трех других. При этом значения $p\text{-value}$, указанные в самом правом столбце, позволяют сделать вывод об отсутствии значимых различий, во-первых, между оценками предложений с предикативными группами прилагательного в краткой и полной форме ($p\text{-value} > 0.99$), во-вторых, между предложениями с атрибутивными группами прилагательного в отсутствие генитива отрицания и при его наличии (нижняя строка, $p\text{-value} > 0.70$). Во всех остальных четырех сравнениях, где одно из сравниваемых условий содержит группу прилагательного в предикативной позиции, а другое — в атрибутивной, наблюдается статистически значимое различие в оценках, подтверждаемое значением $p\text{-value} < 10^{-7}$.

Таблица 3. Результаты множественных сравнений Тьюки

	Разность между групповыми средними	Доверительный интервал		p-value
		нижняя граница	верхняя граница	
Полная предикативная vs краткая предикативная	0.021	-0.177	0.219	0.9931751
Атрибутивная без генитива отрицания vs краткая предикативная	-0.992	-1.194	-0.790	0.0000000
Атрибутивная в генитиве отрицания vs краткая предикативная	-1.076	-1.278	-0.874	0.0000000
Атрибутивная без генитива отрицания vs полная предикативная	-1.013	-1.210	-0.816	0.0000000
Атрибутивная в генитиве отрицания vs полная предикативная	-1.097	-1.293	-0.900	0.0000000
Атрибутивная в генитиве отрицания vs атрибутивная без генитива отрицания	-0.084	-0.284	0.116	0.7028905

Таким образом, результаты применения сразу нескольких статистических критериев: одностороннего теста ANOVA для независимых переменных и множественных сравнений Тьюки — позволяют подтвердить статистическую значимость наблюдаемых различий в оценках предложений. Предложения с группами прилагательного в предикативной позиции оцениваются значимо выше, чем предложения с группами прилагательного в атрибутивной позиции, что и позволяет сделать вывод о справедливости обобщения М. Рожновой.

5. Итоги синтаксического эксперимента

Результаты проведенного синтаксического эксперимента однозначно подтверждают обобщение М. Рожновой об условиях, необходимых для лицензирования отрицательных местоимений, находящихся внутри группы прилагательного AdjP, предикатным отрицанием.

Отрицательные местоимения, являющиеся зависимыми прилагательных в предикативной позиции, могут лицензироваться предикатным отрицанием при связке:

- (13) Последовавший разговор не был **приятен** ни для кого из собравшихся.
 (14) Последовавший разговор не был **приятным** ни для кого из собравшихся.

При этом форма прилагательного (краткая в (13) или полная в (14)), находящегося в предикативной позиции, не имеет значения: в обоих случаях отрицательные местоимения внутри AdjP могут лицензироваться предикатным отрицанием.

Однако сентенциальное приглагольное отрицание не может лицензировать отрицательные местоимения, являющиеся зависимыми прилагательных в атрибутивной позиции (15):

- (15) *Последовавшее обсуждение не было приятным ни для кого из собравшихся разговором.

Причем даже приписывание генитива отрицания именной группе, позицию определения в которой занимает группа прилагательного, содержащая отрицательное местоимение, не повышает приемлемость предложения (16):

- (16) *На сегодняшнем собрании не состоялось приятного ни для кого из собравшихся разговора.

Хотя сами по себе ни границы AdjP, ни границы ИГ не являются препятствием для лицензирования NCI, их сочетание приводит к невозможности такого лицензирования. Это различие можно объяснить аргументным или адъюнктным статусом AdjP в (3), которое может быть формализовано с помощью различного способа их встраивания в структуру предложения [Chomsky 2004].

Различия в поведении предикативных и атрибутивных AdjP, возглавляемых полными формами прилагательных, свидетельствуют о том, что предикативные прилагательные в полной форме вряд ли возможно считать определениями к опущенному существительному. Этот анализ, рассматривающий предикативные AdjP в качестве модификаторов нулевых или элидированных именных вершин, в генеративной традиции восходит к работе Л. Бэбби [Babby 1973] и в последующем был использован в работах [Franks 1994; Baylin 2012: sec. 2.6.1]; аргументы в пользу такого подхода и против него рассматриваются в [Grashchenkov 2018: разд. 2.2.3.3].

При таком анализе между предложениями с атрибутивными (18) и предикативными (17) AdjP не было бы никаких структурных различий, которые могли бы объяснить способность только предикативных (но не атрибутивных) AdjP содержать NCI, лицензируемые глагольным отрицанием, так как AdjP была бы в обоих случаях определением внутри именной группы⁵.

- (17) Последовавший разговор не был [_{DP} [_{AdjP} приятным ни для кого из собравшихся] разговором].
- (18) *Последовавшее обсуждение не было [_{DP} [_{AdjP} приятным ни для кого из собравшихся] разговором].

Проведенный эксперимент позволил не только подтвердить правильность обобщения М. Рожновой, но и установить отсутствие влияния двух дополнительных факторов: полной или краткой формы предикативного прилагательного и наличия или отсутствия генитива отрицания.

Кратко подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что обобщение М. Рожновой (2) [Рожнова 2009: 63] подтверждается экспериментальными данными: отрицательные местоимения могут быть зависимыми прилагательных в предикативной позиции и не могут быть зависимыми прилагательных в атрибутивной позиции. При этом форма предикативно употребленного прилагательного — краткая или полная — не влияет на возможность отрицательного местоимения (оно допустимо в обоих случаях). Этот факт (на фоне невозможности использования

⁵ Сводить контраст к различию в синтаксических свойствах фонологически нулевых и выраженных именных вершин едва ли правдоподобно.

отрицательного местоимения при прилагательном в атрибутивной позиции) представляет проблему для подходов, считающих предикативные прилагательные в полной форме определениями к опущенному существительному. Более того, отрицательные местоимения при прилагательном в атрибутивной позиции невозможны даже при генитивном субъекте, хотя обычно генитив отрицания повышает приемлемость предложений с отрицательными местоимениями [Корнакова, Лютикова, Гращенков 2016].

Литература

Гращенков П. В. Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2018.

Корнакова Е. В., Лютикова Е. А., Гращенков П. В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке // Рема. 2016. № 4. С. 58–82.

Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116.

Падучева Е. В. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.

Рожнова М. А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках: дипломная работа / РГГУ. М., 2009.

Babby L. The deep structure of adjectives and participles in Russian // Language. 1973. № 49 (2). P. 349–360.

Bailyn J. F. The syntax of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.

Chomsky N. Derivation by Phase // Ken Hale: A Life in Language / ed. by M. Kenstowicz. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.

Chomsky N. Minimalist Inquiries: The Framework // Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / ed. by R. Martin, D. Michels, and J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.

Chomsky N. Beyond explanatory adequacy // Structures and beyond: The cartography of syntactic structures, Volume 3 / ed. by A. Belletti. New York: Oxford University Press, 2004. P. 104–131.

Erschler D. Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord. Talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.

Fitzgibbons N. Freestanding negative concord items in Russian // Nanzan Linguistics. 2008. Special Issue 3, Vol. 2. P. 51–63.

Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview // Studi di linguistica slava / ed. by I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto. Edizioni Ca' Foscari, 2019. P. 175–190.

Gerasimova A. Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations // Proceedings of ConSOLE XXVII. 2019. P. 106–117.

Giannakidou A. Polarity sensitivity as (non)veridical dependency. Amsterdam: John Benjamins, 1998.

Haegeman L. The syntax of negation. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Huang, C.-T. J. Logical relations in Chinese and the theory of grammar: Ph. D. dissertation / MIT. Cambridge, Mass, 1982.

Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections: Doctoral dissertation / MIT. Cambridge, Mass, 1990.

Letuchiy A. Non-standard Negative Concord in Russian. Talk presented at Formal approaches to Russian Linguistics (Moscow, 29–31 March 2017).

Ljutikova E. On the structure of Russian infinitival clauses, with special attention to negative concord. Plenary talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.

Penka D. Negative indefinites. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Pereltsvaig A. Syntactic categories are neither primitive nor universal: Evidence from short and long adjectives in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 9* / ed. by S. Franks. Michigan Slavic Publishers, 2001. P. 209–227.

Progovac L. Negative and positive polarity: a binding approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

van der Auwera J., van Alsenoy L. On the typology of negative concord // *Studies in Language*. 2016. № 40 (3). P. 473–512.

Zanuttini R. Negation and clausal structure. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord: PhD dissertation / University of Amsterdam. Amsterdam, 2004.

F. V. Baykov

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

baykov3105@mail.ru

NEGATIVE CONCORD ITEMS INSIDE ADJECTIVE PHRASES: AN EXPERIMENTAL STUDY

Constraints on distribution of negative concord items (NCIs) in Russian have been by in large formulated in terms of transparency or impenetrability of different types of clause boundaries for NCI licensing, whereas opacity of clause-internal constituents has not been systematically investigated. The present article attempts to partially fill in this gap by an experimental study of the conditions necessary for licensing of an NCI contained within an adjective phrase (AdjP) by sentential negation. The results of our experiment demonstrate that such licensing is possible if the AdjP in question is a predicate, while it is impossible if the AdjP is an adjunct modifying a nominal. We discuss a possible formalization for this discrepancy as well as the ramifications of our results for an analysis of long-form predicative adjectives in Russian. The results we obtained may be

an additional counterargument against the approach taking long-form predicative adjectives to be underlyingly modifiers of unpronounced nominal heads, since on such an analysis the ability of long-form predicative adjectives (in contradistinction to attributive ones) to have their NCI complements licensed by sentential negation would be entirely unaccounted for.

Keywords: syntax, negative concord, negative pronouns, adjective phrase, predicative adjectives, non-verbal predication

References

- Babby L. The deep structure of adjectives and participles in Russian. *Language*, 1973, no. 49 (2), pp. 349–360.
- Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.
- Chomsky N. Beyond explanatory adequacy. *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*, Vol. 3 / ed. by A. Belletti. New York: Oxford University Press, 2004, pp. 104–131.
- Chomsky N. Derivation by Phase. *Ken Hale: A Life in Language* / ed. by M. Kenstowicz. Cambridge, MA: MIT Press, 2001, pp. 1–52.
- Chomsky N. Minimalist Inquiries: The Framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / ed. by R. Martin, D. Michels, and J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, 2000, pp. 89–155.
- Erschler D. Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord. Talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.
- Fitzgibbons N. Freestanding negative concord items in Russian. *Nanzan Linguistics*, 2008, Special Issue 3, Vol. 2, pp. 51–63.
- Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview. *Studi di linguistica slava* / ed. by I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto. Edizioni Ca' Foscari, 2019, pp. 175–190.
- Gerasimova A. Licensing negative polarity items in Russian event nominalizations. *Proceedings of ConSOLE XXVII*, 2019, pp. 106–117.
- Giannakidou A. *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Grashchenkov P. V. *Grammatika prilagatel'nogo: Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti* [Adjective grammar: Typology of adjectivity and attribution]. Moscow, «Yazyki slavyanskoi kul'tury» Publ., 2018. (In Russ.)
- Haegeman L. *The syntax of negation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Huang, C.-T. J. *Logical relations in Chinese and the theory of grammar*: Ph. D. dissertation / MIT. Cambridge, Mass, 1982.
- Kornakova E. V., Lyutikova E. A., Grashchenkov P. V. [Licensing properties of Russian negation]. *Rhema*, 2016, no. 4, pp. 58–82. (In Russ.)

Laka I. *Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections*: Doctoral dissertation / MIT. Cambridge, Mass, 1990.

Letuchiy A. Non-standard Negative Concord in Russian. Talk presented at Formal approaches to Russian Linguistics (Moscow, 29–31 March 2017).

Lyutikova E. On the structure of Russian infinitival clauses, with special attention to negative concord. Plenary talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.

Paducheva E. V. [Negative pronouns]. *Proekt korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Project of corpus description of Russian grammar]. (Available at: <http://rusgram.ru>). Moscow, 2017. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Genitive subject in a negative sentence: syntax or semantics]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1997, no. 2, pp. 101–116. (In Russ.)

Penka D. *Negative indefinites*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Pereltsvaig A. Syntactic categories are neither primitive nor universal: Evidence from short and long adjectives in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 9* / ed. by S. Franks. Michigan Slavic Publishers, 2001, pp. 209–227.

Progovac L. *Negative and positive polarity: a binding approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Rozhnova M. A. *Sintaksicheskie svoistva otritsatel'nykh mestoimений v ispanskom i russkom yazykakh*. Diplomnaya rabota [Syntactic properties of negative pronouns in Spanish and Russian. Master thesis.]. Moscow, 2009. (In Russ.)

van der Auwera J., van Alsenoy L. On the typology of negative concord. *Studies in Language*, 2016, no. 40 (3), pp. 473–512.

Zanuttini R. *Negation and clausal structure*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Zeijlstra H. *Sentential negation and negative concord*: PhD dissertation / University of Amsterdam. Amsterdam, 2004.

Д. Д. Белова

*МГУ им. М. В. Ломоносова / Междисциплинарная
научно-образовательная школа МГУ им. М. В. Ломоносова
«Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»
(Россия, Москва)
dd.belova@yandex.ru*

ПРЕДИКАТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ С МЕСТОИМЕННЫМИ КОНЪЮНКТАМИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Работа посвящена экспериментальному исследованию вариативности предикативного согласования по лицу и числу со множественным контролером — субъектом, выраженным сочиненными местоимениями первого и второго лица. В качестве потенциально значимых факторов выбраны порядок слов (предглагольное или заглагольное положение сочиненного субъекта) и порядок конъюнктов («я и ты» или «ты и я»). Для четырех конфигураций при помощи двух экспериментов проверяется приемлемость трех стратегий согласования: разрешения в соответствии с личной иерархией (форма 1 лица множественного числа), частичное согласование с одним из конъюнктов (формы 1 лица единственного числа и 2 лица единственного числа) и дефолтное согласование (форма 3 лица множественного числа). Результаты показывают, что стратегия разрешения получает самые высокие оценки приемлемости, однако все три стратегии являются потенциально возможными, поскольку оцениваются значимо выше неграмматичных предложений. Получены экспериментальные подтверждения заключений, сделанных ранее на основе корпусных данных, что заглагольное положение субъекта увеличивает приемлемость стратегий, отличных от стратегии разрешения — в частности, частичного согласования с ближайшим конъюнктом. Помимо этого, в работе обсуждаются методологические трудности, возникшие при использовании экспериментальной методики чтения с саморегуляцией скорости.

Ключевые слова: иерархия лица, согласование с ближайшим конъюнктом, личное-числовое согласование, согласование с множественным контролером, вариативное согласование, экспериментальный синтаксис

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

1. Стратегии согласования с множественным контролером

Согласование глагола с подлежащим, выраженным сочиненной группой, является одним из примеров согласования с множественным контролером и в последнее время привлекает все больше внимания со стороны исследователей. Поскольку согласующийся предикат может принять только одно значение признаков лица, числа и рода, в случае несовпадения этих значений у конъюнктов-подлежащих ему необходима некоторая стратегия выбора. В языках мира описано три таких стратегии. Во-первых, значение признака, которое примет согласуемый предикат, может быть некоторым образом «высчитано» исходя из тех значений, которые имеются у конъюнктов. Такая стратегия называется *разрешением*. Относительно категории лица в качестве основания для разрешения выступает типологически распространенная иерархия лица [Zwicky 1997]. Согласно иерархии, предикат принимает то из наличествующих значений признака лица, которое находится выше в иерархии $1 > 2 > 3$. Например, в примере из венгерского языка (1) в позиции подлежащего находятся конъюнкты второго и третьего лица, и предикат принимает значение второго. Обратим внимание, что значение признака числа при этом — множественное.

- (1) ВЕНГЕРСКИЙ
Te és ő mindig el késtek.
 ты и он всегда PRT опаздывать-2PL
 ‘Ты и он всегда опаздываете’.
 [Kiss 2012]

Во-вторых, предикат может принять все признаки (например, и лицо, и число) одного из конъюнктов, а второй при этом игнорируется. В таком случае говорят о *частичном* согласовании. В отличие от стратегии разрешения, частичное согласование может быть чувствительно к линейному положению конъюнктов относительно глагола. В частности, частичное согласование обычно происходит с ближайшим конъюнктом: с первым, если глагол располагается слева от подлежащего, и с последним, если справа. [Munn 1999; van Koppen 2006; Vošković 2009]. Интересно отметить, что согласование с ближайшим конъюнктом часто фиксируется в языках с базовым порядком слов VS, таких как уэльский и арабский, а также вариативно либо в определенных контекстах в языках, где стандартной стратегией является разрешение, но ограничения на порядок слов допускают заглагольную позицию субъекта, как в чешском (2).

- (2) ЧЕШСКИЙ
 a. *Já a ty zůstaneme doma.*
 я и ты остаться.FUT.1PL дома.
 ‘Я и ты останемся дома’.
 [Driemel 2018]
 b. *Půjdu tam já i ty.*
 идти.FUT.1SG там я и ты
 ‘Я и ты оба пойдем туда’.
 [Johannessen 1996]

Наконец, если по каким-то причинам ни одна из двух перечисленных выше стратегий не может примениться, выбирается *дефолтное* согласование — форма предиката, не зависящая ни от каких признаков субъекта [Nevins & Weisser 2018]. Комбинация данных стратегий может проявляться во внутриязыковой вариативности. Например, предложение (3) из словенского языка показывает три возможных формы предиката относительно категории рода: говорящий может выбрать мужской как дефолтный (даже если среди конъюнктов-подлежащих нет ни одного существительного мужского рода), женский как род первого (структурно более высокого) конъюнкта или средний как род линейно ближайшего к предикату конъюнкта.

- (3) [*Teleta in krave] so odšle / odšla /*
 корова.F.PL и теленок.N.PL AUX.PL пошли.F.PL пошли.N.PL
odšli na paso.
 пошли.M.PL на пастбище
 ‘Коровы и телята пошли на пастбище’.
 [Marušič et al. 2015]

В настоящем исследовании мы рассмотрим вариативность выбора стратегии согласования по лицу и числу при согласовании предиката с сочиненными местоимениями на материале русского языка. Согласно нормативным грамматикам (РГ-80), «если в составе ряда объединяются местоимения 1 и 2 или 1 и 3 лица, то уподобляющей (в значении лица) всегда оказывается форма 1 л.» — то есть стратегия разрешения в соответствии с ЛИ [Русская грамматика: §2246]. Однако существует несколько предпосылок к тому, чтобы исследовать потенциальную вариативность предикативного согласования экспериментальными методами. Во-первых, подобные экспериментальные исследования проводились для других языков и подтверждали приемлемость различных стратегий. В работе [Timmermans et al. 2004] показано, что носители немецкого и нидерландского языка часто согласуют предикаты и рефлексивные местоимения с подлежащими с конъюнктами второго и третьего лица по форме 3pl, а не 2pl, что противоречит иерархии лиц. Частичное согласование по ф-признакам в славянских языках также изучалось экспериментально, например, для боснийского / хорватского / сербского [Čordalija et al. 2020].

Во-вторых, существуют свидетельства частичного согласования по ф-признакам и в русском языке. Корпусное исследование [Пекелис 2013] показывает, что конструкции с препозицией глагола упрощают частичное согласование по роду и числу с конъюнктами с повторяющимися союзами (2). Также корпусные (в том числе диалектные) данные русского языка анализируются в работе [Corbett 1985]. Г. Корбетт делает вывод, что согласование по множественному числу очевидно более предпочтительно в препозиции субъекта и «маргинально предпочтительно» в постпозиции и в литературных, и в диалектных текстах. Тем не менее, примеры частичного согласования встречаются в предложениях с обоими порядками слов и текстов обоих типов (3)

- (2) *Я знал, как у Сережи моментально менялся и тон, и выражение лица*
- (3) а. *Раньше отец, мать благословляет молодых.*
б. *Заплачет мать и мой отец.*

Наконец, в-третьих, изучение согласование с сочиненными группами, где обоими конъюнктами выступают местоимения единственного числа, исключительно корпусными методами практически невозможно. Подобные конфигурации представляют из себя достаточно специфичный контекст с точки зрения прагматики (должна быть ситуация, требующая отделения двух участников друг от друга, иначе говорящий мог бы объединить их одним местоимением множественного числа) и информационной структуры. Для конъюнктов «я и ты» / «ты и я» с двумя порядками относительно глагола настоящего времени в НКРЯ находится суммарно 25 вхождений; «я и ты» в заглагольной позиции не встречается ни разу. Ожидаемо, во всех этих примерах мы наблюдаем нормативное согласование по 1pl.

2. Синтаксический эксперимент

Таким образом, методы экспериментального синтаксиса представляются наиболее подходящими для исследования приемлемости различных стратегий предикативного согласования с местоименными конъюнктами разного лица в зависимости от порядка слов и порядка конъюнктов. Опрос большого числа носителей и статистическая обработка полученных данных позволит надежно обнаружить вариативность, если таковая есть. Кроме того, различные экспериментальные методики позволяют не только оценить относительную приемлемость возможных вариантов, но и сделать выводы о процессе когнитивной обработки предложений. Если один из вариантов будет требовать больших ресурсных затрат на обработку, следовательно, его стоит признать менее естественным в системе русского языка (см. [Федорова 2013; Герасимова 2021] для детального обсуждения принципов и условий использования экспериментальных методов в современном синтаксисе).

Для оценки приемлемости традиционно используется методика извлечения суждений по шкале Ликерта от одного до пяти или семи, где оценка 1 соответствует «плохому», неприемлемому предложению, а оценка 5/7 — «хорошему», приемлемому [Likert 1932]. Респонденту предъявляется предложение-стимул и шкала, на которой он должен выбрать значение, соответствующее его представлению о приемлемости этого предложения.

Одна из методик, используемая для измерения когнитивной нагрузки, — это т. н. онлайн-методика чтения с саморегулирующей скорости (см., например, [Федорова 2008]). В данном случае предложение-стимул предъявляется респонденту не целиком, а поэлементно (каждое знаменательное слово представляет из себя отдельный элемент, при этом в один элемент часто объединяют, например, предлоги и союзы с последующим словом). Все элементы в предложении изначально закрыты, и чтобы открыть следующий элемент, респонденту необходимо нажать на кнопку. Время между нажатиями автоматически фиксируется, таким образом, исследователь получает информацию о времени чтения каждого элемента в предложении. Более высокое время чтения сигнализирует о больших когнитивных затратах, необходимых

для построения структуры соответствующего предложения. В частности, увеличение времени чтения определенного элемента может значить, что до момента его открытия респондент предполагал такую структуру предложения, в которую данный элемент не может быть встроен, что влечет за собой необходимость в реанализе всего предложения.

2.1. Дизайн

Мы провели два эксперимента с использованием методик извлечения суждений по шкале Ликерта 1–7 и чтения с саморегуляцией скорости. Эксперименты имели идентичный дизайн с двумя проверяемыми факторами: порядком конъюнктов («я и ты» или «ты и я») и формой предиката (разрешение в соответствии с иерархией лица — 1pl, частичное согласование с одним из конъюнктов — 1sg и 2sg, дефолтное согласование — 3pl). В одном эксперименте стимулы имели структуру SVO, в другом — OVS, лексикализации стимулов были идентичны. Пример экспериментальных блоков SV- и VS-экспериментов приведены в (5). Подлежащие предъявлялись респондентам как три отдельных элемента.

- (5) а. *Я и ты покупаем / покупаю / покупаешь / покупают телевизор для бабушки.*
б. *Ты и я покупаем / покупаю / покупаешь / покупают телевизор для бабушки.*
с. *Телевизор для бабушки покупаем / покупаю / покупаешь / покупают я и ты.*
д. *Телевизор для бабушки покупаем / покупаю / покупаешь / покупают ты и я.*

Тестовые стимулы чередовались с грамматичными и неграмматичными филлерными предложениями. Филлерные стимулы необходимы для того, чтобы респондент не догадался о цели проведения эксперимента, а также для возможности исключить из рассмотрения ответы аномальных респондентов (например, если респондент оценивает очевидно неграмматичные филлеры как приемлемые). Грамматичные филлеры содержали сочиненную группу, состоящую из двух существительных либо существительного и местоимения, в позиции подлежащего или дополнения. В неграмматичных филлерах встречались очевидные ошибки в согласовании по лицу с сочиненной именной группой и ошибки в падежном управлении предлогов. Примеры грамматичных и неграмматичных филлеров приведены в (6).

- (6) а. *Бабушка сделала прически мне и Любе.*
б. *Кира и Галя отправила свои стихи в районной газеты.*

Перед началом эксперимента респонденты заполняли небольшую социолингвистическую анкету, где указывали свой возраст, города рождения и проживания, а также наличие образования, связанного с науками о языке.

2.2. Результаты

Эксперименты распространялись в социальных сетях и на платформе «Яндекс.Толока» (<https://toloka.yandex.ru>). Первый эксперимент прошли 107 респондентов-носителей русского языка, второй эксперимент — 126 респондентов. Перед

статистической обработкой оценки по шкале Ликерта подвергались нормализации — процедуре, позволяющей нивелировать индивидуальные особенности использования шкалы у каждого респондента.

Нормализованные оценки стимулов обоих экспериментов представлены в таблице 1.

Табл. 1. Нормализованные оценки стимулов SV- и VS-экспериментов

Порядок конъюнктов	Форма глагола	SVO-эксперимент	OVS-эксперимент
«Я и ты»	1pl	0.714	0.456
	1sg	-0.493	-0.180
	2sg	-0.589	-0.543
	3pl	-0.371	-0.377
«Ты и я»	1pl	0.748	0.442
	1sg	-0.489	-0.444
	2sg	-0.530	-0.251
	3pl	-0.326	-0.384
Грамматические филлеры		1.19	1.23
Неграмматические филлеры		-0.810	-0.910

Результаты показывают, что все три стратегии предикативного согласования получают оценки выше, чем неграмматические филлеры, то есть являются потенциально возможными. Нормативная стратегия разрешения в соответствии с личной иерархией, то есть форма 1pl, получает наиболее высокие оценки при обоих порядках слов и при обоих порядках конъюнктов. Стратегия дефолтного согласования по 3pl также получает оценки на одном уровне относительно порядка конъюнктов, то есть не имеет различий в оценках между «я и ты» и «ты и я». Приемлемость же стратегии частичного согласования, в отличие от двух первых, зависит от позиции субъекта относительно предиката. В SV-эксперименте фактор порядка конъюнктов оказался незначимым, а предложения с формами глагола 1sg и 2sg получили наиболее низкие оценки. В VS-эксперименте наблюдается явный эффект согласования с ближайшим конъюнктом: после предиката в форме 1sg сочиненная конструкция «я и ты» получает значимо более высокие оценки, чем «ты и я», и аналогичная закономерность обнаруживается с формой 2sg. Те конфигурации, где глагол и первый конъюнкт совпадают по лицу, также оцениваются выше, чем дефолтное согласование.

Обратимся теперь к времени чтения. Мы выдвигали следующие рабочие гипотезы. При порядке слов SVO можно ожидать, что формы глагола, отличные от формы 1pl, будут требовать больше времени. При порядке OVS же мы ожидаем большее время чтения у первого местоимения-конъюнкта, если оно не совпадает по признаку лица с формой глагола, по сравнению со временем чтения совпадающих местоимений. Результаты среднего времени чтения глагола (в мс) для стимулов SVO-эксперимента представлены в таблице 2.

Табл. 2. Среднее время чтения глагола в стимулах SV-эксперимента

Порядок конъюнктов	Форма глагола	Время чтения глагола
«Я и ты»	1pl	1310
	1sg	1267
	2sg	1272
	3pl	1269
«Ты и я»	1pl	1295
	1sg	1274
	2sg	1222
	3pl	1251

В таблице 3 приведены результаты времени чтения трех элементов, составляющих субъект (первого конъюнкта, союза *и* и второго конъюнкта) для эксперимента с порядком слов OVS.

Табл. 3. Среднее время чтения элементов, составляющих субъект, в стимулах VS-эксперимента

Порядок конъюнктов	Форма глагола	Первый конъюнкт	Союз	Второй конъюнкт
«Я и ты»	1pl	1160	1057	1173
	1sg	1149	1043	1145
	2sg	1182	1070	1165
	3pl	1151	1083	1164
«Ты и я»	1pl	1165	1089	1161
	1sg	1168	1089	1171
	2sg	1157	1073	1171
	3pl	1174	1111	1166

Ни одна из рабочих гипотез не подтвердилась полученными данными. В SVO-эксперименте попарное сравнение времени чтения глагола (4 элемент) с помощью двустороннего *t*-критерия Стьюдента не находит статистически значимых отличий времени чтения глагола в стимулах с формой 1pl от других форм при обоих порядках конъюнктов. В OVS-эксперименте нет различий во времени чтения первого конъюнкта при двух порядках; единственное обнаруженное различие — это более короткое время чтения союза *и* в стимулах со всеми формами глагола, кроме 2sg, при порядке «я и ты».

Эти результаты кажутся весьма неожиданными. Результаты SVO-эксперимента однозначно показывают, что формы глагола имеют разную степень приемлемости, но при этом все они требуют одинакового времени, следовательно, одинаковых когнитивных ресурсов на обработку. В OVS-эксперименте, в свою очередь, мы предполагали увидеть признаки реанализа: респондент строит возможную структуру предложения по мере чтения, и когда он доходит до местоимения-подлежащего, которое в эту структуру не встраивается из-за несоответствия предикату, оказывается

вынужден реанимировать эту структуру. Можно предложить альтернативную гипотезу, предполагающую реанализ в другой точке стимулов, а именно на союзе при формах глагола единственного числа и таком порядке конъюнктов, при котором первым стоит местоимение, совпадающее по лицу и числу с формой предиката. В таком случае респондент успешно строит структуру, при которой единственное местоимение занимает позицию подлежащего и не требует дальнейшего сочинения, чтобы удовлетворить признак числа на предикате, поэтому союз *и* оказывается для читателя неожиданным. Однако и эта гипотеза не объясняет полученные данные: из двух форм глагола единственного числа только одна показывает значимые различия во времени чтения глагола, при этом различия есть у форм множественного числа, которые в предполагаемый паттерн не укладываются. Таким образом, наиболее правдоподобным кажется связать результаты времени чтения с методологической проблемой. И местоимения, и союз являются очень короткими одно- или двухбуквенными словами. Поскольку они предъявлялись респондентам по отдельности как три последовательных элемента, время чтения каждого могло само по себе быть слишком кратким для оценки когнитивной нагрузки.

3. Заключение

Таким образом, результаты двух проведенных экспериментов показывают, что все три стратегии предикативного согласования по лицу и числу с сочиненным подлежащим, выраженным местоименными конъюнктами, потенциально возможны: и разрешение в соответствии с личной иерархией (форма 1pl), и частичное согласование (формы 1sg и 2sg), и дефолтное согласование (форма 3pl) оцениваются значимо выше, чем неграмматичные филлеры, то есть являются в той или иной степени приемлемыми для носителей. Вместе с этим, мы получили экспериментальное подтверждение феномена, обнаруженного ранее на материале корпусных данных: заглагольное положение подлежащего повышает приемлемость частичного согласования по сравнению с предглагольным. Иными словами, при порядке слов (O)VS согласование глагола с первым (ближайшим к нему) конъюнктом более вероятно, чем при порядке SV(O). Неожиданно высокие оценки показали предложения с дефолтным согласованием: предикат может принимать значение третьего лица даже в том случае, если подлежащее содержит только местоимения первого и второго лица. Аналогичный феномен наблюдается с согласованием по категории рода в словенском языке, где предикат может принимать мужской род даже в том случае, если такого значения нет среди конъюнктов-подлежащих.

Литература

Герасимова А. А. Проблематика и методики экспериментального синтаксиса // Русские острова в свете экспериментальных данных / под ред. Е. А. Лютиковой, А. А. Герасимовой. М.: Буки Веди, 2021. С. 56–78.

Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86.

РГ 1980 — Русская грамматика: в 2 тт. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Федорова О. В. Основы экспериментальной психолингвистики: Принципы организации эксперимента. М.: Спутник+, 2008.

Федорова О. В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 3–21.

Bošković Ž. Unifying first and last conjunct agreement // Natural Language and Linguistic Theory. 2009. Vol. 27. No. 3. P. 455–496.

Corbett G. Hierarchies, Targets and Controllers. Agreement Patterns in Slavic. London, Canberra: Croom Helm, 1985.

Driemel I. Person mismatch agreement // Proceedings of the 48th North East Linguistic Society / S. Hucklebridge, M. Nelson (eds.). UMass Amherst: GLSA Publications. 2018.

Harbert W., Bahloul M. Postverbal subjects in Arabic and the theory of agreement // Themes in Arabis and Hebrew Syntax. Dordrecht: Springer. 2002. P. 45–75.

Johannessen J. B. Partial agreement and coordination. Remarks and Replies. // Linguistic Inquiry. 1996. P. 661–676.

Kiss K. E. Patterns of agreement with coordinate noun phrases in hungarian // Natural Language and Linguistic Theory. 2012. Vol. 30. P. 1027–1060.

van Koppen M. One Probe, Multiple Goals: the case of First Conjunct Agreement // Special Issue of Leiden Papers in Linguistics. 2006. P. 25–52.

Likert R. R. A technique for the measurement of attitudes // Archives of Psychology. 1932. Vol. 140. P. 1–55.

Marušič F., Nevins A, Badecker B. The grammars of conjunction agreement in Slovenian // Syntax. 2015. Vol. 18. P. 39–77.

Munn A. First conjunct agreement: Against a clausal analysis // Linguistic Inquiry. 1999. Vol. 30. No. 4. P. 643–668.

Nevins A., Weisser P. Closest Conjunct Agreement // Annual Review of Linguistics. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 219–241.

Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German // Linguistics. 2004. Vol. 42. P. 905–929.

Zwicky A. M. Hierarchies of person // Papers from the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1977. P. 714–733.

D. D. Belova

*Lomonosov Moscow State University / Interdisciplinary
Scientific and Educational School of Moscow University*

“Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”

(Russia, Moscow)

dd.belova@yandex.ru

PREDICATE AGREEMENT WITH PRONOMINAL CONJUNCTS: AN EXPERIMENTAL RESEARCH

The paper’s primary objective is an experimental investigation of the variability of predicate agreement in person and number with a subject that is a multiple controller and is expressed by first- and second-person pronouns. We have selected the word order (the preverbal or postverbal position of the coordinated subject) and the order of conjuncts (“I and you” or “you and me”). Two experiments examine the acceptability of three agreement strategies for four configurations: resolution agreement based on the personal hierarchy (1pl verb form), partial agreement with one of the conjuncts (1sg and 2sg verb forms), and default agreement (3pl verb form). The resolution strategy ranked the highest in acceptability, according to the results, but all three strategies are possible because they get higher ratings than ungrammatical sentences. Experimental evidence has been obtained for the conclusions made earlier on the basis of corpus data that the verbal position of the subject increases the acceptability of strategies other than the resolution strategy, in particular, partial agreement with the closest conjunct. In addition, the paper discusses the methodological difficulties that arose when using an experimental task of self-paced reading.

Keywords: hierarchy of person, closest conjunct agreement, person-number agreement, multiple controller agreement, agreement variation, experimental syntax

References

Bošković Ž. Unifying first and last conjunct agreement. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2009, vol. 27, no. 3, pp. 455–496.

Corbett G. *Hierarchies, Targets and Controllers. Agreement Patterns in Slavic*. London, Canberra: Croom Helm, 1985.

Driemel I. Person mismatch agreement. *Proceedings of the 48th North East Linguistic Society*. S. Hucklebridge, M. Nelson (eds.). UMass Amherst: GLSA Publications, 2018.

Fedorova O. V. *Osnovy eksperimental'noi psikholingvistiki: Printsipy organizatsii eksperimenta* [Fundamentals of experimental psycholinguistics: Principles of organizing an experiment]. Moscow, “Sputnik+” Publ., 2008. (In Russ.)

Fedorova O. V. [On experimental syntax and syntactic experiment in linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2013, no. 1, pp. 3–21. (In Russ.)

Gerasimova A. A. [Problems and methods of experimental syntax]. *Russkie ostrova v svete eksperimental'nykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data].

E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova (eds.). Moscow, “Buki Vedi” Publ., 2021, pp. 56–78. (In Russ.)

Harbert W., Bahloul M. Postverbal subjects in Arabic and the theory of agreement. *Themes in Arabis and Hebrew Syntax*. Dordrecht: Springer, 2002, pp. 45–75.

Johannessen J. B. Partial agreement and coordination. Remarks and Replies. *Linguistic Inquiry*, 1996, pp. 661–676.

Kiss K. E. Patterns of agreement with coordinate noun phrases in hungarian. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2012, vol. 30, pp. 1027–1060.

van Koppen M. One Probe, Multiple Goals: the case of First Conjunct Agreement. *Special Issue of Leiden Papers in Linguistics*, 2006, pp. 25–52.

Likert R. R. A technique for the measurement of attitudes. *Archives of Psychology*, 1932, vol. 140, pp. 1–55.

Marušič F., Nevins A., Badecker B. The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*, 2015, vol. 18, pp. 39–77.

Munn A. First conjunct agreement: Against a clausal analysis. *Linguistic Inquiry*, 1999, vol. 30, no. 4, pp. 643–668.

Nevins A., Weisser P. Closest Conjunct Agreement. *Annual Review of Linguistics*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 219–241.

Pekelis O. E. [“Partial agreement” in a construction with a repeated conjunction: a corpus study of the main patterns]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2013, no. 4, pp. 55–86. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. (Vols. 1–2). N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980. (In Russ.)

Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. *Linguistics*, 2004, vol. 42, pp. 905–929.

Zwicky A. M. Hierarchies of person. *Papers from the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1977, pp. 714–733.

О. И. Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
o.i.glazunova@mail.ru

НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВЫСОКОЙ, ОЧЕНЬ ВЫСОКОЙ И ПРЕДЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРИЗНАКА

В статье представлена классификация наречий степени *почти, очень, много, совершенно, совсем* со значением высокой, очень высокой и предельной степени проявления признака, а также выявлены закономерности их сочетания с признаковыми лексемами. Общей особенностью наречий степени является возможность сочетания их с лексемами, которые выражают признак, способный проявляться с разной степенью интенсивности.

Каждое из наречий степени обладает своими валентными характеристиками, обусловленными историческим развитием языка, а также семантикой лексем, которые образуют с ними словосочетания. В зависимости от того, базируются ли значения признаков лексем на объективных количественных показателях (скорости, температуры, энергии излучения и т. д.) или соотносятся с неопределенными субъективно-оценочными значениями, указывающими на физические, эмоциональные или ментальные состояния, они по-разному будут взаимодействовать с наречиями степени со значением высокой, очень высокой и предельной степени проявления признака.

Еще одним фактором, определяющим возможность сочетания наречий степени с признаковыми лексемами, является положительный или отрицательный статус этих лексем в сознании носителей языка. Если наречие *почти*, указывающее на очень высокую степень приближения к признаку, употребляется с лексемами положительной семантики, то наречия *совсем, совершенно*, выражающие предельную степень проявления признака, сочетаются с лексемами отрицательной семантики.

Наречие *очень* в большей степени используется с прилагательными и глаголами, выражающими чувства и эмоции как положительной, так и отрицательной семантики, однако с лексемами, обозначающими физические или ментальные состояния, его употребление ограничено. С наречием *совсем* сочетаются признаковые лексемы со значением, связанным с объективными (визуальными, вкусовыми,

тактильными и т. д.) показателями, с наречием *совершенно* — лексемы с абстрактным значением.

Ключевые слова: средства выражения интенсивности, наречия степени, семантика признаков лексем, правила сочетаемости.

1. Количественные наречия, наречия степени, наречия меры и степени

Проблема употребления наречий, обозначающих интенсивность проявления признака, усугубляется тем, что в современном языкознании нет согласия относительно того, какие из них входят в разряд наречий степени, а какие представляют собственно количественные или другие виды наречий. Некоторые исследователи отождествляют наречия степени и количественные наречия (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов), другие называют их количественно-определятельными наречиями (Л. П. Павленко, Г. Н. Акимова), третьи используют название «наречия меры и степени» (С. М. Колесникова, Д. В. Сичинава) или «интенсификаторы» (Ю. П. Князев, С. Е. Родионова).

В «Русской грамматике — 80» выделяется следующая группа наречий степени: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, настолько, вдвое, впятеро; едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть-чуть, немного, несколько, капельку* (разг.), *крошечку* (разг.) [Русская грамматика 1980: 702]. Другие исследователи включают в эту группу наречия *почти, значительно, достаточно, чрезвычайно, безмерно* и др. Например, В. В. Виноградов в группу наречий со значением степени качества вместе с наречиями *очень, почти, еле, едва, чуть* включил наречия *сколько, столько, так, как* [Виноградов 2001: 305].

Подобный разброс имеет объективные причины. Большинство наречий представляют собой производные лексемы, мотивированные различными частями речи, и это предполагает наличие в их значении разного рода коннотаций. В данной работе мы будем исходить из того, что входящие в данную группу наречия должны быть связаны с выражением степени (меры) проявления соотносящегося с ними признака.

Согласно определению, степень как нематематическое понятие — это сравнительная величина, которая выражает «сравнительное **количество**, сравнительный **размер**, сравнительное **качество** чего-н.» (выделено мной — О. Г.) [Толковый словарь русского языка 1940]. При таком подходе наречия степени в сочетании с существительными и признаковыми лексемами выражают значения, которые отличаются от выражаемых этими лексемами нейтральных значений или ситуативно не соответствуют положению дел в действительности. Например, словосочетание *совсем зима* указывает на то, что описываемая погода не соответствует времени года; *очень (весьма) глуп* свидетельствует о значительной степени глупости; *немного устал*, наоборот, фиксирует незначительность проявления признака.

Вместе с тем, если словосочетание *немного устал*, выражающее незначительную степень проявления признака, в русском языке вопросов не вызывает, то

*много устал нормативным не является. При выражении высокой степени (меры) интенсивности данного признака носителю языка приходится использовать другие варианты: *очень (весьма, слишком, крайне, страшно* и т. д.) *устал*. Не используются в русском языке и словосочетания **еле (чуть, едва) старик*, **очень старик*, **еле (чуть, едва) плакал*, **еле (чуть, едва) свежий*, **почти говорил*, **очень говорил*, хотя варианты *почти старик*, *почти плакал*, *почти свежий*, *еле говорил*, *едва успел*, *очень радовался* вопросов не вызывают.

Языковая норма — это закрепленные в кодифицированных изданиях варианты употребления языковых единиц разных уровней (звуков речи, слов, словосочетаний, предложений), которые соответствуют логике исторического развития языка, а также ментальным и произносительным особенностям, присутствующим в сознании большинства образованных его носителей. Норма всегда объективна, она базируется на принятых в обществе представлениях об окружающей действительности, поэтому разница в использовании наречий степени с разного рода лексемами не только может, но и должна быть выявлена и описана.

Образуя область субъективно-оценочных значений, наречия степени позволяют говорящему квалифицировать признак без использования точных количественных показателей. При выражении интенсивности проявления признака употребляются наречия, указывающие на разную степень приближения к значению, выраженному главным словом: *почти старик*, *еле шел*, *крайне удивился*, *совершенно низкий*. В этом случае мы имеем дело с качественно-количественными показателями интенсивности проявления зафиксированного в лексеме признака.

Стоит отметить, что некоторые наречия степени могут сочетаться как с номинативными, так и с признаковыми лексемами: *совсем (немного, почти) взрослый*, *совсем (немного, почти) старый*, *совсем (немного, почти) развеселился*. Таких наречий в русском языке немного, и они требуют специального изучения¹.

Как уже говорилось, важная особенность качественно-количественных признаков значений состоит в возможности проявления качества с разной степенью (мерой) интенсивности, соотносящейся с определенными или неопределенными количественными показателями. Определенные физические количественные показатели, например, лежат в основе различения цветов, выраженных прилагательными *голубой — синий*, *красный — оранжевый*, *желтый — зеленый* (частота спектра и энергия излучения), скорости движения у глаголов *плестись — идти — бежать*, количества или порядка следования у числительных. На основе неопределенных количественных показателей «больше — меньше» формируются степени сравнения

¹ В этой связи стоит обратить внимание еще на один вопрос, который связан с наречиями степени. В современных кодифицированных изданиях образование слов *малокалорийный*, *малоисследованный*, *малоквалифицированный*, *малосущественный*, *малозаметный*, *малонаселенный*, *малочисленный*, *многочисленный*, *многообещающий*, *многометровый*, *многоуважаемый* трактуется как результат сложения основ: корня -*мал-/мног-*, интерфикса -*о-*, второго корня -*калорий-* и т. д. Однако их с большим основанием можно рассматриваться как результат сращения, т. е. слияния воедино целого словосочетания — наречия *много/мало* и прилагательного или причастия.

прилагательных и образованных от них наречий, а также употребляются наречия степени *почти, еле, едва, чуть* и др.

Признаковые значения в русском языке выражаются с помощью разных частей речи — не только прилагательных и глаголов, но и существительных, наречий, местоимений, числительных, которые в разной мере сочетаются с наречиями степени. При этом понятийное содержание событийных и признаковых существительных (*дождь, сражение, младенец, печаль*) определяется набором присущих им наиболее существенных признаковых значений, которые обладают разной степенью интенсивности. В зависимости от этих значений лексемы могут образовывать группы по степени проявления релевантного для них признака: *ребенок — взрослый — старик, угол (в комнате) — комната — квартира — дом, бой — сражение — битва, морось — дождь — ливень, грусть — печаль — скорбь* и т. д.

В случае необходимости дополнительная детализация степени проявления признака, заложенного в значении лексемы, может осуществляться за счет лексических средств: номинативных (*младенец — ребенок — юнец — взрослый — пожилой — старик*) или признаковых (*слабая морось — морось — дождь — проливной дождь — ливень — сильный ливень, тихо шептать — шептать — говорить — громко говорить — кричать — пронзительно кричать*). Детализировать степень проявления признака можно и с помощью специально предназначенных для этого наречий степени, указывающих на точность соответствия или на разную степень отдаленности интенсивности проявления признака от типового значения, выраженного главным словом: *совершенно взрослый почти ливень, совсем тихий*.

Значение интенсивности, соотносящееся в русском языке с наречиями степени, включает следующие стадии воплощения: 1) высшую степень проявления признака (*очень, удивительно, исключительно, слишком, много, абсолютно, совершенно, чересчур, чрезвычайно, крайне, весьма, совсем*); 2) сравнительно-относительную степень проявления признака (*настолько, гораздо, необычно, вдвое, втрое*); 3) приблизительную степень проявления признака с низкой или высокой мерой его реализации (*едва, еле, чуть, почти*).

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» наречия степени градуируются с помощью шкалы интенсивности проявления признака: «меньше нормы (ср. *немного, мало; еле, едва, чуть, слегка; слабо* и т. п.); норма (ср. *достаточно, довольно*), больше нормы (ср. *очень, предельно, крайне, совершенно* и др.)» [Новый объяснительный словарь русского языка 2003: 747]. С нашей точки зрения, с понятием нормы наречия *достаточно, довольно* могут соотноситься лишь условно, т. к. указывают на высокую степень приближения к выраженному лексемой признаку. С нормой в данном случае может соотноситься лишь сама лексема, выражающая данный признак. Ф. И. Панков относит *достаточно, довольно* к группе наречий «с количественно-оценочным значением средней степени признака» [Панков 2005: 45].

Если рассматривать *достаточно* и *довольно* в качестве наречий степени, то в сочетании с признаковой лексемой они будут выражать сравнительно-относительную

степень проявления признака: суп *достаточно солёный* (для меня, кому-то он может показаться пресным); здание *достаточно высокое* (для этого города, в другом городе оно может показаться низким), я *достаточно поработал* (выполнил столько дел, сколько считал нужным) и т. д.

Разница в проявлении интенсивности признака выражается в языке и с помощью качественных наречий: *страшно, исключительно, фантастически, слишком; значительно, несравнимо, стократ; насилию, капельку, крошечку, немножко, практически, приблизительно, примерно* и др., которые, присоединяясь к признаковой лексеме, дополнительно могут раскрывать связанные с субъектом оценки номинативные, экспрессивные или стилистические значения. Если наречия степени указывают на количественный компонент интенсивности признака, то качественные наречия в большей степени связаны с оценкой качества его проявления.

Обратимся к рассмотрению наречия *почти*, которое в сочетании с признаковой лексемой выражает приблизительную степень проявления признака с высокой мерой его реализации.

2. Наречие *почти* со значением высокой степени проявления признака

2.1. Среди наречий степени *почти* обладает самым широким спектром сочетаемости с лексемами, выраженными разными частями речи, — существительными, прилагательными, глаголами, причастиями, деепричастиями, наречиями и местоимениями: *почти сутки, почти здоровый, почти выполнил, почти любимый, почти закончив, почти внятно, почти никто*. И это неудивительно.

Этимология наречия *почти*, сложившегося «на базе формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения глагола *почьсти* — “счесть”» и буквально означающего ‘сочти’, ‘сосчитай’ в древнерусском языке [Шанский и др. 1971: 359], открывает широкий спектр сочетаемостных возможностей: *почитать* в значении ‘воспринимать’ можно все что угодно, включая качественные наречия, которые с другими наречиями степени не употребляются: *плясал почти вприсядку, дошел почти пешком*².

Однако значение наречия *почти* налагает на его употребление и определенные ограничения. В составе словосочетания *почти*, эксплицитно указывая на высокую степень приближения к выраженному главной лексемой признаку, содержит имплицитно заложенное отличие от предшествующей фазы его интенсивности. Если лексема не предполагает предшествующей фазы интенсивности проявления признака, то наречие *почти* с ней не употребляется. Нельзя сказать *почти ребенок, почти младенец*³, но можно сказать *почти юноша* (т. е. уже не ребенок), *почти взрослый* (уже не юноша), *почти старик* (уже не просто взрослый человек).

² См. об этом: «Некоторые наречия образа действия, ср. *пешком, вприсядку*, качественными в оговоренном выше смысле не являются, т. к. не сочетаются с показателями степени, ср.: **очень вприсядку*» [Кустова 2018б: 128].

³ В данном случае речь идет о прямых, а не переносных значениях.

Ненормативность употребления в прямом значении словосочетаний **почти младенец*, **почти ребенок* связана с тем, что состояния, выраженные существительными *младенец* и *ребенок*, соотносятся с начальными фазами восприятия возраста человека. Они лишены значения перехода и их использование исключает возможность сопоставления с предыдущими возрастными категориями по принципу «уже не ...». То же самое ограничение будет действовать и в отношении глаголов: например, в ряду лексем *тащиться — идти — бежать* со значением возрастающей скорости передвижения нормативным будет лишь словосочетание *почти бежал*. Остальные (как и сочетания **почти шептал*, **почти говорил*), обозначающие начальные фазы проявления признака, в автономной позиции, т. е. без обоснования цели данного употребления, в литературном языке с наречием *почти* не сочетаются.

В языке диапазон значений, проявляющихся с большей или меньшей степенью интенсивности, может быть связан с самыми разными показателями: возрастом, цветом, температурой, временем, физико-химическими процессами, характером движения, погодой, аксиологической оценкой и т. д. Каждый такой показатель будет выступать как базовое родовое значение (архисема), выражающее интегрирующее качество или свойство соотносящихся друг с другом лексем: *мерцать — светить — ослеплять* (свет); *всхлипывать — плакать — рыдать* (эмоции); *теплый — горячий — обжигающий, прохладный — холодный — ледяной* (температура); *тлеть — гореть — пылать* (физико-химический процесс); *секунда — минута — час, год — век — тысячелетие* (время) и т. д. Закрепленные в значениях лексем варианты интенсивности проявления интегрального признака будут составлять дифференциальные значения, которые соотносятся уже не с качественными, а с количественными показателями: *тлеть, мерцать, всхлипывать* (низкая степень реализации признака) — *пылать, ослеплять, рыдать* (высокая степень реализации признака).

Между низкой и высокой степенями реализации признака существует усредненный вариант, который для этого признака выступает в качестве нормативного (общепринятого) уровня проявления: *гореть, светить, плакать, холодный, горячий*. Стоит отметить, что значения, соотносящиеся с усредненными признаковыми лексемами, соответствуют тому, что человек наблюдает в окружающей его действительности и чему находит практическое применение. Очевидно, что температура *горячего чая* будет отличаться от температуры *горячего лба*, однако и в том и в другом случае в языке используется одна и та же лексема.

Помимо возможной градации значений внутри одного признака, материальный и вслед за ним духовный мир включает деление на противоположные сущности: *холодный — горячий, протон — нейтрон, сладкий — горький, добро — зло, прийти — уйти* и т. д. Таким образом, некоторые ряды соотносящихся друг с другом признаковых лексем могут дополняться рядами с противоположным признаковым значением: *ледяной — холодный — прохладный — теплый — горячий — обжигающий* (температура); *хохотать — смеяться — улыбаться — всхлипывать — плакать — рыдать* (эмоции). По мнению С. М. Колесниковой, «градуальный стереотип

опирается на соотношение субъективного и объективного, в которых учитывается некоторая “умеренность”, нормативное представление градуирующего субъекта с его описательными (дескриптивными) признаками и их количественно-качественными характеристиками» [Колесникова 2018: 10].

Стоит отметить, что деление на противоположные сущности не затрагивает объекты материального мира. Ряды лексем типа *ребенок — взрослый — старик, год — век — тысячелетие, утро — день — вечер — ночь, весна — лето — осень — зима* в силу своей «материальности» не имеют антонимов и развиваются от слабо выраженных положительных значений к высшей степени проявления признака. Для целого ряда сущностей (например, деления по половому, биологическому, физиологическому признаку: *мужчина — женщина, человек — животное, жизнь — смерть*) природа не предоставляет возможности оппозиционной градации, но при выстраивании лексических рядов по другим интегрирующим значениям (например, возрасту: *мальчик — юноша — мужчина — старик, девочка — девушка — женщина — старуха*) градация возможна и, соответственно, возможно употребление наречия *почти* с некоторыми из данных лексем: *почти мужчина, почти старик, почти девушка, почти женщина, почти старуха*.

2.2. Итак, с одной стороны, мера как принцип деления дает человеку возможность ориентироваться в пространстве, сохраняя представление о формах взаимодействия и соотношениях присутствующих в природе противоположных начал и, соответственно, о равновесии как наиболее стабильной форме существования сущностей во внешнем и внутреннем мире. С другой стороны, в качестве принципа измерения мера позволяет соотносить друг с другом различные в качественном отношении вещи, а как принцип трансформации определяет возможности для качественного перехода одного признака в другой на основе изменения количественных показателей уровня его проявления.

И такого рода переходы в лексическом составе языка могут отражаться по-разному: основываясь на антонимичном бинарном признаке (*опоздал — успел, голодный — сытый, простой — сложный, свежий — черствый, город — деревня, земля — небо, правда — ложь, прямо — криво, все — никто, никакой — любой*) или на мультинарном признаке, выраженном с помощью качественно-количественной шкалы значений. Последний вариант может включать оппозиционные (антонимичные) составляющие: *радостный — веселый — беспечный — печальный — мрачный, крошечный — маленький — небольшой — большой — огромный*, или базироваться на градации внутри одного и того же признака: *розовый — красный — бордовый*.

Лексемы, входящие в состав рядов, базирующихся на едином категориальном признаке, могут сочетаться с наречием *почти* только в том случае, если в сознании носителей языка выраженный ими признак рассматривается сопоставительно — как переход от предыдущей или оппозиционной фазы его развития: *почти розовый* (при описании светло-серых и светло-бежевых тонов с розоватым оттенком), *почти свежий* (еще не черствый), *почти правда* (не совсем ложь), *почти город* (уже не деревня), *почти прямо* (не очень криво), *почти все* (значительно больше половины), *почти всегда* (в подавляющем большинстве случаев) и т. д.

Если сопоставление не является общепринятым (например, при сочетании *почти* с лексемами, значения которых выражают начальные фазы интенсификации признака или не обладают градуальными возможностями), оно может быть представлено эксплицитно в качестве слова, за которым идет уточнение: Университет был молодой и *маленький, почти крошечный* (А. Востриков «909-я»); Передо мной стояла *девушка лет шестнадцати, почти девочка* (Ю. Олеша «Зависть»); Он поскорее поспешил принять такой же *хмурый, почти печальный* взгляд, тем более, что настроение его действительно было скверным (Н. Гу «Когда смоковница приносит плоды»); Два случая. Между ними-срок *долгий, почти жизнь* (Б. Екимов «Не ругай меня...»). Варианты обратного (от большего значения к меньшему) уточняющего сопоставления с использованием наречия *почти* свойственны художественной литературе, хотя в разговорной речи они тоже встречается, и даже при имплицитном присутствующем уточняющем признаке: Она *почти ребенок*.

Антонимичные номинативные лексемы, построенные по принципу деления на противоположные сущности, как правило, выражают высшие степени проявления признака; следовательно, они в равной степени могут сочетаться с наречием *почти*: *почти день/ночь, почти зима/лето, почти друг/враг, почти праздник/будни, почти мир/война, почти взрослый/ребенок, почти красавец/урод* и т. д.

С адъективной лексикой дела обстоят сложнее. Анализ сочетаемостной активности качественных прилагательных-антонимов позволяет сделать следующий вывод: наречие *почти* в большей степени употребляется с теми из них, которые в сознании носителей языка имеют позитивное значение. Сравните: *почти хороший* — *почти плохой, *почти чистый* — *почти грязный, *почти смелый* — *почти трусливый, *почти тихий* — *почти громкий, *почти прямой* — *почти кривой, *почти новый* — *почти старый, *почти сытый* — *почти голодный, *почти простой* — *почти сложный, *почти умный* — *почти глупый, *почти широкий* — *почти узкий и т. д.

При этом с лексемами, обладающими в сознании носителей языка негативным значением, как правило, сочетается наречие *немного*: *немного грязный (голодный, старый, сложный, глупый, трусливый, громкий, узкий)* и т. д.⁴ Данное обстоятельство, безусловно, свидетельствует об определенном оптимизме мышления носителей русского языка, которые интуитивно стремятся негативную характеристику представить в минимальной степени ее проявления и, наоборот, максимально увеличить степень обладания положительным качеством.

Антонимичные прилагательные, имеющие нейтральное значение (например, обозначающие физические явления — температуру, скорость, громкость, цвет и т. д.), могут в равной степени употребляться с наречием *почти*: вода *почти горячая* — вода *почти холодная*; асфальт *почти мокрый* — асфальт *почти сухой*; Погода была *почти тихая*, при легком бризе (Ю. Юль «Записки датского посланника

⁴ К этой группе относятся и существительные, мотивированными соответствующими прилагательными. Ср.: *почти храбрец* — *почти трус; *немного храбрец — *немного трус*.

при Петре Великом»); — Я его раба, я вся в его власти... и если не его лично, то во власти прошлого! — вырвался у ней *почти громкий*, отчаянный крик (Н. Гейнце «Аракчеев»).

2.3. Интересные результаты дал анализ парной антонимичной адъективной лексики, построенной с помощью отрицательных частиц **не**, **ни** или словообразовательного префикса **без-**(**бес-**) со значением отсутствия предмета или качества: **важный** — почти **неважный**, почти **сбыточный** — почти **несбыточный**, почти **важный** — почти **неважный**, почти **обоснованный** — почти **необоснованный**, почти **достоверный** — почти **недостоверный**, почти **холодный** — почти **нехолодный**, почти **полезный** — почти **бесполезный**, почти **вредный** — почти **безвредный**, почти **нравственный** — почти **безнравственный**, почти **сведущий** — почти **несведущий**, почти **квалифицированный** — почти **неквалифицированный**, почти **никто** — почти **некто**, почти **не у кого** (ни у кого) — почти у кого и т. д. Очевидно, что некоторые лексемы, образованные с помощью отрицательной частицы или префикса, являются нормативными, другие — нет, и у этой языковой избирательности должно быть логическое объяснение.

Способность прилагательного или причастия с эксплицитно выраженным отрицательным значением сочетаться с наречием *почти* определяется его значением. Если значение прилагательного связано с выражением **субъективных**, обусловленных текущей ситуацией, показателей, антонимичные лексемы с отрицательной частицей или префиксом являются нормативными: *почти ненужный, почти несбыточный, почти nepозволительный, почти неквалифицированный, почти неуправляемый, почти nepродуктивный, почти nepроходимый, почти некорректный, почти nepреодолимый, почти неощутимый, почти нетяжелый, почти безвредный, почти безосновательный, почти безотрадный, почти бескомпромиссный, почти бесперспективный* и т. д. Толкования данных выше лексем включают значения 'не имеющий каких-то признаков', 'не способный', 'не обладающий чем-то' и т. д. При этом антонимичные их аналоги, не включающие в свой состав отрицание, с *почти* обычно не употребляются.

Способность признаков лексем с отрицательной частицей/префиксом сочетаться с наречием *почти* обусловлена неуверенностью отправителя речи в справедливости выраженной с помощью отрицания оценки, ведь при использовании такого рода конструкций отправитель речи оценивает происходящие события, опираясь на свой собственный опыт: *почти ненужный/неприятный* (для меня), *почти nepреодолимый/безосновательный/ бесперспективный* (в данной ситуации), *почти бескомпромиссный/nepроходимый* (с моей точки зрения) и т. д.

Если значение прилагательного или причастия связано с выражением **объективных**, соответствующих выработанным в обществе показателям, правилам, нормам, с наречием *почти* сочетаются прилагательные без формально выраженного отрицания: *почти логичный, почти устойчивый, почти действенный, почти утверждаемый, почти умеренный, почти естественный, почти равномерный, почти просроченный, почти натуральный, почти домашний* (метаф.), *почти убедительный, почти достоверный, почти позитивный, почти утвердительный,*

почти гениальный и т. д. Толкования приведенных выше лексем включают значения ‘соответствующий чему-то’, ‘имеющий основание’, ‘заставляющий поверить’, ‘согласующийся с чем-то’, ‘обусловленный законами природы’ и т. д. При этом антонимичные им лексемы с отрицательной частицей или префиксом не будут являться нормативными: *почти неумеренный, *почти нелогичный, *почти недостоверный и т. д.

Стоит отметить, что, в отличие от утверждения, отрицание всегда субъективно, т. к. предполагает множественность противопоставляемых значений. Так, высказывание *На улице снег* не предполагает никаких дополнительных вариантов интерпретации описываемого события, а высказывание *На улице не снег* влечет за собой множество вариантов: на улице может быть дождь, град, туман и т. д. Таким образом, отрицание всегда соотносится с отправителем речи, потому что только он знает, какой отрицательный смысл он вкладывает в свое сообщение. Субъективный характер сообщения оставляет за говорящим и право на неточность формулировки: *почти ненужный разговор, почти бесперспективная работа*. Если сомнений нет, то и приблизительность оценки теряет смысл: *нужный разговор, перспективная работа*.

Сравним несколько высказываний: 1) Ответ *почти правильный* (т. е. соответствующий установленным правилам, не отступающий от существующих правил, норм, порядка); 2) Совет *почти бесполезный* (для меня или для кого-то). В первом случае отправитель речи оценивает результат по установленным в обществе правилам и стандартам, во втором случае он опирается на собственный опыт, поэтому в сочетании с наречием *почти* использует лексему с отрицательным префиксом.

Преимущественное употребление лексем с отрицательной частицей **не** или префиксом **без-(бес-)** в субъективном значении связано, прежде всего, с тем, что в сознании каждого человека негативное замечается чаще и дольше остается в памяти по сравнению с позитивным, которое, как правило, рассматривается как норма. А вот в случае оценивания ситуаций, исходя из принятых в обществе, т. е. объективных, показателей, на первое место выходят слова с положительной семантикой, с помощью которых устанавливаются нормативы, характеризующие действительность: Консультант обычного вида, *почти вежливый* (т. е. его поведение в целом соответствует принятым в обществе этическим нормам). Если в своей оценке отправитель речи ориентируется на собственные ощущения, в сочетании с наречием *почти* используются прилагательные с отрицательной частицей **не** или префиксом **без-(бес-)**: Консультант обычного вида, *почти незаметный* (не привлекающий моего внимания).

Та же самая тенденция просматривается в отношении наречий образа действия, образованных от прилагательных с отрицательным префиксом или частицей: *почти неподвижно* — *почти подвижно, *почти бесплатно* — *почти платно, *почти непрерывно* — *почти прерывно и т. д. С наречием *почти* сочетаются не только наречия образа действия, но и наречия времени (*вовремя, ежедневно, круглосуточно, постоянно* и др.), места (*везде, рядом, напротив, параллельно, дома* и др.),

причины (*сгоряча, поневоле, спросонок* и др.), цели (*назло, умышенно, невзначай, нарочно* и др.) Исключение составляют наречия степени, которые сами по себе выражают неопределенно-количественные значения.

Только неопределенность семантики является противопоказанием для сочетания наречия *почти* с другими наречиями, местоимениями и числительными. Ср.: *почти полностью* — *почти частично (неопределенное значение), *почти наверняка* — *почти предположительно (неопределенное значение), *почти точно* — *почти приблизительно (неопределенное значение); *почти везде, почти нигде* — *почти где-то/куда-то/куда-нибудь/кое-где (неопределенные наречия); *почти все, почти никто* — *почти кто-нибудь/что-то/некто (неопределенные местоимения); *почти пять* — *почти мало/немало/много/немного, *почти несколько/сколько/сколько-нибудь (неопределенно-количественные числительные).

С наречием *почти* не используются личные, относительные и вопросительные местоимения: первые — по причине отсутствия признаков составляющих в их значении, остальные — в силу своего соотносительного статуса в структуре предложений.

2.4. С глаголами, значение которых не предполагает наличия предыдущих фаз интенсификации признака, наречие *почти* чаще всего употребляется с формой совершенного вида, указывая на высокую степень приближения к результату: *почти написал (сделал, открыл, испугал, продал, вспомнил* и т. д.). Однако в контексте, например при выражении частотности, прерывистости или протяженности проявления признака во времени, с *почти* возможно использование глаголов несовершенного вида: Огни по сторонам стали мелькать все реже-реже, начался лес, контуры его *почти сливались* с тёмным небом (В.Аксенов «Пора, мой друг, пора»); Случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз *почти удивляться* одному неясному и неразрешимому своему впечатлению (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»); Он своей пышной рыжеволосой шевелюрой *почти закрывал* своего собеседника (А. Воронин «Инструктор»); Он как будто что-то забыл, а теперь пытался вспомнить и *почти вспоминал*, но в самый последний момент воспоминание ускользало от него, как вода (Е. и А. Грановские «Клиника в роще»); Когда отупение прошло, я временами *почти сожалел* о нем, поскольку оно гарантировало своего рода покой (Н. Вилько «Интервью с дураками»).

В разговорном языке сочетание наречия *почти* с глаголами несовершенного вида возможно в том случае, если их значение указывает на высшую степень интенсификации признака: голос его *почти гремел* (Ср.: *почти звучал), она *почти рыдала* (*почти всхлипывала), жар *почти обжигал* (*почти грел), он *почти задыхался* (*почти дышал).

В русской классической литературе сочетания глаголов несовершенного вида с наречием *почти* встречается редко, за исключением глаголов движения (*бежать, плыть, лететь*) и глаголов с отрицательной частицей **не** или ее аналогами: Кириллов *почти не замечал* его (Ф. Достоевский «Бесы»); Все постоянно считали долгом

уверять Пьера, что он очень огорчен кончиною отца, которого он *почти не знал* (Л. Толстой «Война и мир»); О том же, что он может жениться на Наташе, князь, до самого последнего времени, *почти перестал заботиться* (Ф. Достоевский «Униженные и оскорбленные»).

Модель ‘*почти + глагол НСВ без отрицательной частицы не*’ стала активно развиваться в современной художественной литературе и СМИ, что свидетельствует о смещении ракурса восприятия при описании динамического признака в сферу неопределенности. Сравните: Уже *почти слышался* шум волн (М. Дампфер «Шелест юных лет») — вместо Уже можно было расслышать шум волн; Это же ужас, что творится в книге, мальчик *почти гибнет* в автокатастрофе и при этом спасает пришельцев (А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него») — вместо Мальчик чудом выжил в автокатастрофе и при этом спас пришельцев; Она *почти подбегает* ко мне и крепко-крепко обнимает (Р. Вереск «Хальмер-Ю») — вместо Она стремительно подошла ко мне и крепко-крепко обняла.

Тенденция к неразличению заложенных в языке сочетаемостных особенностей лексем свидетельствует об отсутствии или утрате языковой интуиции у целого ряда пишущих на русском языке современных писателей.

3. Наречия со значением очень высокой и предельной степени проявления признака

3.1. Наречия *очень, много*. Наречие *очень* сочетается практически со всеми качественными прилагательными и образованными от них наречиями. При этом, как пишет Г. И. Кустова, «единственным надежным критерием разграничения качественности и относительности является количественный (градуированный) компонент в семантике, наличие которого проявляется в сочетаемости с показателями степени» [Кустова 2018а: 59].

По свидетельству Г. А. Битехтиной, «наречие *очень* в сочетании с прилагательными и наречиями мы встречаем в 235 случаях из 310 (75%) <...>. В сочетании с глаголами наречие *очень* встречается только в 75 случаях ($\approx 25\%$)» [Битехтина 1975: 66]. Битехтина выделяет группы глаголов, сочетающихся с наречием *очень*. Это глаголы, обозначающие эмоциональное или физическое состояние лица (*любить, нравиться, жалеть, хотеть* и др.), на изменение состояния, положения (*устать, вырасти, измениться, покраснеть, заблудиться, постареть* и др.), на состояния, проявляющиеся в действии (*стараться, стремиться, мешать, помогать, торопиться* и др.) [Битехтина 1975: 66]⁵.

Стоит отметить, что наречие *очень* в большей степени используется с прилагательными и глаголами, выражающими чувства и эмоции, а вот с лексемами, обозначающими физические или ментальные состояния, его употребление ограничено.

⁵ В этой связи стоит привести еще одно высказывание Г. А. Битехтиной: «наречие *очень* указывает на высокую степень проявления признака и выступает как единица, соотносительная с элятивом. Сравните: *Это очень интересная книга — Это интереснейшая книга*» [Битехтина 1975: 66].

Сравните: *очень спал, *очень существовал, *очень темноло, *очень знал, *очень думал, *очень понимал, *очень содрогнулся.

Причиной этого ограничения является не значение глагола, а неспособность обозначаемого им признака реализовываться в большей или меньшей степени. В случае, если выраженное глаголом физическое состояние может проявляться с разной степенью интенсивности (*потеть, голодать, мерзнуть, утомиться* и др.), глагол сочетается с наречием *очень*: *очень потел, очень голодал, очень мерз, очень утомился*.

Таким образом, наречие *очень* употребляется в сочетании с глаголами, предполагающими возможность интенсификации обозначаемого ими признака, т. е. при наличии в их семантике *градации качества*: *очень похорошел (изменился, переживал, ненавидел* и др.), включая «действие, которое может быть измерено в отношении амплитуды, частоты движения, меры прилагаемых усилий и др. (*очень качает лодку, очень дрожит рука*)» [Битехтина 1982: 50].

А вот наречие *много*, которое соотносится с наречием *очень* по значению, но указывает не на качественные, а на *количественные изменения* (на растяжимость проявления признака во времени, на его частотность, на количество объектов действия) с приведенными выше глаголами не сочетается, но сочетается с глаголами, обозначающими действия и физическое состояние: *много курил (читал, воевал, говорил, сделал, рассказал, спал, отдыхал* и др.)

Например, с глаголом *вырасти* наречие *много* не употребляется: Он *много вырос. Значение глагола *вырасти* указывает на размер и не включает возможность проявления временных, частотных или объектно-количественных значений. В то же время заложенный в нем качественный аспект значения предполагает использование этого глагола в сочетании с наречием *очень*: Он *очень вырос*.

Некоторые ментальные глаголы, семантика которых допускает реализацию временных или объектно-количественных значений, тоже сочетаются с наречием *много*: он *много думал (знал, изучал, понимал)*. Данные варианты употребляются в языке наряду с сочетаниями с прилагательным *многий* с собственно объектно-количественным значением: Он *многое знал (изучал, понимал), о многом думал*.

Стоит также отметить, что ряд глаголов могут употребляться и с наречием *очень*, и с наречием *много*: Он *очень болел* (интенсивность проявления признака) — Он *много болел* (его частотность); Она *очень страдала* (интенсивность) — Она *много страдала* (частотность) и т. д. Соответственно, с глаголами, выражающими единичное точечное действие, наречия *много* и *очень* не употребляются: *много/очень открыл (закурил, поджег и др.), в отличие от глаголов совершенного вида со значением результата: *очень помогло, очень удивился (замерз, подружился); много заработал (проиграл, сделал)*.

Строго говоря, количественный аспект значения наречия *много* не позволяет в полной мере причислить его к наречиям степени, ориентированным не на частотность, а на выражение изменений, происходящих внутри одного и того же признакового значения, хотя в современной лингвистической литературе смешение количественных наречий и наречий степени наблюдается повсеместно.

3.2. Наречия *совершенно*, *совсем*. В русском языке синонимичные наречия *совершенно* и *совсем*, указывающие на предельную степень интенсификации признака, обладают разными валентными характеристиками. Однако в одном у них есть сходство. Значение наречий *совершенно* и *совсем* основывается на актуализации субъективно-эмоциональной оценки того, что происходит вокруг.

«Выражение усиления или ослабления признака может совмещаться с прагматическими задачами. <...> Средства выражения усиления признака (интенсификаторы) <...> могут использоваться для повышения убедительности высказывания» [Князев 1996: 141]. Объективная составляющая заложена в значениях лексем, которые с ними сочетаются, но для усиления этого значения, для привнесения в него дополнительных смыслов, связанных с отправителем речи, используются наречия *совершенно* и *совсем*: *больной человек* — *совсем больной человек*, *глупый вопрос* — *совершенно глупый вопрос*.

Как пишет Г. И. Кустова, *совсем* обозначает «то обстоятельство, что, по мнению наблюдателя, значение признака не может больше уменьшаться: *совсем худой* значит, что ‘процесс уменьшения значения параметра достиг такой точки, что дальше продолжаться не может (дальше худеть невозможно)’ [Кустова 2018а: 56].

Заложенная в семантике наречий *совершенно*, *совсем* субъективность значений обуславливает возможность сочетания их с лексемами, включающими в свой морфемный состав отрицательный префикс **без-/бес-** или отрицательную частицу **не/ни**: *совершенно/совсем бесполезный (безвредный, бездарный, безмозглый, бескорыстный, бестолковый, безопасный, ненужный, несостоятельный, невзрачный, небольшой, непопулярный, неквалифицированный, необычный, несложный, неприличный, непризнанный, неверный, неточный, никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей, не у кого* и т. д.)

Общей составляющей наречий *совершенно*, *совсем* является начальное *со-* (в древнерусском языке — **съ-**). В сочетании с формами творительного падежа предлог **съ-** = **со-** имел значение «совместности — **съ, вмѣстѣ съ**» [Срезневский 1912: 636, 638]. То же самое значение проявляется и в лексемах с префиксом **съ-**: **съвираник**, **съвъздвигнѣти** (вместе воздвигнуть), **съвъкѣпити** (собрать, соединить), **съвъскрѣшати** (вместе воскрешать) и др. Очевидно, что это же значение было реализовано в семантической структуре данных наречий.

Наречие *совсем* представляет собой результат слияния соотносящегося с префиксом предлога **съ** с формой творительного падежа местоимения **всѣ** — **всѣмъ**. Данное наречие присутствует и в болгарском языке с тем же самым значением: «**съвсем** (вългарски) **СЪВСЕМ** — 1. **напълно**, **съвсем** **вполне**. 2. **съвсем**, **напълно** **совсем**» (1. полностью, совершенно полностью 2. полностью, совершенно полностью) [Срезневский 1912: 672]. Если трактовать *совсем* на основе происхождения, то оно сопряжено со значениями ‘со всех сторон’, ‘повсеместно’, ‘во всех своих объективных показателях (проявлениях)’.

Наречие *совершенно*, согласно словарям, происходит от глагола **съвършити** (**врѣшити**), мотивированного древнерусским существительным **вѣрхъ** (верх)

[Фасмер 2004: 705]. Можно также предположить, что данное наречие возникло в результате слияния предлога **съ** с существительным **вѣрхъ**. В пользу этого свидетельствуют варианты написания прилагательного *совершенноный* в древнерусском языке: **съвѣршенныи** = **съвѣршеныи** = **съвѣршеныи** = **совершеннои** в значении 'полный, совершенный' [Срезневский 1912: 672]. Если трактовать *совершенно* на основе происхождения, то оно сопряжено со значениями 'с верхом', 'более, чем полный', 'превышающий высокую степень проявления признака'.

Очевидно, что в словарях значение наречий *совершенно* и *совсем* совпадает⁶. Однако сочетаемость их с другими лексемами в русском языке имеет отличия. И здесь уместно обратиться к этимологии. Если наречие *совсем* в сочетании с признаковой лексемой указывает на повышенную степень проявления выражаемого этой лексемой признака во всех его объективных показателях (т. е. этот признак проявляется с повышенной степенью интенсивности со всех сторон — повсеместно), то наречие *совершенно*, имея то же самое значение повышенной степени интенсивности, указывает на предельное повышение качественного аспекта значения: тот же самый признак, но с «с верхом». Очевидно, что такого рода интенсификация признака может проявляться только в признаковых лексемах с абстрактным значением.

Соответственно, признаковые лексемы со значением, связанным с объективными (визуальными, вкусовыми, тактильными и т. д.) показателями, сочетаются только с наречием *совсем*: *совсем краткий* пересказ, *совсем тихий* голос, *совсем редкие* встречи, *совсем короткая* челка, *совсем твердое* сиденье, *совсем крошечный* дом, *совсем далекий* город, *совсем простой* рисунок. А лексемы со значением абстрактного признака в большей степени сочетаются с наречием *совершенно*: *совершенно серьезный* разговор, *совершенно правильный* вывод, *совершенно очевидный* факт, *совершенно искренняя* улыбка, *совершенно естественный* ход событий, *совершенно сознательный* поступок, *совершенно адекватное* поведение, *совершенно спокойный* ответ, *совершенно внятная* позиция и т. д.

В словосочетаниях с наречием *совсем* имплицитно присутствует возможность объективной оценки признака, поэтому *совсем* чаще всего употребляется с прилагательными, указывающими на вес, размер, объем, расстояние, громкость, количество, структуру, вкусовые, визуальные, тактильные и слуховые ощущения и т. д.: крупа *совсем мелкая* (*совершенно мелкая), *совсем скорый* приезд (*совершенно скорый), весна *совсем ранняя* (*совершенно ранняя), он *совсем молодой* человек (*совершенно молодой человек), она уже *совсем большая* (*совершенно большая).

Наречие *совсем* может употребляться и с признаковыми лексемами абстрактной семантики, но в этом случае описываемый с его участием объект, как правило,

⁶ Но, например, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» значение их разграничивают: «Наречие *совсем*, в отличие от двух других синонимов (*совершенно* и *абсолютно* — О. Г.), применимо в ситуации с р а в н е н и я объектов, обладающих некоторым свойством в разной степени. < Если идея сравнения хотя бы имплицитно не выражена, употребление *совсем* затруднительно» [Новый объяснительный словарь 2003: 1073].

вписан в реальность, в то время как словосочетания с наречием *совершенно* в большей степени ориентированы на выражение вневременного признакового значения. Ср.: Я тогда *совсем глупый* был, не знал много. — Здешний учитель Омнепотенский, человек *совершенно глупый*, но вполне благонадежный (Н. Лесков «Божедомы»). Направленность на описание объективной признаковой семантики обуславливает возможность употребления наречия *совсем* с существительными, обладающими конкретным или соотносящимся с конкретными предметами значением: *совсем старик, совсем ребенок, совсем весна, совсем пустышка, совсем классика, совсем дрянь*.

Те же самые правила определяют использование наречий *совершенно* и *совсем* с наречиями, образованными от прилагательных или других частей речи: *совсем рядом* (*совершенно рядом), *совсем недавно* (*совершенно недавно), *совсем далеко* (*совершенно далеко), *совсем скоро* (*совершенно скоро). Привязка к действительности и в этом случае определяет выбор наречия степени. Ср.: Отношения с детьми у него сложились *совсем по-разному*. — Курение «вредит» мужчине и женщине *совершенно по-разному*. В первом предложении речь идет о конкретных отношениях между людьми, во втором — о гипотетическом вреде, который может нанести курение. То же самое можно сказать о лексемах, которые употребляются в переносном значении. Ср.: У него *совсем низкий* голос (прямое значение) — Это *совершенно низкий* поступок (переносное значение).

Если наречие *почти*, указывающее на высокую степень приближения к признаку, в большей степени употребляется с лексемами положительной семантики, то наречия *совершенно*, *совсем* со значением сверх высокой степени интенсификации признака чаще всего используется с лексемами, обладающими отрицательным значением: *совсем/совершенно глупый*/*умный, *совсем/совершенно трусливый*/*храбрый, *совсем/совершенно ленивый*/*трудолюбивый, *совсем/совершенно злой*/*добрый, *совсем/совершенно замкнутый*/*общительный, *совсем/совершенно скупой*/*щедрый, *совсем/совершенно лживый*/*правдивый, *совсем/совершенно лицемерный*/*правдивый, *совсем/совершенно грубый*/*вежливый и т. д.

Причина этого связана с особенностями восприятия носителями языка окружающего их мира. Негативные характеристики в большей степени обращают на себя внимание, вызывая возмущение или раздражение, что приводит к их гиперболлизации; положительные качества, как правило, воспринимаются как норма. Лексемы с положительной семантикой, в свою очередь, сочетаются с наречием *очень* в том же значении усиления интенсификации проявления признака: *очень умный* (*храбрый, трудолюбивый* и т. д.), с которым в равной степени сочетаются и признаковые лексемы отрицательной семантикой: *очень глупый* (*трусливый, ленивый* и т. д.)

Таким образом, наречие *очень*, указывающее на повышенную степень реализации признака, сочетается с признаковыми лексемами как положительной, так и отрицательной семантики. Наречия *совсем, совершенно*, выражающие предельную

степень проявления признака, в большей степени сочетаются с лексемами отрицательной семантики.

Наречия *совершенно, совсем* не сочетаются с глаголами, значение которых не подразумевает градацию: *мыться, ремонтировать, воевать, читать, думать, спать, говорить, видеть, сделать, есть, пить, идти* и т. д. Сочетаются с глаголами, которые фиксируют изменения или выявленные (не)соответствия, а также исчезновение или отсутствие объектов: *совсем/совершенно измениться (преобразиться, соответствовать, совпадать/совпасть, противоречить, зависеть, отсутствовать, пропадать/пропасть, исчезать/исчезнуть)*.

Совершенно, совсем не сочетаются с глаголами состояния — внешнего (физического) и внутреннего (чувственного, психологического, ментального), которые обозначают процесс: *болеть, дрожать, замечать, наблюдать, чувствовать, ненавидеть, слушать, видеть, любить, грустить* и т. д., однако сочетаются с глаголами совершенного вида, включающими в свой состав морфемы, указывающие на изменения в способе действия/в степени проявления признака: *совсем/совершенно возненавидеть (возвеличить, возродиться, развеселиться, разлюбить, раздумать, раскормить, рассориться, испугаться, заслушаться, затихнуть, заснуть, согреться, уснуть, ослабеть, надуться, обнаглеть, продрогнуть, передумать, пересмотреть)*.

Префиксы привносят в значения глаголов дополнительные характеристики, связанные с результативностью, начинательной интенсивностью, повторительностью и т. д., тем самым обуславливая возможность их сочетания с наречиями *совершенно, совсем*. Происходит это в силу того, что данные способы глагольного действия соотносятся с выражением предельной степени проявления признака, связанной со значениями наречий *совершенно, совсем*.

4. Выводы

В настоящее время наречия степени являются недостаточно разработанной областью в русской грамматике. Споры идут и относительно вхождения в данный разряд некоторых наречий, и относительно их сочетаемостных возможностей. Особую проблему представляет поиск и описание сущностных и сочетаемостных характеристик тех наречий, которые в словарях имеют одно и то же значение.

В статье представлена классификация наречий степени *почти, очень, много, совершенно, совсем* со значением высокой, очень высокой и предельной степени проявления признака, а также описаны закономерности их сочетания с признаковыми лексемами. Общей особенностью наречий степени является возможность их употребления только с теми лексемами, которые выражают признак, способный проявляться с разной степенью интенсивности. Было также выявлено, что валентные возможности наречий степени прежде всего связаны с объективной (конкретной) или субъективной (абстрактной) семантикой признаков лексем, вступающих с ними во взаимодействие.

Наречие *почти*, указывающее на очень высокую степень приближения к выраженной лексемой признаку, употребляется только со словами, значение которых

подразумевает отличие от предшествующей фазы проявления его интенсивности. При этом с прилагательными, семантика которых выражает объективные, принятые в обществе показатели, правила, нормы, *почти* употребляется при отсутствии у них формально выраженного отрицания: *почти светлый* (*почти несветлый). С прилагательными, значение которых базируется на субъективных показателях, нормативными являются словосочетания с отрицательными признаковыми лексемами: *почти ненужный* (*почти нужный).

Наречия *совершенно*, *совсем* в равной степени сочетаются с лексемами, включающими в свой морфемный состав отрицательный префикс *без-*(*бес-*) или отрицательную частицу *не* (*ни*). В остальном их валентный потенциал различается. Признакомые лексемы со значением, указывающим на вес, размер, объем, расстояние, громкость, количество, структуру, вкусовые, визуальные, тактильные и слуховые ощущения, т. е. обусловленные возможностью верификации признака на объективном уровне, сочетаются только с наречием *совсем*. А лексемы, выражающие абстрактный признак, наоборот, сочетаются с наречием *совершенно*, указывающим на предельное повышение качественного аспекта значения. В ходе исследования было высказано предположение, что данные характеристики во многом обусловлены этимологией наречий *совсем* и *совершенно*.

В заключение можно сделать вывод о том, что существующие в языке нормы и правила сочетаемости лексем, как и законы природы, всегда основаны на объективных показателях, а значит, они могут быть выявлены и описаны в процессе исследования. Именно такой подход, по нашему мнению, должен преобладать в современной лингвистике, особенно если речь идет о грамматике.

Литература

Битехтина Г. А. Об употреблении количественных наречий *очень* и *много* // Русский язык за рубежом. 1975. № 1. С. 66–68.

Битехтина Г. А. Семантико-синтаксические условия употребления качественно-количественных наречий в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1982. № 5. С. 44–50.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Под ред. Г. А. Золотовой. Изд. 4. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Князев Ю. П. Степени сравнения и точка отсчета // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 129–145.

Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 232 с.

Кустова Г. И. Прилагательные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018а. С. 40–107.

Кустова Г. И. Относительные наречия в контексте глаголов и прилагательных (по данным Национального корпуса русского языка) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018б. Т. 21. С. 126–142.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.

Панков Ф. И. К проблеме создания реестра русских наречий. Статья 1: Введение; фрагмент на букву «А» / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 29. С. 42–76.

Русская грамматика. В 2-х тт. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. 996 с.

Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стер. В 4-х тт. Т. 3. М.: Астрель–АСТ, 2004. 830 с.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Olga I. Glazunova
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)
o.i.glazunova@mail.ru

ADVERBS WITH THE MEANING OF A HIGH, VERY HIGH AND EXTREME DEGREE OF FEATURE INTENSIFICATION

The article presents the classification of degree adverbs *почти*, *очень*, *много*, *совершенно*, *совсем* with the meaning of high, very high and extreme degree of feature intensification, and also revealed the patterns of their combination with attributive lexemes. A common feature of degree adverbs is the possibility of combining them with lexemes that express some sort of intensity.

Each of the degree adverbs has its own valence characteristics due to the historical development of the language, as well as the semantics of the lexemes that form word combinations with them. Depending on whether the meanings of the words are based on objective quantitative indicators (speed, temperature, radiation energy, etc.) or correlate with uncertain subjective-evaluative values indicating physical, emotional or mental states, they will interact differently with the adverbs meaning high, very high and extreme degree of feature intensification.

Another factor determining the possibility of combining adverbs of degree with attributive lexemes is the positive or negative status of these words in the minds of native speakers. The adverb *почти*, indicating a very high degree of approximation to the

feature, is used with lexemes of positive semantics. The adverbs *совсем*, *совершенно*, expressing the extreme degree of feature intensification, are combined with lexemes of negative semantics.

Очень is mostly used with adjectives and verbs expressing feelings and emotions of both positive and negative semantics, but with lexemes denoting physical or mental states, its use is limited. The adverb *совсем* is combined with the words expressing objective characteristics (visual, gustatory, tactile, etc.), the adverb *совершенно* — with the words of abstract meaning.

Keywords: means of expressing intensity, adverbs of degree, semantics of attributive lexemes, rules for the compatibility.

References

Bitekhtina G. A. [On the use of quantitative adverbs *очень* and *много*]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 1975, № 1, pp. 66–68. (In Russ.)

Bitekhtina G. A. [Semantic and syntactic conditions for the use of qualitative and quantitative adverbs in the Russian language]. *Vestnik Mosk. un-ta* [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 9. Filologiya, 1982, no. 5, pp. 44–50. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Ed. by G. A. Zolotova. Izd. 4. Moscow, «Russkij yazyk» Publ., 2001. (In Russ.)

Knyazev Yu. P. [Degrees of comparison and reference point]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar: Quality. Quantification]. A. V. Bondarko (resp. ed.). St. Petersburg, «Nauka» Publ., 1996, pp. 129–145. (In Russ.)

Kolesnikova S. M. *Gradual'nost' v sisteme russkogo yazyka* [Gradality in the Russian language system]. Moscow, «Flinta» Publ., 2018. (In Russ.)

Kustova G. I. [Adjectives]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Vyp. 3. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for the corpus grammar of the Russian language. Issue 3. Parts of speech and lexical-grammatical classes]. St. Petersburg, «Nestor-Istoriya» Publ., 2018a, pp. 40–107. (In Russ.)

Kustova G. I. [Relative adverbs in the context of verbs and adjectives (according to the National Corpus of the Russian Language)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language], 2018b, vol. 21, pp. 126–142. (In Russ.)

Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2-nd ed. Yu. D. Apresyan (resp. ed.). Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury» Publ., 2003. (In Russ.)

Pankov F. I. [On the problem of creating a register of Russian adverbs. Article 1: Introduction; fragment with the letter “A”]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej* [Language, Consciousness, Communication: Collection of articles]. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov (resp. eds.). Moscow, «MAKS Press» Publ., 2005, issue 29, pp. 42–76. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. 1–2. N. Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. (In Russ.)

Sreznevskij I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg, «Типография Императорской Академии наук» Publ., 1912. (In Russ.)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. D. N. Ushakov (ed.). Vol. 4. Moscow, «Gos. izd-vo inostr. i nac. Slov» Publ., 1940. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. 1–4 vol, 4th ed., vol. 3. Moscow, «Astrel'–AST» Publ., 2004. 830 p. (In Russ.)

Shanskij N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [A short etymological dictionary of the Russian language]. S. G. Barhudarov (ed.). Moscow, «Prosveshchenie» Publ., 1971. (In Russ.)

М. В. Ермолова
ИРЯ РАН
(Россия, Москва)
maria-anna2121@yandex.ru

О ГЕНЕЗИСЕ АНТИРЕЗУЛЬТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ У ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье приводится ряд данных, которые позволяют внести некоторые уточнения по проблеме происхождения антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка. Несмотря на спорность вопроса о наличии у т. н. «русского» плюсквамперфекта результативного значения, материал западно-русских летописей позволяет констатировать, что, во всяком случае, в западнорусских говорах оно было и, по-видимому, именно на его базе развилось значение антирезультатива. Хотя такое развитие противоречит типологическим данным, вероятность такого сценария подтверждается живым диалектным материалом с «новым» перфектом, где результативное значение (от)причастной формы со связкой в прошедшем времени может контекстуально осложняться антирезультативностью. О возможности такой эволюции говорят и древнейшие летописные примеры, в которых фиксируется антирезультативное употребление *-л-*формы без связки.

Наличие результативного значения у «русского» плюсквамперфекта в западнорусских говорах свидетельствует в пользу того, что существование некогда результативной семантики у сверхсложных форм нельзя исключать и для тех диалектов, где она не фиксируется текстами (прежде всего, для древненовгородских). Причину же ее отсутствия можно объяснить разной скоростью эволюции временной системы по диалектам.

Ключевые слова: плюсквамперфект, антирезультативность, перфект, западнорусские летописи, псковские говоры.

1. Вводные замечания

Обозначение антирезультатива (в понимании [Плунгян 2001]), т. е. прекращенного или недостигнутого действия — «одна из основных вторичных функций плюсквамперфекта в языках мира» [Сичинава 2013: 28].

Как известно, в языке древнерусской письменности существовало два вида плюсквамперфектных форм. Первый — это так называемый «книжный» плюс-

квामперфект, где глагол *быти* стоял в имперфекте или аористе от имперфективной основы (**бѣше(ть) / бѣ шьлѣ**); второй — «русский» или сверхсложный (в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006]) плюсквамперфект, в котором глагол *быти* употребляется в форме перфекта¹ (**ѣсть) былѣ шьлѣ**). Первый был принадлежностью книжного языка, второй использовался «в тех регистрах древнерусской письменности, где более всего находит отражение разговорный язык соответствующего времени» [там же: 193].

Для обеих форм было характерно значение антирезультатива², ср. примеры (1) с «книжным» плюсквамперфектом и (2) с сверхсложной формой:

- (1) НПЛ мл л. 168 **Се же слышавѣ князь Михаилѣ, и възврати люди, еже бѣша разбѣглѣсь на чюжую землю** — ‘Услышав это, князь Михаил возвратил людей, которые (было) разбежались’.
- (2) НПЛ мл л. 205 об. — 206 **Того же лѣта дѣлаша мостѣ новѣ, что было вышибло, повелѣниемъ владыки Василья** — ‘В тот же год, по повелению владыки Василия, делали новый мост, который (было) снесло’.

На проблему происхождения антирезультативного значения есть две точки зрения. Так, В. А. Плуноян, основываясь на типологических данных, связывает возникновение антирезультатива с выражением плюсквамперфектом различных значений из семантической зоны «сверхпрошлого», к которой относится и значение давнепрошедшего (или неактуального прошедшего) (подробнее см. [Плуноян 2001]). Такого же мнения придерживаются и П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава, которые, так же с опорой на типологический материал, исследуют непосредственно «русский» плюсквамперфект. Анализируя материал древнерусских летописей и вслед за [Зализняк 2004] примеры из берестяных грамот, исследователи приходят к выводу, что основным значением сверхсложной формы является значение ‘неактуального прошедшего’, из которого, в свою очередь, вытекает «указание на недостижимость результата или его отмену последующими действиями/событиями» [Петрухин, Сичинава 2006: 200]. Происхождения антирезультативного значения у «книжного» плюсквамперфекта авторы не касаются.

Иначе процесс возникновения антирезультативного значения описан в [Шевелева 2007]. В отличие от вышеупомянутых исследователей, М. Н. Шевелева анализирует одновременно два ряда плюсквамперфектных форм и приходит к следующему: «Старый и новый плюсквамперфект оказываются... распределенными не по значению, а по более-менее характерным для них типам употребления: старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [там же: 245]. Значение антирезультатива у обеих форм развивается

¹ В. И. Чернов полагает, что сверхсложная форма образовывалась сочетанием вспомогательного глагола *был-* и перфекта знаменательного глагола [Чернов 1961: 16].

² Именно из этого значения «русского» плюсквамперфекта развились современные конструкции со значением прерванного действия с частицей «было», ср. «Обломов приподнялся было с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять».

из результативного значения «в контексте противопоставления дальнейшему развитию событий» [там же: 242].

Таким образом, основные разногласия при обсуждении происхождения антирезультативного значения у сверхсложных форм в работах [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007], а также в последующих [Петрухин, Сичинава 2008; Шевелева 2008] касаются того, имел ли «русский» плюсквамперфект результативное значение. М. Н. Шевелева полагает, что имел, как и «книжный» плюсквамперфект, и на базе этого значения в определенных контекстах развивается значение антирезультата. П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава исходят из того (в том числе, на основании типологических данных), что сверхсложная форма в принципе не может иметь результативного значения; отказывают ей в результативном значении в тех примерах, которые приводит М. Н. Шевелева, и связывают появление значения антирезультата со значением неактуального прошедшего, которое, по их мнению, изначально и имела сверхсложная форма.

В настоящей статье будут разобраны новые, ранее не описанные примеры со сверхсложной формой из Западнорусских летописей (раздел 2), а также плюсквамперфектные контексты из современных псковских говоров (раздел 3). Анализ новых данных (раздел 4), во-первых, подтверждает гипотезу М. Н. Шевелевой о возможности происхождения антирезультативного значения у плюсквамперфекта из результативного, а во-вторых, свидетельствует в пользу того, что «русский» плюсквамперфект имел результативное значение (во всяком случае, в определенных диалектах восточнославянской группы языков).

2. Плюсквамперфектные формы в Западнорусских летописях³

Западнорусские летописи (далее ЗРЛ) написаны на так называемой «простой мове», которая представляет собой литературно обработанную, «надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода» [Мозер 2002: 221]. «Проста мова», несмотря на все сложности определения ее генезиса и вопрос о степени ее нормированности, в любом случае «базируется на живом языке, изменяясь вместе с ним» [Смирнова 2011: 19], и на основе анализа тех или иных явлений письменного западнорусского языка мы можем делать выводы о процессах, происходивших в диалектах, легших в его основу.

Закономерным является тот факт, что в ЗРЛ на 45 плюсквамперфектных форм приходится всего 3 «книжных» (остальные представляют собой сверхсложные

³ Западнорусское летописание развивалось в Смоленске и Полоцке в XIV–XVI вв. К западнорусским летописям (далее ЗРЛ) относятся «краткие летописные своды, содержащие сказания о событиях, касающихся бывшего Литовского государства» [Карский 1894/1962: 208]. В данной работе рассматриваются следующие тексты (по изданию [ПСРЛ, т. 17]): Супрасльская летопись 1519 г. (далее Супр.), Виленская летопись к. XV в. (далее Вил.), летопись Археологического общества XVI в. (далее Арх.), Уваровская летопись первой четверти XVI в. (далее Ув.), Академическая летопись сер. XVI в. (далее Ак.), Литовскому род починок (далее ЛРП) в рукописи XVI в.

формы), при этом 2 из них представляют собой один древний контекст, повторяющийся контекст из Суздальской летописи:

- (3) Супр. л. 11 об. **вна же рече не хоцю розоути робичица. но Гѣрополка хоцю. вѣ во Роговолодѣ пришесть. изморина имѣ во власть свою в Польцкоу** (аналогичный контекст см. в Ув. 81) — ср. пример из Суздальской летописи: л. 99 об. **вна же рече не хоцю розоути робичица. но Гѣрополка хоцю. вѣ во Роговолодѣ перешель из заморья.**

Обратимся к анализу примеров со сверхсложными формами. Всего в ЗРЛ было обнаружено 14 контекстов, которые повторяются в разных летописях, и общее число сверхсложных форм в них составляет 42.

В ЗРЛ представлено 6 контекстов с **антирезультативным** значением, повторяющихся в разных летописях (всего 13 форм из 42). Приведем их все:

- (4) Супр. л. 89 **кнѣзь великии Гѣганло далъ бы(л) По(л)тескъ братоу своему. Скириганлоу и вни его не приняли** (контекст повторяется в Ак. л. 173 об., Вил. 439 об., ЛРП 488) — ‘князь Ягайло дал / дал было Полоцк своему брату Скиргайлу, но они (полочане) его не приняли’;
- (5) Ув. л. 45 об. **и король почалъ присылатисѧ к великомуу кнѣзю Витовтоу. рекъ што еси на(м) да(л) половицю По(д)льскои земли оу к тысячехъ пенези и мы дали были оу к же тысячехъ па(н)у Спытку и пани Спытковаѧ ш(в)довела. а дети малы. и ѿ Татаръ земли некомуу воронити. и ты ѿдан к тислечи пеназен. а города повери за себе** (контекст повторяется в Супр. л. 105 об.) — ‘король начал посылать послов к великому князю Витовту, говоря: «Ты нам дал половину Подольской земли за 20 тысяч, и мы дали /дали было 20 тысяч пану Спытку, а его жена сейчас овдовела, а дети маленькие, и от татар землю некому защищать. Отдай нам обратно 20 тысяч, а города забери себе»’;
- (6) Арх. л. 80 **и мешкаючи емѣ в Велико(м) Луч(ц)кѣ и хотѣ(л) бы(л) на себя корѣнѣ во(з)ложити, и его неприятели Поляки не перепѣстили емѣ корѣны** — ‘и живя в Великом Лучке хотел / хотел было на себе возложить корону, но его враги поляки не позволили ему’. В следующем контексте речь идет о том, что Ягайло сначала сговорился / сговорился было с немцами против Витовта и Кестута, но потом поклялся им в верности:
- (7) Супр. л. 90 **внѣ же рече снѣоу своемуу кнѣзю великомуу Витовтоу ты мнѣ не вѣрилъ. а се тые грамоты. записалисѧ были на на(с). но вѣ насъ встереглъ. но та кнѣзю великомуу Гѣганлоу. ничего не вчинилъ...и кнѣзь великии Гѣганло. великомуу Витовтоу. и дади своемуу великомуу кнѣзю Кестоутию што николи противоу его не стоѧти** (контекст повторяется в Ув. л. 2);
- (8) Супр. л. 104 **Подольскаѧ земля не хотела была. послоушна быти кнѣзѧ великого Витовта. и Литовскои зе(м)ли какъ же пре(д) ты(м) послоушна**

БЫЛА (контекст повторяется в Ув. л. 45 об.) — Подольская земля не хотела подчиниться Витовту, как это было раньше. Далее сообщается о том, что Витовт ее завоевал;

- (9) Арх. л. 74 и **кнѣзь Феѡдо(р) Ко(р)ятѡви(ч) не хотѣ(л) бы(л) слѹжити кнѣзю Витѡвтѹ со всею землею Подо(л)скою, и кнѣзь Витѡвтѣ пошо(л) со всѣмъ вѡиско(м) Литѡвскимъ к Подо(л)ю...1 вси города побра(л) воеводѹ кнѣзя Феѡдора поима(л)** — 'князь Федор Корятович не хотел / не хотел было служить князю Витовту со всей Подольской землей, и тогда князь Витовт пошел со всем литовским войском, завоевал все города и захватил воеводу и князя Федора'.

Для прояснения вопроса о генезисе антирезультативного значения важно учитывать соотношение количества контекстов с антирезультативной семантикой с количеством примеров с другими значениями, а именно, со значением давнопрошедшего и результата (отсутствие тех или других так же являлось бы показательным).

Крайне важным кажется тот факт, что в ЗРЛ было обнаружен 5 **результативных** контекстов, повторяющихся в разных летописях (всего 14 форм из 42). Рассмотрим их:

- (10) Ув. л. 10 и **какъ к Вилни приехавъ. кнѣзя Кестѡутѣа дѣдѹ своего. шковавши ко Кревоу послалъ и оудасили оу вижю. а кнѣзя великаго Витѡвта встаѡили были еше оу Вилни и тамо оу Креве патѡа ноци. кнѣзь вѣликаго Кестѡутѣа оудавили. коморники кнѣзя великаго Гѣканловы** (контекст повторяется в Ак. л. 177 об., ЛРП л. 490 об., Арх. л. 64) — основной линией повествования является рассказ о взятии в плен и убийстве князя Кестута: 'и, приехав к Вильне, заковал дядю своего, послал его в Крево и посадил в башню, а великого князя Витовта оставили / были оставившими еще в Вильне, и там в Креве на пятую ночь коморники великого князя Ягайла удавили великого князя Кестута'. Витовт был сыном Кестута, и до описываемых событий они воевали вместе, поэтому летописцу важно сказать, что отца с сыном разлучили, перед тем как взять Кестута в плен и убить. Перед нами результативное значение плюсквамперфекта: во время взятия в плен Кестута, его сын сын находился (был оставленным) в Вильне;
- (11) Ув. л. 20 **Вилневци(ж). тогда не оудасѡа емоу. зане(ж) тогда были королю правдѹ дали и Скиргѡлоу** (контекст повторяется в Вил. 446 об. и ЛРД 493) — 'Вильнюсцы тогда не покорились ему, т. к. принесли присягу / были принесшими к тому времени присягу королю и Скиргайлу';
- (12) Супр. л. 98 об. **Ѱтоле нача воевати Литѡвскоу землю. с Немецкою помо(ч)ю. и оуже взѡаль бы(л) Литѡвскои земли. по Велию рекоу а и Полѣтѣкъс вѡдѡа емоу. и оузрѣлъ корѡлъ и кнѣзь великий Скиргѡило. ꙗко вже невозможнѡ оудержати земли Литѡвѣйска прѣ(д) великимъ**

кнѣземь Витовтомъ...бѣ поможе великому кнѣзю Витовтоу. и побежени быша Литовъски вон (контекст повторяется в Ув. л. 20, Ак. л. 182, Вил. л. 446 об., ЛРП л. 493) — ‘и начал завоевывать Литовскую землю с немецкой помощью, и <к тому моменту, когда> уже завоевал / был завоевавшим Литовскую землю до реки Вилии и Полоцк ему сдался, увидел король и великий князь Скиргайло, что невозможно удержать Литовскую землю перед великим князем Витовтом’;

(13) ЛРП л. 492 об. **и нача его лечити главѣ емѣ постриже ра(н) для занѣ(ж) много ранѣ(н) ѡчага(л) бы(л) собѣ живота** — ‘и взял его, и начал лечить многими лекарствами, и постриг его из-за ран, т. к., будучи сильно раненым, потерял / был потерявшим надежду выжить’;

(14) Арх. л. 91 **вода была ве(л)ми великая в Смоленскѣ все мѣсто поняло было мало не дошла до Покровское горы** — ‘в Смоленске было наводнение, весь город был залит / оказался залитым, [вода] чуть не дошла до Покровской горы’.

В рассмотренных контекстах налицо результативное значение у рассматриваемых форм, трактовка их как выражающих значение давнопрошедшего исключена, т. к. обозначаемое ими действие произошло непосредственно перед описываемыми событиями и имеет для них важное значение.

В других западнорусских памятников XV–XVI вв. (Пересопницкого евангелия и «Страстей Христовых»), разобранных в [Жукова, Шевелева 2010], результативное значение также является одним из характерных для сверхсложных форм. Таким образом, приведенная в данной статье интерпретация согласуется с выводами исследователей, проанализировавших тексты примерно того же времени и той же локализации.

В ЗРЛ есть и контексты со значением давнопрошедшего, или, в терминологии [Петрухин, Сичинава 2006], неактуального прошедшего. Как уже было сказано, именно это значение в [Петрухин, Сичинава 2006] предлагается считать исконным для сверхсложной формы; именно оно фиксируется уже в берестяных грамотах XII в. [Зализняк 2004: 176], [Петрухин, Сичинава 2006: 200–204], в то время как результативное значение отсутствует. «Отличие этого значения от обычного прошедшего действия <...> — в подчеркивании отсутствия связи с настоящим и, по всей видимости, в эмфатическом выделении данного действия, акцентировании реального факта его существования» [Шевелева 2009: 38]. В ЗРЛ встретилось 3 контекста с давнопрошедшим, повторяющихся в разных текстах (всего 15 форм из 42):

(15) Супр. л. 87 об. — 88 **некто пакъ бы(л) оу великого кнѣза Улгирда. паробокъ неволны холопъ звали его В(о)идоломь. первое бы(л) пекароть. потомъ вставили его постелю слати. и водоу давати собѣ пити. и потомъ пакъ полюбилися былъ емоу даль бы(л) емоу Лидоу держати. и повель бы(л) его в добры(х).** потомъ по животе великого кнѣза Улинг(и)рда двѣ ли

лѣте минуѡло. кнѣзь велики Гѡгаило поведеть его велми во высоки(х) и дасть за него сестроу свою ро(д)ноую кнѣжню Марию (контекст повторяется в Ак. л. 172 об., Вил. л. 439, ЛРП л. 487, Арх. л. 60; в части примеров контекст представлен в сокращенном виде лишь с двумя или одной плюсквамперфектными формами) — первая часть фрагмента является отступлением от основной линии повествования. Перед этим автор сообщает, что умер великий князь Ольгерд, а далее возвращается к событиям, которые произошли сильно раньше: 'У Ольгерда был невольный холоп Войдило. Сначала он был пекарем, потом ему поручили стлать постель и подавать питье князю. Потом же Войдило полюбился князю, князь дал ему управлять городом Лидой и возвысил его'. Автор обращается к этому сюжету, чтобы стало понятными сообщаемые далее факты: через два года после смерти Ольгерда великий князь Ягаило отдал за Войдила свою сестру Марию. Плюсквамперфект используется для глаголов, сообщающих о возвышении Войдила, т. е. налицо его выделительная функция, отмечаемая исследователями у сверхсложной формы вообще и в западнорусских памятниках в частности (см., например, [Жукова, Шевелева 2010]);

- (16) Ув. л. 10 об. по смѡрти пакъ кнѣзя великаго Кестуѡтна пошлеть кнѣзь великии Гѡгаило. кнѣзя великаго Витовта во Крѡво(ж). и женою. и велить его твердо стеречь в комнату. помѡцата Войдила. што были за него сестроу свою дали (контекст повторяется в Ак. л. 177, Вил. л. 444, ЛРП л. 490 об.) — Войдило был убит по приказанию князя Кестута. После смерти последнего князь Ягаило захватил его сына Витовта с женой, мстя за убийство Войдила, 'за которого выдал замуж свою сестру'. Для последнего действия используется форма плюсквамперфекта. Оно является давнопрошедшим (произошедшим сильно раньше, чем описываемые события), в то же время представляется важным для пишущего.

Частной реализацией «русским» плюсквамперфектом значения неактуального прошедшего с древнейших времен является функция «сдвига начальной точки» [Петрухин, Сичинава 2006: 201–202]. В таком случае он может обозначать первое звено нарративной цепочки рассказа, отнесенного в не связанное с настоящим прошлое и иметь выделительный компонент, акцентируя внимание читателя на «завязке» сюжета (подробнее см. [Жукова, Шевелева 2010]). Эта функция плюсквамперфекта отмечена лишь одной формой в ЗРЛ:

- (17) Супр. л. 27 об. и тоу оубиень бы(с) и(х) воевода Спиридонъ. и епи(с)ъ и(х) и дроуги же Навгородець. Избыславъ Гѡкоуновичъ. сии наѣхаль многожду бишася [Нкф. биаше(с)]. едины(м) торопомъ и торо(пм) посече много. не имѣта во сер(д)ци и паде ѿ роукоу его. неколко вси дивиша(с) силѣ его. и храбрости. трети же Иаковъ. Полочанинь ловъчи 8 кнѣзя и вѣ си наѣхаль на полкъ с мечемъ и моужествова(л) шгынде. и хвали его кнѣзь — в данном фрагменте рассказывается о погибших и геройствовавших

в бою. Первый — воевода Спиридон. Второй — новгородец Избыслав Якунович. Летописец рассказывает о его геройстве и смерти: он сражался с одним топором, многих зарубил, многие пали от руки его, и все удивлялись его силе и храбрости. Третий — полочанин Иаков, ловчий князя. Далее следует рассказ о том, что он сделал в бою. Для обозначения первого действия, т. е. первого звена в рассказе об Иакове, используется плюсквамперфектная форма: он наехал на полк с мечом, геройствовал и уехал, и хвалил его князь.

Таким образом, в ЗРЛ из 14 плюсквамперфектных контекстов меньше всего, а именно 3 контекста, приходится на контексты со значением давнопрошедшего, промежуточное положение занимают примеры с результативным значением (5 контекстов) и в 6 контекстах представлено значение антирезультата. Общее число контекстов невелико, поэтому едва ли корректно интерпретировать разницу в их количестве, тем не менее, можно с уверенностью констатировать наличие результативного употребления сверхсложных форм, примеры с которым занимают, очевидно, не последнее место.

3. Антирезультативное значение у «нового» перфекта в одном Псковском говоре

Как известно, одной из наиболее ярких глагольных особенностей в псковских говорах является наличие в глагольной системе (от)причастного (или «нового») перфекта. Под категорией перфекта понимается система «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия⁴» [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. Данная система включает в себя три временные формы (наст., прош. и буд. вр.) и формы ирреальных наклонений. Причастие, употребленное со связкой в пр. вр., можно иначе называть плюсквамперфектом, «новым» плюсквамперфектом или перфектом в прошедшем (см. подробнее [Ермолова 2022]).

В настоящем разделе рассматриваются контексты с причастным перфектом, взятые из 4,5 часовой записи носительницы одного опочецкого говора Псковской области, Екатериной Григорьевной Федоровой⁵ (1929 г. р., 4 класса, родилась

⁴ Типологические исследования показывают, что перфект и результатив — это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результата к перфекту и далее к претериту (см., например [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия «перфект» и «результатив» применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danulyenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [там же: 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется неприципиальным.

⁵ Речь этого информанта описывается также в других работах, ср. [Дьяченко и др. 2018].

в д. Самсоново; далее ЕГФ), сделанной в д. Сорокино в рамках диалектологической экспедиции, в которой помимо автора участвовали Р. В. Ронько и студенты НИУ ВШЭ.

Категория перфекта в речи ЕГФ представлена крайне последовательно. (От)причастные формы представлены и в настоящем времени (18–19), и в прошедшем со связкой *быти* в пр.вр.⁶ (20–21) и выражают результата, отнесенный, соответственно, либо к плану настоящего, либо к плану прошлого, ср.:

(18) *Вы по делам явилиши. Ну, говорите.*

(19) *А у меня тут нигде, а вот тут зубы осталиши.*

(20) *И от глазу, когда пришла этого, Маринка, корова заболелиши была.*

(21) *Ну вот, у его все в середке там сгнилиши было.*

В двух плюсквамперфектных контекстах (из 42) можно говорить об антирезультативном значении. Рассмотрим их:

(22) (На вопрос, женился ли брат ЕГФ еще раз после смерти первой жены). *Тут он не женился. Тут был[ь] нашедши ему, ну вот, но потом он не женился — ‘Тут ему было нашли жену, но он не женился’. Из-за редукции конечного гласного и наосновного ударения в форме *быль* нельзя однозначно сказать, с какой формой мы имеем дело: *была* или *было*. Если это *была*, то предложение следует понимать так: ‘тут ему нашлась жена’ (от возвратных глаголов в опочецких говорах перфект образуется с помощью действительного причастия без постфикса [Дьяченко и др. 2018: 292]). В случае, если под *был[ь]* скрывается *было*, то предложение можно трактовать двояко: *было* является либо связкой ср. р. при форме перфекта, и тогда предложение должно быть понято как безличное ‘тут ему нашлось’ (*нашедши*, как и в предыдущей интерпретации, тогда является формой перфекта от возвратного глагола *найтись*), либо частицей, которая, как и в литературном языке, обозначает прерванное или не завершившееся до конца действие — ‘тут ему было нашли’. Последнее предположение кажется наименее вероятным, т. к. в [Корпус опочецких говоров] нет ни одного примера на эту частицу; нет и примеров употребления плюсквамперфектных форм типа *был*, *-а*, *-о*, *-и* + *-л-форма* с неизменяемым *было* в антирезультативном значении (подробнее см. [Ермолова 2022]).*

(23) (ЕГФ рассказывает, как пыталась убежать от мужа). *А войти⁷ некуда было. Была раз отошедши. И шла с Борькой. Только с кустов вышла — слышу топот конский, еще Леньки не было. Я оглянулась назад — уже он подъехал, ножик взято: «Не поедете со мной, сейчас зарезу обоих» — ЕГФ пробовала было уйти от мужа, но ей не удалось.*

⁶ Подробнее см. [Дьяченко и др.2018; Дьяченко и др. 2019; Ермолова 2022; Ермолова 2022а].

⁷ Пск., значит ‘уйти’.

Очевидно, что в рассмотренных примерах антирезультативность является контекстуальной: на результативное значение формы в контексте накладывается семантический компонент отмененности действия или его недостижимости.

Таким образом, разобранные контексты из современного говора с «новым» перфектом демонстрируют, что плюсквамперфектные формы могут приобретать антирезультативное значение на базе результативного употребления.

4. Сопоставительный анализ летописных и диалектных данных

Приведенный летописный и диалектный материал позволяет сделать следующие выводы, важные для понимания истории развития антирезультативного значения у плюсквамперфекта.

Во-первых, данные рассмотренного говора говорят о том, что антирезультатив может развиваться и на базе результативного значения, а не только из значения давнопрошедшего, как это часто бывает в языках мира (см. [Плунгян 2001; Петрухин, Сичинава 2006]).

Во-вторых, материал ЗРЛ (как и других западнорусских памятников этого времени [Жукова, Шевелева 2010]) однозначно свидетельствует о том, что в XIV–XVI вв. в западных диалектах восточнославянской группы сверхсложная форма обладала результативным значением.

Если принять во внимание отсутствие результативного значения у плюсквамперфекта в тех украинских говорах, где он сохранился [Толстая 2000: 137], а также в польском языке [Kowalska 1976] вместе с тем, что и в украинских говорах, и в польском языке (со среднепольского периода) давнопрошедшее значение широко представлено (см. те же работы), кажется логичным сделать вывод о развитии значения сверхсложных форм от результативного к давнопрошедшему, что согласуется с общепринятыми представлениями об упрощении в восточно- и западнорусских языках сложной временной системы и исчезновении старых форм, выражающих грамматическое значение результата. Возможность такой семантической эволюции подтверждается как материалом рассмотренного говора, так и эволюцией «книжного» плюсквамперфекта: в древнейших летописях значение давнопрошедшего не представлено вовсе, в то время как антирезультативные контексты уже есть (подробнее см. [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007; Скачедубова 2019]). О том, что значении антирезультативности у «книжного» плюсквамперфекта формируется именно на базе результативного значения, свидетельствуют примеры, в которых со значением антирезультатива в нарративе употреблен не плюсквамперфект, а -л-форма без связки в результативном значении (подробнее об этом употреблении -л-формы см. [Скачедубова 2018]). Рассмотрим показательные разночтения из НПЛ ст. и мл.:

- (24) НПЛ мл л. 178 об. **Тогда Литва посадиша своего князя в Полочькѣ; а полочанъ пүстиша, конхъ вяху поималѣ с княземъ ихъ, и миръ взяша** — НПЛ ст. л. 140 об. **Тогда Литва посадиша свои князь в Полотьскѣ; а полочанъ пүстиша, которыхъ изъимали с княземъ ихъ, а миръ взяша** — перед нами два одинаковых контекста, которые демонстрируют отмену

совершенного ранее результативного действия: 'Тогда Литва посадила своего князя в Полоцке; а полочан, которых захватили / были захватившими / захватили было с их князем, отпустили и заключили мир'. При этом в одном случае использована форма плюсквамперфекта, в другом — -л-форма без связки в результативном значении, обе — в контекстуально антирезультативном значении. Аналогичен следующий пример:

- (25) НПЛ мл л. 192 **Того же лѣта заложиша церковь каменѹ святого Бориса и Глѣба, коя бѣ порушилася** — НПЛ ст. л. 153 об. **Того же лѣта заложиша церковь каменѹ святою Бориса и Глѣба, которая порушилася** — 'В тот же год заложили каменную церковь Бориса и Глеба, которая обрушилась / была обрушившейся / было обрушилась'.

Следующие два контекста представлены только вариантом с -л-формой без связки:

- (26) НПЛ мл. л. 234 **Повеленьемъ владыцѣ Ивана повиша ѹ святѣи Софѣи маковицѹ свинцомъ, которая в пожарѣ огорѣла** — 'Маковицу Святой Софии, которая обгорела / была обгоревшей / было обгорела в пожар, обили свинцом';
- (27) НПЛ мл. л. 258 **В то же время воеводы новгородчкыя с заволочаны по князя великого земли повоеваша много противѹ того, что князь повоевалъ новгородчкыя волости** — 'Новгородские воеводы отвоевали многое из того, что у них захватил / был захватившим / было захватил великий князь'.

Данные примеры демонстрируют, что антирезультативность может возникать как дополнительный семантический компонент у формы, основным значением которой является результативность.

Итак, по всей видимости, следует признать, что, во всяком случае, в западных говорах восточнославянской группы сверхсложные формы имели исконно результативное значение и что именно на его основе развивалось значение антирезультативности. Напомним, что древнейшие употребления сверхсложных форм в берестяных грамотах (как и большая часть летописных примеров, подробнее см. их обсуждение в [Шевелева 2007; Петрухин, Сичинава 2008; Шевелева 2008]) имеют значение неактуального прошедшего. На основании этого П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава полагают, что «русский» плюсквамперфект исконно не обладал результативным значением и выражал именно неактуальное прошедшее. Если исходить из этой точки зрения, то нам приходится предположить совершенно разное происхождение и развитие сверхсложных форм в разных диалектах восточнославянской группы: в среднерусских и западнорусских говорах они возникли как формы со значением «давнопрошедшего», из которого потом развилось значение антирезультативности; в западных диалектах обсуждаемые формы возникли как результативные, на базе значения результативности развилось значение антирезультативности, а затем, при утрате категории результативности в истории языка,

формы получили значение давнопрошедшего. Более вероятным и соответствующим логике развития языка кажется предположение М. Н. Шевелевой о том, что сценарий развития сверхсложных форм был одинаковым во всех говорах, однако в новгородских говорах процесс эволюции происходил быстрее, чем в других [Шевелева 2007: 247–249]. О более позднем разрушении старой временной системы в западных говорах свидетельствуют контаминированные формы в польском и украинском языках, в которых к *-л-*форме присоединяется показатель лица, взятый либо из аористных форм, либо из глагола-связки, типа польск. *postawylesz, radowalysmy, prawięchmy* и укр. *видѣлем* (1 л. ед. ч.), *упалесь* (2. л. ед. ч.), *почалихмы* (1. л. мн. ч.), которые появляются довольно поздно: в польском формы — с конца XV в. [Ананьева 2013: 245], в украинском — в XVI–XVII вв. [Німчук 1978: 325]. Возникновение таких форм было бы невозможным, если бы к этому времени старая временная система была полностью утрачена (как это было в новгородском диалекте) и *-л-*форма окончательно превратилась в единственную форму прошедшего времени.

5. Заключение

Рассмотренный выше летописный и живой диалектный материал показывают, что антирезультативное значение у форм плюсквамперфекта в истории русского языка могло развиваться из результативного значения вопреки типологическим данным [Плунгян 2001; Петрухин, Сичинава 2006].

Данные западнорусских летописей (как и других западнорусских памятников [Жукова, Шевелева 2010]) свидетельствуют о том, что сверхсложные формы могли иметь значение результата, что отличает их от тех же форм древненовгородском диалекте [Петрухин, Сичинава 2006]. Учитывая общие тенденции в развитии значения сверхсложной формы, а также факты из истории и диалектологии украинского языка, как представляется, можно сделать вывод об общем эволюции семантики сверхсложных форм от результативной к антирезультативной и давнопрошедшему.

Литература

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1994.

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Мальшиева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 257–313.

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В. Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 22. С. 213–229.

Ермолова М. В. О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 92–105.

Ермолова М. В. К вопросу о причастном функционировании *-л-*формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала // *Slověne*. 2022a. Vol. 11, № 1–2. 245–280.

Жукова Т. С., Шевелева М. Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // *Вопросы русского языкознания*. 2010. Вып. 13. С. 171–191.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: АН СССР, 1962.

Корпус опочецких говоров. Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охапкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова. Корпус опочецких говоров 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Доступен по ссылке <https://lingconlab.ru/opochka>.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. Москва: Наука, 1971.

Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Неद्याлков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.

Мозер М. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hung.* 47 (3–4). 2002. P. 221–260.

Неद्याлков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // В. П. Неद्याлков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М., 2006. С. 193–214.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 1 (15). С. 224–258.

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Гнозис, 2001. С. 50–88.

Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2016. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб. С. 7–36.

Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Скачедубова М. В. Об интерпретации *-л-*формы без связи в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // *Вопросы языкознания*. 2018. № 5. С. 64–76.

Скачедубова М. В. Функционирование *-л-*формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дисс... канд. филол. наук. М., 2019.

Смирнова Е. А. «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского). Дисс... канд. филол. наук. Москва, 2011.

Толстая М. Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. Вып. 14. М.: Индрик, 2000. С. 134–143.

Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // В. П. Недеяков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 216–226.

Чернов В. И. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1961.

Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

Шевелева М. Н. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 218–246.

Історія української мови. Морфологія (ред. Німчук В. В.). Київ: Наукова думка. 1978.

Kowalska A. Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -Ł w języku polskim. Katowice, 1976.

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? // WORD. 2005. 56:3. P. 347–379.

Jung H. Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian. Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. P. 195–215.

Seržant I. A. The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account // Lingua. 2012. 122 (4). P. 356–385.

Wiemer B. Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity // SLAVIA. 2017. 86: 2–3. P. 124–168.

M. V. Ermolova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

maria-anna2121@yandex.ru

ON THE GENESIS OF THE ANTI-RESULTATIVE MEANING OF THE PLUPERFECT IN THE HISTORY OF RUSSIAN

The article provides a number of data that allow us to make some clarifications on the problem of the origin of the anti-resultative meaning of the pluperfect in the history of Russian. Despite the question whether the «Russian» pluperfect had a resultative

meaning is controversial, the material of the West Russian chronicles allows to state that there was this meaning at least in the West Russian dialects. Apparently, it was on its basis that the anti-resultative meaning developed. The likelihood of this scenario is confirmed by the modern dialect data with the «new» perfect, where the resultative meaning of the pluperfect can be contextually complicated by the anti-resultativity. The Old Russian examples with the anti-resultative use of the I-form without auxiliary also testify to this evolution.

The fact that the «Russian» pluperfect had a resultative meaning in the West Russian dialects doesn't permit to exclude it for the «Russian» pluperfect in those Old Russian dialects where it isn't confirmed by the texts (first of all, for Old Novgorod dialect). Its absence can be explained by the different rate of the evolution of the temporal system.

Keywords: pluperfect, anti-resultativity, perfect, West Russian Chronicles, Pskov dialects.

References

Anan'eva N. E. *Istoriya i dialektologiya pol'skogo yazyka* [History and dialectology of Polish language]. Moscow, Moscow State University, 1994. (In Russ.)

Chernov V. I. *Plyuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitelno s cheshskim i staroslavjanskimi jazykami. Avtoref. diss... kand. filol. nauk* [Pluperfect in the history of Russian language in comparison with Czech and Old Church Slavonic. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Leningrad, LGPI im. Gertsena, 1961. (In Russ.)

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*, 2005, 56:3, pp. 347–379.

D'yachenko C. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ron'ko R. V., Ter Avanesova A. V. [Expedition to the OPOCHKA district of the Pskov region]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2018, no. 2 (36), pp. 257–313. (In Russ.)

D'yachenko C. V., Zhidkova E. G., Ter Avanesova A. V. [Perfect forms and perfect constructions in OPOCHKA dialects]. *Trudy` Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2019, no. 22, pp. 213–229. (In Russ.)

Ermolova M. V. [On some features of the perfect and pluperfect constructions in Pskov dialects (on the material of one OPOCHKA dialect of the Pskov region)]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i jazyka*. 2022, vol. 81, no. 2, pp. 92–105. (In Russ.)

Ermolova M. V. [On the participial functioning of the I-form in the history of the Russian language in the light of Russian dialectal data and the material of the other Slavic languages]. *Slověne*. 2022a, vol. 11, no. 1–2, pp. 245–280. (In Russ.)

Jung H. Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian. *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014, pp. 195–215.

Karskij E. F. *Trudy po belorusskomu i drugim slavyanskim jazykam* [Works on Belorussian and other Slavic languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1894 / 1962. (In Russ.)

Kowalska A. *Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -Ł w języku polskim*. Katowice, 1976.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastny`x form v russkix govorax* [The syntax of the participial forms in Russian dialects]. Moscow, "Nauka" Publ., 1971. (In Russ.)

Maslov Yu. S. [Resultative, perfect and aspect]. *Tipologiya rezul'tativny`x konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of the resultative constructios (resultative, stative, passive, perfect)]. V. P. Nedjalkov (ed.). Leningrad, "Nauka" Publ., 1983, pp. 41–54. (In Russ.)

Moser M. [What is Ruthenian language?]. *Studia Slavica Hung.*, 47/3–4, 2002, pp. 221–260.

Nedyalkov V. P., Yaxontov S. E. [Typology of the resultative constructios]. *Tipologiya rezul'tativny`x konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of the resultative constructios (resultative, stative, passive, perfect)]. V. P. Nedjalkov (ed.). Leningrad, "Nauka" Publ., 1983, pp. 5–41. (In Russ.)

Nimchuk V. V. (ed.). *Istoriya ukraïns'koi movi. Morfologiya*. [History of the Ukrainian language. Morphology]. Kiev, "Naukova dumka" Publ., 1978.

Petrukhin P. V., Sitchinava D. V. [«Russian pluperfect» in the typological perspective]. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova* [A string of letters: To the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. A. M. Moldovan (ed.). Moscow, "Yazyki Slavyanskoi Kul'tury" Publ., 2006, pp. 193–214. (In Russ.)

Plungyan V. A. [Antiresultative: before and after the result]. *Issledovaniya po teorii grammatiki, 1: Glagol'ny`e kategorii* [Grammar theory researches. Vol. 1. Grammatical categories]. Moscow, "Gnosis" Publ., 2001, pp. 50–88. (In Russ.)

Plungyan V. A. [Towards the typology of perfect in the world's languages. Preface]. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. *Trudy Instituta lingvisticheskix issledovaniy RAN*. Vol. XII. Part 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vypusk 7. Tipologiya perfekta. [Grammar theory researches. Issue 7. Typology of the perfect]. T. A. Majsak, V. A. Plungyan, Ks. P. Semyonova (resp. eds.). St. Petersburg, "Nauka" Publ., 2016, pp. 7–36. (In Russ.)

Ronko R., Volf E., Grebyonkina M., Ershova M., Okhapkina A., Khadasevich A., Morozova V. Corpus of Opochetsky dialects 2019, Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V. V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science (Available online at URL: <https://lingconlab.ru/opochka>, accessed on 05.12.2023.)

Seržant I. A. The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Adiachronic and areal account. *Lingua*, 122 (4), pp. 356–385.

Sheveleva M. N. [«Russian pluperfect» in the Old Russian texts and modern dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, no. 2, pp. 214–252. (In Russ.)

Sheveleva M. N. [Once again on the history of the Old Russian pluperfect]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, no. 2 (16), pp. 218–246. (In Russ.)

Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt*. [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow, "AST-PRESS" Publ., 2013. (In Russ.)

Skachedubova M. V. *Funktsionirovaniye -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisey)* [Functioning of the -l-form in Old Russian narrative (based on early chronicles)]. Phil. cand. diss. V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Moscow, 2019. (In Russ.)

Skachedubova M. V. [On the interpretation of l-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and The First Novgorodian Chronicle]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no. 5, pp. 64–76. (In Russ.)

Smirnova E. A. «Prosta mova» kak lingvisticheskij fenomen (rekonstrukciya glagol'noj sistemy na materiale Evangelija Tyapinskogo) [Ruthenian language as a linguistic phenomenon (reconstruction of the verbal system based on the Tyapinskiy's Gospel)]. Phil. cand. diss. Moscow, 2011. (In Russ.)

Tolstaya M. N. [Pluperfect form in Ukrainian transcarpathian dialects: the place of the auxiliary verb in the sentence]. *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic studies]. 1998–1999, issue 14. Moscow, “Indrik” Publ., 2000, pp. 134–143. (In Russ.)

Trubinskij V. I. [Resultative, passive and perfect forms in some Russian dialects]. *Tipologiya rezul'tativnyx konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of the resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. V. P. Nedjalkov (ed.). Leningrad, “Nauka” Publ., 1983, pp. 216–226. (In Russ.)

Wiemer B. Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity. *SLAVIA*, 2017, 86: 2–3, pp. 124–168.

Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury» Publ., 2004. (In Russ.)

Zhukova T. S., Sheveleva M. N. [«New» pluperfect in the Southwestern Russian texts XV–XVI cc. and modern Ukrainian dialects in comparison with Russian]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya* [Issues of Russian linguistics]. 2010, issue 13, pp. 171–191. (In Russ.)

О. Ю. Инькова

*Женевский университет; ИПИ ФИЦ ИУ РАН
(Швейцария, Женева; Россия, Москва)
olga.inkova@unige.ch*

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И ВМЕСТЕ С ТЕМ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

В статье на материале французского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка рассматриваются вопросы пополнения состава служебных слов русского языка за счет семантической и функциональной эволюции полнозначных слов или сочетаний. Для анализа взяты две языковые единицы: коннекторы *в то же время* и *вместе с тем*, которые считаются синонимами в своих основных значениях. Семантический анализ, как качественный, так и количественный, позволяет уточнить это положение, а также более точно определить значения этих языковых единиц. Базовым значением *в то же время* является временное: одновременность, или, шире, сосуществование сущностей, свойств и положений вещей, и именно в этом значении в сочетании с союзом *и* он наиболее употребителен. Отношение сосуществования может устанавливаться и на уровне высказывания. Следующим по частотности, но с большим отрывом следует употребление *в то же время* в сочетании с коннектором *но*, выражающим отношение «вопреки ожидаемому». Употребление в составе аддитивных коннекторов является для *в то же время* маргинальным. Аддитивное значение является, наоборот, основным для *вместе с тем*: некоторая сущность, свойство, качество или положение вещей существует вместе с другой сущностью, качеством или положением вещей. В аддитивном значении *вместе с тем* сочетается, как правило, с союзом *и*, но может сочетаться и с *но* и *а* (*и*). *Вместе с тем* может выражать отношение «вопреки ожиданиям», как сохраняя свое базовое значение (в сочетании с союзом *но*), так и образуя единую языковую единицу (с союзом *а*), а также временное значение одновременности, но оно для него не является характерным. Таким образом, основной зоной пересечения в употреблении *в то же время* и *вместе с тем* является отношение «вопреки ожидаемому», выражаемое ими в сочетании с союзами *но* и *а*.

¹ Исследование выполнено с использованием инфраструктуры Центра коллективного пользования «Высокопроизводительные вычисления и большие данные» (ЦКП «Информатика») ФИЦ ИУ РАН (г. Москва).

Ключевые слова: Семантика, русский язык, коннекторы, контрастивный анализ, вместе с тем, в то же время, семантическая эволюция.

Пополнение состава служебных слов русского языка за счет семантической эволюции полнозначных слов или словосочетаний остается актуальной проблемой русистики. Это касается и процессов, протекающих в одном из классов служебных слов, классе коннекторов, т. е. служебных слов со связующей функцией (как синтаксической, так и — чаще — семантической). Здесь актуальность проблемы связана с формальной вариативностью коннекторов, а также с путями семантической эволюции, которую претерпевают языковые единицы при переходе в класс связующих единиц. Мы рассмотрим один из таких случаев: коннектор *в то же время*. Будут проанализированы его семантическая эволюция, формальное варьирование в сочетании с союзами, лексический статус этих вариантов, а также его функциональные особенности в сравнении с коннектором *вместе с тем*, синонимом которого он считается, по крайней мере, в некоторых из своих значений.

Материалом для исследования послужили 160 аннотаций для *в то же время* и 53 аннотации для *вместе с тем*, созданные в Надкорпусной базе данных коннекторов (НБДК)² на основе французского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также данные основного корпуса НКРЯ.

1. *В то же время* и *вместе с тем*: внутренняя форма и пути семантической эволюции

По своей внутренней форме *в то же время* представляет собой словосочетание, состоящее из предлога *в*, указательного местоимения-прилагательного *то* же в среднем роде, выражающего тождество и согласующегося с существительным *время* в винительном падеже. В своей изначальной функции обстоятельства времени словосочетание служит для временной локализации некоторого положения вещей (*q*), которая осуществляется путем установления тождества с временными координатами другого положения вещей (*p*), которые при этом могут быть эксплицитно не выражены. Ср. три примера, которые были нами зафиксированы с *в то же время* в функции обстоятельства времени:

- (1) Он [Гнедин] был арестован почти *в то же время*, что и Эфрон (в мае тридцать девятого), также прошел через Лефортово — и через еще более страшную Сухановскую тюрьму, а приговоры тому и другому были вынесены с промежутком всего в сутки. [Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая мороза (2007)]
- (2) Как дико, страшно, ведь **в мире** ничего не было, кроме форсирования Буга, Днепра, кроме Пирятинского окружения и Овручских болот, Мамаева кургана, Купоросной балки, дома «шесть дробь один», политдонесений, убили

² Подробнее о НБДК и ее функциональных возможностях см. [Инькова 2018a].

боеприпасов, раненых политруков, ночных штурмов, политработы в бою и на марше, пристрелки реперов, танковых рейдов, минометов, Генштаба, станковых пулеметов... И *в том же мире, в то же время* ничего не было, кроме ночных следствий, побудок, проверок, хождений под конвоем в уборную, выданных счетом папирос, обысков, очных ставок, следователей, решений Особого совещания. Но было и то, и другое. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

- (3) В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: «Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?» Вопрос был странный, потому что он вдруг, *в то же время*, почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

В (1) отсылка к временным координатам положения вещей $p = \text{арест Гнедина}$ осуществляется катафорически: *в то же время (что и)* устанавливает отношение тождества по времени между p и описанным в придаточном $q = \text{арест Эфрона}$. Эти общие для обоих положений вещей координаты уточняются затем в скобках. В примере (2) — два локализирующих словосочетания с местоимениями тождества: пространственное *в том же мире*, отсылающее анафорически к *в мире* в предыдущем контексте, и *в то же время*, отсылающее по умолчанию к временным координатам описанного ранее положения вещей. В (3) *в то же время* во вставной конструкции в запятых служит для уточнения временного интервала, обозначенного наречием *вдруг*, употребленного в своем устаревшем значении ‘немедленно, тотчас’ [МАС]. Благодаря своему анафорическому характеру *в то же время* дает понять читателю, что Раскольников почувствовал, что невозможно не сказать, кто убил Лизавету, в тот же самый момент, что он задал себе вопрос об этом. В функции обстоятельства времени *в то же время* выражает, таким образом, одновременность осуществления положений вещей p и q .

У *вместе с тем* значение одновременности, точнее указание на «предмет, свойство, которые существуют, имеют место одновременно с чем-либо» [Морковкин 1997: 56] заложено в семантике предлога *вместе с*. По-видимому, благодаря входящему в его состав демонстративу *то* можно говорить об изначально анафорическом характере этого словосочетания, хотя по мере его грамматикализации согласование с антецедентом исчезает; ср. (4).

- (4) Чтобы понять причины огромной популярности книги, фильма и тимуровского движения, нужно восстановить контекст повести: она была написана в предвоенное время, полное тревоги и *вместе с тем* милитаристского энтузиазма. [Л. В. Оборин. «Тимур и его команда», квартиры Достоевского и антология польской детской поэзии. Лучшее в литературном интернете: 12 самых интересных ссылок недели (04.06.2017)]

Таким образом, изначальное значение *вместе с тем* может быть определено как одновременность или, шире, сосуществование предметов, свойств или ситуаций.

В (5) *вместе с тем* выражает сосуществование двух свойств «приятие смерти» и «приятие креста жизни», а в (9) ниже при поддержке союза *и* — одновременное осуществление двух действий: *садиться* и *чувствовать*. В обоих примерах *вместе с тем* легко заменяется на *в то же время*.

- (5) Вольное принятие смерти есть *вместе с тем* принятие креста жизни. [Н. А. Бердяев. О самоубийстве (1931)]

Хорошо известно, что обстоятельства места и времени характеризуются слабой синтаксической связью с предикатом и легко перемещаются внутри высказывания, часто выдвигаясь в начальную позицию. Это, в свою очередь, способствует тому, что языковая единица расширяет сферу своего действия до пропозициональной и начинает употребляться в функции коннектора. Этот пусть прошли и интересующие нас языковые единицы. Ср. для *в то же время* (6), где оно выражает отношение одновременности связанных им положений вещей: пробуждения Раскольникова и его ощущения в этот момент.

- (6) Он и не воображал прежде, что когда-нибудь так проснется. Он помнил до последних подробностей всё вчерашнее и понимал, что с ним совершилось что-то необыденное, что он принял в себя одно, доселе совсем неизвестное ему впечатление и непохожее на все прежние. *В то же время* он ясно сознавал, что мечта, загоревшаяся в голове его, в высшей степени неосуществима <...> [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Так же хорошо известно, что на основе семантики одновременности у коннекторов могут развиваться более абстрактные значения. Речь, как правило, идет об отношениях сопоставления и уступки (ср., например [Heine, Kuteva 2002]; [Kortmann 1997]). В основе такой семантической эволюции лежит смещение смыслового акцента со сходства ситуаций относительно временного критерия при их различии по другим параметрам к различию ситуаций по тому или иному параметру, причем ситуаций как одновременных, так и разновременных или же нелокализованных во времени. Такова эволюция многих русских временных союзов, часто утративших свое первоначальное временное значение: *в то время как*, *тогда как*, *между тем* и интересующих нас *в то же время* и *вместе с тем*. Ср. (7), где отношение одновременности ситуаций «думать об измене друга» и «искать оправдания» выражена деепричастием *думая*, а *и в то же время*, по-видимому, имеет другую семантическую функцию.

- (7) **Мысль** о Соколове вызывала в нем такую злобу, такую мучительную обиду, что становилось трудно дышать. *И в то же время, думая об измене* своего друга, Штрум, сам того не замечая, искал оправдания своей собственной измены другу. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

В нашем корпусе примеров *в то же время* зафиксировано в функции коннектора в 157 случаях из 160, *вместе с тем* — в 49 из 53.

2. В то же время и вместе с тем в словарях и грамматиках

Грамматики и словари, в том числе словари служебных слов, довольно скупы на описания интересующих нас языковых единиц. Так, в РГ-80 *в то же время* упоминается один раз в разделе «Противительно-соединительные отношения» [РГ-80, II: § 2077]. Оно перечислено среди конкретизаторов союзов *но и*, *но и и* наряду с *все-таки*, *все же*, *вместе с тем* (*вместе*). *Вместе с тем* упоминается помимо того в разделе, посвященном противительно-уступительным отношениям, где оно квалифицируется либо как аналог союза [Там же: § 3147], либо как конкретизатор союза *но* [Там же: § 3149].

В этой связи сразу заметим, что *в то же время* сочетается и с другими союзами, например с союзом *а* (8), а также самостоятельно, как в (6) выше, и не только с противительно-соединительным значением, которое, как мы увидим, не является у него наиболее частотным.

- (8) Чёрт говорит, как Иван, *а в то же время*, как «другой», враждебно утрирующий и искажающий его акценты. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

То же можно сказать и про *вместе с тем*. Помимо противительно-уступительного и противительно-соединительного значений, о которых упоминает РГ-80, у него можно увидеть значение сосуществования двух положений вещей, т. е. значение временное, как в (9).

- (9) — Пожалуйста, пожалуйста, не будем говорить об этом, — сказал он, садясь *и вместе с тем* чувствуя, что в сердце его поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Набор союзов, с которым может сочетаться *вместе с тем*, также не ограничивается перечисленными выше, к чему мы вернемся в разделе 3.

Что касается толковых словарей, то МАС, не определяя морфологического статуса интересующих нас единиц) перефразирует *в то же время* через *вместе с тем*, *одновременно*, а *вместе с тем* — через *в то же время*, *одновременно*, добавляя *однако*, т. е. видя у него еще и противительно-уступительное значение, о котором говорит РГ-80. Словарь Д. Ушакова [2001], напротив, устанавливает их полную синонимию: *вместе с тем* — ‘в то же время, одновременно’; *в то же время* — ‘одновременно, вместе с тем’. *В то же время* отсутствует в словаре С. Ожегова [1990], а для *вместе с тем*, квалифицируемого как союз, указывается возможность сочетаться с союзами, при этом за каждым из сочетаний закрепляется определенная семантика: *вместе с тем* (*и вместе с тем*) — *а также*, *в добавление к сказанному*; *а(но) вместе с тем* — *но в то же время, однако*.

В словарях служебных слов значения *в то же время* и *вместе с тем* также определяются довольно скудно, если они вообще упоминаются. В «Словаре структурных слов русского языка» [Морковкин 1997], например, статья *в то же время*

отсутствует, а *вместе с тем* в статье, посвященной предлогу *вместе с*, определяется как наречие без описания значения. Словарь Т. Ефремовой [2004] различает наречие *в то же время* со значением *вместе с тем*, *наряду с* и подчинительный союз *в то же время*, синонимичный союзу *когда*. Схожую картину находим в словаре [Бурцева 2010] с той только разницей, что у наречия *в то же время* видится и временное значение, поскольку оно перефразируется через *одновременно*. Наконец, тот же словарь квалифицирует *вместе с тем* как союз, вводящий дополнение к сказанному ранее, часто с оттенком противопоставления, и считает его синонимом *при этом, при всем том*³.

О возможности сочетаться с союзами указывает только словарь Т. Ефремовой [2004]. Для *вместе с тем* указывается на возможность сочетаться с тремя сочинительными союзами, но с несколько иным, чем у С. Ожегова [1990], распределением значений: *и вместе с тем* и *но вместе с тем* с одинаковыми толкованиями: «[п]рисоединяет придаточное предложение, содержащее дополнение к сказанному ранее, *в то же время, одновременно с этим, также*»; а *вместе с тем*, который вводит придаточное предложение при одновременности действий главного и придаточного, по-видимому с оттенком противительности, поскольку его синонимом считается *и однако*. Для *в то же время* дается только сочетание с союзом *и* со значением одновременности (синонимичен *наряду с этим*).

Обобщая данные РГ-80 и словарей, можно сказать, что основной зоной синонимии *в то же время* и *вместе с тем* считаются т. н. «соединительно-противительное» значение, или значение добавления к сказанному ранее, и — отчасти — значение одновременности, которое упоминается некоторыми словарями для *вместе с тем*. В свою очередь, противительно-уступительное значение как будто бы не свойственно *в то же время*, хотя оно упоминается в ряду союзов с уступительным значением в [Апресян 2004].

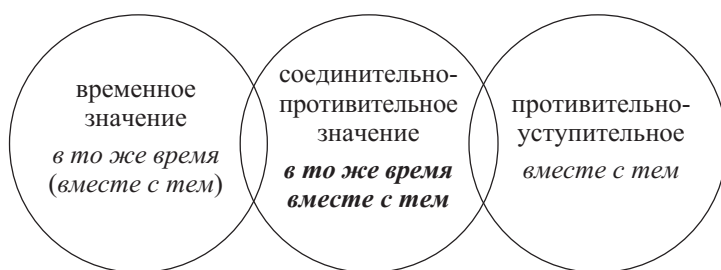

Рис. 1. Распределение значений *в то же время* и *вместе с тем*

Синонимия *в то же время* и *вместе с тем* четко просматривается и при сопоставительном анализе, в частности, при анализе состава их французских эквивалентов. Для обоих наиболее частотными эквивалентами являются *en même temps*

³ О семантике этих единиц см. [Инькова 20186].

‘в то же время’ в сочетании с союзами *et* ‘и’ и *mais* ‘но’, аддитивное *mais aussi* (*en tête temps*) ‘но (в то же время) и’, коннекторы, выражающие отношение «вопреки ожидаемому *mais* ‘но’, *cependant* ‘однако’, *néanmoins* ‘тем не менее’ и уступительные отношения *bien que* ‘хотя’, *en dépit de* ‘несмотря на’.

Для того, чтобы проверить, насколько справедливы утверждения словарей и грамматик, мы обратимся к нашему корпусу примеров. Мы начнем с анализа формальных и синтаксических особенностей *в то же время* и *вместе с тем* (раздел 3), а затем перейдем к анализу семантическому (раздел 4).

3. В то же время и вместе с тем: возможности сочетания с союзами и синтаксические особенности

Словари и грамматики, как показано в разделе 2, отмечают для *в то же время* и *вместе с тем* возможность сочетаться с сочинительными союзами *и*, *но*, *но и*, *а*; см. (4), (7)–(9) выше. В нашем корпусе были зафиксированы и другие сочетания, которые мы называем речевыми реализациями (РР) коннектора, т. е. те конкретные формы, в которых коннекторы были зафиксированы в текстах; подробнее об этом понятии см. [Инькова 2019]. В таблице 1 мы приводим их список (вертикальная черта в составе РР означает, что ее составляющие разделены текстом, двойная вертикальная черта означает, что коннектор присутствует в каждом из связываемых им фрагментов текста). Для более полной картины мы сделали поиск РР, зафиксированных для *в то же время* и *вместе с тем* в НБДК, в основном корпусе НКРЯ; полученные результаты выделены в таблице курсивом⁴.

В то же время характеризуется большей формальной вариативностью, чем *вместе с тем* (22 РР для *в то же время* против 11 для *вместе с тем*), и чаще употребляется самостоятельно (12% против 4% для *вместе с тем*). Наиболее частотным сочетанием для обеих языковых единиц является сочетание с союзом *и* (почти 55% для *в то же время* и почти 50% для *вместе с тем*). Второй по частотности для *в то же время* является РР *но в то же время*, а для *вместе с тем* — РР *а вместе с тем* (почти 25%).

РР с этими двумя языковыми единицами различаются и по своим синтаксическим свойствам. В таблице 2 приводятся данные о синтаксической природе связываемых РР с *в то же время* и *вместе с тем* фрагментов текста.

Наиболее частотной синтаксической формой фрагмента текста, вводимого РР с *в то же время*, является предикативная структура, как правило, однородные сказуемые, соединяемые РР *и в то же время* (33 случаев из 63).

- (10) Приведённые сопоставления Достоевского в высшей степени характерны *и в то же время* звучат как типичный карнавальная мезальянс. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

⁴ В НКРЯ найдено 27594 вхождения для *в то же время* и 18 078 вхождений для *вместе с тем*.

Табл. 1. Речевые реализации (РР) с *в то же время* и *вместе с тем*, зафиксированные в НБД и НКРЯ

РР с <i>в то же время</i>	Всего	В %	РР в <i>вместе с тем</i>	Всего	В %
а в то же время	6	3.82%	а вместе с тем	12	24.49%
а в то же время и	1	0.64%	а вместе с тем и	5	10.20%
а в то же время и	1	0.64%			
а в то же время	2	1.27%	а вместе с тем	14	0.08%
в то же время	20	12.74%	вместе с тем	2	4.08%
в то время, как	1	0.64%			
и в то же время	85	54.14%	и вместе с тем	24	48.98%
и в то же время и в то же время	1	0.64%			
и тем не менее в то же время	1	0.64%			
и и в то же время	1	0.64%			
и в то же время	8	5.09%			
кроме того что в то же время и	1	0.64%			
несмотря на в то же время	1	0.64%			
но в то же время	19	12.10%	но вместе с тем	3	6.12%
но в то же время и	2	1.27%	но вместе с тем и	350	1.93%
но в то же время и	3	1.91%	но вместе с тем и	1	2.04%
но в то же время также	1	0.64%			
но в то же время	3	1.91%			
однако в то же время	1	0.64%	однако вместе с тем	31	0.17%
с тем только, чтоб в то же время	1	0.64%			
			хоть и но вместе с тем	1	2.04%
<i>хотя и но в то же время и</i>	<i>1</i>	<i>0.003%</i>	<i>хотя и но вместе с тем и</i>	<i>1</i>	<i>2.04%</i>
<i>хотя и но в то же время</i>	<i>6</i>	<i>0.02%</i>			

Табл. 2. Распределение РР с *в то же время* и с *вместе с тем* по синтаксической природе связываемых фрагментов текста

Показатель	Самостоя- тельное предложение	Сложное предложение	С предика- цией	Б/предикации (глагольная форма)	Б/предикации (неглагольная форма)
РР с <i>в то же время</i>	27 (18.24%)	18 (12.16%)	63 (42.57%)	20 (13.51%)	24 (16.21%)
РР с <i>вместе с тем</i>	4 (8.51%)	17 (36.17%)	6 (12.76%)	6 (12.76%)	14 (29.79%)

Что касается самостоятельного употребления *в то же время*, то для него характерно вводить самостоятельное предложение или предикативную структуру (по 35% употреблений).

- (11) У Достоевского почти нет слова без напряжённой оглядки на чужое слово. *В то же время* объектных слов у него почти нет, ибо речам героев дана такая постановка, которая лишает их всякой объектности. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Для РР с *вместе с тем* более характерно вводить сложное предложение (36%) или же, наоборот, фрагмент текста с непредикативной глагольной формой (прилагательным или существительным) — 29,8%.

- (12) Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, *а вместе с тем* эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Отличает две группы РР и возможность введения самостоятельного предложения, более характерная для РР с *в то же время* и для его самостоятельного употребления. Тогда как *вместе с тем*, по данным НКРЯ, в самостоятельном употреблении вводит самостоятельное предложение лишь в 0.15% своих употреблений.

4. В то же время и вместе с тем: синонимы?

Чтобы ответить, насколько синонимичными являются РР с *в то же время* и с *вместе с тем*, мы рассмотрим их распределение по выражаемым ими отношениям. Но прежде попытаемся определить круг этих отношений. Такого рода анализ сталкивается с двумя хорошо известными и взаимосвязанными теоретическими проблемами.

Во-первых, определение функции показателя связи: может ли он устанавливать несколько отношений между фрагментами текста, т. е. быть полисемичным, или сохраняет свое базовое значение, а интерпретация высказывания зависит от смыслового соотношения связываемых им фрагментов текста и этого базового значения показателя. Иными словами, значение одно, но употребление коннектора совместимо с разного рода контекстами. Например, следует ли считать РР и *в то же время* показателем отношения противопоставления в (7) или *в то же время* сохраняет значение одновременности, а интерпретация в терминах противопоставления возникает на основе смыслового соотношения фрагментов текста: чувствами, испытываемыми Штурмом по отношению к измене друга и к собственной измене другу.

Во-вторых, определение статуса сочетаний *в то же время* и *вместе с тем* с другими показателями, в первую очередь, с союзами: считать ли такие сочетания единым показателем отношения или более или менее свободными сочетаниями, каждая из составляющих которых сохраняет свое базовое значение или имеет свою функцию (например, показателя синтаксической vs. семантической связи). Например, следует ли считать РР *но в то же время* единым показателем отношения «вопреки ожидаемому», а значит признать, что *в то же время* может выражать это отношение, или же следует считать, что это отношение выражается *но*, а *в то же время* сохраняет свое временное значение?

- (13) Штурм писал покаянное письмо для себя, письмо, которое спрячет и никому не покажет, *но в то же время* он втайне понимал, что письмо это вдруг да пригодится ему, пусть лежит. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Попробуем предложить ответы на поставленные вопросы.

4.1. В то же время

Для *в то же время* первичным является выражение отношения одновременности: вводимое им положение вещей *q* имеет место именно *в тот момент*, когда имеет место положение вещей *p*, описанное в предыдущем контексте. Хотя у *в то же время* есть прямой французский эквивалент с идентичной внутренней формой *en même temps* (*en* ‘в’ *même* ‘то же’ *temps* ‘время’), значение одновременности, выражаемое *в то же время*, часто передается переводчиками оформлением одного из связываемых им предикатов в форме деепричастия настоящего времени.

- (14) Пилат выкрикивал слова *и в то же время* слушал, как на смену гулу идет великая тишина. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]
Tout en criant les mots, Pilate s'était aperçu que la rumeur avait fait place à un profond silence. [Trad. par Cl. Ligny (1968)]

Когда соединяемые коннектором положения вещей *p* и *q* воспринимаются как несовместимые, например, благодаря отношению антонимии, на фоне их одновременности высказывание может получать противопоставительную интерпретацию; ср. (15) с *посмеиваясь* и *серьезно* и (16), где антонимия выражена при помощи отрицания, а также (21) с *обождать* и *не любить*.

- (15) Крымов, посмеиваясь *и в то же время* серьезно, перебил: — А понадобится, и вас, Греков, с большевистской кашей съедят. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1959)]
Et s'il le faut, coupa Krymov en riant mais sérieusement malgré tout, s'il le faut on vous mangera avec, Grekov! [Trad. par A. Berelowitch (1980)]
- (16) Даренский <...> успел как-то само собой и между прочим *и в то же время* не так уж между прочим подумать: «Вот эта!» [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1959)]
Darenski <...> eut le temps de se dire pour la forme (mais quand même pas seulement pour la forme): «Celle-là!» [Trad. par A. Berelowitch (1980)]

Семантика противопоставления, возникающая в таких случаях, может отражаться в выборе французских переводных эквивалентов русской РР: в (15)–(16) союз *и* замещается противительным союзом *mais* ‘но’, а *в то же время* языковыми единицами уступительной семантики — *malgré tout* ‘несмотря ни на что’ и *quand même* ‘все-таки’. А в переводе (17) переводчик счел нужным добавить к *en même temps*, эквиваленту *в то же время*, союз *mais*:

- (17) Паулюсу казалось, что беда именно в том, что самые блестящие победы не дали плодов, так как не были с упорством и решительностью доведены до конца; *в то же время* ему казалось, что в отказе от решения потерявших смысл задач проявляется истинная сила полководца. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]
Paulus pensait, lui aussi, que les plus brillantes victoires n'avaient malheureusement pas porté leurs fruits, parce qu'elles n'avaient pas été menées jusqu'au bout

avec la ténacité et la fermeté nécessaires. **Mais** il lui semblait **en même temps** que savoir refuser d'accomplir certaines missions quand elles ont perdu tout leur sens prouvait la véritable force d'un général. [Trad. par A. Berelowitch (1980)]

Несовместимость *p* и *q* может быть эксплицирована в контексте; ср. (18)–(19).

- (18) В Гитлере, и это страшило Лисса, **непонятым образом соединялось несо-единимое**, — он был главой мастеров — сверхмехаником, шеф-монтером, обер-мастером, обладавшим высшей логикой, высшим цинизмом, высшей математической жестокостью, даже по сравнению со всеми своими ближайшими помощниками, вместе взятыми. *И в то же время* в нем была догматическая исступленность, фанатическая вера и слепота веры, бычья нелогичность, которые Лисс встречал лишь на самых низких, полуподвальных этажах партийного руководства. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1959)]
- (19) Повернув голову вверх и налево, летящая любовалась тем, что луна несется под нею как сумасшедшая, обратно в Москву *и в то же время* **странным образом** стоит на месте <...> [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Если в (15)–(17) и в (19) можно говорить о том, что противительное значение возникает на основе базового временного значения одновременности, выражаемого *в то же время*, то в (18) описываются постоянные качества, не локализованные во времени. В (20) также речь идет о постоянных качествах, но при этом свойство, описанное в *q* «необыкновенно добрые», реализуется «иногда, минутами», т. е. временные интервалы реализации *p* и *q*, строго говоря, не совпадают.

- (20) Волосы у нее были темно-русые, немного светлей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые *и в то же время* **иногда, минутами**, необыкновенно добрые. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Семантика *в то же время* смещается, таким образом, от выражения одновременности *p* и *q* к выражению их сосуществования. Одновременность *p* и *q* может быть в таких случаях выражена другими средствами (прежде всего, деепричастным оборотом, описывающим одно из действий), а интервалы их существования не обязательно полностью совпадать. Ср. (7) выше, а также (21).

- (21) Цена и, так сказать, обожая вас, я *в то же время* весьма и весьма могу не любить кого-нибудь из ваших домашних. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Этот сдвиг в значении *в то же время* позволяет ему сочетаться с союзом *но* и другими коннекторами, выражающим отношение «вопреки ожидаемому» (*однако, тем не менее*), а также входить в состав РР, выражающих уступительные (*несмотря на*||*в то же время*) или уступительно-противительные (*хотя и*||*но в то же время*) отношения. Функцию *в то же время*, в составе таких РР можно, по-видимому, определить как усиление идеи несовместимости или противоположной

аргументативной направленности, заложенной в отношении «вопреки ожидаемому»: сосуществование несовместимого. При этом *p* и *q* могут быть как локализованы во времени — и тогда *в то же время* употребляется в своем временном значении, как в (13) выше, — так и описывать постоянные свойства, как в (22).

- (22) Объектное слово также направлено только на предмет, *но в то же время* оно и само является предметом чужой авторской направленности. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

В обоих случаях *в то же время* может быть опущено без существенного изменения смысла. Это подтверждается и тем, что французские переводчики часто оставляют *в то же время* без перевода, считая его избыточным, в частности при выборе в качестве эквивалента показателя уступительных отношений. Ср. переводы в (23)–(24) с *néanmoins* ‘тем не менее’ и *en dépit de* ‘несмотря на’.

- (23) В каждом атоме жизни дрожит это противоречивое единство капиталистического мира и капиталистического сознания, не давая ничему успокоиться в своей изолированности, *но в то же время* ничего не разрешая. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

En chaque atome vivant respire cette unité contradictoire du monde et de la conscience capitaliste, empêchant tout immobilisme dans l'isolement, sans *néanmoins* apporter aucune solution. [Trad. par I. Kolitcheff (1970)]

- (24) Алексей Александрович, *несмотря на* вызванную в нем злобу к ней, почувствовал *в то же время* прилив того душевного расстройтва, которое на него всегда производили слезы. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1873–1877)]

Alexis Alexandrovitch, *en dépit du courroux* provoqué par cette révélation, se sentit prêt à céder au fâcheux émoi qu'il ne connaissait que trop. [Trad. par H. Mongault (1952)]

Идея сосуществования, выражаемая *в то же время* позволяет входить ему и в состав показателей аддитивных отношений, причем не только «соединительно-противительных» в терминах РГ-80, т. е. оформляемых союзом *но и* (25)–(26), когда противопоставление затрагивает не столько содержание *p*, сколько недостаточность заключенной в нем информации, но и собственно аддитивных (27):

- (25) Это, конечно, неприятное, но не сверхъестественное событие почему-то окончательно потрясло финдиректора, *но в то же время* и обрадовало: отвалилась необходимость звонить. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

- (26) Без признания и утверждения другим Ставрогин не способен себя самого принять, *но в то же время* не хочет принять и суждения другого о себе. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

- (27) Дуня, *кроме того что* девушка умная, — *в то же время* и существо благородное, как ангел [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Можно сказать, что и здесь *в то же время* сохраняет свое значение сосуществования *p* и *q* и снова усиливает аддитивное значение основного показателя. Но такое значение возможно и у самого *в то же время*, когда оно служит для связи самостоятельных предложений. В этом случае отношение сосуществования переносится на уровень высказывания: ‘я говорю *X* *в то же время*, что и *У*’, или ‘вы должны рассматривать *X* вместе с *У*’. При этом на смысловое содержание положений вещей *p* и *q* накладываются минимальные ограничения.

- (28) Это типичная позиция мениппейного мудреца (Диогена, Мениппа или Демокрита из «Гиппократова романа»), носителя истины, по отношению ко всем остальным людям, считающим истину безумием или глупостью; но здесь эта позиция по сравнению с античной мениппеей осложнена и углублена. *В то же время* позиция эта — в различных вариациях и с разнообразными оттенками — характерна для всех ведущих героев Достоевского — от Раскольникова до Ивана Карамазова: одержимость своей «правдой» определяет их отношение к другим людям и создаёт особый тип одиночества этих героев. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

В этом употреблении *в то же время* французские переводчики выбирают в качестве его эквивалентов коннекторы из группы аддитивных: (*et*) *par ailleurs* ‘(и) кроме того’ или прямой эквивалент *в то же время* — *en même temps*.

На основе сказанного можно, по-видимому, утверждать, что *в то же время* сохраняет во всех проанализированных случаях свою изначальную семантику, т. е. выражает отношения одновременности или сосуществования. Остальные интерпретации — противопоставление, «вопреки ожидаемому», аддитивная — возникают в определенных семантических условиях или в результате сочетания *в то же время* с показателями соответствующих отношений, которые *в то же время* сам по себе, т. е. без поддержки контекста или соответствующего союза, устанавливать не может. В этой связи возникает вопрос о статусе РР с *в то же время*. В случае аддитивных показателей и показателей уступительных отношений и отношений «вопреки ожидаемому» можно, как нам кажется, говорить о свободных сочетаниях. Заметим также, что *в то же время* может сочетаться в своем временном значении и с показателями других отношений, не упоминаемых словарями и грамматиками; ср., например, *с тем только, чтоб* | *в то же время*.

- (29) Даже так, что согласился бы даже и на подлое выражение, *с тем только, чтоб* лицо моё находили *в то же время* ужасно умным. [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Что касается РР с союзом *и*, как принято считать, наиболее семантически пустым, в составе которых *в то же время* выражает свое основное значение, то здесь следует различать два случая. В первом из них присутствие союза *и* обусловлено синтаксическими причинами: так как *в то же время* не может соединять

однородные сказуемые и непредикативные единицы, союз *и* берет на себя функцию связующего элемента. См. (10), (14) выше, а также (30):

- (30) <...> хотелось молча идти рядом с маленькой, неловко *и в то же время* легко шагающей женщиной. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Поскольку союз *и* тоже выражает довольно абстрактную идею сосуществования двух субстанций, признаков или положений вещей, то *в то же время* может быть опущено без существенного изменения смысла. *В то же время* в таких РР можно определить как «конкретизатор» союза в терминах РГ-80.

Если, однако, РР *и в то же время* соединяет предикативные единицы (31) или даже самостоятельные предложения (32), то присутствие *и* объяснить сложнее, поскольку его можно опустить, не нарушая грамматической правильности, в отличие от *в то же время*, несущего на себе основную семантическую нагрузку.

- (31) Теперь же состояние его походило на какой-то даже восторг, *и в то же время* как будто всё выпитое вино вновь, разом и с удвоенною силой, бросилось ему в голову. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]
- (32) Страшно было вспоминать о еретических словах, сказанных им директору. *И в то же время* он ощущал себя сильным. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Нанизывание показателей для выражения логико-семантического отношения между предложениями или высказываниями может быть объяснено двумя причинами: с одной стороны, союз *и* может указывать, что сосуществующих положений вещей только два (ср. использование *и* при завершении перечисления); с другой стороны, неоднократное маркирование отношения может быть использовано говорящим для увеличения экспрессивности; ср. (33) с тремя показателями: *и, в то же время и тем не менее*.

- (33) Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно, *и тем не менее в то же время* оно являлось большою радостью. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Во втором случае, а именно при явной антонимии или несовместимости соединяемых непредикативных фрагментов текста опущение *в то же время* делает высказывание менее приемлемым или, во всяком случае, затрудняет его интерпретацию; ср. (15) выше, а также (34):

- (34) Печальной и доброй, усмехающейся и обреченной, побежденной насилем *и в то же время* торжествующей над насилем. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Хотя русская грамматика и признает наличие у союза *и* значение противопоставления, он в таких случаях не в состоянии выразить его самостоятельно. Степень естественности высказывания без *в то же время* определяется, по-видимому,

степенью противопоставленности *p* и *q*. Ср. (35)–(36), где *в то же время* можно опустить, но с утратой семантики противопоставления.

(35) Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную, *и в то же время* горячую, как огонь, руку на плечо Маргариты, дернул ее к себе и посадил на кровать рядом с собою. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(36) В трюме было душно *и в то же время* очень холодно, на дощатых стенах кое-где выступила изморозь. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Еще сложнее обстоит дело со статусом сочетаний *в то же время* с союзом *а*, впрочем, довольно малочисленных. Для таких РР можно выделить три употребления. В первом из них оба компонента — с дистантным расположением — сохраняют свое значение: союз *а* — сопоставительное (с характерной для него семантико-синтаксической структурой высказывания), *в то же время* — одновременности.

(37) Губернатор письмо передаст секретарю, *а* ты напишешь *в то же время* и ему, разумеется, со вложением, — тот и сделает распоряжение. [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

В двух других случаях проявляется больший синкретизм значения РР. Если в ее состав входит частица *и*, то можно говорить об аддитивном значении, как в случае РР с союзом *но и*. Ср. (38) с контактным расположением элементов РР, в котором об аддитивном значении говорит и заключительное восклицание «обе выгоды разом!», и (41) — с дистантным:

(38) Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбое основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, — ну, вот точно ты умер, *а в то же время и* жив, обе выгоды разом! [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(39) Но как ввести это слово в рассказ, не разрушая самости слова, *а в то же время* не разрушая *и* ткани рассказа, не снижая рассказа до простой мотивировки введения исповеди? [М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Важным для определения лексического статуса таких РР представляется тот факт, что *а и*, в отличие от *но и*, не может употребляться самостоятельно для выражения аддитивного отношения: в нашем корпусе оно встречается только в составе двухкомпонентных РР с первым компонентом *не только*. Изъятие любой из трех составляющих из таких РР приводит к аграмматичности. Ср. модификацию (39) в (40):

(40) Но как ввести это слово в рассказ, не разрушая самости слова, **а / *а и / *в то же время* не разрушая *и* ткани рассказа, не снижая рассказа до простой мотивировки введения исповеди?

Это позволяет, на наш взгляд, говорить о едином коннекторе с аддитивной семантикой, который можно заменить на *но и* или *но в то же время и*.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в РР *а в то же время*; ср. (8) выше и (41):

- (41) Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, *а в то же время* весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)]

Здесь также невозможно опустить ни одну из составляющих РР: *а* — по синтаксическим причинам, *а в то же время* — по семантическим. Кроме того, о чисто синтаксической функции *а* говорит и возможность заменить его на *и* или *но* без существенного изменения смысла (в варианте с *и*, может быть, преобладает семантика одновременности). Здесь, по-видимому, тоже можно говорить о единой РР, выражающей отношение «вопреки ожидаемому», или, по крайней мере, несоответствия.

4.2. *Вместе с тем*

Для *вместе с тем* первичным является значение сосуществования двух сущностей, свойств или положений вещей. На ее основе у *вместе с тем* развивается аддитивная семантика, особенно в составе РР с союзом *а* в сочетании с частицей *и* (42) или без нее, как в (12) выше. Для РР с аддитивным значением характерно употребление для присоединения непредикативных структур, как для других коннекторов с аддитивной семантикой: *а также, как... так и*.

- (42) Она усталилась было взглядом на золотой лорнет Петра Петровича, который он придерживал в левой руке, *а вместе с тем и* на большой, массивный, чрезвычайно красивый перстень с желтым камнем, который был на среднем пальце этой руки. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Функция союза *а* в таких РР схожа с его функцией при сочетании с *также*: она чисто синтаксическая. Поэтому, как и для аналогичных РР с *в то же время*, можно говорить о едином показателе аддитивного отношения.

При самостоятельном употреблении *вместе с тем* отношение аддитивности устанавливается на уровне высказывания:

- (43) Цветаева искала работу в Елабуге, и весьма энергично! Энергично искал работу и ее сын. По свидетельству хозяйки дома А. И. Бродельщиковой, Марины Ивановны почти никогда не было дома. *Вместе с тем* известно, что она не один раз заходила в районный отдел народного образования. Предлагала свои услуги в Педагогическом училище. Два или три раза была в Елабужской детской библиотеке на Тойминской улице. [Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007)]

РР с союзом *и* могут выражать как значение одновременности (см. (44) и (9) выше), так и — на его фоне — при соответствующем семантическом наполнении фрагментов текста, развивать противительную интерпретацию. В этом случае, как и при употреблении РР с *в то же время, вместе с тем* обязательно, а необычность сосуществования несовместимого может быть эксплицирована в контексте; ср. (45)–(46).

- (44) Он читал книгу, думал о том, что читал, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без устали болтала; *и вместе с тем* разные картины хозяйства и будущей семейной жизни без связи представлялись его воображению. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]
- (45) Я читал их и **просто изумлялся**, как это небольшие листки бумаги могут содержать в себе столько молодости, душевной чистоты, святой наивности *и вместе с тем* тонких, дельных суждений, которые могли бы сделать честь хорошему мужскому уму. [А. П. Чехов. Скучная история (1889)]
- (46) **Тяжелый человек** Петр Лаврентьевич, мягкий, сдержанный, *и вместе с тем* безудержное самомнение, скрытность, злопамятный. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Наконец, *вместе с тем* в сочетании с *но* участвует в выражении отношения «вопреки ожидаемому», как правило, соединяя фрагменты текста, как минимум, с предикативной структурой. Как и при употреблении *в то же время*, каждая составляющая сохраняет свое изначальное значение, а *вместе с тем* может быть опущено.

- (47) Он не позволял себе думать об этом и не думал; *но вместе с тем* он в глубине своей души <...> знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

То же значение и в тех же семантических условиях может иметь РР *а вместе с тем*, с тем отличием, что обе ее составляющие обязательны, а значит и ее, как и РР *а в то же время*, можно считать единой языковой единицей. Заметим также, что в нашем корпусе все такие РР переводятся французскими коннекторами, выражающими отношение «вопреки ожидаемому», или другими языковыми единицами с противительно-уступительной семантикой. Ср (48) с *néanmoins* ‘однако’, который интересен также тем, что интерпретация *а вместе с тем* в терминах аддитивности или сосуществования исключена из-за присутствия во вводимом им фрагменте текста «на этом самом месте» во временном значении (= когда она доходила до этого места своих воспоминаний), и (49) с *mais* ‘но’.

- (48) Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного. *А вместе с тем* на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось, как будто какой-то внутренний голос именно тут, когда она вспомнила о Вронском, говорил ей: «тепло, очень тепло, горячо». [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Elle se rappela le bal, Vronski, son beau visage d'amoureux transi, l'attitude qu'elle avait observée envers le jeune homme: rien de tout cela ne pouvait provoquer sa confusion. *Néanmoins* le sentiment de honte augmentait précisément à cette réminiscence, tandis qu'une voix intérieure semblait lui dire: «Tu brûles, tu brûles!» [Trad. par H. Mongault (1952)]

- (49) Он считал русского мужика стоящим по развитию на переходной ступени от обезьяны к человеку, *а вместе с тем* на земских выборах охотнее всех пожимал руку мужикам и выслушивал их мнения. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Il voyait dans le paysan russe un intermédiaire entre l'homme et le singe, *mais* à l'époque des élections au conseil de district c'était aux paysans qu'il serrait le plus volontiers la main, c'était à leur opinion qu'il prêtait le plus volontiers l'oreille. [Trad. par H. Mongault (1952)]

Заключение

Семантический анализ РР с *в то же время* и *м вместе с тем*, как качественный, так и количественный, позволяет уточнить сведения, предоставляемые словарями и грамматиками.

Базовым значением *в то же время* является временное: одновременность, или, шире, сосуществование сущностей, свойств и положений вещей, и именно в этом значении в сочетании с союзом *и* он наиболее употребителен. Отношение сосуществования может устанавливаться и на уровне высказывания. Следующим по частотности, но с большим отрывом следует употребление *в то же время* в сочетании с коннектором *но*, выражающим отношение «вопреки ожидаемому». Употребление в составе аддитивных коннекторов является для *в то же время* маргинальным.

Основное значение *вместе с тем* можно определить как аддитивное: некоторая сущность, свойство, качество или положение вещей существует вместе с другой сущностью, качеством или положением вещей. В этом смысле семантика *вместе с тем* и *в то же время* очень близка. Аддитивное употребление *вместе с тем* в сочетании с союзом *и* является доминирующим, но в этом значении оно может сочетаться и с *но* и *а* (*и*). *Вместе с тем* может также входить в состав РР, выражающих отношение «вопреки ожиданиям», как сохраняя свое базовое значение (в сочетании с союзом *но*), так и образуя единую языковую единицу (с союзом *а*). Наконец, можно увидеть у *вместе с тем* и временное значение одновременности, но оно для него не является характерным.

Результаты количественного анализа приведены в таблице 3. Он позволяет заключить, что если значения, выделяемые у *в то же время* и *вместе с тем* словарями и грамматиками, действительно зафиксированы в нашем корпусе, основной зоной пересечения в употреблении этих двух языковых единиц является отношение «вопреки ожидаемому», выражаемое ими в сочетании с союзами *но* и *а*. А относительно последнего можно сказать, что РР, образованные с его участием в целом обладают большим синкретизмом значения, чем РР с союзами *и* и *но*, значение которых поддается композициональному анализу.

Табл. 3. Распределение РР с *вместе с тем* и *в то же время* по выражаемым отношениям

Отношения	РР	Кол-во
аддитивные пропозициональные + соединительные	и вместе с тем	19
«вопреки ожидаемому»	а вместе с тем	7
аддитивные пропозициональные	а вместе с тем	5
аддитивные пропозициональные	а вместе с тем и	5
аддитивные пропозициональные + «вопреки ожидаемому»	но вместе с тем	3
временные + соединительные	и вместе с тем	2
аддитивные иллокутивные	вместе с тем	1
аддитивные пропозициональные	но вместе с тем и	1
аддитивные пропозициональные	но вместе с тем и	1
аддитивные пропозициональные + противительно-уступительные	хоть и но вместе с тем	1
аддитивные пропозициональные + противительно-уступительные	хотя и но вместе с тем и	1
временные	вместе с тем	1
временные + соединительные	и в то же время	79
временные + «вопреки ожидаемому»	но в то же время	19
временные	в то же время	13
временные + аддитивные пропозициональные	но в то же время и	3
временные иллокутивные	в то же время	3
временные + «вопреки ожидаемому»	но в то же время	2
временные + аддитивные пропозициональные	но в то же время и	2
временные + соединительные	и в то же время	2
временные + сопоставительные	а в то же время	2
временные + цели	с тем только, чтоб в то же время	1
временные + уступительные	несмотря на в то же время	1
временные + «вопреки ожидаемому» + соединительные	и тем не менее в то же время	1
временные + «вопреки ожидаемому»	однако в то же время	1
временные + аддитивные пропозициональные + «вопреки ожидаемому»	но в то же время также	1
аддитивные пропозициональные	а в то же время и	1
временные + аддитивные пропозициональные	кроме того что в то же время и	1
аддитивные пропозициональные	а в то же время и	1
временные + сопоставительные	а в то же время	1
временные	в то же время, как	1
временные + соединительные	и в то же время и в то же время	1
временные + соединительные	и и в то же время	1

Литература

Апресян В. Ю. ВСЕ-ТАКИ 1, ВСЕ ЖЕ 1, ВСЕ РАВНО 3, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 484–501.

Бурцева В. В. (сост.) Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Русский язык–Медия; Дрофа, 2010.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель, 2004.

Инькова О. Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М., 2018а. С. 5–23.

Инькова О. Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование // Russian Linguistics. 2018б. n°42 (2). С. 159–190.

Инькова О. Ю. Структура коннекторов: лингвистические методы описания // Структура коннекторов и методы ее описания / Под научн. ред. О. Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. С. 5–47.

МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.

Морковкин В. В. (ред.) Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

РГ-80 — Русская грамматика: в 2 тт. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Вече — Мир книги, 2001.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Kortmann B. Adverbial subordination. A typology and history of adverbial subordinators based on European languages. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1997.

Olga Yu. Inkova

University of Geneva / Institute of Informatics Problems FRC CSC RAS

(Switzerland, Geneva; Russia, Moscow)

Olga.Inkova@unige.ch

V TO ZHE VREMYA AND VMESTE S TEM: SEMANTIC EVOLUTION AND FUNCTIONAL FEATURES

The paper uses French parallel subcorpus of the Russian National Corpus to examine how the number of function words in Russian increases thanks to the semantic and functional evolution of content words or combinations. Two linguistic units are analysed:

connectives *v to zhe vremya* and *vmeste s tem*, which in their first definitions are considered synonymous. Semantic analysis, both qualitative and quantitative, allows to clarify this statement, as well as to specify the meaning of both expressions. The basic meaning of *v to zhe vremya* is temporal and means simultaneity, or, more broadly, the coexistence of entities, properties, and states of affairs, and it is in this meaning (in combination with a conjunction *i*) that it is most commonly used. The relation of coexistence may also be established at the utterance level. The next one is a more frequent, although by a large margin: the use of *v to zhe vremya* with the connective *no* expressing the “contrary to expectation” relation. The use of *v to zhe vremya* as part of additive connectives is marginal. The additive meaning is, on the contrary, primary for *vmeste s tem*: an object, some property, quality or state of affairs coexists with another object, quality or state of affairs. In the additive meaning, *vmeste s tem* is usually combined with the conjunction *i*, but it can also be combined with *no i* and *a (i)*. *Vmeste s tem* may express the “contrary to expectation” relation, both keeping its basic meaning (in combination with the conjunction *no*) and forming a single linguistic unit (with the conjunction *a*), as well as the temporal simultaneity, but this last one is not typical. Thus, the main area of overlap in the use of *v to zhe vremya* and *vmeste s tem* is the relation “contrary to the expectation” that they express in combination with *no* and *a*.

Keywords: semantics, Russian language, connectives, contrastive linguistics, *vmeste s tem*, *v to zhe vremya*, semantic evolution.

References

Apresyan V. Yu. [VSE-TAKI 1, VSE ZhE 1, VSE RAVNO 3, TEM NE MENEE, V TO ZhE VREMYA 2]. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow–Wien, “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ. — Wiener Slawischer Almanach, 2004, pp. 484–501. (In Russ.)

Burtseva V. V. (ed.) *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of the adverbs and structural words of Russian language], Moscow, “Drofa” Publ., 2010. (In Russ.)

Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian auxiliary parts of speech], Moscow, “Astrel'-Ast” Publ., 2004. (In Russ.)

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

Inkova O. Yu. [The language-specificity of connectives: methods and parameters of description]. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectors: a contrastive study]. Ed. by O. Yu. Inkova. Moscow, “TORUS PRESS” Publ., 2018a, pp. 5–23. (In Russ.)

Inkova O. [Connectors in Russian with the element *pri*: a corpus-based study], *Russian Linguistics*, 2018b, no. 42 (2), pp. 159–190. (In Russ.)

Inkova O. Yu. [Structure of connectives: linguistic methods of description]. *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [The structure of connectors and methods for

describing it]. Ed. by O. Yu. Inkova. Moscow, “TORUS PRESS” Publ., 2019, pp. 5–47. (In Russ.)

Kortmann B. *Adverbial subordination. A typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin — New York, Mouton de Gruyter, 1997.

MAS — *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, “Russkii Yazyk” Publ., 1981. (In Russ.)

Morkovkin V. V. (ed.) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow, «Lazur» Publ., 1997. (In Russ.)

NKRYa — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus], available at: www.ruscorpora.ru.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, “Russkii yazyk” Publ., 1990. (In Russ.)

RG-80 — *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Moscow, “Veche — Mir knigi” Publ., 2001. (In Russ.)

В. В. Казаковская
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
victory805@mail.ru

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ИХ ПРОПУСК (PRO-DROP) НА РАННИХ ЭТАПАХ УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА

Рассматриваются грамматические, семантические и коммуникативные особенности глагольных и безглагольных высказываний с личными местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица в позиции субъекта (им. п.). Особое внимание уделяется случаям их пропуска (*pro-drop*) в высказываниях с личными глаголами. Материалом для исследования служат расшифрованные, затранскрибированные и морфологически размеченные в соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000] лонгитюдные корпуса двух типично развивающихся мальчиков (1;7–3;1), усваивающих русский язык — морфологически богатый, флективный и так наз. слабопродропный. Результаты основываются на анализе свыше 7000 высказываний детей и указывают на общее и индивидуальное в усвоении ими обсуждаемого фрагмента грамматики. Сходства и различия в функционировании высказываний с личными местоимениями в первый год их онтогенеза подтверждаются статистически. Сильная корреляционная связь отмечена между частотностью глагольных высказываний с личными местоимениями и синтаксическим развитием детей. В более плотном местоименном корпусе частотность данных высказываний соотносится с частотностью пропуска личных местоимений.

Ключевые слова: усвоение языка, речь ребенка, личные местоимения, личные глаголы, глагольные высказывания, пропуск местоимения, согласование (координация), лонгитюдное наблюдение, корпусное исследование

1. Вступительные замечания

В отношении пропуска местоимения-субъекта (*pronoun drop, pro-drop*) языки ведут себя по-разному. Например, немецкий, шведский и французский языки не допускают данной операции (*non-pro-drop languages*); литовский и греческий позволяют с легкостью (*pro-drop languages*); русский, польский и эстонский допускают,

но не всегда, на основании чего их относят к так наз. слабопродропным языкам (*weak pro-drop languages*) [McShane 2009]¹.

Типологический интерес представляет вопрос о том, когда и при каких условиях личные местоимения (ЛМ) начинают употребляться и опускаться в речевой продукции детей, усваивающих языки, которые различаются не только с точки зрения продропных свойств, но и «морфологического богатства» (в понимании [Dressler 1999, 2003])². Предполагается, что пропуск ЛМ может зависеть от величины глагольной парадигмы, отражающей степень морфологического богатства языка, и средней длины высказывания (СДВ, ср. *mean length of utterance*) — показателя синтаксического развития ребенка, по которому определяется его языковой возраст [Gagarina 2021].

Притом что исследователей детской речи неоднократно привлекали специфические свойства местоимений — шифтерность, дейктичность, анафоричность (см., в частности, [Гвоздев 1949, 1990, Лепская 1997, Доброва 2003, Gagarina 2007, Гагарина 2009, Краснощекова 2016]), — упоминания о синтаксических аспектах их усвоения немногочисленны. Систематическое изучение ЛМ в согласовании (координации) с предикатом только начинается [Чиглова 2019, Казаковская 2021, Воейкова 2023]. Поэтому, помимо временных и частотных характеристик продропа в русском — морфологически богатом флективном славянском — языке (задачи, актуальной для кросс-лингвистического аспекта разрабатываемой проблематики), мы рассматриваем также грамматические и семантические особенности высказываний, в которых используются и опускаются ЛМ в первый год их появления в речи детей.

2. Языковые данные и методы анализа

Материалом для анализа послужили два лонгитюдных корпуса «Кирилл» и «Ваня»³ — морфологически размеченные с соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000] аудио- и видеозаписи речевого взаимодействия взрослых и детей. Продолжительность наблюдений составила около года от момента первой фиксации ЛМ: в возрасте 1;9 в речи Кирилла и в 2;4 — Вани. Всего проанализировано 7069 высказываний детей.

Оба мальчика — типично развивающиеся, но немного задерживающиеся в речевом развитии монолингвы из петербургских семей среднего социально-экономического статуса. Им не свойственно эхололическое *ты* по отношению к себе

¹ Проблема соотношения продропа, нуля субъекта, неполноты и односоставности высказывания применительно к русскому языку заслуживает отдельного обсуждения.

² Влияние морфологического богатства языка на скорость его усвоения показано в [Xanthos, Gillis 2010, Xanthos et al. 2011, Dressler et al. (eds.) 2017].

³ В настоящей работе корпус «Кирилл» учитывается целиком (ср. [Казаковская 2021]), в корпусе повышенной плотности (*high density corpus*) «Ваня» для сопоставимости речевой продукции информантов анализ проводился по 400 высказываниям (репликам) ребенка в месяц. Благодарю сердечно Е. К. Лимбах, Н. В. Гагарину, К. А. Байду и М. И. Аккузину†, участвовавших в сборе и/или обработке спонтанной речи.

[Лепская 1997]. В их корпусах ЛМ не самые ранние среди местоимений других разрядов. У Кирилла они появляются через несколько месяцев после указательных *этот* и *это*, у Вани — после притяжательного *моя* и определительных *всё*, *сам(а)* вместе с *эта*. Различие между информантами заключается в том, что Ваня говорит о себе в 3-м синтаксическом лице: *Уезжает Ваня* (В. 2;3)⁴, ср.: *Плохой я* (В. 2;2), а Кирилл сразу употребляет *я*: *Нет, я не умею* (К. 2;4), *Я все-таки иду гулять* (К. 2;6), см. также [Гвоздев 1949, Лепская 1997].

Выборка создана с помощью программ CLAN — *freq, kwal, combo, mlu*. Высказывания с ЛМ в субъектной позиции (подлежащее в форме им. п.) и с его пропуском анализировались с точки зрения частотных и дистрибутивных особенностей по отношению к каждому лицу и числу. Наличие или отсутствие значимых различий подтверждалось статистически.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Высказывания с ЛМ: общая характеристика. Лонгитюдный анализ показал, что ЛМ используются не только в глагольных, но и в безглагольных репликах: Взрослый (В.): *Какой сырочек ты будешь есть?* Ребенок (Р.): *Я ... вот этот* (В. 2;7), *Это такая крышка стреляет, она пых, блюм* (В. 2;7), *Я акула, ты кот Леопольд* (В. 2;8), *Она очень жуткая* (К. 2;9). Их соотношение составляет 49% к 51% в речи Вани и 62% к 38% — Кирилла. Данное различие значимо и свидетельствует о большей частотности глагольных высказываний в корпусе Кирилла ($\chi^2 = 10.575, p = 0.002$).

Первые употребления ЛМ близки голофразам-синкретам. Они отмечены в безглагольных ответах на реплики взрослого, выражающие побуждение: В.: *Держи*. Р.: *Ты (~ 'ты держи')* (К. 1;9); констатацию: В. (соглашается с предложением налить воды): *Можно, можно, можно*. Р.: *Ты (~ 'ты будешь пить')*. В.: *Угу* (К. 2;2) или вопрос: В.: *Она, Марина, она хочет чаю, интересно?* Р.: *Я (~ 'я хочу')* (К. 1;9). Подобные *я-* и *ты-*реплики не лишены референциальной определенности и адекватно интерпретируются взрослым⁵. Впоследствии «вынужденная» неполнота реплики, в целом свойственная начальному развитию диалогической компетенции [Казаковская 2019], сменяется конвенциональной: Р.: *Я туда зайчика*. В.: *Зайчика туда посадишь?* (В. 2;7), В.: *Кто это так испугался в колесе обозрения?* Р.: *Я* (К. 2;10), Р. (меняется с бабушкой): *А я тебе крана** (В. 3;0). Большинство безглагольных реплик приемлемо для разговорного диалога и поддерживается ситуацией.

Между тем безглагольность реплики не означает отсутствие глагола в лексиконе информантов. Анализ записей, предшествующих первым фиксациям ЛМ, показывает, что ранние глаголы и их предвестники уже используются. Ими являются замороженные формы (*frozen forms*), опциональный инфинитив (*optional infinitive*)

⁴ Здесь и далее указываются имя ребенка (В. — Ваня, К. — Кирилл) и его возраст (в годах и месяцах).

⁵ В конце наблюдений в «островной» позиции спорадически используется 3-е лицо мн. ч.

и ономотопеи (*бум, бах* и под.). В частности, в репликах Вани присутствуют *дать* (*дай, дам*) и *спать*, Кирилла — *дать, сесть, открыть, идти, слушать* и *гулять*. Существительные и неличные местоимения при этих глаголах занимают позицию прямого объекта: *Это дать* (К. 1;7), *Дать ням* (о конфете. — В. К.) (К. 2;0), *Ягоды дам* (просит. — В. К.) (В. 2;1).

С заметным увеличением глагольной продукции (2;2–2;3), который интерпретируется как глагольный взрыв (*verb spurt*), запускается механизм предцифирования, однако без участия ЛМ. Так, начинают употребляться высказывания, субъектная позиция которых занята именем: *Машина трясется* (К. 2;3), *Едет кран* (К. 2;4), *Бегал Ваня по луже* (В. 2;5) или неличным местоимением: *Все работает* (К. 2;4). Тем самым в детской грамматике существует период, когда ЛМ и глагол не используются в рамках одной конструкции и, соответственно, не вступают в предикативные отношения. На наличие такого периода в речи детей указывают исследования, опирающиеся в том числе на дневниковые наблюдения [Чиглова 2019].

3.2. Количественные и дистрибутивные характеристики глагольных высказываний с ЛМ. Сравнительный анализ показал, что высказываний с ЛМ в речи Кирилла значительно больше, чем в речи Вани (14,5% к 5,5% общего количества реплик; $\chi^2 = 165.926$, $p < 0,001$). Следовательно, в местоименном отношении (как и в глагольном, см. 3.1) корпус Кирилла является более плотным. Также более высокой оказывается доля реплик, в которых ЛМ координируются с личными глаголами ($\chi^2 = 4.586$, $p = 0.033$).

При этом распределение глагольных высказываний в соответствии с лицом и числом ЛМ — 1-м, 2-м и кумулятивным 3-м (*он, она, оно* для ед. ч.) — в корпусах выглядит сходным образом (Диаграмма 1).

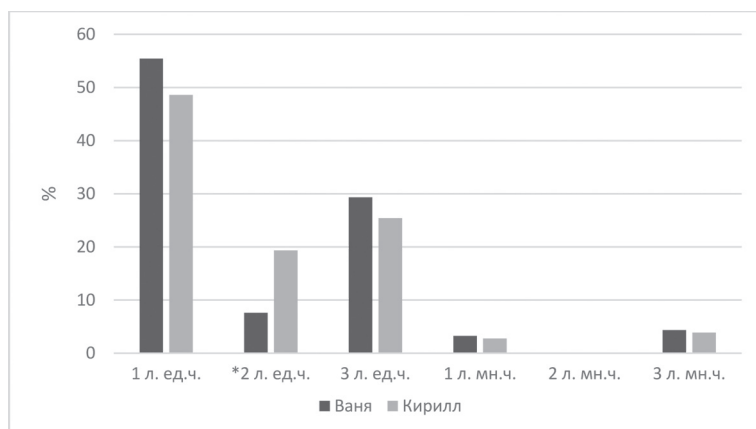

Диаграмма 1. Глагольные высказывания с ЛМ в субъектной позиции⁶

⁶ Здесь и далее в диаграммах знаки «**» и «*» обозначают уровень значимости (*p-value*): «**» при $p < 0.01$ и «*» при $p < 0.05$. Их отсутствие указывает на то, что различие между данными величинами статистически не значимо ($p > 0,05$).

Так, доминирует 1-е лицо ед. ч.: доли я-высказываний сопоставимы ($\chi^2 = 1.134$, $p = 0.287$; $p > 0,05$). Употребления 2-го: *Лошадка, ты тут думаешь про самолётка?* (К. 2;11), *Ты что ... записываешь?* (В. 2;11) и 3-го лица ед. ч.: *Нет, он не падает* (К. 2;5), *О, не плавает, она* (об акуле. — В. К.) *бегает* (В. 2;8) — менее частотны. Конструкции с ЛМ мн. ч. одинаково редки, в каждом из корпусов их объем не превышает 5%: *Мы завтра будем делать формы, завтра* (К. 2;9), *Мама, они* (о коалах. — В. К.) *умеют только ходить* (К. 2;9).

Значимые различия в частотности местоименно-глагольных конструкций касаются 2-го лица ед. ч., преобладающего в речи Кирилла ($\chi^2 = 6.445$, $p = 0.012$). Мы связываем это с более высоким уровнем развития его диалогических навыков, превышающем не только диалогическую компетенцию Вани, но и других информантов в Фонде данных детской речи [Казаковская 2019].

3.3. ЛМ и синтаксическое развитие детей. Независимо от различного объема местоименной продукции в речи мальчиков, ЛМ 1-го и 2-го лица ед. ч. начинают использоваться одновременно, в начале 3-го года жизни (2;2). Эти употребления отмечены в рамках безглагольных реплик, а именно на этапе перехода от голофраз к двусловным высказываниям. В это время СДВ в речи Вани составляет 1,5 слова, в речи Кирилла — 1,3 (Диаграмма 2).

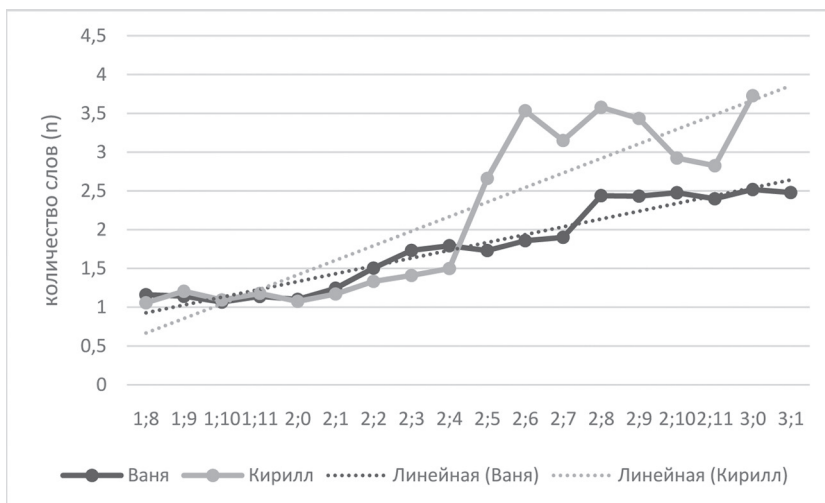

Диаграмма 2. СДВ в словах

Координация ЛМ с глаголом происходит позже: у Вани это грамматическое умение отмечено в возрасте 2;6, у Кирилла — в 2;4. В речи Вани период безглагольного использования ЛМ прослеживается более четко (как и начало функционирования конструкций с нулевой связкой *быть*). У Кирилла граница менее заметна: местоименно-глагольные конструкции появляются на фоне одиночного функционирования ЛМ. На момент употребления ЛМ с глаголом СДВ Вани составляет почти

2 слова, Кирилла — 1,5. Однако в следующем месяце этот показатель в его речи резко возрастает до 2,7 и к концу наблюдений превышает СДВ Вани в полтора раза. Это означает более активное разворачивание структуры высказывания и вместе с ним увеличение синтаксической сложности — глубины подчинения во фразе (Р. Берман), ср.: *Он плачет* (К. 2;5) и *И вдруг он теряет потихоньку нож* (К. 2;9). Одним из принципов разворачивания является «размораживание» валентностей предиката (М. Томаселло), первая из которых заполняется прямым объектом (см. выше, 3.1).

Общим для развития отношений предикирования в речи информантов является и то, что координация ЛМ и глагола начинается с семантики 1-го лица (Диаграмма 3, 4). Первой оппозицией ЛМ, выступающих в роли подлежащего в течение одного месяца, является «1-е ед. ч. vs 3-е ед. ч.» (в возрасте 2;7 в речи Вани, в 2;5 — Кирилла). Далее у Вани появляется субъект в форме 3-го мн. ч. *они: Не падают они, смотри* (В. 2;8), *Они внизу будут сидеть* (В. 2;9), тогда как у Кирилла 1-го — *мы: Мы попробуем зарисуеться** (К., 2;11), но в обоих случаях это форма мн. ч. ЛМ, уже имеющегося в репертуаре детей.

В 2;9–2;10 субъектную позицию могут занимать уже пять ЛМ в течение месяца. К концу наблюдений Ваня успешно координирует с глаголом семь ЛМ (если не учитывать кумулятивно местоимения 3-го лица), Кирилл — шесть. Помимо ЛМ 2-го лица мн. ч. *вы*, не встретившегося в корпусах, в речи Кирилла не отмечено 3-е неодушевленное *оно*.

Процесс координации ЛМ и глаголов в речи Кирилла протекает интенсивнее (Диаграмма 5), что, в свою очередь, коррелирует с более стремительным ростом СДВ (Диаграмма 2).

Анализ высказываний с ЛМ ед. ч., наиболее частотных в речи информантов (Диаграммы 6 и 7), свидетельствует о более активном использовании 1-го лица по сравнению с 2-м и 3-м и 2-го лица по сравнению с 3-м.

3.4. Особенности я-высказываний в речи детей. Самыми распространенными в речи информантов оказались высказывания с ЛМ 1-го лица ед. ч. (Диаграмма 1). В речи Вани они превысили половину глагольных реплик (55,4%), в речи Кирилла приблизились к ней (48,6%). Общее в их характеристиках преобладает над индивидуальным: сходства отмечены в коммуникативном, семантическом (темпоральном, модальном, модусном) и формальном аспектах.

Так, с точки зрения коммуникативных характеристик я-высказываний, преференции детей принадлежат констатациям. Вопросительные реплики менее частотны: *Хочешь, я тебя покормлю сеной** (предлагает лошадке. — В. К.)? (К. 2;11), *Я держу правильно* (карандаш. — В. К.)? (К. 3;0).

Сопоставимость в выражении темпоральных характеристик проявляется в том, что в речи информантов высказывания в настоящем и будущем времени преобладают над высказываниями в прошедшем (20–30%): *Я уже одел специальные штаны* (К. 2;6), *Взял денежку* (В. 2;6). Однако у Кирилла доминирует план настоящего — «здесь и сейчас»: *Сейчас я сам лезу* (2;5), а в речи Вани настоящее и будущее время сбалансированы: *Я не люблю* (В. 2;6), *Я толкаю медвежонка* (В. 2;7), ср.: *Я не буду плакать* (В. 2;6), *Я чуть-чуть полежу* (В. 2;9), *Я зайчика возьму* (В. 3;1).

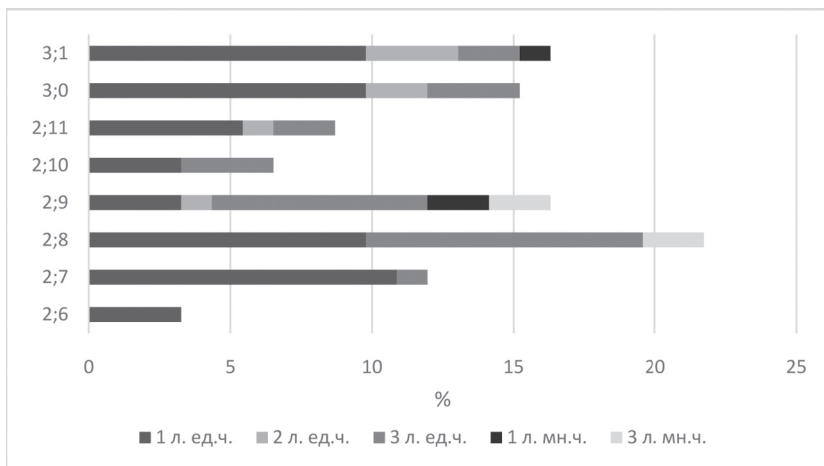

Диаграмма 3. Распределение глагольных высказываний с различными ЛМ в речи Вани

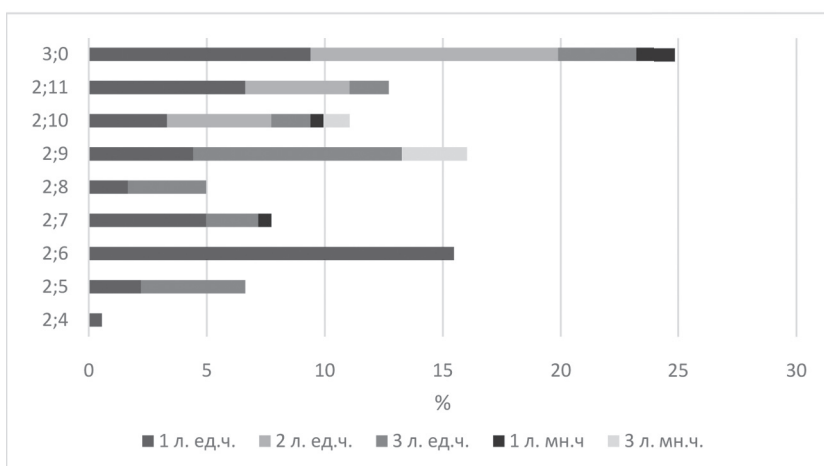

Диаграмма 4. Распределение глагольных высказываний с различными ЛМ в речи Кирилла

Помимо отнесенности сообщаемого к временному плану, существует близость в развитии модальных отношений. Ранней и доминирующей модальной семантикой является волеизъявление: *Я хочу кушать* (В. 2;11), *Я еще хочу заехать в гараж* (К. 3;0). Выражение возможности/невозможности и долженствования более редко: *Я не умею* (В. 2;11), см. также: *Там должен я достать продукты* (К. 3;0). При этом время первой фиксации и частотность модальных реплик в речи информантов различаются. Кирилл использует их раньше Вани (2;4 vs 2;7 соответственно), но значительно реже (10% vs 25,5%; $\chi^2 = 5.552$, $p = 0.019$).

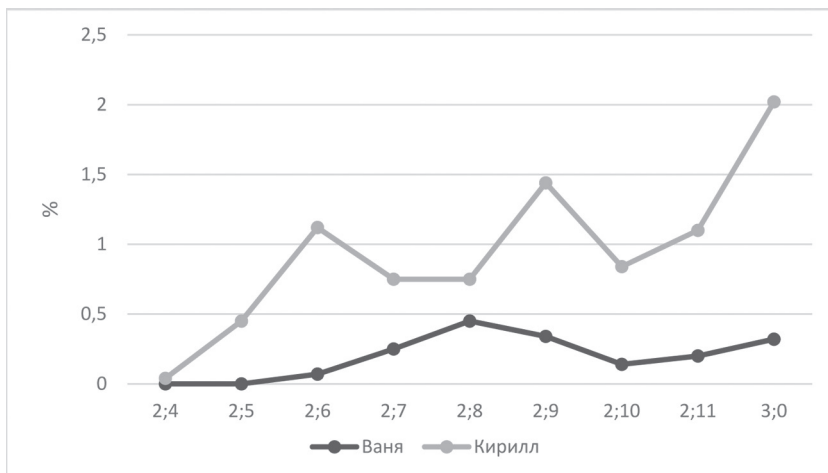

Диаграмма 5. Доля высказываний с координацией ЛМ (кумулятивно) и глагола (% всех высказываний в корпусе ребенка)

В одинаковом направлении развивается семантическая структура *я*-высказываний: если ранние высказывания отражают объективное положение дел (*proposition*), диктумную сферу, то более поздние передают субъективное отношение к ней (*propositional attitude*), модусные смыслы (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Ш. Балли, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Т. Б. Алисова). В становлении субъективного начала отмечены некоторые тенденции. Первая связана с семантикой образующего пропозицию предиката, вторая — с ее синтаксической позицией. Лонгитюдный анализ показал, что глаголы так наз. интеллектуальной деятельности (ментальные, эмоциональные, перцептивные и речевые): *Я думаю* (К. 2;10), *Я тут лежу и боюсь* (К. 2;7) появляются позже глаголов с семантикой перемещения, положения в пространстве и под.: *Я просто пойду* (К. 2;6), *Сейчас я сам лезу* (К. 2;5), *Вот здесь я плаваю* (В. 2;8) — со второй половины 3-го года жизни. Еще более сложным механизмом является помещение *я*-клауз с интенциональными предикатами в позицию главной части сложного предложения изъяснительного типа (в другой терминологии, модусную рамку): *Я не знаю, куда нам приземлиться* (К. 2;10), *Ну, я так думаю, что хочу* (К. 2;10). Подобные употребления отмечаются ближе к концу наблюдений, к 3-м годам. Они указывают на выделение ребенком себя как субъекта пропозициональной оценки и свидетельствуют об экспликации субъективного пласта высказывания с помощью нередуцированной (полной) модусной рамки. Первыми экспликаторами модуса в речи детей выступают его редуцированные варианты — эпистемические маркеры⁷.

⁷ Проблема становления субъективного начала в устной и письменной речи детей рассматривается, например, в [Казаковская 2017, 2019, Казаковская, Гаврилова 2021, Kazakovskaya 2021]. Взаимодействие категорий персональности и субъективности на ранних этапах усвоения языка обсуждается в [Казаковская 2023].

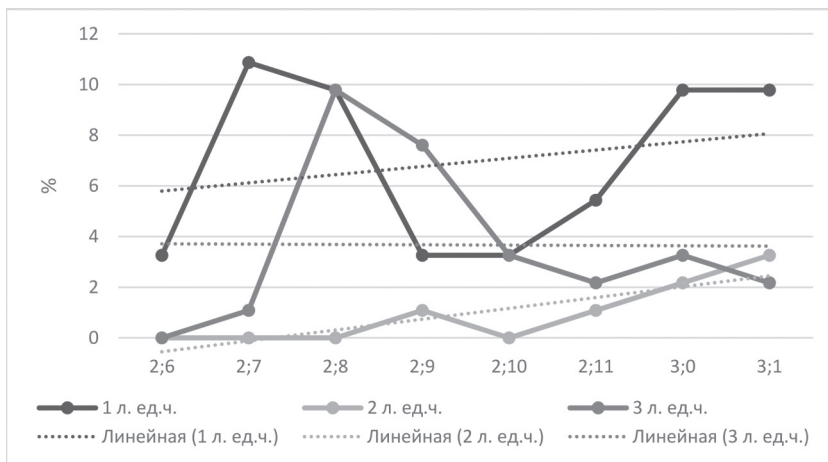

Диаграмма 6. Частотность глагольных высказываний с ЛМ ед. ч. в речи Вани

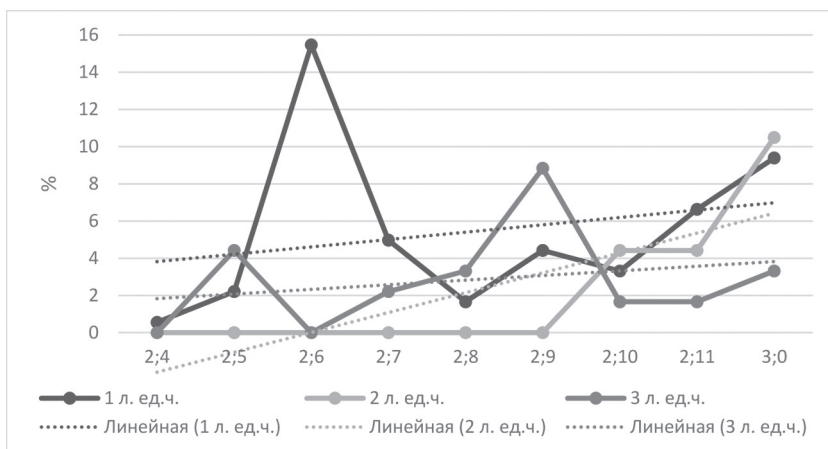

Диаграмма 7. Частотность глагольных высказываний с ЛМ ед. ч. в речи Кирилла

Наконец, общим в корпусах информантов оказалось малое количество ошибок (1–2%): В.: *Сколько ты машин можешь проглотить?* Р.: *Я буду проглочу** (В. 2;8), см. также: *Из дома выбегнут** (В. 3;1). Отступления лежат в сфере глагольного формообразования, но не касаются координации. Интересной особенностью, которую мы связываем со становлением аналитизма, является повтор местоимения в интерпозиции, то есть его вставка между вспомогательным и смысловым глаголами: *Я буду я ездить в гараж* (К. 2;6) [Казаковская 2021], *Я буду я там еще заплаку** (В. 2;10).

3.5. Глагольные высказывания с пропуском ЛМ. Высказывания, в которых ЛМ опущено, — самые немногочисленные в первый год персонального онтогенеза. Они не превышают четверти всех глагольных реплик детей и составляют 23,7% в речи Вани: *Люблю мясо* (В. 2;7), *Проглатываю «л»* (В. 3;1), *На камень залезу* (В. 3;1) и 24,6% — Кирилла: *Туда сяду* (К. 2;6), *Буду есть* (К. 2;8), *Поэтому не заменяю подузник кому** (К. 2;9). Это сопоставимые величины в корпусах ($\chi^2 = 0.068$, $p = 0.794$), как и доли большинства опускаемых ЛМ (Диаграмма 8).

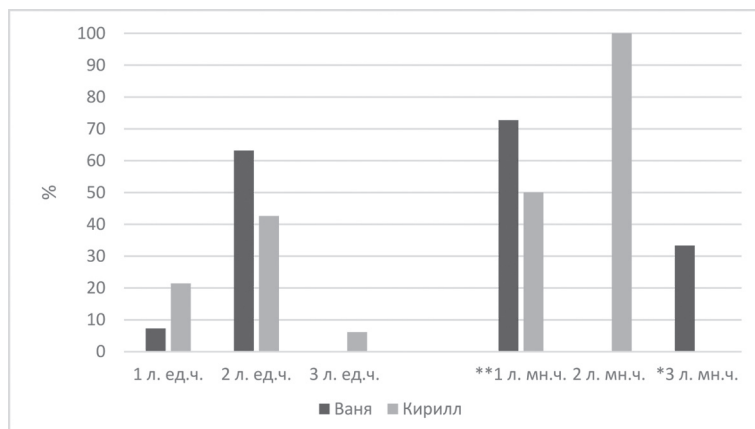

Диаграмма 8. Глагольные высказывания с опущенным ЛМ (% всех глагольных высказываний в речи ребенка)

Статистически значимые различия отмечены при пропуске ЛМ мн. ч.: в речи Вани 1-е и 3-е лицо опускаются чаще ($\chi^2 = 9.251$, $p = 0.003$ и $\chi^2 = 5.499$, $p = 0.020$ соответственно).

Линии трендов (Диаграмма 9) показывают, что частотность пропуска ЛМ в речи информантов возрастает к концу наблюдений.

Вместе с тем заметно, что у Кирилла этот процесс запускается раньше и протекает более интенсивно. Доля пропусков в его речи составляет 69% (по отношению к их общему количеству в корпусах). В первый месяц фиксации продроба (2;4) он опускает три ЛМ — *я*, *ты* и *мы*: В.: *Зачем ты его раздавил, Кирилл?* Р.: *Делаю страшно; Что там фотографируешь?*; *Едем*, за которыми следует пропуск *он* (2;5) и единичного *вы* (2;10): *На дорогу едет; Хотите покататься, а?* В речи Вани за пропуском *я* и *он* (2;5): *Хочу яблочка; Лежит* опускаются *ты* (2;8) и *они* (3;1): *Бежит она, смотри; Помойку поджигают*. Иными словами, если у Кирилла последовательность пропуска ЛМ развивается от 1-го и 2-го лица к 3-му, то у Вани — от 1-го и 3-го лица к 2-му. Тем не менее оба мальчика начинают опускать ЛМ с 1-го лица, то есть так же, как и впервые использовать его в субъектной позиции при координации с глаголом. Период времени, в течение которого ЛМ «покидают» субъектную позицию, различается: в речи Кирилла он составляет 6 месяцев, в речи Вани — 8.

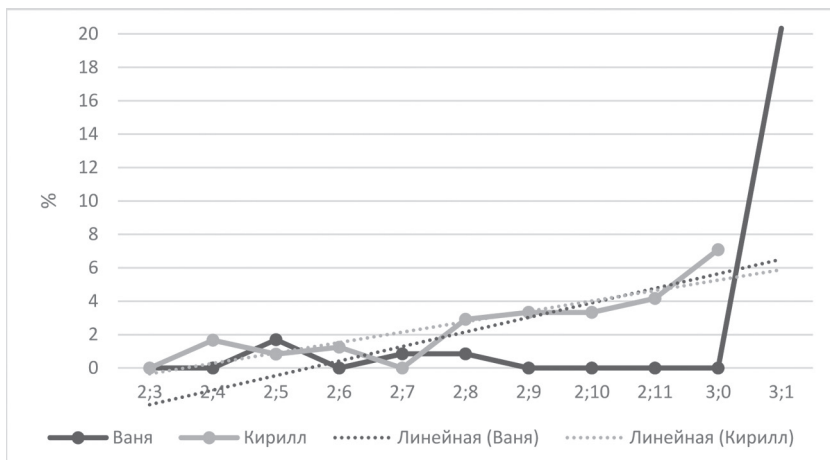

Диаграмма 9. Глагольные высказывания с опущенным ЛМ (% всех глагольных высказываний в речи ребенка)

С точки зрения частотности продропа по отношению ко всем случаям его фиксации в анализируемых данных, самым опускаемым оказалось ЛМ 2-го лица *ты* (Диаграмма 10).

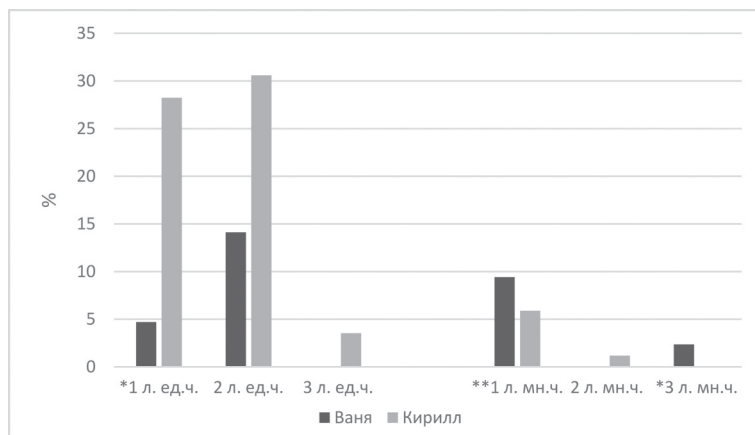

Диаграмма 10. Частотность пропуска ЛМ (% всех фиксаций продропа в речи детей)

Кумулятивная доля его пропуска составила 44%, из которых 14% приходится на глагольные реплики Вани и 31% — Кирилла. Следующим по частоте опускания является *я* — 33%; его пропуск свойствен Кириллу (28% к 5% в речи Вани). Два других значимых различия, которые в большей степени характерны для Вани

и касаются ЛМ мн. ч. *мы* и *они*, коррелируют с отмеченными выше (Диаграмма 8) случаями пропуска по отношению ко всем глагольным репликам.

В высказываниях с пропуском ЛМ, более поздних по времени появления, ощутимым становится употребление модусных глаголов в форме 2-го лица — ментальных *знать* и *помнить*, речевых *сказать* и *говорить*, перцептивных *видеть* и *смотреть*. Глаголы зрительного восприятия используются в модусной рамке с целью привлечь внимание взрослого и выполняют тем самым фатическую функцию: *Видишь, как?* (В. 3;1), см. также: *Смотри, какой мальчик идет* (В. 3;1), *Скажи, это мне вафли?* (В. 3;1). На первый взгляд, такие случаи напоминают застывшие формулы (штампы), но случаи с неопущенным ЛМ типа: *Ты видишь, это как лыжи?* (К. 2;10), *Ты знаешь, где у нас бензобанный* бак* (К. 2;10); *Ты помнишь, здесь за черникой ходили тут?* (В. 3;1) — не поддерживают эту интерпретацию.

В речи Кирилла значительная доля продропа (24%) отмечена в репликах с модальной семантикой. Этот показатель более чем вдвое превышает аналогичный в его местоименно-глагольных конструкциях (10%). При этом основной семантикой остается по-прежнему волеизъявление: *Хочу еще машину вырезать* (К. 3;0), *Хочу раскраску с «Ладой»* (К. 3;0).

В высказываниях с пропуском ЛМ у обоих информантов становится заметной доля вопросительно окрашенных реплик: *Помнишь, она врезалась в камень <...>?* (К. 2;9), в том числе выражающих предложение совместных действий: *Давай пораскрашиваем?* (К. 2;11). Более позднее появление вопросов в рассматриваемом материале сопоставимо с другими русскими данными, в том числе дневниковыми [Казаковская 2019].

3.6. Корреляционные связи. Гипотеза о влиянии СДВ на частотность опускания ЛМ не нашла подтверждения на материале анализируемых корпусов безотносительно к степени их местоименной плотности: $r = 0,315$ в речи Вани, $r = 0,337$ — Кирилла ($p > .05$). Однако в речи информантов была обнаружена одинаково сильная связь ($p < .001$) между СДВ и количеством глагольных высказываний с ЛМ в субъектной позиции: $r = 0,814$ для корпуса Вани, $r = 0,807$ — Кирилла. Также на материале более плотного в местоименном отношении корпуса, принадлежащего Кириллу, была выявлена корреляция между количеством глагольных высказываний с ЛМ и их пропуском ($r = 0,616$, $p < .05$). Иными словами, в речи «местоименного» ребенка продроп зависит не от СДВ, но от развития отношений предсказания (частотности координации «ЛМ — личный глагол»), что, в свою очередь, соотносится с увеличением СДВ.

4. Заключительные замечания

Лонгитюдное исследование показало, что ЛМ не являются самыми первыми и одинаково частотными в речи детей. Кроме того, они далеко не сразу употребляются в координации с личным глаголом: сначала высказывания с ЛМ и высказывания с глаголами функционируют параллельно. На раннем этапе координации позицию субъекта-подлежащего занимают существительные.

Частотные предпочтения детей в использовании лица и числа ЛМ в глагольных репликах сопоставимы, как и порядок появления ЛМ. Исключением являются *ты*-реплики, в большей степени распространенные в речи Кирилла — обладателя более плотного местоименного корпуса, ребенка с высоким уровнем развития синтаксической и собственно диалогической компетенции. Также Кирилл демонстрирует более интенсивную стратегию в становлении обсуждаемого фрагмента грамматики: в его высказываниях ЛМ употребляются в координации с личным глаголом и опускаются раньше. Пропуск ЛМ не соотносится с его предварительным закреплением в субъектной позиции, то есть наличие ЛМ не является обязательным для его пропуска. Частотность пропуска ЛМ в глагольных высказываниях Кирилла коррелирует с количеством его местоименно-глагольных конструкций.

Ваня, реже использующий ЛМ и говорящий о себе также в 3-м синтаксическом лице, показывает иную стратегию — более позднюю и менее интенсивную. Ее самая яркая особенность заключается в том, что пропуску ЛМ предшествует его обязательное появление в субъектной позиции. Зоны ЛМ и его нуля четко разделены. Предполагаем, что подобный сценарий можно ожидать и у других детей, предпочитающих существительные местоимениям.

Между тем независимо от объема местоименной продукции, количества безглагольных и глагольных реплик с ЛМ в субъектной позиции и особенностей их усвоения, в первый год местоименного онтогенеза оба ребенка проходят путь от вынужденной краткости реплики до конвенциональной неполноты, в конце которого оказываются способными поместить в данную позицию около 90% репертуара ЛМ. При этом если *я*-высказывания — самые многочисленные в речи информантов, то *ты*- — самые предпочитаемые для пропуска. Отмеченная тенденция поддерживается режимом реплицирования, спецификой диалога «взрослый — ребенок» и продропными свойствами русского языка. Доля пропуска ЛМ в глагольных репликах информантов сопоставима, но не обусловлена непосредственно СДВ. В свою очередь, последняя в значительной степени коррелирует с количеством местоименно-глагольных конструкций.

Влияние местоименного инпута — ЛМ в обращенной к ребенку речи взрослого — на усвоение данного фрагмента русской грамматики остается открытым вопросом.

Литература

Войкова М. Д. Употребление личных местоимений и координация подлежащего и сказуемого в раннем возрасте // Проблемы онтолингвистики — 2023: вариативность речевого онтогенеза. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2023. С. 13–20.

Гагарина Н. В. Резолюция личного местоимения мужского рода *он* в детской речи: экспериментальное исследование дошкольников // Вопросы психоллингвистики. 2009. № 9. С. 119–124.

Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. В 2-х ч. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1949.

Гвоздев А. Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал 1990.

Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.

Казаковская В. В. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 542–575.

Казаковская В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: Психолингвистический аспект. М.: URSS, 2019.

Казаковская В. В. Конструкции с личными местоимениями в детской речи (по данным диалога «взрослый — ребенок») // *Лекантовские чтения — 2021*. М.: МГОУ. С. 46–51.

Казаковская В. В. *От первого лица...: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи* // Доклад, представленный на международной конф. «Чтения памяти А. В. Бондарко» (15.11.2023). СПб.: ИЛИ РАН, 2023.

Казаковская В. В., Гаврилова М. В. «Мое мнение, что...»: субъективное начало в письменном дискурсе школьников // *Русский язык в школе*. 2021. № 82 (6). С. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43.

Краснощекова С. В. Местоименный дейксис в русской детской речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2016.

Ленская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ, 1997.

Чиглова Е. И. Стратегии освоения личных местоимений и личных глагольных форм 1-го и 2-го лица единственного числа в русскоязычном онтогенезе // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2019. № 1 (88). С. 125–133.

Dressler W. U. Ricchezza e complessità morfologica // *Fonologia e Morfologia dell'Italiano e dei Dialetti d'Italia*. Atti del 21. Congresso SLI / P. Benincà, A. Mioni, L. Vanelli (eds.). Roma: Bulzoni, 1999. P. 587–597.

Dressler W. U. Degrees of grammatical productivity in inflectional morphology // *Italian Journal of Linguistics*, 2003, 15. P. 31–62.

Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Ketrez F. Nihan (eds.) *Nominal Compound Acquisition*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. <https://doi.org/10.1075/lald.61>

Gagarina N. The hare hugs the rabbit. He is white ... Who is white? Anaphoric reference in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*, 2007, 48. P. 133–149.

Gagarina N. Joint project on pronouns // Paper presented during the Workshop “Pre- and Protomorphology in Early Language Acquisition”. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 10.02.2021.

Kazakovskaya V. V. Epistemic modality in Russian child language // U. Stephany, A. Aksu-Koç (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* [SOLA [Studies of Language Acquisition] 54]. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012.

MacWhinney B. *The CHILDES project: tools for analyzing talk*. 3rd edition. Mahwah-New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

McShane M. Subject ellipsis in Russian and Polish // *Studia Linguistica*, 2009, 63 (1). P. 98–132.

Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketz F. N., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmović M., Pfeiler B., Voeikova M. D., Dressler W. U. On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection // *First Language*, 2011, 31. P. 461–479.

Xanthos A., Gillis S. Quantifying the development of inflectional diversity // *First Language*, 2010, 30. P. 175–198.

Victoria V. Kazakovskaya

Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Saint Petersburg)

victory805@mail.ru

PERSONAL PRONOUNS AND PRO-DROP IN THE EARLY STAGES OF LANGUAGE ACQUISITION

The grammatical, semantic and communicative features of both verb and non-verb based utterances with personal pronouns of the 1st, 2nd and 3rd persons in the subjective position (Nom.) are considered. Particular attention is paid to pronoun drop in verb-based utterances containing verbs in the present and future tenses. The study is based on the longitudinal corpora, transcribed and morphologically coded in accordance with CHILDES conventions (B. MacWhinney), of two typically-developing monolingual boys (1;7–3;1) who are acquiring the Russian language, it being a morphologically rich and inflectional language, with so-called weak pro-drop. The results obtained are based on an analysis of more than 7,000 child utterances and indicate the general and individual aspects of the acquisition of this fragment of grammar. Similarities and differences in the functioning of utterances with personal pronouns during the first year of their emergence in the children's speech are confirmed statistically. A strong positive correlation was noted between the frequency of verb-based utterances with personal pronouns and the syntactic development of the children, determined by the mean length of utterances. Moreover, in a denser pronominal corpus, the frequency of these utterances correlates with the frequency of the pro-drop.

Keywords: language acquisition, child speech, personal pronouns, verb-based utterances, pro-drop, agreement, longitudinal observation, corpus-based study.

References

Dressler W. U. Ricchezza e complessità morfologica. P. Benincà, A. Mioni, L. Vanelli (eds.). *Fonologia e Morfologia dell'Italiano e dei Dialetti d'Italia*. Atti del 21. Congresso SLI. Roma: Bulzoni, 1999, pp. 587–597.

Dressler W. U. Degrees of grammatical productivity in inflectional morphology. *Italian Journal of Linguistics*, 2003, 15, pp. 31–62.

Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Ketrez F. Nihan (eds.) *Nominal Compound Acquisition*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1075/lald.61>

Chiglova E. I. [The strategies of acquisition of the 1st and 2nd person pronouns and the respective finite verb forms in Russian as a first language]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University]. 2019, 1 (88), pp. 125–133. (in Russ.)

Dobrova G. R. *Ontogenez personal'nogo dejksisa (lichnye mestoimenija i terminy rodstva)* [The acquisition of personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. St. Petersburg: Hertsen State Pedagogical Univ. Publ., 2003. (in Russ.)

Gagarina N. V. [Resolution of the masculine personal pronoun *he* in children's speech: an experimental study of preschoolers]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009, 9, pp. 119–124. (In Russ.)

Gagarina N. The hare hugs the rabbit. He is white ... Who is white? Anaphoric reference in Russian. *ZAS Papers in Linguistics*, 2007, 48, pp. 133–149.

Gagarina N. *Joint project on pronouns*. Paper presented during the Workshop “Pre- and Protomorphology in Early Language Acquisition”. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 10.02.2021.

Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroja russkogo jazyka* [Formation of the grammatical structure of the Russian language in a child]. V 2-x ch. Moscow, APN RSFSR Publ., 1949. (In Russ.)

Gvozdev A. N. *Razvitiye slovnogo zapasa v pervyye gody zhizni rebenka* [Vocabulary development in the first years of a child's life]. Kuybyshev, Saratov University press (Kuybyshev publishing house branch), 1990. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. [Language and cognitive aspects in the acquisition of epistemic modality]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017, Vol. 13 (3), pp. 542–575. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. *Vopros i otvet v dialoge «vzroslyj — rebenok»: Psiholingvističeskij aspekt* [Questions and answers in “adult — child” dialogue: Psycholinguistic aspect]. Moscow, URSS, 2019. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. [Constructions with personal pronouns in child speech (based on the «adult — child» dialogue)]. *Lekantovskie čtenija — 2021* [Lekant Readings — 2021]. Moscow, Moscow Region State Univ. Publ., 2021, pp. 46–51. (In Russ.)

Kazakovskaya V. V. Epistemic modality in Russian child language. U. Stephany, A. Aksu-Koç (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* [SOLA [Studies of Language Acquisition] 54]. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021, pp. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012.

Kazakovskaya V. V. [In the first person...: pronoun-verb utterances in Russian child's speech]. Paper presented during the Conference “*Čhtenia pamjati A. V. Bondarko* [Readings in memory of A. V. Bondarko]” (St. Petersburg, ILI RAN, 15.11.2023). (In Russ.)

Kazakovskaya V. V., Gavrilova M. V. [«My opinion is that...»: the subjective introduction in school students' written discourse]. *Russkij jazyk v škole* [Russian language at school]. 2021, № 82 (6), pp. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43. (In Russ.)

Krasnoshchekova S. V. *Mestoimennyj dejksis v russkoy detskoj rechi* [Pronominal deixis in Russian child speech]: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg: ILI RAN, 2016. (In Russ.)

Lepskaya N. I. *Jazyk rebenka (Ontogenez rechevoj kommunikatsii)* [Child's language (Ontogenesis of speech communication)]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1997. (In Russ.)

MacWhinney B. *The CHILDES project: tools for analyzing talk*. 3rd edition. Mahwah-New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

McShane M. Subject ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*, 2009, 63 (1), pp. 98–132.

Voeikova M. D. [The use of personal pronouns and the grammatical coordination of subject and predicate in early childhood]. *Problemy ontolingvistiki — 2023: variativnost' rechevogo ontogeneza. Materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Problems of ontolinguistics — 2023: variability of speech ontogenesis. Proceedings of the annual international scientific conference]. St. Petersburg, «VVM» Press, 2023, pp. 13–20. (In Russ.)

Xanthos A., Gillis S. Quantifying the development of inflectional diversity. *First Language*, 2010, 30, pp. 175–198.

Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketrez F. N., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmović M., Pfeiler B., Voeikova M. D., Dressler W. U. On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection. *First Language*, 2011, 31, pp. 461–479.

Ю. М. Кувшинская
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
y kuvshinskaya@hse.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ СЕРИИ НА *-ЛИБО* В КОНТЕКСТЕ ПРЯМОГО ОТРИЦАНИЯ¹

Работа посвящена вопросу об употреблении местоимений серии на *-либо* в контексте прямого отрицания, который остается дискуссионным, несмотря на фундаментальные исследования, посвященные семантике неопределенных местоимений. В работе эта проблема рассматривается на примере употребления местоимения *какой-либо* в Национальном корпусе русского языка и в Корпусе русских учебных текстов, XX XXI с привлечением экспериментальных данных. В результате выделяются типы контекстов, как лицензирующие использование местоимения, как и не допускающие такого употребления. Автор приходит к выводу о значимости семантики разнообразия множества, обозначенного именной группой, включающей *какой-либо*, для возможности употребления квантификатора *какой-либо* под прямым отрицанием.

Ключевые слова: русский язык, отрицание, неопределенные местоимения, *какой-либо*, корпусные исследования

1. Введение

Русские неопределенные местоимения серии на *-либо*, которые до недавнего времени были характерны преимущественно для книжной и даже официальной речи ([Хаспельмат 1997: 65], [Падучева 2015] о «стилистической дефектности» местоимений на *-либо*), в настоящее время стали активно использоваться за пределами официального, книжного дискурса, в том числе и в разговорной речи. В [Kuvshinskaya 2019] нами было проведено сопоставление частотности употребления местоимений *какой-либо*, *какой-нибудь* и *какой-то* в XX и XXI вв. в Национальном корпусе русского языка и в корпусе интернет-текстов RuTenTen в составе системы

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

SketchEngine, которое показало, что в середине XX века (в начале 50-х годов) местоимение *какой-либо* встречалось реже, чем *какой-нибудь* и *какой-то*:

106,6 ipm (*какой-либо*) : 230.40 ipm (*какой-нибудь*) : 824.66 ipm (*какой-то*).

Однако в современной интернет-речи, местоимение *какой-либо* преобладает по сравнению с *какой-нибудь* и *какой-то*:

89,4 ipm (*какой-либо*) : 59,42 ipm (*какой-нибудь*): to 3,9 ipm (*какой-то*).

Активное употребление местоимений на *-либо* за пределами официальной речи и книжной сферы в целом, сопровождается появлением значительным количеством случаев, которые трудно признать полностью соответствующими литературной норме (1), (2). (О сомнительности употребления местоимений на *-либо* во многих контекстах см. [Падучева 2016: 219; Kuvshinskaya 2019]).

- (1) *Если вы вносите какой-либо вклад в мировую культуру, то он сохранится в памяти людей именно благодаря мемам.* (КРУТ).
- (2) *В ходе предстоящего раунда переговоров не ожидается каких-либо прорывов.* [С. В. Лавров. Выступление на пресс-конференции по итогам заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // «Дипломатический вестник», 2004.07.27].

2. Проблема работы

Среди примеров с местоимениями на *-либо*, вызывающих сомнения в допустимости с точки зрения литературной нормы, встречаются контексты с прямым отрицанием (см. (3), также (4), (5)).

Сам по себе контекст прямого отрицания, как интуитивно кажется, соответствует семантике местоимений на *-либо*, поскольку они являются единицами отрицательной полярности. Последним свойственно употребление в неутвердительных контекстах — прежде всего контекстах отрицания, а также вопроса, условия, сравнения и др.; однако в утвердительных контекстах отрицательно поляризованные слова оказываются недопустимыми [Хаспельмат 1997; Богуславский 2001:43; Падучева 2015]. Тем не менее в качестве особенности местоимений на *-либо* М. Хаспельмат выделяет их несовместимость с прямым отрицанием: “There are also indefinites that are used in the other negative polarity contexts but cannot be used in the context of direct negation. Such a case is the Russian *-libo* series” [Хаспельмат 1997 : 36]. Он отмечает, что «the most important function of the indefinites of *libo* series is in indirect negation and comparative contexts» [Хаспельмат 1997: 88].

Между тем Е. В. Падучева, сопоставляя местоимения ОП с местоимениями на *-нибудь*, делает противоположный вывод: «Между тем местоимения ОП — и на *-либо*, и на *бы то ни было*, — напротив, употребляются в отрицательном контексте достаточно свободно, например:

- (3) *Он не высказал каких-либо интересных соображений.*

При этом Е. В. Падучева указывает, что в контексте прямого отрицания нередко бывает предпочтительно отрицательное местоимение (*никакой* вместо *какой-либо*). В целом она усматривает некоторое распределение отрицательных местоимений и местоимений серии на *-либо*, отмечая, что местоимения на *-либо* чаще употребляются в подчиненной предикации, где невозможны отрицательные местоимения [Падучева 2011, 2015].

Описывая их употребление в контексте отрицания, она выделяет прямое (в одной и той же предикации) и дистантное (в подчиненной клаузе), синтаксически автономное (с помощью частицы *не*) и внутрисловное [Падучева 2015].

Наши наблюдения в НКРЯ [Kuvshinskaya 2019] показывают, что в современной русской речи встречаются контексты, в которых местоимения на *-либо* находятся в сфере действия прямого автономного отрицания, хотя их нельзя назвать частотными: так, в НКРЯ за период с 2000 до 2020 г. нами обнаружено 746 вхождений местоимения *какой-либо* под прямым отрицанием в подкорпусе объемом 83 752 959 слов; частотность таких употреблений (ipm) составила 8.9.

Как говорилось выше, далеко не все эти употребления можно признать бесспорно приемлемыми с точки зрения литературной нормы (также см. [Кувшинская 2019]); об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами опроса носителей русского языка (см. далее). В данной работе предпринимается попытка на корпусном материале исследовать употребление местоименного прилагательного *какой-либо* в контекстах прямого автономного отрицания с целью выяснения условий, при которых местоимения на *-либо* могут быть уместны в названных контекстах. Местоимение *какой-либо* был выбрано потому, что оно более частотны в речи, чем другие местоимения этой серии: *кто-либо*, *что-либо*, *где-либо* и др. (О соотношении местоимений на *-либо* по частотности см. [Падучева 2015]).

3. Данные

Исследование проводилось на базе Национального корпуса русского языка. Рассматривались только контексты с синтаксически автономным отрицанием (выраженным частицей НЕ, а не глаголами типа *лишен*, *отсутствовать*; конструкциями с предлогом *без* и др.), среди них — только контексты с прямым отрицанием (в той же предикации).

Не учитывались контексты с дистантным отрицанием (примеры, в которых отрицание содержится в главной клаузе, местоимение *какой-либо* входит в подчиненную клаузу).

Исследовались контексты, в которых местоимение входит в сферу действия отрицания, а именно те:

- А) в которых НЕ непосредственно предшествует *какой-либо* (*не какой-либо новый сюжет*),
- Б) в которых НЕ предшествует глаголу или существительному, подчиняющего ИГ с *какой-либо* (*не создал какой-либо новый сюжет*).

Условия поиска в НКРЯ предполагали, что частица *не* предшествует *какой-либо*, расстояние между ними составляет от 1 до 3 слов, «не» и «какой-либо» входят в одну и ту же предикацию. Кроме того, мы рассматривали 16 примеров с модальными словами (*мочь, хотеть, вправе*), которые, согласно Падучевой, ведут себя не как составляющие отдельной предикации и допускают как местоимения отрицательной полярности, так и отрицательные местоимения, не употребляющиеся при дистантном отрицании [Падучева 2015].

Анализ проводился на двух выборках примеров:

306 примеров из НКРЯ за 2000–2020 г. — **выборка А**

240 примеров из НКРЯ за 1950–1970 гг. — **выборка Б.**

Привлекая данные второй половины XX в., мы исходили из того, что опубликованные русскоязычные тексты этого периода тщательно редактировались, таким образом, они отражают редакторское представление о книжной норме употребления местоимения *какой-либо*. Мы предполагали, что большинство контекстов здесь будут образцами стандартного употребления местоимения *какой-либо*. Таким образом, сравнивая современные употребления местоимения с речевой практикой второй половины XX в., мы сможем выявить а) устойчивые (на протяжении более полувека) приемлемые контексты; б) динамику употребления *какой-либо*.

Кроме этого, привлекались нестандартные примеры из Корпуса русских учебных текстов (КРУТ) — 35 примеров.

Исследование предполагало оценку допустимости в литературной речи того или иного употребления местоимения. При изучении живой речи различие стандарта и нестандартного употребления оказывается непростой задачей, учитывая субъективность любой оценки языкового явления, даже если оценка высказана лингвистом (о субъективности и сложности оценки нормативности, о шкале нормативности см. [Кукушкина 1982], также [Перцов 1996; Никольс 1985]). Особенно сложна оценка нормативности в области семантики и прагматики.

Исходя из неоднократно описанных в литературе основных критериев нормативности в области русского языка, прежде всего в трудах [Ицкович 1968, Петрищева 1967, Горбачевич 1978: 31–37], мы оценивали соответствие того или иного употребления литературной норме с помощью следующих методов:

1. Интроспекция;
2. Сопоставление со списком лицензирующих контекстов по [Хаспельмат 1997, Падучева 2015], исходя из критерия определения нормы путем выявления соответствия примера возможностям системы литературного языка, «соответствие модели», по выражению В. А. Ицковича [Горбачевич 1978: 37; Петрищева 1967: 35; Ицкович 1968: 28 и далее]
3. Частотность употреблений, исходя из критерия употребляемости в качестве способа определения нормы [Ицкович 1968: 39–46; Петрищева 1967:38–39; Горбачевич 1978:32, 37]
4. Оценка употребления носителями языка.

4. Методика эксперимента

Нами был проведен письменный опрос 21 носителя русского языка в возрасте от 18 до 76 лет, с высшим и незаконченным высшим образованием². Большинство участников (16 человек) имели гуманитарное (историческое, филологическое, журналистское, педагогическое, музыкальное, лингвистическое (2 человека); 4 человека — естественно-научное (биологическое, геологическое), 1 человек имел экономическое образование.

Участникам было предложено два набора контекстов:

А — список из 10 примеров, среди которых были различные контексты с местоимением *какой-либо*, допускающие также и постановку местоимения *никакой*, и филлеры: предложения с местоимениями *никакой*, *тот или иной*, а также предложения без местоимений. Участники оценивали степень приемлемости примера, пользуясь шкалой от 1 до 3, где 1 — нормативно, 2 — не очень хорошо, я бы так не сказал, но так говорят; 3 — неприемлемо. Выбор градуированной шкалы оценки, вслед за [Николюк 1985, 345; Апресян 1990, 54], был обусловлен стремлением компенсировать неизбежную субъективность оценки путем введения промежуточных показателей оценки.

Б — Кроме этого, участникам были даны пары похожих контекстов, различия которых состояли в том, употреблено ли там местоимение *какой-либо* и есть ли в именной группе, помимо местоимения *какой-либо*, еще и зависимое от существительного полнозначное прилагательное. Участники должны были выбрать лучший, с их точки зрения, вариант.

С некоторыми участниками нам удалось обсудить их оценку примеров.

Результаты опроса учитывались при анализе соответствующих примеров. Однако стоит отметить, что эти результаты рассматривались нами как дополнительный, а не ключевой источник сведений о норме употребления местоимения *какой-либо* под отрицанием в силу небольшого количества респондентов и отсутствия специальных экспериментальных задач в данной работе. Суждение о приемлемости контекста преимущественно базировалось на первых трех из названных выше критериях.

5. Общие сведения о семантике местоимения *какой-либо*

Словари [Евгеньева 1999, Ефремова 2000] определяют *какой-либо* через одно из значений местоимения *какой-нибудь*: «тот или иной, любой из ряда подобных». Исходя из этих толкований, можно сказать, что местоимение является квантификатором и детерминирует выбор одного или нескольких предметов из множества

² Анкета, предлагавшаяся участникам опроса, размещена по ссылке: https://drive.google.com/drive/folders/1AxRxV0dRDKEZHJXtBbb1RhRiW5qDeZW6?usp=share_link

равнозначных объектов, обозначенных существительным. *Какой-либо* выражает экзистенциальную квантификация [Хаспельмат 1997, Падучева 2011], предполагая выделение объекта или объектов из множества без его(их) идентификации.

М. Хаспельмат указывает, что этимологически местоимения на *-либо* относились к группе местоимений свободного выбора, что, как мы видим, отмечено и в словарном определении. Согласно Хаспельмату, *какой-либо* сохраняет семантику свободного выбора, что проявляется в тяготении местоимения к контекстам сравнения [Хаспельмат 1997].

Для анализа поведения квантификатора под отрицанием существенно то, что высказывания с квантификатором *какой-либо* имеют в пресуппозиции идею потенциального, а не реального существования квантифицируемого множества, потенциальной ситуации — например, потенциально возможного множества сообщений в примерах (4) и (5).

(4) *Я не получал каких-либо сообщений.*

(5) *Получали ли вы в последнее время какие-либо сообщения из государственных органов?*

Е. В. Падучева пишет о нереферентности местоимений на *-либо* (также см. [Veugens 1964] о «виртуальности» этих местоимений) и в связи с этим о пресуппозиции несуществования множества, обозначенного ИГ, включающей местоимение на *-либо*, в высказываниях с этими местоимениями. Именно это, согласно [Падучева 2015], дает возможность местоимениям на *-либо* употребляться с глаголами, выражающими «отрицание существования (квантифицируемого множества)» (*отсутствовать, лишен, отрицать* и др.), и препятствует употреблению местоимений на *-либо* с глаголами, содержащими «презумпцию изначального существования квантифицируемого множества — которое потом подверглось какому-то воздействию и, возможно, перестало существовать» (*запрещать, прекратить, отвергать, уйти от* и др.)

Однако нам представляется, что свободная сочетаемость ИГ, включающими местоимения на *-либо*, с глаголами первой группы объясняется в значительной степени экспрессивностью таких отрицательных контекстов (подробнее см. п. 4.2.5). Что касается сочетаемости с глаголами второй группы, то примеры из НКРЯ показывают, что местоимение *какой-либо* может с ними употребляться (например, (6), (7)). Иначе говоря, семантика изначального существования множества, присущая этим глаголам, как кажется, не вступает в противоречие с нереферентностью местоимения *какой-либо*:

(6) *Вместе с тем, в ортодоксальных кругах с негодованием **отвергают какую-либо связь** со скандалами у католиков.* [Интернет-альманах «Лебедь», 19.10.2003]

(7) *Он утверждает недопустимость территориальных притязаний, **запрещает какое-либо давление** на государства в целях изменения их границ...* [«Человек и закон», 1978]

Исходя из сказанного, представляется, что точнее было бы определить множество, обозначаемое ИГ с местоимением на *-либо* как потенциальное: не соотносимое с конкретным, референтным и известным говорящему множеством, но потенциально возможное (что, видимо, и делает контексты с местоимениями на *-либо* столь востребованными в юридических и в целом в официально-деловых текстах, в которых необходимо бывает предусмотреть ситуации, еще не существующие в реальности или неизвестные участникам коммуникации, но потенциально возможные).

6. Контексты, в которых местоимение *какой-либо* не может употребляться под прямым отрицанием

6.1. *Какой-либо* относится к существительному в единственном числе:

- (8) *?*Так, согласно Рез-Шефер, постмодернизм — «это сознание, которые не ждет **какого-либо примирения** между различными языковыми играми». [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел V. Универсалии как кванторы: от номинализма к концептуализму (2006)].
- (9) ***И все же он не приобрел **какой-либо мудрости**.
Ср. (9а) *И все же он не приобрел мудрости*.
(9б) *И все же он не приобрел никакой мудрости*.

В этих примерах абстрактные отглагольные существительные, *singularia tantum*, не допускают квантификации с помощью местоимения *какой-либо*, поскольку не обозначают дискретного множества и не предполагают идеи выбора из ряда объектов. В то же время такие контексты допускают местоимение *никакой*, выражающего универсальную квантификацию и усиливающее отрицание (9б).

Стоит отметить, что есть немало неисчисляемых абстрактных существительных, в том числе *singularia tantum*, которые тем не менее допускают употребление с местоимением *какой-либо* (12):

- (10) *И все же он не приобрел какого-либо опыта*.

Вопрос о семантике существительного — вершины ИГ, в которую входит *какой-либо* мы рассмотрим подробнее в п. 4.2.6.

6.2. Бытийные предложения

Бытийные предложения с местоимением *какой-либо* под прямым отрицанием практически не встречаются в наших выборках без других условий, лицензирующих употребление местоимений на *-либо* (подробное описание этих условий см. в [Падучева 2015]). Сконструированные примеры подобного типа сомнительны:

- (11) *?*В работе не было **каких-либо недочетов**.
Ср.: (11а) *В работе не было никаких недочетов*.

6.3. Соединение названных условий (ИГ с вершиной — существительным в единственном числе в контексте бытийного предложения с отрицанием) дает недопустимый с точки зрения литературной нормы контекст употребления местоимения *какой-либо*:

(12) **Поскольку в этих играх конфликт скрыт, в них нет какой-либо кульминации или катарсиса* (КРУТ)

Этот пример (12) сочли нестандартным 57% и мало приемлемым («я так не скажу, но другие так говорят») 29% наших респондентов, т. е. 86% не сочли такое употребление допустимым.

Ср. также сконструированные контексты:

(13) *На улице нет дождя.*

(13а) *На улице нет никакого дождя.*

(13б) **На улице нет какого-либо дождя.*

Отметим, что во всех рассмотренных контекстах свободно употребляется отрицательное местоимение *никакой*.

7. Условия, допускающие употребление местоимения *какой-либо* под прямым отрицанием

Контексты прямого отрицания, в которых местоимение *какой-либо* оказывается уместным, достаточно многочисленны и разнообразны. При их описании мы учитываем, возможна ли в конкретном контексте конкуренция неопределенного местоимения *какой-либо* и отрицательного местоимения *никакой*. Наиболее важным представляется выявить условия и причины выбора местоимения *какой-либо* в тех случаях, когда возможны как неопределенное, так и отрицательное местоимение.

7.1. Контексты, в которых не может быть употреблено отрицательное местоимение, однако уместно употребление неопределенного местоимения *какой-либо*:

7.1.1. Конструкции противопоставления «не какой-либо X, а Y» и ее вариант «Y, а не какой-либо X», которые особенно характерны для примеров из выборки за 1950–1970 гг.

При этом именная группа, включающая *какой-либо*, может также содержать квантификаторы *один, еще*, местоимения *другой, иной* (*не какой-либо один/еще/иной/другой X, а Y*), полнзначные определения к существительному (15).

(14) *Сделать это можно, однако, только принимая во внимание историю всего человечества, а не какой-либо группы народов или стран...* [С. П. Капица. Парадоксы роста. Законы развития человечества (2010)].

(15) *Нет, нашим образцом был не какой-либо искусственный язык, даже и Толкиена, а живые языки.* [«Знание-сила», 2014]

7.1.2. Конструкция “не какой-либо X из Q, а Y”, обычно в контексте противопоставления:

- (16) ...Эти слова относятся **не к какой-либо из Поместных церквей: Русской, Константинопольской и т. д., но к Вселенской**. [А. И. Осипов. Какой духовностью мы живём? (1992–2012)]

Во всех контекстах, допускающих употребление местоимения *какой-либо* и не допускающих *никакой*, множество X, характеризуемое квантификатором *какой-либо*, входит во множество более общего порядка C, включающее как X, так и Y. Предложения сообщают, что вместо любого из X выбирается Y (примеры (14), (15)) или все множество C (пример 16) (особенно при добавлении квантификатора «один»). Семантика выбора из подобных друг другу элементов здесь важна, поэтому в примере (16) дано перечисление некоторых элементов множества X.

Именно по причине существенности семантики выбора местоимение *какой-либо* в этих примерах не может быть заменено на *никакой*. Употребление отрицательного местоимения потребовало бы перестройки всего предложения и частичного изменения его смысла (вероятно, использования конструкции «не + предикат + никакой», выражающей отрицание при универсальной квантификации (17), или «X, и никакой иной» (18)):

- (17) *Нет, нашим образцом не был никакой искусственный язык, даже и Толкиена, а только живые языки*. [«Знание-сила», 2014]
- (18) *Против ожидания, образцом для первого болгарского ордена послужил орден немецкого герцогства Гессен, и никакой иной*. [«Сержанта», 2001].

7.2. Контексты, допускающие как местоимение на *-либо*, так и отрицательное местоимение

7.2.1. Кумулятивное отрицание (в терминологии Е. В. Падучевой [Падучева 2011]). В клаузе, в которую входит *какой-либо*, помимо отрицания при предикате, есть отрицательное местоимение (*ничто, никогда* и др.) или наречие отрицательной полярности (*отнюдь, вовсе*).

- (19) *Поэтому до сих пор никто не нашел каких-либо осколков Тунгусского метеорита*. [Комсомольская правда, 2013.06.27]

Обычно примеры этого типа сопровождаются другими факторами, способствующими употреблению *какой-либо*, прежде всего экспрессией [Хаспельмат 1997, Ward 1977] (см. п. 4.2.5):

- (20) *Мы видели, что обстановка, в которой выросли обвинения против Михайловой, отнюдь не гарантирует какой-либо их достоверности*. [Л. В. Соколова. Речь в защиту М. А. Михайловой (1956)].

Примечательно, что некоторые участники опроса, пытаясь сделать приемлемым употребление местоимения *какой-либо* в примере (21)

- (21) *Высшая ценность для меня — индивидуальная свобода человека, поэтому я не входил и не войду в какие-либо команды* (КРУТ)

предлагали добавить отрицательное местоимение:

- (21a) *...поэтому я никогда не входил и не войду в какие-либо команды.*

7.2.2. Неутвердительные контексты, лицензирующие местоимения отрицательной полярности

В [Хаспельмат 1997:52, Падучева 2015] выделен ряд неутвердительных контекстов, в которых могут употребляться местоимения отрицательной полярности. Эти контексты допускают и употребление местоимения *какой-либо* под прямым отрицанием, за исключением случаев, описанных в п. 3:

- **Условия:**

- (22) *Ключевский писал, что **если** мы не знаем последствий **каких-либо преобразований**, то мы не можем делать их предметом исторического изучения.* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].

- **Вопроса:**

- (23) *Еще неизвестно, надо проверить. **Не домысел ли** **какого-либо «писателя»**, пишущего для Зубова?* [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)]

- **Сравнения:**

- (24) *Генно-инженерный инсулин применяется в терапии с 1982 года, и многочисленные исследования **не** показали **каких-либо осложнений** в результате его применения **по сравнению** со свиным.* [«Наука и жизнь», 2008]

7.2.3. Сочинительные конструкции

Данные НКРЯ показывают, что в конструкциях с отрицанием, состоящих из двух или более сочиненных именных или глагольных групп, в составе этих сочиненных групп вполне может употребляться местоимение *какой-либо*. В то же время при перестройке такого контекста, при которой один из сочиненных элементов удаляется, употребление местоимения *какой-либо* становится сомнительным:

- (25) *Этот процесс **не регламентирован** **какими-либо правилами** или **рекомендациями**.* [«Знание-сила», 2012]

Ср.: (25a) *?Этот процесс не регламентирован **какими-либо правилами***

(25б) *?Этот процесс не регламентирован **какими-либо рекомендациями**.*

Стоит отметить, что в Основном корпусе НКРЯ нам не удалось обнаружить примеров с ИГ «какие-либо правила» без следующих условий, лицензирующих употребление местоимения *какой-либо*: сочиненная ИГ, согласованное или (реже) несогласованное определение, экспрессивный контекст. Это говорит о том, что это словосочетание вряд ли свойственно литературной письменной речи вне специальных условий, в частности, условие сочинения.

(26) *Высшая ценность для меня — индивидуальная свобода человека, поэтому я не входил и не войду в какие-либо команды.* («Знание — сила», 2010).

Среди участников опроса примерно половина сочла этот пример стандартным. Ср. менее удачное, как кажется:

(26а) [?]*Поэтому я не входил/ не войду в какие-либо команды.*

В Основном корпусе НКРЯ обнаружилось всего 5 примеров с ИГ *какая-либо команда*, в 3 из них слово *команда* употреблялось в значении группы лиц, в этих примерах отрицательный контекст сопровождался либо сочинением ИГ, либо экспрессией. Иначе говоря, без специальных условий сочетание «какая-либо команда» не свойственно литературной письменной речи, и одним из таких условий является сочинение.

Конструкции с сочиненными членами, прежде всего сочиненные именные группы, семантически предполагают объединение двух или более множеств (об этом, в частности, [Haspelmath 2007: 33 и далее]). Таким образом, создается эффект неоднородности, многосоставности квантифицируемого множества, способствующий ситуации выбора, что соответствует этимологической и не утраченной в полной мере семантике выбора у местоимения *какой-либо*.

При сочинении глагольных групп мы видим объединение двух ситуаций (26), в обеих задействовано неопределенное множество, обозначенное ИГ, включающей местоимение *какой-либо*. Здесь эффект неоднородности множества кажется менее очевидным, но, видимо, эффект выбора все же есть, поскольку контекст явно способствует употреблению местоимения *какой-либо*.

7.2.4. Именная группа включает, помимо *какой-либо*, и другое, согласованное или, реже, несогласованное определение.

Контексты с рестриктивным согласованным определением являются наиболее частотными в обеих выборках **45%** (138 из 306) в выборке А (за начало XXI в.) и **25,8%** (62 из 240) в выборке В (1950–70-е гг.) соответственно.

(27) *Россия проектировала в прошлом веке строительство базы, которая в шутку была названа «Барминград» по имени главного конструктора. Строительство на Луне не потребует каких-либо новых научных открытий.* («Знание — сила», 2011).

Ср.: (27а) [?]*Строительство на Луне не потребует каких-либо открытий.*

(28) *Области, занятые славянами в римское время (II–IV вв. н. э.), не имели каких-либо естественных рубежей* [В. В. Седов. Этногенез ранних славян].

Ср.: (28а) [?]*Области, занятые славянами в римское время..., не имели каких-либо рубежей.*

(28б) *Области, занятые славянами в римское время (II–IV вв. н. э.), не имели никаких естественных рубежей*

Определение в примерах с местоимением *какой-либо* употребляется рестриктивно, т. е. ограничивает экстенционал ИГ, выделяя из множества объектов некоторое подмножество по качественному признаку. Так, в (31) выделены именно новые научные открытия, в (32) — естественные рубежи (в отличие от искусственно созданных)). Рестриктивность определения коррелирует с экзистенциальной квантификацией именной группы, выражаемой местоимением *какой-либо*, и не вступает в противоречие с нереферентностью, выражаемой местоимением на -либо: предложения сообщают о том, что (не) существуют объекты или признаки, относящиеся к подмножеству, ограниченному атрибутом. В контекстах такого типа благодаря рестриктивному определению всё множество объектов представлено как неоднородное (в нем выделяются группы, ограниченные тем или иным признаком) и тем самым создается ситуация, предполагающая выбор. Видимо, тяготение *какой-либо* к таким контекстам обусловлено этимологически присущей этому местоимению семантикой выбора и семантикой качественного разнообразия множества объектов у ИГ, включающей атрибутивное определение.

Большинство опрошенных оценили примеры с согласованным определением в составе ИГ как приемлемые. Так, пример (28) сочли корректным 53% опрошенных. Более того, большинство из них назвали предпочтительным употребление *какой-либо* именно в ИГ с прилагательным (в отличие от ИГ “какой-либо + существительное”, например, (32а)).

В то же время при выборе из вариантов с определением или без него, с квантификатором *какой-либо* или без него они сочли наиболее удачным пример, в котором в ИГ отсутствует местоимение *какой-либо* (а также отрицательное местоимение) (28в):

(28в) *Области, занятые славянами в римское время (II–IV вв. н. э.), не имели естественных рубежей.*

Таким образом, можно говорить о том, что определение создает лицензированный контекст для употребления *какой-либо* под отрицанием, однако приемлемость таких конструкций не полностью бесспорна. Многое зависит и от других факторов контекста.

В некоторых примерах этого типа, сопровождающихся экспрессивностью, эмфазой именной группы, *какой-либо* может выступать в качестве интенсификатора, обозначая под отрицанием минимальную степень признака (см. п. 4.2.5):

(29) *...Использование математических методов в некоторой науке само по себе ещё вовсе не гарантирует **какого-либо** реального прогресса в этой науке.* [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000].

Ср. синонимичные выражения: **сколько-нибудь** реального прогресса; **хоть какого-то** реального прогресса.

7.2.5. Экспрессивные контексты

Лицензируют употребление местоимения *какой-либо* под прямым отрицанием (30):

- (30) *Однако слова living for today заключают указание на психологическую установку, в принципе не совместимую с каким-либо планом действий.* [Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009)].

О склонности местоимений на *-либо* к экспрессивным и эмфатическим контекстам пишет [Ward 1977: 466]. Хаспельмат указывает, что экспрессивность при существа местоимениям свободного выбора (к которым этимологически принадлежали местоимения на *-либо*), и некоторым местоимениям отрицательной полярности, которые могут выражать значение минимального уровня прагматической шкалы, по Фоконье [Fauconnier 1975; Haspelmath 1997: 116–117]).

Семантика неопределенности и потенциального существования квантифицируемого множества хорошо коррелирует с экспрессивным отрицанием: отрицается даже минимальная вероятность существования подмножества, обозначенного ИГ, или наличия связанного признака, связанного с объектами подмножества.

Все опрошенные указывали, что если контекст понимается как экспрессивный, местоимение *какой-либо* в нем будет приемлемым, в то время как те же примеры, лишённые экспрессии, будут выглядеть как неудачные.

7.2.6. Свойства существительного — вершины именной группы, включающей местоимения *какой-либо*

Местоимение *какой-либо* требует от существительного-вершины именной группы определенных семантических свойств, прежде всего, как уже говорилось, нереферентности [Падучева 2015].

Исчисляемые или неисчисляемые:

В п. 3.1. уже говорилось о том, что в контексте отрицания *какой-либо* с трудом сочетается с существительным в единственном числе, неисчисляемом, без дополнительных условий, лицензирующих употребление этого местоимения.

По данным НКРЯ, местоимение чаще сочетается с исчисляемыми существительными (31), но возможны примеры и с неисчисляемыми, в том числе *singularia tantum* (32). Соотношение примеров с исчисляемым и неисчисляемым существительным — вершиной ИГ в выборке за начало XXI соответственно: 80,7% (247): 19,3% (59).

- (31) *Мне не известно о каких-либо изменениях в позиции российского руководства относительно территориальной принадлежности четырех южно-курильских островов.* («Эксперт», 2014).
- (32) *Первая из них [книга — Ю. К.] после выхода в свет не вызвала какой-либо реакции* [«Вопросы психологии», 2004.02.10]

Абстрактные, предметные, вещественные, собирательные:

Согласно нашей выборке, *какой-либо* под прямым отрицанием преимущественно употребляется с именами абстрактной семантики (82%) (примеры (31), (32), (33)), хотя встречается и с предметными (14%) (пример (34)) и собирательными именами (4%) (пример (35)).

(33) *Эксперты не отмечают каких-либо затруднений в работе рунета 4 марта.* [РИА Новости, 2012.03.04]

(34) *Однако административный, столичный Бонн отнюдь не может похвастать какими-либо архитектурными памятниками.* [В. В. Овчинников. Своими глазами (2006)]

Преобладание абстрактных существительных, очевидно, связано с их склонностью к употреблению в официально-деловой и научной сфере, к нереферентным употреблениям, коррелирующим с семантикой местоимения *какой-либо*.

Существительные других типов (собирательные, вещественные, конкретные) используются в таких контекстах, в которых есть дополнительные условия для употребления местоимения *какой-либо*. Так, в примерах (34), (35) мы видим экспрессию, в (34) рестриктивное определение в составе ИГ, в (35) — сочинение предикатов:

(35) Мы рассматриваем данную ситуацию как маленькую победу. В том смысле, что ответчик больше не настаивает на том, что **нет и не было какого-либо вообще имущества**. [<http://www.rbcdaily.ru/2008/02/04/finance/318368.shtml>, 2008]

В контекстах без дополнительных условий, лицензирующих употребление местоимения *какой-либо*, даже в сочетании с абстрактными исчисляемыми существительными употребление *какой-либо* не всегда воспринимается как безупречное

(36) *Они не принадлежат к какой-либо группе* (КРУТ).

Участники опроса оценили пример (36) по-разному: примерно половина сочла его лучшим вариантом даже по сравнению с похожим примером, включающим определение в составе ИГ. Другая половина сочла его менее удачным, чем пример с определением (ответ 2: не очень хорошо, я так не скажу).

Участники опроса сравнивали этот пример с другим примером, (36а), и выбрали лучший:

(36а) *Они не принадлежат к какой-либо специальной группе*

И только один человек оценил примеры как равнозначно приемлемые.

В целом можно сказать, что наиболее предпочтительно сочетание *какой-либо* с абстрактными исчисляемыми именами. С некоторыми из них *какой-либо* употребляется достаточно устойчиво и образует коллокации:

- *предпринимать какие-либо попытки, чувствовать какие-либо неудобства, испытывать какие-либо затруднения, не предложили каких-либо вариантов; не привел каких-либо аргументов; не высказал каких-либо возражений.*

Однако вызывает вопросы, почему же другие абстрактные, исчисляемые или неисчисляемые, существительные с трудом сочетаются с квантификатором *какой-либо*:

- (37) ?*Не давал **какого-либо** совета/каких-либо советов;*
? *не рассчитывали на **какое-либо** снисхождение;*
- (38) ?*Мы все кровно заинтересованы в том, чтобы из этих регионов не исходили **какие-либо** угрозы и чтобы обстановка там была стабильной.* [«Дипломатический вестник», 2004.07.27]
- (39) ?*Никто не направляет нас на работу и не даёт нам **какого-либо** задания.* [Сочинение девочки по биологии (2003)]

Действительно, что позволяет существительным *попытка, варианты, возражения, опыт, реакция* и др. легко сочетаться с квантификатором *какой-либо*, в отличие от имен *совет, снисхождение, угроза, задание* и др.? Представляется, что ключевым семантическим признаком здесь является наличие идеи качественного разнообразия, качественной неоднородности в значении лексемы или в пресуппозиции высказывания. Иначе говоря, экстенционал слова должен быть широким, потенциально включающим разнородные явления, объединенные общим интенциональным признаком. Идея качественного разнообразия, видимо, наличествует в семантике существительных, свободно и устойчиво употребляющихся с *какой-либо*:

Имеющих форму множественного числа: *варианты, отношения, связь, попытки, изменения, усилия, замечания, возражения, сомнения, комментарии* и других, встречающихся в примерах из НКРЯ.

Имеющих только форму единственного числа: *влияние, поддержка, сочувствие, опыт* и др.

Дело в том, что экзистенциальная, но неопределенная квантификация, осуществляемая с помощью *какой-либо*, предполагает, что множество, обозначенное ИГ с *какой-либо*, понимается как потенциально включающее любые возможные объекты (из которых с помощью *какой-либо* выделяется один или несколько неидентифицированных объектов). В [Падучева 2016: 210] вслед за [Селиверстова 1988: 54–55] специально отмечается, что у всех неопределенных местоимений множество мыслится как состоящее из качественно разнородных объектов. Для местоимений на *-либо* идея разнообразного, качественного неоднородного множества поддерживается и этимологическим принципом свободного выбора.

Поэтому существительное — вершина ИГ с *какой-либо* должно обозначать такое множество объектов, которое мыслится как максимально разнообразное, способное включать самые разные, в том числе непредсказуемые случаи — например, *затруднения* (31) или *изменения* (33).

Если семантика существительного в контексте не предполагает разнообразия, в т. ч. наличия непредвиденных, не определяемых ситуацией объектов или явлений, то существительное с трудом сочетается с квантификатором:

- (40) ?*Не потребовалось **каких-либо** напоминаний, чтобы он сделал обещанное.* (видимо, множество, обозначенное ИГ *напоминания* соотносится

с повторяющимися действиями, а не с качественным разнообразием этих действий. В конкретной ситуации речь идет о напоминании об определенных предметах определенному адресату от определенного адресанта).

- (41) **не получал **какого-либо отказа*** (множество явлений, называемых существительным *отказ*, не предполагает никакого разнообразия)
- (42) [?]*В работе не было сделано **каких-либо выводов**;*
[?]*Нам не поступало **каких-либо новостей**.*
- (43) [?]*Не давал **какого-либо совета/каких-либо советов**;*

Очевидно, отказ, напоминания, выводы, новости, советы мыслятся как действия или явления, определяемые конкретной ситуацией и ее участниками (отказ, напоминания, новости), темой в узком или широком смысле (напоминания, выводы, новости), и не предполагающие принципиально иных, не связанных с ситуацией и темой элементов множества.

Сравним также (43) и (44):

- (44) *Я не жду **каких-либо советов**.*

Пример (44) кажется более удачным, чем (43). Видимо, это объясняется тем, что ситуация получения совета, особенно если она соотносится с моментом речи или с будущим, воспринимается как открытая; множество советов может включать самые разные элементы. Напротив, ситуация, при которых некто дает советы, мыслится как более определенная, не предполагающая значительного разнообразия советов.

Примечательно, однако, что в неотрицательных (но и неутвердительных) контекстах — условных, вопросительных и др., — эти же существительные могут употребляться с *какой-либо*:

- (45) *Если он дал вам **какой-либо совет/какие-либо советы**, постарайтесь ему/им последовать.*
- (46) *В работе были сделаны **какие-либо выводы**? Были ли с их стороны **какие-либо напоминания**?*

Иначе говоря, именно в контексте отрицания идея разнородности потенциального множества оказывается особенно важна. Очевидно, это обусловлено особенностями сочетания отрицания и экзистенциальной квантификации: местоимение *какой-либо* указывает на выбор одного или нескольких неидентифицированных объектов из потенциально существующего разнородного множества, однако в предложении отрицается ассерция наличия у этих объектов тех или иных признаков, в том числе их потенциальное существование [Падучева 2011]. При этом оказывается важным все ли элементы учтены или мог остаться элемент, обладающий признаком. Это существенно именно в ситуациях, в которых множество разнородно и без специального указания останется непонятым, каким элементам множества должен быть приписан признак несуществования, отсутствия, все ли

возможные элементы подпадают под отрицание. Если множество мыслится как однородное, то признак мыслится как распространяющийся на все множество. В таких контекстах нет причин для экзистенциальной квантификации с помощью *какой-либо*, уместнее оказывается отрицательное местоимение (*никакой*), которое вводит универсальную квантификацию:

(43а) *Не давал никаких советов.*

В силу понимания множества, обозначенного ИГ с *какой-либо*, как качественно разнородного, *какой-либо* сочетается с существительными, которые выступают в качестве гиперонимов для широкого и разнообразного ряда гипонимов, и хуже сочетается с гипонимами, в том числе теми, которые выступают, в свою очередь в роли гиперонимов по отношению к существительным — именам собственным:

(47) *Для фуришета не было куплено **каких-либо сладостей**.*

(47а) *Для фуришета не было куплено **каких-либо конфет***

(48) *Пациент не получал **каких-либо препаратов***

(48а) *Пациент не получал **каких-либо абсорбентов**.*

В этой связи примечательно, что в некоторых контекстах допустимость употребления *какой-либо* явным образом зависит от того, усматривают ли участники коммуникации в конкретном контексте прагматическую пресуппозицию потенциального многообразия объектов множества. Так, в примере (49) вершиной ИГ является существительное в единственном; казалось бы, оно не должно употребляться в сочетании с *какой-либо*, поскольку в этом контексте оно выступает в реляционном значении (аудитория по отношению к автору) и с трудом поддается неопределенной квантификации вообще. Однако 52% опрошенных оценили пример как правильный, 38,5% как не совсем приемлемый (и только 9,5% — как неприемлемый). Некоторые из тех участников опроса, которые сочли пример правильным, прокомментировали свое решение так: «Аудитория может быть разной», — очевидно, разделяя понимание и автора примера.

(49) *Однако до определенного времени (во всяком случае, до момента женитьбы, когда автор неосмотрительно доверил свои записи единственной, притом молодой и неискушенной читательнице) Толстой не рассчитывал на **какую-либо аудиторию**. [«Октябрь», 2010].*

В примере (50) идея *потенциального* существования множества различных телекомпаний, желающих работать на 6 канале, вытекающая из предшествующего контекста, легализует использование местоимения *какой-либо*:

(50) *[Соответственно, чтобы кто-то смог вещать на шестой кнопке, нужна лицензия, завоёванная на конкурсе. Иначе — никак]. — Временно, то есть до проведения конкурса, никто не вправе пустить **какую-либо** телекомпанию на «шестую кнопку»... («Известия», 2001.11.29)*

Какой-либо в подобных контекстах выступает в качестве триггера пресуппозиции потенциального множества.

- (51) *Потерпевший поражение от ослеплённого им Василия, Дмитрий Шемяка нашёл приют в Новгороде, где его настигла месть Василия Тёмного: Дмитрий был отравлен по распоряжению московского князя, который вскоре после этого — в 1456 году — совершил военный поход на Новгород. Новгородцам было предписано **не оказывать какой-либо поддержки** сыну Дмитрия Шемяки — Ивану и его союзнику можжайскому князю Ивану Андреевичу.* [В. Янин. Очерки истории средневекового Новгорода].

Отглагольное существительное *поддержка*, *singularia tantum*, в данном случае, очевидно, интерпретируется как множество разнообразных действий в поддержку князя в силу наличия в высказывании прагматической пресуппозиции, которая может быть описана как «новгородцы будут тем или иным способом поддерживать сына Дмитрия Шемяки».

Таким образом, приемлемость сочетания квантификатора *какой-либо* с тем или иным существительным, очевидно, определяется представлениями о степени качественной однородности/неоднородности неопределенного множества, обозначенного ИГ, что требует дальнейшего специального когнитивного исследования.

7.2.7. Разнообразие и количественные параметры

Идея многообразного множества, обозначенного ИГ с квантификатором *какой-либо*, в случае неисчисляемого существительного, в т. ч. *pluralia tantum*, как вершины ИГ в ряде контекстов понимается континуально и оцениваться по шкале «много — мало». Так, слова *смысл, влияние, внимание* употребляются в сочетании с *какой-либо* и даже образуют коллокации:

Не испытывать какого-либо влияния, не видеть какого-либо смысла.

В такого типа контекстах квантификатор *какой-либо* выступает в значении «минимальный», «взятый хотя бы в малейшем количестве», т. е. означает самый низкий уровень прагматической шкалы, по Фоконье [Fauconnier 1975]).

- (52) *Сначала, не встречая **какого-либо сопротивления**, неторопливо Эмре прошёл половину поля с мячом и аккуратно, нежно перебросил мяч через Перуци, попав аккуратно в девятку.* [«Известия», 2002.12.08]

В примере (52) *какой-либо* в составе деепричастного оборота *не встречая какого-либо сопротивления* означает минимальную меру, «малейшая степень из возможного».

В силу значения минимального полюса у местоимения *какой-либо* большинство подобных примеров обладают некоторой долей экспрессивности: *Не вижу какого-либо смысла; невозможность какого-либо диалога*

8. Употребление местоимения *какой-либо* в языке документов

Какой-либо в качестве триггера прагматической пресуппозиции потенциального максимально широкого разнообразия объектов множества используется в языке документов, особенно законов, и в научных текстах (особенно в жанре определения), в которых важно предусмотреть существование разных возможностей, вариантов действий и объектов:

- (53) *Организатор не несет какой-либо ответственности перед участником Конкурса в связи с такими решениями, в том числе в случае дисквалификации победителя Конкурса* [Правила конкурса «Стань участником эстафеты олимпийского огня «Сочи-2014» // «Огонек», 2013]

9. Выводы об употреблении местоимения *какой-либо*

Итоги анализа условий употребления местоимения *какой-либо* в контексте прямого отрицания представлены в Таблице 1:

10. Употребление квантификатора *какой-либо* во второй половине XX в. и в начале XXI в.

Изначально мы предполагали, что в опубликованных текстах 1950–70-х гг. встретятся несомненно допустимые примеры употребления местоимения *какой-либо*, поскольку в ту эпоху перед публикацией тексты тщательно редактировались. Таким образом, мы сможем увидеть письменную, «редакторскую» строгую норму.

Однако наши ожидания не оправдались в полной мере: выборка за 1950–70-х гг. содержит в том числе и стилистически сомнительные примеры:

- (54) *Наполнением поплавка может управлять и сам водолаз. Для этого ему не надо открывать какие-либо краны, достаточно задержать дыхание или сделать 3–4 медленных вдоха.* [«Спортсмен-подводник», 1969]

В то же время интуитивно выборка производит впечатление большего соответствия норме. Отчего складывается такое впечатление и изменилось ли употребление *какой-либо* за последние полвека?

Сравнение выборок показало, что:

1. В речи начала XXI в. не возникло новых типов контекстов, лицензирующих употребление квантификатора *какой-либо*. Во второй половине XX в. квантификатор употреблялся в таких же контекстах, как и в современности.

2. Общее впечатление большего числа «бесспорных» употреблений в выборке за вторую половину XX в., видимо, обусловлен несколькими причинами:

2а. В середине XX в. *какой-либо* чаще употреблялось в контекстах, в которых оно не конкурирует с *никакой*. В начале XXI в. контекстов, допускающих оба местоимения, стало намного больше.

Таблица 1. Контексты, способствующие употреблению местоимения *какой-либо* под отрицанием, и не допускающие такого употребления:

Способствующие употреблению <i>какой-либо</i> в контекстах, в которых невозможно употребление <i>никакой</i>	Способствующие употреблению <i>какой-либо</i> в контекстах конкуренции <i>какой-либо</i> и <i>никакой</i>	Не допускающие употребления <i>какой-либо</i>
		Бытийное предложение
		Вершина ИГ — существительное в единственном числе, особенно <i>Pluralia tantum</i> (если в его семантике или в пресуппозиции высказывания нет идеи максимального многообразия объектов множества)
	Семантика существительного — вершины ИГ или пресуппозиция высказывания содержат идею максимального многообразия объектов множества	
	Согласованное или несогласованное определение в составе ИГ с <i>какой-либо</i>	
	Эспрессивные контексты	
	Сочинительные конструкции	
	Неутвердительные контексты, лицензирующие местоимения отрицательной полярности	
	Кумулятивное отрицание (наличие в предложении с <i>какой-либо</i> , помимо отрицания, также и отрицательного местоимения)	
Конструкции противопоставления	Конструкции противопоставления	

Так, в выборке В (1950–70-е гг.) 38% (91 из 240) примеров, допускающих оба местоимения. В выборке А (начало XXI в.) — 85,3% (261 из 306) примеров, допускающих оба местоимения.

2б. В выборке В (1950–70-е гг.) в контекстах, в которых нет специальных условий, лицензирующих употребление местоимения *какой-либо*, идея потенциального многообразия в семантике ИГ достаточно очевидна.

(55) *Длительное время район занимает одно из последних мест в Витебской области по производству молока. Нынешний год не принес каких-либо сдвигов.* [«Сельская газета», 1966.10.22].

(56) *Я цитирую то, что не только написал, но и напечатал сам Юрий Олеша. Я делаю это для того, чтобы у читателей не возникло каких-либо*

сомнений относительно неправильно понятых обязанностей членами комиссии по литературному наследству... [Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеся / Смерть поэта (1958–1968)]

В выборке А (за начало XXI в.) оказалось больше примеров, в которых только широкий контекст может показать, имелась ли пресуппозиция потенциального широкого разнообразия явлений/объектов.

11. Заключение

Таким образом, мы выяснили, что местоимение *какой-либо* может употребляться в контексте прямого отрицания при наличии хотя бы одного из ряда условий, большая часть которых так или иначе связывает возможность употребления квантификатора с наличием множества в прагматической пресуппозиции высказывания или в семантике существительного — вершины именной группы идеи разнообразия, разнородности объектов квантифицируемого. Поэтому, в частности, в контексте отрицания без других дополнительных условий *какой-либо* сочетается с именами, имеющими широкий и неоднородный экстенционал, и не сочетается с именами, которые обозначают достаточно однородное множество, не предполагающее подмножеств, ограниченных тем или иным признаком, или непредсказуемых, не обусловленных ситуацией элементов.

Особым типом контекста, безусловно лицензирующим употребление квантификатора *какой-либо*, является экспрессивный контекст, в котором идея многообразия может реализовываться количественно; квантификатор *какой-либо* под отрицанием выражает минимальный уровень прагматической шкалы [Fausonnier 1975; Haspelmath 1997, p. 116–117].

В то же время в контексте отрицания вне специальных условий употребление *какой-либо* оказывается мало приемлемым. Так, не свойственно современной русской речи и воспринимается как ошибочное употребление квантификатора в бытийных предложениях при существительном — вершине именной группы, стоящем в единственном числе (особенно *pluralia tantum*), если существительное не обладает широким экстенционалом, а высказывание не имеет в пресуппозиции идеи многообразия объектов, обозначенных именной группой.

Литература

Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // RES PHILOLOGICA. Памяти акад. Г. В. Степанова (1919–1986). М.—Л.: Наука, 1990. С. 50–71.

Богуславский И. М. Модальность, сравнительность и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 27–51.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 тт. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.

Ефремова Т. Ф. (ред.) Новый словарь русского языка. Толковый и словообразовательный. В 2 тт. М.: Русский язык, 2000.

Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.

Корпус русских студенческих текстов. Доступ: http://web-corpora.net/learner_corpus

Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М.: Диалог — МГУ, 1998.

Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 342–387.

Падучева Е. В. Отрицание. 2011. // Русская корпусная грамматика. Доступ: <http://rusgram.ru/Отрицание#4>

Падучева Е. В. Местоимения отрицательной полярности. 2015 // Русская корпусная грамматика. Доступ: <http://rusgram.ru/index>

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: URSS, 2016.

Перцов Н. В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике: сб. ст. / Под ред. Н. В. Перцова. М., 1996.

Петрищева Е. Ф. К вопросу о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. 1967. № 8. С. 34–41.

Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.

Fauconnier G. Pragmatic scales and logical structures. *Linguistic Inquiry* 6. 1975. P. 353–375.

Haspelmath M. Coordination // Shopen T. (ed.) *Language typology and syntactic description*, vol. 2. Cambridge, 2007.

Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997).

Kuvshinskaya Y. M. Russian indefinite pronoun *kakoj-libo*: non-standart usage and changes in the semantics // *Jazykovedny Casopis*. 2019. No. 2. P. 225–233.

Veyrenc J. *Kto-nibud'* et *kto-libo* formes concurrentes? // *Revue des études Slaves*. 40. 1964. P. 224–233.

Ward D. On Indefinite Pronouns in Russian // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 55. No. 4. Oct., 1977. P. 444–469.

Yu. M. Kuvshinskaya
National Research University «Higher School of Economics»
(Russia, Moscow)
y kuvshinskaya@hse.ru

USE OF THE INDEFINITE PRONOUNS OF THE *-LIBO* SERIES IN THE CONTEXTS OF THE DIRECT NEGATION

The paper deals with the use of indefinite pronoun *kakoi-libo* in the context of the direct negation. The question of the permissibility of such use of these pronouns remains controversial. Based on the material of two samples from the National Russian Corpus (contemporary speech and the speech of the second half of XX century) and with the involvement of experimental data (the survey of native speakers) the acceptability of *kakoi-libo* in the context of direct negation is examined. The conditions which license the use of *kakoi-libo* in direct negation as well as the conditions under which do not permit the use of the pronoun are described. The author comes to the conclusion about the significance of the idea of diversity of a set denoted by a noun phrase, for the possibility of using a quantifier in the context of direct negation.

Keywords: Russian language, negation, indefinite pronouns, *kakoi-libo*, corpus studies

References

- Apresyan Yu. D. [The language anomalies: types and functions]. *RES PHILOLOGICA. Pamyati akad. G. V. Stepanova* (1919–1986) [RES PHILOLOGICA. In memory of the academician G. V. Stepanov]. Moscow-Leningrad, “Nauka” Publ., 1990, pp. 50–71. (In Russ.)
- Boguslavskii I. M. [Modality, comparability and negation]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2001, no. 1, pp. 27–51. (In Russ.)
- Corpus of Russian Student Texts. URL: http://web-corpora.net/learner_corpus (In Russ.)
- Gorbachevich K. P. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Posobie dlya uchitelei* [Norms of the modern Russian literary language. Manual for teachers]. Moscow, “Prosveshchenie” Publ., 1978. (In Russ.)
- Efremova T. F. (ed.) *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovyi i slovoobrazovatel'nyi* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming]. V 2 tomakh. Moscow, “Russkii yazyk” Publ., 2000. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Russian Language Dictionary]. Moscow, “Russkii yazyk”: “Poligrafresursy” Publ., 1999. (In Russ.)
- Fauconnier G. Pragmatic scales and logical structures. *Linguistic Inquiry* 6, 1975, pp. 353–375.
- Haspelmath M. Coordination. Shopen T. (ed.) *Language typology and syntactic description*, vol. 2. Cambridge, 2007.

Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Itskovich V. A. *Yazykovaya norma*. [Language norm]. Moscow, “Prosveshchenie” Publ., 1968. (In Russ.)

Kukushkina O. V. *Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pis'mennykh tekstakh*. [The main types of speech failures in Russian written texts]. Moscow, “Dialog — MGU” Publ., 1998.

Kuvshinskaya Y. M. Russian indefinite pronoun *kakoj-libo*: non-standart usage and changes in the semantics. *Jazykovedny Casopis*, 2019, no. 2, pp. 225–233.

Nichols J. [Case variants of predicate nouns in Russian grammar]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Issue 15. Moscow, “Progress” Publ., 1985, pp. 342—387. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Negation]. 2011. *Russkaya korpusnaya grammatika*. [Russian Corpus grammar]. URL: <http://rusgram.ru/Отрицание#4> (In Russ.)

Paducheva E. V. [Pronouns of negative polarity]. 2015. *Russkaya korpusnaya grammatika*. [Russian Corpus grammar]. URL: <http://rusgram.ru/index> (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu*. [The utterance and its correlation with reality]. Moscow, “URSS” Publ., 2016. (In Russ.)

Pertsov N. V. [On some problems of modern semantics and computational linguistics]. *Moskovskii lingvisticheskii al'manakh. Spornoe v lingvistike* [Moscow Linguistic Almanac. Controversial in linguistics] / Ed. by N. V. Pertsov. Moscow, 1996. (In Russ.)

Petrishcheva E. F. [To questions about the criteria of normativity]. *Voprosy kul'tury rechi*. [Issues of speech culture]. 1967, no. 8, pp. 34–41. (In Russ.)

RNC — The Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

Seliverstova O. N. *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in language and speech]. M.: “Nauka” Publ., 1988. (In Russ.)

Veyrenc J. *Kto-nibud' et kto-libo formes concurrentes?* *Revue des études Slaves*, 40, 1964, pp. 224–233.

Ward D. On Indefinite Pronouns in Russian. *The Slavonic and East European Review*, vol. 55, no. 4, oct., 1977, pp. 444–469.

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

galinak03@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В МЕСТОИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ: МНОГО КТО / ЧТО VS. МНОГО КОГО / ЧЕГО

Рассматриваются местоименные конструкции *много кто / много что / мало кто / мало что*, которые не имеют однозначной интерпретации в лингвистике. В статье обсуждается альтернатива в позициях подлежащего и прямого дополнения: именительный / винительный *много (мало) кто / что* VS. родительный *много (мало) кого / чего*: **Много что** изменилось VS. **Много чего** изменилось

Формулируются возможные причины употребления родительного падежа на месте именительного / винительного: влияние грамматических правил (например, альтернатива при отрицании: *Читает газеты vs. Не читает газет*); влияние разговорного родительного (*Чего случилось?; Чего принес?*); влияние количественной конструкции (*много людей, мало воды*), где количественное управляет родительным.

Ключевые слова: местоимение, конструкция, родительный падеж

1. Местоименные конструкции с компонентами *много / мало*

В русском языке существуют разные серии неопределенных местоимений (с формантами *кое-, -то, -нибудь*); в том числе — производных (*кто / что / где / какой... хочешь (попало; положено)*; *неизвестно кто / что / где / какой... и под.*), которым посвящена большая литература, ср., например, [Ермакова 1996], [Иомдин 2010], [Кустова 2016; 2017], [Падучева 2011; 2015а; 2014б], [Тестелец, Былинина 2005], [Фисун 2013; 2016], [Bylinina, Testelecs 2004], [Iomdin 2005]; о местоимениях ср. также [Булыгина, Шмелев 1997], [Татевосов 2002; 2004], [Шведова 1998], [Шмелев 2002], [Alexiadou et al. 2000], [Haspelmath 1997]. Некоторые из этих классов в литературе рассматриваются как результат редукции исходной структуры. В работе [Тестелец, Былинина 2005] обсуждаются два класса — амальгамы (местоименные конструкции на основе слусинга: *неизвестно когда; не знаю кто; все равно куда*) и квазирелятивы (местоименные конструкции на основе безвершинных относительных придаточных: *что хочешь, куда попало, кто угодно, как получится...*).

Конструкции с компонентами *мало*, *много*, *редко* тоже образуют серии: *много кто / что / какой / где* и т. д. (*Они много к кому обращались, но редко кто помогал, да и мало чем здесь можно помочь*). Однако эти конструкции пока еще не были предметом специального исследования, а лишь упоминались в литературе в ряду других конструкций.

Так, в работе [Апресян, Иомдин 1989 / 2010] конструкция *мало кто* сопоставлялась с конструкциями *негде спать*, *некого спросить* (и те и другие «разрываются» предлогом: *Не у кого спросить / Не с кем поговорить; Мало у кого спрашивал / Мало с кем говорит*). Аналогичная конструкция *много кто (что)* не упоминалась (в 1989 г., когда была впервые опубликована эта знаменитая работа Ю. Д. Апресяна и Л. Л. Иомдина, еще не было НКРЯ; кроме того, конструкция *много кто*, которая и сейчас воспринимается как более разговорная, в 1980-е гг., возможно, не рассматривалась как относящаяся к литературному языку). В более поздних работах [Иомдин 2010]; [Никунласси 2008] интересующая нас группа местоименных конструкций уже включает серию *много кто / что...*

Ни по поводу происхождения, ни по поводу синтаксической организации оборотов *мало / много кто* не существует единого мнения. Разные авторы предлагают разные трактовки синтаксической структуры *мало / много / редко кто*.

Л. Л. Иомдин [2010] упоминает эти конструкции в контексте оборотов типа *неизвестно кто*, *черт знает кто* и под. синтаксических фразем, которые заканчиваются К-словом (и которые он, в отличие от [Тестелец, Былинина 2005], не называет амальгамами). Л. Л. Иомдин выделяет три группы конструкций: (1) *много / мало кто*, (2) *редко кто* и (3) *абы кто / хоть кто / лишь бы кто*. Все они рассматриваются как конструкции с двумя синтаксическими вершинами (в конструкции *мало кто знает* К-слово *кто* зависит «от *знает*, будучи подлежащим при нем, и одновременно должно быть «фраземным» зависимым от *мало*, отражая тем самым единство фраземы» [Иомдин 2010: 155]), т. е. *мало / много / редко* считаются самостоятельными синтаксическими элементами.

А. Никунласси [2008], напротив, приравнивает элементы *мало* и *много* к частицам и включает конструкции *мало / много кто* в группу местоимений с частицами *ни* и *кое-*, однако задача его работы — рассмотреть обороты *мало кто / что*, *много кто / что* не сами по себе, а как опорные компоненты приместоименных придаточных, ср.: *Прежде были довоенный «Неизданный Хлебников», «имковский» «Неизданный Гумилев» и еще много кто, кого издавали после кончины и с большими трудностями; Даже за плату и в качестве эксперимента вы мало кого найдете, кто согласится прокатиться в метро в марлевой повязке...* Оба автора рассматривают обороты только с субстантивными местоимениями: *мало / много кто / что* [Никунласси 2008]; *мало / много / редко кто* [Иомдин 2010]. В [Бульгина, Шмелев 1997], а позднее в [Никунласси 2008] упоминается также семантическое и коммуникативное сходство оборотов *мало какие / мало кто с немногие*, соответственно *мало что* — с *немногое*.

В данной работе будут обсуждаться некоторые грамматические и семантические свойства оборотов с компонентами *много* и *мало*. Мы будем рассматривать

четыре субстантивные конструкции: *много что*, *много кто*, *мало что*, *мало кто*. Серия *редко* __ рассматриваться не будет.

Мы будем называть единицы *много что*, *много кто*, *мало что*, *мало кто* и неопределенными местоимениями (по аналогии с *неизвестно кто*, *что попало*, *где угодно* и под.), и местоименными конструкциями, т. к. они проявляют оба набора свойств.

Сразу оговоримся, что в Корпусе преобладают конструкции *мало* ____. У конструкции *мало кто* в основном корпусе более 4 тыс. вхождений, у *много кто* — чуть больше 80 вхождений, причем в XIX в. — всего 6 примеров, самый старый — 1847 г.: *За него некому заступиться, не много кто его любит, а больше все зовут чудаком, иные даже боятся* [А. В. Дружинин. Полинька Сакс (1847)] (пример сомнительный, т. к. *много* употреблено с отрицанием: *не много кто*).

Преобладание серии *мало* __ объясняется тем, что конструкции *мало кто* / *что* более нейтральные, они давно освоены языком, в том числе литературным (наряду с конструкциями *редко кто* / *что*), встречаются как в устной речи, так и в письменных текстах — в том числе, по данным НКРЯ, широко представлены в текстах XIX века.

Конструкции *много кто* / *что* более разговорные, эта серия меньше освоена языком, в корпусе, т. е. в текстах художественной литературы и прессы, они пока немногочисленны. В последнее время наблюдается значительный рост употреблений конструкции *много* ____, однако поскольку они встречаются, главным образом, в устной речи (в том числе, например, в видеоблогах) и в языке интернет-коммуникации, то статистикой НКРЯ отражаются в меньшей степени, чем *мало* __.

Что касается происхождения, конструкции *мало* / *много кто*, как и многие другие производные местоимения, можно было бы считать результатом редукции некоторой исходной структуры:

(1а) *Индивидуальный туризм есть, но у нас мало тех, кто может за него заплатить* [«Известия», 06.08.2001]

(1б) *У нас мало кто может за него заплатить.*

Встречаются даже реальные предложения, где соседствуют местоименная пара и редуцированная конструкция:

(2) *Много кто видел Акрополь — но много ли найдется тех, кто видел колонны и парадные лестницы персепольской ападаны?* [Л. А. Данилкин. Суперперсы (2016)]

Однако конструкции *кто* и *что*, с чем мы неоднократно будем сталкиваться, несимметричны: если *много тех, кто видел* и *много кто видел* могут претендовать на исходную и конечную форму преобразования (редукции), то, например, *много что случилось* не выглядит как (естественное) сокращение конструкции «*много того, что случилось*». С трудом соотносятся также ¹*Мало того, что случилось...* → *Мало что случилось*; ²*Мало того, что я знаю...* → *Я мало что знаю*. Возможно, этому мешает оборот *мало того, что ... Р, так ... Q* (*Мало того, что ты опоздал, так ты еще и документы забыл*).

При этом благоприятные условия для редукции есть только в позиции подлежащего: *Много (мало) тех, кто пришел* → *Много (мало) кто пришел*, но непонятно, как такой процесс мог бы происходить в позиции дополнения: (а) *Там директор много что собрал — вазы, монеты, три статуи* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] — (б) **Директор много того, что собрал*; предложение: (в) *Было много того, что собрал директор* — семантически не эквивалентно (а).

С другой стороны, неправильная (с точки зрения современной нормы) пунктуация вроде такой:

- (3) *А такая жизнь — с большими запретами: очень много, чего нельзя* [А. М. Ремизов. Знамя борьбы (1905–1917)]
- (4) *Именно, обособление Бога от Проявленной Природы и порождает все ошибки, все страшные противоречия. Так мало, кто задумывается серьезно над понятием Вездесущности Бога* [Е. И. Рерих. Письма в Европу (1931–1935)]

— показывает, что носители языка, возможно, все-таки соотносят *мало кто / что*, *много кто / что* с «полными» местоименными конструкциями: *много того, чего нельзя*; *мало тех, кто задумывается*.

По своим системным связям конструкции *много (мало) кто / что* соотносятся (I) с местоимениями *никто, кое-кто, все (ничто, кое-что, всё)*; (II) с кванторными словами *многие / немногие / многое / немногое*.

(I) Компоненты *мало / много* в литературе не случайно рассматриваются как частицы типа *ни* или *кое-* в составе местоимений. По структуре, семантике и отдельным свойствам конструкции *много кто* естественным образом встраиваются в ряд: *никто — кое-кто — мало кто — много кто — все*; аналогично: *ничто — кое-что — мало что — много что — всё*. Конструкции *мало / много кто (что)* выглядят как компенсация соответствующих позиций на этой шкале.

Есть признаки грамматикализации *много / мало* и превращения их в частицы.

Первый. Компоненты *мало* и *много*, подобно *ни-* и *кое-*, отделяются предлогами: *ни у кого — мало у кого — много у кого*; *кое с чем — мало с чем — много с чем*.

Важно заметить, что другие производные местоимения тоже разрываются предлогом: *неизвестно у кого* (*у *неизвестно кого*); *черт знает с кем* (*с *черт знает кем*).

Второй. Конструкция разрывается не только предлогом, что неизменно отмечается в литературе, но также (о чем не упоминается) вопросительной частицей *ли* (пока таких примеров в НКРЯ нашлось только 3):

- (5) *В воскресенье собираются сделать вечер. Да много ли кто будет?* [К. А. Березкин. Дневник (1949)]
- (6) *Много ли кто вспомнит полное имя тренера — Аденор Леонардо Бакии?* [Ведомости, 2018.06.10]
- (7) *Самым продаваемым синглом оказалась песня «Call Me Maybe» (интересно, много ли кто слышал ее у нас)* [Комсомольская правда, 27.02.2013]

ЗАМЕЧАНИЕ. оборот *мало ли кто / что* (— *Я хочу уехать — Мало ли что ты хочешь*) не учитывается, т. к. имеет другую семантику и представляет собой отдельную фразу.

Третий. *Много* и *мало* в составе конструкции не сохраняют форм компаратива: *Мало кто пришел вчера, еще *меньше кто пришел сегодня* (ср. квантитатив: *Мало народу было вчера, еще меньше народу будет сегодня*).

При этом сходство *мало / много кто* с отрицательным *никто* и неопределенным *кое-кто* неполное. Есть данные и в пользу неокончательной грамматикализации элементов *много / мало*.

Во-первых, в отличие от идиоматичного значения *кое-, много / мало* сохраняют исходное лексическое значение количества.

Во-вторых, *много / мало* сохраняют способность сочетаться с показателями степени.

По данным НКРЯ, наибольшее количество сочетаний — с нейтральным *очень* (см. таблицу):

- (8) *Поэтому я сейчас, в своих воспоминаниях, очень мало что могу рассказать конкретно* [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)]
- (9) *Эта большая игра существует в угоду руководителям, теневым людям и еще очень много кому* [Советский спорт, 2009]

с другими показателями степени (*довольно, так*) встречаются лишь единичные примеры:

- (10) *Что мы имѣем здѣсь дѣло именно съ диктатурой, довольно мало кѣмъ отрицается, хотя попытки Сталина пустить кое-кому пыль въ глаза*

	Основной корпус	Газетный корпус
Мало КТО		
Очень мало кто	35	63
Довольно мало кто	1	0
Так [= 'очень'] мало кто	2	1
Много КТО		
Очень много кто	0	5
Довольно много кто	0	0
Так [= 'очень'] много кто	0	0
Мало ЧТО		
Очень мало что	22	33
Довольно мало что	0	2
Так мало что	1	1
Много ЧТО		
Очень много что	14	51
Довольно много что	1	1
Так [= 'очень'] много что	3	2

и удались [Подсовѣтская жизнь на рубежѣ 1936 года // Вѣстник Общества Галлиполійцевъ № 32, 1936]

- (11) — *Проце говоря, личное счастье и творчество несовместны? — Совместны, но это бывает так редко! Ведь мы все живем на уровне обладания телом. И так мало кого интересует таинство* [Роман Виктюк: «Воруйте меня!» // Аргументы и факты, 2000]

(II) Местоимения *много* ___ / *мало* ___ коррелируют с количественными субстантивами: *много кто* — *многие*; *много что* — *многое*; *мало кто* — *немногие*; *мало что* — *немногое*. При этом субстантиваты (*не*)*многие* и (*не*)*многое* — более книжные единицы, чем более нейтральные *мало кто* / *что*. Для *много кто* / *много что* стилистическое расхождение с *многие* / *многое* еще сильнее: *много кто* и *много что* — более разговорные конструкции даже по сравнению с *мало кто* и *мало что*, а тем более по сравнению с книжными *многие* и *многое*. Можно считать, что серия *много* (*мало*) *кто* / *что* отвечает потребности говорящих иметь более разговорные аналоги книжных *многие* / *немногие* и *многое* / *немногое*.

Отсюда вторая версия формирования конструкции *много кто* — через промежуточную ступень контаминированных конструкций, состоящих из (*не*)*многие* / (*не*)*многое* + *кто* / *что* (*многие кто*, *многое что* и под.): говорящий, переходя к *много что*, еще не отказался от *многое*. Впрочем, такая конструкция не обязательно является переходным звеном, она может быть просто разговорным вариантом *много* (*мало*) *кто* / *что*. Примеров в корпусе для окончательных выводов недостаточно, но сами контаминированные конструкции встречаются.

Больше всего примеров с *многое что*:

- (12) *За это время многое что удалось вычитать* [По итогам Нижегородской Городской... (2014)]
- (13) *Я многого чего не знала, вот в эти дни узнала...* [Комсомольская правда, 2013]
- (14) *Связей у него много старых, купцы ему доверяют, через него в контакт с ними ходишь. От него многому чему Володя научился* [А. М. Коллонтай. Василиса Малыгина (1927)]
- (15) *И любите друг друга, помогите обоюдно всем, чем можете, а ведь сердце человеческое может многим чем помочь* [Н. К. Рерих. Листы дневника (1944)]
- (16) *Голова его над многим чем испытывала свои силы* [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790)]

Конструкций *многие кто* существенно меньше. Возможно, это объясняется тем, что у этой конструкции возникает конфликт при выборе между ед. ч. *многий* и мн. ч. *многие*, ср.: *многим кому помог* и *многому кому помог*. В корпусе обнаружены только примеры с множественным числом:

- (17) *А многие кто и работать туды поустроились, председатель наш аж за голову взялся* [Юрий Казаков. Легкая жизнь (1962)]

- (18) *Стала съ нимъ разговаривать и вижу, что онъ и лавочника нашего знаетъ, и **многихъ** кого изъ нашихъ* [Н. А. Лейкин. В родильном приюте (1903)]

У *мало* нет семантически коррелятивного однокоренного прилагательного, поэтому в качестве кванторной части конструкции могут выступать только *немногое / немногие*.

У конструкции *немногое что* в корпусе обнаружилось около двух десятков вхождений, при этом все они в творит. падеже, ср.:

- (19) ***Немногим** чем зверь отличается от человека, **немногим*** [В. П. Правдухин. Годы, тропы, ружье (1930)]

У конструкции *немногие кто* — одно вхождение в дат. падеже:

- (20) ***Немногим** кому известно, что он был некогда невольной причиной перемены в наших орденских постановлениях* [М. А. Корф. Записки (1838–1852)]

2. Падеж местоименной части конструкции

Главный вопрос, который мы рассмотрим, — падеж местоименной части конструкции.

Если рассматривать конструкцию *много (мало) кто / что* как целостную единицу — как производное местоимение типа *неизвестно кто / что* или как полный аналог отрицательных или неопределенных местоимений *никто / ничто, кое-кто / кое-что*, то падеж местоименной части будет определяться синтаксической ролью *мало кто (что) / много кто (что)* как целостной синтаксической единицы. При этом *мало / много* как частицы остаются неизменяемыми, а *кто / что* склоняются. Падеж местоименной части может управляться глаголом: *много **чему** научился, много **чем** занимался, много **о чем** пишет; много **в чем** признался* — либо быть так называемым структурным падежом [Лютикова 2017: 48–75], именительным (подлежащее): *И брат покойной Линды пришел, и Ринго Старр, и **много кто** еще* [«Домовой», 04.12.2002]; *И **много что** еще не рассекречено* [«64 — Шахматное обозрение», 15.06.2004] — или винительным (прямое дополнение): *Она была себе на уме, **много кого** отталкивала* [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]; *Там директор **много что** собрал — вазы, монеты, три статуи* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Нас будут интересовать именно позиции подлежащего и прямого дополнения. В этих позициях обнаруживается вариативность в падежах местоименной части конструкций: наряду с «правильными» падежами — именительным и винительным здесь встречается родительный: *Много **что** случилось vs. Много **чего** случилось; Мало **что** помню vs. Мало **чего** помню*.

НЕОДУШЕВЛЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ: *много (мало) что / чего*
ПОДЛЕЖАЩЕЕ.

*МНОГО ЧТО: Но еще **много что** может случиться* [Н. М. Амосов. Дневник (1985)]

МАЛО ЧТО: *Кое-какие препараты я ему ввела, но у нас мало что есть* [Александра Маринина. Мужские игры (1997)]

МНОГО ЧЕГО: *За войну много чего случилось — все не упомнишь* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)]

МАЛО ЧЕГО: *Потом уж мало чего осталось в памяти у Афони* [Владимир Личутин. Вдова Нюра (1973)]

ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ.

МНОГО ЧТО: *Ох, и поговорим, когда война закончится, много что придется потом объяснять друг другу* [Елена Родченкова. Ночные фиалки // «Ковчег», 2015]

МАЛО ЧТО: *Я еще мало что понимала во всем происходившем вокруг, но чувствовала, что в жизнь людей вошел какой-то страх* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

МНОГО ЧЕГО: *Много чего рассказывали про каменный корабль* [Б. С. Житков. Элчан-Кайя (1926)]; *Я много чего читал, не помню* [«Дальний Восток», 2019]; *Все много чего обещают, а на деле — почти ничего* [«Сноб», 2018]

МАЛО ЧЕГО: *А мы мало чего знаем* [Наши дети (форум) (2005)]

ОДУШЕВЛЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ: *много (мало) кто / кого*

Поскольку у одушевленного *кто* Вин. и Род. совпадают, позиция дополнения не является показательной. Поэтому мы рассматриваем только позицию подлежащего.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ.

МНОГО КТО: *Да, Петя, много кто еще был там, в Роттердаме* [«Октябрь», 2001]; *А в доме этом /.../ ещё и Союз писателей, так что там много кто фотографировался* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

МАЛО КТО: *Теперь уже мало кто помнит приезд Оскара Питерсона в Москву в октябре 1975 года* [«Вечерняя Москва», 2002.03.14]

МНОГО КОГО: *Кастет, Лопух, Рыжий... Там много кого!* [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]; *Во тьме есть много кого еще* [Сергей Соломаха. Фантастический рассказ. «Голод» // Юный техник, 2010]; *Обижать-то бабу много кого найдется, а пожалеть некому* [Н. С. Лесков. Житие одной бабы (1863)]

Много кого звучит менее нормативно (более разговорно), чем *много чего*, и примеров подлежащего *много кого* в корпусе относительно немного (6 вхождений), тем не менее вариативность *много кто* vs. *много кого* встречается даже у одного автора:

(21) *На Чусовой есть «Баба Яга», «сокол», «конёк», «олень», «курица», «медведь» и много кто ещё* [Алексей Иванов. Message: Чусовая (2007)].

(22) *Да много кого было на Чусовой, начиная от профессиональных нищих — калик и юродивых, заканчивая скрывающимися мятежниками и разбойниками* [Алексей Иванов. Message: Чусовая (2007)].

МАЛО КОГО: Павловск и Пушкин эвакуируются. Немцы вывозят все население до одного человека. Хотят вывезти, но теперь уже мало кого осталось [Л. Т. Осипова. Военный дневник (1941–1945) // 2002]; *А сейчас гляжу — из наших уже мало кого осталось* [Комсомольская правда, 2005.04.25]; — *Сейчас из старожилков мало кого осталось, — продолжает Александр. — Многие старики умерли, а молодежь в столицу перебралась* [Труд-7, 2007.09.05]; *В настоящее время здесь /.../ располагается оптовая компания и оптовый же склад, мало кого из персонала осталось* [Марина Зосимкина. Ты проснешься (2015)]

Примеров с *мало кого* в корпусе встретилось еще меньше, чем с *много кого*, причем — только с глаголом *осталось*. Конструкции *мало кого* в позиции подлежащего (*Мало кого осталось*) противоречат литературной норме, да и в разговорном языке их едва ли можно считать освоенными. Сочетание *мало кого осталось*, возможно, объясняется влиянием сочетания *никого не осталось*. С другими глаголами (**Мало кого пришло*; **Мало кого согласилось*; **Мало кого гуляет*) примеров не обнаружено, что, очевидно, не случайно, т. к. эти глаголы и с отрицательным местоимением *никто* не допускают Род.: ?*Никого не пришло*; **Никого не согласилось*. Поэтому дальше мы будем рассматривать только конструкцию *много кого*, которая более широко представлена в НКРЯ.

Для вариативности Им.-Вин. VS. Род. возможны разные объяснения.

Первое: компонент *много / мало* сохраняет статус частицы и не влияет на падеж местоименной части, тогда родительный — результат альтернативации, и мена именительного / винительного на родительный в позициях подлежащего и дополнения объясняется какими-то контекстными условиями. Такой родительный будем для краткости называть альтернативным.

Вторая версия — «разговорный» родительный (стилистически сниженный).

Третья версия: *много / мало* в этих позициях могут выступать как обычные квантитативы — неопределенно-количественные числительные, ср.: *сколько минут — много гостей — мало времени*, тогда *много чего, мало чего* — это «законный» родительный, которым управляет квантитатив. Такой родительный будем называть управляемым.

Ниже мы обсудим эти версии. Поскольку неодушевленная и одушевленная конструкции несимметричны, будем рассматривать их отдельно.

3. Альтернативный родительный.

НЕОДУШЕВЛЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ: *много (мало) что / чего*

Рассмотрим гипотезу, что *много / мало* аналогичны частицам *кое-что (кое-кто)* или *ничто (никто)* и не влияют на выбор падежа местоименной части. Тогда мену Им. / Вин. → Род. (*много что* → *много чего*) необходимо объяснить какими-то внешними контекстными условиями. Условия, в которых в русском языке может происходить мена Им. / Вин. на Род., хорошо известны.

В позиции прямого дополнения мена Вин. на Род. возможна:

- при отрицании, ср.: *Читает книги — Не читает книги; Сказал кое-что — Не сказал кое-чего* (см. [Русская грамматика 1980, §§ 2667–2668]), ср. примеры из НКРЯ: *Этот аноним ничего не писал, но, вероятно, читал переписку* [NEWSru.com, 09.03.2021]; *В вашей политике многие кое-чего не понимают* [Vesti.ru, 21.02.2009]).

Примеры нашей конструкции с отрицанием в Корпусе встречаются (ср.: *Много чего еще я не делала год назад* [Запись LiveJournal (2004)]), однако даже в контексте отрицания встречаются и примеры со *что*: *Тогда Квардаков отвечал за коррупцию на должности главы районной ФСБ и, оказывается, много что «не знал»...* [Комсомольская правда, 16.04.2013].

- В конструкциях со значением **большого количества** (*пилил дрова — напил дров*): — *Уж это я знаю, — сказал Мазур. — Кое-чего хватался, странствуя по свету...* [А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)]

Родительный большого количества обычно выражается при глаголах с соответствующей семантикой (соответствующих способов действия): *начитался всяких ужасов, наслушался небылиц*. В корпусе есть единичные примеры с такими глаголами, ср.: *Окрыленные ее восторгами, мы много чего ей понарасказывали* [Наринэ Абгарян. Всё о Мантоне (2012)], однако в большинстве случаев родительный встречается в контексте «обычных» глаголов, в том числе — с компонентом *мало*, т. е. в отсутствие идеи большого количества: *Я в нынешней жизни мало чего понимаю* [Труд-7, 13.07.2001].

- В конструкциях со значением **небольшого количества, части** или неопределенного количества, ср.: *выпил воду — выпил воды; Хочешь пойти со мной в садоводство, купить цветов для тети Мари?* [И. Грекова. Под фонарем (1963)]; *Пехота, — сказал танкист с высоты танка и откусил колбасы* [Г. Я. Бакланов. Южнее главного удара (1957)].

При этом не существует никакого жесткого правила замены Вин. на Род. со значением неопределенного количества, и невозможно перечислить случаи, когда она возможна или необходима. Напротив, существует масса ограничений на употребление родительного ср.: *Поел рыбы — Ел *рыбы; Выпил кофе, почитал *газет; Прогулялся по городу, посмотрел *домов; Случайно разлил *воды*. Тем более непонятно, каковы механизмы такой замены в местоименных конструкциях.

В позиции подлежащего мена именительного падежа на родительный (с точки зрения традиционной грамматики такой родительный уже не подлежащее, а просто субъект, но мы будем для единообразия называть его подлежащим) бывает в аналогичных условиях:

- при отрицании: *Письма были — Писем не было*; однако при отрицании встречается не только родительный: *Конечно, много чего мне не нравилось* [Афиша Daily, 2017], но и именительный: *Много что не оплачено*,

зачем она полетела? [Елена Родченкова. Евления // «Дальний Восток», 2019];

- при выражении значения **большого количества**: *Дела накопились — Дел накопились!*; *А шуму-то, шуму!*, однако Род. встречается не только с *много* (**Много чего случилось**), но и с *мало*: *Вообще мало чего показывалось в прямом эфире* [«Пятое измерение», 2002].

Таким образом, как видно из примеров, и в позиции прямого дополнения, и в позиции подлежащего никаких специальных грамматических или семантических условий для мена Вин. / Им. → Род. может и не быть (и даже чаще всего нет), а сам родительный есть. Им.-Вин. и Род. могут встречаться в одних и тех же условиях, при одних и тех же глаголах:

- (23) а. *Преподаватели остались при деле: они много что знали о способах донесения информации и умели преподавать* [Труд-7, 12.09.2008]
б. *Я много чего знаю из мировой истории* [Комсомольская правда, 17.01.2013]
- (24) а. **Мало что изменилось** здесь с довоенных лет [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
б. *Во дворе кружатся мужики, вспоминают, радуются тому, что мало чего изменилось* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]

Попутно заметим, что конструкция *много что* семантически близка субстантиватам *всякое, разное, многое* и под. Однако эти субстантиваты ведут себя иначе: у них Род. употребляется лишь в «тривиальных» случаях — например, в позиции дополнения при глаголах с количественной семантикой:

- (25) *Направление южное, оживленное, и все здесь всякого повидали...* [Александр Кабаков. Салон (1987)]
- (26) *Узнав, что на базе гость, выдавший войну, он принес поллитровку и стал спрашивать. — Всякого хлебнул, — угрюмо отвечал Чепцов* [Василий Ардаматский. Ленинградская зима (1971)],

а в «обычных» условиях мена Вин. → Род. не характерна: *Он многое помнит vs. ?Он многого помнит.*

В позиции подлежащего употребление субстантиватов типа *всякое, разное* в родительном (*?В жизни Пьера всякого бывало / такого случилось; ?У нас тут разного есть; За войну *всякого случилось / *разного случилось / *многого случилось*) также не характерно. В корпусе встретились лишь единичные примеры, которые, во-первых, относятся к XIX веку, когда была другая норма, а во-вторых, возможно, связаны с эллипсисом *много* (*много всякого было*):

- (27) — *Вы что... раньше в городе жили? Старик отвел глаза: — Всякого было. Живал и в городе* [С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)]
- (28) **Всякого бывало, великий государь!** — *проговорил он вполголоса* [А. К. Толстой. Князь Серебряный (1861–1863)]

ОДУШЕВЛЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ (подлежащее): *много (мало) кто / кого*

Условия мены Им. на Род. в позиции подлежащего мы уже перечислили выше: это контекст отрицания, ср.: *Кто был?* → *Кого не было?* / *Никого не было* / *Кое-кого не было* (при этом заметим, что очень немногие глаголы допускают в контексте отрицания такую мену, ср. [Падучева 2008: 123–131]: *Посетители были* — *Посетителей не было*; *Гости собрались к восьми* — *Гостей не собралось*; но: *Студенты не явились на передачу* — **Студентов не явилось на передачу*) — и значение большого количества: *Народу собралось...*; *Людей сразу набежало...*; *Розыск делали... Начальства разного понаехало...* [Б. В. Савинков (В. Ропшин). *То, чего не было* (1918)].

Впрочем, с глаголами, выражающими большое количество, в род. падеже употребляются существительные, но не местоимения; причем такой родительный запрещен для местоимений с одушевленным референтом разных разрядов: **Кого там набежало?*; **Кое-кого набежало*; **Да уж, нас собралось*; — *А кто там был?* — **Да всех набежало, и детей, и взрослых*.

Однако в приведенных выше примерах (*много кого было*) ни отрицания, ни глаголов, имплицитующих большое количество, нет.

4. Разговорный родительный

Еще одно возможное объяснение мены Им. / Вин. → Род. в конструкциях с *много / мало* — действие механизма **стилистического снижения** (разговорность): существует тенденция замены местоимений в именительном и винительном на родительный в устной речи.

Неодушевленная и одушевленная серии здесь, как и в других случаях, ведут себя по-разному.

В разговорной речи замена нейтрального *что* на разговорное *чего* — условно назовем его разговорным родительным — достаточно распространена: *Чего случилось?*; *Чего купил?*; *Чего показывают?*; *Чего скажешь?*; *Чего тебе?*; *Чего надо?*; *Чего ты тут забыл?*; *И чего теперь делать?*; *А чего такого?*; [— *Он не пришел*] — *И чего?*

В речи людей, которые владеют литературным языком, это сознательное понижение регистра, своего рода имитация «народной речи». Такой родительный встречается в художественных текстах в речи персонажей, а также в прессе при передаче устной речи и в интернет-коммуникации, приближенной к устному общению:

- (29) «Ну, *чего ты?* — *недовольно спросил я.* — *Чего случилось?*» [Борис Минаев. *Детство Левы* (2001)]
- (30) *Я занимаюсь только тем, что обсуждаю со всеми, как все плохо. А **чего** **делать-то?*** [«Русский репортер», № 25, 2009]
- (31) *Спикер отметила, что даже две страны ЕС — Франция и Испания — пока не могут договориться об общих принципах открытия границ, «а уж **чего говорить** в целом про ситуацию в мире»* [Парламентская газета, 2020.05.18]

Замена облегчается тем, что в разговорной речи часто произносится [чо], в котором как бы нейтрализуется *что* и *чего*; однако есть много примеров акцентированного произнесения полной формы *чего*.

Разговорный родительный встречается не только у вопросительного *что*, но и у неопределенных местоимений *кое-что*, *что-то*, *что-нибудь*: *Кое-чего случилось*; *Я тут кое-чего видел*; *Увидишь чего-нибудь, сразу сообщай*; *Он чего-то принес*; *Чего-нибудь придумаем*, в том числе у производных неопределенных местоимений типа *неизвестно что*, ср. примеры из Корпуса:

- (32) *Новый инженер кое-чего умел* [Владимир Чивилихин. Про Клаву Иванову (1964)]
- (33) *Были разные хорошие помыслы, преодоление «трудного переживания старости», — кое-чего было, и на том спасибо* [А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1960) // «Знамя», 1989]
- (34) *Спасибо, очень хочется сыну мир показать, а то еще неизвестно чего может случиться* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]
- (35) *Валиев проехал Рижскую эстакаду, остановился возле продуктового магазина, взял чего попало* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)]

Разговорный родительный можно усматривать и в конструкциях *много / мало чего*.

При этом для одушевленной конструкции такое объяснение — замена нейтрального именительного на разговорный родительный — не подходит, т. к. конкуренции одушевленных *кто* и *кого* в позиции подлежащего нет: можно сказать *А чего случилось*, но нельзя сказать **А кого это у нас пришло?*; **Кого было на собрании?*; **Кого собралось во дворе?*; **Кого попало может набежать*.

Заметим, что «разговорный родительный» невозможен и для существительных: — *И чего говорит?* — **Говорит правды*; — *Чего ты тут ищешь?* — **Ключа*; — *Чего случилось?* — **Случилось беды*.

ЗАМЕЧАНИЕ. Мы сейчас не имеем в виду специальные случаи, о которых шла речь выше, например родительный партитивный типа *выпил воды* (такой родительный имеет разговорный оттенок, но в то же время он семантически обусловлен), а также идиоматичные конструкции типа *дать раза*, *здать стрекоча*, *забить шара* и под.

5. Управляемый родительный

Теперь рассмотрим другую гипотезу: *много кого / чего* — это обычная количественная конструкция типа *много воды*, *пять столов*, где квантитатив в позиции подлежащего и прямого дополнения управляет родительным падежом. Управляемый родительный — это «законный» падеж в количественных конструкциях, он не требует специального объяснения. Но это относится только к «настоящим» существительным: *много / мало времени (людей, конфет)*. У отместоименных и отадъективных субстантиватов есть ограничения — они сочетаются с *много*: *много всего*, *много разного*, *много интересного*, но затруднены их сочетания с *мало*: *?мало*

всего, ?мало разного (см. ниже). Что касается местоимений, здесь правила и ограничения еще более сложные. Возможны указательные местоимения, но в специальных конструкциях с придаточным: *много / мало тех, кто* [согласился]. Личные и вопросительные местоимения связаны с анафорической отсылкой: *Взять разве актеришек али музыкантишек? Много их тут близ дворцов отирается* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]; *Теперь, вспоминая обожженноглазого, я бормотала: «Имя им легион». Однажды я спросила мужа: в каких обстоятельствах употребляют это выражение? Приведа евангельский источник, он посетовал, что в современном русском так говорят, когда хотят сказать — много. «Много кого?» — я поинтересовалась ехидно* [Елена Чицова. Лавра // «Звезда», 2002].

В интересующих нас конструкциях *много кого / чего, мало кого / чего* (как и в конструкциях с полной парадигмой *много кто / что*) компонент *кого / чего* употребляется в значении неопределенного местоимения ‘кого-то / чего-то’, ‘кое-кого / кое-чего’: *Много кого позвали* ≈ ‘Много разных людей позвали’; *Много чего случилось* ≈ *Много всего / всякого случилось*.

В корпусе встречаются и конструкции с родительным падежом других неопределенных местоимений, особенно *много кое-чего*:

(36) *Я вам много кое-чего сказала, потому что не считаю нужным что-либо скрывать* [С. Ф. Буданцев. Писательница (1933–1936)]

(37) *Много кое-чего есть, но денег нет; и не проси* [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1898)]

Встречаются конструкции *много чего-то* (XIX — начала XX вв.):

(38) *Но я не слышу, не могу вслушаться, что именно; на мою душу нахлынуло так много чего-то, столько сильных впечатлений, весь этот день, все, что слышала, видела я, эта последняя сцена, сейчас там за дверями...* [В. С. Новицкая. Первые грезы (1912)]

(39) *Мне надо тебе потом так много чего-то сказать...* [Марк Креницкий. Маскарад чувства (1915)]

Не встретилось ни одного вхождения *много чего-нибудь*.

Не встретилось также конструкций с *мало*: *мало кое-чего, мало чего-то, мало чего-нибудь*.

ЗАМЕЧАНИЕ. Встречается конструкция с прилагательным: *много чего-то хорошего, но непонятного* [А. Жигулин]; *мало чего-нибудь личного* [Ф. М. Достоевский]. Однако это другая конструкция (ср. *много хорошего, мало личного*), в которой местоимение (*чего-то, чего-нибудь*) выполняет функцию субстантиватора (такие конструкции мы обсуждаем в другой работе, см. [Кустова 2023]).

В пользу управляемого родительного можно высказать следующие соображения. Количественные конструкции с квантитативами *много* и *мало* (*много воды, мало снега*) имеют, как известно, дефектную парадигму — только структурные падежи (именительный и винительный прямого дополнения). Потребность

в косвенных падежах в сфере существительных остается нереализованной: запрещены конструкции типа **много водой*; **мало воде*. Для местоимений язык нашел выход в виде серий *мало / много / редко кто (что, какой)*, где вторая часть склоняется и тем самым имеется полная парадигма. Но производные местоимения типа *много кто* нужны именно для косвенных падежей, ср. *много кому, мало о ком* (чтобы заполнить лакуны в парадигме). Для позиций подлежащего и дополнения они, в принципе, не нужны, т. к., по аналогии с квантитативными сочетаниями *много людей, мало воды*, там могут функционировать квантитативы с управляемым родительным *много (мало) кого / чего*. Производные местоимения *много (мало) кто / что* в этих позициях тоже употребляются, однако, судя по данным НКРЯ, говорящие отдают предпочтение конструкции с род. падежом — по видимому, потому, что для позиций подлежащего и прямого дополнения (структурных падежей) характерно количественное сочетание с управляемым родительным: например, в корпусе со снятой омонимией ок. 140 вхождений *много что* и 1370 вхождений *много чего*.

6. Обсуждение

Компоненты *кто / что* в конструкциях *мало кто, мало что, много кто, много что* выступают в значении неопределенного местоимения, ср.: (а) *Если кто будет спрашивать* [= ‘кто-нибудь’] / *Если что случится* [= ‘что-нибудь’], *меня нет* и (б) *Мало кто на это согласится* ≈ ‘Мало каких-нибудь людей на это согласятся’; *Много кто селился в этом доме, но быстро съезжали* ≈ ‘Много каких-то / разных людей селилось в этом доме’.

В корпусе встречаются также конструкции *много кое-что* (ок. 100 примеров), которые можно считать еще более разговорной формой даже по сравнению с *много что*. При этом, во-первых, абсолютное большинство вхождений *много кое-что* (три четверти от общего числа) приходится на XIX — первую половину XX века, т. е. в современном языке эта конструкция почти не используется. Во-вторых, обнаружены 6 вхождений *много кое-что* и 2 вхождения *много кое-чем*, остальные примеры — с родительным падежом *много кое-чего*, которые имеют неоднозначную интерпретацию. Серия *кое-что / кое-кто* не является полноценной и освоенной языком еще и потому, что почти или полностью отсутствуют другие варианты: в корпусе встретился один пример *мало кое-что* (*Был он несколькими годами моложе меня, плохо и мало кое-чему учился из-за рогаток, существовавших для таких, как он, дворянских отпрысков* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]), к тому же этот пример не является надежным, т. к. *мало* входит в сочинительную группу с *плохо*; не встретились примеры с *много кое-кто* и *мало кое-кто*, хотя теоретически конструкция *много кое-кто* возможна по аналогии с *много кое-что*.

Если брать систему местоимений в целом, *мало кто, мало что, много кто, много что* (ср. также серию *редко кто / что*, о которой мы здесь не говорили) пополняют многочисленную группу русских производных неопределенных местоимений типа *неизвестно кто, кто попало, что угодно* и под.

Однако они занимают особое место в этой группе, т. к., с точки зрения семантики, их доминантой (семантическим центром) является количественный компонент *много / мало* — в силу очевидного сходства с субстантиватами *мноее / немное / многие / немногие*.

С формальной точки зрения, компоненты *мало / много* ведут себя как неизменяемые частицы, подобно *кое-* и *ни-*, а компоненты *кто* и *что* образуют синтаксические связи с другими словами в предложении, поэтому конструкции *мало / много кто (что)*, в отличие, например, от количественных сочетаний *мало / много воды*, имеют полную парадигму. При этом, однако, в позициях подлежащего и прямого дополнения, наряду с «правильными» именительным и винительным падежами, встречается «неправильный» родительный падеж, в отношении которого конструкции *много кто / мало кто / много что / мало что* несимметричны и ведут себя по-разному: 1) сама употребительность Род. для каждой конструкции неодинакова (из-за семантических различий *много* и *мало* и из-за большей разговорности *много*); 2) не существует универсального, единого для всех конструкций объяснения альтернативы Им.-Вин. // Род.

Каждая из конструкций — *много чего, мало чего, много кого, мало кого* — имеет свои системные связи и в разной степени поддерживается (или не поддерживается) другими конструкциями (например, количественными сочетаниями типа *много / мало [народу]; много всего / всякого*), что влияет на ее употребительность и оценку ее приемлемости.

Самой распространенной является конструкция *много чего*. Она одинаково хорошо объясняется как гипотезой разговорного родительного, так и гипотезой управляемого родительного и имеет целый ряд поддерживающих факторов.

Родительный падеж вообще связан с идеей большого количества и хорошо совместим с семантикой *много*.

Сочетания серии *много* ___ стали широко употребительными сравнительно недавно, и в принципе ощущаются как более разговорные по сравнению с давно освоенными литературным языком *мало* ___, поэтому и разговорная конструкция *много чего* звучит более приемлемо и составляет меньший контраст с литературным *много что*, чем конструкция *мало чего*. В этом смысле разговорный родительный в конструкции *много чего* более уместен, и «правильные» конструкции *много что* с Им. и Вин., ср.: *Много что случилось; Много что рассказал*, звучат даже менее естественно, чем с Род.: *Много чего случилось; Много чего рассказал*.

Наконец, если считать *чего* управляемым, *много чего* имеет системные связи и системную поддержку со стороны других конструкций со значением разнообразия и большого количества типа *много всякого, много разного, много всего [происходило в это время]*.

Конструкция *мало чего* не имеет такой системной поддержки, как *много чего*, ни со стороны разговорного, ни со стороны управляемого родительного.

Поскольку серия *мало что* давно освоена литературным языком, при использовании разговорного *чего*, ср.: *Хотел бы тебе что-нибудь оставить, да мало чего*

у меня **есть** [Юрий Петкевич. Живые цветы зимой (2001)], возникает слишком большой контраст (и конфликт) с литературным *что (мало что у меня есть)*; в результате конструкция *мало чего* находится на грани разговорности и просторечности.

Если считать *чего* управляемым, конструкция тоже не имеет системной поддержки: например, не поддерживается сочетаниями с управляемым родительным типа *мало всего, мало разного, мало всякого [произошло за это время]*. Такие сочетания немногочисленны, т. к. содержат противоречие между смыслом компонента *мало* и смыслом 'много' у компонентов *всё, всякое, разное*, и звучат неестественно; в корпусе подобные примеры единичны (в отличие от *много всего*):

- (40) *Потом они сходили в хозяйственный магазин и кое-что купили, но **очень мало всего*** [Ю. Л. Нельская-Сидур. Дневники 1968–1973 (1968)]
- (41) *Пропускная способность памяти огромна — но вспоминаем мы сравнительно **мало разного*** [Н. С. Работнов. Дневник (1976)]

С конструкцией *мало всякого* в корпусе примеров не обнаружилось.

Одушевленная конструкция *много кого* в позиции подлежащего — не только на грани разговорности и просторечности с точки зрения регистра, но и на грани грамматичности. Во-первых, субъектные именные группы с одушевленным референтом употребляются в родительном очень ограниченно, ср. мемы вроде **Вас тут не стояло*, — по сравнению с большей употребительностью родительного именных групп с неодушевленным референтом, ср. *Фонарей не горело; Писем не приходило* (у которых, впрочем, тоже имеются значительные ограничения, ср. **сомнений не рассеялось; *договора не нарушено* [Падучева 2008: 144]).

Во-вторых, конструкция с родительным попадает в узел грамматического конфликта, связанного с согласованием сказуемого. Обычные количественные сочетания с управляемым родительным допускают вариативное согласование: *Много людей пришло — Много людей пришли; Много людей придет — Много людей придут* (при этом множественное число сказуемого встречается не только со счетными существительными, но и с неисчисляемыми существительными, хотя и крайне редко: *Слишком много народу принимали в нем участие или, по крайней мере, молчали о том, что знали* [Н. Мандельштам. Воспоминания (1960–1970)]).

Конструкции с *много кого* допускают только единственное число сказуемого:

- (42) *У вас, говорят, **много кого требуется**...* [Г. Щербакова. Год Алены (1996)] — **много кого требуются*.
- (43) *Были казаки /.../. Были юноши в цилиндрах и котелках. **Много кого** было...* [А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)] — **много кого были*.

При этом конструкцию *много кого*, для которой нет независимого разговорного родительного (**Кого пришло?*), все-таки можно рассматривать и как результат

влияния неодушевленных конструкций (*много чего случилось; много чего знал*), т. е. как результат «системного давления».

Важно подчеркнуть, что сама по себе возможность мены Им.-Вин. // Род. имеет системный характер независимо от ее объяснения. Показательно и принципиально то, что и разговорный, и управляемый родительный связаны именно с позициями подлежащего и прямого дополнения. Это особые, маркированные, привилегированные позиции, где употребляются так называемые структурные падежи — именительный и винительный. Именно в этих позициях в русском языке возможны не только «нормальные» именные группы, но и количественные выражения типа *Пришло около ста человек; На платформу погрузили большие пять тонн* и под.

Таким образом, при всей несимметричности конструкций *много чего, мало чего, много кого* в их поведении, безусловно, прослеживаются системные закономерности.

Литература

Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкции типа *негде спать* в русском языке: синтаксис, семантика, лексикография // *Апресян Ю. Д. и др. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря.* М.: Языки славянских культур, 2010. С. 59–113.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики).* М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 193–207.

Ермакова О. П. Составные местоимения в русском языке // *Словарь. Грамматика. Текст. Отв. ред. Ю. Н. Караулов & М. В. Ляпон.* Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 195–204.

Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // *Апресян Ю. Д. и др. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря.* М.: Языки славянских культур, 2010. С. 141–190.

Кустова Г. И. Свободные релятивы как редуцированные конструкции: значение и употребление // *Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. д. ф. н. М. В. Ляпон.* М.: ЛЕКСРУС, 2016. С. 302–319.

Кустова Г. И. Семантика и типы употребления наречных квазирелятивов // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XIII. Культура русской речи.* Гл. ред. А. М. Молдован. 2017. С. 257–264.

Кустова Г. И. Субстантивация и местоименные конструкции в русском языке // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования.* Humanitates. 2023. Том 9. № 4 (36). С. 48–62.

Лютикова Е. А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М.: ЯСК, 2017.

Никунласси А. Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке. Helsinki, 2008.

Падучева Е. В. Послесловие. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис // Объективный генитив при отрицании в русском языке. Исследования по теории грамматики. Вып. 5. Под ред. Е. В. Рахилиной, А. Б. Летучего, Т. И. Резниковой. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. С. 123–147.

Падучева Е. В. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 3–18.

Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015a. Vol. 39. № 2. P. 129–162.

Падучева Е. В. Нереперентные местоимения на *-нибудь* (2015b) // Русская корпусная грамматика. <http://rusgram.ru>

Русская грамматика. Том II. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: квантовые слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Татевосов С. Г. Семантическое картирование: теория и методика // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 1. С. 123–139.

Тестелец Я. Г., Былинina Е. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы (2005) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rsuh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf (In Russ.)

Фисун Р. С. Референциальный тип деривации в системе словообразования русских местоимений // Язык, литература, культура / Под ред. Клобуковой Л. П. и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 122–126.

Фисун Р. С. Об использовании семантического картирования в описании местоименного компонента значения русских составных местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота. С. 148–158.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва: Азбуковник, 1998.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. (In Russ.)

Alexiadou A., Law P., Meinunger A., Wilder C. Introduction. In: The Syntax of Relative Clauses. Artemis Alexiadou, Paul Law, André Meinunger & Chris Wilder (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 1–51.

Bylinina E. G., Testelecs Ya. G. Sluicing-Based Indefinites in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics* 13: The South Carolina Meeting. Steven Franks, Frank Y. Gladney and Mila Tasseva-Kurktchieva (eds.). Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications. 2004, pp. 355–365.

Haspelmath M. Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 1997.

Iomdin L. L. Hypothesis of two Syntactic Starts // Восток-Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 165–175.

G. I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
galinak03@gmail.com

GRAMMATICAL VARIABILITY IN PRONOMINAL CONSTRUCTIONS: *MNOGO KTO / CHTO VS. MNOGO KOGO / CHEGO*

The pronominal constructions *mного kto* ('many people') / *mного что* ('many things') / *mало kto* ('few people') / *mало что* ('few things') are considered. These constructions do not have an unambiguous interpretation in linguistics. The paper discusses the alternation in the positions of subject and direct object: Nominative or Accusative *mного (mало) kto, много (mало) что* VS. Genitive *mного (mало) кого, много (mало) чего*: ***Mного что*** *izmenilos'* VS. ***Mного чего*** *izmenilos'* ('A lot has changed').

Possible reasons for using the Genitive in place of the Nominative / Accusative are formulated: the influence of grammatical rules (cf. influence of negation: *Он читает газеты* ('He reads newspapers') VS. *Он не читает газет* ('He does not read newspapers'); the influence of the colloquial Genitive: *Chego sluchilos'?* ('What happened?'); *Chego prinis?* ('What did you bring?'); the influence of the quantitative construction *mного lyudej* ('many people'), *mало vody* ('little water'), where the quantitative *mного (mало)* controls the Genitive.

Keywords: pronoun, construction, genitive case

References

Apresjan Yu. D., Iomdin L. L. [Construction *negde spat'*: syntax, semantics, lexicography]. Apresjan Yu. D. et al. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of the Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow, "Yazyki slavyanskoi kul'tury" Publ., 2010, pp. 59–113. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Mechanisms of quantification in natural language and semantics of quantitative evaluation]. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)*. [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., 1997, pp. 193–207. (In Russ.)

Ermakova O. P. [Compound pronouns in the Russian]. Karaulov Yu. N., M. V. Lyapon (eds.), *Slovar'. Grammatika. Tekst*. [Dictionary. Grammar. Text]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 1996, pp. 195–204. (In Russ.)

Iomdin L. L. [Syntactic phrasemes: between vocabulary and syntax]. Apresjan Yu. D. et al. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of the Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow, "Yazyki slavyanskoi kul'tury" Publ., 2010, pp. 141–190. (In Russ.)

Kustova G. I. [Free relatives as reduced constructions: meaning and use]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: searches, facts, hypotheses]. Lyapon M. V. (ed.). Moscow, LEKSUS Publ., 2016, pp. 302–319. (In Russ.)

Kustova G. I. [Adverbial free relative: the semantics and the types of using]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], A. M. Moldovan (ed.), 2017, no. XIII, pp. 257–264. (In Russ.)

Kustova G. I. Nominalization and pronominal constructions in Russian. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], 2023, 9 (4), pp. 48–62.

Lyutikova E. A. *Formal'nye modeli padezha: teorii i prilozheniya* [Formal case models: theories and applications]. Moscow, YaSK Publ., 2017. (In Russ.)

Nikunlassi A. *Primestoimenno-otnositel'nye konstruktsii v sovremennom russkom yazyke* [Pronominal-relative constructions in modern Russian]. Helsinki, 2008. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Afterword. Genitive of negation: morphology, semantics, syntax]. *Ob'ektnyj genitiv pri otricanii v russkom jazyke. Issledovaniya po teorii grammatiki* [Object Genitive of Negation in Russian. Studies in the Theory of Grammar]. Issue 5. E. V. Rakhilina, A. B. Letuchii, T. I. Reznikova (eds.). Moscow, PROBEL-2000, 2008, pp. 123–147. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Implicit negation and pronouns of negative polarity]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2011, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Subtracted affirmativeness and non-veridicality (using the example of Russian pronouns of negative polarity)]. *Russian Linguistics*, 2015a, vol. 39, no. 2, pp. 129–162. (In Russ.)

Paducheva E. V. Nereferentnye mestoimeniya na *-nibud'* (2015b) [Non-referential pronouns *-nibud'*]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. <http://rusgram.ru>. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. II. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantovye slova* [Semantics of noun phrase components: quantum words]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002. (In Russ.)

Tatevosov S. G. Semanticheskoe kartirovanie: teoriya i metodika [Semantic mapping: theory and methodology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], seriya 9. Filologiya, 2004, no. 1, pp. 123–139. (In Russ.)

Testelet's Ya. G., Bylinina E. G. O nekotorykh konstruktsiyakh so znacheniem neopredelennykh mestoimennii v russkom yazyke: amal'gamy i kvazirelyativy [On some constructions with the meaning of indefinite pronouns in Russian: amalgams and quasi-relatives] (2005) [Electronic resource]. URL: http://www.rsuh.ru/binary/1787534_99.1322270635.82662.pdf (In Russ.)

Fisun R. S. [Referential type of derivation in the word formation system of Russian pronouns]. *Yazyk, literatura, kul'tura* [Language, literature, culture]. Klobukova L. P. et al. (eds.). Moscow, “MAKS Press” Publ., 2013, pp. 122–126. (In Russ.)

Fisun R. S. [On the use of semantic mapping in the description of the pronominal component of the meaning of Russian compound pronouns]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2016, no. 11(65), part 2, Tambov, "Gramota" Publ., pp. 148–158. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open]. Moscow, "Azbukovnik" Publ., 1998. (In Russ.)

Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow, "Jazyki slavjanskoj kul'tury" Publ., 2002. (In Russ.)

Alexiadou A., Law P., Meinunger A., Wilder C. Introduction. In: *The Syntax of Relative Clauses*. Artemis Alexiadou, Paul Law, André Meinunger & Chris Wilder (eds.). Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins, 2000, pp. 1–51.

Bylinina E. G., Testelets Ya. G. Sluicing-Based Indefinites in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. Steven Franks, Frank Y. Gladney and Mila Tasseva-Kurktchieva (eds.). Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2004, pp. 355–365.

Haspelmath M. *Indefinite pronouns* (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford, Oxford University Press, 1997.

Iomdin L. L. Hypothesis of two Syntactic Starts. *Vostok-Zapad: Vtoraja mezhdunarodnaja konferencija po modeli «Smysl ↔ Tekst»* [East-West: Second international conference on the "Meaning ↔ Text" model]. Moscow, "Jazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 2005, pp. 165–175.

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lazutkelena@yandex.ru

ОПЕРАТОР «СИЛА СУБЪЕКТА» В МОДЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ АКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Статья посвящена изучению возможностей грамматической системы русского языка при построении активных конструкций. Автор постулирует действие в синтаксисе оператора «сила субъекта», который, как и другие операторы мыслительных процессов, определяет семантику предложения.

Материал исследования — модели двусоставных глагольных предложений, которые показывают ассиметричные отношения компонентов своей структуры в аспекте *форма — значение — функция* и находятся на периферии функционально-семантического поля «активная конструкция». Анализ проводится с точки зрения современной функциональной лингвистики, основным принципом которой является моделирование деятельности носителей языка. Методологическим основанием для объяснения действия прагматических механизмов языковой системы служит категория синтаксического лица — модусная категория, которая показывает коммуникативные предпочтения говорящих, играет важную роль в построении предложения. Инструментом исследования смысловой организации предложения является понятие синтаксической позиции формы слова. Она выявляет одинаковые функциональные свойства у макросемантических разрядов лексики, которые представляют концепты.

На силу субъекта в моделях предложений указывает категориальная семантика и падежная форма имени в позиции темы, порядок слов, координация семантических категорий предложения субъекта и предиката, взаимодействие системных категорий имени и глагола. Анализ показывает, что оператор «сила субъекта» действует вместе с оценочными элементами и с мыслительными категориями; например категорией оппозитивности, выделения, динамики / статики, определенности / неопределенности, асертции / негации.

Ключевые слова: теория синтаксиса, синтаксическая семантика, прагматические механизмы языка, концептуальный анализ.

1.0. Введение. Активная конструкция — способ семантико-синтаксической организации предложения, при котором обозначаются действие субъекта, его свойства, качества, состояния, отношения как носителя предикативного признака. Семантическое пространство активных конструкций неоднородно: строение моделей предложений обусловлено особенностями представления говорящими реальных событий, возможностями грамматической системы языка. Грамматикализованной формой выражения активности считается предложение тема-рематического строения с препозицией субъекта, имеющего значения лица, и с предикатом, обозначающим преднамеренное действие; например: *Дети пропитывают торт кремом.*

Критерием разграничения активных и пассивных конструкций является тип семантико-синтаксических отношений между предикативно сопряженными формами слов, а не морфологическая форма предиката.

Формальные признаки перехода активной конструкции в пассивную на примере простейшего преобразования — в предложение с глаголом в страдательном залоге и косвенным дополнением со значением производителя действия — семантической категории субъекта — описаны М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике»: «Когда действительные глаголы превращаются в страдательные, тогда винительный должен быть именительным, именительный — творительным или родительным с предлогом *от*: *часто стыд преклоняет тех, которых рассуждение не побеждало*; в страдательном: *часто стыдом преклонены те, которые не побеждены рассуждением*» [Ломоносов 2011: 447–448].

А. В. Бондарко считает, что «все те конструкции, которые не являются пассивными, следует рассматривать как активные» [Бондарко 2017: 277], и предлагает считать их «системой, включающей определенный комплекс микрополей» [Там же: 272]. В настоящее время некоторые синтаксические образцы получают у специалистов неодинаковое толкование.

Цель нашей работы — показать возможности грамматической системы при построении активных конструкций, действие системных прагматических механизмов.

Предмет анализа — модели глагольных предложений, которые показывают асимметричные отношения компонентов своей структуры в аспекте «форма — значение — функция» и находятся на периферии функционально-семантического поля «активные конструкции». Ср.: «Исходные функции отдельных единиц (элементов языковой системы) реализуются в речи в рамках функции, выполняемой комплексом средств. Функции каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [Бондарко 2012: 207].

1.1. Основой исследования являются положения современной функциональной лингвистики, которая ставит следующие задачи: «Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. <...> Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом» [Алпатов 2018: 148–150].

Исторически сложившиеся модели предложений являются феноменом сигнификации, способом представления знаний. Данный подход соответствует направлению когнитивно-прагматических исследований, в рамках которых модели предложений рассматриваются как способ видения носителей языка: они обусловлены интерпретативными процессами и коллективной языковой практикой. См.: «Когнитивно-ориентированная лингвистика продолжает традиции функциональной и, шире, семантически ориентированной лингвистической теории. Ее эмпирический метод — последовательно следовать за всеми нюансами языковой формы и искать их конечное объяснение <...> в устройстве когнитивной структуры» [Кибрик 2008: 75].

Модель предложения закрепляется в системе со стилистически нейтральным порядком слов. Выбор *темы* как наиболее важного компонента высказывания рассматривается нами как оценка говорящими свойств носителя предикативного признака. Категориальным свойствам имени в позиции субъекта соответствуют категории предиката. Анализируя значение имен существительных как части речи, Н. Д. Арутюнова пишет, что «использование функционального критерия классификации объектов является определяющим для семантики имени» [Арутюнова 1999: 59]. «В значении слова функциональный компонент занимает доминирующее по отношению к другим признакам класса положение. Семантическая структура получает четкую иерархическую организацию, обнаруживающую себя в нормах сочетаемости слова» [Там же: 61].

Мы считаем, что в границах пространства активных конструкций, действует оператор «сила субъекта». Это концепт, который, как и другие операторы мыслительных процессов, присущих нашему сознанию, присутствует в замысле говорящего вместе с оценочными элементами и определяет строение предложения.

Если понятие представляет собой логически выведенный элемент, очевидный для всех, то концепт — квант коллективного языкового сознания, часто не осознаваемый носителями языка. Ср. заключение Н. Н. Болдырева: «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта и поэтому может включать любые, и существенные, и несущественные, характеристики объекта» [Болдырев 2018: 170]. Термины «концепт» и «когнитивная категория» употребляются как синонимы, но Н. Н. Болдырев уточняет, что «категория — особый формат знания», «это концептуальное объединение объектов или объединение объектов на основе общего концепта» [Болдырев 2018: 109]. Главная черта концепта, по мнению В. З. Демьянкова, — реконструкт; язык показывает разную степень представленности концепта: «Концепты существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности, отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций» [Демьянков 2007: 27].

Выявление концептов «по данным языка» — актуальная тема современных исследований; см.: «Лингвистическая мысль в последние десятилетия XX века развивалась в сторону концептуального анализа» [Арутюнова 2003: 10]. Н. Д. Арутюнова определяет «пространство» концептуального анализа — взаимодействие

именных и глагольных категорий: «Концепты, моделирующие кванты происходящего, формируются на перекрестке именных и глагольных категорий [Арутюнова 1999: 404]. Ср. близкую точку зрения: «[концептуальный анализ] позволяет определить **сочетаемость** формы с другими формами языка, которые, чтобы отвечать требованиям их **правильнооформленности** в данном языке, должны отвечать нормам их согласования с концептуальной структурой единицы, вступающей с ней в тот или иной тип связи (т. е. нормам так называемой **композиционной семантики**)» [Кубрякова 2012: 51–52].

Для данной работы важно различать следующие значения термина «концепт»:

- 1) мыслительная категория, служащая операционным элементом в когнитивно-коммуникативных процессах и находящая свое выражение в языковых структурах разного уровня; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множество»*;
- 2) представление, обогащенное этнокультурными смыслами, получившее общественно значимые оценки; например: *Концепт «добро» представлен в сказках народов всего мира*.

В нашей работе термин «концепт» используется в первом значении.

1.2. Инструментами семантического анализа модели предложения являются понятия «синтаксическое лицо» и «синтаксическая позиция формы слова». Категория синтаксического лица является облигаторной семантико-синтаксической категорией, выявляющей интерпретативные и коммуникативные функции языка. Она играет конструктивную роль на уровне высказывания и на уровне модели предложения и служит методологическим основанием для объяснения работы прагматических механизмов языковой системы

В. В. Виноградов считает, что модальность — это основная семантическая категория языка: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение» [Виноградов 1975: 55]. Разное проявление действия этой языковой категории обусловили неоднозначную ее трактовку. Языковеды используют следующие термины: «субъективно-объективные синтаксические категории» (А. М. Пешковский), «оценка говорящего» (М. М. Бахтин), «синтаксический субъект» (В. В. Виноградов), «коммуникативно-грамматическая категория» (В. Г. Адмони) «персонализация» (С. Г. Ильенко), «персональность» (ФТГ), «синтаксическое лицо» [Шведова 2005: 143–153].

Понятие «синтаксическая позиция формы слова», введенное в теорию синтаксиса Т. П. Ломтевым, подчеркивает значимость формы слова как главной единицы смысловой организации предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения» [Ломтев 1960: 22]. Синтаксическая позиция имеет отвлеченные содержательные характеристики и выявляет одинаковые функциональные свойства у разных классов лексики, т. е. обнаруживает скрытую лексическую парадигматику — «виртуальный мнемонический ряд» (по выражению Ф. де Соссюра). Это макросемантические разряды лексики, которые представляют концепт.

2.0. Ослабление силы субъекта в дериватах активной конструкции.

2.1. Изменение семантики преддицируемого и преддицирующего компонентов.

Значение активной конструкции зависит от свойств семантических категорий предложения (субъекта и предиката), от законов взаимодействия системных категорий имени и глагола. Наиболее тонкие оттенки взаимодействия категорий имени и глагола показывают семантически емкие предложения, организованные акциональными событиями глаголами [Daneš 1971].

2.1.1. Уменьшение силы субъекта может быть связано, прежде всего, с редукцией семы преднамеренности действия. Эта сема коррелирует с актуализацией в глаголе категории опативности, которая показывается лексико-грамматической категорией вида: при обозначении нежелательного действия употребляется глагол СВ; частотны результативные конструкции; например: *Объясни, почему не сел в кресло? — спросил Пилат. — Я грязный, я его запачкаю*, — сказал Левий, глядя в землю (М. А. Булгаков); *Евдокия слезами замочила подушку* (А. Н. Толстой); *Ребёнок облил кефиром; Дети вывозили всю одежду*.

2.1.2. На уровне внутримодельной деривации об ослаблении силы субъекта свидетельствует появление в производном предложении в субъектной позиции существительного с пропозициональным значением — вместо субъекта со значением лица в исходной конструкции. Соответственно, в глаголе-предикате происходит редукция семы преднамеренности действия. Ср.:

Мама закрывала окно шторой — Ветер закрывал солнце облаками.

Кроме имен пропозитивной семантики, в субъектной позиции могут появиться предметные существительные, показывающие наличие сем, сближающих его значение со значением отвлеченных существительных, что также свидетельствует о низкой степени силы субъекта. См., например проявление действия семы “потенциальная способность распространяться в пространстве”: *Круглые семена какой-то травы, пропитавшись влагой, задвигались, начали разворачиваться спирально и ввинчиваться в мою куртку. Они провинтили ее насквозь* (К. Паустовский).

2.1.3. К снижению силы субъекта ведет нарушение правил семантического согласования имени и глагола. Появление в субъектной позиции существительного предметной семантики при акциональном глаголе свидетельствует об изменении прагматических параметров речи — о сужении пространства обозначаемого: внимание говорящего направлено на средство осуществления действия; например: *Экскаватор углубляет пруд; Скатерть покрывает стол*.

2.2. Понижение силы субъекта в моделях с акциональным глаголом.

2.2.1. О низкой степени силы субъекта свидетельствует имя лица в косвенном падеже в субъектной позиции; например: *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (М. А. Булгаков). Семантика модели — “непроизвольное изменение состояния одушевленного субъекта под воздействием чувств, эмоций, ощущений и ментальных состояний”. В модели обратный порядок слов; ср. исходную модель с прямым порядком слов; например: *Талая вода заливает луг*.

Тематизация одушевленного существительного в косвенном падеже говорит о том, для носителей русского языка важно сделать имя человека предикцируемым компонентом высказывания, несмотря на его статус «претерпевающего». Имя в меньшей степени обозначает объект воздействия, но в большей степени обозначает субъект состояния [Шведова 2005: 265–267]. В модели происходит перестройка предикатного ядра: в роли предиката выступает смысловое целое — сказуемое *охватил* и подлежащее *страх*, т. е. возникает фразеологизированный комплекс.

Мы понимаем фразеологизацию как прагматический механизм языка, элемент категории выделения, т. е. психолингвистический феномен [Лазуткина 2021: 67].

В. Н. Телия считает фразеологизацию универсальным свойством языка [Телия 1981: 3]. В. В. Виноградов, в 40-х годах прошлого века объясняя механизм образования фразеологизмов, подчеркивает ведущую роль ключевых компонентов в несвободных сочетаниях. Значение одного из компонентов сочетания оказывается в тени семантически главенствующего компонента, в то время как он играет роль средства грамматического оформления словосочетания как фрагмента высказывания [Виноградов 1977: 121].

В данном случае при фразеологизации глагол семантически опустошается, сохраняется только синтаксически значимая сема «полнота охвата»; см. также: *Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик болотной влаги, Меня прознобил туман* (С. А. Есенин); *Когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает ощущение полного одиночества с глазу на глаз с зимой, морем и ночью* (К. С. Паустовский).

В нарративе в предложениях, передающих сенсорно воспринимаемое персонажем изменение состояния, модус рассказчика часто сливается с модусом персонажа; например: *Костя видит, как глаза ребятишек горят живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома, — и глаза Костины охватывает туман* (В. Ставский); *Вам налить, Олег Петрович? — прервала хозяйка ход мыслей Губина. — Да, — сказал он внезапно севишим, хриплым голосом, и ладони его вспотели, а рот наполнила слюна* (А. Плитченко).

Прямой порядок слов в предложении считается стилистически маркированным, актуализируется значение категории определенности; например: *Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала всё его* [Пилата] *существо* (М. Булгаков).

2.2.2. Близкая по значению и по строению производная модель предложения со значением “стихийное изменение состояния неодушевленного субъекта под действием каузатора”. В ней субъектная позиция занята предметным существительным, а позицию предиката занимает глагол СВ, обозначающий неконтролируемый процесс. Частотны результативные конструкции; например: *Улицы, бульвары запрудил народ* (А. Плещеев); *Вокзал затопили эвакуирующиеся* (М. Шолохов); *Корабль пронизала неестественная тишина* (А. Мальшкин); *Сразу закаменела почва, ветошь трав обметал иней* (А. Стрижев); *Полнеба обхватила тень, Лишь там, на западе, бродит сиянье, — Помедли, помедли, вечерний день, Продлись, продлись, очарованье* (Ф. И. Тютчев).

2.2.3. На границе с пассивными конструкциями находятся безличные предложения с акциональными глаголами СВ и НСВ. В предложениях обратный порядок слов, семантика схемы — “непроизвольное изменение состояния субъекта под действием стихийного каузатора”; например: *В небе то и дело всдыхивали нити, небо лопалось, комнату больного заливало трепетным пугающим светом* (М. М. Булгаков).

В модели описывается актуальное к моменту речи состояние субъекта, выраженного одушевленным или неодушевленным существительным; ср. также: *И тут накрыло темнотой меня, будто на голову крыша обвалилась. Очнулся в медсанбате* (Ю. В. Бондарев); *Сад занесло снегом; Дорогу заснежило* (с инкорпорированным каузатором); *Губы обметало; Луг заливает* (с обобщенным каузатором).

Такие безличные предложения семантически близки личным предложениям с предикацией характеризующего типа.

2.3. Низкая степень силы субъекта в конструкциях с глаголами-рефлексивами.

Предложения с постфиксальными глаголами представляют собой особый разряд. По замечанию Ф. Ф. Фортунатова, у глаголов вместе с возвратным существует возможность появления страдательного значения [Фортунатов 1899: 36]. Н. П. Некрасов, изучая возвратные глаголы, приходит к выводу, что «глагол, принимая возвратную форму, стремится к выражению самостоятельности действия или, употребляя грамматический термин, к ограничению своего переходного значения [Некрасов 1865: 82]. Н. Д. Арутюнова считает, что Н. П. Некрасов «отметил важное свойство русского языка: тенденцию к элиминации актантных отношений и представлению действия как самодовлеющего, независимого от человека события. Человек не создает события — он в него вовлечен» [Арутюнова 1999: 805–806]. Близкое мнение у Н. С. Авиловой: творит. пад. в конструкциях действительного залога с возвратными глаголами никогда не имеет значения действующего лица [Авилова 1980: 616–617].

2.3.1. Слабая сила субъекта в предложениях с непереходными глаголами НСВ с редуцированным акциональным значением.

В глаголах модальный компонент «способность определенного неодушевленного субъекта к действию, названному глагольной основой»; например, *Лоза гнется; Стена пачкается, мажется, марается; Бумага маслится; Ткань не мнется*.

2.3.2. О слабом субъекте свидетельствуют модели предложений, обозначающие свойство определенного предмета, которое может проявляться в большей или в меньшей степени, глаголы НСВ употребляются с оценочными наречиями; например: *Крем легко мазался и, как показалось Маргарите, тут же испарялся* (М. А. Булгаков); *Обувь долго носится; Товар хорошо продается*.

Подобные предложения находятся на периферии поля активных конструкций; в некоторых работах они квалифицируются как пассивные. См.: [ТФГ 1991: 167–168; ТФГ 1992: 174].

2.3.3. Квазипассивные конструкции с глаголом прошедшего времени СВ, имеющие значение результата действия, названного глагольной основой, следует считать активными; например: *Пакет разорвался; Девушка подстриглась*.

2.3.4. Низкая степень силы субъекта в активных конструкциях с предметным существительным в роли подлежащего; например: *Детали красятся суриком; Чаши моются отдельно; Дверь в общежитие закрывается в 23 часа;*

В предложениях налицо модальность долженствования, подчеркивается обязательность осуществления действия. Предикаты — глаголы настоящего времени НСВ — близки глаголам характеризующе-качественного значения, которые «называют действие как способность подвергаться какому-либо воздействию» [Авилова 1980: 618], но не тождественны им.

2.3.5. Слабая сила субъекта в моделях с событийным глаголом, имеющих значение «динамичное изменение состояния субъекта под действием каузатора». Субъектная позиция может быть занята как одушевлённым, так и неодушевлённым существительным, позицию предиката занимает глагол НСВ или СВ, обозначающий стихийный процесс; например: *Корка покрывалась плесенью; Лошадь обволакивалась паром; Он [Васильев] часами лежал в мастерской на старом с привычным скрипом пружин диване, читал «Дневники» Толстого последних лет жизни, напивался весь исповедальной болью великого человека (Ю. В. Бондарев); Даль подернулась туманом, Чешет тучи лунный гребень. Красный вечер за куканом Расстелил кудрявый бредень (С. А. Есенин).*

Средство воздействия названо отвлеченным или вещественным именем существительным в творит. пад. В данной позиции лексемы имеют разные смысловые оттенки: встречаются словоформы с более орудийным значением и с менее орудийным, с более каузирующим значением и с менее каузирующим. Как правило, у имен существительных со значением эмоциональных, психических и физических состояний наблюдается сосредоточение агентивных сем, развивается более сильное каузирующее значение; например: *Вся жизнь моя озарилась любовью, именно вся, до самых мелочей, словно темная, заброшенная комната, в которую внесли свечку (И. С. Тургенев).*

2.3.6. В пределах поля активных конструкций находятся предложения с рефлексивами НСВ, которые обозначают протекание процесса с участием человека; например: *Мне легко дышится.* Субъект состояния в дат. пад. является предиктируемым компонентом, а безличный глагол — предиктирующим. Считать субъект состояния объектом воздействия нет основания.

В предложении, как правило, присутствует аксиологическая оценка говорящих, оценка успешности / неуспешности протекания процесса или отрицание протекания процесса; например: *Малышу сладко спится; Ему плохо писалось, мало удалось сделать; Мне не думалось, не спалось; Живи, пока живется.*

Анализируя предложение *Пушкин пожаловался: «Что-то не пишется»*, Н. Д. Арутюнова делает вывод: «Действие осуществляется или не осуществляется под влиянием силы (обычно внутренней), которой отдается человек [Арутюнова 1999: 806]. Иное мнение у А. В. Бондарко: «Залоговая характеристика подобных конструкций не может быть установлена» [Бондарко 2017: 281].

2.4. Низкая степень силы субъекта в предложениях со значением факта.

Действие категории синтаксического лица становится более очевидным в синтаксических дериватах со сложным информационным планом, которые показывают

«технику» превращения события в факт: обозначаемое событие преподносится как суждение о существующем положении дел.

Если акциональный предикат своими грамматическими формами дает представление о нюансах протекания действия во времени, пространстве и о его участниках, то в предложении-суждении о факте нет детализации. Сохраняя свое строение, предложение перестает обозначать динамичный процесс. См.: «[Факт] не может оторваться от смысла и логической структуры той пропозиции, в которой он берет свое начало. Именно пропозиция очерчивает границы факта» [Арутюнова 1999: 499].

При этом сообщение о положении дел всегда окрашено оценками коллективного говорящего или метафорами конкретного субъекта речи. Таким образом, способы развития и усложнения семантики предложения близки семантическим процессам на лексическом уровне: при лексической деривации тоже усиливается роль субъективной оценки говорящего; см.: [Traugott, Dasher: 2005].

2.4.1. Низкая степень силы субъекта в производных предложениях с релятивной семантикой.

Конструкция обозначает зрительно воспринимаемые пространственные отношения, предикат дает количественную характеристику субъекту на основе семы «полнота охвата», но индивидуальное лексическое значение глагола остается в тени; например: *Хвойный лес одевает все горы* (В. Арсеньев). Это подтверждает заключение Н. Д. Арутюновой о закономерностях семантического развития глаголов-предикатов: «Тенденция к отрыву от денотата ведет к моносемизации слова» [Арутюнова 1999: 36].

На релятивное значение предложения указывает изменение категориальной семантики имен в субъектной позиции. Если в исходной модели субъектная позиция была предназначена для одушевленных, вещественных или отвлеченных существительных, то в производном предложении в позиции субъекта появляется предметное существительное. Обеднение семантической структуры предложения проявляется и в изменении характеристик предиката: глагол теряет сему акциональности, морфологическую гибкость, видовую корреляцию — употребляется как глагол НСВ. Бытийный компонент значения в глаголе обуславливает в модели обратный порядок слов как стилистически нейтральный; например: *Пустую вырубку окружали голенастые ели и сосны* (Б. Пастернак); *Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь берег заливала луна* (М. А. Булгаков); *Розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук* (Е. Н. Катасонова); *Тарасов поглядел назад: Вихлевки отсюда не видать, ее закрывал бугор* (Б. Екимов).

3.0. Увеличение силы субъекта в дериватах активной конструкции.

3.1. Формальная активность субъекта в конструкциях, организованных постфиксальными глаголами.

В синтаксической системе современного русского языка закрепились активная конструкция — модель двусоставного предложения, организованная рефлексивом СВ или НСВ, с семантикой схемы “изменение состояния субъекта, являющегося

объектом действия”; например: *Команда в этом сезоне не отобралась на соревнования.*

Образование модели с семантикой формальной активности субъекта обнаруживает коммуникативные предпочтения носителей языка, свидетельствует о том, что в центре внимания говорящих определенный человек (или определенная группа лиц). Имя человека становится темой высказывания, подлежащим, при этом говорящие игнорируют существование реальных производителей действия.

Грамматическая система русского языка дает возможность оформить предикат как глагол действительного залога с постфиксом *-ся*, несмотря на то, что лексическое значение мотивирующего глагола диссонирует со значением рефлексива. Оно показывает, что распределение ролей в действительности не совпадает с сигнификативным значением предложения: темой высказывания становится имя лица, являющегося объектом действия.

Возникновение данной модели иллюстрирует вывод Н. Д. Арутюновой: «Русский синтаксис подвижен. Он чутко реагирует на прагматическую ситуацию, семантику предикатов и варьирование когнитивной модели. В нем заметна тенденция к смещению имени лица (агенса или псевдоагенса) в зависимую позицию или его устранению из высказывания» [Арутюнова 1999: 812].

3.1.1. Собственно возвратные конструкции — предложения с событийными глаголами СВ и НСВ, которые обозначают изменение состояния определенного лица. В глаголе актуализируется значение опативности.

Ср.: *Я сдам зачет и **допущусь** к экзаменам;*

*Этот студент всегда **допускается** к экзаменам (разг.);*

*Если Клинтон **избирается**, у нас будут одни планы, а если Клинтон **не избирается**, у нас будет другая стратегия (ТВ).*

Отсутствие в глаголе семы опативности приближает предложение к разряду пассивных конструкций; ср.: *Она [оперная дива] тогда была на гребне своей славы, но она не знала, что скоро она оттуда **уберется** (ТВ).*

3.1.2. Рефлексивно-посессивные конструкции строятся на основе метонимического переноса при трактовке событий; ср. следующие высказывания: *Группа **обсудится** в следующем месяце* («обсудят работу этой группы»); *Аспирант **утвердился** в январе* («тему диссертации аспиранта утвердили в январе»); *Мы уже **создались*** (о создании новой общественной организации; ТВ, 2022 г.).

3.1.3. В общевозвратных конструкциях имеет место увеличение силы субъекта, хотя в глаголе отсутствует сема преднамеренности действия. Ср.: *Я в тот год быстро **прослушался** и уехал на гастроли (ТВ); Ты мне сегодня больше не звони: я сейчас **прокапаюсь** и пойду на процедуры; Вы там наверху **капались**? (разг.);*

3.2. Активные конструкции с постфиксальным глаголом со значением преднамеренности действия.

Рассмотренные выше предложения с формальной активностью субъекта отличаются от активных конструкций метонимического характера, обозначающих преднамеренное действие субъекта-инициатора, хотя он не является реальным

производителем действия. В таких предложениях обычно называется агенс или место действия. Ср.: *Отец стрижется у Сергея; Анна красится в салоне на соседней улице; Он одевается в Москве.*

3.3. Увеличение силы субъекта при синтаксической деривации декаузации.

При данной деривации исходная конструкция с глаголом-бикаузативом превращается в конструкцию с одновалентным каузативным глаголом. У моделей общее сигнификативное ядро: локально направленное действие субъекта, имеющее своим следствием пространственную смежность с объектом; например:

- (1) *Садовник окружил дом сиренью — Публика стала окружать негодяев, и тогда в дело вступил Коровьев.* (М. А. Булгаков);
- (2) *Мы закрывали окна шторами — Отделаться от соек мне не удалось. Они носились вокруг, орали, бросались на собаку, залетали вперед, закрывали дорогу* (журн.).

При декаузации потеря синтаксической позиции средства воздействия в творит. пад. восполняется в модели-деривате увеличением семантической емкости субъектной позиции: субъект становится не только каузатором локально направленного действия, но и осуществляет его. При этом субъект приобретает особые содержательные характеристики — «определенность», «множественность». Эта позиция предназначена для имен существительных с пропозитивным значением. Они обозначают несчитаемое множество, единое целое, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество» (это формы ед. ч. в именит. пад. вещественных или отвлеченных существительных или формы мн. ч. конкретных существительных). Макросемантический разряд имен существительных, способных занимать эту позицию, представляют два концепта — концепт «множество» и концепт «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Вывод. Синтаксическая система русского языка имеет большой арсенал способов формирования композиционной семантики активных конструкций.

Оператор «сила субъекта» имеет статус концепта, который, благодаря действию прагматических механизмов языковой системы, находит разные способы своего представления в модельной семантике предложений при трактовке процессов, событий, фактов: в координации форм системных категорий имени и глагола, представляющих семантические категории предложения субъекта и предиката. Бинарная категория «субъект / объект» показывает палитру значений субъектности-объектности, обнаруживая признаки диффузной категории.

Литература

Авилова Н. С. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М., 1980. С. 613–618.

Алпатов В. М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 146–150.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. 896 с.

Арутюнова Н. Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М.: Индрик. 2003. С. 7–23.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 518 с.

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. С. 264–284.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: 1975. С. 53–87.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.

Демьянков В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. трудов. М.—Калуга: Эйдос, 2007. С. 26–33.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 203 с.

Лазуткина Е. М. Еще раз о синтаксической категории лица // Язык: поиски, факты, гипотезы. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 336–358.

Лазуткина Е. М. Процессы фразеологизации в синтагматике на разных уровнях языковой системы русского языка // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З. М. Шалапиной (1946–2020) / Отв. ред. А. И. Коган. М.: ИВ РАН, 2021. С. 66–75.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. М.—СПб.: Наука, 2011. С. 305–461.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.

Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. 314 с.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 369 с.

ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 303 с.

Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола // Известия отделения русского языка и словесности АН. Т. IV. 4. 1899. С. 1153–1158.

Шведова Н. Ю. Объектная форма в субъектной позиции // Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: ЯСК, 2005. С. 264–270.

Daneš F. Pokus o strukturní významů českého slovesá // Slovo a slovénsnost. Praha. 1971. № 3. P. 197–207.

Traugott E. C., Dasher R. B. Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

E. M. Lazutkina

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lazutkelena@yandex.ru*

THE OPERATOR “THE POWER OF THE SUBJECT” IN THE MODEL SEMANTICS OF ACTIVE CONSTRUCTIONS

The article is devoted to the study of the possibilities of the grammatical system of the Russian language in the construction of active constructions. The author postulates the action in the syntax of the operator “the power of the subject”, which has the rank of a concept, which, like other operators of thought processes, determines the semantics of the sentence.

The research material is models of verbal sentences that show asymmetric relations of the components of their structure in the aspect of *form — meaning — function* and are located on the periphery of the functional-semantic field “active construction”. The analysis is carried out from the point of view of modern functional linguistics, the main principle of which is modeling the activities of native speakers. The methodological basis for explaining the action of the pragmatic mechanisms of the language system is the syntactic person category — a modus category that shows the communicative preferences of speakers, plays an important role in the construction of a sentence. A tool for the study of the semantic organization of a sentence is the concept of the syntactic position of the case form of a word. It reveals the same functional properties of macro-semantic vocabulary classes that represent concepts.

The change in the power of the subject in derived models is indicated by the categorical semantics and the case form of the name in the position of the topic, the word order, the coordination of the semantic categories of the subject sentence and predicate, the interaction of the system categories of the name and verb. The analysis shows that the operator “power of the subject” acts together with evaluative elements and with other mental categories; for example, optativity category, category of highlighting, dynamics / statics, certainty / uncertainty, assertion / negation.

Keywords: syntax theory, syntactic semantics, pragmatic mechanisms of language, conceptual analysis.

References

- Avilova N. S. [The category of the voice and the categories of transitive and intransitive verbs]. *Russkaya grammatika*. [Russian Grammar. Ed. by N. Yu. Shvedova]. Vol. I. Moscow, “Nauka” Publ., 1980, pp. 613–618. (In Russ.)
- Alpatov V. M. [Structuralism and modern Linguistics]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. Moscow, 2018, no. 5, pp. 146–150. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and the world of man]. Moscow, “Yazyki russkoi kul'tury” Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. [About the work of the group “Logical analysis of language” of the Institute of Linguistics]. *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe*. [Logical analysis. Selected]. 1988–1995. Moscow, “Indrik” Publ., 2003, pp. 7–23. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniI. Kognitivnaya teoriya yazyka*. [Language and knowledge system. The cognitive theory of language]. Moscow, “Izd. Dom YASK” Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)
- Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatikiI*. [Categorization in a grammar system]. Moscow, “Yazyki slavyanskikh kul'tur” Publ., 2012. 518 p. (In Russ.)
- Bondarko A. V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*. [Verbal categories in the system of functional grammar]. 2-e izd. Moscow, “Izd. Dom YaSK” Publ., 2017, pp. 264–284. (In Russ.)
- Daneš F. [An attempt at structural analysis of Czech verb meanings] *Slovo a slovesnost*. Praha, 1971, no. 3, pp. 197–207. (In Czech)
- Dem'yankov V. Z. [“Concept” in the philosophy of language and in cognitive linguistics]. *Kontseptual'nyi analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya. Sb. nauch. trudov*. [Conceptual analysis of language: modern research directions. Collection of scientific papers]. Moscow-Kaluga, “Eidos” Publ., 2007, pp. 26–33. (In Russ.)
- Fortunatov F. F. [About voices of the Russian verb]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN*, vol. IV, 4, 1899, pp. 115–1158. (In Russ.)
- Kibrik A. E. [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaneya*, 2008, no. 4, pp. 51–77. (In Russ.)
- Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language: Cognitive Research]. Moscow, “Znak” Publ., 2012. 203 p. (In Russ.)
- Lazutkina E. M. [Once again about the syntactic category of the face]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N. Yu. Shvedovoi* [Language: searches, facts, hypotheses. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician N. Y. Shvedova]. Moscow, “LEKSRUS” Publ., 2016, pp. 336–358. (In Russ.)
- Lazutkina E. M. [The processes of phraseologization in syntagmatics at different levels of the Russian language system]. *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki. Sochetaemost' yazykovykh edinit i yazykovye modeli. Pamyati Z. M. Shalyapinoi (1946–2020)* [Problems of general and Oriental linguistics. Compatibility of language units and language models. In memory of Z. M. Chaliapina (1946–2020)]. Moscow, IV RAN Publ., 2021, pp. 66–75. (In Russ.)

Lomonosov M. V. [Russian Grammar]. Lomonosov M. V. *Polnoe sobr. soch. v 10-ti tomakh. 2-e izd., ispr. i dop. T. 7. Trudy po filologii* [Complete collected works in 10 volumes. 2nd ed. Vol. 7. Works on philology]. Moscow—St. Petersburg, “Nauka” Publ, 2011, pp. 305–461. (In Russ.)

Lomtev T. P. [On the absolute and relational properties of syntactic units (On the notion of position in syntax theory)]. *Filologicheskie nauki*, 1960, no. 4, pp. 15–28. (In Russ.)

Nekrasov N. P. *O znachenii form russkogo glagola* [About the meaning of the forms of the Russian verb]. St. Petersburg, 1865. 314 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. [The object form in the subject position]. Shvedova N. Yu. *Russkii yazyk. Izbrannye raboty* [Russian language. Selected works]. Moscow, “YaSK” Publ., 2005, pp. 264–270. (In Russ.)

Teliya V. N. *Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannye znacheniya slov v yazyke* [Types of language values. Related meanings of words in the language]. Moscow, “Nauka” Publ., 1981. 269 p. (In Russ.)

TFG 1991 — *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Functional grammar theory. Personality. Voice.]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1991. 369 p. (In Russ.)

TFG 1992 — *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Functional grammar theory. Subjectivity. Objectivity. The communicative perspective of the utterance. Certainty / Uncertainty]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1992. 303 p. (In Russ.)

Traugott E. C., Dasher R. B. *Regularity in semantic change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 364 p.

Vinogradov V. V. [About the modality category and modal words]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian grammar]. Moscow, “Nauka” Publ., 1975, pp. 53–87. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [The basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, “Nauka” Publ., 1977, pp. 118–139. (In Russ.)

И. И. Рыжаченков¹, Е. В. Рахилина^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

²Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ryzhachenkov@mail.ru, rakhilina@gmail.com

ЖИЗНЬ И СУДЬБА КАЛЕК XVIII ВЕКА: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследуется процесс семантического калькирования — на корпусных данных русского языка XVIII–XIX вв. Акцент делается не на вхождении языковой единицы в язык, то есть на самом появлении кальки, а на ее последующем существовании в нем. Рассматриваются разные этапы адаптации калькированного слова к морфо-синтаксической системе, лексическая конкуренция новой единицы с другими — вплоть до причин исчезновения ее из узуса. Материалом нашего исследования стало полисемичное слово *расположение*, структура многозначности которого претерпела значительные изменения с тех пор, как оно вошло в язык. Эти изменения были тщательно прослежены по корпусным и словарным данным, а также данным картотеки Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; были определены наборы контекстов, свойственных каждому историческому периоду жизни этого слова. Это позволило рассматривать лексему *расположение* на фоне обширных данных европейских исторических корпусов и академических словарей. Совпадение сочетаемостных и грамматических свойств кальки в языке-реципиенте и калькируемой лексемы в языке-источнике, с одной стороны, и учёт экстралингвистических данных — с другой, позволили определить время и язык калькирования. Корпусные свидетельства о последующих расхождениях свойств источника с реципиентом позволяют говорить о моделях диахронического изменения калькированной лексики.

Ключевые слова: диахронические исследования, корпусная лингвистика, калькирование, конструкции, семантические кальки

1. Введение

Класс слов, частично или полностью построенных по иноязычному образцу, знакомый нам как кальки, был подробно описан ещё в середине XX века [Betz 1949, Hüttl-Worth 1956]. Среди исследований на русском языковом материале

наиболее полное описание калек представлено в [Unbegaun 1932, Арапова 2000]. Все эти работы объединяет то, что, во-первых, кальки рассматриваются там в русле социолингвистических процессов и, как следствие, экстралингвистические доказательства калькирования преобладают над собственно лингвистическими; во-вторых, главным является синхронный метод исследования, не предполагающий сопоставления лексико-грамматических свойств калек на разных этапах развития языка. При таком взгляде на кальки внимание уделяется их общей классификации — по времени и обстоятельствам калькирования, языку-источнику и — в некоторых случаях — по функции кальки на определенном историческом срезе. Между тем за рамками исследования остаётся «жизнь» калькированной единицы после вхождения в язык, её адаптация к новым условиям или возможные причины исчезновения.

Корпусные технологии позволяют решать и эти задачи, предлагая новые инструменты для выявления и описания калек. Систематизация результатов поиска, получение статистических данных, исключение из фокуса исследования окказиональных образований помогают верифицировать гипотезы о калькировании, дополняя и уточняя имеющиеся данные. Использование корпуса позволяет очертить путь семантической эволюции калек в языке-реципиенте, отметить взаимовлияние с разными уровнями его языковой системы, а главное, выйти за рамки изучения калек XVIII–XIX вв. в парадигме карамзинского, пушкинского, лермонтовского и т. д. идиолекта.

Другая причина нашего интереса к калькам обусловлена более общей задачей выявления отличий между разными историческими нормами: языком первой трети XIX века и современностью. Только за последние годы подобная проблематика в том или ином виде прозвучала сразу в нескольких больших работах [Добровольский 2013; Добрушина, Даниэль 2016; Ахапкина, Добрушина 2019 и др.]. В том же ряду стоит проект комплексного лингвистического комментария повести М. Ю. Лермонтова «Фаталист» [Рахилина, Бычкова 2022], который стал отправной точкой для нашей работы. В настоящей статье, написанной в рамках этого проекта, делается акцент на расхождении между двумя историческими нормами на материале семантических и словообразовательных калек.

Если отступления от синхронной грамматической нормы обычно очевидны даже при поверхностном чтении, то исторические изменения в лексике часто остаются незаметными для носителя. Ещё сложнее заметить семантические сдвиги у калькированных слов, которые облекают заимствованное из чужого языка лексическое значение в привычную носителю языковую форму. Привычный графический облик кальки в совокупности со знакомым контекстом нередко создают у читателя иллюзию понимания, поэтому сама инородность такого употребления остаётся незамеченной. То, что такие «обыденные» лексемы как *впечатление* или *влияние* были в своё время калькированы из французского и только затем адаптировались к лексической системе русского языка, далеко не очевидно.

Особенно трудной задачей является определение семантических сдвигов у калькированных слов с разветвлённой сетью значений. Без знания их исконной

структуры многозначности в диахронии невозможно учесть все тонкости, связанные с особенностями лексической сочетаемости на синхронном уровне. Носитель языка-реципиента может даже не подозревать о тех значениях кальки, которые были позаимствованы из языка-источника на определенном историческом этапе, но впоследствии утратились. В одних случаях такая утрата коррелирует с процессом лексической конкуренции калек и заимствований, для которых характерны те же процессы, что и для синонимов [Арапова 2000]; в других — с кодификацией лексической нормы, которая обычно сопровождалась ожесточенными спорами между противниками и сторонниками калек. Ср. [Smith 1996], где обсуждаются кальки с французского, вошедшие в русский в период противостояния пуристов и реформаторов в XVIII в. (похожую предысторию калькирования, в проекции чешского языка, находим в [Thomas 1978]).

В ряде работ [например, Виноградов 1982; Сорокин 1965; Живов 2017] кальки рассматриваются в качестве одного из главных источников полисемии для русской абстрактной лексики XVIII в. Согласно [Живов 2017], в русском литературном языке этого периода существовала потребность в выражении новых смыслов, порождаемых стремительным изменением культурной ситуации. Пуризм в сочетании с необходимостью семантических инноваций, с одной стороны, и значительное расширение языковых контактов — с другой, предопределили обогащение словаря за счёт словообразовательных и семантических калек.

Важно отметить, что процесс калькирования у многозначного слова — при взгляде в диахронической перспективе — предполагает многоступенчатость и допускает разные языки-источники

В этом небольшом исследовании мы рассмотрим развитие нескольких калькированных значений многозначного слова *расположение* в период с XVIII века до современности. Эту лексему мы выбрали неслучайно: *расположение* — абстрактное существительное, обладавшее целым рядом переносных употреблений, большая часть которых, как будет показано, совершенно незнакома современным читателям. Наша цель — проследить путь диахронического развития семантических калек полисемичного слова *расположение*. Основное внимание будет уделено не экстралингвистическим обстоятельствам заимствования калек из языка-источника, а лексико-грамматическим особенностям их использования в языке-реципиенте. В частности, мы рассмотрим разные этапы адаптации калькированной единицы к морфо-синтаксической системе русского языка, определим лингвистические причины её исчезновения из узуса. Особый интерес для нас представляет процесс лексической конкуренции калек и заимствований, существующих и впоследствии сменяющих друг друга. Итак, в этом исследовании мы попытаемся очертить жизненный цикл семантической кальки после её вхождения в язык.

Нашими источниками были: картотека Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, корпусные данные НКРЯ и некоторых других корпусов (в частности, [PHI Latin Texts], [DMF]), а также русские, французские и немецкие диахронические словари.

В разделе 2 мы обсудим происхождение лексемы *расположение* и её диахронические значения. Далее будет показано, что приращение структуры многозначности этого слова происходило за счёт семантического калькирования; судьба трех выбранных значений рассмотрена в разделах 3–5. Итоги работы подводятся в разделе 6.

2. *Расположение*: историческая справка

Работая в докарпусную эпоху, исследователи не без оснований связывали появление большинства семантических и словообразовательных калек в текстах XVIII–XIX вв. с именем Н. М. Карамзина как известного реформатора русского языка. Это касается и интересующей нас лексемы *расположение*: в [Ефремов 1974: 61] она дается как пример словообразовательной кальки, введенной Н. М. Карамзиным. Между тем, НКРЯ фиксирует употребления этого слова и его производных в более ранний, докарамзинский период.

По-видимому, словообразовательная калька *расположение*, сложенная из церковнославянских морфем¹ *рас-* и *-ениj-*, пришла в русский язык из латинского ещё в XVII в. вместе с переводами религиозной, научной и военной литературы. На это указывает употребление кальки в рукописи «Лествица умножения перстов или Стол Питагорев», в которой она дана в качестве перевода латинского термина *dispositio*² (1).

- (1) *Диспозицио*. Расположение [Леств.умн.перст. Лествица умножения перстов или Стол Питагорев. — Рукоп. БАН. Арх.собр. Д. 479. К. XVII в.]

Архаизмы *лѣствица*, ‘шкала, таблица’ и *перст* ‘единица измерения ширины, толщины’ [СлРЯ XVIII: 11/156–157; 19/175] эксплицируют математическую сферу употребления лексемы *расположение*, намекая на исконность её пространственного значения в русском языке. Первичность пространственного значения кальки в русском подчеркивает и её дефиниция в [СлРЯ XI–XVII вв.: 22/30], в которой *расположение* представлено в качестве синонима однокоренной лексемы *положение*, а другие известные на синхронном уровне значения отсутствуют.

Ещё один докарамзинский пример *расположения* обнаруживаем в переводе польского «Похождения в Святую землю князя Радивила Сиротки» в первой трети XVII века.

- (2) *О расположении града Кандиц и о крепости (о obronie) ея* <...> [Пер. с польск. изд. 1617 г.]

В этом примере, как и в более поздних (3)–(4), калькированный латинизм обозначает местонахождение объекта в пространстве. Очевидно, валентная структура

¹ Согласно [Арапова 2000], в XVIII веке при выборе компонентов для нового русского слова, калькирующего иноязычный образец, предпочтение отдавалось более книжному церковнославянскому варианту.

² ‘Расстановка, размещение, расположение, правильное распределение, военная организация’ в прямом значении [Дворецкий 1976: 336–337].

расположения в исходном пространственном значении подразумевала наличие актантов ОБЪЕКТ и МЕСТО и вписывалась в композиционную модель управления глагола *располагать*.

- (3) — О *расположении* при сем Граде строений домов, улиц, прешпектов и прочаго, о том многие Его Величества свидетелствуют зделанные планы. [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]
- (4) *Перемѣнять расположение ескадръ въ третьемъ ордѣрѣ демарши*. [И. Голенищев-Кутузов [перевод сочинения П. Госта с французского. Искусство военныхъ флотовъ (1764)]

Однако, заполнение всех семантических валентностей требовалось не всегда: в более ранних примерах кальки (2), её модель управления обычно допускала эллиптическое опущение актанта МЕСТО. См. также (5)

- (5) *Откуда следует, что величина и фигура частиц или порядок и расположение оных суть причиною разного преломления лучей*. [М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]

Отметим, что калька *расположение* имела и другие пространственные интерпретации, которые постепенно расширяли её структуру многозначности в первой половине XVIII века. Одной из таких интерпретаций было перенесенное из латыни толкование *dispositio* как ‘военной организации’ [Дворецкий 1976], [Lewis & Short 1879].

- (6) *И что аз написах ти, сыне мой, в салдатском расположении, вся та памятствуй, <...>* [И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725)]
- (7) *Понеже по известию от генералитета, и штап офицеров, которые были у расположения полков, что помещики большая часть желают, чтоб полкам квартир не строить <...>*. [[Петр I]. Плакат о зборе подушном и протчем (1724)]

Как видим, это калькированное употребление развивает в русском языке производное метонимическое значение места — как ‘района размещения войск’³. В отличие от других пространственных значений (см. разделы 3–5), ему удалось закрепиться в узусе и даже расширить свою сочетаемость (8). Появившаяся в пет-

³ Образование этого семантического деривата является следствием актантной метонимии: имеющий валентность МЕСТО предикат *расположение* начинает осмысляться как МЕСТО, таким образом, приобретая локативное значение. Соответственно, модель управления редуцируется: актант, кодирующийся предложной конструкцией, исчезает, а выражение прямого объекта при предикате становится факультативным (он уходит за кадр). Такого рода перестройка валентной структуры, сопровождающая метонимию, подробно описывается в [Падучева 2004] и [Кустова 2004].

ровскую эпоху в качестве военного термина, эта пространственная интерпретация сохранилась в русском языке до настоящего времени [МАС 1999], [Ожегов Шведова 2006].

(8) <...> это заучивается наизусть и тайно ночью в рюкзаках выносятся из **расположения** редакции для гордой демонстрации друзьям, родне и иностранцам. [«Столица», 1997.04.15]

В европейских языках латинизм *dispositio* появился значительно раньше, чем в русском. Так, например, во французском это слово было заимствовано ещё в XII веке [FEW: 98], наиболее ранний пример в немецком, согласно [DWB: 1153], датирован 1521 годом. При этом в обоих случаях *dispositio* встраивается в язык без значимых изменений морфемной структуры, образуя в нём семантические и словообразовательные дериваты. См. подробнее в [TLFi].

Важно отметить, что заимствованное слово *диспозиция* обнаруживается и в русском, но в отличие от европейских языков здесь оно не получает широкого распространения и используется преимущественно в военных и административно-правовых контекстах⁴.

Согласно корпусным данным, в первой половине XVIII века *диспозиция* оказывается даже употребительнее кальки. Однако в дальнейшем частотность заимствования резко падает — уже к концу XVIII столетия оно практически исчезает из узуса. По всей видимости, вытеснение латинизма его словообразовательной калькой было обусловлено языковой программой классицистического пуризма⁵, избегавшего немотивированных заимствований и варваризмов.

⁴ См. примеры типа: *И учинена диспозиция таким образом, чтоб дацким и саксонским войскам оногo неприятеля атакировать <...>* [А. М. Макаров История Свейской войны (1698–1721)]

⁵ Согласно [Живов 2017: 992], после недолгого периода активного использования заимствований как символов европейской ориентации господствующим принципом развития лингвистической системы русского языка в постпетровскую эпоху становится пуризм.

Таким образом, словообразовательная калька XVII-го века *расположение* встраивается в русский язык в пространственном значении и конкурирует с прямым заимствованием *dispositio*, которое довольно скоро проигрывает эту конкуренцию. Дальнейшее развитие полисемии *расположения* в XVIII веке, как мы видели, происходит за счёт метонимии пространственного значения, а также за счёт последовательного перенесения других, непространственных значений латинского источника в русский — и их дальнейшего метонимического развития⁶. В этой работе мы оставим в стороне непространственные контексты: корпусный анализ показывает, что структура многозначности *расположение* «содержала и другие пространственные кальки, причем как бегло упомянутые словарями, так и упущенные лексикографами, а именно: ‘организация текста’, ‘организация архитектурного пространства’, ‘сложение части тела /тела’. О них мы последовательно расскажем в разделах 3–5.

3. ‘Организация текста’

Это значение известно лексикографам-историкам: в частности, оно упоминается в [Словарь Пушкина: 1016], однако статус его как калькированного, детали семантики, сочетаемости и дальнейшего развития нуждаются в прояснении. Дело в том, что это значение не выводится из контекста и едва ли угадывается при поверхностном чтении. То, что в примерах типа (9) *расположение* обозначает композицию литературного текста, а не его пространственное размещение на странице — неочевидно для носителей современной языковой нормы.

(9) *Свобода? в слоге, в расположении* — но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торж. <ественной> оде? [1825–1826]⁷

Исходно это тоже латинизм — хотя в античной риторике *dispositio* как термин имел и другое, более частное значение: называл второй этап работы над речью, который предполагал организацию аргументов в определенной логической последовательности (ср. другие этапы *inventio*, *elocutio*, *memoria* и *pronuntiatio*) [Gaunt 1952]. Действительно, корпусные данные для *dispositio* дают и наше искомое значение

⁶ В первую очередь отметим волеизъявительное значение ‘распоряжение’, ср. *Штамбъ — конторбъ — сборъ денежной по расположению камарь-колегіи* [Письма, указы и заметки Петра I-го. (1704–1725 г.)] Как и в случае с пространственной калькой, этот многоактантный предикат (см.: ЧЕГО, КОМУ, ОТ КОГО) имел производное метонимическое значение ДЕЙСТВИЕ > РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ: ‘распорядительный документ’. *Изъ послѣдняго нашего рескрыта от 24 декабря усмотрѣли вы, какое отъ насъ здѣсь расположеніе объ укомплектованіи корпуса генерала Лессія <...>* [Бумаги кабинета министров 1735]

В эту же эпоху были калькированы значения ‘склонности, намерения’ и ‘состояния, настроения’ [САР: 1284], [Словарь Даля], [Словарь Пушкина: 1016]. Ср.: <...> *что бы оныхъ своѣхъ сілѣ по расположенію ума употребіти мogle:* [Перевод трактата С. Пуфендорфа. (1726)] *Не можно быть в святомъ расположении, да чтоб не умалить жестокости в томлении.* [В. К. Третьяковский. Слово «О терпении и нетерпеливости» Фонтенелево (1743)]

⁷ Цит. по [Пушкин 1978]

организации структуры произведения: например, в (10) он помогает ритору охарактеризовать художественную композицию эпилога в тексте Гомера.

- (10) *Igitur, ut Aratus ab Ioue incipiendum putat, ita nos rite coepturi ab Homero uidemur. <...> Nam epilogus quidem quis umquam poterit illis Priami rogantis Achillem precibus aequari? Quid? in uerbis, sententiis, figuris, **dispositione totius operis nonne humani ingenii modum excedit?**—ut [Marcus Fabius Quintilianus, Institutio Oratoria 10.1.1.1]*

Как видно из примера (12), форма *dispositione* (в аблативе) управляет объектным генитивом *operis*, а характерный для композиционных сочетаний этого слова актант МЕСТО отсутствует — в точности как в примере (10). В то же время на начальном этапе использования слова *расположение* в смысле организации текста, то есть в первой половине XVIII века, мы видим у него много контекстов терминологического плана — синтаксически изолированных, «безвалентных» употреблений.

- (11) *Расположение есть избранных идей соединение в пристойной порядке* [Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию (1748)]⁸
- (12) *Писатели!*
<...> Кому удастся выбрать по своим силам дело, тот не будет иметь недостатка в красноречии, того также не оставит и чистый порядок в расположении. <...> [В. К. Тредиаковский. Горация Флакка «Эпистола к Пизонам о стихотворении и поэзии» (1751–1752)]
- (13) *Слов довольно; но все сии слова как пронизки на шнур без разбора положены: <...> нет **расположения**, нет порядка <...>* [В. К. Тредиаковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... (1750)]⁹.

По нашему мнению, это тоже влияние латыни — как терминологического образца, хотя безвалентных латинских примеров с такой семантикой в нашей выборке немного, ср.:

- (14) *<...> et Cicero quidem in Rhetoricis iudicium subiecit invention; mihi autem adeo tribus primis partibus videtur esse permixtum (nam neque **dispositio** sine eo neque elocutio fuerit) <...>* [Marcus Fabius Quintilianus, Institutio Oratoria 3.3.1.1]

Широкое распространение этой кальки в русском, скорее всего, произошло под влиянием французского языка: время самого активного использования кальки (конец XVIII столетия) совпало с расцветом эпохи франкофонии, которая дала второе дыхание. Во французском языке лексема *disposition*, имела особую продуктивность

⁸ Цит. по [Ломоносов 1952]

⁹ Цит. по [Тредиаковский 1750]

в области литературоведения. См. примеры *la disposition de son discours* <...> *la disposition d'un Poëte* в [Dictionnaire de l'Académie française 1694] и примеры (15–16)

- (15) **В расположении поэмы сей более всего заслуживает внимание развязка.** [И. А. Крылов. Примечание на комедию «Смех и горе» (1793)]
- (16) **Расположение всякой книги долженствует быть такое, чтобы оно было внятно и вразумительно** <...>. [П. С. Батулин. Исследование книги О заблуждениях и истине (1790)]

Заметим, что в период конца XVIII — первой трети XIX вв. «безвалентные» контексты из узуса исчезают. Ослабление позиций французского языка к концу XIX века, с одной стороны, и давление частотных русских пространственных конструкций потребовали адаптации кальки к системе русского языка. Её модель управления снова меняется: предикат встраивается в композиционную трёхвалентную модель управления глагола *располагать*: *расположение N-Gen в N-Loc*. Таким образом, семантический аргумент МЕСТО (расположения) — поэма как в (15), книга как в (16) и под., превращается из синтаксического объекта в локативную группу. Ср. *изменить расположение 'композицию' книги vs изменить расположение 'место' книги на полке*. Новый синтаксический объект — части текста — предполагает множественное число, так что множественный объект становится маркером утраты кальки:

- (17) *Даже в порядке расположения стихотворений в сборнике чувствуется работа; автор не новичек, «Листья» — вторая его книга.* [Ю. К. Терапиано. Среди новых книг (1927) // «Новый корабль», № 2, 1928]

Таким образом, появившись в русском языке примерно в середине XVIII века, калька со значением 'организация текста' сохранялась в лексиконе носителей до последней трети XIX столетия. Её наиболее поздние примеры принадлежат носителям «старой» нормы. Так, публицисту и философу Н. П. Гилярову-Платонову приходится уточнять значение лексемы *расположение*, чтобы оставаться понятным своими современниками. Неочевидность кальки в конце XIX в. прочитывается и в её графическом оформлении в кавычки (18).

- (18) *Но прежде чем писать самую проповедь, мы обязаны были подать ее «расположение», то есть существо и порядок мыслей, которые в ней будут изложены.* [Н. П. Гиляров-Платонов. Из пережитого. Том 2 (1886)]

По всей видимости, утрата этого калькированного значения коррелировала с появлением литературного термина *композиция*, который является не калькой, а прямым заимствованием (19).

- (19) *За особым столом сидит Праздношатающийся, <...> занимающийся отчасти изучением торговли и промышленности, отчасти же композицией нравоописательных статей а la Тряпичкин.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)]

Здесь стоит сделать одно важное отступление. Заимствование лексемы *композиция* произошло ещё в середине XVIII века (20) — в то же время, когда в структуре многозначности *расположения* появилась интересующая нас калька. Однако на протяжении целого столетия *композиция* употреблялась в других значениях: ‘произведение (музыки, живописи и т. д.)’, ‘теория составления музыкальных произведений’ (20), ‘сплав’ (21), [МАС 1999: 86].

(20) *Такъ какъ незнающему композиціи музыкальной, когда секунда, кварта, секста-миноръ и септима суперфлуа здѣлають диссонанцію, то по коихъ поръ кварта на терцію, секста на квинту а септима на октаву не разрѣшятся <...>* [[В. К. Тредиаковский?]. О качествахъ стихотворца рассужденіе 1755]

(21) *За сим в непродолжительном времени могло бы последовать доставление к Вашему Сиятельству и морских мутов <...>, а может быть иобретение той славной композици для обмазки кораблей <...>.* [Н. А. Львов. Письма (1800)]

Ядерное на синхронном уровне значение ‘соотношение составных частей текста’ отмечается у *композиции* лишь в середине XIX в. — то есть как раз в период утраты соответствующей семантической кальки у лексемы *расположение*.

4. ‘Организация архитектурного пространства’

Как ясно из предыдущего раздела, пространственное значения мы понимаем достаточно широко, в частности, включая в него пространство текста. Однако в данном случае речь идет о пространственном значении в самом узком смысле — сочетаниях со словами *квартира, дом, жилище, здание* и т. п., ср. (23–24). В современном языке представление о расположении дворца предполагает его внешнюю ориентацию — по отношению к северу/югу или ближайшему городу. В языке XVIII–XIX вв. (23) интерпретировалось только как внутреннее устройство дворца, то есть расположение его внутренних помещений. Поэтому в рамках сегодняшней нормы выражение *расположение квартиры*¹⁰ в (24) выглядит несколько нелепым: внешнюю ориентацию квартиры (этаж, окна на север, близость к транспорту или магазинам) нельзя произвольно изменить. Однако в рамках старой нормы это предложение абсолютно приемлемо, так как речь идет о расположении внутренних помещений:

(23) *Не знаю я, была ли у Государей передспальня, но кажется по расположению старых дворцов, которые я запомню, ей быть надлежало.* [М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786–1787)]

(24) *«С великим неудовольствием увидел я вас, князь Александр Николаич, вчера ночью под окнами моего кабинета, потому что в расположении моей квартиры сделал я некоторые изменения.* [А. В. Дружинин. Полинька Сакс (1847)]

¹⁰ См. также: *Мы знали расположение его квартиры и знали очень хорошо, что в какую-то дальнюю комнату, расположенную в конце очень длинного, полутемного коридора, вход нам был запрещен.* [К. К. Случевский. Мой дядя. Из воспоминаний успокоившегося человека (1898)].

В отличие от кальки ‘организация текста’, пути возникновения этого значения в русском менее ясны. Есть единственный пример на терминологическое «безвалентное» употребление середины XVIII в. (25).

- (25) *Каменные Коллегии на Васильевском Острове, начаты строятся в 1722-м году, и построены **расположением** на двенадцать апортаментов.* [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)],

Вероятнее всего, источником кальки тоже был латинский термин — однако подтвержденной связи с латинским источником у нас пока нет. Существенный рост употреблений этой семантики происходит во второй половине XVIII века, и уже, как в (23–24), локацией как объектом — что, как и в случае организации текста, позволяет предположить французское влияние¹¹. Такого рода примеры встречаются до первой трети XX века ср. (26), однако затем, повторяя судьбу дискурсивного термина, эти употребления встраиваются в композиционную глагольную конструкцию (*располагать* ЧТО ГДЕ), приобретают множественный объект (27) — и калька оказывается утрачена.

- (26) *Князь, не ожидая, чтобы ему показали дорогу, направился в кабинет доктора и оттуда в спальню, точно **расположение** квартиры давно было ему прекрасно известно.* [М. Н. Волконский. Черный человек (1914)]
- (27) *При таком **расположении** домов, в случае неприятельского нападения жители аула могли отступить шаг за шагом <...>* [Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)]

В первой половине XX века значение ‘организации архитектурного пространства’ исчезло как таковое — и в соответствующих контекстах требовалось прилагательное *внутреннее*:

- (28) *Домик был в два этажа и по внутреннему **расположению** напоминал домик бояр Романовых на улице Варварке.* [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)]

И снова сходство с организацией текста: по всей видимости, исчезновение этой кальки тоже коррелировало с появлением в узусе заимствованного термина: отглагольного деривата *планировка*¹². Если в первой трети XIX века эта лексема обозначала действие по глаголу *планировать* (29), то уже к концу столетия она развивает

¹¹ Согласно [Dictionnaire de l'Académie française 1798], во французском языке XVIII века *disposition* обладала сходными сочетаемостными свойствами: «*La disposition de ces lieux-là étoit telle. La disposition d'un jardin, d'un tableau, d'une architecture de bâtiment.*»

¹² Русский отглагольный дериват *планировка* восходит к заимствованному через польское или немецкое посредство французскому *plan*, который в свою очередь обязан происхождением латинскому *planta* «подошва, очертание» [Словарь Фасмера]. Таким образом, словообразовательная латинская калька *расположение* вытесняется русским отглагольным дериватом *планировка*, который в конечном счете тоже можно считать латинизмом.

стативное значение и становится архитектурным термином, который впоследствии вытесняет кальку (30).

- (29) *Я въехал в главную улицу: везде стояли шесты с привязанным вверху пучком соломы: производилась какая-то новая **планировка!*** [Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835–1841)]
- (30) *Общая **планировка собора**, его размеры, темень времени, положенная в купола с их оконцами, — все это очень близко напоминает московский Успенский.* [К. К. Случевский. По Северу России (1888)]

Таким образом, в целом архитектурная калька повторила судьбу кальки ‘организация текста’, пройдя через все этапы своей семантической эволюции: проявление объектной валентности, изменение управления — встраивание в композиционную конструкцию и замена на термин. В этом есть определенная заданность и регулярность — но, как мы покажем дальше, так бывает не всегда.

5. Анатомическое значение: ‘сложение части тела / тела’

Это пространственное значение можно назвать анатомическим — оно характеризует взаимное положение частей тела или частей частей тела (в основном, лица или лба) относительно соответствующего целого. Соответственно, это целое (в роли МЕСТА) было объектом при таких анатомических употреблениях для *расположения* — в точности как в риторическом и архитектурном контекстах XVIII–XIX вв. — и в противоположность современным. Действительно, современная интерпретация сочетания *расположение лица* предполагает расположение лица среди других лиц (например, на фотографии), а расположение тела — адресуется нас к судмедэкспертным отчетам о том, в какой позе было найдено тело и как оно лежало относительно входа или мебели. Примеры (31–32) показывают, что по старой норме имелось в виду строение лица или тела, а не внешние ориентиры.

- (31) *Татары и Турки произошли безъ сомнѣнія отъ одной породы, что не только ихъ языкъ, но и **расположеніе лица** довольно свидѣтельствуесть.* [И. К. Таубертъ. Перевод книги Готлиба Байера с немецкого (1738)]
- (32) *Такъ-то народы дикіе одною природою, крѣпостію и стройнымъ **расположеніемъ тѣла** одаренные, равняются иногда вымысламъ нашего просвѣщенія!* [М. И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ. Перевод книги Прево и Лагарпа (1782)]

Такие употребления тоже калькированы — но определить конкретный язык-источник не просто: даже внутри нашей скромной выборки обнаруживаются переводы с разных европейских языков. Можно лишь предположить, что все эти «языки-посредники» являлись промежуточным звеном на пути семантического калькирования из латыни. Прямых латинских коррелятов пока не нашлось, но

косвенным подтверждением могут служить примеры из позднего старофранцузского, который находился под сильным влиянием латинского, ср. (33–34):

(33) <...> *e livre des bestes **la disposicion du corps** est diverse es bestes et es oyseaulx.* [Barthélémy l'Anglais, *Le Livre de propriétés des choses*, ca.1372, 56ra]

(34) *Torture ou torsure, c'est maladie officielle qui corrompt la figure et **la disposicion naturelle de la face*** [GORDON, *Prat.*, с. 1451–1500, II, 30].

Продолжая сравнивать анатомическое значение с архитектурным и дискурсивным, мы видим, что у него не встретилось изолированных употреблений без зависимых: скорее всего оно не терминологично, и это обстоятельство во многом определяет его особенную судьбу. Во-первых, появившись примерно в начале XVIII века, эта калька, в отличие от двух других, не получила широкого распространения и была утрачена на целый век раньше — а именно, уже к концу столетия (35). Ср. один из последних примеров в сегодняшней версии НКРЯ:

(35) <...> *ежели какой головной убор к лицу одной женщины, то к другой он совсем не бывает приличен; все зависит от **расположения лица**, каким образом убор бывает надет, и от лаз любовников <...>* [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)]

В отличие от рассмотренных здесь пространственных значений, утрата этой кальки была вызвана не изменением управления, а просто непродуктивностью: встраивания в общий глагольный паттерн не произошло¹³. Дело в том, что построить композициональную конструкцию с множественным объектом для анатомических контекстов практически невозможно: части тела представляют собой индивидуальные природные объекты и не поддаются простой классификации, в отличие от артефактов — помещений или фрагментов структуры текста, ср. (31): **все зависит от расположения частей (PL) на лице.*

Замены кальки иноязычным термином тоже не произошло: в этой семантической зоне термин оказался просто не нужен. Вместе с тем, в XVIII веке существовали другие и более частотные в этом значении русские лексемы *строение* и *сложение*, которые употреблялись с именем тело и его частей, а также калькированное из французского выражение *черты лица*¹⁴ — годное для (конечно, нетерминологической) характеристики свойств лица.

¹³ Зато нам встретился пример с метонимическим употреблением, подобным «военным» контекстам имени расположение (в расположении армии / в расположении редакции): *Но как в **расположении рта*** (то есть в том месте, где рот) *стремление воздуха, в движении сила разнятся, так по их мере разделяются происшедшие оттуду согласные отмены на твердые и мягкие <...>* [М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)]

¹⁴ Выражение *черты лица* начинает употребляться во второй половине XVIII в. *Да какъ, не уже ли **черты лица** моего совершенно изъ памяти твоей вышли?* [Н. Ознобишин (перевод). Несчастной французъ, или жизнь кавалера Беликурта (1764)]

Согласно [Smith 1996: 187], использование лексемы *черты* в контексте описания внешности, характера или действия является калькой с французского *traits*, подлинность которой подтверждают письма Д. И. Фонвизина и критические отзывы А. С. Шишкова.

6. Заключение

В этой работе мы исследовали небольшой фрагмент истории многозначного слова *расположение* — а именно, его пространственные значения, в период с XVII в. до современности на корпусном материале. Он показал, что исходно *расположение* — это словообразовательная калька с латинского *dispositio*, а не с французского *disposition*, как утверждалось ранее. Не исключено, что это слово — далеко не единственный пример ошибочно приписываемой Карамзину калькированной лексики, которая нередко подвергалась сверхгенерализации в попытке выстроить наиболее полную классификацию. Любопытно, что похожую судьбу, согласно [Smith 1996: 172], имела и семантическая калька *склонность*: предполагалось, что она попала в русский язык из французского вместе с многочисленными кальками XVIII столетия, однако Хюттль-Ворт доказала, что калькирование произошло раньше, еще в XVII веке — из латыни [Huttl-Worth 1956].

В дальнейшем, в XVIII веке структура многозначности латинизма *расположение*, в том числе формировалась под влиянием французского, однако в словари попала лишь часть калькированных значений. НКРЯ и картотека ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН обнаруживают и другие пространственные кальки ‘организация текста’, ‘организация архитектурного пространства’, ‘сложение части тела / тела’ — это позволило нам полнее реконструировать исконную структуру полисемии этого слова в этом сегменте.

Нам представляется, что дальнейшие изменения, связанные «проявлением» синтаксически скрытой объектной валентности *расположение* в пространственных контекстах, связано уже с давлением русского языка на исходно калькированный синтаксис. Мы показали, что испытывающие подобное воздействие кальки со значением ‘организация текста’ и ‘организация архитектурного пространства’ развили синтаксическую валентность множественного объекта и встроились в композиционную модель управления глагола *расположить*: КТО — ЧТО / КОГО (вин. мн.) ГДЕ. Параллельно в замену прежним употреблением с прежним синтаксисом были освоены заимствования *композиция* и *планировка* — но уже как термины.

Однако семантическая эволюция калек не универсальна: пространственная калька ‘сложение части тела / тела’ после встраивания в язык не получила широкого распространения и исчезла из узуса ещё во второй половине XVIII века. Утрата была обусловлена её непродуктивностью для частей тела (так что не понадобился и термин) и постепенным ростом в этот период конструкций с однокоренным *сложение* тоже с валентностью МЕСТА (а не объекта) в языке этого периода.

Как видим, большая часть калькированных семантических дериватов внутри пространственной ветви значений *dispositio* была полностью утрачена: исчезла, поменяла калькированную конструкцию на русскую, заменилась на термин.

Таков наш пример жизни и судьбы абстрактных значений, калькированных в русский. По нашему мнению, системное исследование такого рода примеров адаптации калек XVIII–XIX в русский является большой и актуальной задачей, особенно ввиду современных процессов языковой интерференции.

Литература

- Арапова Н. С.* Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 319 с.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Электронный ресурс: <https://slovardalja.net/>
- Данова М. К., Добрушина Н. Р., Опачанова А. С.* и др. Два века в двадцати словах / отв. ред. М. А. Даниэль. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 453 с.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1996. 843 с.
- Добрушина Е. Р., Ахапкина Я. Э.* Пограничный русский язык: как рождаются экспрессивные кванторные выражения? СПб.: Алетейя, 2019. 176 с.
- Ефремов Л. П.* Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1974.
- Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 тт. Том I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 815 с.
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянских культур, 2004. 470 с.
- Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950 / 1983.
- МАС* — Словарь русского языка в 4-х томах: Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М.: 2005. Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>
- НКРЯ* — Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/>
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2006.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. 610 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 т. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). 4-е изд. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.
- Рахилина Е. В., Бычкова П. А.* Русская классика XIX века и проблема лингвистического комментария (на примере «Героя нашего времени» Лермонтова). № 131. М.: ВШЭ, 2022. С. 143–169.
- САР* — Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1789–1794
- Словарь языка Пушкина:* в 4 тт. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. (Раскидаться—Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1997. 298 с.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Электронный ресурс: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/>

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М., Л.: Наука, 1965. 565 с.

Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Критика Тредиаковского. М.: Издательство АСТ, 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь. Электронный ресурс: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

A Latin Dictionary. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. revised, enlarged, and in great part rewritten by. Charlton T. Lewis, PhD and Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press. 1879.

Betz W. Deutsch und Lateinisch: Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn: H. Bouvier u. Co., 1949.

Dictionnaire de L'Académie française: 1st (1694), 5th (1798) editions; URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/>

DMF — *Dictionnaire du Moyen Français*, version 2020 (DMF 2020). ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/dmf>.

DWB — Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, Neubearbeitung (1965–2018), digitalisierte Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache, URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb2/disposition>

FEW — The etymological and historical dictionary galloroman (French and dialects d'oïl, francoprovençal, occitan, gascon) Französisches Etymologisches Wörterbuch (FEW). URL: <https://lecteur-few.atilf.fr/index.php/site/apropos>

Gaunt D. M. M. Fabii Quintiliani Institutio Oratoria. Selections with commentary and summaries of the intervening material. London, W. Heinemann. 1952.

Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien: Verlag Adolf Holzhausens. 1956.

Hüttl-Worth G. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550–1800. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 1963.

PHI Latin Texts — Classical Latin Texts. A Resource Prepared by The Packard Humanities Institute (PHI), Packard Humanities Institute (ed.), URL: <http://latin.packhum.org/>

Smith M. The influence of French on eighteenth-century literary Russian in the writings of D. I. Fonvizin. Doctoral thesis, University College London, 1996.

Thomas G. "The Role of Calques in the Early Czech Language Revival." *The Slavonic and East European Review*, vol. 56, no. 4, 1978, pp. 481–504. URL: <http://www.jstor.org/stable/4207718>

TLFi — Trésor de la langue Française informatisé, ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>

Unbegaun B. Le Calque dans les langues slaves littéraires. *Revue Des Études Slaves*, vol. 12, no. 1/2, 1932, pp. 19–48. URL: <http://www.jstor.org/stable/43268541>

I. I. Ryzhachenkov¹, E. V. Rakhilina^{1,2}

¹*National Research University «Higher School of Economics»*

²*Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences*

(Russia, Moscow)

ryzhachenkov@mail.ru, rakhilina@gmail.com

THE LIFE AND FATE OF THE CALQUES OF THE XVIII CENTURY: CORPUS RESEARCH EXPERIENCE

The article examines the process of semantic loan translation based on corpus data of the Russian language of the 18th–19th centuries. The emphasis is put not on the appearance of a linguistic unit i. e. the loan translation in the language, but on its following existence in it. Different stages of adaptation of the loanword to the morpho-syntactic system, lexical competition of the new words with others as well as the causes of its disappearance from the usage are considered. The material of our research was the polysemic word *raspolozhenie* ‘disposition’, which polysemantic structure has undergone significant changes since it entered the language. These changes were carefully examined using corpus and dictionary data, as well as data from the The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; sets of contexts for each historical period of the life of this word were determined. This made it possible to consider the lexeme *raspolozhenie* ‘disposition’ on the basis of extensive data from European historical corpora and academic dictionaries. The coincidence of the collocability and grammatical characteristics of the calques in the recipient language and the target lexemes in the source language, on the one hand, and taking into account extralinguistic data, on the other hand, allowed us to determine the time and language of calquing. Corpus evidence of subsequent differences between the characteristics of the source and the recipient allows us to talk about models of diachronic changes in calques.

Keywords: diachronic studies, corpus linguistics, calquing, constructions, semantic calque

References

A Latin Dictionary. Founded on Andrews’ edition of Freund’s Latin dictionary. revised, enlarged, and in great part rewritten by. Charlton T. Lewis, PhD and Charles Short, LLD Oxford. Clarendon Press. 1879.

Arapova N. S. *Kalki v russkom yazyke poslepetrovskogo perioda* [Calques in the Russian language of the post-Petrine period. Experience of a Dictionary]. Moscow, Moscow University Press, 2000. 319 p. (In Russ.)

Betz W. *German and Latin: The fiefdoms of the Old High German Benedictine rule*. Bonn: H. Bouvier u. Co., 1949.

Dahl V. I. *Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka*: [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: In 4 vols. Available at: <https://slovardalja.net/> (In Russ.)

Danova M. K., Dobrushina N. R., Opachanova A. S. et al. *Dva veka v dvadcati slovah* [Two Centuries in Twenty Words] / ed. by M. A. Daniel. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2016. 453 p. (In Russ.)

Dictionary of the French Academy: 1st (1694), 5th (1798) editions; Available at: <https://www.dictionnaire-academie.fr/>

DMF — *Dictionary of Middle French*, version 2020 (DMF 2020). ATILF — CNRS & University of Lorraine. Available at: <http://www.atilf.fr/dmf>

Dobrushina E. R., Akhapkina Ya. E. *Pogranichnyj russkij yazyk: kak rozhdayutsya ekspressivnye kvantornye vyrazheniya?* [Borderline Russian: how expressive quantifier expressions come into being?]. St. Petersburg, “Aletheia” Publ., 2019. 176 p. (In Russ.)

Dvoretckij I. Kh. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian dictionary] / 4th ed. Moscow, “Russ. Yaz.” Publ., 1996. 843 p. (In Russ.)

DWB — *German dictionary by Jacob Grimm and Wilhelm Grimm, revised (1965–2018), digitized version in the Digital Dictionary of the German Language*, Available at: <https://www.dwds.de/wb/dwb2/disposition>

Efremov L. P. *Osnovy teorii leksicheskogo kalkirovaniya* [Fundamentals of the theory of lexical calquing]. Alma-Ata, KazSU Press, 1974. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar* [Etymological Dictionary] Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (In Russ.)

FEW — *The etymological and historical dictionary galloroman* (French and dialects d'oïl, francoprovençal, occitan, gascon). French etymological dictionary. Available at: <https://lecteur-few.atilf.fr/index.php/site/apropos>

Gaunt D. M. *M. Fabii Quintiliani Institutio Oratoria*. Selections with commentary and summaries of the intervening material. London, W. Heinemann, 1952.

Hüttl-Worth G. *Foreign words in Russian*. A historical sketch, 1550–1800. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1963.

Hüttl-Worth G. *The enrichment of the Russian vocabulary in the XVIII century*. Vienna: Verlag Adolf Holzhausen, 1956.

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The Types of Derivative Meanings and the Mechanisms of Language Extensions]. Moscow, “Yazyki slavyanskikh kul'tur” Publ., 2004. 470 p. (In Russ.)

Lomonosov M. V. *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroj sodержitsya ritorika, pokazuyushaya obshie pravila oboego krasnorechiya, to est oratorii i poezii, sochinennaya v polzu lyubyashih slovesnye nauki* [A Short Guide to Eloquence] /

Full Collection of Works / Academy of Sciences of the USSR. Moscow; Leningrad, 1950 / 1983. (In Russ.)

Nacionalnyĭ korpus russkogo yazyka. [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/>

Ozhegov S. I. Shvedova N. Y. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Ed. 4-th revised edition. Moscow, 2006. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, “Yazyki slavyanskikh kul'tur” Publ., 2004. 610 p. (In Russ.)

PHI Latin Texts — *Classical Latin Texts*. A Resource Prepared by The Packard Humanities Institute (PHI), Packard Humanities Institute (ed.), Available at: <http://latin.packhum.org/>

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij v 10 t.* [Complete Works in 10 vol.] USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). 4th ed. Leningrad, “Nauka” Publ., 1977–1979. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Bychkova P. A. *Russkaya klassika XIX veka i problema lingvističeskogo kommentariya (na primere «Geroya našego vremeni» Lermontova)* [Russian classics of the 19th century and the problem of linguistic commentary (on the example of Lermontov's “A Hero of Our Time”)]. No. 131. Moscow, HSE, 2022, pp. 143–169. (In Russ.)

Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg: Under the Imperial Academy of Sciences, 1789–1794. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah [Dictionary of Russian Language in 4 volumes]: Description of ENI // Fundamental electronic library “Russian Literature and Folklore” (FEB). Moscow, 2005. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of 11th–17th cc.] Ext. 22. (Raskidatisya — Ryashchenko) / Vinogradov Russian Language Institute. Moscow, “Nauka” Publ., 1997. 298 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian Language of 18th century] / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language. Leningrad, “Nauka” Publ. 1984–1991. Available at: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (In Russ.)

Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. [Dictionary of Pushkin's Language]: in 4 vols. Ed. by academician V. V. Vinogradov. 2nd ed. ext. / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2000. (In Russ.)

Smith M. *The influence of French on eighteenth-century literary Russian in the writings of D. I. Fonvizin*. Doctoral thesis, University College London, 1996.

Sorokin Y. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90 gody XIX veka*. [Development of the Vocabulary Composition of the Russian Literary Language. 30–90 years of the 19th century]. Moscow, Leningrad, “Nauka” Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)

Thomas G. The Role of Calques in the Early Czech Language Revival. *The Slavonic and East European Review*, vol. 56, no. 4, 1978, pp. 481–504. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4207718>

TLFi — *Computerized treasure of the French language*, ATILF — CNRS & University of Lorraine. Available at: <http://www.atilf.fr/tlfi>

Trediakovsky V. K. Pismo, v kotorom sodержitsya rassuzhdenie o stihotvorenii, ponyne na svet izdannom ot avtora dvuh od, dvuh tragedij i dvuh epistol, pisannoe ot priyatelya k priyatelyu [Letter, which contains a discourse on the poem]. *Kritika Trediakovskogo* [Trediakovsky's Criticism]. Moscow, AST Publ., 2002. (In Russ.)

Unbegaun B. Calque in Slavic Literary Languages. *Revue Des Études Slaves*, vol. 12, no. 1/2, 1932, pp. 19–48. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43268541>

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of Russian Literary Language 17th–19th centuries]. Moscow, “Vysshaja shkola” Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoj pismennosti* [History of the language of Russian writing]: In 2 vols. Vol. I. Moscow, Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2017. 815 p. (In Russ.)

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

tanya_yanko@list.ru

ИЛЛОКУТИВНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ЗНАЧЕНИЯ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

Рассматривается структура русского вопросительного предложения как включающая два компонента: собственно вопросительный (то, что спрашивается) и несобственно вопросительный (то, о чем спрашивается). Анализируются сегментные и суперсегментные средства выражения соответствующих значений. Предложена классификация русских вопросов в зависимости от средств выражения иллокутивного значения и средств расчленения вопроса на два компонента. Выделяются вопросы, в которых отсутствуют средства отделения собственно вопросительного компонента от несобственно вопросительного. Параллельно выделяется класс вопросов, которые, напротив, имеют специальное средство расчленения вопросов на собственно вопросительный и несобственно вопросительный компоненты. Для анализа расчленения вопросов используется понятие просодического шва. Выделен также и третий тип вопросов, которые определяются как результат опущения собственно вопросительного компонента. Описание эллиптических вопросов как восходящих к расчлененным вопросам с просодическим швом между собственно вопросительным и несобственно вопросительным компонентами позволяет объяснить существование в системе вопроса, который характеризуется отсутствием сегментных показателей вопросительности и, одновременно, несет нисходящую просодию.

Ключевые слова: вопросительное предложение, просодия, порядок слов, просодический шов, акцентоноситель, собственно вопросительный компонент, несобственно вопросительный компонент, иллокутивная структура

Введение

Задача этой работы — выделение значений, формирующих вопрос, и анализ средств выражения этих значений в русском языке. В результате этого анализа мы надеемся предложить классификацию русских вопросительных предложений

в отношении к средствам выражения. Поскольку одним из средств выражения прагматических значений служит просодия, в качестве материала для анализа были взяты записи звучащей речи, полученные из Мультимодального подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и записи полученные из открытых источников, которые составили малый рабочий корпус автора (МРК).

Что касается значений, которые выражаются в вопросительных предложениях, традиция их анализа состоит в том, что в вопросе выделяется богатый набор прагматических значений, в частности, вопросы с т. н. нестандартной семантикой. Это вопросы-просьбы (*Вы не могли бы открыть окно?*), вопросы-предложения (*Ты не хочешь пойти прогуляться?*), вопросы-удивления (*Неужели это ты придумал?*), вопросы-опасения (*А я вас не стесню?*), см. работы [Брызгунова 1982b], [Падучева 1985: 233], [Стрельцов 2016] и цитированную там литературу.

В этой работе мы рассматриваем только те значения, которые делают вопрос вопросом безотносительно к тому, какие функции вопрос может иметь по замыслу говорящего или по своему воздействию на слушающего. Эти значения имеют системные средства выражения. Собственно вопросительное значение формирует иллокутивный, или *собственно вопросительный компонент* вопроса. Значение, которое противопоставлено собственно иллокутивному, формирует *несобственно вопросительный компонент* вопроса. Иллокутивный компонент вопроса — это то, что спрашивается: *Где? Какие цветы? Вася?*. Несобственно вопросительный компонент — это то, про что задается вопрос. Так, в *вопросе с вопросительным словом* (1) спрашивается про место, в котором идет строительство:

(1) *Где у вас тут цыплятник строят?* [НКРЯ].

Здесь *где* — собственно вопросительный компонент, а *у вас тут цыплятник строят* — несобственно вопросительный компонент, функционально подобный теме сообщения. Аналогично, в *да-нет-вопросе* (2) компонент *это у вас с работой связано* — собственно вопросительный, а *А переломы кистей* — несобственно вопросительный:

(2) *А переломы кистей — это у вас с работой связано?* [НКРЯ].

В вопросе с вопросительным словом собственно иллокутивный компонент формируется сегментно: с помощью вопросительного слова. В примере (1) это вопросительное слово *где*. В *да-нет-вопросе* (за исключением вопросов с частицами *ли*, *неужели*, *не так ли* и *не правда ли*) собственно иллокутивный компонент формируется просодически: с помощью восходящего акцента типа ИК-3, по Е. А. Брызгуновой [1982b: 97–122], который фиксируется на т. н. *акцентоносители* вопроса, ср. в примере (2) *акцентоноситель да-нет-вопроса* — словоформа *работой*. В вопросах, включающих *ли*, просодия вариативна. Это будет показано ниже.

Выбор словоформы — акцентоносителя вопроса определяется синтаксическими и словарными принципами, а также фактором активации информации в сознании собеседников. О проблеме выборе акцентоносителя в коммуникативном компоненте речевого акта см. [Янко 2017].

2. Понятие просодического шва

Вопрос может не иметь специальных линейно-просодических средств для отделения собственно вопросительного компонента от несобственно вопросительного. Таков, например, вопрос (1). Он сформирован как вопрос с помощью вопросительного слова *где*. Просодия здесь только оформляет речевой акт в целом и делает его отдельным от других речевых актов в потоке речи. График изменения частоты тона (на Рисунке 1 и далее это нижняя панель; на верхней панели представлена осциллограмма предложения) говорит о том, что у вопроса (1) частота после плавного повышения на вопросительном слове мягко снижается к концу предложения. Такая просодическая кривая может оформлять не только вопрос, но и повествовательное предложение. Никаких *просодических швов* — пауз или релевантных акцентов, которые имели бы отдельные акцентоносители, здесь нет.

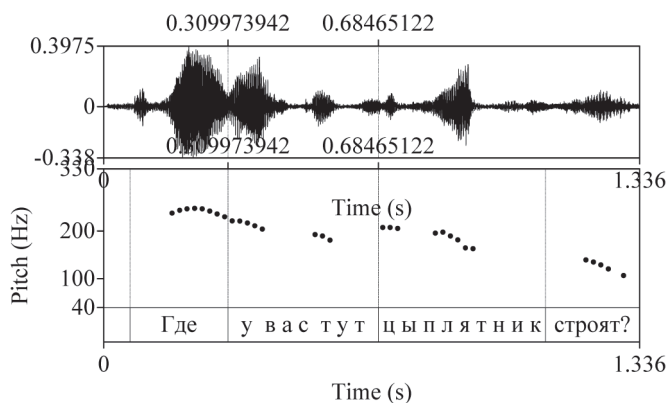

Рис. 1. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (1)

О просодических швах (prosodic breaks) см. работы [Sanderson 1996] и [Кривнова 2015], а также цитированную там литературу. В этих работах просодическое членение речи с образованием просодических швов различной глубины (величины) рассматривается с точки зрения восприятия шва аудиторией. В работах [Sanderson 1996] и [Кривнова 2015] для нидерландского и русского языков соответственно проведена экспериментальная оценка носителями языка глубины просодических швов в звучащей речи. Глубина просодического шва пробегает при таком подходе значения от 0 до 4.

В нашей работе мы рассматриваем просодический шов не с точки зрения восприятия речи, а с точки зрения ее порождения, и считаем просодическим швом границу между двумя фрагментами речи, которые несут два релевантных движения тона (или акцента) и имеют два различных акцентоносителя. Соответственно, здесь имеется в виду только один тип просодического шва без различия по глубине. Если у фрагмента предложения имеется только один акцентоноситель, то просодического шва (в нашем понимании) в этом фрагменте нет. Так, в примере (2)

между словоформами *кистей* и *это* имеется перелом тона от почти ровного слабо нисходящего на словоформе *кистей*, которая служит акцентоносителем несобственно вопросительного компонента *А переломы кистей*, и восходящего тона на словоформе *работой* в собственно вопросительном компоненте *это у вас с работой связано*, которая служит акцентоносителем вопросительного компонента. В этом вопросе у собственно и несобственно вопросительного компонента имеются автономные акцентоносители.

Разделение вопроса на два компонента с образованием между ними просодического шва связано с порядком слов. Так, для вопроса (2) и образования в нем шва существенно, что здесь несобственно вопросительный компонент расположен в препозиции к собственно вопросительному. На месте просодического шва есть или возможна пауза. Акцентоносители компонентов, между которыми имеется просодический шов, не обязаны стоять контактно друг к другу. Это положение иллюстрирует вопрос (2), где между акцентоносителями *кистей* и *работой* имеется необходимый при данном порядке слов структурный материал. В вопросе просодический шов может отделять несобственно вопросительный от собственно вопросительного. В вопросе (1) просодического шва нет, а в вопросе (2) — есть.

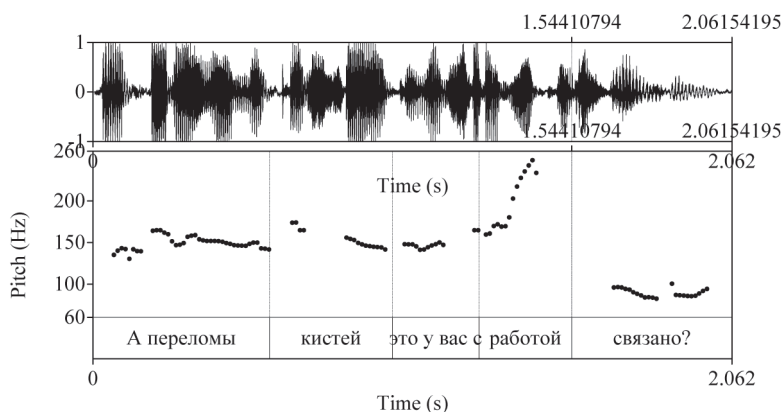

Рис. 2. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (2)

В *да-нет*-вопросе (3) с акцентоносителем вопроса словоформой *точно* просодического противопоставления собственно и несобственно вопросительного компонентов, как и в вопросе (1), нет. График изменения частот на Рисунке 3 говорит о том, что словоформа *точно*, несущая подъем тона типа ИК-3 по Е. А. Брызгуновой [1982а], — это единственный акцентоноситель вопроса.

(3) *А он точно с теплохода «Михаил Светлов»?* [НКРЯ].

Итак, в вопросах (1) и (3) просодический шов отсутствует. Между тем а вопросе (2) имеется просодический шов, и известное вопроса вынесено в препозицию по отношению к неизвестному вопросу. Наша гипотеза состоит в том, что такой тип

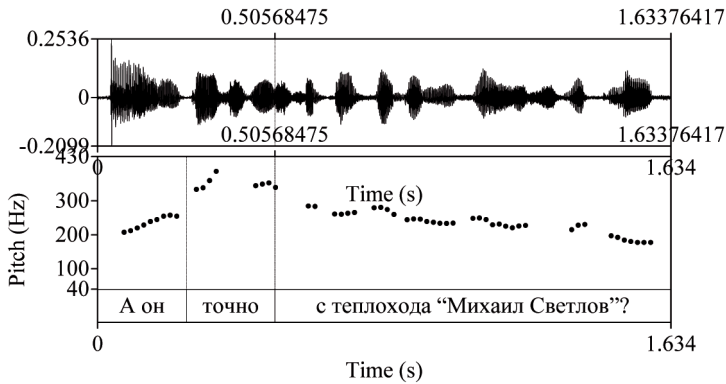

Рис. 3. Осциллограмма и кривая изменения частоты примера (3)

иллокутивной структуры объясняет просодическое оформление вопросительного предложения при эллиптическом опущении неизвестного вопроса:

- (4) — *Перелом стопы — это связано с работой пациента. — А переломы кистей?*

В вопросе из примера (4) собственно иллокутивный компонент отсутствует. При восстановлении эллипсиса может быть реконструирована, скажем, следующая структура вопроса: *А переломы кистей — это тоже с работой связано?* В эллиптическом вопросе акцентоноситель может нести нисходящий акцент типа ИК-2, т. е. артикулироваться так же, как и в известном вопросе с просодическим швом.

3. Типы иллокутивных структур

Для классификации иллокутивных структур вопроса мы используем параметр, который называем *иллокутивной расчлененностью*. Значения этого параметра: *нерасчлененный вопрос* (например, вопросы (1) и (3)), *расчлененный вопрос* (например, вопрос (2)), *эллиптический вопрос* (вопрос из примера (4)).

К выражению значений, формирующих вопрос, относятся: сегментные средства (вопросительные слова *что, где, когда, какой*, вопросительная частица *ли*, вопросительные компоненты в т. н. tag-questions *не правда ли?, не так ли?, так?, да?*); суперсегментные средства (просодия, которая определенным образом соединяется с сегментным материалом, в частности, со словоформами-акцентоносителями) и порядок слов. Эти средства используются как по отдельности, так и в комбинации друг с другом. Просодия в речевом акте может служить единственным средством выражения вопроса, как в *да-нет-вопросе* (3). В вопросе же, имеющем сегментные средства выражения собственно вопросительности, сегментные средства мажорируют суперсегментные. В таком случае просодия не служит выражению иллокутивной силы, а только делает вопрос законченным и отдельным от других речевых актов в потоке речи. Кроме того, в речевых актах как с сегментными, так и с суперсегментными средствами просодия может разделять собственно вопросительный и несобственно вопросительный компонент.

3.1. Вопросы нерасчлененной структуры

Вопросы нерасчлененной структуры могут быть сформированы 1) вопросительным словом, 2) вопросительной частицей и 3) просодией. Для обозначения иллюкутивно релевантных акцентов (фигур изменения тона), определенным образом соединенных с сегментным материалом акцентоносителя, в примерах ниже мы используем следующую просодическую нотацию. Символы для изменений частоты тона расположены после словоформ, несущих соответствующие просодические кривые.

I. \ — падение частоты основного тона типа ИК-1 с понижением на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и дальнейшим понижением или ровным низким тоном на заударных слогах, если они есть, по [Брызгунова 1982а: 97–122].

II. \ — падение частоты основного тона типа ИК-2 ([Брызгунова 1982а: 97–122]) с понижением на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и дальнейшим понижением на заударных слогах, если они есть. По сравнению с падением типа ИК-1 акцент ИК-2 обладает большей интенсивностью и отличается существенно более широким диапазоном частот: падение частоты начинается выше, чем начало падения при ИК-1, и заканчивается ниже. Кроме того, при падении частоты типа ИК-2, падению, как правило, предшествует компенсаторный заход частоты вверх, называемым заносом. Занос начинается в начале ударного слога или в финале предупредительного. Таким образом, можно считать, что в качестве нисходящего тона акцент типа ИК-2 имеет поздний тайминг. Иначе говоря, падение типа ИК-2 может начинаться не в начале ударного слога, а только после артикуляции компенсаторного подъема.

III. / — подъем частоты основного тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и падение на заударных слогах, если они есть. Если заударных в словоформе нет, заударное падение элиминируется (ИК-3).

IV. /- — подъем частоты на ударном слоге плюс ровные или слабо нисходящие заударные (ИК-6). Акцент типа ИК-6, который реализуется в начале сообщения или вопроса с вопросительным словом в соответствии с нашими данными не следует считать коммуникативно релевантным акцентом: ИК-6 в начальной позиции предложения, которое имеет падение в финале и ровный или слабо нисходящий тон между началом и исходом, имеет компенсаторный характер. Иначе говоря, заход вверх предваряет финальное падение.

IV. V — падение частоты основного тона или ровный низкий тон на ударном слоге акцентоносителя плюс подъем на заударных слогах, если они есть. Если заударных слогов нет, интегральное нисходяще-восходящее движение тона фиксируется на конечном или единственном слоге словоформы-акцентоносителя (ИК-4).

Нотация продолжает традицию С. В. Кодзасова [Kodzasov, Bonch-Osmolovskaja, Zaharov, Kobozeva, Krivnova 2005, 2006].

Приведем примеры вопросов нерасчлененной структуры, сформированные различными средствами.

Вопросы (5) сформированы вопросительным словом. Просодия вопросов с вопросительным словом и с исходной иллюкутивной структурой (т. е. такой, при

которой иллокутивная и линейно-просодическая структура вносят в семантическую структуру предложения и дискурса минимальный вклад) имеет падение на акцентоносителе вопроса, если вопросительное слово расположено в начале предложения, или на вопросительном слове, если оно занимает не-начальную позицию. В вопросе с начальным вопросительным словом на вопросительном слове имеется подъем типа ИК-6 (-), по Е. А. Брызгуновой. Этот подъем говорит о начале предложения и создает условия для конечного — завершающего — падения тона. Наше предположение состоит в том, что прагматически релевантным акцентом этот подъем не служит, как уже было сказано выше. Ср. примеры (5) вопросов с вопросительным словом, а также вопрос (1):

(5) *Где /- тут у вас вторая травма\?* [НКРЯ]; *Ты где\?*

Вопросы с частицей *ли* имеют вариативную просодию. Выделим класс вопросов иллокутивно нерасчлененной структуры с частицей *ли* и просодией, аналогичной просодии вопросов с вопросительным словом.

(6) *Принимал/- ли генерал участие в переговорах\?*; *Жива\ ли?* [НКРЯ].

Да-нет-вопросы нерасчлененной структуры без частицы *ли* формируются восходящим акцентом типа ИК-3.

(7) *Помощь нужна\?* [НКРЯ]; *Вы играете/ в шахматы?* [НКРЯ].

3.2. Вопросы расчлененной структуры

Вопросы расчлененной структуры могут формироваться 1) сегментными средствами, порядком слов, отличным от исходного, плюс просодия, 2) суперсегментными средствами (просодией) в комбинации также с порядком слов, отличным от исходного. Вопросы, сформированные сегментными средствами, подразделяются, в свою очередь, на два класса: 1.1) вопросы с вопросительными словами, 1.2) вопросы с вопросительной частицей *ли* и вопросы, называемые в английской традиции *tag-questions*.

Вопросы типа 1.1) сформированы двумя акцентами типа ИК-2. ИК-2 формирует и препозитивный несобственно вопросительный компонент, и постпозитивное вопросительное слово:

(8) *А цветы\ чьи\?* [НКРЯ].

Вопросы типа 1.2), которые имеют компонент с частицей *ли* в постпозиции и характеризуются вариативной просодией.

(9) *Лесные посетители, цветочков\ не хотите/ ли?* (последовательность акцентов ИК-2 ИК-3); *Я-то тебя извиню. А другой\ кто — извинит\ ли?* (ИК-2 ИК-2)

Аналогично, *tag-questions* с частицей *ли* обнаруживают большой разброс пар акцентов, оформляющих несобственно вопросительный и собственно вопросительный компонент.

- (10) *Вы владеец этого салуна\, не так\ ли?* (ИК-4 ИК-4); *Вы совершили убийство\, не так\ ли?* (ИК-2 ИК-2); *Интересно\, не правда\ ли?* (ИК-3 ИК-2); *Каждому свое\, не так/ ли?* (ИК-2 ИК-3) [НКРЯ].

Tag-questions без частицы *ли* на собственно вопросительном компоненте в качестве показателя *да-нет*-вопроса имеют акцент ИК-3. Несобственно вопросительный компонент несет падение:

- (11) *Ведь ничего и прибавить\ нельзя, ведь так/?; Вот так\, да/?* [НКРЯ].

Да-нет-вопросы расчлененной структуры (тип 2)) имеют образующий восходящий акцент типа ИК-3 на акцентоносителе собственно вопросительного компонента и нисходящий акцент типа ИК-2 на препозитивном несобственно вопросительном компоненте:

- (12) *А четвертая школа\ по той/ стороне?* (ИК-2 ИК-3).

3.3. Эллиптические вопросы с опущенным собственно вопросительным компонентом

В соответствии с нашей гипотезой анализ вопросов расчлененной структуры проливает свет на средства выражения эллиптических вопросов и объясняет возможность существования вопросов, не имеющих ни одного из стандартных средств образования вопросов: ни вопросительного слова, ни частицы *ли*, ни вопросительной просодии, а именно, восходящего акцента типа ИК-3. Мы предполагаем, что при эллипсисе собственно вопросительного компонента он элидируется, а несобственно вопросительный компонент сохраняет свое стандартное средство выражения: нисходящий акцент типа ИК-2. Так, вопрос (8) при эллипсисе собственно вопросительного компонента дает эллиптический вопрос (13):

- (13) *А цветы\?*

Акцент типа ИК-4 в эллиптическом вопросе с лексико-синтаксической структурой, как в (13), также используется [Брызгунова 1982b: 114]:

- (14) *А цветы\?*

Обратимся к примерам вопросов из корпуса, которые мы относим к классу эллиптических:

- (15) <—*На это не клюем. Дешево очень.*> — *А ты дорогая\?* [МРК]; <— *А вы всегда одна. — Нет, с собакой.*> — *А семья\?* [НКРЯ].

Анализ материала (вполне показательного, но недостаточного для сбора полноценной статистики), а также экспериментальных данных, включающих опрос информантов и интроспекцию автора, говорит о том, что эллиптические вопросы типа (14), т. е. имеющие форму именной, предложной или инфинитивной группы (*А семья\?*; *А поест\?*; *А с капустой\?*; *А ваш\ билет?*) несут акцент ИК-4, хотя акцент ИК-2 здесь тоже возможен. Между тем вопросы, имеющие форму предложения (типа S), несут акцент ИК-2: *А ты дорогая\?*; *А вы хотите отдать это бесплатно* [МРК]?

Заключение

1. В вопросах с сегментными средствами выражения иллокуции вопроса просодия вариативна. Если имеется сегментное средство выражения вопроса, просодия только формирует вопрос как речевой акт, отдельный от других речевых актов и разделяет его на компоненты. В таких вопросах просодия не служит непосредственному выражению иллокутивной силы вопроса.

2. В вопросах с суперсегментными средствами выражения интонация не подвержена вариативности, ср. восходящий тон типа ИК-3 в русских *да-нет*-вопросах: *Помощь нужна!/?; Вася!/?*. В таких вопросах просодия — это единственное средство выражения иллокуции вопроса.

3. Tag-questions (с *не так ли* и др.) всегда расчлененные в силу просодической и содержательной автономии вопросительного компонента.

4. Эллиптические вопросы выражаются только суперсегментно. Вопросы, имеющие форму именной, предложной или инфинитивной группы, несут акцент ИК-4, но акцент типа ИК-2 в таких вопросах также представлен. Нисходящий акцент в вопросе без видимого вопросительного слова был бы необъясним, если бы при восстановлении эллипсиса эти вопросы не давали форму с *не так ли* (*не правда ли?, так?*) или другим контекстом, реконструируемым из контекста, плюс нисходящий акцент на препозитивном несобственно вопросительном компоненте: *А ты дорогая\, не так ли?; А вы хотите отдать это бесплатно\, ведь так?; А пирога\ не забудем!/?; А пирога\ где\?*

Итак, в этой работе представлен фрагмент системы русского вопросительного предложения в связи с просодическими средствами выражения иллокутивной силы вопроса и оформления собственно иллокутивного (ремоподобного) компонента вопроса и противопоставленного ему несобственно иллокутивного (темоподобного) компонента. Предложена классификация русских вопросов в зависимости от средств выражения и средств расчленения вопроса на два компонента. Выделяются вопросы, в которых отсутствуют средства отделения собственно вопросительного компонента от несобственно вопросительного. Параллельно выделяется класс вопросов, которые, наоборот, имеют специальное средство расчленения вопросов на собственно вопросительный и несобственно вопросительный компонент. Для анализа расчленения вопросов используется понятие просодического шва. Выделен также третий тип вопросов, которые определяются как результат опущения собственно вопросительного компонента. Описание эллиптических вопросов как восходящих к расчлененным вопросам с просодическим швом между собственно вопросительным и несобственно вопросительным компонентами позволяет объяснить существование в системе вопроса, который характеризуется отсутствием сегментных показателей вопросительности и, одновременно, несущим нехарактерную для вопросов без вопросительных слов и частиц нисходящую просодию.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Том I / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1982а. С. 98–122.

Брызгунова Е. А. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика. Том I / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1982b. С. 297–402.

Кодзасов С. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кобозева И. М., Кривнова О. Ф. База данных «Интонация русского диалога»: вопросительные реплики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2005). С. 245–247.

Кодзасов С. В., Архипов А. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кривнова О. Ф. База данных «Интонация русского диалога»: побудительные реплики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2006). С. 236–242.

Кривнова О. Ф. Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2015). Вып. 14 (21): В 2 тт. Т. 1. М.: Издательство РГГУ, 2015. С. 338–351.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. С. 233.

Стрельцов А. А. О типах вопросительных предложений // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 38–51.

Sanderman A. Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension). Eindhoven, 1996.

Yanko T. E. Word Order and Accent Placement in Topics, Foci, and Markers of Discourse Continuity // Oslo Studies in Language. Comparative Slavic Syntax and Semantics. 2017. Vol. 9, No. 1. P. 45–57.

T. E. Yanko

Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

tanya_yanko@list.ru

THE ILLOCUTIONARY STRUCTURE OF THE RUSSIAN QUESTIONS: MEANING AND EXPRESSION

A question includes two components: the interrogative proper component (it is what is asked in a question) and the interrogative improper component (it is about what something is asked). Segmental and suprasegmental means of expression of the corresponding meanings are analyzed. A classification of interrogative sentences has been put forward.

There are interrogative sentences in which the means of separating one component from the other are absent. The members of another set of the interrogative sentences have, on the contrary, a specific prosodic break between the two components. The members of the third set of the interrogative sentences are defined as the result of eliminating the interrogative proper component. The elliptical interrogative sentences going back to the questions with a break explain why the system of the Russian interrogative sentences without the segmental means of interrogativity carries the unusual for the Russian questions falling prosody.

Key-words: interrogative sentence, prosody, word order, prosodic break, accent-bearer, interrogative proper, interrogative improper, illocutionary structure

References

Bryzgunova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, "Nauka" Publ., 1982a, pp. 98–118.

Bryzgunova E. A. [Means of expressing the unknown in a question (interaction of vocabulary, context and intonation)]. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, "Nauka" Publ., 1982b, pp. 297–402.

Kodzasov S. V., Bonch-Osmolovskaja A. A., Zakharov L. M., Kobozeva I. M., Krivnova O. F. [Data Base 'Intonation of Russian Dialogue: Interrogative Phrases']. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (2005)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2005)], pp. 245–247.

Kodzasov S. V., Arkhipov A. V., Bonch-Osmolovskaja A. A., Zakharov L. M., Krivnova O. F. [Data Base 'Intonation of Russian Dialogue: Commanding Propositions']. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (2006)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2006)], pp. 236–242.

Krivnova O. F. [The Depth of Prosodic Breaks in Spoken Text (Experimental Data)]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (2015)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2015)]. Issue 14 (21), vol. 1, Moscow, RGGU Publ., pp. 338–351.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Utterance and its relation to reality]. Moscow, "Nauka" Publ., 1985.

Strel'cov A. A. [On the types of interrogative sentences]. *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki*, 2016, no. 3, pp. 38–51.

Sanderman A. *Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension)*. Eindhoven, 1996.

Yanko T. E. Word Order and Accent Placement in Topics, Foci, and Markers of Discourse Continuity. *Oslo Studies in Language. Comparative Slavic Syntax and Semantics*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 45–57.

А. А. Яскевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(НИУ ВШЭ)

(Россия, Москва)

alyaxeuy.askevich@gmail.com

П. А. Бычкова

Люблянский университет

(Словения, Любляна)

polyatomson@gmail.com

И. И. Колесниченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(НИУ ВШЭ)

(Россия, Москва)

irinakolesn@gmail.com

О. Е. Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

opekelis@gmail.com

Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(НИУ ВШЭ) / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

rakhilina@gmail.com

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ОНЛАЙН-РЕСУРСА ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ (ПОВЕСТЬ «ФАТАЛИСТ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)

В статье описывается новый электронный ресурс, предназначенный для лингвистического комментирования текстов. Предметом комментариев служит художественный текст XIX в. на русском языке: повесть «Фаталист» М. Ю. Лермонтова. Но содержательно комментарии выходят далеко за пределы одного текста: они представляют собой попытку описать лексико-семантические и морфосинтаксические сдвиги, произошедшие в русском языке после XIX в., выявить их истоки, причины, а иногда и типологические параллели. Факты языковых изменений —

обнаруженные с опорой на текст Лермонтова и далеко не всегда очевидные современному носителю языка — последовательно обосновываются на материале Национального корпуса русского языка. Разработанный функционал учитывает потребности и пользователя (в первую очередь, школьников и учителей, на которых ориентирован ресурс), и эксперта-комментатора. Все это вместе делает настоящий проект принципиально отличным от всех остальных, в чем-то аналогичных — авторских словарей (не привязанных к конкретному тексту, мало внимания уделяющих грамматике и диахронии), литературоведческих комментариев (обычно свободных от собственно лингвистического анализа), лингвистических корпусов (не содержащих полнотекстовых исследовательских комментариев) и под.

Ключевые слова: русский язык XIX в., база данных, лингвистический комментарий, синтаксис, семантика, конструкция, корпусные исследования

1. Введение

Настоящая работа описывает ресурс нового типа — инструмент для лингвистического комментирования текстов. В нашем случае это художественные тексты XIX века на русском языке, в которых языковая норма во многих случаях отстоит от современной. Задача, которую решает данный комментарий, в том, чтобы обратить внимание читателей на эти отличия, предложить современный способ выражения заложенного смысла и объяснить причины изменения языковой нормы¹.

В основе проекта лежит созданный несколько лет назад студентами Школы лингвистики НИУ ВШЭ корпус XIX века. Корпус был разработан для разметки соответствующих текстов и классификации размеченного при помощи тегов (см. Рахилина и др. 2016). В нем была предусмотрена и возможность для аннотатора указывать современные эквиваленты устаревших единиц. Этот корпус, в частности, содержит полностью размеченный текст романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Обсуждение корпуса и разметки с самой разной аудиторией показало, что сама идея языковой дистанции между двумя нормами, разделенными почти двухсотлетним периодом, оказывается неожиданной для носителей русского языка, особенно старшего поколения, и воспринимается с недоверием. Действительно, произведения начала XIX века относятся к обязательному чтению, причем еще в средней школе («Герой нашего времени» входит в программу за 9-й класс). Эти тексты считаются полностью освоенными всеми носителями русского языка еще в подростковом возрасте. На этом фоне сомнения может вызывать и сам факт устаревания обсуждаемого слова или конструкции, и новизна предлагаемого современного «перевода»: и то, и другое может показаться субъективным.

¹ На самом деле, тот же инструмент может быть использован и для решения других задач: например, комментирования текстов с ошибками (иностранцев или детей или людей с нарушениями речи), см. — для последующей систематизации и отслеживания процессов, которые за ними стоят.

На самом деле, в корпусе XIX века разметка устаревших единиц и поиск их эквивалентов полностью опирались на данные НКРЯ. Поиск в НКРЯ показывал, что отклонения от привычного современному носителю языка — не единичные авторские находки и языковое творчество, а общая норма того времени — и напротив: что в том же контексте сейчас говорят уже не так, а иначе. Однако проанализированные данные, стоящие за разметкой корпуса XIX века, оставались скрыты для стороннего пользователя, поскольку корпусный функционал не предусматривает возможности представить подробное объяснение разметки. Для этих данных нужен был новый, иначе устроенный ресурс, который бы, во-первых, убедительно показывал, что определенные употребления в тексте представляют устаревшую норму, а во-вторых, способствовал лингвистическому просвещению в отношении непрерывности языковых изменений, которые затрагивают и русский язык на протяжении всей его истории. Другими словами, нужен полноценный лингвистический комментарий к классическому тексту.

Это совершенно новая задача, и в лингвистическом, и в техническом смысле, и даже в отношении материала. Действительно, самая предварительная разметка показывает, что изменения нормы касаются не менее 20% текста, так что сплошной и последовательный исследовательский комментарий практически непосилен для объема целого романа «Герой нашего времени». Однако сама задача кажется настолько привлекательной со всех точек зрения, что мы решили осуществить такой проект хотя бы для одной повести в его составе и выбрали самую короткую — «Фаталист» (2625 слов, 21 200 знаков с пробелами — то есть около половины печатного листа). Для этого А. Яскевичем был создан специальный онлайн-инструмент, опыт работы над которым — и с которым — является предметом этой статьи.

В следующем разделе (2) этот ресурс будет описан с точки зрения заложенного в нем функционала для внешних пользователей. В разделе 3 мы продемонстрируем примеры, которые отражают заложенную в нем лингвистическую разметку. В разделе 4 описывается инструментарий, обеспечивающий работу эксперта-исследователя, а в Заключение обсудим принципиальные отличия нашего ресурса от проектов близкой ему природы.

2. Комментарий для читателей

Когда мы говорим, что нашей задачей является составление лингвистического комментария, это может звучать, как если бы статус такого комментария был хорошо известен. Это не так — известны не собственно лингвистические, а филологические комментарии, которые описывают незнакомые современному читателю реалии, соотносят текст с его предшествующими редакциями или биографией писателя, объясняют философские и иные идеи, которые стоят за рассуждениями автора или героя и проч. — см. обсуждение в (Рахилина, Бычкова 2022), где приводятся типы филологических комментариев к повести «Фаталист» в издании под редакцией В. А. Мануйлова (1996). Такого рода комментарии редко

содержат лингвистическую информацию — хотя исключения и бывают, ср. Бетеа 2007.

Поэтому в первую очередь нужно было определить, какого рода информация нужна пользователю и кто он — наш пользователь. Мы условно разделили пользователей на две группы. Во-первых, это школьники, которые читают этот текст на уроках литературы и, встретив не вполне понятный фрагмент, с помощью нашего ресурса могут получить не только его «перевод», но и комментарий-объяснение. Адресованная такому читателю справка должна быть краткой (желательно не больше 800 знаков), написанной простым языком, информативной и интересной. При решении о том, необходимо ли вообще комментировать определенную единицу, мы тоже ориентировались на школьников как на аудиторию без большого читательского опыта. В частности, мы сочли необходимым комментировать историю противопоставления имя — фамилия (ср. у Лермонтова: *Он был родом серб, как видно было из его имени VS. современное: из его фамилии*) — хотя она достаточно известна. Ср. (1):

Мы догадываемся, что Вулич — серб по его фамилии, а не по его имени: имени Вулича мы так никогда и не узнаем. Тем не менее, в тексте почему-то говорится про имя. Дело в том, что слово *фамилия* в значении ‘семейное имя’ устоялось в русском языке как раз примерно в лермонтовскую эпоху. Раньше это слово (заимствованное из европейских языков) значило просто ‘семья’:

Но одна *фамилия* была многолюднее другой <...>. [В. К. Третьяковский. Мнение о начале поэзии и стихов вообще (1752)]

Поэтому примерно до середины XIX века древнее слово *имя* могло иметь более общий смысл и относиться и к личному имени самого человека, и к его родовому, семейному имени — как в случае Вулича. Сейчас мы тоже иногда так говорим, например: *наш пароход носит имя Гоголя* (не фамилию) или: *театр имени Станиславского* (хотя *Станиславский* — не имя).

Второй адресат — это учителя, работающие с текстом на уроках (и те из их учеников, которые имеют интерес к научным исследованиям или литературе) — им нужно больше доказательств реконструированных нами исторических изменений. (Понятно, что в ту же группу попадут и исследователи, и просто любители словесности). Поэтому в дополнение и продолжение к первому мы создаем второй комментарий, который условно назвали академическим. Соответственно, он написан более научным языком, в нем больше датированных корпусных примеров, приводятся графики частотности, ссылки на источники и под. С необходимыми пояснениями вводятся более специальные лингвистические термины — как, например, грамматикализация или метонимия. Кроме того, в отличие от краткого комментария, сосредоточенного на различии между XIX и XXI в., в академическом иллюстрируются разные стадии обсуждаемого изменения, часто затрагивая и положение дел в древнерусском, и более раннюю этимологию. Краткий и академический комментарий отображаются по отдельности (см. Рисунок 1), и их содержание не пересекаются.

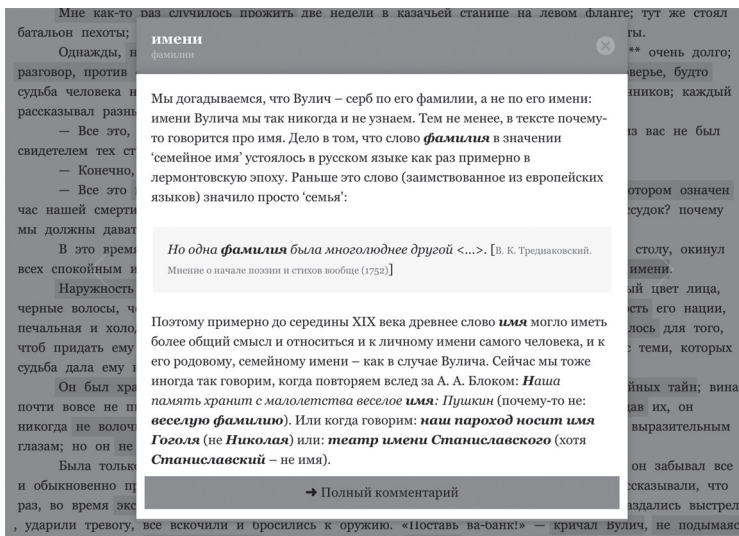

Рисунок 1. Отображение краткого комментария со ссылкой на академический (полный) комментарий в интерфейсе для читателей

Часто академические комментарии представляют собой адаптированные и сокращенные по форме, но по существу полноценные научные статьи. В особенности это касается комментариев по синтаксису за авторством О. Е. Пекелис. Ниже приведен пример академического комментария, в котором объясняется употребление местоимения *мой* на месте современного *свой* в предложении **Я затворил <...> дверь *моей* комнаты:**

В русском языке притяжательные местоимения бывают двух типов: лично-притяжательные *мой, твой, наши, ваши* и под. и возвратно-притяжательное *свой*. Выбор между этими типами определяется следующими правилами (об употреблении личных и возвратных местоимений в современном языке см. Rappaport 1986; Kazenin 2000; Тестелец 2001; Лютикова 2002; Grashchenkov, Grashchenkova 2007 и др.)

- Если обладатель, на которого указывает притяжательное местоимение, в предложении не выражен (1) или выражен не подлежащим (2), может употребляться только лично-притяжательное местоимение.
 - (1) **Твой** (**свой*) зонтик еще послужит! [«Даша», 2004]
 - (2) Пролог определяет главного **героя, его** (**свое*) состояние и целевую функцию. [«Информационные технологии», 2004]
- Если обладатель выражен в том же предложении подлежащим 3 лица, обычно используется возвратно-притяжательное местоимение:
 - (3) В этот момент **коп** несколько раз выстрелил в **свою** (**его*) жертву. [Комсомольская правда, 2014.08.12]

- Если обладатель выражен в том же предложении подлежащим 1 или 2 лица, может употребляться любое местоимение, ср. (4), но в современном языке в большинстве случаев используется возвратно-притяжательное (Падучева 1983, Пекелис 2021):

(4) **Я** люблю **моего** сына, **я** горжусь **своим** сыном. [Комсомольская правда, 2013.07.31]

В тех случаях, когда при обладателе-подлежащем 1 и 2 лица все же используется лично-притяжательное местоимение, оно обычно получает дополнительную смысловую нагрузку, как в примерах с (5) по (8). В (5) выбор местоимения *твой* подчеркивает эмоциональное отношение говорящего к иронии адресата; выбор *свой* более нейтрален:

(5) — *Когда ты излечишься от **твоей** (ср. *своей*) постоянной иронии?*
[Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)]

Похожую роль выполняет местоимение *мой* в (6); эмоциональное отношение говорящего здесь выражает и существительное *бедняжка*, поэтому *свой* кажется менее уместным, чем *мой*:

(6) *Я прижал **мою** (ср. [?]*свою*) **бедняжку** к животу и попытался успокоить.*
[«Дальний Восток», 2019]

В (7) местоимение *ваши* по сравнению с местоимением *свой* подчеркивает почтительное отношение говорящего к адресату:

(7) *Вы впервые привезли в Петербург **вашего** (ср. *своего*) супруга, уругвайского бас-баритона Эрвина Шротта, как театрального партнера.* [Труд-7, 2011.01.25]

В (8) местоимение *наш* указывает на то, что обладатель понимается обобщенно: как государство, которому принадлежит говорящий; местоимение *свой* не может передать этого смысла:

(8) *Я не считаю **нашу** (ср. ^{*}*свою*) сегодняшнюю прокуратуру правоохранительным органом* [«Московские новости», 2003.07.22] ≈ ‘прокуратуру нашего государства’

В языке XVIII–XIX вв., как и сегодня, при обладателе-подлежащем 1–2 лица могло употребляться и возвратно-притяжательное, и лично-притяжательное местоимение:

(9) <...> **я** распространил **мое** искусство и исполнял **свое** звание с величайшим рачением. [И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)]

Однако соотношение между ними было другим: лично-притяжательное местоимение употреблялось чаще, чем сегодня, и необязательно в специальных условиях, которые ему свойственны в современном языке.

Ср. (10–12), где возвратно-притяжательное *свой* звучало бы с точки зрения современной нормы естественнее, чем лично-притяжательные *мой* и *твой*:

(10) *Уже я описал мое* (ср. *свое*) *житье*. [М. П. Загряжский. Записки (1770–1811)]

(11) *Ты зришь твое* (ср. *свое*) *разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою* (ср. *свою*) *смертность*. [А. Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792–1796)]

(12) *Я ускоришь мой* (ср. *свой*) *шагъ*. [А. С. Шишков. Записки (1780–1814)]

Ср. также следующий пример, где *мой*, отсылающее к подлежащему, встречается четыре раза, что особенно ярко контрастирует с современной нормой:

(13) *На другой день, когда я лежал на моей постеле и наполнял голову мою страшными воображениями о предстоящей моей кончине, отворилась дверь моей темницы*. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

На рост в современном языке доли *свой* при обладателе-подлежащем 1–2 лица указывают не только отдельные примеры, но и количественные данные. В подкорпусе второй половины XIX в. Основного корпуса НКРЯ доля *свой* при подлежащем 1 лица составляет 65%, в текстах второй половины XX в. — 88%, в текстах к. XX — нач. XXI в. (по данным Газетного корпуса) — 95%.

Распространение лично-притяжательных местоимений в XVIII–XIX вв. могло быть связано с влиянием французского языка, в котором при обладателе-подлежащем 1–2 лица используются только лично-притяжательные местоимения (*mon, ton* и т. д.). Однако влияние французского в любом случае не могло сыграть решающей роли, потому что конкуренция между лично-притяжательными и возвратно-притяжательными местоимениями существовала не только в XIX в., но уже и в древнерусском языке:

(14) *Азъ же самъ завѣза(х) грамоту и тоу запечатлѣхъ моею печѣтию*. [Александрия (XI–XIII вв.)]

(15) *Доколѣ съдрѣжиши дѣю всоуженную мѣрю и бра'томъ. доколѣ же азъ пролѣю по чл'сти свою кро'вь*. [История Иудейской войны Иосифа Флавия (XI–XIII вв.)]

К XXI веку, как мы видели, эта конкуренция разрешается в пользу возвратно-притяжательного местоимения.

Между тем, среди потенциальных адресатов нашего комментария в некоторой перспективе есть еще один — это машина. В перспективе можно было бы извлечь из наших текстов об отдельных языковых изменениях информацию, которая помогла бы их систематизировать и выявить общие закономерности — как в отношении продуктивных моделей сдвигов, так и в хронологическом плане. Например, такая дополнительная обработка помогла бы наглядно отобразить плотность языковых изменений в разные исторические периоды.

Понятно, что для этой задачи «человеческий» комментарий напрямую непригоден, однако он может служить серьезной основой для последующей формальной доработки данных, которые уже в нем заложены. На завершающем этапе работы над проектом такая работа предполагается.

3. Блок для работы эксперта

Тот сайт, который виден пользователю и о котором мы писали выше, лишь внешняя сторона инструмента, с которым работает лингвист-комментатор. Для лингвиста сайт по “Фаталисту” содержит несколько важных элементов. Во-первых, это, собственно, текст “Фаталиста”² с возможностью отмечать в этом тексте отрезки, требующие комментария (см. Рисунок 1). Комментируемый отрезок может состоять из одного слова (*нынче, взором, счастливицу*), из нескольких (*решите спор, обыкновенно проигрывал, нечего делать*), или же представлять собой предложение целиком, если комментарий относится к синтаксису (*на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!*). К каждому отрезку прикреплен комментарий, из комментария можно сразу попасть в текст, а из текста — в комментарий. Это необходимо, поскольку комментатору при работе приходится неоднократно сверяться с исходным контекстом. В частности, в процессе исследования может выясниться, что комментарий должен относиться не к одному слову, а к словосочетанию. Без быстрого доступа ко всему тексту заметить это бывает гораздо труднее.

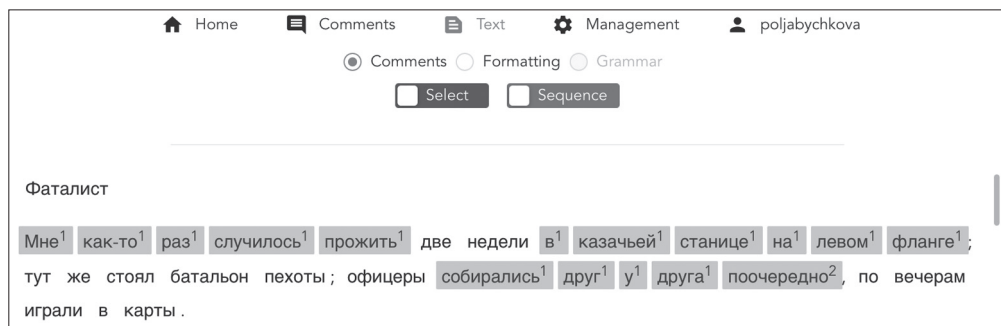

Рисунок 2. Элемент разметки текста в интерфейсе для комментатора

² За основу взят текст из четырехтомного собрания сочинений (Лермонтов 1979–1981). Альтернативой в нашем случае могло быть шеститомное издание Академии наук (Лермонтов 1954–1957): в нем отмечены разночтения и в принципе текст «Фаталиста» должен был бы быть ближе к оригинальному автографу. Однако сверка текстов из обоих изданий показала отсутствие в них лексических различий. Заметим, что в интернете встречаются тексты «Фаталиста», в которых есть (видимо, редакторские) лексические замены, например, *назначен* вместо *означен*, *достигнуть* вместо *постигнуть*, неприемлемые для наших задач. Из двух авторитетных изданий — шеститомника 1957-го года и 4-томника 1981 года — мы выбрали последнее как более современное.

шеститомник: <https://traumlibrary.ru/book/lermontov-ss06-06/lermontov-ss06-06.html#toc>
четырёхтомник: <https://russian-literature.org/tom/421812>

Другой незаменимый инструмент комментатора — система тэгов³, которая позволяет соотнести каждый комментарий с определенным уровнем языковых изменений. Например, тэг “управление” присвоен тем комментариям, в которых описываются изменения в управлении глагола, а тэг “конструкция” присваивается устаревшим или изменившим свою семантику конструкциям. У одного комментария может быть несколько тэгов. Существенно, что эти тэги появлялись в процессе разметки “Фаталиста” и поэтому их список полностью обусловлен теми данными, которые мы получили при чтении текста. Так, в наших данных последовательно фиксировались расхождения с современной нормой в формировании творительного падежа, и для него был введен специальный тэг, тогда как для других падежей таких тэгов нет. После присвоения тэгов, комментарии можно сортировать, т. е. например, выбирать только те, которые получили тэг “управление”. Такая сортировка помогает при распределении задач между экспертами в каждой области, а также позволяет составить предварительную статистику (подробнее об этом см. раздел 4). Комментатор может убрать тэг или, наоборот, ввести новый, если он наблюдает языковое явление, охватывающее несколько комментариев. Например, на более поздних стадиях работы, когда для этого уже накопилось достаточно данных, был введен тэг “калька”, покрывающий все устаревшие калькирования, встретившиеся в тексте “Фаталиста”.

Созданный интерфейс содержит специальный инструментарий для организации командной работы комментаторов. Внутри проекта можно назначать для каждого комментария ответственного, ставить статусы готовности (ср. *черновик*, *дополнить*, *готово*) и даже видеть, сколько раз и кем был отредактирован каждый комментарий.

Система разметки внутри текста комментария и удобное рабочее место комментатора (см. Рисунок 3) обеспечивают единообразие в формате описания для всех авторов. На рабочем месте представлены два блока: первый — предназначен для короткого научно-популярного текста, второй — для академического, развернутого комментария.

Несмотря на отличающиеся подходы к стилю и изложению, текст и в кратком, и в академическом комментарии размечается одинаково. Так, внутри текста специально выделяются комментируемые слова или выражения: например, для комментария (1) это существительные *имя* и *фамилия*. Другим типом разметки выделяются примеры из текстов — как поданные внутри абзаца комментария (inline), так и в виде отдельного абзаца (ср. примеры из В. К. Тредиаковского и А. А. Блока в этом комментарии). Третьим типом разметки выделяются источники цитат. В перспективе этот формат позволяет собирать метаинформацию о создающихся комментариях: какие слова упоминаются в них чаще всего, какие авторы больше всего цитируются. Для ссылок на научную литературу используется специальный интерфейс библиографического аппарата. Библиография

³ Здесь термин тэг, который довольно многозначен, ближе по смыслу к терминологии интернет-ресурсов (\approx хэштег), т. е. это слово или выражение, которое используется для категоризации той или иной записи. Система категорий не является заранее заданной и расширяется в процессе появления новых записей.

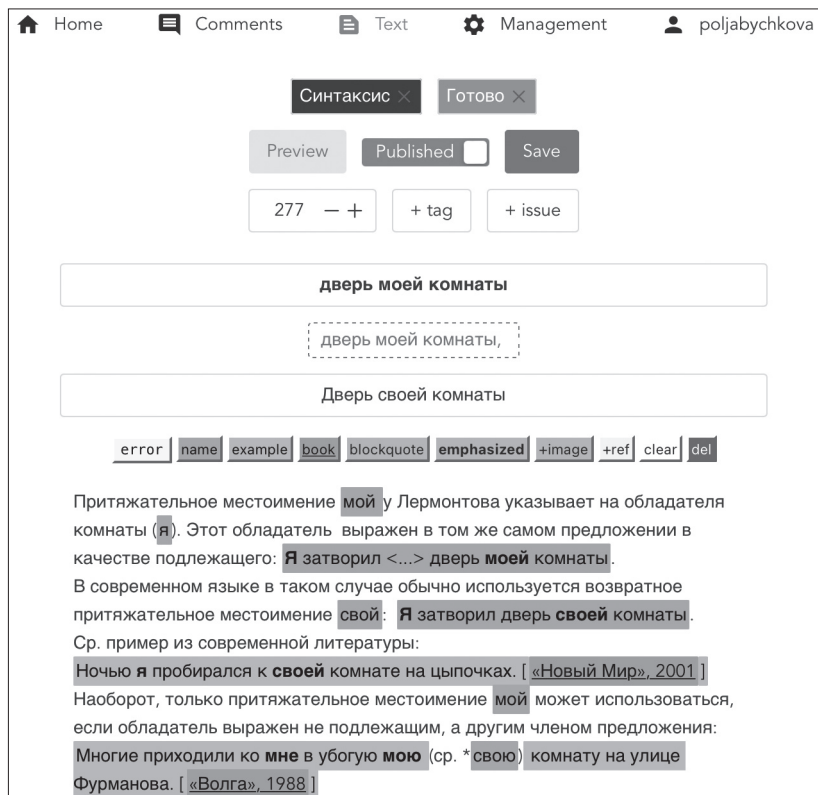

Рисунок 3. Рабочее место комментатора

ведется отдельно, а комментатор лишь вставляет внутрь текста специальный элемент разметки — “связь с публикацией” — выбирая его из библиографического списка. Таким же образом ведется работа с изображениями (прежде всего это графики НКРЯ): автор комментария загружает изображения в медиатеку проекта, после чего вставляет элемент “связь с изображением” в текст комментария. Еще один функциональный элемент разметки условно называется “ошибка” — им помечаются фрагменты текста, которые требуют доработки либо содержат скорее заметки для комментатора, чем готовый текст. Технической особенностью текста, отмеченного как “ошибка” является то, что он не отображается ни в режиме предварительного просмотра комментария, ни тем более в комментариях, видимых стороннему пользователю.

Описанный семантический подход к форматированию комментариев помогает придерживаться определенной базовой структуры, что часто представляет трудность для проектов подобного типа. В дальнейшем, по мере наработки материала, можно будет говорить о разработке более формализованного подхода к содержанию комментария. Вместе с тем, уже на данном этапе внутренняя разметка дает возможность построения индексов отдельных элементов на основе всего корпуса комментариев.

4. Разметка

В разделе 2 мы приводили пример академического комментария к употреблению лично-притяжательного местоимения вместо ожидаемого рефлексивного. В нашей разметке он относится к общей категории “синтаксис”. Здесь же мы приведем примеры комментариев, для двух других тэгов, наиболее часто встречающихся в нашем проекте: “лексика” и “конструкция”.

4.1. Лексика

Больше всего комментариев в нашей системе (141) оказалось отмечено тэгом “лексика”. Сюда попадают лексические единицы, которые (а) очевидно устарели на современный слух, ср. *коли, по́лно, взор*, или (б) изменили свою стилистическую окраску, ср. *Прощай!*, или (в) сохранились в современном языке, но утратили то значение, в котором они употреблены в “Фаталисте”. В последнем случае комментарий может привязываться не к одной лексеме, а к целому словосочетанию, в котором она употреблена. С этой точки зрения интересен комментарий *старые воины*, в котором требуют пояснения оба слова, ср.:

Старые воины

«Перевод»: опытные / бывалые военные

Краткий комментарий

В романе речь идет о конце 1830-х годов. Печорину встречались люди, которые служили на Кавказе с самого начала Кавказской войны, с 1817 — как Максим Максимыч. Их Лермонтов называет *старые воины*. Сейчас слово воин не применяется к рассказу о конкретных людях — нельзя сказать: *вошел воин с рюкзаком* или: *усатый воин откашлялся*. В таких контекстах употребляется существительное военный. При этом старый военный почти не встречается — в смысле ‘опытный’ говорят *бывалый*:

Даже бывалые военные не могут скрыть удивления. [Vesti.ru, 2014.06]

Так что вместо знаменитого *Но отец твой старый воин, Закален в бою <...>* [М. Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня (1838)] сейчас нужно было бы петь: *отец твой бывалый военный...*, ср.:

Вообще-то, Володя Ясько мечтал стать летчиком. <...> Но папа-военный распорядился иначе <...> [«Комсомольская правда», 2011]

Академический комментарий

Слово *воин* (ср. также *война, воевать*) очень старое, с индоевропейскими корнями, встречается в самых первых русских текстах, ср.:

(1) <...> *красота воиноу оружюе* <...> [Изборник 1076 г.]

(2) <...> *аще ремественикъ юсть или воинъ. или купецъ или судьба.* [Поучения св. Евсевия (до середины XII в.)]

Оно сохранилось до сих пор, но сохранило и ореол своей древности — так что чаще всего применяется к описанию давно прошедших событий и реалий или нереальных — сказочных, фантастических миров :

- (3) <...> он обязан был предоставить в царское войско **воина** на коне и в полном вооружении. [Н. В. Сопельникова. Задачи по истории России (2021)]
- (4) **Одного железного воина** удалось повалить — на него накинули веревки <...> [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

Это придает слову *воин* особую стилистическую окраску — принадлежность к высокому стилю. Заметим, что в обычных современных текстах эта лексема выступает в нереперентных употреблениях, то есть почти никогда не описывает конкретных людей, которые совершают конкретные действия. Косвенно об этом свидетельствует, в частности, существенный перевес форм множественного числа (около 10 тыс. примеров) по сравнению с единственным (около 4 тыс. примеров) в корпусе центральных СМИ НКРЯ. Другое косвенное свидетельство дает анализ частотных биграмм (= пар словоформ, которые могут стоять рядом) в том же корпусе: самым частотным оказывается сочетание *воин* с отрицанием (видимо, восходящее к пословице *один в поле не воин*)

Частотны также сравнения (*как воин*) и сочетания с прилагательными или прилагательными, которые образуют термины (ср. *советский воин* или: *воин-афганец*, *воин-интернационалист*), которым соответствует класс людей, а не конкретное лицо, — или с оценочными прилагательными: *он могучий /отважный /настоящий... воин*. Заметно, что среди биграмм нет сочетаний *воин* с обычными частотными глаголами: *пришел*, *сказал*, *увидел* и проч.

По отношению к конкретным людям применяется субстантивированное прилагательное *военный*. Процесс его субстантивации (то есть превращения в существительное) был постепенным, ср.:

- (5) *Вчера приехал поручик какой-то **военный**, занял шестнадцатый номер.* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

Он начался в первой половине XIX века — первоначально в контексте противопоставления *штатский* ('штатский'):

- (6) *Штатский остановился на крыльце, а **военный** подошел ко мне* [Ю. П. Перцова. Дневник Юлии Петровны Перцовой (1838)]

Ср. также в контексте прилагательного *старый* — в значении 'опытный / бывалый' (том же, что у Лермонтова) — правда, в тексте середины XX века:

- (7) *Чацкий не только восстает против превращения **старого военного, боевого** товарища в инвалида без болезни, в «работника» жены на балах.* [Ю. Н. Тынянов. Сюжет «Горя от ума» (1943)]

Однако значительно более частотным в контексте *старый* как ‘опытный’ в современном русском, причем в референтных контекстах, оказывается сниженное *вояка*:

- (8) *На стороне старого вояки оказались коллеги, соседи и даже сторонние люди из разных регионов России.* [Комсомольская правда, 2013.04]
- (9) *От греха подальше старый вояка бегом отправился восвояси.* [Труд-7, 2006.11]

4.2. Конструкции

Другой тэг, покрывающий значительно число комментариев (74), — “конструкция”. Особенно интересны те из них, которые обнаруживают бóльшую близость к более ранним состояниям языка, чем к современному русскому: например, *он был родом серб, что ни попало, он был при последнем издыхании* и др. Современный читатель, конечно, легко понимает значение этих конструкций в контексте и без труда подбирает современные аналоги: *он был родом из Сербии* или *он был сербом; что ни попадя* или *что попало; он был при смерти*. Тем не менее, за такими понятными конструкциями кроется долгая и увлекательная история, ср. комментариев для *он был при последнем издыхании*:

Перевод: *Он был уже при смерти*

Краткий комментарий

В древнерусском языке *издыхание* значило ‘выдох’. Выражение *при последнем издыхании* означает у Лермонтова то же, что более распространенное, но тоже устаревающее *при смерти*: Вулич уже умирал. Сейчас это сочетание употребляют с предлогом *на*, а не *при*. Говорят: *на последнем издыхании*, но это выражение часто употребляется не буквально, а метафорически. Например, по отношению к машинам или приборам, которые почти не работают — то есть как бы умирают, как в примере (1), или по отношению к людям, — но не умирающим, а очень сильно уставшим (о них еще говорят: *смертельно устал / до смерти устал*), как в примере (2):

Гудит, дергает и вам уже понятно, что редуктор работает на последнем издыхании. [Труд-7, 2002.12]

— *Мы сейчас пишем две новые песни, очень красивые. — Наверное, устали, на последнем издыхании... — Да что вы!* [Труд-7, 2007.03]

Академический комментарий

Сама идея, что последний выдох человека может быть метафорой для того, чтобы выразить момент его смерти, была еще в древнерусском языке. Она основана на метафоре глагола (и производного от него имени *издыхание*) ‘*выдох*’ --> ‘смерть’, ср. (1) из Словаря XI–XVII вв:

И скыталомъ ся сквозѣ пустыню... и не обрѣтающемъ намъ воды <...> начахъ издыхати (XI–XII вв.)

Эта метафора может быть калькирована из греческого языка, который как язык церковных текстов оказывал сильное влияние на древнерусский. В древнегреческом существительное *τήσ ἐκπνεύσεωσ* состоит из приставки *ἐκ* ‘из’ и корня *πνέω* ‘дышать’ (ср. *пневматический*, *пневмония*, восходящие к тому же корню) и употребляется в том числе в значении ‘смерть’ [lsj.gr].

В современном русском *издыхать* сохранило значение ‘умирать’ — но только по отношению к животным, а к людям исключительно в сниженных контекстах. Однако еще в начале XIX века такие контексты оставались совершенно нейтральными:

*Многие жены умирали в родах; младенцы **издыхали** от хлада и голода.* [«Сын отечества», 1822]

У самого выражения были разные варианты. В историческом корпусе корпусе встречается *в последнем издыхании* (3), *на последнем издыхании* (4) и даже *на конечном издыхании* (5); вариант *при последнем издыхании*, согласно НКРЯ, особенно характерен для текстов середины XIX века (6) — в современных газетных текстах он уже практически отсутствует.

нò пáче противоу томоу молахомса азъ жива его имѣти въ своємъ цр(ċ)твѣ. конецъ же имѣюща w дѣѣ своємъ, постигноу(х̄) его въ послѣднемъ издыханіи, егоже помиловавъ <...> [Александрия (XI–XIII вв.)]

*И пришед застигоша его уже **на послѣднем издыхании**, и тако кануъ на исход души и молитву промовиша и тако отдасть духъ.* [Московский летописный свод (1479–1492)]

*Макарій же митрополитъ тогда былъ въ велицѣй болѣзни **на конечномъ издыханіи**.* [Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного (1563–1567)]

*От сего последнего донесения отправлены были в Таганрог и хотя застали императора в живых, но **при последнем издыхании**.* [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]

В современном русском хорошо сохранился (как видим, по крайней мере с XV века) вариант *на последнем издыхании*, причем, как мы уже говорили, не столько в основном значении (7), сколько как метафора (8), ср.:

*Доктора сами удивлялись: солдат был **на последнем издыхании**, а Маша его сумела на ноги поставить...* [Комсомольская правда, 2010.04]

*Туристический сектор Италии <...> **на последнем издыхании**, поскольку иностранные туристы массово отменяют свои поездки.* [Vesti.ru, 2020.03]

Другой вариант этого фразеологизма — с предлогом *до*: *до последнего издыхания*. Он засвидетельствован еще раньше — с XI века (9) и до сих пор встречается — правда, только в литературных текстах старой нормы (10).

въ ѣдиноуми. и въ ѣдиной любви до послѣднѣаго издыханиа въкоупѣ соуце. [Нестор. Житие Феодосия (1080-е)]

добрые люди живут интересами жизни до последнего издыхания, несмотря на то, что трагедия смерти вроде бы превращает в бессмыслицу всякий прижизненный интерес. [Вячеслав Пьецух. «Октябрь», 2002]

Сегодня в том же значении предсмертного момента (с яркой семантикой интенсивности) используется другая, в некотором смысле антонимичная метафора: *до последнего вдоха* (а не выдоха, как в случае с *издыханием*).

Первый такой пример в корпусе — рубежа XVIII–XIX веков (11).

<...> люди умирают почти вдруг, сохраняя до последнего вдоха самую свежую память. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем (1799–1822)]

И та, и другая метафора вкладываются в модель, по которой построена целая серия интенсификаторов со значением приближения к минимальному остатку времени или количества: ср. *до последней минуты*, а также *до последней капли / копейки, до последнего слова / гостя* и под. Отсюда же «сокращенный» интенсив *до последнего*, как в: *смотри, не тяни до последнего!* *<момента>*

5. Заключение

Лингвистический комментарий повести «Фаталист» представляет собой проект, уникальный в своем роде, за счет того, что он объединяет в себе различные подходы. С одной стороны, сплошным комментированием целого текста проект напоминает **традиционные филологические комментарии** к античным текстам или к текстам русской классики. Комментарии в таких работах зачастую посвящены поиску реминисценций и аллюзий и заодно поясняют читателю ушедшие реалии. Языковые нюансы попадают в фокус как правило только в ходе обсуждения разночтений, то есть, в случаях, когда это совершенно необходимо для понимания художественной стороны произведения (ср. Пеньковский 2005). Наш же проект ставит акцент именно на лингвистической природе текста. Размечаются и комментируются все точки, в которых современный носитель языка сказал бы не так, как сказано в тексте Лермонтова, и, более того, в тех случаях, когда комментатор сталкивается с авторскими языковыми находками Лермонтова, они исключаются из рассмотрения.

От систем **аннотирования лингвистических данных** наш проект отличает возможность привязывать к единицам рассматриваемого текста полноценные комментарии, включающих собственную внутреннюю разметку.

От **словарей отдельного текста** (ср. Словарь “Слова о полку Игореве”) или **автора** (ср. Словарь языка Пушкина) данный проект отличает в первую очередь природа “born digital”. Такого рода словари существуют отдельно от текстов и даже в результате оцифровки не получают привязки к исходным текстам — просто в силу того, что создание словаря и создание цифрового ресурса — это совершенно разные проекты. Электронный формат также снимает ограничение в объеме каждой записи. Если в литературоцентричной лексикографии пояснения стремятся делать максимально краткими, комментарий в нашем ресурсе вмещает сколь угодно

развернутый анализ, включающий в том числе визуализации и большее число примеров. Будучи не ограничены в объеме, мы можем позволить себе уделить внимание не только семантическому толкованию, но и синтаксическим и коллокационным особенностям употребления рассматриваемой единицы. При этом мы можем не ограничиваться периодом текста, от которого отталкиваемся, но отразить историю изменения целиком: и как единица использовалась раньше, и что происходило с ней потом. При этом, в отличие от любого словаря, предметом пояснения в нашем проекте может быть не только отдельная лексическая единица, но и языковые явления других уровней — морфологические показатели, синтаксические конструкции, порядок слов в предложении и пр.

Наконец, у данного проекта есть важная особенность, сближающая его с системами управления проектами, — это менеджмент процесса работы благодаря специальному инструментарию: хранение полной истории изменений каждого комментария с указанием авторства правок, система внутренних меток для организации совместной работы и редактирования⁴. Важно, что ресурс задуман так, что каждый комментарий может публиковаться независимо от остальных, и даже после публикации в него можно вносить правки и дополнения по мере появления новых данных.

Литература

Бетеа Д. М. (ред.). А. С. Пушкин. Сочинения: Комментированное издание. Москва: Новое издательство, 2007.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / ред.: Н. Ф. Бельчиков и др. АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 4.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро, Т. П. Голованова, Л. Н. Назарова, И. С. Чистова. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979–1981. Т. 6.

Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. Москва: Наследие, 2002.

Мануйлов В. А. Комментарии // М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Санкт-Петербург: Академич. проект, 1996. С. 193–369.

Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянских культур, 2005.

Рахилина Е., Бычкова П. Русская классика XIX века и проблема лингвистического комментария (на примере Героя нашего времени Лермонтова) // Russian Literature. 2022. (131). С. 143–169.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бородина М. А. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 4 (10). С. 242–255.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках / Ред. Б. Л. Богородский, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов. Л.: Наука, 1965.

⁴ Аналог меток в Github и подобных системах контроля версий программного кода.

Словарь языка Пушкина / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва: РГГУ, 2001.

Grashchenkov P., Grashchenkova P. Possessive Reflexives in Russian // Proceedings of the 15th annual meeting of Formal Approaches to Slavic Linguistics, The Toronto meeting 2006 / R. Comptom, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 113–131.

Kazenin K. I. Infinitives and constraints on pronominals in Russian // Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics, The Philadelphia meeting, 1999 / T. H. King, I. A. Sekerina (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2000. P. 189–213.

Rappaport G. On Anaphor Binding in Russian // Natural Language & Linguistic Theory. 1986. No. 1 (4). P. 97–120.

Alexey A. Yaskevich

National Research University «Higher School of Economics»

(Russia, Moscow)

alyaxey.yaskevich@gmail.com

Polina A. Bychkova

University of Lyublyana

(Slovenia, Lyublyana)

polyatomson@gmail.com

Irina I. Kolesnichenko

National Research University «Higher School of Economics»

(Russia, Moscow)

irinakolesn@gmail.com

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

opekelis@gmail.com

Ekaterina V. Rakhilina

*National Research University «Higher School of Economics» / Vinogradov Russian
Language Institute of the Russian Academy of Sciences*

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

**EXPERIENCE OF CREATING AN ONLINE RESOURCE
FOR LINGUISTIC COMMENTARY
(THE FATALIST BY M. LERMONTOV)**

The paper describes a new electronic resource designed for creating linguistic commentary of texts. It focuses on the novel “The Fatalist” by Mikhail Lermontov, a Russian

literary text of the 19th century. However, the commentary's scope goes far beyond the limits of one piece. It presents an attempt to describe the lexico-semantic and morpho-syntactic shifts that occurred in Russian language after the 19th century, to identify their origins, causes, and sometimes typological parallels. These shifts are discovered through the analysis of Lermontov's text, but since many of them are far from being obvious to a modern native speaker, they are subsequently verified on the Russian National Corpus data. The functionality developed for the resource takes into account the needs of both the readers (above all, high school students and teachers, as the primary target audience of the resource), and the commentators. Taken together, these features make the project fundamentally different from the other broadly comparable resources, like dictionaries (which are not tied to a specific text and pay little attention to grammar, or diachrony), literary commentaries (usually free from properly linguistic analysis), linguistic corpora (which contain no full-text comments), etc.

Keywords: Russian language of the 19th century, database, linguistic commentary, syntax, semantics, construction, corpus studies

References

- Betea D. M. (ed.). A. S. Pushkin. *Sochinenija: Kommentirovanoe izdanie* [Essays: commented edition]. Moscow, "Novoe izdatel'stvo" Publ., 2007. (In Russ.)
- Grashchenkov P., Grashchenkova P. Possessive Reflexives in Russian. *Proceedings of the 15th annual meeting of Formal Approaches to Slavic Linguistics, The Toronto meeting 2006* / R. Comptom, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007, pp. 113–131.
- Kazenin K. I. Infinitives and constraints on pronominals in Russian. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics, The Philadelphia meeting, 1999* / T. H. King, I. A. Sekerina (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2000, pp. 189–213.
- Lermontov M. Yu. *Sočinenija: v 6 tomax* [Collected works in 6 volumes]. N. F. Bel'chikov et al. (eds.). AN SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954–1957. Vol. 4. (In Russ.)
- Lermontov M. Yu. *Sobranije sochinenij: v 4 tomax* [Collected works in 4 volumes]. AN SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom); V. A. Manujlov, V. È. Vacuro, T. P. Golovanova, L. N. Nazarova, I. S. Chistova (eds.). Leningrad, "Nauka" Publ., Leningradskoe otdeleniye, 1979–1981, vol. 6. (In Russ.)
- Ljutikova E. A. *Kognitivnaya tipologiya: refleksivny i intensivny* [Cognitive typology: reflexives and intensifiers]. Moscow, "Nasledie" Publ., 2002. (In Russ.)
- Manujlov V. A. Kommentarii. M. Ju. Lermontov. *Geroj nashego vremeni*. [The Hero of Our Time] St. Petersburg, "Akademich. Proekt" Publ., 1996, pp. 193–369. (In Russ.)
- Pen'kovskiy A. B. *Zagadki pushkinskogo teksta i slovarja. Opyt filologicheskoy germeneytiki*. [Enigmas of Pushkin's Text and Dictionary. The Experience of Philological hermeneutics]. Moscow, "Jazyki slavyanskikh kul'tur" Publ., 2005. (In Russ.)
- Rahilina E., Bychkova P. [Russian classics of the 19th century and the problem of linguistic Commentary (on the example of Lermontov's Hero of Our Time)]. *Russian Literature*. 2022, 131, pp. 143–169. (In Russ.)

Rahilina E. V., Reznikova T. I., Borodina M. A. [“Taman’ Today”: a corpus study of the Russian language of the 19th century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2016, no. 4 (10), pp. 242–255. (In Russ.)

Slovar’-spravochnik «Slova o polku Igoreve»: V 6 vypuskah. [Handbook Dictionary of “The Tales of Igor’s Campaign”: In 6 issues]. B. L. Bogorodskij, D. S. Lihachev, O. V. Tvorogov (eds.). Leningrad, “Nauka” Publ., 1965. (In Russ.)

Slovar’ jazyka Pushkina [Dictionary of Pushkin’s language] / V. V. Vinogradov (resp. ed.) — 2-e izd., dop. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2000. (In Russ.)

Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshhij sintaksis* [An Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGU, 2001. (In Russ.)

Rappaport G. On Anaphor Binding in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory*, 1986, no. 1 (4), pp. 97–120.

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

Е. В. Буденная

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

jane.sdrv@gmail.com

КОНЬЯЧКУ БЫ, ДА ДО ДОМУ: ХРОНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ВТОРОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

В статье на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) исследуется диахроническое развитие конструкций со вторым родительным падежом (флексия *-у*) в трех типах контекстов: 1) конструкции с именными квантификаторами; 2) конструкции с предлогом *без*; 3) конструкции с предлогом *до*. Также данные русского языка сравниваются с данными других языков (прибалтийско-финских, некоторых тюркских), в которых присутствует тенденция к употреблению партитивного падежа в неутвердительных высказываниях. Результаты исследования показывают, что во всех трех типах исследуемых контекстов имеются основания выделять партитивную семантику GEN2. Кроме того, *у*-флексия GEN2, не восходящая к историческому *й*-склонению и некоторым односложным словам исторического *й*-склонения, в первую очередь распространяется в XV в. у отглагольных существительных с семантикой результата или собственно акта действия (конструкции вида *без спросу*, *без разбору* и т. д.), а также у отглагольных существительных с абстрактной семантикой процесса или состояния (конструкции вида *до звону*, *до сроку* и т. д.). В дальнейшем развитие GEN2 в исследуемых контекстах происходит по-разному: во всех исследуемых сочетаниях, за исключением существительных с дефектной парадигмой, формы регулярного генитива на *-а* постепенно вытесняют формы GEN2, однако для диминутивов, в том числе образованных от заимствований, в конструкциях с квантификаторами модель с GEN2 по-прежнему употребительна. Кроме того, дистрибуция некоторых существительных в формах регулярного генитива и GEN2 в конструкциях с *бы* со значением пожелания позволяет сделать вывод о том, что в русском языке присутствует тенденция к употреблению GEN2 в неассертивных контекстах, характерная для ряда других языков.

Ключевые слова: русский язык, второй родительный падеж, партитив, диахронический анализ, корпусная лингвистика

0. Вводные замечания

Формы так называемого второго родительного падежа¹ (в терминологии различных исследователей также количественного отделительного [Зализняк 1967], родительного партитивного [РГ-80; Timberlake 2004], родительного делимого целого [Крысько 2006]) на *-у* (*чашка чаю, поест супу, коньячку бы, ни разу, до дому*) у части неодушевленных русских существительных мужского рода ранее широко изучались в контексте других генитивных форм — как приглагольных объектных, так и управляемых предлогами [Борковский, Кузнецов 2006/1963; РГ-80; Крысько 2006; Малышева 2010; Daniel 2014]. Тем не менее в силу многообразия и неоднородности данных форм ряд вопросов, касающихся их развития, требует дальнейшего изучения и систематизации.

Исторически развитие второго родительного падежа на *-у*, во многих случаях не выделяемого в отдельную граммему в силу параллельных регулярных форм на *-а* (ср. *выпить чаю / чая, много народу / народа*), а также достаточно ограниченного набора слов, способных образовывать *-у*-формы (ср. *чашка чаю / чая* vs. *стакан глнтвейна/*глнтвейну*), связывается с перестройкой системы древнерусского склонения (выравнивание слов *й*-склонения по образцу более широкого класса слов *ѡ*-склонения)². В частности, в поздний праславянский период к немногочисленным словам древнего *й*-склонения относились лексемы *дѣлѣ*³, *сынѣ*, *домѣ*, *полѣ*, *вѣрхѣ*, *низѣ*, *волѣ*, *ледѣ*, *лѣсѣ*, *медѣ*, *рядѣ*, *пѣлкѣ*, *мостѣ*, *свѣтѣ*, *тѣргѣ*, *дарѣ*, *пирѣ*, *часѣ*, *чинѣ* и ряд других, схожих по формальным морфонологическим особенностям основы [Горшкова, Хабургаев 1981: 150]. Однако уже в раннедревнерусский период в берестяных грамотах у ряда лексем (в частности, *дѣлѣ*, *сынѣ*, *тѣргѣ*) наблюдались колебания между *й*- и *ѡ*-склонением, с последующим выравниванием по последнему [Зализняк 2004: 112]. Тем не менее многие из этих слов до сих пор сохраняют формы второго родительного падежа (преимущественно в идиомах и адвербиализованных формах), наряду с регулярным родительным на *-а/-я*: *сжить со свету, нашего полку прибыло, с верху до низу* и т. д. При этом говорить о формах второго родительного исключительно как об исторических реликтах также не приходится: в период XV–XVI вв. происходит заметное расширение сферы употребления второго родительного падежа, затрагивающее новые слова с вещественной и абстрактной семантикой, а также топонимы, морфонологически близкие и/или исторически родственные словам древнего *й*-склонения [Шахматов 1957: 240–244; Марков 1974: 51–56; Горшкова, Хабургаев 1981: 183], в контекстах, типологически свойственных партитивным формам (семантика

¹ Далее также GEN2.

² Данная перестройка, по-видимому, была инициирована тенденцией к выражению граммем мужского рода одними и теми же морфологическими средствами, в первую очередь среди слов определенной акцентно-деривативной модели — одно- или двусложных, с подвижной акцентной парадигмой [Шульга 1987: 72].

³ Здесь и далее древнерусские примеры даются в современной графике, а числительные — в современной арабской передаче.

неопределенного количества, зачастую в конструкциях с квантификаторами и под отрицанием) [Lass 1990; Luraghi, Kittilä 2014; Daniel 2014].

С. Лураги и С. Киттиля [Luraghi, Kittilä 2014: 52] отмечают, что исторически партитивное значение было свойственно еще индоевропейскому генитиву и отмечалось у регулярных древнерусских генитивных форм задолго до распространения форм на -у, что в целом является типологически распространенным процессом (генитив как один из регулярных диахронических источников партитива, наряду с аблативом [Heine, Kuteva 2002: 52–53]). Распространение же второго родительного (родительного партитивного) на -у, таким образом, представляет собой процесс переориентирования данной граммемы на новую функцию, для которой ранее не было отдельного показателя. Р. Ласс [Lass 1990] называет подобное диахроническое развитие термином «экзаптация» (“exaptation”), подчеркивающим кооптирующую партитивную функцию форм второго родительного падежа и традиционного генитива, по-прежнему употребляемого в партитивном значении в соответствующих контекстах у слов женского и среднего рода (*выпить воды, бокал вина* и т. д.).

Тем не менее в современном русском языке употребление форм второго родительного падежа не ограничивается партитивными контекстами. М. А. Даниэль [Daniel 2014] отдельно отмечает большой класс конструкций с пространственными и абстрактными предлогами (в первую очередь *с, без, до, от, из*, см. также [РГ-80]), многие из которых фразеологизированы, и для части фигурирующих в них существительных, в первую очередь — отглагольных, формы родительного падежа на -а в принципе невозможны: *со смеху, от роду, до дому, без умолку, без удержу* и др. Семантически слова, образующие второй родительный на -у, также достаточно разнородны: в этот круг входят как слова с вещественным значением в самом широком понимании (*воздух, коньяк, аспирин* и др.), так и физические состояния (*визг, шум, жар* и др.), абстрактные понятия, связанные с деятельностью или состоянием людей (*азарт, гонор, порядок* и др.), слова со значением нерасчлененной множественности (*люд, народ* и др.), отглагольные имена — преимущественно в составе идиом (*без разбору, с разбегу, с размаху* и ряд других абстрактных неодушевленных существительных). В работе [Плунгян 2005] отмечается, что второй родительный падеж «обычно может быть заменен на простой родительный (так, можно сказать *положите себе еще сахару* и *положите себе еще сахара*), а также что новые заимствования уже много десятилетий не принимают формы второго родительного падежа. Однако корпусное исследование демонстрирует, что во многих контекстах полной взаимозаменяемости стандартного и второго родительного падежей не происходит (например, в НКРЯ сочетание *ни разу* встретилось 8762 раза против всего 12 вхождений ^{??}*ни раза* [Daniel 2014: 361]).

Не совсем однозначной выглядит ситуация и со вторым родительным падежом у заимствований: с одной стороны, на первый взгляд, действительно нельзя говорить о каком-либо заметном проникновении данной граммемы в заимствования последних лет; с другой стороны, М. А. Даниэль на корпусных данных отмечает ее в том числе и у заимствований — в частности, у слова *коньяк* и диминутива *коньячок* [Ibid.: 372]. Хотя данные слова не относятся к заимствованиям последних

десятилетий (по данным НКРЯ, их первые вхождения датируются XIX в.), представляется, что корпусные данные помогут точнее очертить хронологию проникновения данных форм в массив заимствований. Примечательно, что в работе В. А. Плунгяна подчеркивается, что современный русский партитив, выражающий значение неопределенного небольшого количества, в силу семантики тяготеет к диминутивным формам существительных: «только у диминутивов типа *чайку* или *сахарку* партитив может быть обязательным (форма **чайка* недопустима) или предпочтительным (ср. нормальное *огоньку* при отсутствии партитива **огню* у недиминутивного коррелята)» [Плунгян 2011: 138]. В этой связи данные НКРЯ подтверждают употребительность второго родительного падежа в том числе у недавних заимствований, в том случае, если они употреблены в диминутивной форме:

- (1) *Давай-ка, деточка, мы тебе баралгинчику вколем, — басит он.* [Екатерина Костилова. Мамочки // «Столица», 1997.11.11].

Данные корпусного исследования демонстрируют, что четкое партитивное значение у форм второго родительного падежа представлено ориентировочно не более, чем в половине случаев [Daniel 2014: 371], и подробный анализ всех вхождений второго родительного падежа представляет собой отдельную задачу. Все эти факты указывают на необходимость специального исследования конкретных контекстов, содержащих формы родительного падежа на *-у*. Задача настоящей статьи — восстановить на материале НКРЯ, с привлечением также данных Картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (далее — Картотека) для периода до XV в. [Шульга 1978], хронологию развития данных форм для различных классов слов, для трех пространенных типов контекстов — 1) конструкции с именными квантификаторами; 2) конструкции с предлогом *без*; 3) конструкции с предлогом *до*. На данный момент существует достаточно много работ, касающихся функционирования второго родительного падежа на том или ином синхронном срезе, однако диахронических корпусных исследований этих форм существенно меньше. В связи с этим настоящая работа ставит перед собой цель провести пилотное диахроническое исследование того, как именно расширялась сфера «второго родительного» падежа.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 будут проанализированы конструкции с именными квантификаторами в диахронической перспективе, раздел 2 будет посвящен конструкциям с предлогом *без*, а раздел 3 — конструкциям с предлогом *до*. В разделе 4 речь пойдет о наблюдениях, сделанных на материале НКРЯ, о связи партитива и неассертивной модальности. Основным инструментом исследования является панхронический поиск по НКРЯ, позволяющий проследивать изменение конкретных сочетаний на всем массиве текстов XI–XXI вв. [Сичинава 2023].

1. Конструкции с именными квантификаторами

Конструкции с именными квантификаторами, наряду с числительными, представляют собой один из типичных контекстов для партитивного значения (отношение «часть — целое», где существительное с партитивной семантикой обозначает

некоторое количество существей, взятых из единой совокупности). Анализ этих конструкций, по данным НКРЯ, позволяет выделить три хронологических этапа их развития. На первом этапе (XI–XV вв.) формы второго родительного падежа на -у в конструкциях с квантификаторами используются у слов бывшего *й*-склонения (*медь*), а также с 5-ю исконно славянскими словами, восходящими к *ѡ*-склонению, с вещественной семантикой: *бобъ, воскъ, льнь, горохъ, солодь, шелкъ* (см. также [Зализняк 2004: 107]) и заимствованного из нижненемецкого слова *водмоль* [там же: 597], обозначающего сорт домотканого сукна (7):

- (2) *варя 300 переварь меду* [Повесть временных лет по Ипат., 47 (996)];
- (3) *а бобуо 7 мьро* [Гр. 1023, конец XII в.]
- (4) *а горохоу 7 оубороковъ* [Рус. Пр. XI, по списку 1282, 616 об.]
- (5) *кругъ воску* [Гр. 1054, XIII в.];
- (6) *а оу кюриле горохоу четвертина* [Гр. 220, XIII в.]
- (7) *у ваиваса у ваякишина 12 локти водмолу* [Гр. 130, конец XIII в.]
- (8) *золотнике зеленого шолку* [Гр. 288, XIV в.];
- (9) <...> *6 коробей ржи да коробья пшеници 3 солоду дару 3 кунници да пудъ меду дѣтемъ по бѣлки 3 и 3 горсти лѣну* ‘<...> шесть коробей ржи да коробью пшеницы и три солоду, дара три куницы да пуд меду, детям по белке, три и три горсти льна’ [Гр. 136, XIV в.].

Эти данные согласуются с материалами М. В. Шульги [1978], выполненными на материале Картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.»⁴ — крупнейшего собрания древнерусских материалов соответствующего периода, где выделяются аналогичные лексемы (за исключением *водмоль*), образующие формы GEN2. В то же время работа М. В. Шульги представляет более полную картину исследуемого явления, выделяя все случаи варьирования между -у и -а-формами родительного падежа у всех проанализированных словоформ. Согласно этим данным, в лексемах *медь* и *воскъ*, хоть и в существенно меньшей степени по сравнению с -у-формами, но все же встречаются и формы родительного падежа на -а (6 из 52 и 2 из 13 вхождений для *медь* и *воскъ* соответственно [Шульга 1978: 14]). Однако в конструкциях с квантификаторами подобных форм в НКРЯ не встретилось; данные же Картотеки [Там же: 34] содержат только одно вхождение такого рода, с лексемой *медь*:

- (10) *сладчаиши меда словесы* [ГБ XIV, 436].

У остальных же слов мужского рода, восходящих к историческому *ѡ*-склонению, до XV в. в конструкциях с квантификаторами употребляются только формы регулярного генитива на -а (11–13):

- (11) *и плениша же и скота бецисленое множество* [Киевская летопись по Ипат., 110 об. за 1135 г.];
- (12) *дежа овса* [Гр. 1109, XIV в.];

⁴ Благодарю анонимного рецензента за уточнения по данным Картотеки.

- (13) *А хлеба съяно семь коробей жита да коробья ржи* [ГВНП 329, Память Антона Григорьева сына Соловецкому монастырю о вкладе деревни на Прилуке, XV в.].

Согласно данным М. В. Шульги [1987] и А. Т. Лавриненко [1975], раннедревнерусский период в целом характеризуется сильной вариативностью *-у* и *-а*-флексий у одних и тех же слов, которая к XVII в. постепенно сходит на нет [Шульга 1987: 80]. Тем не менее конструкции с квантификаторами подобной вариативностью практически не затрагиваются. Однако можно отметить, что в этих конструкциях GEN2 представлен только у односложных лексем с подвижным ударением, которые в силу акцентно-морфологических особенностей (дифференциация родительного падежа единственного и двойственного числа за счет ударения на основу и на флексию соответственно) в первую очередь перенимали формы родительного падежа на *-у* [Шульга 2017: 154]. Учитывая тот факт, что другие лексемы с вещественным значением (*хлѣбъ*, *овѣсь*, *скоть* и др., см. (10)–(12)), не имеющие подвижного ударения, в период до XV в. в аналогичных конструкциях последовательно сохраняют *-а*-формы родительного падежа, можно полагать, что дифференцированного партитивного значения *-у*-грамма в подобных контекстах к этому времени еще не получила.

Следующий этап, выявляемый по данным НКРЯ, связан с периодом XVI–XVII вв., когда наряду со старыми словами бывшего *й*-склонения и примкнувшими к ним словам *ѵ*-склонения с подвижным ударением (*лен*, *лес*, *горох* и др., см. 14), в аналогичных конструкциях с квантификаторами начинают системно употребляться новые слова (15–20), в том числе новые заимствования (17–20), с аналогичной флексией *-у*. Этот же этап, согласно данным Б. О. Унбегауна [Unbegaun 1935], М. В. Шульги [1987] и А. Т. Лавриненко [1975], характеризуется практически полной утратой вариативности *-у* и *-а*-флексий у большинства слов, где она присутствовала ранее:

- (14) *да сорок четвертей овса, да восемь четвертей солоду* ячного, *да четыре четверти* ячмени, *да полчетверти гороху*, *да три керби лну* [Правая грамота суда ярославских писцов <...>. Включает более ранние документы (1509, 1538) (1543)];
- (15) *сена сорок копен да кустарнику* пашенного *в поле по полутретье десятине* [Сотная грамота <...> на дворцовое с. Буйгород Волоцк. у. (1543–1544)];
- (16) *Пашни и перелогу* и лесом *поросли 422 чети без полуосмины, да церковные пашни 20 чети; сена 339 копен; лесу* пороснягу *57 десятин с полудесятиною; да роци ельнику 12 десятин с полудесятиною; земля середняя* [Челобитная Иос.-Вол. монастыря иг. Арсения Лжедмитрию I (1606.02)];
- (17) *и принесли ему <...> 10 голов сахару, 6 свеч воцаных, 2 кожи овечьих шарапу* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) (1570)];
- (18) *кндяку* желтого *на ризы и на стихарь подризной 3 аршина <...> кармазину 2 аршина безъ четверти* [Роспись денежному расходу на изготов-

ление в церковь села Богородицына ризы и других церковных облачений (1658)];

- (19) *За косякъ бархату черново гладково за 40 за 1 аршинъ за 2 вершка 74 р. 5 д.* [Приходная книга денежной казне (1613 г. сентября 1 — 1614, августа 12)];
- (20) *Лоскуть невеликъ сафьяну червенаго, цѣна 2 деньги* [Опись и продажа имения Михайлы Татищева во 116 году (1608)].

Согласно корпусным данным, в конструкциях с именными квантификаторами в период XVI–XVII вв. новые слова (*кустарник, кармазин, бархат, сафьян*) имеют только флексию *-у* (а не *-а*), что согласуется с подсчетами М. В. Шульги, выполненными на материалах Б. О. Унбегауна и А. Т. Лавриненко [1987: 80]. Формы *сафьяна, бархата*, по данным НКРЯ, появляются в конструкциях с квантификаторами только в XIX–XX вв., и в целом являются единичными вхождениями. Таким образом, данные НКРЯ подтверждают тезис Р. Ласса о семантическом переориентировании ранее существовавшей флексии родительного падежа *-у* в сторону паритивного значения в конструкциях с квантификаторами в период XVI–XVII в.

Третий этап развития данных конструкций (XVIII–XIX вв.), по корпусным данным, сопровождается расширением зоны их употребления на массово распространяющиеся диминутивы на *-ок, -ек, -ик, -чик*:

- (21) *Я поднес ему мою оду; он принял ее с лицом веселым, повел меня в горницу и спросил по стакану пушику покрепче.* [И. А. Крылов (?). Покаяние сочинителя крадуна (1792)];
- (22) *Кваску точно ковшичек выпил.* [И. А. Салов. Мертвое тело (1859) // «Русский вестник», 1879].

Следует отметить, что среди встретившихся примеров второго родительного у диминутивов уже в XIX в. конструкции с именными квантификаторами по количеству вхождений постепенно начинают составлять существенно меньшую часть по сравнению с конструкциями, включающими объектное существительное с семантикой некоторого неопределенного количества, управляемое переходным глаголом, как в примере (1). Тем не менее даже в современном языке иногда употребляются конструкции вида (23):

- (23) *У меня и бинт, и йод, и спиртику флакончик есть* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)].

С этой точки зрения можно говорить, что формы второго родительного падежа по-прежнему могут перениматься новыми словами, в том числе заимствованиями, в том случае, когда последние представляют собой уменьшительные дериваты. Однако они также могут употребляться и с флексией *-а* (так, пример 23 был бы абсолютно грамматичен и с формой *спиртика*, см. также [Плунгян 2005]). Судя по этим данным, можно говорить о том, что слова с уменьшительным значением в некотором роде перенимают вариативность *-у* и *-а*-форм, ранее свойственную другим лексемам [Шульга 1987: 80].

2. Конструкции с *без*

В лингвистической литературе существуют разные точки зрения на то, является ли GEN2 в конструкциях с предлогом *без* (*без отдыху*, *без умолку* и т. д.) истинно партитивным. Так, в работе [Daniel 2014] они рассматриваются среди других конструкций с предлогами, в противоположность типичным партитивным конструкциям с квантификаторами (*бутылка коньяку*), переходными глаголами, частично затрагивающими объект действия (*выпить соку*), и отрицательными частицами (*ни разу*). Тем не менее конструкции с *без*, обозначающие отсутствие объекта, семантически близки отрицательным конструкциям, в которых употребление партитива достаточно хорошо исследовано. В частности, связь партитива и отрицания является типологически распространенной в языках мира, поскольку под отрицанием объект теряет конкретно-референтный статус и становится нереперентным [Luraghi, Kittilä 2014: 27], а семантика нереперентности и/или неопределенности в целом типична для партитива. С этой точки зрения представляется правомерным говорить о партитивной семантике конструкций вида «*без* + GEN2»

Данные НКРЯ позволяют выделить три этапа развития конструкций вида «*без*+ GEN2». На первом этапе (XI–XIV вв.) неодушевленные существительные мужского рода с предлогом *без*, представленные в НКРЯ, имеют только флексию *-а* — за исключением слов изначального *й*-склонения, см. (24)–(25). Партитивное значение в конструкциях с *без* на этом этапе в текстах НКРЯ выражается только стандартным генитивом, см. (26)–(27):

- (24) *а се третъеє холопство тиюньство без рядоу* [Рус. Пр. 1282, л. 626 об.];
- (25) *любо ли земля без миру станеть* [ГВНП 28, Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189–1199)];
- (26) *А чего будеть искати мнѣ, и моимъ бояромъ, и моимъ слугамъ у новъгородъцевъ, и у новоторъжъцевъ, и у волочанъ, а тому всему судъ дати безъ перевода* [ГВНП 4, Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем. Грамота тверская (1296–1301)];
- (27) *А холопы, и должъники, и поручники, кому не будеть суда, тѣхъ выдаваю безъ суда; а кто речеть судъ, а тому судъ.* [ГВНП 5, Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем. Грамота новгородская (1296–1301)].

Более развернутая картина, представленная в памятниках Картотеки [Шульга 1978], согласуется с этими данными. Несмотря на различные примеры варьирования между *-у* и *-а*-формами, характерные для древнерусского периода, в конструкциях с *без* XV в. для слов, не восходящих к *й*-склонению, такого варьирования нами обнаружено не было. В этой связи примечательно, что лексема *ядь* (историческое *й*-склонение) демонстрирует значительный дрейф в сторону *-а*-форм в родительном падеже (6 из 7 вхождений, по данным [Шульга 1978: 23]), однако

единственное вхождение, сохраняющее -у-форму родительного падежа, представлено в Картоотеке как раз в сочетании с *без*:

(28) *без ряду* [СбХл, л. 109, XIV в.].

На следующем этапе (приблизительно с XV в.) по данным НКРЯ можно видеть, что флексия -у постепенно распространяется на новые существительные, в первую очередь — отглагольные с нулевым аффиксом. Учитывая массовость и последовательность распространения этой флексии среди данного круга лексем с нереферентной семантикой, преимущественно двусложных и с неподвижным ударением — тем самым системно отличающихся от односложных существительных со значительно более разнородной семантикой, имеющих формы GEN2 в более раннюю эпоху, — можно предполагать, что к XV в. в подобных контекстах флексия -у в родительном падеже уже воспринималась как специфический нереферентный маркер:

(29) *что на его много всякого рукоделья дѣлал без наиму* [Псковская 3-я летопись, Архивский 2-й список (XV — пер. пол. XVII в.)];

(30) *И нѣцыи безумнии человецы без совѣту всѣхъ и без вѣдома великие ворота отворили* [Там же];

(31) *А купили есми ту землю собе и своим детем впро[к] без выкупу* [Докладная купчая <...> на жеребий сц. Стремяческое в Суздальском у. (1473–1477)];

(32) *А по людцкой ссорѣ или по оговору без обыску без прямого брань и побои* [Домострой (1500–1560)].

Примечательно, что по данным НКРЯ системное распространение партитивного GEN2 в двусложных отглагольных существительных в конструкциях с *без* происходит приблизительно на столетие ранее, чем аналогичный процесс в конструкциях с квантификаторами (см. Раздел 1). Можно предполагать, что первичной для «нового» GEN2 была именно семантика нереферентности, которая затем приобрела дополнительное значение некоторой неопределенной части целого.

На третьем этапе диахронического развития конструкций с *без* (кон. XVIII — нач. XIX в.), по данным НКРЯ, происходит расширение списка отглагольных существительных в конструкциях вида *без* + -у (*без разбору, без спросу, без счету*), включая слова с дефектной парадигмой (*без умолку, без удержу*). При этом существительные с полноценной парадигмой, помимо форм GEN2 регулярно употребляются и в формах стандартного генитива на -а. Параллельно сохраняются и постепенно фразеологизируются некоторые конструкции со словами бывшего *й*-склонения (*без году неделя*). К середине XX в. многие ранее композиционные сочетания с абстрактными отглагольными существительными с нулевым аффиксом (акт или результат действия, названного мотивирующим глаголом, ср. *без умолку, без спросу, без разбору*), а также с существительным *толк*, еще в XVII в. развившим значение 'разумное содержание, смысл, фразеологизируются и становятся наиболее употребительными среди всех конструкций с *без* (см. Таблицу 2).

Другие же ранее свободно употребляемые существительные с вещественной и абстрактной семантикой (*сахар, табак, смех, страх, шум*) постепенно перестают фигурировать в GEN2 (см. Таблицу 1), приобретая практически только формы регулярного генитива на *-а*. Некоторые из этих слов демонстрируют однозначное доминирование *а*-форм в конструкциях с *без* уже в конце XIX в. — первой половине XX в. Так, начиная с 1889 г., конструкции вида *без крика* начинают стойко преобладать над конструкциями вида *без крику*, а с 1902 г. конструкции вида *без сахара* обходят аналогичные сочетания с GEN2.

Таблица 1. Диахроническое развитие некоторых конструкций вида “*без + GEN2*” с существительными, обозначающими вещества и абстрактные состояния, в период с конца XVIII в. по XXI в.

	1770–1950	1950–2022
<i>без сахару</i>	79 (90%)	8 (10%)
<i>без шуму</i>	88 (90%)	9 (10%)
<i>без смеху</i>	25 (89%)	3 (11%)
<i>без табаку</i>	36 (86%)	6 (14%)
<i>без крику</i>	27 (87%)	4 (13%)

Таблица 2. Диахроническое развитие наиболее употребительных конструкций вида “*без + GEN2*” с отглагольными существительными, а также с существительным *толк*, в период с конца XVIII по XXI в.

	1770–1950	1950–2022
<i>без толку</i>	635 (50%)	623 (50%)
<i>без умолку</i>	609 (65%)	330 (35%)
<i>без спросу</i>	203 (50%)	203 (50%)
<i>без разбору</i>	168 (46%)	194 (54%)

Можно говорить о том, что период второй половины XX — начала XXI в. связан, с одной стороны, с массовым выходом из употребления *GEN2* у существительных, обозначающих вещества и абстрактные состояния, и развитием регулярного генитива на *-а* на месте бывшего GEN2 в конструкциях с *без*, а с другой стороны — с идиоматизацией сочетаний, включающих ряд отглагольных существительных, которые обозначают результат действия или его процесс, а также существительное *толк*. В последней группе существительных также наблюдается некоторый дрейф в сторону постепенного преобладания *а*-форм, который проходит с разной скоростью для каждого конкретного существительного. Так, сочетания вида *без разбора* начинают стабильно обходить по процентному соотношению сочетания с GEN2 уже с 1862 г. (однако конструкции вида *без разбору* вплоть до начала 2000-х гг. стабильно употребляются, хоть и реже, чем аналогичные сочетания со стандартным

генитивом), а конструкции вида *без спроса* начинают слегка преобладать над конструкциями с GEN2 начиная с 1974 г. Однако для наиболее идиоматизированных сочетаний (в частности *без толку*) вплоть до настоящего момента сохраняется стойкое доминирование GEN2.

3. Конструкции с *до*

Конструкции вида “*до* + GEN2”, как правило, рассматриваются отдельно от сочетаний, где GEN2 имеет очевидное партитивное значение [Daniel 2014]. Тем не менее с типологической точки зрения известен факт, что в других языках (в частности в финском) формы партитивного падежа вполне могут употребляться с адлогами [ISK 2004, § 689]. Так, в примерах (33–34) финский язык различает генитивное употребление (GEN + *ympäri*), обозначающее замкнутый город целиком, и партитивное (PART + *ympäri*), кодирующее некую неопределенную часть города:

(33) *ympäri* *kaupunki-a*
вокруг город-PART
‘по городу’ [Luraghi, Kittilä 2014: 42];

(34) *kaupungi-n ympäri*
город-GEN вокруг
‘вокруг города’ [Ibid.].

Тем не менее в конструкциях с *до* со значением физического пространственного предела вряд ли можно видеть партитивную семантику. Данная ситуация, по данным НКРЯ, была типична для древнерусского языка до XV в., когда в сочетаниях вида “*до* + GEN2” употреблялись преимущественно существительные бывшего *й*-склонения, и вся конструкция имела пространственное значение:

(35) *И бишася с ними и до плъку, и князь Ярослав с новгородци биша их до рѣцѣ <...> Того же лѣта изгониха литва Русу оли и до Торгу, и сташя русшане и засада, огнищане и гридба, и к тому купецъ, гости выгнаша ихъ ис посада, бьющеся на поле* [Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400–1450)].

Тем не менее можно полагать, что некоторое колебание в сторону *-у*-флексии имело место в период до XV в. и для некоторых лексем бывшего *й*-склонения — в частности, *скоть* (1 вхождение):

(36) *от старецъ и до уноть, и до суцихъ младенецъ и тѣ(х̄) бо млека ѿду(ч̄)-ша на ̑. дни но и до ск(о)ту и конемъ и всеи животинѣ постъ створи(и̑)* [Поучения Серапиона, XIII, сп. XIV в., II, 6]

Данный пример также фигурирует в данных Картотеки [Шульга 1978: 23]). Однако по мнению А. А. Пичхадзе (личное сообщение), *до* в (36) может быть ошибочным, поскольку далее идут синтаксически однородные формы дательного падежа. Еще один пример, который теоретически может свидетельствовать о некотором

дрейфе в сторону -у-форм родительного падежа у слов ъ-склонения, также представлен в Картотеке и содержит сочетание *до мосту*, представленное в южнорусской грамоте XIV в.:

- (37) *а ко млину границя горѣ Смотричемъ до мосту* [Розов 10, Грамота жалованная подольского князя Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю, 17 марта 1375 г.]

Других примеров, показывающих варьирование -у и -а-форм родительного падежа в конструкциях с *до*, в НКРЯ и Картотеке (данные [Шульга 1978]) нам не встретилось. Таким образом, можно говорить о том, что в период до XV в. у некоторых лексем в конструкциях с *до* изредка наблюдалось варьирование флексии родительного падежа, однако в меньшей степени, чем в конструкциях с квантификаторами (см. Раздел 1.)

На следующем этапе, приблизительно с XV в. в конструкциях вида “*до* + GEN2” начинают употребляться новые существительные, в первую очередь — отглагольные, с абстрактной семантикой состояния или процесса, см. (38)–(41). При этом старые контексты, с конкретными существительными бывшего ѣ-склонения и значением пространственного предела (ср. *до дому*), также сохраняются.

- (38) *прииде в ноци до звону заутренняго* [Инока Фомы Слово похвальное (1450–1455)];
- (39) *А будеть в росоли прокъ, а иметь быти, дасть богъ, соль, ино Федору у Обросима и у Лаврентѣя и до сроку своихъ кунъ взяти половина* [Закладная на село на Лодме (1440–1460)];
- (40) *А на которыхъ людей языка два или три говорят, а исцы на них учнут бити челом и на пытку их просити, — и старостам и до сыску техъ людей велети пытати и управа им чинити по сему ж наказному списку* [Уставная губная грамота Старой Рязани (1555)];
- (41) *И по той росписи стояли воеводы и до роспуску* [Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг.].

В (38)–(41) сочетания с *до* имеют семантику временного предела. Учитывая абстрактное значение существительных с *до* и их нереферентный статус, можно считать, что здесь представлена семантика, близкая партитивным контекстам. Кроме того, по крайней мере в некоторых контекстах — в частности в (38) — флексия -у могла дополнительно маркировать некоторый квант называемого процесса (т. е. целое по отношению к части, в примере 38 — начало звона колоколов), а не процесс целиком. Тем самым однозначных данных, свидетельствующих о принципиально ином значении, отличном от того набора, который свойствен партитивным контекстам, у сочетаний абстрактных существительных с *до* нет.

Тем не менее конструкции вида (38)–(41) в дальнейшем не закрепляются в языке: уже с XVIII в. существительные в сочетаниях с *до*, как правило, имеют окончания регулярного генитива на -а. Начиная с XVIII в., наиболее употребительными

существительными в сочетаниях вида «до + GEN2» являются слова исторического *й*-склонения (с поправкой на то, что современное слово *пол* в значении «нижний настил» приняло формы, аналогичные древнему *пол* в значении «половина»), см. Табл. 3. Следом за ними идет идиоматизированное сочетание *до смеху*, употребляющееся фактически только в конструкциях вида *не до смеху*, и возникающее в текстах НКРЯ только в период конца XVIII в. Можно полагать, что исторически данное сочетание возникло схожим образом, что и конструкции вида (37)–(40), однако в дальнейшем очень быстро фразеологизировалось.

Таблица 3. Наиболее употребительные конструкции вида «до + GEN2» по данным основного корпуса НКРЯ

Конструкция	Число вхождений (XVIII–XX)
<i>до дому</i>	1507
<i>до часу</i>	565
<i>до полу</i>	396
<i>до свету</i>	242
<i>до смеху</i>	94

Однако даже конструкции, представленные в Табл. 3, в период второй половины XX в. существенно изменили дистрибуцию. В частности, приблизительно с 1950-х гг., формы стандартного генитива на *-a* в данных контекстах начинают преобладать над прежними формами GEN2: начиная с этого времени, конструкции вида *до дома*, *до пола* и *до смеху* начинают постепенно доминировать над сочетаниями вида *до дому*, *до полу* и *до смеху* соответственно.

Можно полагать, что причиной подобного выравнивания окончаний стали преобладающие формы со стандартным генитивом у других существительных в аналогичных контекстах. Однако вопрос о том, почему данное выравнивание происходит только в конце XX в., заслуживает отдельного исследования.

4. Замечания о модальности

Говоря о диахронической эволюции конструкций с GEN2, представляется важным обратить внимание на типологически зафиксированную связь партитивного падежа и неутвердительной (неассертивной) модальности высказывания [Luraghi, Kittilä 2014: 28]. Так, в финском языке в ряде случаев даже в отношении конкретного объекта в вопросительных предложениях и конструкциях с сослагательным наклонением объект употребляется в партитиве:

- (42) *oli-si-ko* *sinu-lla* *tä-tä* *kirja-a?*
 иметь-COND-Q 2SG-ADESS этот-PART book-PART
 ‘Случалось ли тебе иметь эту книгу?’ [Ibid.: 29].

По данным [Tamm 2014], в эстонском языке партитив склонен эволюционировать в модальный маркер. В этой связи примечательно, что в неродственных и географически далеких от прибалтийско-финских языков якутском и долганском

(тюркская ветвь) наблюдаются схожие явления. Так, в якутском языке при повелительном наклонении прямое дополнение оформляется показателем «частного падежа» (партитива) [Убрятова 1982: 134]. В долганском же языке «форма частного падежа выражает объект предполагаемого действия. Так, герой сказки, строя предположения о своих будущих действиях, говорит: “Отут үлэһиттэ илэммин, үс халдаатта илэммин барыам ‘Тридцать рабочих взявши, трех солдат взявши, пойду’”. Когда же это произошло, сказитель сообщает: “Отут киһини илпит, үс халдааты илпит ‘Тридцать рабочих взял, три солдата взял’”. В первом случае, когда действие только предполагалось, прямое дополнение имеет форму частного падежа; во втором — когда действие уже совершилось — прямое дополнение принимает форму винительного падежа [Убрятова 1985: 117–118]⁵.

Можно предположить, что в современном русском языке наблюдается схожий процесс в сослагательных конструкциях с частицей *бы*. В отличие от остальных контекстов, у ряда лексем (*чай, квас, коньяк*, а также диминутивных форм *чаек, квасок, коньячок*) в данных сочетаниях формы стандартного генитива на *-а* так и не начинают преобладать над *-у*-формами. Для отслеживания данного процесса было решено проследить на корпусном материале один из типичных неассертивных контекстов — модели вида *GEN2 + бы* (+ глагольная форма, если есть) с выражением желательного действия, направленного на существительное в форме *GEN2*. При этом контексты, в которых формы родительного падежа содержали при себе отрицательное прилагательное и/или управлялись глаголом под отрицанием, отфильтровывались, поскольку отрицание само по себе относится к типологически распространенным условиям для употребления партитивных форм и в связи с этим могло исказить статистику.

Результаты анализа конструкций вида *GEN2 + бы* и *GEN* (= *-а*-форма родительного падежа) + *бы* приведены в Табл. 4 и разбиты на периоды по векам (данные XV и XVI вв. объединены в силу только одного вхождения за XV в.; аналогичным образом объединены данные XVII и XVIII вв., в силу единичного вхождения за XVII в., и XX–XXI вв., в связи с единичным вхождением в текстах XXI в.).

Таблица 4. Соотношение моделей вида *GEN2 + бы* и *GEN + бы*, по данным НКРЯ

	XV–XVI	XVII–XVIII	XIX	XX–XXI
<i>GEN2 + бы</i>	7 (100%)	1 (100%)	40 (85%)	74 (70%)
<i>GEN + бы</i>	0	0	7 (15%)	32 (30%)
Всего	7	1	47	106

По данным Табл. 4 можно видеть, что на протяжении всего исследуемого времени формы *GEN2* в конструкциях с *бы* со значением пожелания употребляются существенно чаще стандартных генитивных форм (χ -квадрат, p -value < 0,001). Однако в период XX в. формы стандартного генитива на *-а* в конструкциях с *бы* начинаются

⁵ Примечательно, что в первом примере также используется нефинитная форма глагола, типологически часто коррелирующая с неассертивностью [Nikolaeva 2007]

употребляться чаще, чем в более раннюю эпоху (χ -квадрат, p -value < 0,05), хоть и по-прежнему уступают формам *GEN2*.

Ниже приведены некоторые примеры каждого вида конструкций.

GEN2 + бы:

- (43) *да и запасу бы прислал еси торгу для* [Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 5-я. 1557–1561 гг (1557–1561)];
- (44) *Да меду б еси пресного много прислал* [Там же];
- (45) *А корму бѣ есте имѣ велѣли давать* [Царская грамота на Белоозеро воеводе Ивану Ивановичу Борнякову <...> (1625.10.21)];
- (46) *чайку бы выпить* [В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)];
- (47) *а по холодку-то и коньячку бы хватить не мешало...* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)];
- (48) *Эй, Соломия, квасу, квасу бы мнѣ, квасу-у!* [В. Г. Старостин. Похождения семинариста Хлопова (1870)];
- (49) *Балычку бы осетрового...* [А. И. Куприн. Друзья (1896)];
- (50) *Лежал бы себе в тарантасе, приехали бы себе на постоялый двор, в теплую комнату, чаю бы напился...* [В. А. Слепцов. Владимирка и Клязьма (1860–1861)];
- (51) — *Вот табачку бы, — просил раненый солдат, слушая* [Л. Ф. Зуров. Иванда-марья (1956–1969) // «Звезда», 2005];
- (52) *Суну бы, с лапшой.* [Рид Грачев. Одно лето (1958)];
- (53) — *Воздуху бы мне...* [Федор Абрамов. Дом (1973–1978)];
- (54) *Кумысу бы испить!* [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];
- (55) *Рассолу бы, что ли, принес, скотина* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

GEN + бы:

- (56) *вон я от печки поела, пирога бы калинника пожевала...* [С. В. Максимов. Из книги «Лесная глушь». Том 1 (1859)];
- (57) — *Хлебца бы нужно.* [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо второе (1872)];
- (58) — *Огонька бы надо!* [Г. И. Успенский. Кой про что (1885)];
- (59) — *Рожна бы вам горячего!* [Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)];
- (60) *Ветерка бы, чистого воздуха...* [В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном (1977)];
- (61) *Дождя бы сейчас...* [В. Доценко. Срок для Бешеного (1993)];
- (62) *Остохренел бардак. Порядка бы.* [Нина Садур. Немец (1996)].

Уже с XIX в. можно отчетливо наблюдать наиболее часто употребляемые лексемы: *чай / чаек* (12/29 вхождений, соответственно), *квас / квасок* (5/13 вхождений, соответственно) и *коньяк / коньячок* (3/4 вхождения, соответственно) для конструкций вида *GEN2 + бы* и *хлеб / хлебец* (5/7 вхождений, соответственно) для *GEN + бы*. По-видимому, к употреблению в *GEN2* в данных конструкциях в большей степени тяготеют существительные с вещественной семантикой, обозначающие жидкости и порошкообразные сущности, пригодные для употребления в пищу, тогда как более твердые неисчисляемые субстанции ((56)–(57)) и природные явления ((58), ((60)–(61)) употребляются преимущественно в *-а*-формах. Систематизация этого вида существительных еще остается предметом дальнейших исследований. Однако в целом, по данным текстов XVI–XXI вв., есть основания полагать, что типологическая тенденция к партитивному употреблению в неутвердительных предложениях прослеживается и в русском языке, в виде доминирования форм *GEN2* в конструкциях с *бы*.

Заключение

В данной статье на корпусных данных был рассмотрен процесс диахронической эволюции конструкций со вторым родительным падежом (*GEN2*) в различных видах контекстов (конструкции с квантификаторами и предложные сочетания вида “*без + GEN2*” и “*до + GEN2*”). Было обнаружено, что на этапе до XIV в. данные НКРЯ иногда показывают несколько более упрощенную картину данных, не всегда отражающую варьирование между *-у* и *-а*-флексиями у ряда лексем, в отличие от данных Картотеки СДРЯ. Однако более поздние данные НКРЯ уже демонстрируют ряд системных диахронических явлений в дальнейшем распространении *-у*-флексии. Согласно данным НКРЯ, ранее всего — приблизительно в XV в. — флексия *-у* системно распространилась у отглагольных существительных в конструкциях с предлогами. Затем, приблизительно в период XVI–XVII вв. — в конструкциях с количественными квантификаторами, у неотглагольных существительных с вещественной семантикой. В дальнейшем в конструкциях с квантификаторами формы регулярного генитива на *-а* достаточно быстро вытесняют формы *GEN2*, однако данный процесс в меньшей степени характерен для диминутивов, в которые *GEN2* проникает в период XVIII–XX вв. и возможен до сих пор, в том числе для заимствований.

Что касается конструкций с предлогами, по данным НКРЯ есть основания видеть партитивную семантику *GEN2* как в конструкциях с *без* (нереферентность под отрицанием), так и в части конструкций с *до* с отглагольными существительными с процессуальной семантикой (= некоторый квант описываемого процесса). И в конструкциях с *без*, и в конструкциях с *до*, за исключением отглагольных существительных с дефектной парадигмой, в период XX в. формы на *-а* начинают массово вытеснять формы *GEN2*, однако не вытесняют окончательно.

Также можно предполагать, что в современном русском языке отчасти присутствует тенденция, характерная для многих других языков (в частности прибалтийско-финских и некоторых тюркских), при которой употребление партитивного

GEN2 в большей степени характерно для неутвердительных предложений. Данное явление прослеживается на примере дистрибуции форм *GEN2* и стандартного генитива в сочетании частицей *бы*, где вплоть до настоящего времени доминируют формы *GEN2*.

Ряд вопросов, связанных с более детальным анализом семантики существительных, а также исследованием других контекстов с *GEN2* — в частности с другими предложениями и с некоторыми переходными глаголами — остался за рамками настоящей работы и является задачей будущих исследований.

Источники

ГБ XIV — Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М. 1949.

Гр. — берестяные грамоты XI–XV вв. [электронный ресурс] URL: <http://gramoty.ru/birchbark/>

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2 Ипатьевская летопись. М., 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/>

Поучения Серапиона — Поучения Серапиона Владимирского // Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.

Розов — Розов В. Українські грамоти. XIV і перша половина XV. Київ, 1928. Т. 1.

Рус. Пр. по сп. 1282 г. — Русская Правда по списку Новгородской кормчей 1282 г. // Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. М. — Л., 1930.

СбХл XIV — Поучение о спасении души // Сборник, XIV в., ГИМ, Хлуд., № 30д. Л. 98–110об.

Литература

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006 [Перепечатка издания 1963 г.].

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.

Лавриненко А. Т. История вариантных флексий родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода *-а/-я* и *-у/-ю* в русском и украинском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М.: 1975.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974.

Плунгян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. 2005. № 2 (23) [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm>

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Мальшиева А. В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и архангельских говоров). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010.

Сичинава Д. В. Панхронический поиск: обеспечение одновременного запроса к современным и историческим корпусам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 2. С.

Убрятова Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.

Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.

Шульга М. В. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности. // Исследования по исторической морфологии русского языка / Аванесов Р. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. С. 3–40.

Шульга М. В. К истории восточнославянского генитива // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 72–83.

Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017.

Daniel M. The Second Genitive in Russian // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 347–377.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

ISK — Iso suomen kielioppi. Ed. by A. Hakulinen, M. Vilkkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen and I. Alho. Helsinki: SKS, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

Lass R. How to do things with junk: Exaptation in language evolution // Journal of Linguistics. 1990. № 26. P. 79–102.

Luraghi S., Kittilä S. Typology and diachrony of partitive case markers // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 17–62.

Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses // Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Ed. by I. Nikolaeva, F. Plank. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 138–180.

Tamm A. The partitive concept versus linguistic partitives: from abstract concepts to evidentiality in the Uralic language // Partitive cases and related categories. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 80–152.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Unbegaun B. O. La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). Paris : H. Champion, 1935.

Evgeniya V. Budennaya

National Research University Higher School of Economics

Institute of linguistics, RAS

(Moscow, Russia)

jane.sdrv@gmail.com

KON'JAČKU BY, DA DO DOMU: ON THE DEVELOPMENT OF SOME SECOND GENITIVE CASE FORMS IN RUSSIAN

The article based on the material from Russian National Corpus discusses the diachronic development of structures with Russian second genitive case in three types of contexts: 1) with nominal quantifiers; 2) with the preposition *bez* 'without'; 3) with the preposition *do* 'towards'. The data obtained from Russian language are compared with the data from other languages (Finnic ones and several Turkic ones), in which there is a tendency to use the partitive case in non-affirmative clauses. The results of the study show that in all three types of the studied contexts one can observe the partitive semantics of GEN2. In addition, the partitive *u*-flexion of GEN2 primarily spreads in the 15th century in deverbal nouns expressing a result or an action itself (constructions like *bez razboru* 'without sorting', *bez sprosu* 'without asking', etc.), as well as in deverbal nouns expressing process or state (constructions like *do zvonu* 'before the bell', *do sroku* 'before the term', etc.). Subsequently, GEN2 in the studied contexts develops differently: in all combinations, except for nouns with a defective paradigm, the forms of the regular genitive in *-a* gradually replace those of GEN2, but for diminutives, including those formed from borrowings, in constructions with nominal quantifiers, the GEN2-pattern is still in use. In addition, the distribution of the standard genitive and of the GEN2-forms in conditional mood with the particle *by* suggests a tendency to use GEN2 in Russian non-assertive contexts, which is common in a number of different languages.

Keywords: Russian, genitive, partitive, secondary cases, diachronic analysis, corpus linguistics

References

Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Izd. 3-e, stereotipnoe. Moscow, "KomKniga" Publ., 2006 [Reprint of the 1963 edition]. (In Russ.)

Daniel M. The Second Genitive in Russian. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 347–377.

Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1981. (In Russ.)

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Iso suomen kielioppi. Ed. by A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen and I. Alho. Helsinki: SKS, 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>

Krysko V. B. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Obekt i perekhodnost'* [Historical syntax of the Russian language: Object and transitivity']. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2006. (In Russ.)

Lass R. How to do things with junk: Exaptation in language evolution. *Journal of Linguistics*, 26, 1990, pp. 79–102.

Lavrinenko A. T. *Istoriya variantnykh fleksiy roditelnogo padezha edinstvennogo chisla imen sushchestvitelnykh muzhskogo roda -a/-ya i -u/-yu v russkom i ukrainskom yazykakh*. Thesis. Moscow, 1975. (In Russ.)

Luraghi S., Kittilä S. Typology and diachrony of partitive case markers. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 17–62.

Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie*. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1974. (In Russ.)

Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses. *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Ed. by I. Nikolaeva, F. Plank. Oxford: Oxford University Press. 2007, pp. 138–180.

Plungyan V. A. Zachem my delaem Natsionalnyy korpus russkogo yazyka? *Otechestvennye zapiski*, 2(23), 2005. [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm> (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku*. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2011. (In Russ.)

Malysheva A. V. *Iz istorii russkogo glagolnogo upravleniya: obektnyy genitiv (na materiale russkikh letopisey i arkhangel'skikh govorov)*. Thesis. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2010. (In Russ.)

Russkaya grammatika. Vol. I. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Shulga M. V. Paradigma tipa med v drevnerusskoy pismennosti. Avanesov R. I. (resp. ed.). *Issledovaniya po istoricheskoy morfologii russkogo yazyka*. Moscow, “Nauka” Publ., 1978, pp. 3–40. (In Russ.)

Shulga M. V. K istorii vostochnoslavyanskogo genitiva. *Voprosy yazykoznaneya*, 1987, no. 6, pp. 72–83. (In Russ.)

Shulga M. V. *Grammaticheskie oppozitsii v istorii morfologii imeni*. Moscow, “Indrik” Publ., 2017. (In Russ.)

Sichinava D. V. Pankhronicheskiy poisk: obespechenie odnovremennogo zaprosa k sovremennym i istoricheskim korpusam. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2024, no. 2. (In Russ.)

Tamm A. The partitive concept versus linguistic partitives: from abstract concepts to evidentiality in the Uralic language. *Partitive cases and related categories*. Ed. by S. Luraghi, T. Huomo. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 80–152.

Timberlake A. *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Ubryatova E. I. *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. T. 1: Fonetika i morfologiya*. Moscow, “Nauka” Publ., 1982. (In Russ.)

Ubryatova E. I. *Yazyk norilskikh dolgan*. Novosibirsk, “Nauka” Publ., 1985. (In Russ.)

Unbegaun B. O. *La langue russe au XVIe siècle (1500–1550)*. Paris: H. Champion, 1935.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow, “Nauka” Publ., 1967. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moscow, “Yazyki slavyanskoy kultury” Publ., 2004. (In Russ.)

Е. А. Галинская
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
eagalinsk@mail.ru

ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПАДЕЖЕЙ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В ЛЕЧЕБНИКЕ XVII ВЕКА

Предметом рассмотрения в данной статье стали формы родительного и местного падежей существительных мужского рода в лечебнике под названием «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещех ко здравию человеческому пристоящих», переведенном с неустановленного языка подьячим Андреем Никифоровым в 1672 году. Был исследован список Российской государственной библиотеки, ф. 317, № 8. XVII в., имеющий высокий процент акцентуированности. Оказалось, что в родительном падеже распределение окончаний *-a* и *-y* в ряде случаев зависит от падежного значения: окончание *-a* употребляется в родительном принадлежности и счетной форме; окончание *-y* — в родительном времени и партитиве. В значении родительного субъекта, объекта, сравнения, изъяснения, в исходном и достигательном падежах окончание *-a* преобладает над окончанием *-y*, тогда как в родительном со значением причины, а также выделительной характеристики по материалу или веществу и в потенсиве (его значение — предотвращение потенциальной угрозы) существительные оканчиваются преимущественно на *-y*. Зависимость в присоединении окончания *-a* или *-y* от акцентной парадигмы обнаруживается только в трех значениях родительного падежа: исходном, достигательном и причинном. Здесь слова а.п. *a* и а.п. *b* имеют преимущественно флексию *-a*, а слова а.п. *c* — преимущественно флексию *-y*.

Что касается местного падежа, то в Лечебнике представляет интерес достаточно большое количество нетривиальных случаев употребления существительных мужского рода в изъяснительном значении с предлогом *o* и окончанием *-y* (например, *o насмóрку*, *o хрѣну*, *ó духу*). Сравнение с деловой письменностью XVII в. показывает, что это явление встречается там лишь спорадически и только в формальных контекстах.

Ключевые слова: лечебники XVII века, окончания *-a/-y* в родительном падеже, значения родительного падежа, окончания *-ъ/-y* в местном падеже, формы на *-y* в изъянительном значении местного падежа

В статье пойдет речь о формах родительного падежа существительных на *-a/-y* и местного падежа на *-ъ/-y* в лечебнике XVII в. — сборнике «Прохладный вертоград», полное название которого: «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещех ко здравию человеческому пристоящих». Сборник был переведен подьячим Андреем Никифоровым в 1672 г. В одном из списков есть запись переводчика: «Сия книга прохладный вертоград или лечебник переведен с немецкова аптекарскаго лечебника Земьскова приказу подьячим Андреем Микифоровым с немецкова языка на русской в лето 7180-го году» (Российская национальная библиотека, собр. Погодина, № 1682, л. 279 об.). В другом списке имеется запись П. М. Строева: «Перевод книги Hortus amoenus, сделанный в 1672-м году Земского приказа подьячим Андреем Никифоровым с оригинала, находившегося в Аптекарском приказе» (Российская национальная библиотека, собр. Погодина, № 1683). При этом существует мнение, что перевод мог быть сделан не обязательно с немецкого языка, но и с какого-то другого, возможно с латинского, на что указывает название «Hortus amoenus». Иностраный оригинал до нас не дошел. Книга содержит сведения о растениях, животных, птицах, рыбах, минералах и их лечебных свойствах; кроме того, здесь перечислены признаки моровой болезни и советы о том, как надо беречься от морового поветрия; есть главы по уроскопии, акушерству и педиатрии, указания о кровопускании, а также глава под названием «Наука врача Моисея египтянина ко Александру царю Македонскому», заимствованная из русского перевода «Тайная Тайных», где перечисляются гигиенические и диетические правила на все времена года. «Прохладный вертоград» был востребованной книгой, служил учебным пособием для медицинских школ и практическим руководством для врачей [Словарь книжников и книжности: 84–85].

Текст «Прохладного вертограда» написан на гибридном церковнославянском языке с существенным сдвигом в сторону русской реализации маркированных признаков. До нас дошло немало списков этого памятника, датируемых XVII и XVIII веками, акцентуированных и неакцентуированных. Поскольку при исследовании форм Р. п. на *-a/-y* и М. п. на *-ъ/-y* существенно понять, влияет ли на выбор того или иного окончания акцентная парадигма слов, наибольший интерес представляют хорошо акцентуированные списки. Поэтому для анализа была выбрана рукопись XVII в. (Российская государственная библиотека, ф. 317, № 8, 254 л.), степень акцентуированности которой доходит до 97–98%.

Родительный падеж

А. А. Шахматов [1957: 241–243] пришел к заключению о том, что слова, означающие «индивидуальные предметы», «орудия, растения и вообще предметы, мыслимые как единицы, отличные от других», а также имена собственные окончания *-y*

в Р. п. обычно не получают, тогда как слова трех других семантических групп допускают окончание -у: 1) «слова, означающие вещество или собрание предметов»; 2) «слова, означающие местности»; 3) «слова, означающие отвлеченные понятия». Однако Г. А. Хабургаев указал на то, что на самом деле здесь зависимость опосредованная, поскольку между лексической семантикой слова и выбором окончания -у или -а стоит еще одно звено: синтаксическая функция, с которой связаны слова с тем или иным лексическим значением. В частности, со значением собственно родительного падежа (отношения, принадлежности и т. д.), как правило, функционируют имена «означающие индивидуальные предметы» (в том числе и имена одушевленные), тогда как имена с отвлеченным значением и со значением «местностей» употребляются главным образом в конструкциях с грамматическим значением отложительного (или исходно-достигательного) падежа, а слова с вещественным и собирательным значениями — в словосочетаниях, где они имеют семантику партитивного падежа [Хабургаев 1990: 98].

Поэтому материал расклассифицирован исходя из различных значений родительного падежа, а внутри рубрик распределен по акцентным парадигмам. Следует заметить, что некоторые слова в Лечебнике демонстрируют старую акцентную парадигму, некоторые — колебания в сторону другой акцентной парадигмы, а единичные слова перешли в новую акцентную парадигму.

Родительный падеж обладает широким спектром падежных значений. В. В. Виноградов [1947: 173] даже говорит о нем как о «так называемом родительном падеже». Единой общепринятой классификации значений этого падежа нет, так что на основании материала Лечебника были выделены значения, представление о которых можно составить на основании целого ряда работ. Прежде чем приводить материал, замечу, что одушевленные существительные никогда не принимают окончание -у, но отдельные примеры с окончанием -а все же далее будут продемонстрированы. И, наконец, следует сказать, что отдельные слова могут иметь вариативные окончания (например, *у^м кáшлa* и *у^м кáшлo*), что не удивительно, поскольку факты такой вариативности известны и из более ранних памятников, см., в частности, [Шахматов 1957: 245].

В двух падежных значениях зафиксировано только окончание -а (поэтому приводится лишь несколько примеров): **счетная форма** (*по полу ковшà* 141, *два бобкà* 241 об., *двà úса* 103 об.), **родительный принадлежности** (*мáсо вáленого борáна* 82 об., *всáкого воробья́ ёсть мýсо не добрò* 96 об.).

Ряд падежных значений выражается словами с флексиями обоих типов *п р и п р е о б л а д а н и и* *о к о н ч а н и я* -а, причем отдельные слова в этих значениях вариативности окончаний не допускают.

Родительный субъекта

Окончание -а

Тут находим 2 формы слов а.п. а (*на твёрдость язýка пшоблáеть* 94 об., *помогáеть <...> на удымáние жслýдка* 94), 3 формы слов а.п. б (*докоуль угнá не*

б^{уде} 242 об., н^{утрь} **ш**^м *млагчаётъ и првпущеніе живота творитъ* 100 об., *таща виробьёва великую помочь дають к постановленію мехиря*¹ 96 об.) и 2 формы слов а.п. с (о наведеніи <...> *ўстрости рѣзума* 34, **ш**^м *соблѣзньства дѹха нечїстаго* 220 об.).

Окончание -у

Обнаружился только один пример — форма слова *сокъ*, исконно относившегося к а.п. с, но изменившего в дальнейшем парадигму на *а* [Зализняк 2019: 574]: *о сладости соку финїкловы травы* 134 об.²

Родительный объекта (в том числе прямого объекта при отрицании)

Окончание -а

Здесь имеется 8 форм слов а.п. а, в том числе 4 формы слова *хлѣба* (напр., *недобро їасти ржаного хлѣба* 44 об., *ис кирпичѣ ма́сло составляетѣ сіице* 196) и 2 формы слов а.п. б (*кѣшъ хощетъ жєравля їсти* 92³, *иґнѣ не боїтѣ* 217 об.).

Окончание -у

С этим окончанием отмечена одна форма а.п. а (*искѣти мѣста здороваго и во³дѹху чїстаго* 233 об.) и 2 формы а.п. с (*мозгъ кѹречей застанѣвливаеъ крѹвъ їз носа которѣа з затыкѣнїѣа мо³гу бывѣаетъ* 94 об., <...> *кото^ое бывѣаетъ с наполнѣнїе (sic) мозгу* 95 об.)⁴.

Родительный сравнения

Окончание -а

Зафиксировано 3 формы слов а.п. а (*питѣтельнѣе ржаного хлѣба* 45 об., *побледѣватее їахонѣа* 209 об., *бѣлїши орѣха* 208 об. и 1 форма слова а.п. с (*в ыно^а мѣсте вѣше поѣаса* 235).

Окончание -у

Здесь отмечена только одна форма: *а внутрї темнѣе хрустѣлю* 208 об. (а.п. б).

¹ Мѣхирь — ‘мужской половой орган’ [СлРЯ XI–XVII, 9: 131].

² По формам с отсутствием «перетяжки» ударения на предлог в другом значении Р. п. видно, что в этом падеже слово *сокъ* уже ведет себя по а.п. а (*мазунъ ш^м соку свороборїннаго* 225 об.), хотя в М. п. оно продолжает сохранять а.п. с (*в соку* 77).

³ Это, скорее всего, именно Р. п., а не В. п. = Р. п., который уже употреблялся в XVII в. с названиями животных (ср.: *и тотъ возмї линїа и росластѣї надвое* 102 об.), поскольку есть примеры *недобро їасти ржаного хлѣба* 44 об., *їасть лѹчиши хлѣба овсѣаго* 55).

⁴ Слово *мозгъ*, однако, демонстрирует отклонение к а.п. б, ср. в причинном значении Р. п.: *та бѣлестъ прилѹчїтѣа о^м мозгу главнѣаго* 110 об.

Родительный изъяснения⁵

Окончание -а

У слов а.п. а имеется 8 форм с этим окончанием (*коли верхъ желудка болитъ* 236, *концо́мъ каки́мъ палца́* 243 об. и т. п.), у слов а.п. б — 4 формы (например, *помазу́ючи или́ пластырь прикла́дываючи распа́длины ртѣ́ лечи́тъ* 106 об., *си́лою чѣ́тнаго крѣ́та угражда́тиса* 233). Кроме того, чрезвычайно часто встречается слово *ступень* ‘период, стадия (развития, жизни и т. п.)’ [СлРЯ XI–XVII, 28: 219], отсутствующее в акцентологическом словаре А. А. Зализняка [2019], но, судя по ударению на корне в Р. п., относившееся к а.п. а или а.п. с. (ср.: *в нача́лѣ второ́гѣ ступни́а* 76).

Окончание -у

Отмечено 3 формы слов а.п. а (*ли́ствиѣ бѣ́логѣ ма́ку* 56, *прѣ́има́тъ корѣ́ниа ма́лаго дѣ́гилю*⁶ 238 и т. п.) и 1 форма слова а.п. б (*чесноку́ истоло́чь бо́лши́хъ голови́ць* 238 об.).

Родительный привативный⁷

Эта форма отмечена всего у двух слов, так что выводов сделать нельзя: *прѣ́емл^от егѡ́ <...> бе^з стра́ха* 123 об., *примѣ́шиваемъ еѣ́ бе^з стра́ха* 141 об. (а.п. а); *прикла́дываемъ к чирѣ́ямъ на́ тѣ́ле или́ ко инѣ́мъ боли́чкамъ ко́и быва́ють бе^з ве́рху* 66 (а.п. б).

До сих пор мы видели, что зависимости в присоединении того или иного окончания от акцентной парадигмы слова не было, но не было и вариативности окончаний у одной и той же лексемы. Однако примечательно, что окончание -у получают не только слова со значением вещества, такие, как *сокъ*, но и слова, обозначающие «индивидуальные предметы» (по А. А. Шахматову, см. выше), например *мозгъ*, *хрусталь*, *макъ*, *верхъ*.

Далее следуют варианты значения отложительного падежа (аблатива), который Г. А. Хабургаев [1990: 98] называет также исходно-достигательным падежом, хотя на самом деле здесь представлены два противоположных значения. В обоих из них, как ни странно, тоже преобладает окончание -а.

Родительный с исходным значением⁸

Окончание -а

В пределах а.п. а находим 8 лексем, некоторые из которых употребляются несколько раз (*сѣ́воротка ко́и́а течетъ ис ко́зья сѣ́ра* 85, *ото́къ и^з селе́зѣ́на* (‘селе-

⁵ Термин В. В. Виноградова [1947: 173], который считает родительный изъяснения разновидностью родительного определительного падежа.

⁶ Впрочем, у этого слова а.п. а под вопросом [Зализняк 2019: 648].

⁷ Родительный привативный указывает на признак, отсутствие которого характеризует предмет, действие, ситуацию [Золотова 2006: 37].

⁸ Имеется в виду значение удаления, лишения, исключения [Виноградов 1947: 174], отделения от начальной точки.

зенка') *выгонить* 59 об., *пустить кровь исподъ языка* 235, и *вѣтръ и³ желу⁹ка* <...> *исходитъ* 170 об. и др.), и весьма частотное в Лечебнике слово *стомахъ* 'желудок' [СлРЯ XI–XVII, 28: 90], почти всегда имеющее окончание *-а*. Лексема *западъ*, встречающаяся один раз, ведет себя как слово а.п. *а*: *а кой вытекають (воды) ѡмъ запада тѣ суть вредителны* 100 об.9

К а.п. *б* принадлежит многократно употребляющееся слово *пузырь* 'мочевой пузырь', всегда имеющее окончание *-а*, и еще 6 лексем, представленные 12 примерами (*такъ же ѡмъ головы твердъ неже ѡмъ хвоста* 105 (о рыбьем мясе), *ежъ еѣ мясо с хребта* 105, *не исходитъ и³ двора* 239 об., *снѣвъ с огня мѣшии* 120 и т. п.).

Только с окончанием *-а* употребляется слово *ротъ*, исконно относившееся к а.п. *б*, но уже ведущее себя по а.п. *с*, о чем свидетельствует ударение на предлоге: *изо рта* 26, 65, 118, 144, 179 об., 222 об., 230 об. Поведение этого слова в Лечебнике имеет некоторые особенности, которые будут прокомментированы позже.

Лишь одно слово исконной а.п. *с* демонстрирует окончание *-а* — *нось* (5 примеров): *о оунѣти крови из носа* 33 и т. п.

Окончание *-у*

На фоне постоянно употребляющейся формы *из стомаха* (см. выше) выглядит как исключение и отклонение от обычного употребления форма *стомаху* (а.п. *а*): *вредителную мокрость из главы и из стомаху выводитъ* 108 об. Других примеров на *-у* для слов а.п. *а* нет.

Демонстрирующее в Лечебнике только а.п. *б*, но, возможно, колебавшееся в древнерусском языке в сторону а.п. *а* [Зализняк 2019: 601] слово *хрѣнь* зафиксировано один раз с окончанием *-у*: *прѣйти вода коѣ перепущена изо всего хрену какъ ростеть* (то есть имеется в виду растение, а не толченое вещество) 59 об.

Все остальные примеры (их 7) относятся к а.п. *с*, например: *вытѣняетъ встѣкую вредителную мокрость из мозгу* 130, *сокъ из бѣлибго лѣку выжатъ* 65, *вода перепущена и³ цвѣту сворѣбориннаго*¹⁰ 179.

Таким образом, в данном падежном значении выбор флексии *-а* или *-у* во многом зависит от акцентной парадигмы. Слова а.п. *б* принимают окончание *-а* за исключением слова *хрѣнь*, а слова а.п. *а* фактически имеют только окончание *-а*, поскольку *стомаху* — единичное отклонение на фоне постоянно употребляющейся формы *стомаха*. Что касается а.п. *с*, то для нее характерно окончание *-у*, тогда как окончание *-а* устойчиво демонстрирует только слово *нось*. Следует отметить, что и здесь флексию *-у* принимают лексемы, обозначающие не вещество или отвлеченное понятие, а «индивидуальные предметы».

⁹ Об этом свидетельствует отсутствие ударения на предлоге (в древнерусском языке наблюдалось колебание а.п. *а* // *с* [Зализняк 2019: 537]).

¹⁰ Свороборина — 'дикая роза, шиповник' [СлРЯ XI–XVII, 23: 195].

Достигательное значение¹¹

Окончание -а

В а.п. *а* отмечено 4 примера с этим окончанием: *и то̀ прикла́дываемъ навёрхъ стома́ха* 76, *прикла́дываемъ ко шпастémaмъ кой быва́ють <...> у деторо́днаго ўда* 71 об., *вѡдà ко̀а̀ вы́течеть проти́въ восто́ка* 100, *жи́ла проме́жь бо́лши́го пѣрста и дру́гаго* 235 об.

В а.п. *б* 2 слова принимают окончание -а — *столь*¹² и *верхъ: со́къ из гру́шь прі́іа́тъ по ра́суже́нію до сто́ла нѹ́тръ дві́жетъ* 76 и др. (всего 4 примера)¹³, *бу́детъ же ли в не́й что̀ стѡ́ль* (в воде) *ото́ дна́ и до ве́рха́* 246 об. Зафиксирована также следующая форма: у *нѹ́на* и у *ло́на ко́жа гла́ка́* 244 об. (новая а.п. *а*, старая а.п. *б* [Зализняк 2019: 604]).

Только 1 слово а.п. *с* принимает окончание -а: *проме́жь му́жа и жены́* 212 об. Впрочем, этот пример непоказателен, так как слово *му́жъ* одушевленное и флексии -у в памятниках письменности не имеет.

Окончание -у

Лишь 1 слово а.п. *а* (*чтобы́ пѣрвыи́ па́лецъ лежа́ль по́ле са́мого сустáву* 243) и 1 слово а.п. *б* (*ве́рху́ прикла́дываючи* 107) принимают это окончание.

В то же время обнаружено 8 форм слов а.п. *с*, большинство из которых образованы от слова *родь* ‘роды’ [СлРЯ XI–XVII, 22: 180] (*прі́емлють <...> жены́ до́ роду́ и после́ ро́ду* 123 об., и *послѣ́ по́ту болѣ́знь и грѣ́жа преста́нетъ* 245).

Здесь также видна некоторая зависимость в выборе того или иного окончания от акцентной парадигмы. Флексия -а в этом падежном значении тяготеет к а.п. *а* и *б*, а флексия -у — к а.п. *с*.

Далее следует группа падежных значений, в которых преобладает окончание -у.

Потенсив¹⁴

В Р. п. с этим значением преобладание окончания -у крайне незначительно, и есть слова, которые принимают обе флексии: например, *ка́шель* встретилось 1 раз

¹¹ В. В. Виноградов выделяет достигательное значение Р. п. с предлогами *до, после, прежде* и его оттенок — значение близости, соседства при предлогах *у, около, возле, подле, близ* и нек. др. [Виноградов 1947: 175].

¹² В [СлРЯ XI–XVII, 28: 77] приведено значение ‘застолье; пир, пириество’, но здесь это скорее ‘принятие пищи’.

¹³ Следует, однако, заметить, что слово *столь* окончания -у практически не принимает: в НКРЯ (ruscorgo.ru) нашелся лишь один пример — *столу́ кролевского* Описание движимого имущества, принадлежавшего малороссийскому гетману Ивану Самойловичу и его сыновьям Григорию и Якову (1690).

¹⁴ Это падежное значение со смыслом предотвращения потенциальной угрозы выделяет Г. А. Золотова [2006: 84].

с окончанием *-а* и 4 раза с окончанием *-у*, а *возду́хъ* — 2 раза с окончанием *-а* и 1 раз с окончанием *-у*.

Окончание *-а*

В эту группу входят 4 слова а.п. *а*, представленные 5-ю примерами (*лѣгостно ѡ^м кáшля ти творитъ* 177 об., *ѡ^м морового повѣтрѣа и ѡ^м аѣрнаго во^здѹха* 39, *о^м аѣрнаго губителнагѡ во^здѹха сохраниаеми бываемъ* 173 об.–174, *избáвленъ бывáетъ ѡ^м того недѹга* 147, *то же мáсло <...> мáзати противъ желѹдка* 189), и 1 форма а.п. *с* (*болсамъ сохраниаетъ тѣло члчѣское ѡ^м смердѣащаго дѹха* 194).

Окончание *-у*

Флексию *-у* принимают 5 слов а.п. *а*, каждое из которых употреблено по одному разу (*ѡ^м кáшлю и^збавляетъ* 116 об., *охранѣетъ члѣка ѡ^м окóрму* 58 об., *ѡ^м оубою помóчно* 33 об., *о^м аѣрнаго во^здѹху сохраниаетъ члѣка* 111 об., *ѡ^м кровеного понóсу молокомъ или з сметаною кóзьею или з горѣлкою* (предложение с пропущенным предикатом) 204–204 об.), одно слово а.п. *б* (*и нóги ѡ^м того бою впрѣдъ бѹдутъ цѣли* 72) и одно слово а.п. *с* (*ѡ^м грóму <...> оборонѣе^м* 211 об.).

Причинное значение¹⁵

Здесь несколько больше форм с флексией *-у*, чем с флексией *-а*, однако они концентрируются преимущественно в пределах а.п. *с*.

Окончание *-а*

3 лексемы а.п. *а* представлены четырьмя примерами (*нимазуемъ <...> нóги <...> коли растрѣскаютса ѡ^м вѣтра* 185 об., а *ѡ^м на^нца тóнетъ а не болитъ* (от нажатия пальцем) 244 об., *ѡбычага своего рáди* 49 об., 53); 2 лексемы а.п. *б* — тремя примерами (*нѣмочь <...> каѣа бываетъ ѡ^м великаго огнѣа* 177 об., и *глисты помрѹтъ в стомáхѣ кой родѣа са ѡ^м всáкого несозрѣлаго ѡвоцѣа* 159). Слово а.п. *с* *жарь* 1 раз встречается с окончанием *-а* (*болѣнь ѡ^м жарá бывáетъ слнчнаго* 185) при том, что то же слово употреблено 3 раза с флексией *-у*.

Окончание *-у*

Лишь 2 слова а.п. *а*, представленные тремя примерами, принимают окончание *-у* (*аще у кого кровъ замерла внутрѣ ѡ^м оубою* 33 об., *то бывáе^м или с тоски или с понóсу* 245). При этом имеется 10 примеров форм на *-у* слов а.п. *с*: 3 для слова *жарь* (*каѣа болѣзнь бывáетъ ѡ^м великаго жарáру* 156 и др.), 5 для слова *духъ* ‘запах’ (*ѡ^м того же дѹху уйметса насмóркъ* 164, *тѹ же травѹ полагаемъ в плáтье и длѣа дѹху еѣа мóль и корь плáтья не испѣртитъ* 129 об. и др.) и по одному примеру для слов *отокъ* ‘болезненная отечность; водянка; опухоль’ [СлПЯ XI–XVII, 13: 289]

¹⁵ В. В. Виноградов [1947: 176] говорит о причинно-целевом значении родительного падежа, которое иначе называет значением внутреннего основания, с предлогами *из*, *из-за*, *от*, *с*.

(*нѣмочь* <...> *каѣ* бывае^m *ото ѡтоку* 129 об.) и *мозгъ* (*тѣ болѣсть прилучѣтсѣ о^m мозгѹ главно́го*) 110 об., хотя в этом случае имеет место отклонение к а.п. *b*.

Таким образом, в причинном значении, так же как и в значении исходном, прослеживается тяготение флексии -у к а.п. *c*.

Достаточно заметно преобладает окончание -у в падежном значении, связанном с **выделительной характеристикой по материалу**¹⁶, **веществу**.

Здесь только одно слово *кипрѣчь* (а.п. *b*) принимает окончание -а: *о ма́слѣ ис кирпи́ча* 19, *ѡ ма́слѣ ис кирпи́ча* 196 (всего 2 примера).

В остальных 17-ти случаях фиксируется лишь окончание -у:

а.п. *a*

о мамслѣ ис купоросу 19 об., 205, *о соли ис купоросу* 19 об., *ѡ соли ис жемчугу* 19 об., *ѡ со́ли ис жемчю́гу* 206;

а.п. *b*

ѡ водѣ и³ хрѣну 178;

а.п. *c*

ѡ ма́слѣ ис цѣвѣту свороборѣннаго 18, *о ма́слѣ и³ цѣвѣту мушкѣтнаго* 189, *ѡ ма́слѣ ис цѣвѣту мушкѣтно^m* 18 об. (отклонение к а.п. *b*), в *водѣ из бѣлаго кубышечног^o*¹⁷ *цѣвѣту* 204 об., *ѡ водѣ и³ бобового цѣвѣту* 167 (и еще 5 аналогичных примеров того же слова);

исконная а.п. *c*, новая а.п. *a*

мазу́нь ѡ^m со́ку свороборѣннаго 225 об., *мазу́нь составлена ѡ^m со́ку свороборѣннаго цѣвѣта* 69.

Сюда же по значению примыкает приименной **родительный беспредложный характеризующий**, поскольку он тоже дает характеристику предмету по материалу и веществу, из которого тот сделан или получен. Однако при отсутствии предлога меняется соотношение форм на -а и -у: они встретились примерно в равном количестве, причем слово *цѣвѣть* употреблено по два раза с каждым из окончаний.

Окончание -а (3 слова / 6 форм)

а.п. *a*

*со́къ ма́логѡ попу́тника*¹⁸ 154;

а.п. *b*

о сыро́пе сла́дкаго дуби́ца 20, *с сыро́помъ соло́дкаго дуби́ца* 231, *со́къ* <...> *соло^oдкаго дуби́ца* 116 об.;

¹⁶ В. В. Виноградов, выделяющий это значение, приводит примеры *кофта из синего полотна; платье из белого шелку* [Виноградов 1947: 174].

¹⁷ Кубышка — 'водное растение, кувшинка' [СлРЯ XI–XVII, 8: 103].

¹⁸ Попутникъ — 'подорожник' [СлРЯ XI–XVII, 17: 104].

а.п. с

мазу́нь соста́влена **ѡ^м** со́ку свѣроборѣннаго **цѣвѣта** 69, **ѡ** водѣ́ свѣроборѣннаго **цѣвѣта** 179 об.

Окончание -у (4 слова / 5 форм)

а.п. а

пѣпель **ка́лу** воробѣ́ева 96 об., пла́стырь лу́ку толче́ного 90 об.;

а.п. с

ѡ водѣ́ свѣроборѣннаго **цѣвѣту** 18, ма́сло фіа́лкового **цѣвѣту** 186 об., тогѡ́ же ро́гу зжѣ́ного пѣпель 88 об.

Родительный времени

В 3-х встреченных примерах представлено окончание -у: *и то́ мо́гутъ дѣ́лати ѡ^м всхо́ду слѣ́чнаго* 217 об. (а.п. а), *ѡ́чи до́ го́ду болѣ́ти не ста́нутъ* 92, *тогѡ́ го́ду ѡ^мнио́дъ блѡ́хи не бѹ́дутъ* 97 (а.п. с).

Партитив¹⁹

Здесь почти всегда прибавляется окончание -у вне зависимости от акцентной парадигмы, в том числе у большого количества заимствованных слов, часть из которых могла быть и не вполне освоена в языке. Не принимают этого окончания только два слова — *хлѣ́бъ* и *огонь*, но и сейчас слово *хлѣ́бъ*, по наблюдениям С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, и в диалектном, и в литературном языке имеет, как правило, только окончание -а [Бромлей, Булатова 1972: 69]²⁰, а слово *огонь* в Лечебнике и в других значениях употребляется исключительно с окончанием -а. О возможной причине этого будет сказано ниже. Итак, имеются три примера с флексией -а: *ѣмлетъ хлѣ́ба ржанѡ́го горѣ́чаго* 181 (а.п. а), *огнѣ́ прибѣ́вливай* 196 об., *подай огнѣ́* 197 (а.п. б).

Во всех остальных случаях представлена флексия -у. Далее будет приведена полная выборка материала для того, чтобы были видны многообразие и частотность употребления слов с этой флексией.

а.п. а

прибѣ́вити **изю́му** 49 об.;

ма́сла орѣ́ховѡго и **са́хару** гѡловно́го смѣ́шавъ 83, прибѣ́вить к томѹ́ **са́хару** головно́го 135 об., **са́хару** головно́го примѣ́шано 222 об.;

¹⁹ Имеется в виду партитив в узком смысле слова, то есть обозначение отделяемого количества субстанции.

²⁰ Впрочем, в текстах XVI в. встречается иногда форма Р. п. *хлѣ́бу*, но не в партитивном значении. Ср. примеры из НКРЯ (ruscorgo.ru): *хлѣ́бу стало недоростъ* С. Игнатъев В. В. Голицыну (1675–1680); *А хлѣ́бом, г(о)с(у)д(а)рь, скуден, продат(ь) нечава, хлѣ́бу недорот* Грамотка приказчика М. Дмитриева из д. Завалова (1681.02); *Роспис(ь) хлѣ́бу* Роспись запасов ужатого и умолоченного хлеба, записи о продаже соломы, скота, птицы и пр. в с. Никольском (1682.09.13).

к тому прибавиши маленко **пéрцу** 129;
прибавляй почки ситоніевых **гяблокъ твлчѣныхъ** да **уксусу** 49, прибави **уксусу**
лютаго 224;

кардамону же да **анісу** обоіхъ поровну **мѣлкѡ толчѣныѣ** в винѣ **прііати** 110 об.–
111, **анісу** сыплемъ 113 об., емлі **анісу** 114 об.;

прибави немного **елѣю** 125;

кардамону же мѣлко толчѣного да синолою бѣлого <...> и **прііати** 110 об.,
да ѣмлетъ **кардамону** толчѣного мѣлко 110 об., **кардамону** <...> в винѣ **прііати**
110 об.–111;

пріемлетъ **кімину**²¹ большіоѣ **немѣцаго** 53;

синолою²² бѣлого <...> и **прііати** 110 об.;

емлі **ревѣню**²³ скѡлко восхѡщешъ 124, во³ми **ревѣню** тр[е]ть золотника или
цѣтварю 251 об.;

примѣшено цѣтварю да **галгану**²⁴ 135 об.;

всыпли в него **мортасану** серебряноѣ²⁵ 224;

приніать <...> добраго **митридату**²⁶ <...> или **тирьяку** вициѣйскаго 238,
понемножску пріимать или **тирьяку** или **митридату** 239;

всыпли **огарику**²⁷ твлчѣного 125, да ѣмлетъ **огарику** толчѣного 125;

камени **безаіру**²⁸ <...> выльетъ 216 об.;

а.п. а / а.п. с (?)

примѣшено **цѣтварю**²⁹ да **галгану** 135 об., во³ми **ревѣню** <...> или **цѣтварю**
251 об.;

пріимати **лѣвкарю** котѡрой именуѣтсѣ **златѡе гяццѡ** 238;

емлі **пѣрзу**³⁰ долгого 137;

²¹ Киминь — ‘тмин’ [СлРЯ XI–XVII, 7:124].

²² Синолой — ‘ценная ароматическая древесина некоторых видов тропических деревьев (алоинное дерево), используемая для различных поделок и как лекарственное средство’ [СлРЯ XI–XVII, 24:153].

²³ Согласно [Зализняк 2019: 652] слово *ревень* относилось к а.п. *b* с отклонениями к а.п. *a*, и в Лечебнике оно ведет себя как слово а.п. *a*.

²⁴ Галгань — ‘лекарственное растение’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 8].

²⁵ Мортосан серебряный — ляпис (нитрат серебра — *Е. Г.*), который применялся только наружно, для заживления ран [Мирский, Богоявленский, 2018].

²⁶ Митридатъ — ‘лекарственное растение семейства лилейных’ [СлРЯ XI–XVII, 9: 180].

²⁷ Агарикъ — ‘древесный гриб, употребляемый как лечебное средство’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 20].

²⁸ Безоаръ — ‘окаменелое вещество, находимое в желудках диких козлов и др. животных, считавшееся лечебным средством’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 121].

²⁹ Цытварь — ‘растение *Artimisia santhonica* (contra), род полыни, с которой добывают цитварное семя, снадобье против глистов’ [Даль 4: 593].

³⁰ Значение слов *левкаръ* и *пѣрзь* определить не удалось.

исконная а.п. с, новая а.п. а

к томѹ млекѹ прибáвливай соку тоѹ травѹ 68 об., да ѣмлетъ соку тоѹ травѹ 68 об., да ѣмлетъ соку 125;

а.п. b

да ѣмлетъ чесноку дѣкого 68;

да ѣмлетъ борщу³¹ 71 об.;

прибавляюще малѣнко инбирю 126, взѣти <...> инбирю 241 об., сѣмѣ горчичное да перетрумъ да инбирю всѣхъ тѣхъ поравно мѣлко толчено (предикат опущен — имеется в виду, что все эти ингредиенты нужно взять) 73 об.;

примѣшати малѣнко тирьяку³² 204, принѣти <...> дѣброго митридату <...> или ѡирьяку виницѣйскаго 238, понемножку прѣимати или ѡирьяку или митридату 239, прибавитъ ѡирьяку 242;

тотъ вѣзметъ малѣнко нашатырю толченого 227, аще прибавишь немного нашатырю 227 об.;

а.п. b//a (здесь а)

нажѣчь сухого пельню³³ 147;

а.п. с

прибавитъ вѣску топлѣнагѹ 84;

взѣти (sic) перетрушкового листу 205 об.;

взѣти мѣду прѣсного 56, и прибави^т бы прѣсного мѣду 62 об., дѣвѣтаго же мѣду прѣтѣтѣ 116, прѣтѣтѣ дѣвѣтагѹ мѣду 116, дѣвѣтаго же чѣстаго мѣду прѣтѣтѣ 116, емли мѣду 165;

лѹку сырѣго не пристѣитъ гѣсти 65;

принѣти пороху трезеней³⁴ 205 об.;

аще того цѣвѣту положимъ в винѣ гурѣломъ 129 об.

Примечательно, что памятники деловой письменности XVII в., которые были исследованы с точки зрения употребления форм Р. и М. пп. на -у в кандидатской диссертации А. И. Плотниковой, не демонстрируют столь высокого процента присоединения флексии -у в партитиве, особенно в парадигмах а и b [Плотникова 2019: 111, 153, 187]:

Окончание -у в деловых текстах XVII в.	
Владимирские тексты	а.п. а — 92%, а.п. b — 67%, а.п. с — 100%
Смоленские тексты	а.п. а — 57%, а.п. b — 40%, а.п. с — 80%
Южнорусские тексты	а.п. а — 77%, а.п. b — 33%, а.п. с — 100%

³¹ Борщ — ‘вид съедобного растения’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 301].

³² «Герияк — “противоядие”. Через нем. Theriak — то же от лат. thēriacum из греч. θηριακόν (ἀντιδότην) “средство против звериного яда”» [Фасмер IV: 48].

³³ Пельнь — ‘полынь’ [СлРЯ XI–XVII, 14: 189].

³⁴ Значение слова трезеней неизвестно, см. [СлРЯ XI–XVII, 30: 119].

Итак, в Лечебнике распределение окончаний *-а* и *-у* в некоторых случаях строго зависит от падежного значения, а в ряде падежных значений преобладающим оказывается то или иное окончание, причем бывает, что одно и то же слово в пределах одного падежного значения демонстрирует вариативность. Обобщенно распределение окончаний *-а* и *-у* может быть представлено следующим образом:

<i>-а</i>	<i>-а</i> больше, чем <i>-у</i>	<i>-а</i> ≈ <i>-у</i>	<i>-у</i> больше, чем <i>-а</i>	<i>-у</i>
Счетная форма Р. принадлежности	Р. субъекта Р. объекта Р. сравнения Р. изъяснительный Р. исходный Р. достигаемый	Р. беспредложный характеризующий по материалу, веществу	Р. причины Р. предложный характеризующий по материалу, веществу Потенсив	Р. времени Партитив

Зависимость в присоединении окончания *-а* или *-у* от акцентной парадигмы обнаруживается только в трех значениях у Р. п.: исходном, достигаемым и причинном. Здесь слова а.п. *а* и а.п. *б* имеют преимущественно флексию *-а*, а слова а.п. *с* — преимущественно флексию *-у*.

Местный падеж

Формы местного падежа в Лечебнике зафиксированы только в двух значениях: локативном и изъяснительном, хотя в текстах XVII в. у местного падежа бывают и другие значения, например причины (*в грабежу* <...> *дана очная ставка* Влад.) или объекта (*поручили*^с <...> *по суду*^а Влад.), см. [Плотникова 2019: 202–204].

В локативном значении форм на *-у* в Лечебнике меньше, чем форм на *-ѣ*, и они достаточно стандартны, поэтому далее просто приводится их список:

а.п. *а*

в стома́ху 118 об.;

*в ле́мбикѹ*³⁵ 147;

а.п. *б*

на верхѹ 246 об.;

на горлѹ *пескѹ* 147 об.;

а.п. *с*

во гноѹ 172;

в дому 97, 220;

на у́гленномъ жарѹ 153 об.;

варенѹ в ста́ромъ медѹ 150, *варенѹ в медѹ пресно́мъ* 158 об.;

на носѹ 153 об.;

сѣдѣти в парѹ (в бане) 66 об.;

³⁵ «Лёмбик — “змеевик, реторта” (Гоголь). Из ит. *lambicco*, *limbicco* — то же от араб. (al)anbīk, которое восходит к греч. ἄμβιξ» [Фасмер II: 480].

на горѣ́чемъ **пепелѹ** 147, в горѣ́чемъ **пепелѹ** 154;
в **соку** 77, на вишнево^м **соку** 45;
та трава варена в **целѹку** 129 об.;

исконная а.п. *a*, новая а.п. *c*

в **дымѹ** увѣлен^ω 88 об. (слово уже ведет себя как перешедшее в а.п. *c*).

Есть один пример временного локализирующего значения у существительного мужского рода: в *вечерѹ* 202 об. (а.п. *c*) и два примера у существительных среднего рода *молодо* и *ветхо* (оба а.п. *c*), которые современным языком уже утрачены: на *молодѹ мѣѣ* 217 об., на *ветхѹ мѣѣ* 217 об. Попутно замечу, что в Лечебнике зафиксированы еще два подобных существительных среднего рода: *сухо* (*ракъ речной кто ѣсть жажду тушитъ и сухѹтѹ ртаниѹ у когò живѣтъ вѹ рте сѹхо* 104) и *тихо* (в **тихѣ** побѣтъ 205).

Тяготение окончания -у к словам а.п. *c* стандартно. Аналогичная ситуация наблюдается и в деловых текстах XVII в., см. [Плотникова 2019: 216, 236, 256].

Интересно, что существительное *ротъ* (исконная а.п. *b*) никогда не принимает окончания -у, перестроившись при этом по а.п. *c*, о чем свидетельствует не знающая исключений постановка ударения на предлог: *вó ртѣ* 74 об. и др. (всего 5 примеров), *вó рте* 73 и др. (всего 14 примеров), *вѹ рте* 73 об. и др. (всего 3 примера), *на ртѣ* 92 об. То же самое видим и в родительном падеже. Ср. примеры, приведенные выше: *изо рта* 26, 65, 118, 144, 179 об., 222 об., 230 об. Похоже, что существительные с односложной основой и беглым гласным ни в родительном, ни в местном падеже окончания -у не получают.

И, наконец, в Лечебнике наблюдается нетривиальное явление, связанное с **изъяснительным значением** местного падежа. Обнаружено немало случаев, где существительные с предлогом *о* употреблены с окончанием -у:

а.п. *a*

ω *насмóрку* 23 об.;
ω *илѹ* 12, *о илѹ* 46;

а.п. *b*

ω *бѹбу* 12, 52 об.;
ω *листка* 125 об.;
о палѣщемъ огню 32 об.;
о хрѣнѹ 12 об., 58 об.;

а.п. *c*

ω *медѹ* 14 об. (2 р.), 106, *о медѹ* 17, 164, **ω** *дѹвиемъ медѹ* 15, **ω** *дѹвиемъ медѹ* 115 об.;

о хмелью 13, **ω** *хмелью* 81 об.;
о цвѣтѹ 15, 17, **ω** *цвѣтѹ* 110, 164;
ω *воскѹ* 14 об., 164, *о воскѹ* 15, *о воскѹ* 107;

о листу 15 об., 163 об., *ѡ листу* 17;
ѡ дубу 17, 161;
ѡ мозгу 23 об.;
ѡ духу 26 (2 р.), *о духу* 38 об.;
о жару 28 об.

С точки зрения акцентологии общую картину здесь нарушают формы *о илу* и *о духу*. Но если ударение на окончании у слова а.п. *а иль* можно объяснить аналогическим влиянием со стороны многочисленных форм слов а.п. *b* и *c*, где конечное ударение в М. п. закономерно, то отсутствие ударения на окончании у слова *духъ* (а.п. *c*) объяснить уже гораздо труднее. Конечно, такая акцентовка была нормальной для западной древнерусской зоны, см. [Зализняк 2019: 31], но ничто не указывает на принадлежность переводчика или переписчика Лечебника к этой диалектной зоне.

Примечательно, что слово *огонь* в локативном значении сопротивляется принятию окончания *-у* (*на огнѣ* 120, 182, *на ѡгнѣ* 184 об., 196, 199, 200 об., в *огнѣ* 197, *во ѡгнѣ* 208 об.), в изъяснительном значении один такой пример есть (см. выше: *о палѣщемъ огню* 32 об.). Видимо, здесь проявилась тенденция к тому, чтобы у неодушевленных существительных форма с односложной основой, в том числе односложной только в косвенных падежах, в сочетании с предлогом *о* получала окончание *-у*. Таких форм 35, а форм с окончанием *-ѣ* примерно в два раза меньше, например, *о мѡхе* 17, *ѡ мѡхе* 166, *о бѡрицѣ* 71 об., *ѡ овсѣ* 48, *ѡ сырѣ* 84 об., *ѡ нѣрцѣ* 15, 112 об., *ѡ кмѣнѣ* 16 об., 144, *о крѡнѣ* 16 об., *ѡ кѣдрѣ* 160, *ѡ лалѣ*³⁶ 209 об., *о <...> дубцѣ* 15 об. Слова с более чем односложной основой, кроме *насмѡркѣ*, всегда имеют окончание *-ѣ*, например *о сѡхарѣ*, *ѡ мушкѡтѣ*, *ѡ кардамѡнѣ*, *о галгѡнѣ*, *ѡ цѣтварѣ*, *о инбѣрѣ*, *о аниѣсѣ*, *о шафрѡнѣ* (все примеры — на л. 15).

В современных говорах изредка встречаются формы на *-у* с предлогом *о/об* у существительных, причем у неодушевленных реже, чем у одушевленных. Они зафиксированы в 13-ти разрозненных населенных пунктах на западе, северо-западе, востоке и юге территории исконного распространения русского языка [ДАРЯ II: 33–34]. А в большом корпусе текстов делового содержания XVII в., судя по диссертации А. И. Плотниковой, есть всего три подобных примера существительных мужского рода: *били челом <...> о сыску* (Влад.), *бил челом <...> о сыску* (Смол.), *бил челом а праведном суду* (Южнорусск.) и только в формульном контексте [Плотникова 2019: 202, 225, 246]³⁷.

Сравнение показаний текстов делового содержания XVII в. и Лечебника дает такую картину:

³⁶ Лаль — ‘благородная шпинель (драгоценный камень, по цвету близкий к рубину, но уступающий ему по твердости и блеску)’ [СлРЯ XI–XVII, 8: 167].

³⁷ Есть также одно слово среднего рода в смоленских текстах и три слова среднего рода в южнорусских текстах [Плотникова 2019: 226, 247].

Существительные мужского рода по данным памятников деловой письменности XVII в.:

Локативное значение М. п.	Изыяснительное значение М. п.
-ѣ /-у	-ѣ (ок. -у — редкое исключение в формульном контексте)

Существительные мужского рода по данным Лечебника XVII в.:

Локативное значение М. п.	Изыяснительное значение М. п.
-ѣ /-у	-ѣ (слова с основой из 2-х и более слогов) -у/-ѣ с преобладанием -у (слова с односложной основой)

Таким образом, Лечебник показывает, что употребление слов мужского рода на -у в изыяснительном значении с предлогом «о» на самом деле в XVII веке уже было развито больше, чем демонстрируют тексты делового содержания.

Словари и справочники

Даль 1–4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР в трех выпусках. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. М., 1989.

Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2019.

Золотова 2006 — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных частиц русского синтаксиса. М., 2006.

Словарь книжников и книжности — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 1: А—З / Отв. ред. Д. С. Лихачев; ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов; предисл. Д. М. Буланина. СПб., 1993.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2019.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Литература

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947.

Мирский М. Б., Богоявленский Н. А. Медицина Древней Руси. М., 2018. URL: https://books.google.ru/books?id=29RdDwAAQBAJ&newbks=0&printsec=frontcover&pg=PT382&dq=мортосан&hl=ru&redir_esc=y#v=onepage&q=мортосан&f=false (дата обращения: 05.01.2023).

Плотникова А. И. Подсистема форм родительного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода в русских диалектах XVII в. и ее дальнейшая судьба. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.

Elena A. Galinskaya
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
eagalinsk@mail.ru

**FORMS OF THE GENITIVE AND LOCATIVE CASES
OF THE SINGULAR OF MASCULINE NOUNS
IN THE MEDICAL BOOK OF THE 17th CENTURY**

The article deals with the forms of the genitive and locative cases of masculine nouns in the medical book of the 17th century, translated from an unidentified language by clerk Andrei Nikiforov in 1672. The studied manuscript (Russian State Library, fund 317, no. 8, 17th century, 254 sheets) has a high percentage of accentuation. It turned out that in the genitive case, the distribution of the endings *-a* and *-u* sometimes depends on the case meaning: the ending *-a* is used in the genitive of belonging and counting; the ending *-u* — in the genitive of time and in the partitive. In the meanings of the genitive case of a subject, object, comparison or explanation, in both meanings of the ablative, the ending *-a* prevails over the ending *-u*, while in the genitive with the meanings of cause, intensifying characteristic by material or substance or prevention of a potential threat, nouns end predominantly in *-u*. The research indicates dependence in the addition of the ending *-a* or *-u* on the accent paradigm only in the ablative and the genitive case with the meaning of cause. In this case the words belonging to the accent paradigm *a* and the accent paradigm *b* predominantly have an ending *-a*, and words belonging to the accent paradigm *c* mainly have an ending *-u*.

When considering the forms of the locative in the medical book, a fairly large number of non-trivial cases are of interest, where masculine nouns are used in the explanatory meaning with the preposition *o* and the ending *-u*. Comparison with business writing of the 17th century shows that this phenomenon occurs there only sporadically and only in formulaic contexts.

Keywords: medical books of the 17th century, endings *-a/-u* in the genitive case, meanings of the genitive, endings *-ě/-u* in the locative case, forms with the ending *-u* in the explanatory meaning of the locative

References

Bromlei S. V., Bulatova L. N. *Ocherki morfologii russkikh govorov*. Moscow, “Nauka” Publ., 1972. (In Russ.)

Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 1990. (In Russ.)

Mirskii M. B., Bogoyavlenskii N. A. *Medsina Drevnei Rusi*. Moscow, 2018. URL: https://books.google.ru/books?id=29RdDwAAQBAJ&newbks=0&printsec=frontcover&pg=PT382&dq=mortosan&hl=ru&redir_esc=y#v=onepage&q=mortosan&f=false (date of access: 05.01.2023). (In Russ.)

Plotnikova A. I. *Podsystema form roditel'nogo i mestnogo padezhey edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh muzhskogo roda v russkikh dialektakh XVII v. i ee dal'neishaya sud'ba*. Thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2019. (In Russ.)

О. Ф. Жолобов
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Россия, Казань)
ozolobov@mail.ru

**ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ:
АРХАИЗМЫ И ИННОВАЦИИ
В МАШИНОЧИТАЕМОМ КОРПУСЕ ПАРИМЕЙНИКОВ XII–XIV вв.***

В статье рассматриваются редкие или уникальные архаичные и инновативные формы числительных, существительных и прилагательных, обнаруженные в машиночитаемых интернет-изданиях Паримейника по рукописям XII–XIV вв. Древнейшего типа и трех редакций — Захариинской, Козминской и Семеновской: твор. пад. ед. числа *десятьмь*, им.-вин. пад. *осми*, род. пад. ед. числа на *-ога*, ранние примеры числительного *деваносьто*, формы составных числительных ‘11–19’, ‘30’, ‘40’, род. пад. *четыреи*, смешение и контаминация форм твор. пад. ед. числа и дат. пад. мн. числа, выравнивание основ в прямых и косвенных падежах после падения редуцированных, им.-вин. *глази*. Приводящиеся в статье формы до сих пор не попадали в поле зрения исследователей либо требуют новой интерпретации. В статье публикуется запись писца в Козминском паримейнике 1312–1313 г., содержащая много интересных языковых особенностей. Сделанные наблюдения доказывают необходимость издания рукописного наследия и дальнейшего его изучения.

Ключевые слова: машиночитаемый корпус, древнерусские рукописи, историческая грамматика, архаизмы и инновации

1. О составе корпуса

Недавно Казанская электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. пополнилась новым машиночитаемым корпусом — интернет-изданиями древнерусских списков Паримейника [Казанская коллекция, 2007–2023]. В корпус вошли Захариинский паримейник 1271 г. (далее — Зх; Захариинская редакция), Лазаревский паримейник трет. четв. XII в. (далее — Лз; Древнейший тип), Козминский паримейник 1312–1313 гг. (далее — Кз; Козминская редакция), Троицкий I паримейник вт. пол. XIV в. (далее — Тр; Семеновская

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (международный проект 20-512-18001 Болг_а).

редакция) и Федоровский II паримейник вт. пол. XIII в. (далее — Фд; Козминская редакция). Готовится наборное, машиночитаемое издание Типографского I паримейника 1348 г. (далее — Тп; Козминская редакция)¹.

Как литургический сборник избранных чтений из Ветхого и, частью, Нового Завета, Паримейник оказывал значительное влияние на развитие литературного языка и оригинальной литературы, наряду с другими богослужебными текстами. Паримейник включает редкие или уникальные формы — как архаичные, так и инновативные, до сих пор не введенные в научный оборот и не попадавшие в поле зрения исследователей.

2. Твор. пад. ед. числа *десять*

В старославянских переводах встречаются примеры употребления числительных в форме твор. пад. количества в соответствии с формами композитных количественных (частично несклоняемых) или порядковых числительных в греческом: **ѐДИНЪ БЪ ДЪЗЪНЪ · ПАТЬИЖ СЪТЪ ДИНАРЬ · А ДРОУГЪ ПАТЬИЖ ДЕСАТЪ** πεντακόσια... πεντήκοντα L 7,41 Zogr Mar As Ostr Nik; **СЪКОНЬЧА СЪ БЛАЖЕНЪИ ИАКВЪЪ... СЕДМИЖ ДЕСАТЪ ЛЪТЪ СЪ ТИ ПАТИЖ** ἑβδομήκοστὸν πέμπτου Supr 532,3 [SJS III: 533].

У южных славян рано развивается модель с взаимным согласованием форм числительного и существительного, при этом числительные приобретают членную форму, в то время как в древнерусском долгое время сохраняются исконные отношения управления, когда большие числительные независимо от своей формы управляют род. пад. мн. ч. существительных. Это различие ярко выступает, например, в параллельных чтениях южнославянских западных паримейников — Григоровичева XII–XIII вв. и Лобковского 1294–1320 гг., с одной стороны, и древнерусского Захарьинского паримейника 1271 г., с другой стороны: **ВЪ ПАТИХЪ ГРАДЪХЪ** πέντε πόλεις Zch 8,21 Grig, **ВЪ ПАТИ ГРАДЪ** Zach, **ВЪ ПАТЫИ ГРАДЪ** Lobk [SJS III: 533].

В Федоровском II паримейнике вт. пол. XIII в. встретился уникальный случай — форма *десятемь*, восходящая к исконной форме консонантного тематического склонения муж. рода в твор. пад. ед. ч. *десять*мь. Ср. Бытие 31, 7 в сравнении с другими списками корпуса:

ВЦЬ ВАЮ ПОСТУПИ НА МА · ИЗМЕНИ МЪЗДОУ МОЮ ДЕСАТЕМЬ АГНЬЦЬ · И НЕ ДА КМОУ БЪ ЗЛА СТВОРИТИ МНѢ Фд 57в

vs.

ОЦЬ ЖЕ ВАЮ ПОСТУПИ НА МА · ИЗМЕНИ МЪЗДОУ МОЮ ДЕСАТИ АГНЬЦЬ · И НЕ ДА ЕМОУ БЪ ОЗЛОБИТИ МЕНЕ Лз 64г–65а; **ВЦЬ ЖЕ ВАЮ · ПОСТУПИ НА МА ИЗМЕНИ МЪЗДОУ МОЮ · ДЕСАТИЮ АГНИЦЬ И НЕ ДАСТЬ КМОУ БЪ ВЪЗЛОБИТИ МЕНЕ** Зх 145в; **ВЦЮ (sic!) (ЖЕ) ВАЮ ПОСТУПИ НА МА И ИЗМЕНИ МЪЗДОУ МОЮ ДЕСАТЫМЬ АГНЬЦЕМЪ · И НЕ ДАСТЬ КМОУ БЪ ВЪЗЛОБИТИ МЕНЕ** Тр 65г–66а (такая же конструкция с твор. пад. существительного и определительной, адъективной формой числительного

¹ О редакциях и группировке списков Паримейника см. [Пичхадзе 1991].

представлена в македонском Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. — Гр 57v; она отражает южнославянскую динамику количественных сочетаний, см. в Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. **въ патиухъ градѣхъ** 13 об. vs. в Захариинском паримейнике 1271 г. **въ пати градъ** 26в; в Банишском евангелии XIII в. **По осмымъ же дѣни** 183б vs. в Евангелии 1358 г. **по осми дѣни** 7а и под. [Жолобов 2006: 146]).

Ближе всего к греческому оригиналу стоит чтение Лазаревского паримейника трет. четв. XII в.: ἤλλαξε τὸν μισθὸν μου τῶν δέκα ἀμνῶν ‘он изменил вознаграждение мое десяти агнцев’ (чтения вторника 6-й недели Поста; цитируется по триодному чинопоследованию на сайте <https://glg.goarch.org/>).

Такая же форма *десатемь* обнаруживается в других списках Козминской редакции — Козминском паримейнике 1312–1313 гг. (79г–80а) и Типографском I паримейнике 1348 г. (25а), так что она является диагностической для этой редакции. Подтверждается текстуальная группировка списков, предложенная А. А. Пичхадзе и основанная на анализе чтений книги Исход, при том что рассмотренный контекст — чтение из книги Бытия (см. [Пичхадзе 1991: 151–157]).

Вместе с тем в Типографском I паримейнике 1348 г. новгородского происхождения данная форма находится в несколько ином контексте:

Оцѣ ваю постѹпи на ма · измѣни мѣзду мою десатемь стаде агнецъ · и не да кмѹ бѣ зла створити мне Тп 25а.

Здесь форма *десатемь* внешне, кроме того, совпадает с членной формой числительного в мест. пад. ед. ч., согласованной с существительным *стадѣ*. Такое толкование формы числительного принять затруднительно: оно только затемняет текст, тогда как добавленная лексема *стадѣ*, напротив, его проясняет (‘вознаграждение десятью агнцами в стаде (от стада)’). Написание *стаде* отражает широко представленное в рукописи смешение *ѣ* и *е* (см., например: **до врѣмѣне** 3а; **всемъ** 3в; **собе** 4а; **въ чрѣ/ве** 4а; **принимѣть** 4в и мн. др.).

Данные примеры, таким образом, являясь глубокими архаизмами, оказались особенно показательными — единственным во всем привлеченном нами ранее объемном материале отражением исконной формы твор. пад. ед. числительного *дес(а)ть*), включая старославянские списки, где обнаруживаются исключительно формы **десатниѣ** по модели **патниѣ**, **девѣтниѣ** [Жолобов, 2006: 130].

3. Им.-вин. пад. *осми*

В Федоровском II паримейнике вт. пол. XIII в. псковского происхождения встречаются диалектные примеры числительного ‘8’ в им.-вин. пад. *осми* вместо *осмь* как в самостоятельном употреблении, так и в составе составных числительных:

житъ же каинъ лѣ(т) сто и осми десѣтъ Фд 8б; **и бы(с) всѣхъ дѣни канновъ · лѣ(т) девѣтъ сѣтъ · и осми надѣсѣтъ · и оумрѣтъ** 8б; **и бы(с) всѣхъ дѣни малаѣилевъ лѣ(т) осми сѣтъ и пѣтъ и оумрѣ/тъ** 8в; **всѣхъ/ же лѣ(т) житъ нвѣѢ/ двѣ стѣ и чѣтъри десѣтъ и осми лѣ(т)** 80б.

В других списках в этих контекстах представлена буквенная цифирь.

А. А. Зализняк [2004: 504] как самую раннюю фиксацию этой новгородско-псковской инновации приводил пример из грамоты № 755 (посл. четв. XIII в.):

Ъ дроцили · ко поникаропу · куплено ти рожи · ѡсми надсаѣ полушоко ...

Как мы видим, примеры из Федоровского паримейника не только современны примеру из грамоты, но и более разнообразны: здесь есть и независимое употребление, и употребление в составе составных числительных трех разных типов. Эти ценные свидетельства сохранились благодаря тому, что вместо цифири использованы словесные обозначения числительных.

Появление новой формы связано с обобщением косвенно-падежных форм и отталкиванием от «рискованного» звукового сближения: *семь* — *осемь* < *осьмь* < *осмь* (см. [Жолобов 2006: 256]).

4. Род. пад. ед. числа на *-ога*

В новгородском Захариинском паримейнике 1271 г., как известно, отмечен самый ранний пример диалектной (псковско-новгородской) инновации — род. пад. ед. муж.-сред. рода на *-ога* в адъективном склонении:

Тако гѣтъ г(с)ь воудеть Ѫ осмога дѣи 3х 231в.

5. Самые ранние примеры числительного *деваностьо*

Известно, что в новгородском Лазаревском паримейнике наблюдается наиболее ранняя полная запись числительного ‘90’ [Князевская, Коробенко 2003: 35]:

и сара деваностьо лѣтъ соуци родить Лз 122б.

Новая датировка Лазаревского паримейника, обоснованная Г. А. Мольковым, — трет. четв. XII в., еще более удревяет фиксацию этой формы [Мольков 2020: 291–295]. Во фрагментированной берестяной грамоте № 815 того же времени сохранилась усеченная форма **въ девано[с]тъ(т)-**, а полная форма **деваносото** отмечается только во второй половине XIII в. в грамоте № 761 [Зализняк 2004: 455, 500]. Запись данного числительного в Толстовском сборнике вт. пол. XIII в. была затерта как уклоняющаяся от стандартной книжной формы, основанной на общей для обозначения десятков модели **девать десатъ** [Жолобов 2006: 178].

6. Составные числительные ‘11–19’, ‘30’, ‘40’

«Раскрытие» буквенной цифири в Федоровском паримейнике обнажает речевой облик изначально составных числительных. Как и в других памятниках письменности вт. пол. XIII в., здесь наблюдаются формы с редукцией корневого гласного в лексеме *десять*, но без отражения аффрикатизации возникшего сочетания согласных:

два надьсаѣ Фд 8а, пать надьсаѣ 8б, пать надьсаѣ 8б, ѡсми надьсаѣ 8б.

Встречается также композит ‘30’:

тридѣсать 7г, 8а, 8в, 78в; тридѣсати лакѣтъ въ вѣсотѣу 15а.

Аналогичные формы наблюдаются в других паримейниках, кроме Лазаревского трет. четв. XII в., в котором в подобных случаях сохраняются исконные формы, хотя и подвергшиеся модификации во мн. числе:

пѣти на десѣте лакѣтъ 41в; осмь на десѣте 105а; и поставиша мѣздоу мою · три десѣте срѣврьникъ 87а (с обобщением формы им. пад. мн. ч. десѣте) и др.

В Федоровском паримейнике вместе с тем отмечается пример взаимодействия малого и большого количественных у составных числительных, отражающий неустойчивость исконной системы форм:

четѣри десѣтъ Фд 80б.

7. Род. пад. *четыреи*

Унификация форм малых числительных выразилась в употреблении формы *четыреи* вместо *четырь* < *четырь* по образцу *треи* < *трии*:

Тако глѣтъ аданан г(с)ь · Ѡ четѣрен дхѣ · придедхѣ Тп 58в;

ср.: трен сътъ Фд 15а

vs.

тако глѣтъ аданан гь Ѡ четѣрь дхѣ · приде дхѣ Лз 88в.

8. Смещение и контаминация форм твор. пад. ед. числа и дат. пад. мн. числа

После утраты редуцированных и отвердения конечных губных согласных образовалась омонимия твор. пад. ед. числа и дат. пад. мн. числа у существительных муж. и сред. рода типа *плодом* < *плодѣмъ*, *плодомъ*; *селом* < *сельмъ*, *селомъ*, а также у прилагательных и местоимений. Между тем в ранних списках Паримейника XII–XIII вв. эти различия сохранялись. В Козминском паримейнике 1312–1313 гг. и отчасти Типографском I паримейнике 1348 г. это противоречие могло отражаться в искусственных орфограммах с контаминацией обоих типов форм в одной синтагме с определением, см.:

раздрѣшеник же моужемъ законопрѣстопномъ зло Кз 20г; нечѣстькѣмъ бо своимъ 20г; ходиши въ мирѣ по всѣмъ поутемъ твоимъ 31б; паче лишеникъ дага и скръвѣнага газыкомъ лживомъ · сукѣтнага гонить 80г (так и Тп 26а: скровѣнага газыкомъ лживомъ · соукѣтнага гонить); не предажъ на(с) беззаконикѣмъ нашимъ 87б (так и Тп 33г); Сне Ѡвѣрзан оуста свога словесемъ бикѣмъ 90г (В Тп 36в: словѣсемъ бикѣмъ); и гавѣ боуде(т) има твою соупостатомъ твоимъ 122в (Тп 75а: соупостатомъ твоимъ); и моужемъ крѣпкомъ крѣпостию р(ч)е 126г (Тп 77в: моужемъ крѣпкымъ) и др.

9. Нестандартное выравнивание основ

В Козминском паримейнике 1312–1313 гг., а еще чаще в Типографском I паримейнике 1348 г. представлены примеры такого морфонологического процесса, как нестандартное обобщение и выравнивание основ с пропуском сильных редуцированных под влиянием форм, где эти редуцированные были в слабой позиции. Это противоречивое явление отражает заключительную ступень утраты редуцированных в XIV в. [Попов 2004: 218–219, 265–266; 2020: 379]. Ср.:

вѣнць прѣмудрыхъ благ(с̄)ник нухъ Кз 62в (Тп 5б: вѣнецъ); избавитъ ѿ зла дѣшю свѣдитель вѣрнь 62в (так и Тп 5б); вѣнць хладѣнъ с̄Тарости 72а (Тп 16а: вѣнецъ); лоуце ниць правднъ 78г (Тп 33г: луце ниць правь/дѣнъ); ѿ конць кѣфиопскъ рѣкъ Кз 117а (так и Тп 68в: ѿ конць рѣкъ кѣфиопскъ); ѿ конць земля Тп 11б (в Кз 67г–68а: конь/ць); кде ксть възведын пастыра ѿ земля овць своихъ 74б (Кз 122а: ввь/ць); ѿ старць людскы(х̄) 84б (Кз 129в: ѿ старьць); ни оуспрамиса с̄дннъ старць мн(ѡ)/голѣтнхъ 98а (Кз 141в: старьць); и оуби всакъ первѣнць въ земли кр҃птьстѣи · ѿ первѣнць чавч(с̄)къ · до первѣнць скота 102в (Кз 145в: и оуби всакъ първѣнць въ земляи кр҃птьстѣи · ѿ първѣнць чавч(с̄)къ · до първѣнць скота) и др.

10. Им.-вин. *глази*

Козминский паримейник известен своими незаурядными экстратекстами. В одном из экстратекстов представлен один из самых ранних и уникальный пример употребления слова *глазь* [Жолобов, Крысько 2001: 62–63]²:

ѿ ст҃ын пантелеимоне поспѣши · уже глази спа(т̄) хотѣть Кз 99 об.

Оказалось, что форма вин. пад. *глази* встречается и в основном тексте, где она заменяет форму *очи* других списков в инципите Псалма 122. См.:

К тебе г҃и възведохъ глази мои живоу ∴ Кз 88г

vs.

Къ тебе възведохъ очи мои живоу ∴ Лз 72в; К тебе г(с̄)и възвѣдохъ вчи мои жи//щюмоу (sic!) на/ нѣси ∴ Зх 161в–г.

Таким образом, в экстратексте форма *глази* выступает как дуальная форма, включенная в плюралный ряд, судя по форме сказуемого мн. числа. Русизм муж. р. *глазь* — *глаза* в этом случае окказионально оформляется по модели книжной словоформы *очи*, которую он заменяет, что отразилось и в сохранении дв. числа сред. или жен. рода местоимения *мои* в самом тексте паримейника. Употребляясь вместо дуальной по происхождению формы *очи*, форма *глази* сохраняет дуальный прообраз.

² Русизм *глазь* упоминается А. А. Алексеевым в разделе о древнерусском переводе толкований на послания ап. Павла и Соборные послания — к сожалению, без привязки к конкретной рукописи: не ясно, имеет ли он в виду Апостол 1220 г. (ГИМ, Син. 7), содержащий часть этого перевода, или списки XIV в. (РНБ, Ф.п.1.24 и РНБ, Пог. 30), названные им выше, с полным переводом (скорее — последние) [Алексеев 1999: 179].

Именно так следует уточнить ранее высказанную [Жолобов, Крысько 2001: 62–63] ее интерпретацию как собственно плюральную: в экстратексте в этом случае ожидалась бы новая форма мн. ч. *глазы* или переосмысленная как плюральная форма *глаза*.

11. Выходная запись писца в Козминском паримейнике

Пять заключительных листов Козминского паримейника — лл. 152–156 — оказались приплетенными в конце Минеи XV в. (ГИМ, Син. 172) [Каталог 1988: 128]. Этот фрагмент заканчивается выходной записью писца Козмы Поповича. По-видимому, из-за вхождения в позднюю рукопись данный экстратекст, включающий ряд лексических русизмов, не стал источником СДРЯ. Запись целиком опубликована в книге Л. В. Столяровой [2000: 209], но с рядом неточностей. Ранее она была опубликована В. В. Калугиным в несколько упрощенной графике, который отметил что подчеркнутый далее контекст записан по стертому, а после него не читается шесть или семь букв [Калугин 1991: 49–50]. Приводим запись целиком по цифровой фотокопии:

Вѣ лѣ(ѣ) · ꙗ · ѿ · ꙗ · ка · ко/нчанты бѣша кнѣ/гы си · м(ѣ)ца мана/ въ · ѿ · днѣ ·
 на памѣ(ѣ) / ст(ѣ)о ап(ѣ)ла андроника/ кдиногѣ ѿ · ѿ · къ стѣ/моу моу(ѣ)ни-
 коу па/нтѣлѣ/моноу ꙗ / · ѿ · вѣрстѣ а стѣжень/нык (sic!) раву бѣю радио/
 на чернѣча стѣ бори/сомѣ · а псанты къ/нигы си при попѣ/ григори / и при
 игоу мѣне/ радионѣ баше во/ тѣгда игоу мѣно/мѣ оу стѣго пантѣ/лѣ/мона а
 ворисѣ/ баше перевознико(ѣ) / ѿ при архип(ѣ)пѣ дѣдѣ/ новгородскомѣ · //
 при великомѣ кнѣ/зи михаилѣ · при/ кнѣзи борисоу прѣ/ пльсковскомѣ то/м
 же лѣ(ѣ) вѣшьлѣ въ/ пльсковѣ · а на горѣ/ цр(ѣ)вѣ почаша писатѣ / ѿ псалѣ
 козма дѣа/къ поповицѣ · грава/цима роукама кле/ветливѣымѣ гѣзѣ/ко/мѣ ·
 вѣдливѣыма/ вчима · а кдѣ боудѣ(ѣ) и/з/мѣтѣно исправѣ(ѣ) ч(ѣ)ѣ/тѣ а не ис-
 пра/вите то въ/ на/ сво/ю дѣ/шу (ГИМ, Син. 172, л. 202в–г; *РГАДА, Тип. 61,
 л. 156в–г).

Запись начинается с ошибки в дате, которую, по-видимому, следует считать мнимой: использована буквоцифра **ц** ‘900’ вместо ожидаемой **ѿ** ‘800’. Названные далее исторические персонажи всё ставят на свои места. Так, упоминаемый в записи великий князь Михаил Тверской был убит в Орде в 1318 г. [Творогов 1994: 58–59]. Е. Ф. Карский самое раннее использование буквоцифры **ц** связывает с южнорусским Евангелием 1427 г., списанным с южнославянского оригинала. Цифровое значение ‘900’ славянской буквы обусловлено влиянием глаголицы на кириллическое письмо у южных славян [Карский 1979: 216–217]. Как видим, эта буквоцифра стала использоваться более чем на столетие раньше, хотя и в ином значении — в том, в котором она использовалась изначально и в дальнейшем употреблялась во время второго южнославянского влияния. Как показал В. В. Калугин, Козма Попович систематически использует буквоцифру **ц** в значении ‘800’ [Калугин 1990]. Она встречается в записи этого же писца о солнечном затмении 1312 г. в псковском служебном Шестодневе около 1312 г. (РГАДА, Тип. 76), а кроме того,

непосредственно в тексте паримии. Приведем этот контекст по Козминскому паримейнику и Федоровскому II паримейнику той же редакции:

и бѣ(с̄) вѣхъ д̄ни малаленевъ лѣ(т̄) / ц̄ · и · ѿ · и оумрѣтъ Кз 41б–в; и бѣ(с̄) вѣхъ д̄ни малалѣевъ лѣ(т̄) ѡсми сътъ и пать и оумрѣтъ Фд 8в.

Запись сделана на древнерусском языке. См., в частности, фонетические русизмы и новгородизмы (*вьрсть, черньча, перевозникъ, новгородьскомь, поповиць, исправлче*), использование союза *a* в качестве основного, повторение предлога (*при князи борисоу прі пльсковьскомь*). Вместе с тем текст включает не только русские *л*-формы прошедшего времени (*вьшьль, псаль*), но и книжные простые претериты: аористы *быша, почаша* и имперфект *баше*. Наряду с инновациями (мест. пад. на *-у* имени собственного: *при князи борисоу*), в записи обнаруживаются и архаизмы. Обращает на себя внимание сохранение в ряде случаев орфограмм с редуцированными, как если бы фразеологизированные выражения способствовали их консервации: *за ѿ · вьрсть; вьшьль въ пльсковь* ‘заял княжеский престол во Пскове’.

Обращает на себя внимание последовательное сохранение в записи дуальных форм. Ср. дв. число в конструкции с двумя именами, при том что сочетание имен оформляется не по книжному сочинительному типу, а предложной конструкцией с твор. пад. социативным³:

стажень/ньк (sic!) рабу б̄ню раднона черньча съ борисомъ.

Ср. мн. число, варьирующееся с дв. числом, в выходной записи писцов из гораздо более раннего Жития Нифонта Констанцкого 1222 г. [Жолобов, Крысько 2001: 137; Хрестоматия 1990: 60]:

г̄и помози рабомъ своимъ · <ѿ·ѿ> фаноу · и олексию · написавшема · книгы сна 175б.

Дв. число последовательно сохраняется в определительных сочетаниях с парными существительными, входящими в выразительный и эмоциональный самоуничжительный контекст: **граблцима роукама; вбидливъима вчима.**

Приведенный небольшой свод наблюдений доказывает насущную необходимость издания рукописного наследия, поскольку каждая рукопись восполняет те или иные лакуны в знаниях о языковой эволюции.

Источники, электронные коллекции, словари и справочные издания

Гр — Григоровичев паримейник, XII–XIII вв. (РГБ, Григ. 2) [Рибарова, Хауптова 1998].

Зх — Захариинский паримейник, 1271 г. (РНБ, Q.п.І.13) [Казанская коллекция].

³ О специфике таких конструкций в древнерусской письменности см. [Баранов, Жолобов 2020: 62–68].

Казанская коллекция — Казанская электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. Казанский федеральный университет, лаборатория палеославистики, при поддержке Информационно-аналитическая система «Манускрипт», 2007–2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54> (обращение: 12.12.2022).

Каталог 1988 — Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Часть 2. М., 1988. С. 123–230.

Кз — Козминский паримейник, 1312–1313 гг. (РГАДА, Тип. 61) [Казанская коллекция].

Лз — Лазаревский (Сковородский) паримейник, 50-е–70-е гг. XII в. (РГАДА, Тип. 50) [Казанская коллекция].

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М., 1988–2019–.

Тп — Типографский I паримейник, 1348 г. (РГАДА, Тип. 52).

Тр — Троицкий I паримейник, вт. пол. XIV в. (РГБ, Тр. 4) [Казанская коллекция].

Фд — Федоровский II паримейник, вт. пол. XIII в. (РГАДА, Тип. 60, 107 л.) [Казанская коллекция].

Хрестоматия 1990 — Хрестоматия по истории русского языка / Авторы-составители В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.

Чинопоследования — [Электронный ресурс]. URL: <https://glg.goarch.org/> (обращение: 12.10.2022).

SJS I–IV — Slovník jazyka staroslověnského. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Баранов В. А., Жолобов О. Ф. Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, Ф.п.И.39) // Slověne. Vol. 9. 2020. № 1. С. 29–80.

Жолобов О. Ф. Числительные. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV). М., 2006.

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II). М., 2001.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Калугин В. В. Ошибался ли дьяк Козьма Попович? Числа 800 и 900 в русской письменности XIV века // Русская речь. 1990. № 2. С. 109–113.

Калугин В. В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — псковские писцы XIV в. // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1991. С. 46–61.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Князевская О. А., Коробенко Л. А. Древнейшая славянская рукопись Паримейника (РГАДА, ф. 381, № 50) // Хризограф: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 33–43.

Мольков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI — начала XIII века. Дисс... докт. филол. наук. СПб., 2020.

Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 147–173.

Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.

Попов М. Б. Редуцированные // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2020. С. 369–383.

Рибарова З., Хаунтова З. Григоровичев паримейник. I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

Творогов О. В. Древняя Русь: События и люди. СПб., 1994.

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region) Federal University

(Russia, Kazan)

ozolobov@mail.ru

**NOTES ON HISTORICAL GRAMMAR:
ARCHAISMS AND INNOVATIONS
IN THE MACHINE-READABLE PARIMEINIK CORPUS
FROM THE 12th–14th CENTURIES**

This article deals with rare or unique archaic and innovative forms of numerals, nouns and adjectives found in machine-readable Internet editions of the *Parimeinik* from the manuscripts of the 12th–14th centuries. The paper analyzes the forms found in the manuscripts of the Ancient type and of three early redactions — Zakhariinskaia, Kozminskaia, and Semenovskaia — gen. sg. *desAtьь*, nom.-acc. *osmi*, gen. sg. in -oga, early examples of the numeral *devAnosъto*, the forms of the compound numerals ‘11–19’, ‘30’, ‘40’, the form *četyrei*, confusion and contamination of the forms of the instr. sg. and dat. pl., unification of stems in the direct and indirect cases after the loss of the ‘reduced’ yers, nom.-acc. *glazi*. The forms discussed in the article have either not yet come to the attention of researchers, or require new interpretation. The colophon of the scribe in Kozminski Parimeinik from 1312–1313, which contains many interesting linguistic peculiarities, is published in the article. The observations made by the author prove the necessity of publishing the manuscript heritage and its further study.

Keywords: machine-readable corpus, Old Russian manuscripts, historical grammar, archaisms and innovations

References

- Alekseev A. A. *Tekstologiya slavyanskoy Biblii*. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)
- Baranov V. A., Zholobov O. F. Lingvostatisticheskoe issledovanie chastotnykh slov v Slovakh Kirilla Turovskogo (po rukopisi RNB, F.p.I.39). *Slověne*, 9 (1), 2020, pp. 29–80. (In Russ.)
- Kalugin V. V. Oshibalsya li dyak Kozma Popovich? Chisla 800 i 900 v russkoy pismennosti XIV veka. *Russkaya rech*, 1990, no. 2, pp. 109–113. (In Russ.)
- Kalugin V. V. Andrey Mikulinskiy i Kozma Popovich — pskovskie pistsy XIV v. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi XI–XVI vv.: Raznye aspekty issledovaniya*. D. S. Likhachev (resp. ed.). St. Petersburg, 1991, pp. 46–61. (In Russ.)
- Knyazevskaya O. A., Korobenko L. A. Drevneyshaya slavyanskaya rukopis Parimeynika (RGADA, f. 381, № 50). *Khrizograf: Sbornik statey k yubileyu G. Z. Bykovoy*. Moscow, 2003, pp. 33–43. (In Russ.)
- Molkov G. A. *Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pismennosti XI — nachala XIII veka*. Thesis. St. Petersburg, 2020. (In Russ.)
- Pichkhadze A. A. K istorii slavyanskogo parimeynika (parimeynnye chteniya knigi Iskhod). *Traditsii drevneyshey slavyanskoy pismennosti i yazykovaya kultura vostochnykh slavyan*. Moscow, 1991, pp. 147–173. (In Russ.)
- Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoy i diakhronicheskoy fonologii russkogo yazyka*. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
- Popov M. B. Redutsirovannye. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Entsiklopedicheskiy slovar*. V. B. Krysko (ed.). Moscow, 2020, pp. 369–383. (In Russ.)
- Ribarova Z., Khauptova Z. *Grigorovichev parimejnik. I. Tekst so kritichki aparat*. Skopje, 1998.
- Stolyarova L. V. *Svod zapisey pistsov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vv.* Moscow, 2000. (In Russ.)
- Tvorogov O. V. *Drevnyaya Rus: Sobytiya i lyudi*. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd. Moscow, 2004. (In Russ.)
- Zholobov O. F. *Chislitelnye. (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. IV)*. Moscow, 2006. (In Russ.)
- Zholobov O. F., Krysko V. B. *Dvoystvennoe chislo. (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. II)*. Moscow, 2001. (In Russ.)

И. И. Макеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

irinamakeeva2007@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОРМОЙ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЗАПАДНОРУССКОЙ РУКОПИСИ XV–XVI вв.

В Харьковской кормчей XV — XVI вв. имеются многочисленные формы родительного падежа отглагольных существительных, совпадающие с формой винительного падежа (Р=В): *безъ вбщєніє, ѿ своего имѣньє, цѣноу избавленьє*. Такие формы с *-є* вместо *-а* отражают фонетическое явление — |e| на месте |a|, точнее, |a| → |e| в конечном открытом слоге после |j|. Оба писца Харьковской кормчей используют Р=В отглагольных существительных наравне с обычной формой родительного падежа. Поэтому можно считать, что фонетическое явление закрепилось в определенной грамматической форме существительных одного класса, Р = В таких слов стал для писцов вторым вариантом и вошел в узус. Р = В отглагольных существительных встречается в других рукописях XII–XVII вв.; обычно таких словоформ мало, и они являются лишь отражением |e| на месте |a|. Исключением являются псковские памятники XV в., описанные Н. М. Каринским. Харьковская кормчая также была написана на западе восточнославянской территории; в рукописи имеются многочисленные западные диалектные особенности. Таким образом, Р = В отглагольных существительных преимущественно встречается в книжных письменных источниках западного и северо-западного происхождения.

Ключевые слова: Кормчая ранней русской редакции, Харьковский список, древнерусский язык, отглагольные существительные, родительный падеж

1.

В одном из списков Кормчей ранней русской редакции часто встречается форма родительного падежа отглагольных имен существительных на *-(e)ниѣ-* и *-иѣ-*, совпадающая с формой винительного падежа (далее Р = В): *бл҃гаго вбщєніє* 175а, *вбрєтєніє же ра^{ди} некоего* 176в, *нѣ^с всоу҃женіє достоєнѣ* 176г, *безъ вбщєніє* 177б, *плоды искѹшаємѣ покааніє* 178а, *ѿлоу҃читисѣ съ женами пребываніє и бесѣды* 178г, *из нашего повелѣніє* 179а, *бєс писаніє в насѣ пребывають* 179г, *иного*

житіе вбразъ 182г, аще кѣричьскаго поставлѣніе сподовитса 183а, запрещеніе црѣвнаго 183г, ѿ своего правоподанье 185г, количество притажанье црѣвнаго вбращетса даати, ѿ того ставлѣнье самовластенъ воудеть 188г, ни именье ради или прегрѣшеніе ради вины 189в, ѿ того причтенъ своводенъ воудѣтъ 190а, аще до скончанье живота своего... прѣвоудеть 195в, безъ повѣленье 205а, ѿ своего имѣнье 205в, аще ^{жк} цѣноу избавленье наложитъ на нь 208, варварьска ради нахоженье или цртѣва или иного 212г, тако чюжда хртѣаньскаго житіе сего ѿмеще 214г, врѣмѣ причащенье 215а, ѿ прѣ ^{жк} выѣшаго тако иного смѣшенъ 215в, даръ избавленъе полѣчѣшимъ 216г, еже глѣтса великаа прочаа нѣла до въскрѣнъе 218а, достоинно праздноуемъ во нь въскрѣнъе ради хѣ бѣга нашего 218в, члчкаго ра ^{ди} оугодне 225г, ѿ исхоженъе варварьска 226б, безъ написанье 235б, ѿ созданье 236а и др.; истинна ^н житие 244г, бжтвенного писае ^н 246б, идолослуженье вбразъ, оученье слово 245г, члколюбье неслѣдоваго (так!) 247а, лишити ^н спніе 247б, спніе ра ^д, покоанье сила 247г, ѿ бжтвенного оученье 249г, молчае ра ^д и 250а, оуздержанье блгочтѣе 250а, вѣзъ оученье 251а, глѣмѣнье ра ^д и 251б, кротка ра ^д оутешенье 251г, црковнаго исповѣданье 252в, смѣшенъе ра ^д и 261а, ѿ житие 263б, ѿ твоего оученье 263в, своего имѣнье, вѣзъ наслѣдье 263г, ѿ присвоенье 266в, стго же вѣщенъе 268а, бесъ твоего повѣлѣнье 268б и др.¹

Такие формы встречаются у двух писцов второй части Харьковской кормчей (далее ХК), написанной на рубеже XV–XVI вв.² и представляющей Волынскую группу списков памятника³. ХК, как и остальные входящие в Волынскую группу списки, создана на западе Руси⁴.

Частотность Р=В примерно одинакова у обоих писцов второй части ХК. У каждого из них на долю таких форм приходится около половины или чуть меньше употреблений родительного падежа отглагольных существительных, которых

¹ Как правило, такие формы не препятствуют пониманию текста, за исключением единичных случаев, как, например, ^н имѣнье казнъ вво егѣ оубо р. переперъ 202г (ср. ^н имѣнїа казнъ АК 264, то есть за проступок следует взять часть имущества гробокопателя).

² Первая часть Харьковского списка, переписанная еще одним писцом в середине XV в., входит в Новгородско-Варсонофьевскую группу списков. Подробнее об этом и о рукописи в целом см.: [Корогодина 2017: 86–89].

³ Истории Кормчей ранней редакции и ее источникам посвящена монография Я. Н. Шапова [1978]. Русская Кормчая, являющаяся компиляцией сербской и древнеславянской редакций, создана в Киеве при митрополите Кирилле в последние годы его деятельности — в 1273–1280 гг. Сначала памятник, состоявший из семидесяти глав, распространялся на сопредельной территории. В 1286 г. для волынского князя Владимира Васильковича был сделан список, не дошедший до нашего времени. Он положил начало Волынской группе списков, в которую входят также Арадская кормчая середины XV в. (АК) и Погодинская кормчая конца XVI в. (ПК). Для АК и ПК формы родительного падежа, омонимичные формам винительного падежа, не характерны. Ниже параллельные чтения приводятся из АК как текстологически более близкой к ХК.

⁴ Для более точного определения места в настоящее время недостаточно данных исторической диалектологии. Экстралингвистические сведения, а именно имеющиеся в рукописи записи, указывают на Полоцк. Это вкладная конца XV в. — начала XVI в. иеромонаха Алексея в церковь Иоанна Предтечи в Полоцке и владельческая этой церкви того же времени [Шапов 1978: 270–271].

немало в таком памятнике, как Кормчая. Примерно в половине случаев представлена обычная форма родительного падежа: **Ѡ посланьѧ** 179а,б, **своего ради прегрѣшеньѧ** 182б, **примати пачѣ того пребываньѧ** 187а и др. Иногда разные формы находятся в одном словосочетании: **трѣбоуѧ цѣломѣрнѧ и запрещеніе црѣквнаго** 83в. Общее количество отглагольных существительных и форм родительного падежа определяется тематикой. Поэтому, например, на лл. 229а — 244, в сочинениях разных авторов о ересьях, таких форм мало, и Р = В встречается реже.

2.

2.1. А. И. Соболевский, рассматривая |e| вместо |a| в позиции после мягких и |j| [Соболевский 2004б: 88–89], обращается к псковскому памятнику XIV в. и среди прочих приводит аналогичные примеры отглагольных существительных в родительном падеже. Соболевский заключает, что в исторический период |e| вместо |a| в позиции после мягких и |j| было известно псковскому говору, а также новгородскому. Для другой территории исследователь приводит примеры с |e| вместо |a| под ударением и не на конце слова: *анеть* и др. в южновеликорусских акающих говорах и близких к ним белорусских, *тежко* и под. в некоторых западных малорусских говорах [Там же: 89].

Очень подробно употребление |e| вместо |a| и |a| вместо |e| в псковских памятниках XV в. рассмотрел Н. М. Каринский, связывая эти явления с аканьем⁵. Он отмечает, что «... громадное большинство случаев как в памятниках XIV в., так и в памятниках XV в. падает на конечный открытый слог преимущественно в определенных формах»; «... мена *a* и *e* в конечном открытом слоге встречается в несколько раз чаще, чем во всех остальных положениях» [Каринский 1909: 152, 154]. Среди приведенных из разных рукописей примеров есть и отглагольные существительные в родительном падеже ед. ч. с окончанием *-e* вм. *-a*. В исследованных памятниках их количество варьируется. Больше всего таких форм в сборнике Соф. № 1262 и Палее 1494 г.⁶

⁵ «Буквенную мену» **ѣ** — **а** в псковских рукописях XIV — XV вв. упоминает Е. А. Галинская, ссылаясь на исследования Н. М. Каринского, А. А. Шахматова, Т. Н. Кандауровой; см. [Галинская 2002: 95–96].

⁶ Н. М. Каринский редко указывает количество употреблений род. падежа ср. р. на *-e* вм. *-a*, рассматривая их в ряду прочих форм с меной *e* — *a* и *a* — *e*. Однако позиция, на которой в общем списке оказываются рассматриваемые примеры, позволяет получить общее представление об их частоте.

Палей 1494 г.: 1) 3 ед. имперфект на *-ша* вм. *-ше*; 2) 3 мн. аориста на *-ше* вм. *-ша*; 3) род. ед. м. и ср. р. мягких основ на *-e* вм. *-a* (даръ исцеленіе); 4) им.-вин. мн. ср. р. мягких основ на *-e* вм. *-a*; 5) им.-вин. ед. ср. р. мягких основ на *-a* вм. *-e*; 6) местн. ед. на **та** (**а**) вм. **ѣ** (**при кнѣзи црѣ**); 7) им. ед. мягких основ причастий на **к** (**ѣ**) вм. **та** (**а**) (**лобзѧе, поноуѧе**).

Палей 1477 г. Мены *e* — *a* меньше, чем в Палее 1494 г.; наибольшее число примеров в: 1) им.-вин. ср. р. на *-a* вм. *-e*; 2) им. мн. ср. р. на *-e* вм. *-a*; 3) род. ед. на *-e* вм. *-a*. Остальные случаи, как и в предыдущем памятнике, приходятся на середину слова.

Сб. Син. № 154, содержащий летописи и Александрию. «Замена *e* через *a* в неударяемых слогах редка». В словах ср. р. она не отмечена.

Судя по исследованию и по заключению Н. М. Каринского, в псковских рукописях XV в. у существительных ср. р. чаще встречается *-a* вм. *-e*. Ученый отмечает, что такая замена представлена в галицко-волынском наречии, но в памятниках не псковского происхождения она «не столь обычна»: «... переход *e* в *a* после *j* в конечном открытом слоге в формах им. вин. ед. ср. р. (в этих формах особенно много случаев замены *e* через *a* в некоторых наших рукописях) известен в части галицко-волынского наречия и многих современных малорусских говорах...»; «... в рукописях других местностей иногда почти вовсе не встречаем мены *e* и *a* в конечном открытом слоге и во всяком случае эта мена здесь не столь обычна, как в псковских рукописях» [Там же: 155].

2.2. Приведенные А. И. Соболевским и Н. М. Каринским сведения можно дополнить данными из рукописи XVII в. Син-392. Как в основном, так и в дополнительном почерке этой рукописи отражены особенности вокализма предупредного и заударного слогов и гиперкорректные написания (**пѣтами** 73, **радїла** 106 об., **во остравѣ** 106, **паклонатїса** 104, **папа** 'попа', **зотворїтї** 112 об., **до даврїе** 106 об. и др.), а также мена начальных **оу** — в (**оу церкві** 118 об., **вдолѣтї** 211 об.). В дополнительном почерке отмечена флексия *-e* в род. пад. ед. ч. существительных ср. р.: **свѣтъ снце** 196, **ѡ нашествіе** 187 об.

Примеры отглагольных существительных с *-e* вместо *-a* есть в Житии Феодосия Печерского в составе Успенского сборника XII–XIII вв.: **днѣ оустѣпеник** 26б, **ѡ въгрызеник** 30в; возможно, также **на прокок похваленик блаженнаго съказаник понти** 57а.

Формы родительного падежа с *-ѣ* на месте *-а* встречаются также в Новгородской кормчей и в Тихомировском списке Кормчей ранней русской редакции, написанном в псковском языковом ареале. В первой рукописи соответствующие примеры отмечаются нечасто — например **црквиного имѣни** НК 82г. Во вто-

Погодинский список Псковской летописи. Замена *-a* через *-e* и обратно наблюдается нередко. Наибольшее количество случаев приходится на: 1) 3 л. имперфекта и аориста; 2) им.-вин. ед. ср. р. с *-a* вм. *-e*; ... 4) им. мн. ср. р. с *-e* вм. *-a*; 5) род. ед. с *-e* вм. *-a*.

Сб. Син. № 68/270. Замена *-e* через *-a* и обратно после мягких согласных наблюдается часто — около 90 примеров. Большинство случаев приходится на следующие формы: 1) им. ед. ж. р. мягк. осн. на *-e* вм. *-a* (**гшишна веліе**); 2) им.-вин. ед. ср. р. сущ. и прил. на *-a* вм. *-e*; 3) **род. ед. муж. и ср. р. на -e** вм. *-a*.

Сб. Син. 53/255. В первой части рукописи: мена *e* — *a* встречается не особенно часто. Наибольшее количество примеров отмечено в: 1) 3 ед. имперфекта с *-ша* вм. *-ше*; 2) 3 мн. аориста с *-ше* вм. *-ша*; 3) **род. ед. ср. р. с -e** вм. *-a*; 4) им.-вин. ед. ср. р. с *-a* вм. *-e*; ... 7) им. мн. ср. р. с *-e* вм. *-a* (единственный приведенный пример **вса съгрѣшенєе свое**). Вторая часть той же рукописи написана двумя писцами. У первого имеется шесть случаев мены *e* — *a*, один из них (с писцовой правкой **а** на **ѣ**) — **оученїа пророцское**; у второго писца более двадцати примеров, из них два с рассматриваемыми словами.

Сб. Соф. № 1262. Случаев мены *e* — *a* очень много в: 1) 3 л. имперфекта и аориста; 2) им.-вин. ср. р. сущ., прил., прич.; *-a* вм. *-e* отмечено более чем в 50-ти случаях; 3) **в род. ед. ср. р.**; *-e* вм. *-a* отмечено более чем в 60-ти случаях;

В других памятниках имеются отдельные редкие примеры; см.: [Каринский 1909: 13–14, 48–49, 66–67, 80–81, 100–101, 114, 121–122, 132–133, 141, 146, 147].

ром списке их больше, причем не всегда можно однозначно утверждать, что это именно отражение фонетического явления, а не употребление другой формы, например, винительного падежа при отрицании (см. ниже пункт б): **не приємлюци причащеньє** ТК 10.

2.3. Таким образом, форма Р=В отглагольных существительных в ХК отражает фонетическое явление, нередко находящее отражение в русских рукописных памятниках XII–XVII вв. Однако большое количество подобных примеров в ХК позволяет предположить, что в рукописи имела место тенденция к грамматикализации такой формы отглагольных имен существительных⁷, то есть она стала вариативной формой родительного падежа. Для подтверждения этого положения следует кратко охарактеризовать языковые особенности второй части рукописи, написанной двумя книжниками⁸.

3.1.

Первый писец переписал листы со 175б по 237в. Маленькие фрагменты текста написаны другими книжниками: начало л. 219г, 220а (неполностью) — 222г, конец л. 228в — 229.

3.1.1. Из орфографических особенностей переписанного первым писцом текста, характеризующих уровень его знаний, следует назвать словоформы с таким признаком среднеболгарской орфографии, как написание **а** в соответствии с [ja], преимущественно на конце слова. Зияние обычно маркировано поставленной над **а** неиктусной оксией, а если рядом оказываются две буквы **аа**, то надстрочный знак пишется над второй из них: **запрѣщенїа** 175г, **шброученїа**, **слоуженїа**, **прїатъ** 176а, **житїа** 176г, 182б, **скрываа** 176б, **далнаа** 229г, **дрѣгаа же нѣкаа** 232б, **крѣпльшаа** 232в, **равнаа** 233в, **продаати** 184а, **покаание** 234в, **покааниеъ** 237в и др.

3.1.2. Слова с праславянскими сочетаниями редуцированного с плавным первым писец ХК пишет тремя способами: 1) чаще по южнославянскому (среднеболгарскому) типу с **ъ**, над которым почти регулярно ставится неиктусная оксия: **сврѣшенне** 176а, **сврѣшивъше** 177б, **сврѣшае^М** 179в, **сврѣшати** 186а, **сврѣшише**,

⁷ В формах других существительных **-е** на месте **-а** встречается редко: **то бо ради и сътворенне сѣдалище повѣлехомъ** 184б (ср. **того бо ради и сътворенне сѣдалища повелѣх^М** АК 240).

⁸ Оба писца допускают одинаково многочисленные ошибочные написания, которые затрудняют изучение языка рукописи: предвосхищение букв, пропуск слогов и букв, мену соседних букв и др. См. у первого книжника: **притивоу** 186а в.м. **противоу**, **лѣтесны^М** 236г в.м. **тѣлесны^М**, **повѣномъ** 186в в.м. **повелѣномъ**, **ѿ авлаъ** 186г в.м. **ѿ авленїа**, **протѣхъ** 187в в.м. **притѣхъ**, **ежды** 187г в.м. **елижды**, **цркви** 189г в.м. **црковни**, **прѣ/прѣшати имѣ** 192а в.м. **прѣгрѣшати емѣ** и др.; у второго писца: **нѣности** 246г, **ненсѣдоваго** 247а, **вѣлце** 285а в.м. **вѣлцем**, **невъжны^Х** 246в в.м. **невѣжны^Х**, **похыщреннї** 246в в.м. **по крѣпни**, **кропци** 246г в.м. **крѣпци**, **ѿше** 246г в.м. **аще**, **че писанье** 247а в.м. **рече писанье** и др. В связи с темой статьи интересно появление в ХК существительного ср. р. на **-ие** в.м. причастия и прилагательного: **нѣкое строенне порѣченне** (АК 254 порѣченое) **примѣ** 192г; **вставати цѣломѣрне** (АК 257 об. цѣломѣдрное) **преыванне манастирени** 195в.

врѣховны^М 211а, сврѣшати 211б, врѣховны^Х 223а, дрѣжитса 176а, дрѣжите 179г, изврѣжетса 176б и др.; 2) по восточнославянскому типу с о и є; над о нерегулярно проставлена неиктусная оксия, а после плавного написан паерок (изредка — ѣ): черноризица 180а, первѣе 181а, долѣть 184а, кормлѣнїе 186б, кормить 194г, оумолчить 190в, молва 195а, твердаго 211а и др.; 3) с паерком без букв гласных и без ѣ и ь; так писец пишет слова с корнем *дерз-*, редко другие: дрзѣнеши 179а, дрзновѣнїи 183а, дрзноувыи 215 — дрзновение 180г, дрзнеть 197а, дрзновенье 211а, 214в, дрзающе 216б⁹, дрзноуша 236а, ѿврзанти 211в¹⁰.

Слова с праславянским сочетанием **dj* также пишутся по-разному, а именно с восточнославянским рефлексом -ж- и с южнославянским -жд-: ноужа 177в, расоужѣню 193б, чюжю, чюжю 194б, оучюжена 194в, прѣже 195г, 196в и др., роженьа 200г, одежю 201в, одежа 207а, одежами 230г, надежю 206г, нероженю 230а и др.

3.1.3. В переписанном первом писцом тексте представлен ряд региональных особенностей, свойственных западу восточнославянской территории.

Самой яркой чертой, отмечаемой уже с XIII в. в галицко-волинских памятниках, является взаимозамена букв ѣ и є [Соболевский 2004а: 53–55; Гальченко 2001: 60–72]. Хотя в целом второй писец Харьковского списка пишет ѣ и є правильно, имеется немало примеров, где одна буква написана вместо другой. Чаще встречается ѣ вместо є, в том числе в глагольных формах ед. ч. наст. вр., в местоимении и(же) в местном падеже ед. ч. и в отглагольных существительных на -ение: рѣвности 178г, по сѣмь 181а, на нѣмь 182а, вѣзмлющимъ 184а, боудѣтъ 190а, вѣщь — вещи 190г, поставлѣнъа 193б, в нѣмь 196г, приведѣтъ 180г, 197б, навѣсти 199б, черѣсъ 201б, привѣдетъ 201г, дщерѣ (родит.) 201б, 208в, тавлѣнны 202в, в нѣмже 203а, в нѣниже 203б, заповедъ 204г, достовѣрѣнъ 204в, кѣпѣць 204г, лицѣ 206в, 226в, заколѣтъ 208а, в нѣмь 208б, внидѣши 209г, матѣжнаа 211а, по нѣмъ 211в, навѣдъ 213в, в совокѣплѣннѣи 214а, на древнѣе 214б, нѣподобно 223в, вѣщѣнне 224а, живѣмь в нѣмь 224б, раширѣнъа, хранѣнъа, сиречь 230г, проидѣтъ 231в; по сѣмъ, ѿстоуплѣннѣи 3в и др.

Нередко встречаются словоформы с меной ѣ — и: повеливають 179а, чароднѣнъа 180а, в бѣголюбѣвы^Х 183б, циноу 187а (далее цѣноу), издрѣноути 190в, игоуменихъ 197в, прозвѣтеры 198а, свѣтка 200а, 200в, повиннѣ 202в, всѣмѣть (сѣнце) 207в, вградѣша 211а, вѣномъ 213в и др.

Широко распространенная на восточнославянской территории¹¹ мена начальных оу — в представлена немногочисленными примерами: послоушати оу притворѣ 177в, ѿ ... оузъ/драсти 181а, оуслѣдѣюще 182а, оу долзѣ^Х 199а, оудасть

⁹ Сдвиг паерка влево в этом слове обусловлен помехой (нижней частью буквы р из предыдущей строки).

¹⁰ Как отмечает М. Г. Гальченко, во многих древнерусских рукописях к. XIV–XV в. слова с праславянскими сочетаниями редуцированного с плавным писались без букв гласных и без ѣ и ь [Гальченко 2001: 135].

¹¹ Об этом см.: [Соболевский 2004а: 103–104; Соболевский 2004б: 120–122].

207в, **враненѣ** 207в, **оурѣ**^д 225а, **оур/зносать** 232г, **оурѣвиже**^с 233а, **оурѣбранеть** 235в, **оур сои́мниши**^х 236г, **оур/схотать** 237а, **неоурѣдержанье** 237б¹².

Изредка в написании отдельных словоформ отражены особенности вокализма безударных слогов, которые позволяют предположить, что говор писца был акающим: **послоушаствовати**, **стежавшему**, **стежавшего** 182б, **стежавшему** 182в, **стежати** 216а, 235в (ср. **стажати** 216б), **тапархинскии** 183в, **предълижашѣ**^х 184а, **да скончанѣа** 197в, **въ ваѣдержаньи** 204б, **понежи** 215в. Небольшое количество подобных случаев свидетельствует о том, что писец следил за правильным написанием безударных слогов. Поэтому, видимо, появились гиперкорректные **потриархъ** 188в, **заподныа** 226а, **прикосати**^с 230б и часто отмечаемые глагольные формы с -лог- вместо -лаг-: **пологати** 178г, **пологають** 187б, **прилогаетса** 200г, **прилагаюшиа** 201б, **прѣдълогаетъ** 203в, **възлогаетъ** 208в, **пологаетъ** 211в, **прилагають** 217в, 228б, 232б, **прилагаа** 224б, **пологають** 227б, **прилагающе** 228а, **прилогати** 229б, **ѡлогаетъ** 233б при **ѡлагахъ**, **ѡлагаетъ** 231а.

В таких словоформах, как **звѣщенымъ** 185г, **зволеньемъ** 189а, **въ згнаніе** 189в, **ѡ конома** 199а представлено отпадение начального гласного |и|¹³, если только такие написания не являются ошибками писца — пропуском буквы.

На вероятное произношение твердого и мягкого согласного |в| на конце слова могут указывать **црѣквъ** 186а, **любовъ** 198г, **вѣвѣ** 251в — **црѣквъ** 199г¹⁴.

3.2.

3.2.1. Второй писец той части ХК, которая входит в Волынскую группу списков, переписал значительную часть текста начиная с л. 237г. В ней имеются почти все языковые черты, отмеченные у первого книжника, хотя среднеболгарская орфография отражена у него иначе. Он эпизодически употребляет **ж**, причем пишет букву таким образом, что она представляет собой нечто среднее между **ж** (в верхней части) и **л** (в нижней части, где вертикаль присоединяется к горизонтальной перекладине)¹⁵: **рѣкшж**, **павлж** 241б, **крѣтанж** 243, **нжжею** 246а, **нжж** 248г, 285б,

¹² Не все случаи, кажущиеся на первый взгляд примерами такой мены, действительно являются ими. Например, **оур** в **оур црѣквъ** 186б появилось ошибочно вместо **оурѣ**. Кроме того, иногда слово с меной **оур** — **в** заимствовано из оригинала, как произошло с редким глаголом **оуривають** 228в с **оур-** вместо **въ-** (**оуривають же посредѣ его гвоздѣ**), поскольку аналогичное **оуривають** находится также в АК 302 об. при **въвивають** в НК 373в.

¹³ Об этом явлении в галицко-волинских говорах, малорусском и белорусском наречиях см.: [Соболевский 2004а: 99; Соболевский 2004б: 92]. Встретилось также (**да**) **ѡзмоуть** 196а с опущением начального |в|. О том, что это не ошибка, говорит **ѡ** в начале слова, написанное в соответствии с орфографическим принципом писца. А. И. Соболевский отмечает, что в современном ему малорусском наречии опущение **ѡ** перед **ѡ** встречается именно в этой позиции; ранее, возможно, это явление было распространено гораздо шире; см. [Соболевский 2004а: 105, прим. 2].

¹⁴ Отверждение конечных мягких губных согласных известно в русских говорах и «особенно в малорусских и белорусских» [Соболевский 2004б: 117, 140; Дурново 2000: 194]

¹⁵ Аналогичное специфическое начертание буквы, являющейся графическим вариантом **ж**, имеется также в Постнических слова Василия Великого 1396–1402 гг.; см. [Гальченко 2001: 76].

нѣжж сѣщж 282г, нѣжа 283б, нѣдитъ 285а, сѣгрѣшившж / 251г, лѣжж 254б, вѣдѣ^т 285б, вѣдѣ^т 266б, 283б, вѣдоу^т 283а, вѣракж 262б, комжждо 283а, клирикж... соуцж 286а и др. В некоторых словоформах ж написан этимологически верно: вѣдѣ^м 245в, трапѣзѣ древанж соуцж 283б, замжж, странж 283в, мѣтвж 284в (×2), на пж^т 285а, ѿ ржкѣ, мж^ж 285б, гждѣнѣе, ѿнж^д 284а, кжплѣнѣа 284в, вѣрж 283г, 284г и др., см. также некоторые из приведенных выше примеров. Сюда же можно включить вѣпѣ/юцжю 247б, вѣтжю 283б, правжю 283г.

3.2.2. Несмотря на употребление ж, сочетания редуцированного с плавным второй писец пишет по восточнославянскому типу с гласными *ѣ* и *о*; на месте *ѣ* нередко появляется *ѣ*: воуѣвомѣ, терпѣти 245в, 248б, твѣрдѣ 246в, оуѣтвѣржена 250г, долженѣ 247а, жерѣтвѣ 248г, свѣршити 250б, свѣршаема 250г, дерѣзѣнѣвшѣ^х 252г, дерѣзѣнѣвѣ, дерѣзѣновѣнѣно 260г, дѣрзати 261б, дѣрѣзѣнѣвшѣго 263г, держитсѣ, растергнетсѣ 257б и др.

В восточнославянском варианте, то есть с -ж-, восходящим к праславянскому *dj, писец пишет такие слова, как вѣсѣжѣю^н 243г, расѣженѣе 244г, ноуѣжею 246а, вѣдѣжи 251в и др.

3.2.3. У второго писца, как и у первого, широко представлено написание *ѣ* вместо *ѣ*, причем в тех же позициях; обратная замена *ѣ* на *ѣ* встречается редко: праздѣ^н, вѣлѣнѣко^т 246в, срамѣнѣнѣ 268г, зѣмли 246г, вѣлѣми 247а, понѣже 247б, дерѣзно-вѣнѣе^м 248а, оуправлѣнѣе 249в, творѣнѣе 267г, смѣрѣнѣю 263а, запрѣщѣнѣа 266б, сотворѣнѣю 264г, неци 248г, боудѣтъ 250в, 267б, вѣдѣтъ, живѣтъ 268г, оумрѣтъ 269б, гѣтѣ 241а, промышлѣнѣе 250г, совокуплѣнѣе, к нѣмоу^ж 252б, по нѣмѣже 266г, мѣнѣ 252г, ѿ мѣнѣ 267в, стѣпѣнѣ 265б, 266б, стѣпѣнѣ 265в, 266а, 268а при стѣпѣнѣ 265в, 267а, ацѣ 267в, множицѣю 263б, сѣгѣнѣцѣю, вѣс (предлог) 269г, вѣзаконѣно 267в, нѣ 260г, 268б, 271а, 272б, нѣподобно 261а, нѣпрѣмѣнѣно 268а и др.

По сравнению с первым книжником второй писец чаще пишет словоформы с меной оу — в, около трети которых приходится на предлог: оусприати 241а, оучлѣнѣе 241б, оусхитившѣ, оусхитѣвшѣ, оузложено 244б, оузвѣщѣнѣа, оузвѣсти 244в, 263а, оузлюбѣ^н 244г, оудовица 247б, вловлѣми 247в, повченѣа 250б, навчѣетсѣ 250в, навчитсѣ 260а, на оузда^нѣ 250г, втоноути 252в, оунегда 252г, вдовѣ, оусхотѣ 260в, вѣслышитѣ 261в, вдержитсѣ 270г, оустѣнѣа 262а, оупрошенѣе 264а, оусприатѣ 268в, оузвѣратѣтсѣ 270а, оу темницю оувержена 248б, оу прилюбовѣнѣа 245а, внити оу причѣ^т 246а, оу срѣци 249г и др. Особенно часто замена в- на оу- встречается в словах с приставкой *въз(ъ)-* и корнями *-держ-* и *-бран-*: оуздержѣнѣю, оуздержѣнѣе 250а, неоуздержѣнѣе 251а, оуздержѣнѣнѣкѣ^д 251г, оуззѣбранѣни 261б, оуззѣбранѣнѣе 263а, оуззѣбранѣнѣе 266б, оуззѣбранѣе, оуззѣбранѣнѣе^х 266в (заголовок), оуззѣбранѣи, оуззѣбранѣно 266г, оуззѣбранѣнѣи 267а, оуззѣбранѣюще 272а и др. По тексту такие формы распределяются неравномерно: в «Правилах мт. Иоанна» их почти нет, соответствующие слова пишутся с в-: вѣз(ъ)бранѣ-

Мена *ѣ* — и у второго писца встречается редко, и надежных примеров мало, в том числе из-за многочисленных ошибок: ненавѣстѣ 244г, вритице, никѣа 246г, свѣтѣкѣа, свѣтѣкѣа 267а, свѣтокѣ 284г, зѣмы 283г и др.

Словоформ, в которых отражаются особенности вокализма безударных слогов, относительно немного: *сельнѣши* 248в, *раде* 244г, *гаснѣа* 260а (ср. *гаснѣе* 260б), *каторыи* 261б, *каторын* 266б, *посегають* 263б, *радители* 263г, *рѣкша* 264в, *савокоупльше* 268а, *надежаю* 270в, *плесанье* 284а, *въ вщенье мѣста* 242в, в *то мѣста* 244б и др.¹⁶ Второй писец, как и первый, старается не допускать ошибочного написания безударных слогов, и в его части текста нередко встречаются гиперкорректные написания: *покозахо*^М 240г, *покозати* 283а, *накозанье* 250б, 284а, 285в, *превощеньемъ* 243а, *оупрожни* 249г, *рѣствовлаеть* 253в, *прикосатиса* 244а, *прикосающе* 253а, *прикосающимса* 265а, *прикосаетса* 267г, *потриарси* 252б, *потриарха* 263а, *потриарха* 267а, *потриарха* 284г, *потриархъ* 264а при *патриарха* 266б, *золого*^М 269б, *зологы* 269в, 269г при *залога* 269б, *зологы* 269б, 269в, 270а, *залози* 269г. Гиперкорректность чаще отмечается в формах глаголов *припадати*, *-лагати* и существительного *покаяние*: *пологаеть* 245г, *пологающе* 247г, *прилогает*^Т 262г, 269а, *пологае*^М 265а, *налагаютса* 267б; *приподающими*, *приподаю*^Т 244в, *приподае*^Т 245б, *приподае*^М 248в; *покавашиа*^М 248б, *покоанье* 244г, *покоанью*, *поколе*^Н 245в, *по покоаньи* 248б, *покоанье* 261б, *въ покоаньи*, *покоанье* 248в при *покае*^Н 247б, а также *покоанья* 248а (ср. *дасоженьа* 193в у второго писца)¹⁷.

Возможно, в некоторых словоформах, где *ѣ* (*оу*) написан на месте *о* (*со аннѣю* 267г, *некою бѣседѣю* 240г, *второю братѣчадѣю* 284г), представлен переход *|о|* в *|у|* в безударной позиции. Такой переход известен в галицко-волинских и в смоленских говорах; см. [Соболевский 2004а: 95–97; Соболевский 2004б: 67–68; Галинская 2002: 178].

На вероятное произношение твердого согласного *|в|* на конце слова может указывать написание слова *кровь* 282в.

3.3.

Диалектные черты, одинаковые в частях, переписанных обоими писцами, указывают на их происхождение с запада восточнославянской территории, где была написана вторая половина ХК. При этом в части, принадлежащей второму писцу,

¹⁶ Особо следует сказать о словах с *ѣ* на месте *а*: у второго писца *свѣзавшемса* 249а, *стѣжанье* 250б, *истѣзати* 264а, *грѣдѣть* 262а, в *костѣнтини оубо гра*^д 269а, у первого писца *мѣтежа* 214в. На первый взгляд такие словоформы кажутся признаком южнославянской (среднеболгарской) орфографии. Но, во-первых, *ѣ* на месте *а* вне безударного слога не обнаружен; во-вторых, есть слова с *е* в той же позиции: *посегають* 263б, *истезати* 272б, *истезающи* 270в, *плесанье* 284а. Поэтому приведенные примеры, скорее всего, также отражают особенности вокализма предупредного слога, в котором *ѣ* написан вместо *е*.

¹⁷ Такие написания не являются чем-то исключительным. Словоформы с *полог-* отмечаются в других памятниках; см. [Соболевский 2004б: 77]. Существительное *покаяние* регулярно пишет книжник, переписавший молитвы Кирилла Туровского в Молитвеннике XVI в. (РГБ, ф. 113, № 405, лл. 46–140). В словах *токова* 245а, *токовыа* 248г, *никокова* 246а, *кросоты* 250а, *сомого* 251г *о* на месте *а* может быть не только гиперкорректным написанием, но и предвосхищением буквы из соседнего слога.

Иногда *о* на месте *а* написано в ударной позиции (*вбвоникѣ*^М 245а, *прозвоша* 243г, *вброзъ* 240г — на западе ожидалось бы ударение *вбрáзъ*) и исправлено на *а* (*по/агѣнѣши*^М 261г, *по/агѣвы* 262а, *инно/ако* 261а).

диалектные особенности отражены в большем объеме, чем в тексте первого переписчика.

Оба книжника принадлежали к одному скрипторию и могли быть учителем и учеником или учениками одного учителя. Многочисленные диалектизмы сопровождают некоторые черты среднеболгарской орфографии. У первого писца это написание **а** в соответствии с [ja], обычно маркированное неиктусной оксией, и южнославянский тип написания сочетания редуцированного с плавным; у второго — употребление **ж**.

У обоих писцов второй части ХК представлены относительно устойчивые написания с буквой **-о-** глаголов **-лагати**, **припадат** и существительного **покавание**, что связано с особенностями вокализма предударных слогов, то есть гиперкорректное отражение на письме фонетического явления отчасти было закреплено за определенными лексемами.

4.

Появление **-е** вместо **-а** у обоих писцов второй части ХК отмечается именно в отглагольных именах существительных ср. р. на **-(е)ниј-** и **-иј-**, то есть после [j] и в открытом слоге¹⁸. Основной формой, где представлена такая мена, является форма родительного падежа ед. ч., которая в таком случае становится омонимичной форме винительного падежа (Р = В). Таким образом, в ХК произношение [e] вместо [a] и написание **е** вместо **а** оказывается связанным с большой группой книжных слов определенного словообразовательного класса и определенной морфологической структуры. Возможно, для обоих писцов правильная форма родительного падежа ед. ч. на **-а** и фонетически обусловленная форма на **-е** были равнозначны и одинаково употребительны, то есть имела место тенденция к грамматикализации формы Р = В отглагольных существительных ср. р. на **-(е)ниј-** и **-иј-**, которая выступала как гиперкорректная. Ср. приведенные выше написания с буквой **-о-** глаголов **-лагати**, **припадат** и существительного **покавание**, связанные с особенностями вокализма предударных слогов.

5.

Написание **-е** вместо **-а** в соответствии с [e] вместо [a] ожидается также в еще одной форме отглагольных существительных — в именительном падеже мн. ч., омонимичном родительному падежу ед. ч. Однако такие случаи в ХК встречаются редко: **запрещеніе... повелѣна выша** 178б, **днѣна има дарованье** 217а, **притажанье вбраціотса прилежаца** 189б.

Примеров написания **-а** вместо **-е** в соответствии с [a] вместо [e], которые отражают все то же фонетическое явление, также немного, хотя форм имени-

¹⁸ Как кажется, оно не отмечается под ударением в других словах, которые приводил А. И. Соболевский из западных малорусских, южновеликорусских и близких к ним малорусских говоров. Осторожность в отношении отражения этого фонетического явления в других словах обусловлена многочисленными ошибками обоих книжников, о которых уже говорилось выше.

тельного и винительного падежей ед. ч. отглагольных существительных в Кормчей не так мало: на поставлѣньѧ еппа 193б (на поставленіе еппа АК 254 об.), монастырское строеньѧ 204 (монастырское строеніе АК 269), свое пришествіа назнаменѧ 238б (свое пришествіе... АК 317 об.), къ словѣ възѧ оудиненыѧ 241б (... възѧ оудиненіе АК 322), дивскорова шещеньѧ прилагоють 242в (дѣвскорова шещеніе... АК 324), пришедѣньѧ вываеть 184г (прѣшеденіе вываеть АК 244), тако^ж дѣти има^т на съблюдѣньѧ 272г (такоже дѣти имать на съблюденіе АК 372 об.)¹⁹.

Видимо, двойственностью форм отглагольных существительных, закрепившейся в узусе писцов, можно объяснить вѣжтное прѣданьѧ 213б (вѣжтвнѧ прѣданіа АК 281 об.). Иногда писец колеблется в выборе написания: имѣньѧѧ же еѧ оубо раздѣлитсѧ 205в (возможно иное прочтение фразы писцом: имѣньѧѧ еже еѧ...; ср. АК 271 имѣніе же еѧ оубо раздѣлитсѧ).

Таким образом, у обоих книжников преобладает -ѣ вместо -а; обратная замена -ѣ на -а встречается эпизодически.

6.

Форма Р=В отглагольных существительных в ХК актуальна еще для двух случаев, когда вместо родительного употребляется формальный винительный падеж.

Первый случай — это конструкции с отрицанием. При обычной форме родительного падежа при отрицании (не имать кто наречениа 264 г и др.) в рукописи имеются примеры, в которых отглагольное существительное формально употреблено в винительном падеже: нѣ^ѣ всоуженіе достоенѣ 176г, безаконіе же не створилѣ ѣ^ѣ 178в, не принме^т избавленье 210б, да не призовѣтъ врачеванье 225в, покааніе не приемлю^т 234в. Однозначно утверждать, что в ХК при отрицании употреблен винительный падеж, не следует, поскольку есть такие же конструкции с очевидным отражением |e| вместо |a|: не пологати братѣ претыканіе или съблазна 178г, не створатѣ насаженнаго оуправленье 185а, вставленаго емоу притаженье не доваѣти 186г.

Второй случай — употребление формального винительного падежа при глаголе, управлявшем родительным падежом²⁰: ѡрицати мѣрты^ѣ воскрньѣ 230б, мѣрты^ѣ въскрньѣ ѡмещюще^ѣ 230г, ѡмещеть же еѧ мѣрты^ѣ воскрньѣ 232б, въскрньѣ ѡмѣщюшесѧ 232б. Ср. обычную форму винительного падежа при глаголах без -ся: плоти же въскрньѣ ѡмѣщють 232г, маркіане въскрньѣ плоти ѡмещю^т 233а, мѣрты^ѣ въскрньѣ ѡмещють 234в, плѣти воскрнѣ ѡмещюще 234г, ѡрицанье же ѡмѣтаеть 235в.

¹⁹ Ср. высказывание Н. М. Каринского: «... выделяется ряд таких случаев в неударяемых конечных открытых слогах, где писцы псковских рукописей, по-видимому, меняли е и я (а) совершенно произвольно. Сопоставим: род. ед. *ицѣленіе* и вин. ед. *прѣбываніа* <...>». [Каринский 1909: 153–154].

²⁰ См. [СДЯ: 254, 278–279].

Вероятнее всего, и в этих случаях Р = В отглагольных существительных в ХК является следствием отражения фонетического явления. Однако в конструкциях с отрицанием нельзя полностью исключить процесс замены одной падежной формы другой.

7.

Во второй части ХК, написанной на западе восточнославянской территории, около половины употреблений родительного падежа отглагольных существительных на *-(e)ниј-* и *-иј-* составляют формы, совпадающие с винительным падежом. То, что Р = В используют в большом количестве сразу два писца, позволяет считать такие написания, изначально отражавшие фонетическое явление, вариативной (гиперкорректной) формой родительного падежа слов определенного класса, вошедшей в узус обоих писцов рукописи. Р = В имеется и в других письменных источниках XII–XVII вв., однако немногочисленные примеры свидетельствуют о том, что в них формы типа *ѿ имѣньє* лишь передают |e| на месте |a| после |j| в конечном открытом слоге.

В переписанном двумя книжниками тексте ХК представлены некоторые особенности среднеболгарской орфографии (написание *а* в соответствии с [ja], обычно маркированное неиктусной оксией, южнославянский тип написания сочетания редуцированного с плавным и употребление *ж*), что указывает на знание книжной письменной культуры своего времени — при наличии у каждого писца многочисленных западных диалектных черт. Таким образом, формы Р = В отглагольных существительных преимущественно встречаются в книжных письменных источниках западного и северо-западного происхождения. Насколько широко было распространено это явление в восточнославянских диалектах и оставалось ли *-ѣ* вместо *-а* в родительном падеже отглагольных существительных в других источниках только отражением |a| → |e| или же меняло статус на грамматический, покажут дальнейшие исследования русских рукописей разного времени.

Словари и источники

АК — Арадская кормчая, ркп. Арадского епископства (Румыния), № 21, XV в.

НК — Новгородская кормчая, ркп. ОР ГИМ, Синодальное собр., № 132, 1282 г.

ПК — Погодинская кормчая, ркп. ОР РНБ, собр. Погодина, № 234, к. XVI в.

СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Т. VI. М., 2000.

Син-392 — ркп. РГАДА, собр. Синодальной типографии, ф. 381, № 392. XVII в.

ТК — Тихомировская кормчая, ркп. ГПНТБ СО РАН, Тихом. Р-539. XV в. и XVI в.

ХК — Харьковская кормчая, ркп. Харьковского исторического музея, инв. № 21129, сер. XV в. (первая часть рукописи) и рубеж XV–XVI вв. (вторая часть рукописи).

Литература

- Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. I. М.: Алетейя, 2001.
- Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1–336.
- Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 2. Описание редакций. М.—СПб., 2017.
- Соболевский А. И. Галицко-волынское наречие в XII–XV веках // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004а. С. 1–117.
- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004б. С. 1–299.
- Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.

Irina I. Makeeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
irinamakeeva2007@mail.ru*

SOME OBSERVATIONS ON THE GENITIVE OF VERBAL NOUNS IN 15th–16th CENTURY-MANUSCRIPT FROM WESTERN RUSSIA

There are numerous forms of the genitive case of verbal nouns in the 15th–16th century *Kormčaya* from Kharkov that coincide with the accusative case (Gen = Acc): *безъ обшченіе, от своего імѣнје, чѣну избавленје*. Such forms with the ending *-e* instead of *-a* reflect the phonetic phenomenon — |e| instead of |a|, or rather |a| → |e| in the final open syllable after |j|. Both scribes of the Kharkov *Kormčaya* use Gen = Acc of verbal nouns on a par with the usual genitive form. Therefore, we may assume that the phonetic phenomenon was fixed in a particular grammatical form of nouns of one class and P = V became a variant mainly used by scribes and entered the usus. Gen = Acc of verbal nouns is found in other manuscripts of XII–XVII centuries; usually there is only a small number of these forms, and they reflect |e| instead of |a|. The exceptions are the manuscripts of Pskov of the 15th century, which was described by N. M. Karinsky. The Kharkov *Kormčaya* was also written in the western part of the East Slavic territory; the manuscript

contains numerous western dialectal features. Thus, the Gen = Acc of verbal nouns is predominantly found in manuscripts of Western and Northwestern origin.

Keywords: early Russian version of *Kormčaya*, Kharkov *Kormčaya*, Old Russian language, verbal nouns, genitive case

References

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. (In Russ.)

Galchenko M. G. Knizhnaya kultura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevney Rusi. Izbrannye raboty. *Trudy Tsentralnogo muzeya drevnerusskoy kultury i iskusstva im. Andrey Rubleva. I*. Moscow, “Aleteyya” Publ., 2001. (In Russ.)

Korogodina M. V. *Kormchie knigi XIV — pervoy poloviny XVII veka. T. 2. Opisaniye redaktsiy*. Moscow; St. Petersburg, “Alyans-Arkheo” Publ., 2017. (In Russ.)

Shchapov Ya. N. *Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI — XIII vv.* Moscow, “Nauka” Publ., 1978. (In Russ.)

М. О. Новак

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mariaonovak@gmail.com

«ПАНОВЕ / ПАНЫ РАДА» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: СОСТОЯЛАСЬ ЛИ ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ?

Странно читать в русских летописях выражение пан-рада. Рада значит совет, и наши историки называли членов Совета Польского господин совет.

Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (примечания)

В статье обсуждается грамматическая специфика полонизма *панове / паны рада* ‘члены княжеского / королевского совета, сенаторы’ в истории русского языка на материале источников XVI–XVII и XX–XXI вв., словарных и корпусных данных (НКРЯ, Национальный корпус польского языка). Описываются падежные формы, взаимодействие с контекстным окружением, особенности графического оформления. Выявлено широкое варьирование форм словоизменения и синтаксических связей в диахронии, поддерживаемое различием грамматических характеристик компонентов устойчивого словосочетания и наблюдаемое как в языке-источнике, так и в заимствовании. Для старорусского периода основным динамическим моментом является замена первого элемента *панове* формой *паны* в номинативе, что означает эмансипацию от языка-источника. Общей для старорусского и современного русского узуса тенденцией автор считает стремление сгладить синтаксическое напряжение между сингулярным и плюральным началом в словосочетании, что обуславливает переосмысление последнего как конструкции с генитивом, а также ведет к появлению инверсий и вариантов с одним падежно-неизменяемым компонентом, типа *рада панов, пана-рада*. Современное употребление (включая графическое оформление) не отличается упорядоченностью, вариации могут иметь место в одном и том же тексте, отчего приходится говорить о неполной освоенности исследуемого словосочетания.

Ключевые слова: история русского языка, заимствования, грамматика, адаптация

Общие замечания

Словосочетание *pan rada* ‘советник, член княжеского / королевского совета, сенатор’, пришедшее в актовый язык Московской Руси из польского через языковое пространство простой мовы во второй половине XVI в. [Гарбуль 2014: 110–111],

продолжает функционировать в русском языке как историзм, отсылающий к эпохе взаимодействия Московии с Великим княжеством Литовским (ВКЛ) и Речью Посполитой; при этом более употребительна плюральная форма *панове / паны рада* (*panowie rada*) ‘княжеский / королевский совет, сенаторы’, которой и посвящена данная статья.

В эпиграфе приведено показательное высказывание носителя обоих языков, интуитивно ощутившего «странность», которая определяется контрастом грамматических параметров в сочетании: конкретное существительное мужского рода выступает как в единственном, так и во множественном числе; его приложение — существительное женского рода со значением ‘собрание советников’ — тяготеет к собирательности. Это обстоятельство провоцирует широкую деклинационную вариативность в словосочетании и делает его чрезвычайно интересным для историко-лингвистического анализа; до сих пор, насколько известно, оно не изучалось должным образом.

Ниже основное внимание будет уделено грамматике словосочетания, от узуса старорусских текстов XVI–XVII вв. до настоящего времени, на фоне данных польского языка. Варьирование форм словоизменения и синтаксических связей наблюдается как в языке-источнике, так и в заимствовании, например: ИП *panowie rada*, *panowie rady* // *панове / паны рада*, *панове / паны рады*; ДП *panom radom*, *panam radam* // *паномъ радомъ*, *панамъ радамъ*; ТП *z Pany Radami*, *z Panami Radami* // *съ паны радами*, *съ панами радами*. Описание разнообразного словоизменительного и синтаксического поведения позволит выявить факторы грамматического варьирования и динамику адаптации полонизма на русской почве. При анализе современного узуса будут учитываться и графические моменты: использование заглавных букв, дефисного написания, кавычек.

Материал исследования — данные НКРЯ, извлеченные посредством панхронического поиска (за исключением полоцких источников самого начала XVI в., которые принадлежат скорее истории белорусского, чем русского языка), и ресурса Google Scholar (выбор библиотеки продиктован тем, что, будучи историзмом, «герой» нашей статьи фигурирует именно в русскоязычных научных текстах). Корпусные данные дополнены сплошной выборкой из источников, способных продемонстрировать развитие ситуации на протяжении столетия: это сборники дипломатических документов «Памятники дипломатических сношений с Римскою империею», т. I (с 1576 по 1594 г.; далее Рим.Имп.д. I) и «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. 3 (с 1638 по 1653 г.; далее АЮЗР III). В базе Google Scholar просмотрено 55 публикаций (две — второй половины XX в., остальные — 2001–2022), в которых с разной частотой употребляется интересующая нас единица. Данные XVIII–XIX вв. игнорируются, поскольку в тот период обсуждаемое сочетание возникало преимущественно в публикациях и цитировании источников более раннего времени. Для сопоставления используются данные “Słownika polszczyzny XVI wieku” [Słownik 2011] и Национального корпуса польского языка [NKJP].

Дальнейшее изложение строится следующим образом: данные по каждой падежной позиции обобщаются в таблице, которая затем комментируется. Отдельно

обсуждаются вопросы согласования сочетания с адъективами, координации с глагольными предикатами, а также вопросы графического оформления в современных текстах. В рамках количественного анализа графические вариации не учитываются.

Именительный падеж

период	польский	старорусский	совр. русский
вт. пол. XVI в.	panowie rada panowie rady	паны рады панове рада панове рады	
перв. пол. XVII в.		паны рада рады панове	
вт. пол. XX в. — 2020-е гг.	Panowie Rada		паны-рада Паны Рады паны-рады рада панов Рада Панов «Паны-Рады» «паны — рада» Панове рада паны рад пана-рада

Мы видим, что в XVII в. исчезает из широкого употребления компонент *панове* (хотя в АЮЗР III он может присутствовать в других сочетаниях: *панове сенаторѣ/-ы*, *панове гетмани/-ы*); в XVI в. он еще конкурентоспособен, хотя количественно уступает варианту *паны*. Так, в послании Ивана IV Стефану Баторию 1581 г. (по данным НКРЯ) восемь употреблений *панове рада*, семь — *паны рада*. В Рим.Имп.д. I употреблений ИП с *панове* — девять, с *паны* — более 50. Единственное употребление, зафиксированное для XVII в., находится не в дипломатических источниках, но в «Истории семи мудрецов», образце переводной назидательной беллетристики: *О преизящные мои рады нашея панове* [НКРЯ]. К синтаксической позиции компонентов сочетания мы обратимся чуть ниже.

Относительно компонента *рада* можно заметить следующее. Варьирование *rada / rady*, *рада/рады* наблюдается как в польском, так и в старорусском (при преобладании варианта на *-a*) и говорит о способности второго компонента функционировать и как собирательное существительное, и как единичное во множественном числе. Последняя поддерживается, очевидно, сингулярной формой *pan rada / панъ рада* '(один) советник', а также широко распространенным синонимичным сочетанием *пан(ъ) радный / радный пан(ъ)* (польск. *pan radny, radny pan*). Например: *posłalem z rad fwoych yednego pana fwego* [Słownik 2011: 57] / *om* велеможнаго *пана рады* (Московский летописец 1635–1645 [НКРЯ]); *iesli ktory radny Pan odiechal* [Słownik 2011: 63] / *a панъ радной коруны Полскіе, воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ* (Наказная речь царских послов, князя И. М. Барятинского и дьяка Г. Богданова 1613.11.12 [НКРЯ]). Эта гибкость ведет к переосмыслению синтаксических отношений внутри сочетания: в единственном числе второй компонент

функционирует как приложение, но его плюральная форма начинает интерпретироваться как генитив единственного числа — *паны (чего?) рады*; на эту возможность указывает уже процитированная конструкция из «Истории семи мудрецов» *рады нашея панове*, демонстрирующая как инверсию компонентов, так и родительный падеж (*рады нашея*). Такое понимание устраняет синтаксическую двусмысленность, поразившую в свое время Ф. Булгарина: собирательное приложение теряет этот статус и становится управляемым словом.

Немаловажной представляется ранняя способность компонентов сочетания оказываться в дистантной позиции, что способствует их дальнейшей эмансипации: *паны бы / бь рада* (Рим.Имп.д. I, 1588 г.), *паны бь рада*, *паны де рада* (АЮЗР III, 1649 г.).

Современные русские тексты идут по пути синтаксической трансформации еще дальше, используя инверсию с генитивом *рада панов*, отражающую полную смену ролей компонентов. Вообще, узус последних двух десятилетий весьма разнообразен (особенно на фоне языка-источника, где историческое наименование сохраняется без вариаций) и показывает две степени освоенности словосочетания: с одной стороны, это своего рода присвоение и воспроизведение языка исторических источников — отсюда наиболее частотные варианты *паны рада*, *паны рады* и архаичное *Панове рада*. С другой стороны, это установление дистанции, которую отражают специальные пояснения, например: «...паны Рады (совет знати) стали обладать широкими правами в решении наиболее важных государственных вопросов» [Бибило 2015: 91]. Отношение к словосочетанию как к исторически маркированному термину ведет к появлению таких эксцессов, как *пана-рада* (к ним мы еще вернемся при обсуждении форм косвенных падежей). Интересна форма *паны рад*, представляющая дальнейшее преобразование второго компонента и полное подчинение его собирательного начала плюральному: «В свою очередь, в письмах, где бояре и *паны рад* обсуждали...» [Бачинский и др. 2018: 114]. Кроме того, разнообразие создают и графические варианты, о функциях которых речь пойдет ниже, после обзора падежных форм.

Винительный падеж

период	польский	старорусский	совр. русский
вт. пол. XVI в.	(przez) Pany Rady	(А напоминаемъ васъ) пановъ радъ	
перв. пол. XVII в.		(за всех) панов рады (королевской) пановъ радъ	
вт. пол. XX в. — 2020-е гг.	panów radę		(в, на) паны-раду (склонить) панов рады (называют) панов-рады панов-раду раду панов

Формы аккузатива интересны отражением категории одушевленности. В ранней польской фиксации отсутствует омонимия с родительным падежом (*przez Pany Rady*), тогда как старорусские тексты ее уже представляют. При этом употребление

XVII в. снова демонстрирует распад прежней конструкции с приложением и управление генитивом: *за всех панов рады королевской* (Бельский летописец 1630–1635) [НКРЯ].

Таблица демонстрирует и тенденцию к увеличению числа вариантов в современном русском узусе. Преобладает склонение обоих компонентов в ВП — пять случаев *панов раду* при трех *панов рады*. Это предпочтение совпадает с современным польским употреблением *panów radę* (заметим, что *panowie rada*, по данным НКЯР, функционирует в современном польском как историзм, тогда как словосочетания *pan radny*, *radny pan* сохраняют актуальность в значении ‘член органа местного самоуправления, депутат совета’). Кроме того, возможен и вариант *раду панов* — с порядком компонентов, который мы наблюдали и в номинативе.

Родительный падеж

период	польский	старорусский	совр. русский
вт. пол. XVI в.	Pánów Rad	пановъ рады пановъ радъ	
перв. пол. XVII в.		пановъ радъ пановъ рады	
вт. пол. XX в. — 2020-е гг.	panów rad panów rady		панов Рады панов-рады панов-рад панов рад паны-рады панов-рада Рады панов

Основная конкуренция в родительном падеже, в истории как польского, так и русского узуса, происходит между формами *panów rad / panów rady*, *пановъ радъ / пановъ рады*. При этом в наиболее ранний период в польском отмечается только форма *panów rad*, однако в современных текстах, по корпусным данным, она значительно уступает сочетанию *panów rady* (соответственно, 4 и 24 случая). В истории русского языка также обнаруживается отчетливая динамика: в XVI–XVII вв. преобладает сочетание *пановъ радъ* (55 употреблений при шести *пановъ рады*), в современном узусе — наоборот (*панов рады* — 57, *панов рад* — 5). Это та же тенденция к переосмыслению связей в конструкции, которую мы видели в номинативе.

В родительном падеже также возможна дистантная позиция компонентов сочетания, ср.: *а у пановъ деи у радъ не бываль* (Рим.Имп.д. I, 1588 г.)

Небезынтересны редкие варианты *паны-рады* (встречается не единожды и у разных авторов) и *панов-рада*, демонстрирующие тенденцию к неизменяемости одного из компонентов, очевидную в контексте: *в руки панов-рада, у литовской паны-рады, со стороны «паны-рады»*. Такие решения вызваны, по-видимому, тем, что современные историки, работая с источниками, продолжают чувствовать старинную синтаксическую «странность» и стремятся преодолеть ее, каждый в меру своих представлений о возможностях русской грамматики.

Дательный падеж

период	польский	старорусский	совр. русский
вт. пол. XVI в.	panom radom panam Radam	(къ) паномъ радамъ (къ) панамъ радамъ паномъ радомъ	
перв. пол. XVII в.		(къ) паномъ радѣ панамъ радамъ	
вт. пол. XX в. — 2020-е гг.	Panom Radom		(к) панам Рады панам-рады панам-раде (к) панам раде Панам Раде «панам-раде»

Формы датива интересны возможностью обобщения окончаний у компонентов словосочетания. В ранний период и в среднепольском, и в старорусском можно наблюдать унификацию как по мужскому, так и по женскому склонению. В XVI в. преобладает (*къ*) *паномъ радамъ*, сохраняющее исконные окончания (ДП отмечен только в Рим.имп.д. I — 48 случаев при пяти (*къ*) *панамъ радамъ* и одном *паномъ радомъ*). Так или иначе, в этих вариантах главенствует параметр множественности. XVII в. представляет новое предпочтение — (*къ*) *паномъ радѣ* (31 случай при одном *панамъ радамъ*), в котором собирательное значение выходит на первый план.

В современном русском узусе предсказуемо появляется вариант с генитивом *панам рады*, несколько менее частотный, чем усвоенное из языка источников *панам раде*. Интересен случай «В посланиях, адресованных *отдельным панам раде*» [Бачинский и др. 2018: 122], где подчеркивается «единичность панов», но вместе с тем сохраняется и изначальная собирательность.

Творительный падеж

период	польский	старорусский	совр. русский
вт. пол. XVI в.	z rány Rádami z Panami Radami	(съ всѣми) паны рады (своея) (съ) паны радами съ паны (съ) радою съ панами радами съ паны рады	
перв. пол. XVII в.		(пред всѣми) паны рады (твоея) съ паны радами съ паны радою съ паны рады съ панами радами	
вт. пол. XX в. — 2020-е гг.	Panami rady		(с, между) панами Рады (с, перед) панами-радой с панами-радами с паны-радой с «панами-рады»

В творительном падеже также наблюдается широкая вариативность на русской почве, отражающая обобщение флексий во множественном числе (*панами радами*), возникновение в сочетании генитива (*паны рады*), восстановление единственного числа у компонента *рада* (*паны радою / радой*). В XVI в. преобладает форма с исконными окончаниями (*сь*) *паны радами* (14 случаев при единичных остальных), в XVII — (*сь*) *паны рады* (26 случаев при восьми *паны радою*, пяти *паны радами*, четырех *панами радами*), что в очередной раз отражает тенденцию к предпочтению недвуслысленной конструкции с генитивом.

В современных текстах наблюдается своего рода баланс между первоначальной конструкцией с собирательным существительным и преобразованной с генитивом: форма *панами радой* лидирует лишь с минимальным перевесом — 14 случаев при 13 *панами рады* и единичными случаями употребления остальных вариантов.

Предложный падеж

Формы предложного падежа с локативной и изъяснительной семантикой настолько редки, что нет смысла помещать их в таблицу, однако они небезынтересны и заслуживают краткого комментария. В старорусских источниках предложный падеж вообще не встречен. Современные тексты представляют все те же попытки уйти в локативе от изначальной «странности», какие мы уже наблюдали в других падежах, путем создания конструкций с генитивом и инверсией компонентов: *в государственном органе — Панов Раде; при Раде Панов*. Изъяснительная семантика реализуется в сочетании со вторым компонентом в единственном числе: *о Панах раде*.

Завершая обзор падежных позиций, следует отметить важное обстоятельство: колебания узуса могут происходить в пределах одного текста у одного и того же автора. Так, в статье [Груша 2008] встречаем варианты ТП *с панами-радами* и *с панами-радой*; в статье [Ерусалимский 2011] — *панов рады, панов рад*, а также *панов радных* для РП. Это характерно для авторов, наиболее серьезно работающих с историческими источниками, так что вариативность последних, по-видимому, не оставляет сами научные тексты без своего влияния.

Согласование словосочетания с адъективами

Синтаксический момент, обозначенный в подзаголовке, показывает соотношение сингулярного и плюрального начал в обсуждаемом словосочетании и проявляет себя в разных падежных позициях.

Конкуренция адъективных форм в единственном и множественном числе имеет место как в среднепольском, так и в старорусском языке, причем ее можно увидеть в документах, датированных одним и тем же годом: *panowie rada nafchi duchowni u fwieczczy, panowie Rada nafza dvchowna u swyeczka* [Słownik 2011: 54]; *паны рада Полская и Литовская, паны рада Полские съ Литовскими* (Рим.Имп.д. I, 1588 г.); *паны рада духовная и свѣтцкая* (Наказная речь царских послгов, князя И. М. Бярятинского и дьяка Г. Богданова, 1606 [НКРЯ]), *къ паномъ радѣ къ полскимъ и къ литовскимъ* (Грамота царя Василия Ивановича к датскому королю Христиану IV, 1606 [НКРЯ]); *паны рада корунные и Литовские* (АЮЗР III, 1649 г.).

В современном узусе такую же конкуренцию можно наблюдать в текстах одних и тех же авторов: *панов-рады господарской, заседания самих панов-рады* [Петкевич 2006: 318]; *литовским панам-рады* [Пенской, Пенская 2015а: 347], *у литовской паны-рады* [Пенской, Пенская 2015б: 61]. Все это говорит о том, что отчетливый выбор между сингулярно-собирабельным либо плюральным началом так и не сделан.

Координация словосочетания с предикатами

При обсуждаемом словосочетании употреблялись и употребляются, как правило, глагольные сказуемые во множественном числе. Ср. в среднепольском: *najchi duchowni u fwieczczy przisiagamy myletu bogu, byly panowie Rada najza dvchowna u swyczka* [Słownik 2011: 54]; в старорусском: *что твои паны рада говорили нашимъ посломъ* (послание Ивана IV Стефану Баторию 1581 [НКРЯ]), *велятъ паны рада быти ему гонцу у себя* (АЮЗР III, 1649 г.); в современном русском: «<...> столь важные государственные дела *готовили паны рады*» [Беспалов 2019: 33] и т. п.

Единственное употребление противоположного характера, которое удалось обнаружить и которое выводит на первый план сингулярно-собирабельное начало, — совсем недавнее: «В Сейме ВКЛ *Паны-Рада* проводила решения, в основном манипулируя мнением большинства шляхты» [Беляев 2022: 58].

Графическое оформление словосочетания в современном узусе

Графические средства, которые важно прокомментировать в связи с путями адаптации словосочетания, — кавычки, заглавные буквы, дефисные написания. Кавычки служат таким же средством установления дистанции, как и поясняющие комментарии, о которых уже говорилось выше. Для некоторых авторов это может быть не только понятийно-историческим, но и грамматическим дистанцированием от странного (согласно их языковой интуиции) синтаксического экзотизма, например: «<...> здесь установилась традиция ограничения великокняжеской власти со стороны “паны-рады” и сейма» [Марченкова 2020: 63].

Посредством заглавных букв некоторые авторы подчеркивают официальный характер названия княжеского / королевского совета. Дефис призван обеспечить синтаксическое единство приложения с определяемым словом. Подчеркнем, что употребление заглавных букв и дефиса может быть непоследовательным даже в пределах одной статьи, ср.: «Письма Ивана Грозного от лица бояр *панам раде*» [Бачинский и др. 2018: 117], но «в том числе, в письмах *Панам раде*» [Там же: 123]; «великий князь *с панами радой*», «его власть к моменту появления Статута была значительным образом ограничена *панами-радой*» [Довнар 2013: 65–66]. Эта непоследовательность, как и многие другие моменты, рассмотренные выше, говорит о шаткости нормы в отношении нашего словосочетания.

Выводы

Анализ словоизменительных параметров и синтаксического «поведения» словосочетания *панове / паны рада* в истории русского языка позволяет сделать следующие выводы общего характера.

1. Сопоставление данных источников второй половины XVI — первой половины XVII в. демонстрирует постепенный отказ от формы *панове*, отсылающей к языку-источнику, и замену ее в именительном падеже формой *паны*.

2. Общей исторической тенденцией можно назвать попытку ухода от двусмысленности («странности»), создаваемой конфликтом двух начал в конструкции — плюрального (конкретное *панове/паны*) и сингулярного (собирательное *рада*).

3. Уже в старорусском употреблении начинает формироваться новая синтаксическая связь, в рамках которой плюральная форма второго компонента *рады* понимается как форма генитива. Эта новая конструкция с течением времени упрощает свои позиции.

4. Современное русское употребление заходит в трансформации словосочетания довольно далеко, так что становится возможной инверсия *рада панов*, а также варианты *пана-рада* и *панов-рада*, демонстрирующие тенденцию к неизменяемости одного из компонентов.

5. Употребление словосочетания в статусе историзма в современных русских научных текстах не отличается нормативной строгостью; колебания в падежных формах компонентов сочетания, связях в контексте и графическом оформлении можно объяснить либо влиянием узуса исторических источников, либо, наоборот, дистанцированием от последнего. В любом случае, на вопрос о завершении грамматической адаптации словосочетания в русском языке следует дать отрицательный ответ.

Источники и словари

АЮЗР III — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1861. 1638–1657 гг.

Бачинский и др. 2018 — Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Кочеконская Н. А., Моисеев М. В. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111–129.

Беляев 2022 — Беляев М. П. Речь Посполитая: государство или союз государств? // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского / Общ. ред. Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. Саратов, 2022. С. 56–60.

Беспалов 2019 — Беспалов Р. А. О датировке докончания князя Федора Львовича Воротынского с великим князем Литовским Казимиром // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3. С. 31–42.

Бибилло 2015 — Бибилло В. Н. Политические и правовые аспекты Статута Великого Княжества Литовского 1529 г. // Право и демократия: сб. науч. трудов. Вып. 26. Минск, 2015. С. 90–107.

Груша 2008 — Груша А. И. «Просите, и дано будет вам» (Мф.7:7): еще раз к вопросу о «заочных» листах канцелярии Великого княжества Литовского // Соціум: альманах соціальної історії. Вип. 1 (2002). Київ, 2008. С. 255–279.

Довнар 2013 — Довнар Т. И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом княжестве Литовском в XVI в. // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник науч. трудов. Вып. второй. Минск, 2013. С. 65–99.

Ерусалимский 2011 — Ерусалимский К. Ю. Nazione Moschus: идентичность выходцев из Российского государства в Речи Посполитой XVI — начала XVII в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 14 (76). 2011. С. 326–352.

Марченкова 2020 — Марченкова Е. Е. Детерминанты социокультурного развития Беларуси польско-литовского периода // Эпомен. № 40. 2020. С. 59–73.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Панхронический корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggTMAE%3D> (дата обращения 29.12.2022)

Пенской, Пенская 2015а — Пенской В. В., Пенская Т. М. «Исланова стравка» // Золотоордынская цивилизация. № 8. 2015. С. 345–356.

Пенской, Пенская 2015б — Пенской В. В., Пенская Т. М. «Смоленщины» начала XVI века // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV–XVII вв. 2015. С. 35–93.

Петкевич 2006 — Петкевич К. Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 304–334.

Рим.Имп.д. I — Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. I (с 1488 по 1594 гг.). СПб., 1851.

НКJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl> (дата обращения 23.12.2022)

Słownik 2011 — Słownik polszczyzny XVI wieku. Tom XXXV. Q — Rowny. Warszawa, 2011.

Литература

Гарбуль Л. П. Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2014.

Maria O. Novak

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

mariaonovak@gmail.com

‘PANOVE / PANY RADA’ IN THE HISTORY OF RUSSIAN: WAS THE GRAMMAR ADAPTATION SUCCESSFUL?

The article discusses the grammatical specificity of a borrowing from Polish *panowe / pany rada* ‘members of a princely/royal council, senators’ in the history of the Russian language. The paper is based on the sources from the 16th–17th and

20th–21st centuries, vocabulary and corpus data (National Russian Corpus, National Corpus of Polish). The author describes case forms, interaction with the contextual environment, and features of graphic design. The study reveals a wide variation in the forms of inflection and syntactic connections in diachrony supported by the difference in the grammatical characteristics of the components and observed both in the source language and in the borrowing. In the Mid-Russian period, the main dynamic moment is the replacement of the first component *panove* by the form *pany* in the nominative, which indicates the emancipation from the source language. The author considers the common tendency for the Mid-Russian and modern Russian usage to be the desire to smooth out the syntactic tension between the singular and plural element in the phrase. It leads to rethinking the latter as a construction with a genitive and to the appearance of inversions and variants with one case-invariant component, such as *rada panov*, *pan-rada* as well. Modern usage (including graphic design) is not distinguished by orderliness, variations can occur in the same text, which is why one has to talk about the incomplete adaptation of the phrase under study.

Keywords: Russian language history, loanwords, grammar, adaptation

References

Garbul' L. P. *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom yazyke pervoi poloviny XVII veka*. Vil'nyus, Izdatel'stvo Vil'nyusskogo universiteta, 2014. (In Russ.)

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mitrius@gmail.com

ПАНХРОНИЧЕСКИЙ КОРПУС: ИНТЕГРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ КОРПУСНЫХ РЕСУРСОВ*

В статье идет речь о панхроническом корпусе в составе Национального корпуса русского языка, объединяющем поиск по нескольким уже существующим корпусам текстов — древнерусскому, старорусскому, корпусу берестяных грамот и основному. Таким образом, создан единый поиск с одним запросом, охватывающий историю (древне)русского языка на протяжении тысячелетия. Основные препятствия на пути создания такого корпуса — расхождения между орфографией, фонетическим составом и морфологическим принципом выделения лемм в разных корпусах, а также не полностью совместимая разметка грамматических явлений. В статье описано, каким образом эти форматы удалось частично унифицировать, не утрачивая в то же время функционала отдельных корпусов. Приводятся также иллюстрации поиска по панхроническому корпусу, применимые не только для исследования грамматических процессов в синхронии и диахронии, но и для литературоведческих / текстологических и исторических задач.

Ключевые слова: панхронический корпус, древнерусский язык, старорусский / среднерусский язык, современный русский язык, лемматизация, морфологическая разметка, большая диахрония

1. Панхронический корпус на фоне диахронических корпусов

В сборнике под названием «Грамматические процессы в синхронии и диахронии» уместен рассказ об инструменте, интегрирующем ранее уже существовавшие корпусные ресурсы в единый диахронический поиск охватом в тысячелетие. Речь идет о четырех корпусах в составе Национального корпуса русского языка, — древнерусском, корпусе берестяных грамот, старорусском и основном, — каждый

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда: проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования», предоставлен Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики».

из которых, вообще говоря, тоже является диахроническим: во все эти корпуса входят тексты не менее чем за 300 лет, то есть за период, в течение которого язык меняется очень существенно. На базе каждого из них проводились и проводятся самостоятельные диахронические исследования. Однако уже само это разделение неявно провоцирует считать их синхронными корпусами, представляющими облик некой единой языковой системы, расхождения внутри которой несущественны.

Действительно, большинство крупномасштабных диахронических корпусов охватывают данный язык только в рамках одного общепризнанного исторического периода (в частности, в зависимости от принятой терминологии — «древнего», «старого», «среднего» или «современного»)¹. Это имеет место, например, в случае корпуса американского английского языка СОНА [Davies 2010] и корпуса украинского языка ГРАК [Shvedova et al. 2017–2023]; оба охватывают период приблизительно 1820–2020-х гг. Уже на примере этих корпусов, относящихся к одному и тому же периоду, видно, насколько разной может быть оптика «синхронии / диахронии». СОНА прямо именуется «историческим» корпусом: впрочем, в нем есть такой дополнительный признак специально диахронической коллекции, как сбалансированный по жанрам состав в каждом десятилетии. В то же время ГРАК — это корпус прежде всего современного украинского языка с «исторической частью», граница которой, в принципе, не определена, пусть и очевидно, что тексты до 1917 г. относятся к историческим, а тексты, написанные после получения Украиной независимости в 1991 г., — к современным. Схожим образом устроен и Основной корпус НКРЯ, временная глубина которого еще больше. Старейшие его тексты датируются петровской эпохой, непосредственно продолжая старорусский корпус, при этом в качестве исторической части Основного корпуса по праву могут описываться не только тексты XVIII в. (общепризнанно предшествующие «современному русскому [литературному] языку» при любой трактовке такового), но и тексты первой половины XX в. (см. [Савчук 2009]). Правило жанровой репрезентативности «не более 40% художественной литературы» соблюдается в нем для периодов 1900–1950 и 1950–2000 годов. Все три корпуса размечены каждый на основе своего единого словарного и морфологического стандарта, ориентированного на современное состояние языка, хотя, разумеется, могут и должны учитывать также лексические и морфологические архаизмы, а также альтернативные орфографии (например, часть текстов НКРЯ дана в дореформенной орфографии, часть в новой, но разбираются они общим анализатором; об украинских исторических орфографиях в ГРАК см. [Shvedova, Rysin, Starko 2021]).

Семейства исторических корпусов могут быть дополнительно разделены по векам, как в случае с историческими корпусами польского языка (например, корпуса и/или словари <https://spxvi.edu.pl/> для XVI в., <https://sxvii.pl/> для XVII в., <https://korba.edu.pl/> для «долгого XVII века» Речи Посполитой, 1600–1772 гг.;

¹ Разумеется, мы говорим о языках, для которых эти периоды выделяются наукой и оставили письменные свидетельства, а не о вымерших Kleinkorpusssprachen или, с другой стороны, недавно обособившихся или младописьменных идиомах.

причем традиционно эти периоды объединяются в один раннемодерный период польского языка).

Панхронический корпус² — это ресурс, представляющий тексты нескольких различных исторических периодов данного языка или ветви языковой группы. По сути, это масштабные диахронические корпуса, охватывающие не просто большую, но большую часть письменной истории рассматриваемого языка. Такие ресурсы немногочисленны. Хорошим примером панхронического корпуса является база данных Frantext (<https://www.frantext.fr/>), которая охватывает тексты всей письменной истории французского языка, с IX по XXI век, и поддерживает статистические инструменты онлайн. В ней распознаются отдельные элементы устаревшей орфографии (например, написание *estoit*, в современной орфографии *était*, правильно анализируется как имперфект глагола *être*). Это полезный инструмент, позволяющий строить запросы для старофранцузского, среднефранцузского и современного французского, которые общепризнанно являются столь же разными языковыми системами, сколь и разные периоды истории восточнославянских языков. При этом лемматизация и аннотирование базы Frantext в целом сильно зависят от современного орфографического и грамматического стандарта и далеки от точности даже для высокочастотных лексем: например, старофранцузская форма артикля *li* распознается как имя собственное. Кроме того, грамматическая разметка этого корпуса поддерживает только поиск по частям речи (но не по граммемам вроде имперфекта или множественного числа); игнорируется совершенно отличная как от латинской, так и от современной старофранцузской двухпадежная система.

Другим панхроническим ресурсом является Corpus Sogrofum Цюрихского университета [Roelli 2014], представляющий в виде единого поиска различные этапы развития латинского языка и созданный как слияние различных ранее существовавших баз данных латыни, например созданной еще в 1990-е годы онлайн-базы Perseus, посвященной латинским авторам античности, баз данных по средневековым текстам разных стран Европы, в том числе собрание «Латинской патрологии» Ж. Миня, латыни Возрождения, Нового времени и др.

Панхронические корпуса могут быть использованы для статистического изучения языковых явлений, проявляющихся в течение длительного времени на разных уровнях, включая орфографию, морфосинтаксис, грамматикализованные конструкции и семантику. Это особенно полезно для изучения так называемых «скрытых» (submerged) явлений (см., например, для латыни: [Adams, Vincent 2016]), которые по тем или иным социолингвистическим причинам не отражены в письменных источниках на протяжении большого промежутка времени, но являются общими для самых ранних и самых поздних свидетельств о языке. Применительно к панхроническому корпусу НКРЯ наиболее заметные «скрытые» явления связаны с лексическими единицами, фиксация которых в текстах может отделяться друг от друга

² Термин *panchronic corpus* существует в корпусной лингвистике, хотя и не общепринят (вообще или в этом значении). Перспектива панхронического корпуса НКРЯ впервые упомянута в [Сичинава 2016: 209-210].

несколькими веками: например *исплатанный* (*вдежа же ѹго бѣ худа исплатана* [Нестор, Житие Феодосия, 1080-е гг.; в рукописной традиции также *исплатенный*, см. [СлРЯ XI–XVII, 6: 272]); в *исплатанных, серо-кофейных итанах* [Андрей Белый, Москва, 1926]), сохраняющиеся в диалектах слова *длинник* (антоним к *поперечник*), *попоровка* и др.

При обращении к панхроническому поиску исследователь получает возможность строить запросы в «одном окне», не обращаясь с каждой задачей по нескольку раз к нескольким корпусам с их различными интерфейсами, форматами лексико-грамматической разметки, языками запросов и ограничениями на выдачу. Разумеется, задача построения панхронического корпуса наталкивается на ряд сложных проблем. Это интеграция старой, обычно менее упорядоченной, и новой, обычно более упорядоченной орфографии; интеграция различного фонетического облика лемм и лексикографических традиций; унификация грамматических помет с сохранением специфики разных периодов. Вместе с тем развитие методик автоматического анализа большого объема данных на основе машинного обучения (в том числе нейросетевых алгоритмов) приводит уже к количественному и качественному скачку в исследовании древних памятников и в построении исторических корпусов — в том числе связанному с распознаванием печатного и рукописного текста, лемматизацией и др. При всей необходимости экспертного контроля за подобным машинным анализом определенный небольшой процент ошибок представляется для пользователя-лингвиста меньшим злом для диахронического исследования по сравнению с полным отсутствием какой бы то ни было разметки, статистики и быстрого поиска для огромного количества текстов древности и Нового времени.

Рассмотренный выше пример латинского *Corpus Corrogiu* показывает, что панхронический корпус может быть не полностью оригинальной базой данных, а платформой, на которой интегрируются и приводятся к общему знаменателю несколько уже ранее существовавших размеченных коллекций текстов — а именно такой подход предлагается при построении панхронического корпуса в контексте НКРЯ.

Наконец, важно, что панхронический корпус теоретически может соединять общего предка разных языков с любым из его потомков, а значит, один и тот же корпус праязыка может при помощи такой надкорпусной платформы интегрироваться с различными корпусами более поздних его форм³. Это релевантно для русского языка, древняя форма которого является также древней формой украинского и белорусского языков (и, таким образом, панхронический корпус для этих языков будет также включать древнерусские тексты).

³ Разумеется, это зависит от традиции описания, степени языковой дистанции и социолингвистических обстоятельств. Древнерусский язык считается частью истории современных восточнославянских языков, в то время как латинские памятники (даже отразившие влияние народной латыни Галлии) не считаются в полной мере памятниками истории французского языка, да и корпус, объединяющий американские тексты с британскими, созданными до колонизации Америки и обособления местного варианта, трудно представить.

Возвращаясь к началу этого раздела — а вместе с тем и ко всей проблематике настоящего сборника — отметим, что сама возможность найти по одному запросу тексты XIV и XIX веков проблематизирует и делает заметной именно диахроническую сущность корпуса: это инструмент выявления сходства и эволюции, в том числе и между явлениями разных эпох, и, таким образом, исследования языковых (в том числе грамматических) процессов в диахронии. При этом выбор подкорпуса, охватывающего временную дистанцию всего в несколько поколений, позволяет взглянуть на ту или иную проблему и в синхронном срезе.

2. Панхронический корпус НКРЯ: постановка задачи

Работа над панхроническим корпусом в составе НКРЯ началась в 2020 году. Публикация первой версии состоялась в ноябре 2022 г. Одновременно с этой разметкой в рамках того же проекта велась работа (под руководством О. Н. Ляшевской) по автоматической лемматизации старорусского и основного корпусов на базе нейросетевых механизмов. Эта разметка, сделавшая возможной само построение панхронического корпуса, изначально делалась с учетом его задач.

Панхронический корпус в составе НКРЯ представляет собой объединение текстов трех ранее созданных в составе НКРЯ исторических корпусов — древнерусского [Мишина, Пичхадзе 2015], старорусского [Гаврилова, Шалганова, Ляшевская 2016] и корпуса берестяных грамот [Сичинава 2022] — и основного корпуса, самые ранние тексты которого относятся к рубежу XVII и XVIII веков. Количественно в нем преобладают тексты основного корпуса, насчитывающего более 300 млн словоупотреблений, однако 70% хронологического диапазона приходится на исторические корпуса.

В панхроническом корпусе можно строить релевантные для нескольких веков истории русского языка запросы типа «предлог *по* с предложным падежом», «история существительного *забава*», «сочетаемость глаголов движения с абстрактным субъектом», «имена собственные на *-славъ*» на всем этом массиве текстов, не вводя каждый раз четыре запроса в интерфейс всех корпусов поочередно.

Необходимость создания панхронического корпуса диктуется, прежде всего, различными принципами подачи лемм, орфографии и грамматики в разных исторических и современном корпусах, из-за которых функция полностью автоматического переноса запроса из корпуса в корпус может работать лишь в очень ограниченной степени. Кроме того, целый ряд текстов включен в тот или иной из указанных корпусов без соблюдения четких хронологических границ. Произвольные по самой своей природе даты «1400 г.» как рубеж между древнерусским и старорусским периодом и «1700 г.» как рубеж между старорусским и современным корпусами на практике могут соблюдаться лишь с большой долей условности. К корпусу берестяных грамот, заканчивающемуся во второй половине XV в., такое разделение неприменимо. Датировка ряда текстов определена нечетко и может эти границы пересекать. Даже в воображаемом случае полностью алгоритмического и самоочевидного распределения текстов между разными историческими корпусами обращение к «пограничным» по датировке текстам, созданным,

допустим, в предыдущее или последующее двадцатилетие, вполне оправданно. Например, и прозаические, и поэтические тексты 1690-х годов представлены в старорусском корпусе, поэтические тексты 1700-х — в поэтическом, а проза того же десятилетия — уже в основном; текстовый материал рубежа XIV и XV веков может оказаться и в древнерусском, и в старорусском корпусе. и в корпусе берестяных грамот. Таким образом, для большинства задач, связанных с историей языка, пользователь фактически вынужден строить запросы несколько раз в разных корпусах.

Панхронический корпус не отменяет существующих отдельных исторических и основного корпусов. Они сохраняются в полном объёме с характерной для них грамматической, метатекстовой и иной разметкой, а также в соответствующих орфографических режимах. Они регулярно пополняются и актуализируются, а панхронический корпус синхронизируется с ними с учетом этих пополнений.

3. Формат лемм

Исходные корпуса — древнерусский, старорусский, корпус берестяных грамот, основной корпус, — изначально размечены с использованием различных наборов морфологических тегов и стандартов подачи лемм, взятых из разных исторических словарей (вопроса орфографии мы сейчас не касаемся).

Основной вопрос объединения этих ресурсов связан с установлением соответствий между древнерусской фонетической передачей лемм до и после утраты редуцированных (иначе — ранне- и позднерусским состоянием) и, далее, между старорусским и современным русским языком. При этом использовались алгоритмы, основанные на правилах и нейросетевых механизмах, с ручной построчной коррекцией. В этом контексте особую роль играют такие общие явления исторической лингвистики, как разделение и слияние различных лемм в результате фонетических изменений и семантической дивергенции.

В ходе выполнения этой задачи в историческом корпусе был разработан механизм поддержки консистентности записи леммы — раннедревнерусский или позднерусский формат между корпусом берестяных грамот и древнерусским корпусом (4 тысячи лексем), а также между древнерусским и старорусским корпусом (23 тысячи лексем).

Список лемм (лексем) древнерусского корпуса ориентируется на раннедревнерусское представление: без отражения прояснения сильных и падения слабых редуцированных, а также иных фонетических и морфологических изменений письменной эпохи. Таким образом, леммы этого периода имеют вид *тъ, днь, сълати, Мьцьньскъ* и т. п.

Леммы старорусского корпуса отражают уже позднерусское и старорусское (велико)русское состояние: *тоть, день, слати, Мценскъ* (форма, выровненная по косвенным падежам и давшая совр. *Мценск*) или *Мецнескъ* (ожидаемая из общего правила падения и прояснения редуцированных). В этом они ориентируются, например, на словник [СлРЯ XI–XVII] (специально о леммах старорусского корпуса см. [Lyashevskaya, Pen'kova 2021]).

Леммы корпуса берестяных грамот отражают состояние их массива, известного к середине 1980-х гг., когда полный словоуказатель к нему был впервые составлен А. А. Зализняком. Поскольку на тот момент было обнаружено заметно больше поздних, чем ранних берестяных грамот, А. А. Зализняк принял условное (не несущее никакой принципиальной нагрузки) решение использовать позднерусский формат лемм, типа *слати, день*. При этом в «Древненовгородском диалекте» (а за ним и в разметке корпуса) есть и ряд регулярных отступлений от этого принципа, связанных, например, с суффиксами *-ьск-*, *-ьц-*, сохраняемыми именно в таком орфографическом облике. В настоящее время число известных раннедревнерусских берестяных грамот уже намного превосходит число позднерусских; как мы уже указывали, хронологически корпус берестяной письменности примыкает скорее к древнерусскому, чем к старорусскому периоду (к которому формально относятся лишь письма XV в.). Поэтому добавление к корпусу берестяных грамот еще и лемм в раннедревнерусском облике становится необходимой задачей.

Была построена карта лемм для пар «корпус берестяных грамот — древнерусский корпус» и «древнерусский корпус — старорусский корпус». Для построения этой карты генерируется список релевантных лемм (в основном с неконечными редуцированными) из первого корпуса в обоих этих парах, а затем строится список соответствующих им лемм в ином хронологическом представлении. Для этого используется механизм регулярных выражений со сложными условиями и полным последующим ручным контролем, а также материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Древненовгородского диалекта» и «Древнерусского ударения» А. А. Зализняка, словоуказатели к изданиям раннедревнерусских и старорусских памятников, например «Истории Иудейской войны» и «Вестей-Курантов» соответственно. Отдельную проблему представляет выбираемый для леммы облик имен собственных (*Андреи* или *Андрѣи*, *Марфа* или *Марѣфа*; приравнивать ли к этим именам варианты *Ондрѣи* и *Марта* соответственно?).

Особую проблему представляют случаи нерегулярного поведения редуцированных не в соответствии с правилом Гавлика, в том числе в церковнославянизмах (например *упѣвати* > *уповать*, ср. пол. *ufać*), а также расщепление одного слова на несколько вариантов, в том числе полностью лексикализованных (*сѣборь* > *сборь*, *соборь*).

В дальнейшем эти новые леммы используются при доразметке соответствующих корпусов, «стыкуя» их с хронологическими соседями и обеспечивая сквозной поиск, например, лексемы *сѣнь* в текстах, где лемма имеет вид *сонь* или *сон*, и наоборот.

Затем аналогичные карты были построены и для всех прочих лемм древнерусского корпуса и корпуса берестяных грамот, в том числе не содержащих неконечных редуцированных, что также сводится к нескольким классам случаев регулярных соответствий между ранней и поздней записью леммы (например, *кысѣвь* > *Киевь*, *зеленыи* > *зеленый*, *чюти* > *чүти*). Кроме того, ряд случаев носит индивидуальный характер (раннее *обѣдовѣти* при позднем *овдовѣти*).

На этом же этапе была внедрена единая подача кратких и полных форм, а также компаративов, представленных в современном стандарте древнерусского корпуса как раздельные леммы (см. ниже, раздел «Грамматика»); ср. в перечне примеров, приведенных ниже, соответствия для позднерусского *обычный*.

Фрагмент такой карты (слева — позднерусские, справа — раннедревнерусские леммы) имеет следующий вид:

обѣсти	обѣсти
обѣщи	обѣщи
обходити	обходити
объяти	объяти
обычникъ	обычникъ
<i>обычный</i>	<i>обычнь</i>
<i>обычный</i>	<i>обычныи</i>
обглядатися	обгладатиса
обдовѣти, <i>овдовѣти</i>	обдовѣти

Далее, Т. А. Архангельский построил аналогичную карту соответствия лемм старорусского корпуса и лемм основного корпуса (или содержащихся в Грамматическом словаре А. А. Зализняка). Объем этой карты — примерно 50 тысяч лемм. Помимо регулярных соответствий на базе правил, исходный алгоритм учитывал также сравнение различающихся символов между исходной старорусской леммой и доступной для сравнения современной леммой. Последнее позволяло включить в соответствия также нерегулярные неэтимологические замены, например, *с(ъ)вѣдѣтель* > *свидетель*. Чтобы сократить количество ложных срабатываний, Т. А. Архангельский предложил нейронную модификацию классического алгоритма расстояния между строками (расстояния Левенштейна), при которой цена любой операции (замены, удаления или подстановки буквы) является контекстно-зависимой, обусловленной самим символом и его контекстом в цепочке. Кроме того, эти функции применяются при помощи нейронной модели, обучавшейся на тестовом наборе данных (200 пар лемм). В дальнейшем получившаяся карта была просмотрена и скорректирована.

На заключительном этапе эти карты были объединены алгоритмически (эту работу выполнил А. Н. Дышкант) в единые списки панхронических лемм для всех четырех интегрируемых корпусов. Таким образом, в итоговой версии панхронического поиска лемма в любом тексте может быть размечена в нормализованном раннедревнерусском (*сълати*), позднерусском / старорусском (*слати*) и в современном русском облике (*слать*). Поиск по всем вариантам лемм осуществляется равноправно: таким образом, введя запрос *слать*, пользователь найдет и *слать* из XVIII в., и *сълати* из XI в., и *слати* из XV в. Точно так же все эти варианты найдутся и при выборе обоих других фонетически-орфографических обликов. Пользователь, таким образом, не обязан знать заранее, в облике какой эпохи он ищет интересующее его слово. Получившиеся соответствия не являются одно-однозначными: нашей целью было дать возможность найти все варианты слова (например, по запросу *январь* находятся леммы *ануарь*, *генуарь*, *генварь*, *генварий*).

В текстах из исторических корпусов для всех лексем указаны, помимо существующих этим корпусам, и все более поздние, хотя бы существующие только теоретически, словарные формы. Например, в корпусе берестяных грамот у слова *продажьникъ* размечены поздние леммы *продажьникъ* и *продажник* (это слово, созданное из того же морфологического материала заново, реально встречается в современных текстах в значении ‘менеджер по продажам’ или ‘биржевой специалист’), а у глагола *крити* ‘купить’ новая условная форма **крить*, хотя это слово исчезло еще в Средневековье. Более ранние формы размечены только в тех случаях, если такие слова реально встретились в более древнем историческом корпусе: например, слово *президент*, засвидетельствованное в текстах XVII в., имеет более раннюю лемму с конечным *ъ*, а, скажем, слово *компьютер* — нет. С пополнением исторических корпусов число лемм старорусского и основного корпусов, получающих в разметке более ранние варианты, будет расти.

При обработке корпуса берестяных грамот раннедревнерусское соответствие, в силу указанных выше обстоятельств, было построено для всех его лемм (при этом были учтены соответствия, включенные А. А. Зализняком в указатели к изданиям берестяных грамот). В старорусском корпусе 18000 встретившихся в нем лемм имеют раннедревнерусские соответствия. Они покрывают по состоянию на декабрь 2022 г. 87% лемматизированных словоформ. Полезным побочным продуктом работы над панхроническим корпусом стало в начале 2023 г. появление в отдельном поиске по корпусу берестяных грамот и старорусскому корпусу также опции поиска по раннедревнерусским леммам.

Пока отложены для дальнейшего решения следующие задачи:

- 1) написание панхронических лемм, для которых существуют омонимичное имя собственное и имя нарицательное, с прописной или строчной буквы в соответствии с принадлежностью к одному из омонимов (временно принята компромиссная запись типа *левъ / Левъ, орель / Орель*);
- 2) сопоставление лемм разных корпусов с учетом частеречной принадлежности; например, и древнерусскому инфинитиву *сѣчи* ‘рубить’, и древнерусскому существительному *сѣчь* ‘моча’ (ср. укр. *сеча*) приписана одинаковая условная современная лемма *сечь*. Если воспользоваться этой картой соответствия в противоположном направлении и разметить все леммы *сечь* в современных текстах историческими соответствиями, то для всех вхождений глагола *сечь* будут предложены как древнее существительное (вдобавок для современного языка уже вообще неактуальное), так и глагол. Проверка признака «часть речи» позволит добиться более чистых соответствий и расширить сам их список. Так, возможно будет, например, приписать древнерусскому местоимению **и* современное соответствие *он*, что сейчас нельзя сделать из-за более частотного союза *и*.

Наконец, насущной задачей остается автоматизация построения карт соответствий новых лемм (с последующей ручной коррекцией) при каждой загрузке новых текстов в корпус.

4. Орфография

Особую проблему при унификации данных исторических корпусов представляет разная орфография (не обусловленная фонетическим обликом), принятая в леммах древнерусского корпуса и корпуса берестяных грамот. В леммах древнерусского корпуса НКРЯ в определенных позициях выступают буквы *а*, *ѡ*, *оу*, *є*, в леммах корпуса берестяных грамот — *а*, *ѡ*, *у*, *ю*. В леммах древнерусского корпуса сочетания шипящих с /у/ записываются как *чоу*, корпуса берестяных грамот — как *чу*. Кроме того, в леммах древнерусского корпуса не используется заглавная буква (*ааронъ*, *богородица*, *кыевъ*).

Неизбежна и пестрота написания словоформ, отражающая орфографию памятников и их публикаций; добавим сюда и издательские условные знаки для обозначения выносных букв, неоднозначно читаемых написаний, конъектур. Напомним, что и ряд текстов основного корпуса — а это 13 млн словоупотреблений, то есть больше, чем во всех участвующих в панхроническом корпусе исторических корпусах вместе взятых, — дается в дореформенной орфографии (с леммами в современной).

Было принято решение полностью сохранить в выдаче панхронического корпуса орфографию лемм древнерусского корпуса и корпуса берестяных грамот (вместе с соответствующими шрифтами), однако орфография используемых для поиска ранне- и позднерусской лемм унифицирована и упрощена. При записи лемм панхронического корпуса используются только буквы современного алфавита и *ѡ*. Для кириллических цифр в исторических корпусах (например, *ѣ*) в панхроническом поиске используются леммы в виде арабских цифр (например, 5). Имена собственные во всех используемых для поиска леммах выводятся с заглавной буквы, однако в случае наличия в словаре двух лемм, различающихся заглавной буквой, могут выводиться варианты (см. выше). При поиске заглавная и строчная буквы не различаются.

В панхроническом корпусе при поиске по словоформам находятся словоформы в текстах и их последовательности, например *сам еси*. Словоформы можно вводить в их оригинальном написании. Но для того, чтобы найти больше примеров разных периодов, следует вводить словоформы в модернизированной записи, без использования исторических букв, конечного *ъ*, а также титл и скобок. По запросу *сам еси* находятся написания *самъ еси*, *са(ѡ) еси*, *самъ ес[и]*. Для обозначения произвольного слова или его части можно использовать звездочку (*), для того, чтобы исключить какое-то слово в определенной позиции, перед ним ставится знак минуса (-). Например, запись *-в городе* находит форму *городе* или *городѡ* не после слова *в* или *въ*. Эти упрощения не затрагивают, однако, неконечных редуцированных, а также различных других требующих нормализации явлений (например, бытовой графики). Раскрытие титл при поиске словоформ реализовано частично, лишь в некоторых корнях и сокращениях (*бѣа* находится по запросу *Бога*, но пока *гѣтъ* не находится по запросу *глаголетъ*).

5. Грамматика

Особого анализа заслуживает вопрос унифицированного аннотирования изменяющихся и формирующихся грамматических параметров.

Набор грамматических признаков в панхроническом корпусе отличается от разметки отдельных корпусов. Как правило, из него исключены признаки, размеченные лишь в некоторых корпусах (например, управление предлогов, вид, счетная форма) или их трактовка унифицирована. Так, грамматикализованная в современном языке одушевленность подается чисто морфологически, как форма аккузатива, совпадающая с генитивом (как это сделано в древнерусском корпусе)⁴. Грамматические признаки, утраченные современным языком (например, аорист и имперфект), оставлены в исторических корпусах, поскольку позволяют построить информативный запрос, охватывающий значительный временной интервал из нескольких исходных корпусов.

Грамматические параметры влияют также и на выделение лемм в разных корпусах. Например, в древнерусском корпусе компаратив *выше*, краткая форма *высокъ* и полная форма *высокыи* — разные лексемы; при построении межкорпусной карты лемм (см. выше) всем этим леммам приписывается единая раннедревнерусская лемма *высокыи*, которой соответствуют далее уже позднедревнерусская и современная леммы, выглядящие одинаково как *высокий*.

В текстах, входящих в панхронический корпус, снята лексическая и грамматическая омонимия (так, в примере с графиком частотности союза *и* (Рис. 2) участвует только союз, а не древнее местоимение *и*). Только в сравнительно небольших древнерусском корпусе, корпусе берестяных грамот и шестимиллионном подкорпусе современных текстов это сделано вручную. В старорусском корпусе и большинстве текстов основного корпуса приписывание лемм и грамматических характеристик сделано автоматически при помощи нейросетевых механизмов, и в этой разметке есть некоторое количество ошибок.

6. Семантика

Семантические признаки размечены в исторических текстах в соответствии с семантическими классами соответствующих слов (этимологических когнатов) в современном русском языке. Панхронический подход к семантической разметке, в том числе с учетом изменения семантики этимологически тождественных слов начиная с 1000 г., используется, например, в Историческом тезаурусе Оксфордского словаря английского языка [Kay et al. 2009].

Для построения запроса по семантической разметке в панхроническом корпусе используется привязанное к каждому входящему в запрос слову поле «семантика», сопровождаемое формой с отдельными страницами по знаменательным частям речи и местоимениям. Эта форма устроена полностью аналогично форме лексико-семантического поиска в тех корпусах НКРЯ, в которых выступает современный

⁴ По состоянию на май 2023 г. единая разметка одушевленности реализована не полностью.

русский язык. Соответственно, можно задавать, например, для предметных имен — названия частей тела или этнонимы, для абстрактных имен — названия физических свойств или эмоций, для прилагательных — цветообозначения, для глаголов — глаголы движения или физического воздействия на объект и т. п. Фасетная классификация, используемая в семантической разметке современных текстов НКРЯ, описана, в частности, в работе [Рахилина и др. 2009].

Ограничения принятого решения очевидны. Разумеется, семантически размечены те и только те древне- и старорусские слова, которые имеют вошедшие в современный семантический словарь НКРЯ когнаты. Поскольку лексическая семантика подвержена историческим изменениям, а ряд слов, включая частотные, вообще утрачен современным языком — или же маргинализован в нем — и в семантическом словаре НКРЯ отсутствует, в семантической разметке исторических текстов заведомо есть неточности и неполнота, на данном этапе сознательно заложенные в проекте, и к ней нужно относиться с осторожностью. Случаи полисемии и омонимии (опять же, являющиеся таковыми в современном русском), не снятые в семантической разметке «современного» НКРЯ, унаследованы и семантической разметкой панхронического корпуса. (Правда, снятие морфологической омонимии в текстах панхронического корпуса многие такие проблемы сглаживает.)

Тем не менее полученное при таком подходе высокое покрытие исторических текстов семантической разметкой и диахроническая стабильность семантических классов большинства лексем в значительной мере компенсирует неизбежные недостатки такой разметки и делает оправданным само это предприятие. Приведем пример поиска в панхроническом корпусе «списков грехов» (литературная традиция, известная как в книжности, так и в берестяных грамотах № 507 и Торж. 18, ориентированных на прагматику покаянной дисциплины) с помощью простого семантического запроса трех абстрактных существительных с отрицательной коннотацией подряд, который дает релевантные результаты как в древневосточнославянских, так и старорусских и ранних современных русских текстах (ср. [Сичинава 2023, в печати]). Такой результат имеет не только лингвистическую, но и существенную текстологическую и историко-литературную релевантность.

- (1) *Аще ѿступи(м̄) скверны(х̄) и немл(с̄)твѣхъ судовъ, аще премѣнимъ сѧ кроваво(ѣ) рѣзоимъства и всакого грабленьѧ, татбы, разбоѧ и (не)чѣго прелюбодь(и)ства, ѿлучающа ѿ Бѣ сквернословьѧ, лжѣ, клеветы, клѧтвы и поклепа, иныхъ дѣль сотонины, аще сихъ премѣнимъ сѧ, добрѣ вѣдѣ ꙗко блгаѧ прииму(т̄) ны не токмо в сии вѣкъ, в бу(д)ущи.* (Поучения Серапиона, XIII в., цит. по рукописи Российской государственной библиотеки, ф. 304, Тр.-Серг. № 11)
- (2) *И бѣше видѣти тогда в градѣ плач и рыдание, и вопль многъ, слезы неисчетенныя, крикъ неутолимый, стонание многое, оханье сѣтованное, печаль горкаа, скорбь неутешимая, бѣда нестерпимаа, нужда ужаснаа, горесть*

смертнаа, страх, трепет, ужасъ, дряхлование, исчезновение, поправление, безчестие, поругание, посмѣвание врагов, укорь, студ, срамота, поношение, уничижение. [Повесть о нашествии Тохтамыша (1382–1400)]

- (3) *Токмо я, взирая на их стропотное житие и обхожденье, никогда б тебе оного искать не советовал, понеже тут **лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть** едва не всем ли добродетелей предходят; а некоторыя ушничеством ищут свое благополучие приобрести, несмотря на то что, губя невинных, сами вскоре божеским судом погибнут.* [В. Н. Татищев. Духовная (1734)]
- (4) *Из такового закона Божия и честности хранения что в обществе выходит? искренность, добросердечие, безпристрастие, прямая дружба, постоянная верность, похвальное слова своего хранения, ко всем доброжелательство: а хитрость, **обман, лицемерие, ложь, непостоянство, зависть, лихоимство, уже при сем почтутся подлейшими и недостойными не человека, а нечистаго духа пороками.*** [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Сретения Господня (1777)]

7. Поисковая выдача, метаинформация и сортировка

Работы по программной архитектуре корпуса и реализации поиска НКРЯ осуществляли И. И. Виноградова, С. А. Гладилин, Д. А. Морозов и В. Г. Сизов. В панхроническом корпусе можно сортировать результаты (и строить подкорпус) по двум параметрам: дате создания оригинала, изготовления списка или публикации издания. Сортировка по дате списка важна для тех языковых черт (орфографии, фонетики, некоторых элементов морфологии), которые могли привноситься переписчиками и не принадлежать эпохе создания текста. Поисковая выдача панхронического корпуса доступна в двух форматах — классический конкорданс и отцентрованный по выдаче KWIC — и сохраняет шрифтовые решения исходных корпусов.

На материале панхронического поиска могут быть построены нормализованные частотные графики (количество вхождений на миллион) на всем хронологическом диапазоне запроса. Если в выдаче есть примеры, датированные временем старше XII в., по умолчанию график строится только с 1100 г.: объем текстов XI в. может быть недостаточен для статистически показательных данных.

Ниже приведены наиболее простые и наглядные примеры (в соответствии с тематикой сборника, связанные с грамматическими процессами):

Рис. 1: график частотности управления «предлог *по* + местный / предложный падеж» (*по прибытии*);

Рис. 2: график совместной частотности союзов *и* и *а*, дающий представление о переходе от древнего синтаксиса с введением большинства клауз союзами к синтаксису Нового времени с более развитым бессоюзием (а также, очевидно, большей средней длиной клауз);

Рис. 3: график частотности конструкции *начати/начать* + инфинитив. Ср. о ее полисемии в древнерусском [Юрьева 2020]; далее на ее частотности сказывается развитие альтернативных фазовых конструкций (см. статью Я. А. Пеньковой в настоящем сборнике), а затем стабилизация состава и семантики инхоативных глаголов в Новое время.

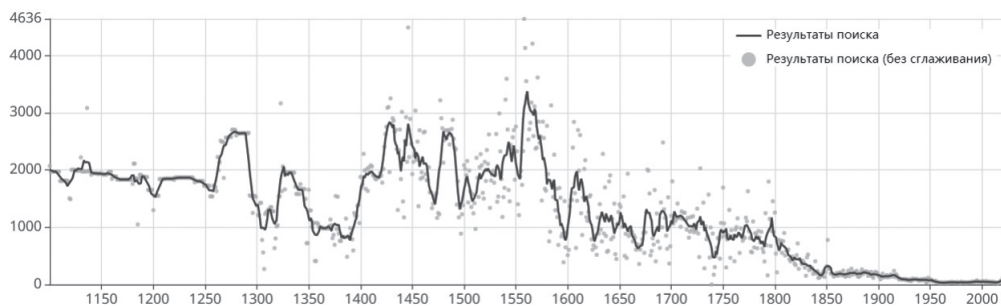

Рис. 1. Сочетание предлога *по* с формой местного / предложного падежа. Частотность на 1 млн словоупотреблений

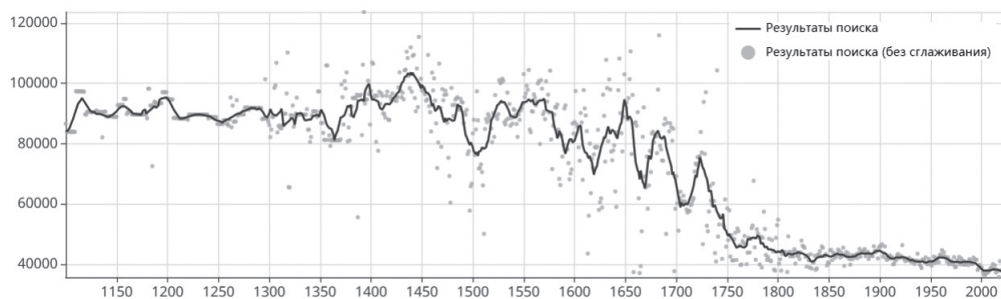

Рис. 2. Совместная частотность союзов *и* и *а* в тексте. Частотность на 1 млн словоупотреблений

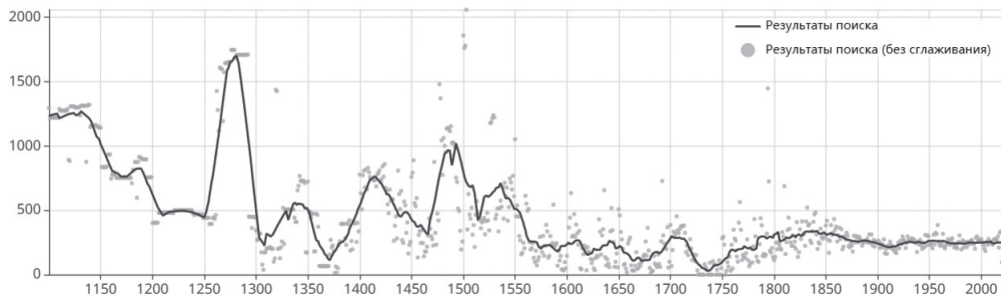

Рис. 3. Частотность контактного сочетания *начати/начать* + инфинитив

Разумеется, выводы на основании частотного графика (а в будущем также — коллокаций и частотных словарей) должны делаться осторожно и с учетом специфики текстов, включенных в корпус в разные периоды. Так, резкости границы между XVII и XVIII веками способствует в ряде случаев тот факт, что для XVII в. в корпус включено большое число актовых источников и частных писем, в то время как корпус XVIII в. в основном (хотя и не исключительно) состоит из текстов, предназначенных для печати, влияние на которые церковнославянских норм — несмотря даже на общее изменение языковой ситуации — было по-прежнему очень ощутимо. Далее, в целом для старорусского корпуса (под влиянием представленных в нем деловых текстов-списков) характерен более низкий удельный вес глаголов, чем для древнерусского и основного корпусов, и повышенный процент существительных, поэтому поиск глагольных конструкций может давать тот или иной статистический «провал» между XV и XVII веками. В ряде случаев заметные пики частот — статистические выбросы — связаны с конкретными текстами, для которых характерна высокая частота той или иной конструкции, а также с общим объемом текстов, доступных для того или иного короткого хронологического периода. Например, для графика на Рис. 3, построенного с очень сильным статистическим сглаживанием, заметен пик во второй половине XIII в., связанный с Волынской летописью (где 69 примеров приходятся на 30-летний временной интервал).

В будущем решению этих проблем могут поспособствовать такие подходы, как использование в панхроническом корпусе обобщенных жанровых признаков для отбора подкорпуса, альтернативные алгоритмы подсчета частот и другие.

8. Итоги и перспективы

В дальнейшем планируется включить в панхронический корпус также корпус поэтических текстов, начинающийся с 1700 г., а также находящийся в процессе разработки корпус древнерусской эпиграфики, охватывающий, подобно корпусу берестяных грамот, тексты XI–XV веков. Об эпиграфическом корпусе, а также об уже разрабатываемой онлайн-базе данных *epigraphica.ru*, на которую он опирается, см. в [Sitchinava, Dyshkant 2021].

К числу статистических инструментов панхронического корпуса, доступных онлайн, планируется добавить функционал, уже доступный для Основного корпуса НКРЯ: это вычисление коллокаций, «похожих слов» с сопоставимым распределением, поиск по автоматически размеченным синтаксическим связям, частотные словари, в том числе сочетаний нескольких словоформ, а также сравнение подкорпусов по этим параметрам. Будут задействованы также построение запросов с участием регулярных выражений и в формате CQL. Эти форматы интересны далеко не только специалистам по компьютерной лингвистике: при их помощи можно искать определенные сочетания букв внутри словоформы и леммы, более гибко строить запросы с участием расстояний, повторов, логики вхождения тех или иных элементов и т. п.

Обсуждаемая технология может быть в дальнейшем применена к украинскому и белорусскому языкам (при этом необходимым условием является создание всесторонне аннотированного староукраинского / старобелорусского / рутенского корпуса, возможно, даже нескольких), а также к другим славянским языкам.

Лингвистические корпуса и словари

СлРЯ XI–XVII, 1–31– — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–31–. М., 1975–2019–.

Davies M. The Corpus of Historical American English (COHA). Electronic resource. 2010. Available online at <https://www.english-corpora.org/coha/>.

Shvedova M., von Waldenfels R., Yarygin S., Rysin A., Starko V., Nikolajenko T. et al. GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv; Lviv; Jena, 2017–2023. Available online at www.uacorpora.org.

Литература

Гаврилова Т. С., Шалганова Т. А., Ляшевская О. Н. К задаче автоматической лексико-грамматической разметки старорусского корпуса XV–XVII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 7–25.

Мишина Е. А., Пичхадзе А. А. Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 99–115.

Рахилина Е. В., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Резникова Т. И., Шеманева О. Ю. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 215–239.

Савчук С. О. Корпус текстов первой половины XX века: текущее состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 27–45.

Сичинава Д. В. Старорусские / среднерусские тексты в НКРЯ: от экстенсивной коллекции к корпусу // *Rašytinis palikimas ir skaitmeninė technologijos: VI tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d.* [E-Manuscript–2016. Written Heritage and Digital Technologies: VI International Scientific Conference, Vilnius, 2016. August 22–28]. Vilnius: Lietuvos mokslo taryba, 2016. P. 208–210.

Сичинава Д. В. Корпус берестяных грамот как параллельный // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 92–106.

Сичинава Д. В. Берестяная грамота № 507 — древнейший список древнерусского толкования на «Отче наш» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2023 (в печати).

Юрьева И. С. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // А. А. Пичхадзе (ред.) Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 295–344.

Kay C. et al. (eds.). *Historical Thesaurus of English*. Glasgow: Glasgow University. 2009.

Lyashevskaya O., Pen'kova Y. Revised entries in the multi-volume edition and TEI encoding: a case of the historical dictionary of Russian // *Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion*. Vol. II. Komotini: Democritus University of Thrace, 2021. P. 655–662.

Roelli Ph. The Corpus Corporum, a new open Latin text repository and tool // *Archivum Latinitatis Medii Aevi: Bulletin Du Cange*. Vol. 72. 2014. P. 289–304.

Shvedova M., Rysin A., Starko V. Handling of Nonstandard Spelling in GRAC. 2021 IEEE 16th International Conference on Computer Sciences and Information Technologies (CSIT). P. 105–108. Available online at <https://ieeexplore.ieee.org/document/9648834>.

Sitchinava D., Dyshkant A. Integration of the Old East Slavic Epigraphical Databases, Corpora and Indices // *Scripta & e-Scripta: The journal of interdisciplinary medieval studies*. Vol. 21. 2021. P. 93–106.

Dmitri V. Sitchinava

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mitrius@gmail.com*

A PANCHRONIC CORPUS: INTEGRATION OF HISTORICAL AND CONTEMPORARY CORPUS RESOURCES

The paper describes a panchronic corpus within the Russian National Corpus, which integrates several pre-existing corpora — Old East Slavic, Middle Russian, Birchbark letters corpus and the Main corpus. Thus, we have formed a single search with a single query covering the history of the Old East Slavic / Russian language throughout a millennium. The main obstacles to the creation of such a corpus are the discrepancies between the orthography, the phonetic composition and the morphological principle of allocating lemmas in different corpora, as well as the incompatible markup of grammatical phenomena. The paper describes how these formats were partially unified, without losing the functionality of separate corpora at the same time. The paper also provides illustrations of the panchronic corpus search, relevant not only to the study of grammatical processes in synchrony and diachrony, but also to literary / textual and historical problems.

Keywords: panchronic corpus, Old East Slavic, Middle Russian, modern Russian, lemmatization, morphological annotation, long-run diachrony

References

Adams J. N., Vincent N. (eds.). *Early and Late Latin Continuity or Change?* Cambridge: Cambridge University press, 2016.

Gavrilova T. S., Shalганova T. A., Lyashevskaya O. N. K zadache avtomaticheskoy leksiko-grammaticheskoy razmetki starorusskogo korpusa XV–XVII vv. *Vestnik Pra-*
352

voslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya, 2016, 2 (47), pp. 7–25. (In Russ.)

Mishina E. A., Pichkhadze A. A. Drevnerusskiy podkorpus Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2015, 6, pp. 99–115. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Kustova G. I., Lyashevskaya O. N., Reznikova T. I., Shemanaeva O. Yu. Zadachi i printsipy semanticheskoy razmetki leksiki v NKRYa. In *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezultaty i perspektivy*. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009, pp. 215–239. (In Russ.)

Savchuk S. O. Korpus tekstov pervoy poloviny XX veka: tekushchee sostoyanie i perspektivy. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezultaty i perspektivy*. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009, pp. 27–45. (In Russ.)

Sichinava D. V. Staroruskie / srednerusskie teksty v NKRYa: ot ekstensivnoy kollektzii k korpusu. *Rašytinis palikimas ir skaitmeninė technologijos: VI tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d. [El'Manuscript–2016. Written Heritage and Digital Technologies: VI International Scientific Conference, Vilnius, 2016. August 22–28]*. Vilnius: Lietuvos mokslo taryba, 2016, pp. 208–210. (In Russ.)

Sichinava D. V. Korpus berestyanykh gramot kak parallelnyy. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2022, 2 (32), pp. 92–106. (In Russ.)

Sichinava D. V. Berestyanyaya gramota № 507 — drevneyshiy spisok drevnerusskogo tolkovaniya na «Otche nash». *Drevnyaya Rus: voprosy medievistiki*, 2023 (v pechaty). (In Russ.)

Yuryeva I. S. Infinitivnye konstruksii s glagolom nachati. A. A. Pichkhadze (ed.) *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, pp. 295–344. (In Russ.)

Витторио С. Томеллери
Туринский Университет
(Италия, Турин)
Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Россия, Санкт-Петербург)
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

**О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ДВУХ НОВГОРОДСКИХ ПЕРЕВОДОВ С ЛАТЫНИ.
НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ПЕСНИ МОИСЕЯ
(ИСХ. 15: 1–19)***

Лингвистический анализ двух церковнославянских переводов одного и того же оригинала, возникших независимо друг от друга, но довольно близких по времени и месту осуществления, предоставляет исследователю ценный материал для изучения как переводческой техники, так и грамматических особенностей перевода. То обстоятельство, что данный текст уже существовал в славянской традиции в переводе с другого языка, может осложнять правильное понимание некоторых особенностей, так как в этом случае смешиваются прямая зависимость перевода от подлинника и возможные случаи интерференции с предшествующей традицией. Таким образом, за счет вертикальных и горизонтальных факторов выявляется довольно сложная и пестрая картина возникновения и развития церковнославянских текстов, чья грамматическая интерпретация требует разностороннего филологического подхода и учета относительно подвижного характера церковнославянского синтаксиса. В статье проводится сравнительное изучение первой библейской песни Моисея в двух переводах с латыни, относящихся к к. XV — пер. пол. XVI столетия.

Ключевые слова: Первая песнь Моисея, церковнославянский язык, латынь, грамматические особенности, Дмитрий Герасимов

* Работа выполнена в рамках проекта The Transmission of Old Church Slavonic Texts, поддержанного фондом PNRR — Missione 4 “Istruzione e Ricerca” — Componente C2 Investimento 1.1 “Fondo per il Programma Nazionale di Ricerca e Progetti di Rilevante Interesse Nazionale (PRIN)” — Decreto Direttoriale n. 104 del 02-02-2022 (CUP H53D23006810006).

1. Введение

В настоящей статье подвергаются сравнительному лингвистическому анализу два перевода с латыни на церковнославянский, относящиеся к концу XV и первой половине XVI столетия соответственно. Анализируемый здесь ветхозаветный текст, который входит в состав библейских песен, приложенных к Псалтири, уже с кирилло-мефодиевских времен существовал в церковнославянской традиции в переводе с греческого. Поэтому уместно задаться вопросом о том, до какой степени мы имеем здесь дело с новым переводом или же с переработкой текста, бытующего на восточнославянской почве.

Материалом для исследования послужили следующие рукописные памятники:

- 1) Чудовская латинская псалтирь, рукопись к. XV в. (Москва, Государственный Исторический Музей, Чуд. 53/29 [Седельников 1929: 18; Протасьева 1980], лл. 180об–182. [Ч]
- 2) Толковая псалтирь Брунона в переводе Дмитрия Герасимова по списку середины XVI в. из собрания Соловецкого монастыря, хранящемуся ныне в Российской Национальной Библиотеке (Санкт-Петербург), ф. 717, № 1039/1148 [Порфирьев и др. 1881: 146–153], лл. 736–740. [Б]

1.1. Чудовская латинская псалтирь

Первый памятник представляет собой уникальный пример полной латинской псалтири, написанной в кириллической транскрипции. Бумажная рукопись, тесно связанная с деятельностью книжников, подвизавшихся на владычном дворе новгородского архиепископа Геннадия в конце XV столетия [Фонкич 1977: 44], была использована, возможно, в качестве пособия по латыни, при обучении которой применялась славянская азбука [Лихачев 1945: 90]¹; в литературе высказывалось также мнение о том, что «[ч]удовская латинская Псалтирь могла предназначаться не только для обучения латинской грамоте, но и для знакомства с латинским богослужением» [Ромодановская 2009: 73].

В латинском тексте Псалтири, состоящем из 150 канонических псалмов, оставлен большой пробел между строками — по-видимому, для восполнения церковнославянским переводом; за ним следуют два блока библейских песен [Ромодановская 2004: 379]. Первый блок (л. 178–193 об.), соответствующий католи-

¹ Употребление кириллицы для графического обозначения латинских слов представлено также в рукописной традиции русского Доната, в двух списках XVII в.: Санкт-Петербург, Библиотека Российской Академии наук, Архангельское собрание, № 476 (издание [Tomelleri 2002]); Москва, РГБ, Собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 5 (дигитализ.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-5/>, дата обращения: 13.10.2022). Остатки латинских форм и примеров, данных в кириллической транскрипции, в тексте так называемых «Синтаксических правил» позволяют предполагать и для них такой же способ интерлинейного воспроизведения латинского подлинника и его славянского перевода [Tomelleri 1999: 77–78]; см. еще в Казанском списке русского Доната, некоторые изречения и молитвы, приложенные к грамматике для практического упражнения [Ягич 1885–1895: 907–911].

ческому составу и порядку песен, примечателен наличием подстрочного церковнославянского текста, вписанного между строками основного текста; во второй же блок (л. 194–207 об.) включены песни и молитвы, принятые в Восточной церкви [Там же]²:

(1а) Латинский (католический) состав библейских песен:

- Молитва пророка Исаяи (Ис. 12), л. 178
- Песнь Иезекии (Ис. 38: 10–20), л. 178–179
- Песнь Анны (1 Цар. 2: 1–10), л. 179–180
- 1-я Песнь Моисея (Исх. 15: 1–19), л. 180–182
- Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), л. 182–183об
- 2-я Песнь Моисея (Втор. 32: 1–43), л. 183об–187об
- Песнь трех отроков (Дан. 3: 57–88), л. 187об–188об
- Песнь Захарии (Лк. 1: 68–79), л. 188об–189об
- Песнь Богородицы (Лк. 1: 46–55), л. 189об–190
- Молитва Симеона (Лк. 2: 29–32), л. 190.

Имеются также *Te Deum* (л. 190–191) и *Symbolum Athanasii* (л. 191–193об).

(1б) Греческий (православный) состав библейских песен:

- 1-я Песнь Моисея (Исх. 15: 1–19), л. 194–195об
- 2-я Песнь Моисея (Втор. 32: 1–43), л. 195об–198об
- Песнь Анны (1 Цар. 2: 1–10), л. 198об–199об
- Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), л. 199об–201
- Песнь пророка Исаяи (Ис. 26: 1–21), л. 201–202
- Молитва пророка Ионы (Ион. 2: 3–10), л. 202–203
- Песнь Азарии (Дан. 3: 26–45), л. 203–205об
- Песнь трех отроков (Дан. 57–88), л. 205об–206об
- Песнь Богородицы (Лк. 1: 46–55), л. 206об–207
- Песнь Захарии (Лк. 1: 68–79), л. 207–207об.

1.2. Толковая Псалтирь Брунона

Тексты библейских песен, соответствующие первому блоку Чудовской латинской псалтири, встречаются также в Толковой псалтири Вюрцбургского (Герби-поленского) епископа Брунона, переведенной Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI в.³ В отличие от латинского подлинника, составленного в первой

² Исследовательница указывает на то, что фрагмент славянского подстрочного перевода имеется также при псалме 118, 73, где выступают глагольные формы в двойственном числе: *Мано-усъ тоуе долинне фесероунтъ ме етъ плазмавероунтъ ме* (*manus tuae fecerunt me et plasmaverunt me*) — рѣцѣ твои сътвориствѣ ма и създаствѣ ма (Ч, л. 150об).

³ В колофоне переводчик сообщает о завершении работы над переводом латинского подлинника 15-го октября 7044 г. от сотворения мира (1535): *Слава бгѣ съвршыаіцемѣ | всако дѣло блго. иже ѣ дльфа, и ѿ. и сын блвенъ в вѣкы, | дминь. | Конца достїи превоженїе сеа книгы. лѣта ѿ създанїа | ддмла. ѣѣмд.го. мѣа октавра. вѣ, еї, днѣ (Б, л. 770об).*

половине XI в.⁴, в котором основной текст, напечатанный более крупным письмом, снабжен объяснительным комментарием со всех сторон (см. Рис. 1, а также [Smith 1996: 86]), во всех славянских рукописных экземплярах Толковой Псалтири Брунона рамочное расположение отсутствует: отдельные стихи и толкования следуют друг за другом (см. Рис. 2), независимо от того, написан ли текст в один (подавляющее большинство списков) или в два столбца (два списка, относящихся к Великим Минеям Четым митрополита Макария)⁵.

Рис. 1. Psalterium Brunonis
(издание Антона Кобергера 1494 г.)⁶

⁴ Общепринятую датировку, основывающуюся на дате смерти Брунона (27.05.1045), оспаривала М. Гибсон (1938–1994), по мнению которой имя епископа обозначало не составителя, а заказчика традиционного комментария [Gibson 1994: 97]. В прим. 64 она ссылается на находившуюся в печати статью (The Psalter-commentary attributed to Bruno, bishop of Würzburg, *Studi Medievali*, forthcoming), упоминающую также в перечне ее работ с указанием на 1992 г. [Bibliography 1992: XII], которую мне не удалось найти. Вопрос об авторстве и времени составления латинского текста, однако, не играет для нашего изложения существенной роли.

⁵ Речь идет о следующих рукописях: 1) августовский том Великих Миней Четых митрополита Макария (Успенский список 1542 г.): Москва, Государственный Исторический Музей, Синодальное собрание, № 997, и 2) соответствующая часть Царского списка, содержащая три толковые псалтири — Брунона Вюрцбургского, Феодорита Кирского и Афанасия Александрийского: РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 12, сер. XVI в.

⁶ По одному из печатных изданий Антона Кобергера (1494 г. и 1497 г.) Дмитрий Герасимов осуществлял церковнославянский перевод [Wimmer 2005: 128].

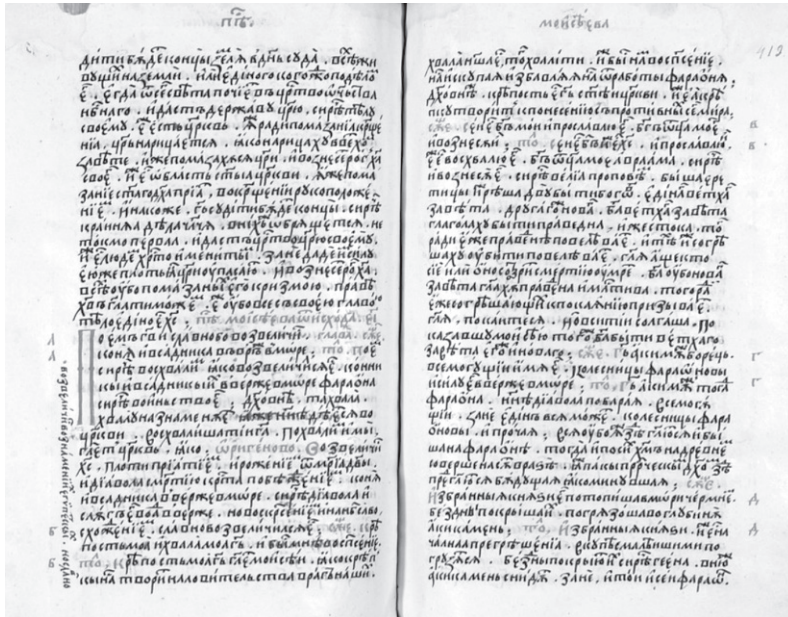

Рис. 2. РГБ, ф. 304/1 (Гр.-Серг.), № 87, Толковая Псалтирь Брунона, л. 411об–412.

Таким образом, на временном промежутке примерно в три десятилетия в одном и том же месте, в Великом Новгороде, возникли два разных перевода с латыни одного и того же текста, который уже существовал в церковнославянской традиции в переводе с греческого.

2. Предмет исследования

Пересечение двойного перевода с латыни с традиционным текстом, восходящим к греческой традиции и условно представленным здесь Синайской псалтирью (по изданию [Мареš 1997: 52–57]), дает исследователю ценный и интересный материал для сравнительного изучения переводческой техники и языковых явлений на морфосинтаксическом уровне. Приведенные ниже примеры взяты из первой песни Моисея (Исх. 15: 1–19)⁷:

(1а) Зачало текста первой песни Моисея по рукописи Ч (л. 180–180об)

пѣнїе моисѣево патла ферїа. въ исходѣ. гла .ѣі.
 кантїкѣ моузи. квинта ферїа. ѣздѣ. капитѣлѣ .ѣі. ||
 пѣ мѡисѣева .ѣ.

(1б) Зачало текста первой песни Моисея по рукописи Б (л. 736)

Пѣснь мѡисѣева ѡтѣ исхода .ѣі. глава.

⁷ Подстрочное издание двух версий опубликовано, вместе с латинским и греческим текстами, в статье [Томеллери 2022: 120–126].

В ходе анализа мы не будем останавливаться на тех многочисленных случаях, в которых ориентация на греческий или латинский текст отражается в выборе лексических единиц, как в следующем примере:

- (2а) Стих 16 ВЪДЪТЪ неподвижны ꙗко камень (Ч, л. 181об)
ВЪДЪТЪ неподвижни ꙗкѡ кáмень (Б, л. 739об)
fiant immobiles quasi lapis [Denzinger 1880: 540]⁸
(ср. С: да окамяниатъ сѧ — ἀπολιθωθήτωσαν).

Данный пример примечателен тем, что в обеих версиях отсутствует частица да при передаче латинского конъюнктива, выражающего пожелание, в независимом предложении. В начале того же стиха не поддается однозначной интерпретации церковнославянский перевод лат. поощрительного конъюнктива *irruat*, представленный аористной (?) формой нападе, которой в Чудовской латинской псалтири предшествует союз да:

- (2б) Стих 16 да нападе на нихъ страхъ ѿ боязнь : въ величїи мышца твоѧ
(Ч, л. 181 об)
Нападе на нихъ боѧзнь ѿ ѡжасъ в ѣ величествій мышца твоѧ
(Б, л. 739 об)
Irruat super eos formido et pavor in magnitudine brachii tui.

Есть основания полагать, что по ошибке или невнимательности переписчика в сочетании да нападе просто осталась недописанной выносная буква т; о подобных случаях в текстовой традиции Геннадиевской библии 1499 г. см. [Foster 1995: 328]⁹.

Не будут также учитываться те нередкие примеры, в которых текст Толковой псалтири Брунона лексически совпадает с традиционным церковнославянским текстом (прославити), тогда как Чудовская латинская псалтирь разделяет со вторым временную форму глагола (аорист), отличаясь от первой на лексическом уровне, что объясняется вариативностью в латинском подлиннике:

- (3) Стих 1 прославилъ сѧ есть (Ч) — *honorificatus est*
възвеличи сѧ (Б, л. 736) — *magnificatus est* [Denzinger 1880: 537]
(ср. С: прослави сѧ — δεδόξαται).

⁸ При сравнении обеих латинских версий библейской песни с церковнославянскими текстами и между собой обнаружилось ничтожное количество лексико-грамматических разночтений, обусловивших различия в славянских переводах (см. ниже пример 3). При отсутствии указаний на подобную вариативность в латинском тексте подразумевается, что обе латинские версии, к которым восходят независимо друг от друга два церковнославянских перевода, полностью совпадают.

⁹ Москва, Государственный Исторический Музей, Синодальное собр., № 915 (подробное описание в [Горский, Невоструев 1855: 1–164]).

3. Грамматические особенности обеих версий

Главное внимание будет сосредоточено на грамматических явлениях, возникших благодаря пересечению двух различных факторов: влияния исходного латинского текста, с одной стороны, и контаминации с церковнославянской традиционной версией, с другой. Подобранный для анализа материал в основном касается грамматической категории числа (при наличии или отсутствии лексической вариативности), глагольного залога (противопоставление актива-пассива) и глагольной морфологии. Для полноты картины будут при необходимости привлекаться и комментарии к стихам (из Толковой псалтири Брунона), позволяющие лучше охарактеризовать переводческую технику Дмитрия Герасимова и сделать достоверные наблюдения о взаимоотношении между основным текстом и комментарием.

3.1. Число

Начнем с лексического и грамматического хиазма в восьмом стихе, в котором в Толковой псалтири Брунона сохраняется традиционная лексема при замене грамматического числа (*вода*), в соответствии с ед. ч. латинского образца (*unda*); в Чудовской латинской псалтири, напротив, сохранение мн. ч. (*вълны*) сопровождается точной лексической передачей латинского подлинника:

(4а) Стих 8 Сташа *вълны* льююще (Ч, л. 181)

Ста *вода* текѹциѹ (Б, л. 738)

stetit unda fluens [Denzinger 1880: 539]

(ср. С: *Вѣстѣша ѿко стѣна воды — ἐλάγη ὡσεὶ τεῖχος τὰ ὕδατα*).

В толковании к стиху опять употребляется та же лексема, что в древней традиции, — *вода* в ед. ч., а лат. причастие прошедшего времени страдательного залога *divisi*, относящееся к имени существительному *maris* (род. п. ед. ч.), неверно переведено аористой формой 3 л. мн. ч. *раздѣлишася*¹⁰, причем это сказуемое согласуется с двумя именами прилагательными во мн. ч. (*морскія...ѣрданьскія*), предполагающими присутствие подлежащего во мн. ч. (*воды*):

(4б) Ста *вода* текѹциѹ сирѣчь иѡи морскія раздѣлишася иѡи ѣрданьскія. іѡкѡ ѹтѣтѣа (Б, л. 738)

Stetit unda fluens, id est vel maris divisi vel Jordanis ut legitur [Denzinger 1880: 539].

В Толковой псалтири Брунона имеются случаи, когда традиционная лексика сочетается с грамматической инновацией, обусловленной латинским подлинником, тогда как в Чудовской латинской псалтири лексическая инновация уравнивается

¹⁰ Следует при этом отметить, что в 11-м стихе пассивная форма латинского причастия передана аористом страдательного залога: *възвеличиса въ стѣсти* (Б, л. 738об) — *magnificus in sanctitate*.

сохранением грамматического числа, в соответствии с традиционным текстом, как в следующем примере:

- (5а) Стих 9 *раздѣлю корысти* (Б, л. 738)
раздѣлю плѣнѣ (Ч, л. 181)
dividam spolia [Denzinger 1880: 539]
(ср. С: *раздѣлѣж користь*).

Эта разница в числе обнаруживается также при лексическом совпадении обоих переводов, причем Чудовская латинская псалтирь опять стоит ближе к традиционной версии текста:

- (5b) Стих 10 *въ водѣхъ свѣлыхъ* (Б, л. 738об)
въ водѣхъ зѣлыхъ (Ч, л. 181)
in aquis vehementibus [Denzinger 1880: 539]
(ср. С: *въ водѣхъ свѣло* — *ἐν ὕδατι σφοδρῶ*).

В Толковой псалтири Брунона буквальная передача латинского текста невольно возвращает первоначальный церковнославянский текст (с формой вин. п. ед. ч. *вѣдника*), который на восточнославянской почве очень рано подвергся переосмыслению, связанному с омонимией форм вин.-род. п. ед. ч. (*кона*) и вин. п. мн. ч. (*кона*) предшествующего имени существительного:

- (6а) Стих 1 *кона и всадникихъ взверже въ море* (Ч, л. 180об)
кона и вѣдникахъ взверже въ море (Б, л. 736)
equum et ascensorem proiecit in mare [Denzinger 1880: 537]
(ср. гр. *ἵππον καὶ ἀναβάτην ἔρριπεν εἰς θάλασσαν*).

В Геннадиевской библии 1499 г., напротив, как и в Чудовской латинской псалтири, засвидетельствована форма множественного числа:

- (6б) *кона и всадникихъ вверже в море* (л. 42об).

Интересно, что живая сила традиции отражается также в славяно-греческой псалтири Максима Грека 1552 г., где греческие формы вин. п. ед. ч., данные в кириллической транскрипции (*ἵππον καὶ ἀναβάτην*), сопровождаются формами мн. ч. церковнославянского текста:

- (6в) *кона и всадники*¹¹.

Мнимое совпадение в числе наблюдается также в Острожской библии 1581 г., тогда как в современном тексте Синодальной Библии восстановлено первоначальное согласование по числу: *кона и вѣдника*.

Следует при этом отметить, что в толковании повторяется грамматическая структура стиха, с двойным использованием аориста *взверже* несмотря на то, что

¹¹ РГБ, ф. 173.1 (МДА), № 8, издание [Вернер 2019: 861].

в латинском подлиннике в обоих случаях выступает форма герундия в аблативном падеже (*dejiciendo*), обычно передававшегося, как и в предыдущих и следующих формах, с помощью отглагольного имени существительного в творительном падеже [Томеллери 2013: 215]. Нарушается, таким образом, риторически значимая цепь морфологически одинаковых форм, указывающих на последовательные действия воскресшего Христа:

- (7а) ВЪЗВЕЛИЧИСА ХС ПЛѠТИ ПРИАТІЕМЪ. ѿ РОЖЕНІЕМЪ ѿ МРІА ДѢВИ. ѿ ДІАВОЛА || СМРТІЮ КРГА ПОВЪЖЕНІЕМЪ. КОНА ѿ ВСАДНИКА ВЪВЕРЖЕ ВЪ МОРЕ. СИРБЪЧЪ ДІАВОЛА ѿ СЛОУГЪ ЕГО ВО ДАДЪ ВЪВЕРЖЕ. НО ВЪСКРІЕНІЕМЪ ѿ НА НБСА ВОСХОЖЕНІЕМЪ СЛАВНО ВОЗВЕЛИЧИЛЪ СА ЁСТЬ (Б, л. 736–736об)

magnificatus est Christus in || carnis assumptione, et nascendo de Maria virgine, et diabolum per mortem crucis vincendo, equum et ascensorem dejiciendo in mare, id est diabolum et ministros ejus in infernum dejiciendo, sed resurgendo et in coelum ascendendo, gloriose magnificatus est [Denzinger 1880: 537–538].

В предисловии к Геннадиевской библии лат. герундий передается причастием прошедшего времени, подчеркивающим временную последовательность ситуаций:

- (7б) Предислѡвіе на настоѡщѡю кнѡгѡ — Пѡднѡже бѡ творецъ вѡс сѡго рѡди члѡка слѡвесемъ ѡбогачена създѡ, да творца своѡго познаеть. ѿ познавъ възлюбить. ѿ възлюбивъ чествѡдетъ. ѿ тако блженъ всмертьствѡ блженъ сзтворитса¹²

Prefatio in presens opus. Cum deus creator omnium ideo hominem ratione preditum condiderit. Ut factorem suum agnoscat: et agnoscendo diligit: diligendoque colat. Et ita felici immortalitate beatus efficitur [Wimmer 1975: 456].

3.2. Залог

Особого внимания заслуживает противопоставление действительного (Б) и страдательного (Ч) залогов для передачи латинского пассивного перфекта в 4-м стихе:

- (8а) Стих 4 ИЗЪРАНЫА КНЗИ ЕГО ПОТОПЛЕНИ СЪТЬ ВЪ МОРИ ЧЕРМНЪ (Ч, 180об)
ИЗЪРАНЫА КНЗИ ЕГО ПОТОПОША ВЪ МОРИ ЧЕРЫМНЕМЪ (Б, л. 737)

Electi principes ejus submersi sunt in mari Rubro [Denzinger 1880: 538]

(ср. С: *ИЗЪРАНЫА* ВЪСАДНИКЪ ТРЪСТАТЪ · ПОТОПИ ВЪ ЧЕРЫМНЪМЪ МОРИ — ἐπιλέκτους ἀναβάτας τριστάτας κατεπόντισεν ἐν ἐρυθρᾷ θαλάσῃ).

¹² <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/177931?query=рукописи%201499&index=5> (дата обращения: 28.12.2022). В церковнославянском переводе Николая де Лиры «Доказательство пришествия Христова» герундий по-разному переведен Дм. Герасимовым [Федорова 2021: 298], в зависимости от синтаксического контекста и падежной формы; о вариативности при передаче лат. герундия в хорватско-глаголической традиции см. [Mihaljević 2020: 222–223].

Если в Чудовской латинской псалтири церковнославянский перевод (по̀топлени сѣть) дословно воспроизводит латинский образец (*submersi sunt*), в Толковой псалтири Брунона отдается предпочтение непереходному глаголу по̀топоути, тогда как в традиционном тексте выступает форма аориста действительного залога от глагола по̀топити, соответствующая греческому оригиналу (κατελόντισεν). В толковании к данному месту, к тому же, выступает пассивная форма по̀грѣзатѣа для передачи другой латинской лексемы (*subruuntur*); кроме этого, удивляет передача латинских глаголов настоящего (*subruuntur*) и прошедшего (*descenderunt, operuerunt*) времен формами не прошедшего времени совершенного вида:

(8б) Изѣранныѣ кнзи. иже есть на чѣмъ прегрѣшенїа. вѣоупѣ с малѣишими по̀грѣзатѣа. вѣзны по̀крѣютъ ихъ сирѣчь геенна. в нюже ѡки камень снїдѣтъ (л. 737об)

Electi principes, id est principalia vitia pariter cum minimis subruuntur. Abyssi operuerunt eos, id est gehenna, in quam quasi lapis descenderunt [Denzinger 1880: 538].

Избегание аналитической (результативной) конструкции в Толковой псалтири Брунона, возможно, связано с желанием переводчика не нарушать нарративную структуру стиха, относящуюся к конкретному событию ветхозаветной истории. Трудно, однако, провести четкое семантическое различие между этими формами в нашем тексте, в котором латинский страдательный перфект (тип *laudatus, -a, -um est*) может передаваться аористом глагола с формантом сѣ (9) или с помощью причастия прошедшего времени страдательного залога со связкой быти (10):

(9а) Псалом XVII, 8 Црѣвь, тѣло господское. и дѣже оу слышасѣ члѣство ѿ бжтва (Б, л. 81)

Templum, corpus dominicum, ubi exaudita est humanitas a divinitate [Denzinger 1880: 92];

(9б) Псалом CXXXVII, 3 возвеличисѣ има. еѣга на чествованїа его силѣ познасѣ (Б, л. 674)

Magnificatum est nomen, cum nobis culturae ipsius virtus innotuit [Denzinger 1880: 495];

(10а) Предисловие к Толковой псалтири Брунона (Praefatio Reyseriana)

иакѣ тогда ѿ нѣ почи\та\тисѣ въ црѣвѣ предано есть (Б, л. 1)

sicuti tunc ab eis legendum in ecclesiis traditum est [Bruno 1494: 36]; см. также [Tomelleri 2004: 274-275];

(10б) Предисловие к Толковой псалтири Брунона (Praefatio Reyseriana)

Потомъ же ѡстѣдѣвающѣ члѣскомѣ оученїю къ бжтвеннѣ писанїемъ. превъзмогающимъ неподобнѣ гордыни и златоу възжелвнїе. досадително и сѣло \въ\ ѿвыченїе ѿходити помалоу по̀поущено е изѣранное дѣло (Б, л. 1об)

Porro tepescente hominum ad divinas litteras studio invalescentibusque illecebrarum ambitionis aurique cupiditatibus, fastiditum atque adeo in desuetudinem iri paulatim missum est egregium opus [Bruno 1494: 36]; см. также [Tomelleri 2004: 276-277].

К смешанному морфологическому типу, указывающему на действие в прошлом, относится следующий пример из того же предисловия, в котором роль связки выполняет аорист глагола *быти*:

(11) Предисловие к Толковой псалтири Брунона (Praefatio Reuseriana)

ѣже толь велѣмъ трудоу ꙗко про ꙗбѣдѣю всѣмъ оуѣащимса пользоу
ѣчинено бы ꙗко в нашѣмъ обѣреванїи, тоа. ѣдва слѣдъ оставленъ видитса
(Б, л. 1об)

(quod tam multo labore a patribus pro communi omnium discentium utilitate fabrefactum est) ut nostra tempestate eius vix vestigium relictum videatur [Bruno 1494: 36]; см. также [Tomelleri 2004: 277-278].

Употребление аористой формы *бытъ*, выражающей вхождение в новое состояние, обычно носит лексико-грамматический характер, как явствует из постоянного соответствия между славянским глаголом *быти* и лат. пассивной формы *fieri*:

(12) 2 Мак. 12, 36 (ГБ, л. 679; см. также ниже пример 19е)

и тѣ ѣже съ ѣздримъ бѣхоу долзѣ бранациса и оутроужены || възва іоуда гла
помощника и воеводуу брани быти

at illis, qui cum Esdrin erant, diutius pugnantibus et fatigatis, invocavit Iudas Dominum adiutorem et ducem belli fieri [Freidhof 1972: 142]¹³.

В старославянском языке причастие прошедшего времени страдательного залога с настоящим временем глагола *быти* могло выражать результирующее значение, причем обе конструкции, перифрастическая и рефлексивно-страдательная с клитическим местоимением *са* уже с самого начала находились в синонимическом отношении [Večerka 1996: 217-221]. Результирующее значение пассивного перфекта, одновременно с подражанием латинской модели, отражено в следующем пассаже, взятом из Мучения св. Вита:

(13) ꙗви же са отроуциоу аѣглаъ гнѣ гла данъ юсмь тебѣ спситель [Mareš 1979: 137]
Apparuit autem infanti angelus Domini dicens datus tibi sum custos [Kappel 1974: 76].

Более интересным, в связи с предполагаемой тенденцией заменять пассивную конструкцию активной, является следующий пример, в котором для передачи

¹³ Трудно согласиться с Г. Фрайдхофом, усматривающим в замене сложной синтаксической конструкцией с участием самостоятельного аблатива (*illis...pugnantibus et fatigatis*) влияние русского разговорного языка [Freidhof 1984: 349].

латинского перфекта страдательного залога в славянском переводе выступает активная форма:

(14) Мучение св. Вита

ВѢДѢ ІАКО ОЖЕСТИЛЪ ЕСТЬ СРДЦЕ ТВОЕ, НЪ ЛЮДИИ РАДИ СТОЯЩИХЪ СЪТВОРЮ СЪ ТОВОЮ МИЛОСТЬ [Mareš 1979: 140]

Scio quod obduratum est cor tuum¹⁴, sed propter populum astantem faciam tecum misericordiam (Bibliotheca Hagiographica Latina 8712) [Philippart 2009: 211].

В примечании Ф. Мареш, принимая осторожную конъектуру А. И. Соболевского [1903б: 287, прим. 8], предлагает исправить несогласованную причастную форму *ожестилъ* по отношению к подлежащему (срдце) на *ожестило*; такое же мнение высказывается в картотеке Пражского словаря старославянского языка (см. Рис. 3).

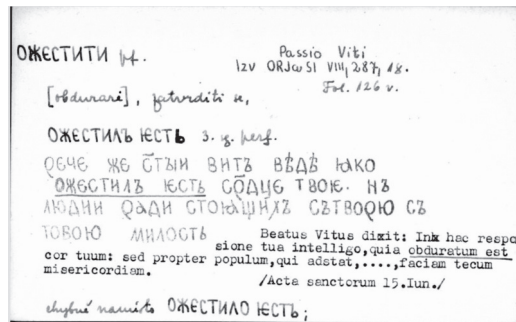

Рис. 3.

http://gorazd.org/gorazd_viewer/?image=SS2-05A004156a.jpg&envLang=cs

Главная проблема, однако, состоит в каузативном значении переходного глагола *ожестити*, как показывают в словаре эквиваленты в толковании (*zatvrdit; to harden; ожесточить; verhärten*) и приведенные примеры (см. также [СДЯ 6: 114]). В этой форме данное место нуждается в более подробном анализе, потому что при устранении (мнимой?) морфосинтаксической неувязки текст все еще остается неудовлетворительным с синтаксической и семантической точек зрения. Создается впечатление, что перед нами очередной случай избегания пассивной конструкции, причем подлежащим активного предложения становится не сердце, а собеседник св. Вита, его отец Иласий. При такой интерпретации, следовательно, следовало бы исправить не причастную форму *ожестил* на *ожестило*, а связку, заменяя третье лицо вторым: *еси* вместо *есть* (эта путаница, естественно, могла произойти при переписывании текста). Такая возможность подсказывается косвенно современным переводом на чешский язык (а), от которого зависит польский (б):

¹⁴ Этот образ засвидетельствован также в мучении Гермагора Аквилейского: “*Scio quod falleris et non credis, quia obduratum est cor tuum. Sed propter populum adstantem faciam eam salvam*” [Colombi 2008: 67, прим. 43; 2010: 344, прим. 26; Philippart 2009: 210–211].

- (15a) *Vím, žeš zatvrdil srdce své. Avšak pro lid okolo stojící učiním s tebou milosrdenství* [Vašica 1942: 91];
- (15b) *Wiem, że zatwardziłeś swoje serce. Ale dla ludu wokół stojącego uczynię miłosierdzie* [Paner 1995: 177].

Нельзя, конечно, исключать возможность, что в первоначальном тексте славянского перевода стояла форма клитического местоимения *са* (ожестило *са* естъ), но данная интерпретация предполагает более сложную цепь текстуальных изменений / искажений первоначальной формы. Можно, наконец, восстановить форму непереходного глагола *ожестѣти*, т. е. *ожестѣло естъ*, со смешением букв <ѣ> и <и> при переписывании текста. Ср. следующее место из Бесед Григория Богослова на евангелие (159аβ15–20):

- (16) *мъсль ѣлѣка · не ѣшоуцаго · лица творяца своего · злѣ ѡжестѣла ѣстъ · іако в себе сама · превъидѣть · ст[(р)]оудена* [Konzal 2006: 692], см. также [СРЯ 12: 300]
Mens namque hominis conditoris sui speciem non querentis male dura est, quia in semetipsa remanet frigida [Konzal 2006: 692].

3.3 Глагольная морфология

Чрезвычайно любопытно сочетание связки *сѣть* с аористой формой для передачи аналитического латинского перфекта страдательного залога, встречающееся два раза в Чудовской латинской псалтири:

- (17a) Стих 8 *сѣбраша са сѣть воды* (Ч, л. 181)
сѣбраша са воды (Б, л. 737об)
congregatae sunt aquae [Denzinger 1880: 539]
 (ср. С: *рѣстѣпи сѣа вода — діѣстѣ тò ѡдѡр*).

Следует обратить внимание на то, что в том же стихе лат. форма *congregati sunt* передана в обоих версиях песни страдательной формой аориста: *сѣбраша са* (Ч), *сѣбраша са* (Б).

- (17b) Стих 10 *погразоша сѣть* (Ч, л. 181)
погразоша (Б, л. 738об)
submersi sunt [Denzinger 1880: 539]
 (ср. С: *погразѣж — ѣдѡсан*).

В Толковой псалтири Брунона форма непереходного глагола *погразноути* [СРЯ 15: 208–209] употребляется также в комментарии:

- (18) *дѣхомъ во крѣпости твоѣѡ погразоша*¹⁵ (Б, л. 738об)
spiritu enim fortitudinis tuae submersi sunt [Denzinger 1880: 539].

¹⁵ В Б словоформа *погразоша* (во гла҃|винѣ) встречается также в пятом стихе (л. 737–737об) для передачи лат. *descenderunt (in profundum)*, которому соответствует *снѡдоша* в Ч.

Морфологическое подражание латыни, связанное, по-видимому, с подстрочной природой представления подлинника и перевода, повторяет модель, засвидетельствованную в тех книгах Геннадиевской библии 1499 г., которые были переведены с Вульгаты в последние десятилетия XV в. [Freidhof 1972: 109].

Рассмотрим более подробно примеры, приведенные Г. Фрайдхофом, вместе с широким контекстом по списку 1499 г. Контексты сопоставляются с соответствующими местами в рукописи Иосифо-Волоцкого монастыря, содержащей лишь вновь переведенные ветхозаветные книги, которых не доставало в церковнославянской традиции¹⁶.

Латинские глагольные формы, которым в церковнославянском переводе соответствует морфологически монструозное сочетание аориста со связкой, принадлежат преимущественно отложительному или смешанному (19а, 19б, 19г, 19д и 19е) залогу, лишь одна относится к страдательному (19в):

(19а) 1 Паралипоменон 19, 15 (ГБ, л. 248–248об)

Па́кы | снѣвѣ а́ммоннѣ видѣвшѣ ꙗ́же повѣ́же сѣрѣ́ тѣ́ же | погонѣша а́бисаи брата
ѣго : ꙗ́ внидоша сѣ́тъ гра́дѣ. | Възврати же са пакы ѿна́вѣ въ ѿерлѣ́мъ

Porro filii Ammon videntes quod fugisset Syrus, ipsi quoque fugerunt Abisai fratrem ejus, et ingressi sunt civitatem: reversusque est etiam Joab in Jerusalem

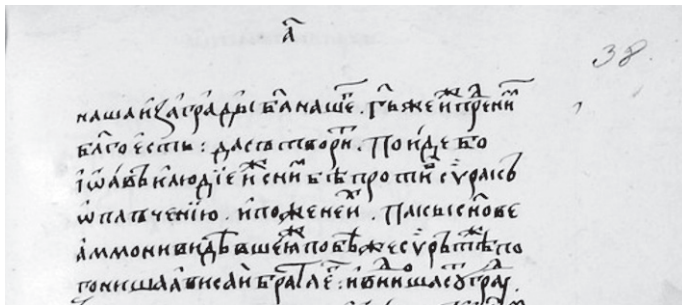

Рис. 4. РГБ, ф. 113, № 9, л. 38

(19б) 2 Паралипоменон 31, 1 (ГБ, л. 275об–276)

Ѣ́гда же сѣа вы́ша право празнова́на. ѿ́шлѣ́з ѣ́ весь | ѿи́ль ѿ́же ѡ́бръ́тенъ́ бы́ въ
гра́дѣ́ ѿдоудѣ́ : ꙗ́ сѣз | кро́уши́ша ѡ́бръ́зы по́сѣ́коша же лѣ́сы : разо́рили | сѣ́тъ
вы́шнаа ѿ ѡ́лтари разо́риша не то́кмо весь | ѿдо́а ѿ ве́нѣа́минъ : но́ ѿ ѡ́фре́ма
же ѿ ма́наси́а : | | до́нде́ вса́коа ѿспро́верго́ша. ѡ́бръ́ти́ша же́ сѣ́тъ вси́ | снѣ́вѣ
ѿи́леви. въ ѡ́держанѣ́а ѿ гра́ды своа́

Cumque haec fuissent rite celebrata, egressus est omnis Israel, qui inventus fuerat in urbibus Juda, et fregerunt simulacra, succideruntque lucos, demoliti

¹⁶ РГБ, ф. 113 (Иос.-Вол.), № 9 и № 11.

sunt excelsa, et altaria destruxerunt, non solum de universo Juda et Benjamin, sed et de Ephraim quoque et Manasse, donec penitus everterent: reversique sunt omnes filii Israel in possessiones et civitates suas

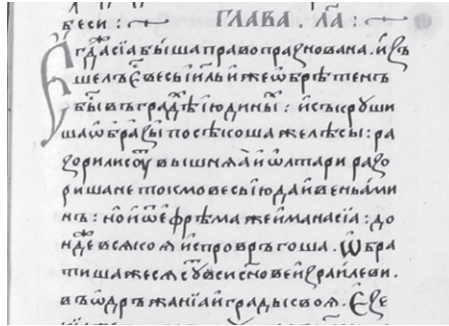

Рис. 5. РГБ, ф. 113, № 9, л. 111

(19в) 2 Паралипоменон 31, 10 (ГБ, л. 276)

Ѡвѣща томѡ азарїа сїеннїицѡ | первыи ѡ колѣна садохова гл҃юци. Ѡнелѣ же начаша | приносити первѣишаа въ дѡ гнѣ : іадохѡ и насыща | хумса есмы : и иъвыша многа того ради іаже бл҃ви | лѣ гѣ люди своа. Прочаа же е множества та а види | ши

Respondit illi Azarias sacerdos primus de stirpe Sadoc, dicens : Ex quo cooperunt offerri primitiae in domo Domini, comedimus, et saturati sumus, et remanserunt plurima, eo quod benedixerit Dominus populo suo: reliquarum autem copia est ista, quam cernis

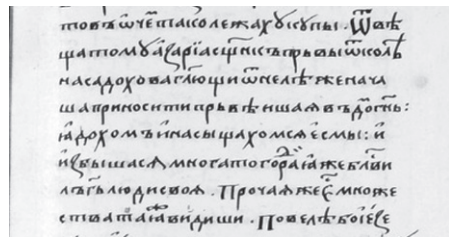

Рис. 6. Рис. 5. РГБ, ф. 113, № 9, л. 112

(19г) 2 Паралипоменон 32, 20 (ГБ, л. 277)

Молиша же сего рѡ | іезекїа цр҃ь и ісаїа сн҃ъ амоса прр҃ковъ на сїа бласфемїа [на полях хленїа] : | и възпиша сѡтъ даже до нбсїи

Oraverunt igitur Ezechias rex, et Isaias filius Amos prophetae, adversum hanc blasphemiam, ac vociferati sunt usque in caelum

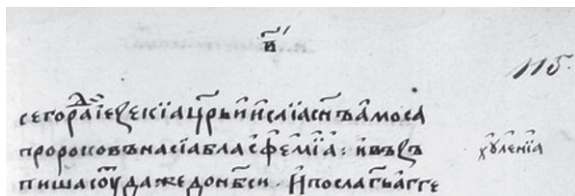

Рис. 7. РГБ, ф. 113, № 9, л. 115

(19д) 1 Маккавейские 10, 26 (ГБ, л. 658об)

Ико дрѣжалъ еси к намъ чинъ и превывалъ еси | въ прѣательствѣ нашемъ : и не
пристѣпилъ еси къ врагѣмъ | нашимъ. слышахомъ и радовахомся емы

Quoniam servastis ad nos pactum, et mansistis in amicitia nostra, et non acces-
sistis ad inimicos nostros, audivimus, et gavisus sumus

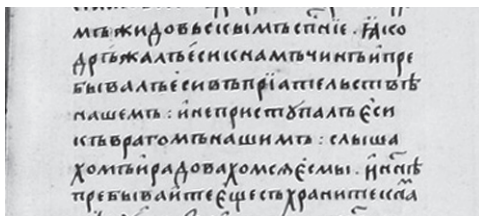

Рис. 8. РГБ, ф. 113, № 11, л. 197

(19е) 1 Маккавейские 10, 26 (ГБ, л. 514)

И бы слово гнѣ къ мнѣ рекѣци. иди и възъпи въ уши іерлѣмъ | рекѣци. Сидъ рече
гь въспоманѣхъ са есмь¹⁷ к тебѣ милѣ | юци юность твою : и любви ѡбрѣченѣа
твоѣго

Et factum est verbum Domini ad me, dicens: Vade, et clama in auribus Jerusa-
lem, dicens: Haec dicit Dominus: Recordatus sum tui, miserans adolescentiam
tua, et caritatem desponsationis tuae

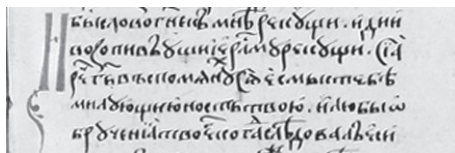

Рис. 9. РГБ, ф. 113, № 11, л. 212

¹⁷ Эта форма приведена, без контекста, в описании синодальной рукописи [Горский, Невоструев 1855: 97].

В научной литературе высказывались разные мнения по поводу этих форм. Калькирование латинских отложительных глаголов объяснялось средневековым стремлением придерживаться предельно буквалистического принципа при переводе Священного Писания, в результате чего часто нарушались морфосинтаксические нормы церковнославянского языка и текст становился непонятным без обращения к латинскому оригиналу [Соболевский 1903а: 255; Ромодановская 2014: 534].

Это морфологическое явление приобъясняли также неуверенностью новгородских книжников в использовании аориста, который они смешивали с *л*-формами [Freidhof 1972: 110; 1984: 349], или же особым статусом отложительных (*deponentia*) и полуотложительных (*neutropassiva*) глаголов¹⁸, которые воспринимались переводчиком, хорватским монахом Вениамином¹⁹, сквозь призму их употребления в народном (романском) языке: «Аорист, будучи у Вениамина равнозначным вариантом *л*-формы, появляется в сочетании со связкой у тех же отложительных глаголов, перифразы от которых в вольгаре имели значение прошедшего времени» [Вернер 2010: 26].

О том, что во второй половине XV в. процесс исчезновения аориста в русском языке уже завершился, свидетельствует как будто пассаж из послания самого Геннадия новгородскому митрополиту Зосиме 1490 г. [Булаховский 1958: 207, прим. 3]:

(20) Послах де еси по всем градом на еретики грамоты.

Отметим, впрочем, что в других изданиях этого послания, наряду с прочими разночтениями, дается «правильная» форма перфекта с *л*-формой: «послал, деи, еси по всем городом на еретика грамоты» [Казакова, Лурье 1955: 378] (см. также [Акты 1836: 482; Павлов 1908: 777]), так что сама по себе эта сомнительная форма лишается доказательной силы.

В общем, можно уверенно утверждать, что в **ГБ** формы аориста (и имперфекта), несмотря на их отсутствие в живом русском языке, порождались в текстах, переведенных с латыни, правильно по образу и подобию других церковнославянских текстов и употреблялись совершенно последовательно [Соболевский 1903а: 256]²⁰.

Вышеупомянутые ошибочные формы, носящие скорее случайный и спорадический характер, не поддаются однозначной интерпретации. Поскольку, однако, формальное подражание латинскому образцу встречается достаточно редко, есть основания считать, что здесь идет речь о механических ошибках, допущенных по небрежности при редакторской работе, хотя нельзя не учитывать, что это явление часто соотнесено с категорией лат. (полу)отложительных глаголов.

¹⁸ Эти латинские обозначения передаются в русском Донате как *посредственнїи страданнїи* и *отложнїи* [Tomelleri 2002: 321-322].

¹⁹ Об этой довольно загадочной личности, чье прямое участие в переводе с латыни ветхозаветных книг не до конца доказано, см. [Rozov 1932–1933; Лурье 1961; Foster 1995: 20–35; Wimmer 2005: 93–99].

²⁰ Ученый видел в этом весомый аргумент в пользу гипотезы об участии южнославянского книжника в переводе **ГБ**.

Тем интереснее поэтому такие же сочетания аориста со связкой сѣть в 3 л. мн. ч. для передачи страдательных форм латинского оригинала, засвидетельствованные в Чудовской латинской псалтири:

- (21) сѣбраша са сѣть воды (Ч, л. 181) — *congregatae sunt aquae*
 потопоша сѣть (Ч, л. 181) — *submersi sunt*

Оказывается, что палеографически-кодикологические и культурно-исторические аргументы в пользу новгородского (геннадиевского) происхождения Чудовской латинской псалтыри подтверждаются также «грамматически». Кроме этого формального совпадения, подстрочный характер перевода, вертикально соотносящегося с латинским текстом, подсказывает решение морфологической загадки, которую мы склонны считать механической ошибкой. Приведем интерлинейрный текст полностью и, что важнее, слово в слово и строка в строку:

- (22a) Точное воспроизведение рукописи (*congregatae sunt aquae*)

...и	вз	дѣсѣ	іа̑рости	твоеа	<u>сѣбра</u>
еть	инь	спиритѣ	фоурорисѣ	тѣи	<u>конь</u>
<u>ша са</u>	<u>сѣть</u>	воды			
<u>грегате</u>	<u>сунтѣ</u>	акве			

- (22б) Точное воспроизведение рукописи (*submersi sunt*)

...Дзхнеть	дѣѣ				
...Флавитѣ	спиритоусѣ				
твои	и	покры	и̑хѣ	море :	<u>потопоша</u>
тоуѣѣ	еть	впероуитѣ	евсѣ	маре :	<u>сѣбмерси</u>
<u>сѣть</u>	іа̑ко	ѡлово	вз	водѣ	
<u>сунтѣ</u>	кѡзи	плоумбоумѣ	инь	аквисѣ	

Сразу же бросается в глаза дистантное положение лат. связки *sunt* и предшествующего пассивного причастия прошедшего времени: причастие и связка находятся на разных строках; при добавлении церковнославянского текста, следовательно, для обеих частей лат. сложной формы было подставлено славянское грамматико-лексическое соответствие.

4. Итоги

Две изученные здесь версии Первой библейской песни Моисея существенно отличаются друг от друга, как в лексическом, так и в грамматическом плане. Нет сомнений, что над ними трудились различные книжники-переводчики, обладавшие неодинаковым лингвистическим чутьем и способностями. Не менее существенным, однако, кажется то обстоятельство, что эти два текста отличались формально и, следовательно, преследовали различные цели: Чудовская латинская псалтирь в тех частях, где имелся подстрочный славянский «перевод», читалась одновременно горизонтально (латинский или церковнославянский текст, причем оба были

написаны кириллицей) и вертикально (славянско-латинские соответствия на уровне лексики и грамматики). Толковая псалтирь Брунона, напротив, несмотря на ее переводной характер, представляла собой совершенно самостоятельное сочинение толкового жанра, предлагающее богословски разностороннее объяснение священного текста. Эти разные подходы, естественно, в известной степени предопределяли и некоторые переводческие решения.

На основе изложенных фактов можно сделать вывод о том, что сравнение двух относительно поздних переводов одного и того же текста, уже известного в церковнославянской традиции, предоставляет благодатный материал не только в лексикологическом, но также и в грамматическом плане.

Источники, словари, описания рукописей, книгохранилища и справочная литература

Акты 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссиею. Т. I: 1294–1598 гг. СПб., 1836.

Горский, Невоструев 1855 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый: Священное писание. М., 1855.

Павлов 1909 — Памятники древнерусского канонического права. Изд. 2-е. Часть 1: Памятники XI–XV в. / Под ред. А. С. Павлова (= Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею, Т. 6). СПб., 1909.

Порфирьев и др. 1881 — *Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 1. Казань, 1881.

Протасьева 1980 — *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.

СДЯ 6 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2009.

СРЯ 12, 15 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. Вып. 15. М., 1989.

Bibliography 1992 — Bibliography of M. T. Gibson // Intellectual Life in the Middle Ages. Essays Presented to Margaret Gibson / Ed. by L. Smith and B. Ward. London; Rio Grande, 1992. P. X–XII.

Bruno 1494 — Bruno Herbipolensis, Psalterium beati Brunonis episcopi Herbipolensis. [Nürnberg]: Anton Koberger, 1494 [München, Bayerische Staatsbibliothek, 4 Inc.c.a. 1080].

Denzinger 1880 — Brunonis opera. Ed. H. Denzinger (= Patrologia Latina 142). Paris, 1880. P. 9–568.

Konzal 2006 — Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na evangelia / K vydání připravil V. Konzal za pomoci F. Čajky. Díl druhý: Homilie XXV–XL (= Práce Slovanského ústavu, Nová řada, svazek 20/II). Praha, 2006.

Mareš 1979 — *Mareš Fr. W. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. With an Outline of Czech-Church Slavonic Language and Literature and with a Selected Bibliography* (= Slavische Propyläen, Texte in Neu- und Nachdrucken, 127). München, 1979.

Mareš 1997 — *Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N). Ad editionem praeparaverunt P. Fetková, Z. Hauptová, V. Konzal, L. Pacnerová, J. Švábová sub redactione F. V. Mareš* (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkankommission, Philologische Abteilung, Bd. 38). Wien, 1997.

Vašica 1942 — *Umučení svatého Víta. Staroslovanské zpracování života sv. Víta z polovice X. století. Přeložil Josef Vašica* // *Na úsvitu křesťanství. Z naší literární tvorby doby románské v století IX.–XIII.* Praha, 1942. P. 87–95, 266–268.

Литература

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е, доп. и перераб. изд. Киев, 1958.

Вернер И. В. Лингвистические особенности перевода «латинских» книг Геннадиевской Библии 1499 г. // *Studi Slavistici*. Т. 7. 2010. С. 7–31.

Вернер И. В. Интерлинейарная славяно-греческая псалтырь 1552 г.: в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста к изданию И. В. Вернер. М., 2019.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.

Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерки истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л., 1945.

Лурье Я. С. К вопросу о «латинстве» геннадиевского литературного кружка // *Исследования и материалы по древнерусской литературе* / Отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., 1961. С. 68–77 [Перепечатано в: *Лурье Я. С. Избранные статьи и письма* / Сост. В. Г. Вовина-Лебедева, М. М. Кром. Под общ. ред. М. М. Крома. СПб., 2011. С. 145–157].

Ромодановская В. А. К характеристике интерлинейарной части Чудовской латинской Псалтири // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 55. 2004. С. 379–386.

Ромодановская В. А., Чудовская латинская Псалтырь XV века на фоне европейской традиции (материалы к исследованию) // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, Vol. 3). München; Berlin, 2009. С. 72–81.

Ромодановская В. А., Маккавеи в русской традиции // *Четыре книги Маккавеи* / Под общ. ред. Н. В. Брагинской. Иерусалим; М., 2014. С. 527–540.

Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV — начале XVI века (Представлено Академиком М. Н. Сперанским в ОГН 12 XII 1928 г.) // *Доклады Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик* Л., 1929. Сер. В, № 1. С. 16–19.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы (= Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том 74, № 1). СПб., 1903а.

Соболевский А. И. Мучение св. Вита в древнем церковно-славянском переводе // Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. VIII, кн. 1. 1903б. С. 278–296.

Томеллери В. С. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтири Брунона (1535). Дательный самостоятельный, инфинитивные и причастные конструкции, герундий и герундив // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2012–2013>. М., 2013. С. 196–225.

Томеллери В. С. Две неизвестные версии Первой библейской песни Моисея (Исх. 15:1–19). На стыке перевода и переработки // *Palaeobulgarica*. Т. 46. 2022. № 4. С. 109–128.

Федорова Е. С. Школа перевода в древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolau de Lyga и Дмитрий Герасимов. 2-е изд. М., 2021.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977 [Частично перепечатано в Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003].

Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885–1895. С. 289–1067.

Colombi E. Caratteristiche delle *Passiones aquileiesi e istriane*: un primo bilancio // *Le passioni dei martiri aquileiesi e istriani I* / A cura di E. Colombi (= Istituto Pio Paschini. Fonti per la storia della chiesa in Friuli, serie medievale, 7). Roma, 2008. P. 49–104.

Colombi E. Le edizioni delle *Passiones aquileiesi e istriane* // *Annali di storia dell'esegesi*. Т. 27. 2010. № 1. P. 333–355.

Foster P. M. The Church Slavonic Translation of Maccabees in the Gennadij Bible (1499) / Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Ann Arbor, 1995.

Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe III, Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 21). Frankfurt am Main, 1972.

Freidhof G. Problems of Glossality in Newly Translated Parts of the Gennadian and Ostrog Bibles of 1499 and 1580–1581 // *Medieval Russian Culture* / Ed. by H. Birnbaum and M. S. Flier (California Slavic Studies, Volume 12). Berkeley et al., 1984. P. 343–364.

Gibson M. Carolingian Glossed Psalters // *The Early Medieval Bible. Its Production, Decoration and Use* / Ed. by R. Gameson. Cambridge, 1994. P. 78–100.

Kappel G. Die slavische Vituslegende und ihr lateinisches Original // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. Т. 20. 1974. S. 73–85.

Mihaljević A. Hrvatskoglajoljični tekstovi prevedeni s latinskoga. Sintaktička analiza. Zagreb, 2020.

Paner A. Święty Wit. Męczeństwo, legenda i kult. Gdańsk, 1995.

Philippart G. Les Passions des martyrs d'Aquilée et d'Istrie. Une contribution majeure à leur étude / Sanctorum. 2009. T. 6: Plasmare il suono. Il culto dei santi e la musica (secc. XVI–XVIII) / A cura di S. Ditchfield. P. 203–225.

Rozov V. Hrvatski dominikanac Venjamin u Rusiji // Nastavni vjesnik. T. 41. 1932–1933. № 8–10. S. 302–336.

Smith M. M. The typography of complex texts: how an early printer eliminated the scribes' red // *Typography Papers*. 1996. T. 1. P. 75–92.

Tomelleri V. S. Die правила грамматицные. Der erste syntaktische Traktat in Rußland / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von V. S. Tomelleri (= *Specimina Philologiae Slavicae*, Bd. 123). München, 1999.

Tomelleri V. S. Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik (= *Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte*, Reihe B: Editionen, Bd. 18). Köln; Weimar; Wien, 2002.

Tomelleri V. S. Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi) (= *Slavistische Beiträge*, Bd. 430). München, 2004.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. III. Die Satztypen: Der einfache Satz / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes*, 36). Freiburg i. Br., 1996.

Wimmer E. Zu den katholischen Quellen der Gennadij-Bibel // *Forschung und Lehre*. Abschiedsschrift zu Joh. Schröpfers Emeritierung und Festgruß zu seinem 65. Geburtstag. Hamburg, 1975. P. 444–458.

Wimmer E. Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500) / Hrsg. von J. Henning (= *Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europas*, Bd. 13). Hamburg, 2005.

Vittorio S. Tomelleri

University of Torino

(Torino, Italia)

Saint-Petersburg State University

(Saint-Petersburg, Russia)

vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

**ON SOME GRAMMATICAL FEATURES OF TWO NOVGOROD
TRANSLATIONS FROM LATIN. BASED ON THE FIRST SONG OF MOSES
(EXODUS 15: 1–19)**

The linguistic analysis of two Church Slavonic translations of the same text, which appeared independently, but quite close in time and place of origin, provides the researcher with valuable material for studying both translation technique and particular

grammatical phenomena at the morphological and syntactic levels. In addition, the fact that the translation of this text from another language already existed in the Church Slavonic tradition, can complicate the correct understanding of some features, since in this case, besides the direct dependence of the translation on the original, cases of interference with the previous tradition are also possible. Therefore, both vertical and horizontal factors show a rather complex and variegated picture of the emergence and development of Church Slavonic texts, whose grammatical interpretation requires a versatile philological approach that considers a relatively mobile nature of Church Slavonic morphosyntax. This article offers a comparative study of the first biblical song of Moses in two translations from Latin, dating back to the end of the 15th — the first half of the 16th century.

Keywords: First Song of Moses, Church Slavonic, Latin, grammatical features, Dmitry Gerasimov

References

Colombi E. Caratteristiche delle Passiones aquileiesi e istriane: un primo bilancio. *Le passioni dei martiri aquileiesi e istriani I*. In A cura di E. Colombi (= Istituto Pio Paschini. Fonti per la storia della chiesa in Friuli, serie medievale, 7). Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo; Udine: Istituto Pio Paschini per la storia della Chiesa in Friuli, 2008, pp. 49–104.

Colombi E. Le edizioni delle Passiones aquileiesi e istriane. *Annali di storia dell'esegesi*, 27 (1), 2010, pp. 333–355.

Fedorova E. S. *Shkola perevoda v drevney Rusi na rubezhe XV–XVI vv. Nicolau de Lyra i Dmitriy Gerasimov*. 2-e izd. Moscow, “Yazyki slavyanskoj kul'tury” Publ., 2021. (In Russ.)

Fonkich B. L. *Grechesko-russkie kulturnye svyazi v XV–XVII vv. (Grecheskie rukopisi v Rossii)*. Moscow, “Nauka” Publ., 1977. (In Russ.)

Foster P. M. *The Church Slavonic Translation of Maccabees in the Gennadij Bible (1499)*. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University. Ann Arbor, 1995.

Freidhof G. *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer* (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe III, Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 21). Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1972.

Freidhof G. Problems of Glossality in Newly Translated Parts of the Gennadian and Ostrog Bibles of 1499 and 1580–1581. In *Medieval Russian Culture*. Ed. by H. Birnbaum and M. S. Flier (= California Slavic Studies, Volume 12). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984, pp. 343–364.

Gibson M. Carolingian Glossed Psalters. *The Early Medieval Bible. Its Production, Decoration and Use*. Ed. by R. Gameson. Cambridge; New York; Oakleigh: Cambridge University Press, 1994, pp. 78–100.

Kappel G. Die slavische Vituslegende und ihr lateinisches Original. *Wiener slavistisches Jahrbuch*, 20. 1974, pp. 73–85.

Kazakova N. A., Lurye Ya. S. *Antifeodalnye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XVI veka*. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 1955. (In Russ.)

Lurye Ya. S. K voprosu o «latinistve» gennadievskogo literaturnogo kruzhka. In *Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature*. Otv. red. V. D. Kuzmina. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 1961, pp. 68–77. (In Russ.)

Mihaljević A. *Hrvatskoglagoljični tekstovi prevedeni s latinskoga. Sintaktička analiza*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, Staroslavenski institut, 2020.

Paner A. *Święty Wit. Męczeństwo, legenda i kult*. Gdańsk: Wydawn. Uniwersytetu Gdańskiego, 1995.

Philippart G. Les Passions des martyrs d'Aquilée et d'Istrie. Une contribution majeure à leur étude. In *Sanctorum, 2009. T. 6: Plasmare il suono. Il culto dei santi e la musica (secc. XVI–XVIII)*. A cura di S. Ditchfield, pp. 203–225.

Romodanovskaya V. A. K kharakteristike interlinearnoy chasti Chudovskoy latinskoy Psaltiri. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 2004, pp. 379–386.

Romodanovskaya V. A., Chudovskaya latinskaya Psaltir XV veka na fone evropeyskoy traditsii (materialy k issledovaniyu). *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, Vol. 3). München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009, pp. 72–81. (In Russ.)

Romodanovskaya V. A., Makkavei v russkoy traditsii. *Chetyre knigi Makkavei*. Pod obshchey redaktsiyei N. V. Braginskoy. Ierusalim; Moscow, “Mosty kul'tury / Gesharim” Publ., 2014, pp. 527–540. (In Russ.)

Smith M. M. The typography of complex texts: how an early printer eliminated the scribes' red. *Typography Papers, 1*, 1996, pp. 75–92.

Tomelleri V. S. *Die правила грамматику. Der erste syntaktische Traktat in Rußland*. Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von V. S. Tomelleri (= Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 123). München: Verlag Otto Sagner, 1999.

Tomelleri V. S. *Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, Bd. 18). Köln; Weimar; Wien: Boehlau-Verlag GmbH + Cie, 2002.

Tomelleri V. S. *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi)* (= Slavistische Beiträge, Bd. 430). München: Lang, 2004.

Tomelleri V. S. O nekotorykh sintaksicheskikh osobennostyakh Tolkovoy Psaltiri Brunona (1535). Datelnyy samostoyatelnyy, infinitivnye i prichastnye konstruksii, gerundiy i gerundive. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. <2012–2013>*. Moscow, Drevlekhranishche, 2013, pp. 196–225. (In Russ.)

Tomelleri V. S. Dve neizvestnye versii Pervoï bibleïškoï pesni Moiseya (Iskh. 15:1–19). Na styke perevoda i pererabotki. *Palaeobulgarica*, 46 (4), 2022, pp. 109–128. (In Russ.)

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. III. Die Satztypen: Der einfache Satz*. Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, Fontes et dissertationes, 36). Freiburg i. Br.: Weiher, 1996.

Verner I. V. Lingvističeskie osobennosti perevoda «latinskikh» knig Gennadievskoy Biblii 1499 g. *Studi Slavistici*, 7, 2010, pp. 7–31. (In Russ.)

Verner I. V. *Interlinearnaya slavyano-grečeskaya psaltyr 1552 g.: v perevode Maksima Greka*. Issledovanie i podgotovka teksta k izdaniyu I. V. Verner. Moscow, “Indrik” Publ., 2019. (In Russ.)

Wimmer E. Zu den katholischen Quellen der Gennadij-Bibel. In *Forschung und Lehre. Abschiedsschrift zu Joh. Schröpfers Emeritierung und Festgruß zu seinem 65. Geburtstag*. Hamburg: Slavisches Seminar Hamburg, 1975, pp. 444–458.

Wimmer E. *Novgorod — ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)*. Hrsg. von J. Henning (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europas, Bd. 13). Hamburg: Kovac, 2005.

И. С. Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

iriwonok@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОРРЕЛЯТОВ ПРИ УСЛОВНЫХ СОЮЗАХ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В статье рассматриваются условия и особенности употребления древнерусских соотносительных союзов в аподосисе условного периода.

В целом в наиболее престижных жанрах (жития, гомилетика) количество условных периодов с коррелятами минимально, а в самых близких к живому языку произведениях, наоборот, наблюдается тенденция к употреблению соотносительных союзов в большей части условных периодов. В зависимости от степени книжности текста распределяются и два основных соотносительных союза *то* и *а*: в житиях, проповедях, а также в древнерусских хождениях и произведениях Даниила Заточника вариант *а* не употребляется, в прочих же сочинениях процент условных периодов с союзом *а* в аподосисе тем выше, чем ближе текст к живому древнерусскому языку. Разнообразие соотносительных союзов также в большей степени свойственно менее книжным памятникам: максимальное количество коррелятов (*а, да, и, ино, ти, то, то ти, то же*) характерно для берестяных грамот, а в житиях и проповедях возможны только *то* и изредка *и*.

В оригинальных древнерусских памятниках можно заметить тенденцию выбора определенного соотносительного союза в зависимости от условного союза и от контекста: так, например, *а* тяготеет к *аче* и, возможно, к условным союзам на *-ли*; коррелят *да* никогда не встречается в контекстах с отрицанием, коррелят *а* — в контекстах с конъюнктивом. Только для коррелята *то* в древнерусских памятниках не обнаруживается ограничений на сочетаемость, что говорит о начальном этапе формирования современной ситуации с абсолютной монополией соотносительного *то*.

Ключевые слова: древнерусский язык, условные предложения, соотносительные союзы, жанры древнерусской письменности

Материалом для статьи послужили произведения следующих жанров: 1) берестяные письма (БГ); 2) деловые тексты: пергаменные новгородские грамоты (ГВНП и АСЭИ) и Русская Правда (РПр); 3) раннедревнерусские летописи: Повесть временных лет (ПВЛ), Новгородская Первая (НПЛ), Киевская (КЛ), Галицкая (ГЛ), Волынская (ВЛ) и Суздальская (СЛ) летописи; 4) хождения игумена Данила (ХИД) и Антония-новгородца (ХАН); 5) воинский эпос — «Слово о полку Игореве» (СПИ); 6) гномические сочинения Даниила Заточеника: Слово (СДЗ) и Моление (МДЗ); 7) вопросы иерархам и ответы на них: Вопрошание Кириково (ВК), Ответы митрополита Георгия (ОтвГеорг); 8) поучения: Иоанна-Илии (ПИИ), Серапиона Владимирского (ПСВ), Евсевия (ПЕвс); 9) гомилетика: сочинения Кирилла Туровского (КирТур) и митрополита Илариона (Ил); 10) канонические тексты: Правило о черноризцах (ПрЧ) и Предсловие покаянию (ПреПок); 11) древнерусские жития Феодосия Печерского (ЖФП), Авраамия Смоленского (ЖАС), Леонтия Ростовского (ЖЛР) и Сказание о житии Бориса и Глеба (СкБГ).

В оригинальных древнерусских памятниках в условном значении представлены 13 древнерусских союзов: **аже, али, аци, аче, даже, даче, ели, или, оже, оли, оче, паки (ли), се ли** — и три церковнославянских: **аще, еже и иже**. Выбор этих союзов, их количество и соотношение зависят от жанровой принадлежности и степени книжности памятника [Юрьева 2022].

От этих же условий зависят наличие и набор соотносительных слов в аподосисе условного периода.

В целом в более книжных памятниках коррелятов меньше. Это связано с влиянием на них южнославянских образцов [Пичхадзе 1999: 34].

Меньше всего условных периодов с коррелятами в Правилах черноризцам (8%). Далее по возрастанию доли соотносительных слов следуют Поучение Серапиона Владимирского (13%), произведения Кирилла Туровского (27%), Поучение Евсевия (28%), сочинения митрополита Илариона (29%), Сказание о житии Бориса и Глеба по Успенскому сборнику (31%), наиболее книжные из летописей — Галицкая (31%) и Повесть временных лет (37%).

Максимальное количество соотносительных союзов в следующих текстах (в порядке убывания): Русская Правда (93%), имеющее мало книжных признаков Поучение Иоанна-Илии (85%), Киевская летопись (78%, 167 против 46), берестяные грамоты (67%), Суздальская летопись (65%), Вопрошание Кирика (65%).

Из этой тенденции выбиваются, с одной стороны, Житие Феодосия Печерского, где 16 из 26, то есть 62% условных периодов имеют коррелят, и Житие Авраамия Смоленского, в котором соотносительные слова фиксируются в 58% случаев (7 из 12), и с другой стороны, Волынская (8 из 19, то есть 42%) и Новгородская (11 из 26, тоже 42%) летописи. Но, во-первых, общее количество примеров в этих текстах относительно невелико, во-вторых, названные памятники демонстрируют средние значения, около 50%, то есть, по сути, нерелевантные данные.

Выбор коррелята зависит от жанра. В самом общем виде эта зависимость выглядит следующим образом: чем жанр более книжный, тем чаще употребляется

соотносительный союз **то**, чем ближе текст к живому языку, тем частотнее вариант **а**¹; так же распределяется соответственно меньшее или большее количество вариантов соотносительных союзов.

В берестяных грамотах (БГ) встречаются 5 соотносительных союзов — больше, чем в любом другом древнерусском тексте. Два из этих союзов встречаются в сочетании с различными частицами: **и** (и **ино**), **то** (также **то же** и **то ти**).

Таблица 1. Корреляты в берестяных грамотах

	оже	аже	али	аци	или	аче	даже	паки ли	оче	оли	ели	се ли
ВСЕГО ²	28	27	17	7	7	4	3	2	2	1	1	1
НЕТ	37	12	16	2	4	3	----	----	----	----	----	----
а	42	10	4	14	3	2	2	2	2	----	1	----
да	2	----	----	1	----	----	----	----	----	----	----	1
и (+ ино)	3	----	2	----	----	1	----	----	----	----	----	----
ти	3	----	1	----	----	1	1	----	----	----	----	----
То (+ то ти, то же)	13	6	4	----	----	2	----	----	----	1	----	----

Корреляты в БГ неодинаково распределяются в текстах разного времени.

Основной соотносительный союз в БГ — **а**, он же и самый ранний [Зализняк 2004: 191]. Он употребляется при всех условных союзах, за исключением **оли** и **се ли**, каждый из которых зафиксирован всего в одном контексте. Примеры с коррелятом **а** составляют 63% всех условных периодов с коррелятами. Коррелят **а** в аподосисе условного периода с **оже** и **али** фиксируется до XIV в., с **или** — в грамотах XII и XIII вв., с **аже**, **аче** и **даже** — в грамотах XII в., ср.: **оже** **понеде князе а** **пони коне оу ѿедора** № 404 (1220–1240) ‘Если пойдёт князь, то возьми коня у Фёдора’; **али не хочеш а** **поеди въ городъ** № 804 (1180–1200) ‘Если же не хочешь, то поезжай в город’; **или не прислеш а** **мнѣ ти стати [о](у кня)за и ѿ влѣкѣ** № 155 (1160–1180) ‘Если же не пришлѣшь, то мне придётся предстать перед князем и перед епископом’; **аже : ва : ць:то : на:до:бь : а** **солита : ко монь** № 422 (1140–1160) ‘Если вам что нужно, то шлите ко мне’; **а ты атче еси не възалъ коунъ : техъ : а** **не ели : ничъто же оу него** № 109 (1100–1120) ‘А ты, если не взял тех кун, то не бери у него ничего’; **даже ти ми воудете дъвр[о] (а) присълоу ти...** Смол. 12 (1140–1160) ‘Если со мной всё будет хорошо, то я пришлю тебе...’.

Для всех условных союзов, с которыми выступает коррелят **а**, он является основным, за исключением **аже**. Соотносительный союз **а** в условных периодах с **аже**, который, как правило, употребляется без коррелята, встречается так же редко, как и **то**, — в четырёх контекстах.

¹ См. о высокой частотности союза **а** в памятниках, близких живому языку [Попова 1945: 97; Попов 1952: 312].

² Здесь и далее не учитываются примеры, в которых позиция неизвестна из-за неполноты текста, а также заголовки и вопросительные контексты с условным предложением без главного.

Союз **то** в качестве коррелята не слишком частотен в берестяных грамотах в условных периодах, хотя фиксируется с самого раннего времени (первый пример — **оже... то** в грамоте № 909, 1075–1100 г.) Чаще всего в соотносительных конструкциях с союзом **то** выступают условные **оже** (с XI по XIII в.) и **аже** (с XII по XIV в.), например: **про белоу оже ксте не стороговале то прислите со проста** Пск. 6 (1260–1280) ‘О беличьих шкурках: если не сторговались, то пришлите немедленно’; **аже бы ти годьнъ то [из] оцью бы са вьггьрьго притькль** № 752 (1120–1140) ‘Если бы тебе хотелось, то ты... прибежал бы’. Дважды встретились **аче... то (же)** и один раз **оли ... то**, ср.: **аче и пр(ода то) (на гр)[ив]ьнъ ꙗ и бол[е]** № 777 (1280–1300) ‘Если и продаст, то за 10 гривен и дороже’; **оли нь водаси то а ѝ коназъ** поэма **отроко прижь приедю** Звен. 2 (1120–1140) ‘Если же не дашь, то я, взяв у князя отрока, вместе [с ним] приеду’.

Соотносительный союз **ти** встречается не раньше середины XIII в. с условными **аже**, **или** (Твер 2, 1300–1320) и **даже** (грамота 1240–1260 гг.) по одному разу: **аже застанеше мене ти а тьве везу** Твер 2 ‘Если ты застанешь меня, я тебя повезу’; **или мене не застанеш во торжекѹ ти тѹ тѹ мене жеди** Твер 2 ‘Если же ты не застанешь меня в Торжке, то жди меня здесь’; **даже еси тими коунами не исполнила св[о]... [т]и исполниши головами** 711, ‘Если ты теми деньгами не покрыла сво[его долга (?)], то покроешь людьми’.

Соотносительный союз **и** (и **ино**) фиксируется не ранее конца XIV в., ср.: **или осподине. не оуимеш. и тѹ. осподине. пошли по остатокъ** № 446 (1380–1400) ‘Если же ты, господин, не уймёшь [его], то ты, господин, пошли за остальными’; **аже не будеть остатка дѣтен. моихъ. ино мон. оучастокъ. зашелоскон. землѣ. стѣмѹ николѣ. на струпини** № 519 (1400–1410) ‘Если не останется моих потомков, то мой участок Зашелонской земли — святому Николе на Струпине’.

В текстах грамот Великого Новгорода и Пскова (ГВНП) древнерусского периода (до XIV в. включительно) и разнообразие условных союзов, и разнообразие коррелятов по сравнению с БГ.

Таблица 2. Корреляты в пергаменных грамотах

		оже	или	аже	даже	аче	аще	паки ли	се ли
ВСЕГО		16	14	8	2	2	1	1	1
НЕТ	20	2	8	6	1	1	----	1	1
а	9	1	4	1	1	1	1	----	----
и	3	----	2	1	----	----	----	----	----
то	13	13	----	----	----	----	----	----	----

В ГВНП подавляющее большинство условных контекстов фиксируется в княжеских договорах, и этих договоров немного.

Особенно характерна ограниченность конкретным текстом для коррелята **то**: из всех проанализированных пергаменных грамот все 13 условных периодов

с **оже...** **то** встретились в Договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг, ср.: **а уже оубьютъ кѹпчиноу новгородца или нѣмчина коупчиноу новѣгородѣ. то за тоу головоу ꙗ. грѣнъ серебра** (ГВНП 28:24–27³) ‘А если убьют купца-новгородца или купца-немца в Новгороде, то за этого убитого — 10 гривен серебра’. Конструкции абсолютно однотипны: «**оже** + презенс... **то** + именная группа».

В большем количестве грамот встречается соотносительный союз **а** (всего 9 контекстов). Этот коррелят не встречается только с условными **паки ли** и **се ли**, каждый из которых зафиксирован в текстах ГВНП всего по одному разу и только в условном периоде без коррелята.

В условных периодах с редкими для ГВНП древнерусскими условными союзами **аче** и **даже**, а также в единственном примере с церковнославянским **аще** употребляется только соотносительный **а**, ср.: **аче боудеть соудъ князю новгородкъмоу новѣгородѣ или нѣмецкъмоу в нѣмчѣхъ. а в томъ мироу ити гостю домовъ бес пакости** (ГВНП 28:14–18, XII) ‘Если случится суд у новгородского князя в Новгороде или у немецкого у немцев, то по условиям этого мирного договора купцу должно отправиться домой без вреда’; **даже которъи князь по моѣмъ княжении почынетъ хотѣти ѡати оу сѣго геургина а бѣъ боуди за тѣмъ и сѣга бѣа и тѣ сѣи геургина** (ГВНП 81:5–8, XII, жалованная грамота Мстислава) ‘Если какой князь вознамерится отобрать [имущество] у святого Георгия, то пусть будет против него Бог и святая Богородица’; **аще кто диволѣмъ потѣченъ и злыми члѣк[ы] [н]аваж[ен]ъ ц[и] [за]хочетъ ѡати ѡ нивѣ ли ѡ пожнѣ ли или ѡ ловищѣ а боуди емоу противьн[ъ] сѣи спѣъ и въ сѣ вѣкъ и въ боудуции** (ГВНП 104:9–11, XII–XIII, данная Варлама Хутынского) ‘Если кто, подстрекаемый дьяволом и побуждаемый дурными людьми, вознамерится отобрать часть нив, пожен или мест для ловли, то пусть будет против него Святой Спас в сей век и в будущий’.

Как и в БГ, соотносительный и зафиксирован в поздних текстах, он встречается в ГВНП не ранее последней четверти XIV в, ср.: **аже пошлю своего даньци<к>а и тогды ему не надобѣ пота<нү>ти** (АСЭИ 3-178:8–10, 1374–1389 гг., жалованная грамота великого князя Дмитрия Ивановича) ‘Если я отправлю своего данщика, то тогда ему не нужно подчиняться’; **или поидѣ^т на тебе. и на^м такоже по тобѣ помагати и боронитса всѣ^м с одного** (1376 г. Договор и Новгорода с князем Михаилом Александровичем) ‘Если они пойдут на тебя войной, то нам тоже следует тебе помогать и обороняться всем вместе’.

Союз **аже** в большинстве условных периодов употребляется без соотносительных слов, что также совпадает с данными берестяных грамот.

В РПр представлены всего два соотносительных варианта: **то** и **а**.

³ Здесь и далее цифра перед двоеточием — номер грамоты, цифры после двоеточия — номера строк.

Таблица 3. Корреляты в Русской Правде

		ажѣ	оже	ачѣ	пакы ли	или	аще
ВСЕГО		65	49	10	10	3	1
НЕТ	10	2	6	2	----	----	----
а	4	----	1	2	1	----	----
то	124	63	42	6	9	3	1

В РПр условные периоды без коррелятов составляют около 7% — минимальное количество среди всех исследованных текстов. Высокий процент коррелятов, по всей видимости, характерен для правовых памятников, не ориентированных на церковнославянские образцы. Как было сказано выше, процент коррелятов к условным союзам, помимо РПр, достаточно высок (но более чем на 20% ниже, чем в РПр) и в двух наименее книжных памятниках церковного права — ПИИ и Кир.

В отличие от грамот, абсолютно для всех условных союзов в РПр основным коррелятом служит **то**.

Следует заметить, что в РПр соотносительный вариант **то** в условном периоде, как правило, стоит в специфической конструкции «**то** + инфинитив», выражающей предписание [Якубинский 1953: 297], например: **оже ли и додържати свѣта. то вести и на княжь дворъ. оже ли оубиють и. а оуже боудотъ видѣли людикъ съвѣзана. то платити в томъ ·вѣ· грѣне** РПр 619:20-27 ‘Если продержат до рассвета, то следует вести на княжеский двор; если же убьют его, а окажется, что люди видели его связанным, то за это заплатить 12 гривен’; **ажѣ боудотъ дѣчери оу него дома. то дати часть на нѣ. ажѣ боудотъ за моужемъ. то не дати имъ части** РПр 621об:30-35 ‘Если будут у него в доме дочери, то отдать им долю; если же будут замужем, то не давать им долю’. Всего таких примеров 69. Таким образом, для этого некнижного памятника столь существенное преобладание соотносительного **то** можно объяснить закреплением конструкции «условный союз... **то** + инфинитив» в качестве основной.

Инфинитив в РПр встречается не только после соотносительного **то**. Так, один из двух контекстов с условным **ачѣ** включает конструкцию «а + инфинитив», но этот пример единственный: **ачѣ боудеть коневъи тать. а выдати. князю на потокъ** РП 618:27-29 ‘Если он окажется конокрадом, то выдать его князю для изгнания’.

Условных периодов с коррелятом **а** в Русской Правде очень мало, ср.: **Аже въ боярѣхъ. или въ дружинѣ. то за княза задница не идетъ. нѣ шже не боудеть снѣвъ. а дѣчери възмоутъ** РП 621об:38-43 ‘Если [кто умрёт] из бояр или дружины, то князю наследство не отходит; но если не будет сыновей, то пусть заберут дочери’.

Летописи по набору и соотношению коррелятов, как и по многим другим параметрам, делятся на две группы: менее книжные и более книжные. К первой группе относятся НПЛ, КЛ и ВЛ.

Таблица 4. Корреляты в НПЛ

		аще	оже	аже	даже	или	даче
ВСЕГО		8	7	4	3	2	1
НЕТ	12	5	2	2	2	1	----
а	4	----	2	1	1	----	----
да	1	----	----	----	----	----	1
то	8	3	3	1	----	1	----

Таблица 5. Корреляты в КЛ

		оже	аже	аще	аче	пакы (ли)	даже	иже	даче
ВСЕГО		62	57	38	20	18	10	2	1
НЕТ	42	13	9	14	2	2	2	1	----
а	78	14	27	6	15	12	3	1	----
да	8	1	1	4	----	----	2	----	----
и (+ ино)	6	2	----	2	2	----	----	----	----
то (+ тоже)	73	32	20	12	1	4	3	----	1

Таблица 6. Корреляты в ВЛ

		оже	аже	аще
ВСЕГО		10	5	2
НЕТ	11	7	3	1
а	4	1	2	----
и	1	1	—	----
то	2	1	----	1

В этих летописях соотносительный союз **а** употребляется на равных с союзом **то**. Только в НПЛ соотносительный **то** частотнее, но общее количество условных периодов с коррелятами в этой летописи очень небольшое. К тому же в трёх случаях **то** служит соотносительным союзом для церковнославянского условного **аще**, что может объясняться книжной традицией. При этом два контекста с **аще... то** — молитва (НПЛ 59об:15-18) и аллюзия на Еккл 10:8 (НПЛ 136:5-8), ср.: **да аще кто помолитъся въ цркви сен. съ вѣроу. тѣ оуслыши млтвоу юго. и ѿпоустити грѣху юго** (1198) 59об:15-18 'И если кто помолится в той церкви, то услышь его молитву и отпусти его грехи'.

С коррелятом **а** в НПЛ зафиксированы не только **оже** и **аже**, самые распространённые союзы, но и сравнительно редкий древнерусский условный союз **даже**, ср.: **даже что зло съдоумавъ на стѣою софю. а повегъ. а мы ихъ не гонилі. нѣ браю свою ксме казнили. а князю ксме зла не створили никоторагоже** (1228) 107об:3-8 'Если он (Фёдор Данилович с тиуном и детьми), задумав что дурное на святую Софию, бежал, то [имейте в виду, что] мы их не прогоняли, а казнили своих братьев, а князю не сделали никакого зла'.

В ВЛ у соотносительного союза **а** небольшое преимущество — это основной вариант и для **оже**, и для **аже**, но следует учесть, что речь идёт всего о двух контекстах в каждом случае. Как и в НПЛ, в Волынской летописи условных периодов мало, соотносительных союзов ещё меньше.

В КЛ основные соотносительные варианты — **а** (78) и **то** (72). Для большинства условных союзов предпочтительный коррелят — **а**. Однако союз **то** в два раза частотнее не только с церковнославянским **аще**, но и с самым распространённым в летописи условным **оже**, ср.: **ѡже ны боудеть не бившиѡ возвратитиѡса. то соромъ ны боудеть поущен см̄рти** (1185) 223в:18-21 ‘Если нам придётся вернуться не сразившись, то позор нам будет хуже смерти’.

С условным **аже**, напротив, чаще употребляется **а**, ср.: **аже тако братъ велѣлъ. а тако и оучинимъ** (1146) 122б:10-11 ‘Если брат велел так, то так и сделаем’.

Другие корреляты в КЛ редки, но довольно разнообразны. Самый частотный из них — **да**, ср.: **аже хочеть ити на галичъ. да се азъ с тобою готовъ** (1189) 230б:19-21 ‘Если [же] он намерен идти на Галич, то я готов [идти] с тобою’. Как и в ВЛ, в КЛ встречается соотносительный **и**, ср.: **иногда бо аче и гость приходилъ изъ цѣагорода и ѡ-нихъ странъ. изъ рускои земли и аче латининъ. и до всего хр̄тъяньства. и до всеѣхъ погани. и ре въведе<тѣ> и въ цр̄къвь и на полати да видать истинное хр̄тъяньство** (1175) 208г:9-17 ‘Ведь иной раз, если приходил гость из Царьграда или из других стран, из Русской земли или если латинянин, и всякий христианин, и любой язычник, то ты говорил: «Введите его в церковь и в палаты!», чтобы они увидели истинное христианство’.

Помимо **то** и **и**, в летописи по одному разу зафиксированы сочетания этих союзов с частицами — **тоже** и **ино**: **ажъ ны еси влѣнилъ кыевъ. тоже ны его блюсти подъ тобою** (1195) 237в:21-22 ‘Если ты дал понять, что Киев наш, то нам следует сохранять его под твоей [властью]’; **но-же еси поставилъ. ино камо тобѣ годно таможе и дежи** (1183) 220г:24-26 ‘Но если ты поставил, то куда тебе угодно, туда и девай’.

В летописях второй группы (ПВЛ, ГЛ и СЛ) коррелят **то** существенно преобладает.

Таблица 7. Корреляты в ПВЛ

		аще	оже	аче	даче	иже	еже ⁴
ВСЕГО		232	4	1	1	1	2
НЕТ	156	151	3	----	1	----	1
а	1	----	----	1	----	----	----
и	15	15	----	----	----	----	----
то (+ тоже)	68	66	1	----	----	----	1

⁴ Приведённый в таблице Д1 условный **еже** не рассматривается ниже, поскольку употребленные **еже** ‘если’ — черта только Ипатьевского списка ПВЛ.

Таблица 8. Корреляты в ГЛ

		аще	оже	аже
ВСЕГО		28	4	3
НЕТ	25	20	2	3
а	1	----	1	----
да	1	1	----	----
и	1	1	----	----
то	6	6	----	----

Таблица 9. Корреляты в СЛ

		аще	оже	аже	паки ли
ВСЕГО		43	15	1	1
НЕТ	21	16	4	----	1
а	8	4	4	----	----
и	2	1	1	----	----
то	23	18	5	----	----

В Повести временных лет среди условных периодов с коррелятами господствует вариант **аще... то** (65 примеров). ПВЛ в значительной степени ориентируется в употреблении условных союзов на книжные памятники. Для книжных текстов, в свою очередь, образцами были южнославянские, в основном болгарские переводы, в которых при почти стопроцентном употреблении условного **аще** широко представлен соотносительный **то** — см., например, [Мушинская 2020: 168, 223]. Таким образом, в качестве книжного варианта закрепилось не только предпочтительное условное **аще**, но и **то** как его коррелята.

Соотносительный союз **то** также зафиксирован один раз с древнерусским условным **оже**: **уже хощеши послати мужа своего. и воротитсѧ володимеръ. то вдам ти которын любо городъ** (1097) 91a:16-19 ‘Если ты готов послать своего человека и Владимир (в результате переговоров с ним) вернётся, то я дам тебе какой угодно город’.

Один раз в Ипатьевском списке ПВЛ отмечен вариант **аще... тоже**: **аще моя глава ляжетъ. тоже промыслите в себѣ** (971) 28a:12-14 ‘Если ляжет моя голова, то позаботьтесь о себе’. Но в других списках Повести временных лет чтения отличаются. В списках Лаврентьевской группы на месте **тоже** читается **то** — ср. в Лаврентьевской летописи: **аще моя глава ляжет то промыслите собою** (л. 21 об.).

Коррелят **а** в ПВЛ отмечен единственный раз — с условным **аче**: **аче не люб[о] ти а ворочюсѧ дому моему** (1110) 98d:16-18 ‘Если тебе неудобно, то я вернусь в свой дом’.

Условные периоды с соотносительным **и** в ПВЛ, в отличие от КЛ, где редкие примеры этого коррелята по спискам совпадают, характерны только для Ипатьевского списка. Как в Лаврентьевском своде, так и в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи, в соответствии с коррелятом **и** в Ипатьевском

списке ПВЛ либо нет соотносительного союза, либо используется **то**. Например, с **аще**: **аще** **удолѣеши ты. и возмеш и имѣние мое. и жену мою и землю мою** (1022) ПВЛ 55b:1-4 ‘Если одолеешь ты, то ты заберёшь моё имущество, и мою жену, и мою землю’. В соответствующем месте Лаврентьевского списка (л. 50) соотносительно-му и соответствует **то**. Условные периоды с **оже**... и также обнаруживаются только в Ипатьевском списке: **и се рекохъ въ оумѣ своемъ. уже (Радз., Акад. иже) ми будутъ берендичи. и тор[ц]и и печенѣзи і реку брату своему володареву и двѣи. данта дружину свою молоджьшюю. а сама [п]инта и веселитася (1097) ПВЛ 91b:22-27 ‘И вот я сказал мысленно: «Если у меня будут берендичи, и торки, и печенеги, то я скажу своему брату Володарю и Давыду: дайте [мне] свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь’. В Лавр. соотносительной конструкции нет (л. 89 об.).**

Если исключить особенности, свойственные Ипатьевскому списку, в целом ситуация с соотносительными союзами в ПВЛ такая же, как в прочих летописях более книжной группы.

Так, в ГЛ в немногих условных контекстах с соотносительными словами основным вариантом является **аще**... **то** и один раз встречается **оже**... **то**: **а данило князь лють есть. уже ѡиметь ти животъ то кто тѣ избавить (1255) 829:22-24 ‘А князь Данил жесток — если он отнимет твою жизнь, то кто тебя спасёт?’.**

Условный период с **аще**... и имеется только в Ипатьевском списке, как и в Повести временных лет: **данилови же сѣдшоу с братомъ со снѣмъ. печальнымъ бывше. гадахоуть. вѣдахоуть бо. аще даниль поедеть. и не боудеть с добромъ ГЛ 846:19-22, 1260 ‘А Данил сел [вместе] с братом и сыном — опечаленные, они совещались, ибо знали: если Данил поедет, то не будет добра’. Соотносительный союз в этом контексте в других списках отсутствует.**

В отличие от ПВЛ, в Галицкой летописи появляется соотносительный **да**: **и паки понде. ко гарославлю. и за собою встави град перемышль. мыслашоу емоу. аще сего не приемоу да сего держоу 800:24-27, 1249 ‘И он снова пошёл на Ярославль — а за собой оставил город Перемышль, потому что думал: «Если того не захвачу, то этот удержу»’.**

В СЛ в условных периодах с коррелятами выступают только союзы **аще** и **оже**. Основной соотносительный союз — **то**. Коррелят **а** встречается в три раза реже, хотя контекстов с ним больше, чем в ПВЛ и ГЛ.

Что касается церковнославянского союза **аще**, то между условными периодами с **аще**... **то** и **аще**... **а** существует не только количественная, но и стилистическая разница: если **аще**... **то**, как правило, употребляется в цитатах или религиозных контекстах (с единственным «светским» исключением СЛ 478:15-17), то **аще**... **а** используется в нейтральных контекстах (один из них, СЛ 342:5-8, имеет соответствующее параллельное чтение в КЛ), например: **аще са миришь с братьею своею. а мои люди чему выдаешь 403:11-12, 1186 ‘Если ты миришься со своими братьями, то почему выдаёшь моих людей?’**

Контекст с **аще**... и содержит перефразированную библейскую цитату: **аще ѡверзеш и собе оузы. и глы роптаныа. ти даси алчнѣ хлѣвъ и тма твоа буде акы полу дне. и буде бѣ твои с товою при 410:15-18, 1193 ‘Если отбросишь**

от себя узы и оскорбительные речи и дашь голодному хлеба, то тьма твоя будет как полдень и Бог твой будет с тобою всегда', ср. Ис. 58,10⁵.

Древнерусский союз **оже** в СЛ встречается примерно с одинаковой частотой и с **а**, и с **то**. Параллельный текст КЛ и СЛ совпадает: все примеры с коррелятом **то** и два контекста с **а** имеют параллели с теми же союзами в КЛ, ср.: **наши же слышавше думаша уже дамы симъ животъ а половецъ много есть назади. а на есть мало. уже са с ними начне то се на будутъ первни ворози** СЛ 359:23-27, 1169 'Наши же, услышав [об этом], решили: если мы оставим этих (людей) в живых, то [ведь] сзади много половцев, а нас мало — если мы с ними станем сражаться, то они будут нам главными врагами' (то же в КЛ 199а:11-16).

Соотносительный союз **и** при **оже** фиксируется только в СЛ: **пойдевь на нь. уже и проженевъ. и поидевъ на гюрга** СЛ 315:13-15 'Пойдём же на него (войной); если его прогоним, то пойдём на Юрия'. В параллельном тексте КЛ 1266:9-11 этой конструкции соответствует **аже... то**.

Таким образом, в более книжных летописях в сравнении с менее книжными меньше и само разнообразие условных союзов, и набор коррелятов, из которых безусловное предпочтение отдается союзу **то**.

В вопросах клирикам и ответах на них, а также в поучениях употребление коррелятов зависит от степени книжности памятника.

В этом отношении ближе всего к летописям стоят Поучение Иоанна-Илии и Вопросание Кирика.

Таблица 10. Корреляты в ПИИ

		оже	аже	даже	пакы ли	аще	иже	аче	или
ВСЕГО		18	12	4	4	3	2	1	1
НЕТ	8	3	2	----	----	----	2	1	----
а	12	3	4	1	3	----	----	----	1
да	1	----	----	----	1	----	----	----	----
и	1	----	1	----	----	----	----	----	----
ти	1	1	----	----	----	----	----	----	----
то (+ то же, то ти)	22	11	5	3	----	3	----	----	----

Таблица 11. Корреляты в Кир

		аще	аже	оже	еже	даже	али	иже
ВСЕГО		69	46	13	16	3	2	2
НЕТ	95	49	28	6	8	2	----	2
а	13	6	4	2	1	----	----	----
да	3	2	----	1	----	----	----	----
то (+ то же)	40	12	14	4	7	1	2	----

⁵ В исходном тексте Ис. 58,10 соотносительным словом к *аще* служит *тъгда* (тогда возсияет во тьмъ свѣтъ твои и тьма твоя будетъ якъ полудне).

И в ПИИ, и в Кир преобладает коррелят **то**, но данные ПИИ при этом достаточно близки менее книжным летописям. Соотносительный союз **то** в Поучении частотнее, чем **а**: 18 и 12 контекстов соответственно. Перевес в основном обеспечивает предпочтение варианта с **то** (включая **тоже** и **то ти**) и с условным **оже**, и с условным **аже** — основными древнерусскими союзами со значением ‘если’.

В условных периодах с церковнославянским **аще** ожидаемо употребляется только **то**.

С союзами на **-ли** в ПИИ коррелят **то** отсутствует. В единственном примере с **или** употребляется **а**: **или** кого оубьють **а** вы над ними в ризах не понте ни просфоуры прїиманте 183об:1-2 ‘Если кого убьют (в незаконной драке), то вы их в ризах не отпевайте и частицы не вынимайте’. С условным **паки ли** также употребляется в основном соотносительный союз **а**, ср.: **Паки ли** болно боудеть **а** поудноу ПИИ 178об:6 ‘Если же будет болен (ребёнок), то по одному разу’.

Изредка в ПИИ встречаются корреляты **и**, как в летописях, и **да**, как в наименее книжных из них НПЛ и КЛ, например: **аже** что боудѣ нестронно изрекаѣ и не зазрнте ми зане нищѣ есмь моу невѣжа ПИИ 184об:8-10 ‘Если окажется, что я высказал что-то нелепое, то не вините меня, поскольку нищий я человек, невежда’; **Паки или** бѣ понметь и **да** и **то** емѣ досыти еже покагалъса 177об:6-8 ‘Если же Бог заберет его, то и того ему достаточно, что покаялся’.

Один раз в Поучении употребляется соотносительный союз **ти**, который помимо ПИИ имеется только в берестяных грамотах (новгородской и тверской): **Оже** члкъ ново покаетса люво си въ великїи по **даже** и скончаютса м̄. днїи **ти** дають причащение 177:8-11 ‘Если человек заново покается, хотя бы даже и в Великий пост закончатся эти 40 дней, то дают причастие’.

В Кир коррелят **то** частотнее в три раза, то есть памятник в этом отношении ближе к более книжным летописям. В отличие от ПИИ, в Кир нет союзов, для которых единственным коррелятом служит **а**, однако этот союз может выступать в условном периоде с церковнославянским **аще**, что в ПИИ не встречается, например: добро ксть блюсти са тако хвѣ постъ ксть **аще** не могуѣтъ **а** преднюю недѣлю и послѣднюю 526:42-47 ‘Хорошо поститься так, каков был Христов пост; если не могут, то первую неделю и последнюю’. Один раз коррелят **а** зафиксирован и с книжным **еже** (сказуемое протасиса выражено причастием): **А еже** не ида к болащемоу **а** в цркви или въ келии помолитса о немь Кир 524:24-27 ‘А если не пойдѣт к больному, то (пусть) в церкви или в келье помолится о нём’.

Только с **то** употребляются в Кир древнерусские союзы **али** и **даже**, ср.: **аже** терезви **то** легъчак **али** пыани **то** оубинство ксть 537:36-39 ‘если трезвыми (задают ребёнка во сне), то [епитимья] легче, если же пьяные, то это убийство’; **дажѣ** не могуѣтъ са хави **то** рци имѣ боудѣ мрди Кир. 519:49-50/519об:2 ‘Если не могут сдержаться, то скажи им: «Будьте милосердными»’.

Изредка, как и в ПИИ, в Кир встречается коррелят **да**, например: **Аще** кто обьядѣ са изблюють. причастиѣ **да** трегоувѣ м̄. днїи р̄. и к̄ Кир 518об:13-16 ‘Если кто, обьевшись, исторгнет причастие, то (пусть) трижды (читает) 40 дней 120 псалом’.

В более книжных древнерусских поучениях и ответах клириков примеры с соотносительным **а** единичны — два с **аще...** **а** в Поучении Евсевия и один — в Ответах митрополита Георгия⁶, ср.: **Аще сам самъ упогани. а то^ж испити** ОтвГеорг 25:1-2 ‘Если сам осквернится, то тогда выпить’; **аще во и купецъ на вса дни рачитаает что ему прикупа будѣ а мы почто небрежемъ** ПЕвс 49:4-6 ‘Если же и купец на все дни рассчитывает, сколько прибыли у него будет, то мы почему небрежны?’ В Поучении Серапиона Владимирского коррелята **а** в условных предложениях нет вовсе. Основной соотносительный союз во всех трёх упомянутых произведениях — **то**: 2 контекста в ПСВ, 6 в ПЕвс и 13 в ОтвГеорг. Ещё более редкий коррелят — **и**: с ним зафиксирован 1 пример в ПСВ и 4 в ОтвГеорг.

Последний жанр оригинальной письменности, в котором допустим коррелят **а**, — **Слово о полку Игореве**, где всего два условных союза, **аще** и **аже**. С церковнославянским **аще** дважды зафиксирован коррелят **то**, ср.: **Боянь бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслю по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы** 3 ‘Ведь мудрый Боян, если хотел о ком-нибудь сочинить песнь, то бегал мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками’. С древнерусским **аже** по одному разу встретились корреляты **а** и **то**: **Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивичею** 205-206 ‘Сказал Кончак Гзаку: «Если (раз уж) сокол в гнездо летит, то мы опутаем соколёнка красной девицей’; **Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ** 125 ‘Если бы ты был, то была бы пленница за ногату, а пленник за резану’.

В текстах наиболее престижных книжных жанров: сочинениях митрополита Илариона, Кирилла Туровского, Правилах черноризцам, Предсловии покаянию и оригинальных древнерусских житиях — в качестве коррелятов в условных периодах допустимы только **то** и в крайне редких случаях **и**. Из перечисленных памятников соотносительная конструкция **аще...** и встречается один раз в ЖФП: **аще имате вѣроу тако и зърно горѣщно. и речете горѣ сен пренди и вѣвързиса въ море. и авниѣ послушають васъ** ЖФП 26б:3-6 Использование **и** в цитате из Евангелия указывает на книжный характер такого коррелята, хотя в древнейших списках перевода Писания этот союз отсутствует, ср. в Остромировом евангелии: **аще имате вѣрж тако зърно гороушьно. речете горѣ сен. прѣвиди отъсждоу тамо. и прѣидеть** (Мф 17,20). Прочие условные предложения как с **аще**, так и с **иже** в произведениях высоких церковных жанров содержат только соотносительный **то**.

Похожая ситуация отражается в сочинениях Даниила Заточеника: единственным соотносительным словом для единственного условного союза **аще** служит **то** (по 3 примера в СДЗ и МДЗ), например: **И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будутъ родилися в матеръ, то, возрошши, мене**

⁶ Это переводное сочинение, но, согласно данным Г. С. Баранковой [2012: 25–26], перед нами не собственно перевод, а текст после существенной переработки древнерусским книжником.

[*np*]одадут СДЗ 33:1-2 ‘И люди сказали ему: «Почему ты продаёшь детей?» А он сказал: «Если окажется, что они уродились в мать, то, когда вырастут, они меня продадут»’.

Данные исследованных текстов показывают, что чем выше степень книжности жанра, тем меньше в нём соотносительных конструкций и тем ниже частотность древнерусского коррелята **а** — вплоть до полного его отсутствия. Если двигаться от самых близких к живому языку оригинальных жанров к самым книжным, ситуация изменяется следующим образом.

В берестяных письмах абсолютно преобладает коррелят **а**. В договорных грамотах и Русской Правде встречаются условные периоды с коррелятом **а**, но на первый план выходят **оже ... то** и **аже... то**.

Летописи делятся на две группы по степени книжности. В менее книжных (НПЛ, КЛ, ВЛ) основные корреляты — **а** и **то**, причём **а** может даже преобладать. В более книжных (ПВЛ, ГЛ, СЛ) из двух основных коррелятов намного более частотен **то**.

Поучения и вопросы клирикам и ответы на них, как и летописи, делятся на две группы. В одну из них входят Кир и ПИИ, ко второй относятся ПСВ, ПЕвс и ОтвГеорг. В произведениях первой группы, сходных по употреблению соотносительных слов с летописями, коррелят **то** предпочтительнее, чем **а**, но второй вариант тоже достаточно частотен. Во второй группе условные периоды с соотносительными словами малочисленны, при наличии коррелятов выбор, как правило, делается в пользу **то**, примеры соотносительного **а** очень редки. Крайне малочисленные контексты с условными союзами, в том числе в соотносительных конструкциях, в «Слове о полку Игореве» скорее сближают его с текстами второй группы.

В оригинальных сочинениях более престижных жанров (гомилетика, жития) союз **а** абсолютно недопустим в качестве коррелята. В ранних древнерусских хождениях и произведениях Даниила Заточеника, где очень мало условных периодов, соотносительный союз **а** тоже не встречается.

В древнерусских оригинальных памятниках можно заметить тенденции выбора того или иного коррелята в условном периоде в зависимости не только от степени книжности текста, но и от контекста. Чтобы определить эти тенденции, стоит рассматривать только те памятники, в которых имеется несколько коррелятов. Это грамоты, Русская Правда, древнерусские летописи, Вопросание Кирика, Поучение Илии и СПИ.

Поскольку в случае употребления церковнославянских книжных условных союзов **аще**, **иже** или **еже** древнерусские тексты в значительной степени следовали церковнославянской традиции, при подсчётах условные периоды с этими союзами исключаются.

Как показывает материал, при исключении данных по церковнославянским союзам соотношение условных периодов с коррелятами и без них в большинстве памятников кардинально не меняется. Для грамот, РПр, ВЛ такой результат очевиден: немногочисленные примеры с церковнославянскими союзами не могут

Таблица 12. Соотношение «памятник–коррелят»

коррелят памятник	НЕТ	а	то (+ тоже)	да	и (+ ино)	ти
БГ	21 (33%) ⁷	42 (70%/42%) ⁸	9 (15%/9%)	2	3	4
ГВНП	17 (45%)	8 (38%/21%)	12 (57%/32%)	----	1	----
РПр	10 (7%)	4 (3%/3%)	122 (97%/90%)	----	----	----
НПЛ	6 (40%)	3 (33%/20%)	4 (44%/27%)	2	----	----
КЛ	25 (16%)	66 (50%/42%)	60 (45%/38%)	3	3	----
ВЛ	10 (59%)	4 (57%/24%)	1	----	2	----
ПВЛ	2	1	1	2	1	----
ГЛ	4 (67%)	1	1	----	----	---
СЛ	5 (33%)	4 (40%/27%)	5 (50%/33%)	----	1	----
Кир	40 (63%)	6 (25%/9%)	17 (71%/27%)	1	----	----
ПИИ	5 (13%)	11 (32%/28%)	19 (56%/49%)	2	1	1
СПИ	1	1	1	----	----	----

оказать существенного влияния. В ПВЛ и ГЛ, напротив, единичны контексты с древнерусскими союзами. В «Слове о полку Игореве» число условных периодов вообще крайне мало. В прочих памятниках доля условных периодов с коррелятами увеличивается на 4–8%: в СЛ с 61 до 67%, в НПЛ с 52% до 60%, в КЛ с 80% до 84%, в ПИИ с 82% до 87%. Существенно отличаются только данные Вопросания Кирика: если из всех условных периодов на периоды с коррелятами в этом сочинении приходится две трети контекстов, то при исключении церковнославянских союзов ситуация зеркальная: две трети примеров не содержат коррелятов. Складывается впечатление, будто из книжной традиции памятник захватывает нижний сегмент (**аще**, **еже** и **иже** чаще выступают с соотносительными союзами, что само по себе менее престижно, чем отсутствие коррелятов), а из древнерусской — скорее верхний (с древнерусскими условными союзами частотнее периоды без коррелятов, в меньшей степени свойственные некнижным текстам).

Соотношение **а** и **то** в условных периодах с древнерусскими союзами тоже примерно такое же, как с церковнославянскими.

Что касается других коррелятов, то соотносительный **да** (12 примеров) sporadически встречается в произведениях всех рассматриваемых жанров, за исключением деловой письменности: его нет ни в договорных грамотах, ни в Русской Правде.

Контекстов с коррелятом **и** (**ино**) также всего 12. В отличие от **да**, в ГВНП этот коррелят один раз зафиксирован и, соответственно, отсутствует только в РПр. Большая часть примеров с **и/ино** приходится на летописи, но ввиду столь малого

⁷ Здесь и далее учитываются только условные периоды с препозицией условия.

⁸ Здесь и далее первая цифра — процент от всех коррелятов к древнерусским союзам, вторая — от всех условных периодов с препозицией условия.

числа фиксаций остается только крайне осторожно предполагать некоторое тяготение этого жанра к соотносительному **и**.

По отношению к некоторым древнерусским союзам можно говорить о предпочтительной связи «союз-коррелят», как у союза **аще** с соотносительным **то** в книжных памятниках.

Таблица 13. Соотношение «союз–коррелят»

коррелят союз	НЕТ	а	то	да	и	ти
аже	63 (29%)	40 (26%/18%)	108 (69%/49%)	1	5	2
али	----	13 (81%)	2	1	----	----
аци	2	3	----	----	----	----
аче	4	20 (71%/63%)	7	----	1	----
даже	4	8	4	2	----	1
даче	----	----	1	1	----	----
ели	----	1	----	----	----	----
или	11 (39%)	8 (47%/39%)	5 (29%/18%)	----	3	1
оже	57 (26%)	40 (25%/18%)	112 (69%/51%)	4	5	1
оли	----	----	1	----	----	----
оче	----	2	----	----	----	----
паки ли	4	16 (53%/47%)	13 (43%/38%)	1	----	----
се ли	1	----	----	1	----	----

Без коррелятов не зафиксированы контексты с союзами **даче**, **оче**, **оли** и **ели** — но речь идёт здесь о единичных примерах. Без соотносительных слов не обнаружено условных периодов с союзом **али** — не только в БГ, где преобладают периоды с коррелятами, но и в Кир, где для древнерусских союзов наблюдается скорее обратная тенденция.

Коррелят **а** употребляется с наибольшим количеством условных древнерусских союзов, что в первую очередь связано с тем, что большинство из них встречается в наименее книжных памятниках, где коррелят **а** максимально распространён. Примеров с соотносительным **а** нет только в периодах с редкими **даче**, **оли** и **се ли**.

Можно предположить, что при союзе **аче** предпочтение отдавалось соотносительному **а**, по крайней мере по данным КЛ (17 контекстов). Условные периоды с **аче... а** встречаются в большем количестве памятников (БГ, ГВНП, РПр, КЛ), чем с **аче... то** (БГ, РПр). При этом в РПр отмечается мощная тенденция выбора соотносительного **то**, поэтому даже единственный контекст с **а** против пяти примеров с **то** в этом памятнике не противоречит предположению о тяготении **аче** к **а** в древнерусском языке.

Возможно, коррелят **а** охотнее употреблялся с союзами на **-ли**. Даже если исключить **али**, поскольку **али... а** фиксируется только в БГ, коррелят **а** употребляется и в наибольшем количестве контекстов, и в самом большом количестве памятников (БГ, ГВНП, РПр, КЛ, ПИИ) как с **или**, так и с **паки ли**.

Коррелят **то** не зафиксирован с **аци**, **єли**, **оче** и **се ли**, то есть с исключительно редкими союзами, имеющимися только в грамотах. Выбор соотносительного **то** в условных периодах с наиболее частотными в древнерусских текстах условными **оже** и **аже**, скорее всего, нельзя объяснить зависимостью от союза, поскольку существенный перевес **то** над **а** обеспечивают контексты предписания из Русской Правды.

Для соотносительного союза **да** можно заметить некоторую тенденцию к употреблению с условными союзами с начальным **да**, такую же, как у **а** — к **аче**. Эту тенденцию демонстрирует один из трёх контекстов с союзом **даче** (в НПЛ), который встретился в исследованных источниках всего трижды: **даче медѹ ма <ло.> а дружинѹ много. да къ вечероу вѣдати** НПЛ 1:10-12, 1016 ‘Если меда мало, а дружины много, то следует дать (мед) к вечеру’. Еще трижды соотносительный **да** отмечен с союзом **даже**, который во всех исследованных условных периодах с коррелятами обнаружился только 13 раз, ср.: **дажѹ еси реклъ моложьшему сѧ не поклоню. да се азъ тебе старѣи. есмь. не маломъ но многомъ** КЛ 155г:27-33/156а:1-2, 1151 ‘Если ты сказал: «Младшему я не поклонюсь» — то вот я тебя старше, и намного’. Конечно, условных периодов с **оже... да** больше, но это, вероятно, объясняется чрезвычайной распространенностью самого союза **оже**.

В берестяных грамотах XIV в. трижды употребляются условные периоды с **или... и**. Для берестяных грамот этого времени не исключена та же тенденция, что с **даже/даче... да** и **аче... а**, то есть зависимость выбора коррелята **и** от союза с начальным **и**. Но очевидно, что для основной массы древнерусских памятников это не характерно.

Выбор коррелята может быть связан также с определёнными формами и конструкциями в аподосисе условного периода.

М. С. Мушинская отмечает отсутствие коррелята в Кир в случае употребления в аподосисе побудительной **да**-конструкции [2020: 177]. Данные текстов, исследованных в настоящей работе, согласуются с этим наблюдением: как с **да**-конструкцией, так и с древнерусской **ать**-конструкцией с тем же значением в аподосисе условных периодов коррелят отсутствует, ср.: **аже сѧ хощеци со мною радити. ать поѣдетъ изяславъ володимирю. а ростиславъ смоленскоу а вѣ сѧ сама оурадивѣ** КЛ 156а:10-15, 1151 ‘Если ты готов заключить со мною договор, пусть Изяслав поедет во Владимир, а Ростислав в Смоленск, а мы вдвоём сами договоримся’.

В случае риторического вопроса в аподосисе употребляется исключительно союз **то**. М. С. Мушинская указывает на это в связи с Галицкой летописью [Там же: 179]. Это справедливо для всех памятников, исследованных в настоящей работе., ср. примеры риторических вопросов из КЛ и ПИИ: **ты еси оу на кнѣзь ѡдинъ. же сѧ товѣ што оучинитъ то што намъ дѣяти** КЛ 168а:7-9, 1153 ‘Ты один у нас князь — если с тобой что случится, то что нам делать?’; **А вы попове боудоуче же въсхочете слоужити коли тѣ чи на много днѣи ѡлоучаетеса ѡ попадѣи свои** ПИИ 181:5-8 ‘А вы, будучи священниками, если собираетесь когда-нибудь послужить, разве на много дней отлучаетесь от своих жён?’.

В рассматриваемых источниках не обнаружено ни одного примера с отрицанием после коррелята **да**. Возможно, это вызвано желанием избежать совпадения с побудительной конструкцией с презенсом.

В остальных случаях речь идет не об исключительном употреблении той или иной формы / конструкции, а о предпочтительном выборе.

Так, в условных периодах с формами сослагательного наклонения всегда употребляется коррелят — в подавляющем большинстве примеров это союз **то**, а соотносительный **а** не встречается никогда, ср.: **уже бы пришел только с детьми то котораа ему волость люба. ту же бы взялъ** (1149) КЛ 137г:23-26 ‘Если бы ты пришёл только с детьми, то какая ему волость по сердцу, ту бы и взял’. Не исключено, что коррелят **а** не употребляется с формами сослагательного наклонения, чтобы избежать путаницы с побудительной конструкцией **а** + сосл.

Если в аподосисе используется форма императива, то, как правило, употребляется соотносительный **а** (более двух третей случаев среди условных периодов с коррелятом), ср.: **оже ти не оугодно държати новагорода снмь. а вѣда ны вра**^т НПЛ 94об:9-11, 1222 ‘Если тебе неуютно, чтобы Новгород был за твоим сыном, то дай нам брата’.

В древнерусских текстах разных жанров и разной степени книжности наблюдается либо выбор в пользу книжной традиции с практически единственным вариантом **лице... то** и стремление избежать коррелятов в условном периоде, либо открытость текста к древнерусскому узусу, когда в условном периоде с препозицией условия, во-первых, скорее всего будет использоваться коррелят, и во-вторых, существует выбор из нескольких соотносительных союзов.

Как видно из полученных данных, только для соотносительного **то**, в отличие от прочих коррелятов, не обнаруживается ограничений на сочетаемость. Таким образом, можно сказать, что в древнерусских письменных памятниках в целом отдается предпочтение корреляту **то**. Уже на древнерусском этапе тексты фиксируют начало пути, который приведет к современному состоянию с монополией **то** в аподосисе условного периода.

Источники

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков. В 3 тт. Т. 1. М., 1952. Т. 2. М., 1958. Т. 3. М., 1964.

БГ — древнерусские берестяные грамоты [Зализняк 2004: 239–695].

ВЛ — Вольнская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГЛ — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

ЖАС — Житие Авраамия Смоленского [НКРЯ].

- ЖЛР — Житие Леонтия Ростовского [НКРЯ]
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71–135.
- Ил — митрополит Иларион. Слово о законе и благодати, Молитва и Исповедание веры [НКРЯ].
- Кир — «Вопрошание Кириково [НКРЯ].
- КирТур — Кирилл Туровский. Притча о душе и теле. Повесть о беспечном царе и его мудром советнике. Сказание о черноризском чине [НКРЯ].
- КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- ОтвГеорг — **Невѣдомы(х) словесъ изложено геургѣемъ. митрополито(м) кѣевскимъ. германъ игумену. въпрашающъ. оному повѣдающъ** [Баранкова 2012: 15–43].
- ПВЛ — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 2–285.
- Певс — Поучение святого Евсевия // Г. С. Баранкова. Цикл поучений иереям в древнерусских сборниках. В печати.
- ПИИ — Поучение Иоанна-Илии [НКРЯ].
- ПреПок — Предсловие покаянию [Баранкова 2018: 9–65].
- ПрЧ — Правило о черноризцах по Новгородской кормчей 1282 г. (ГИМ, Синод. № 132, л. 547а–549г) [Баранкова 2017].
- ПСВ — Поучение Серапиона Владимирского [НКРЯ].
- РПр — Русская Правда в Пространной редакции по Новгородской кормчей 1282 г. [НКРЯ]
- СДЗ — Слово Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932.
- СкБГ — Сказание о житии Бориса и Глеба // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 43–71.
- СЛ — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М. 1997. С. 287–540.
- СПИ — Слово о полку Игореве [Зализняк 2008: 461–475].

Литература

- Баранкова Г. С. «Неведомых словес изложено Георгием, митрополитом Киевским, Герману игумену вопрошающему, оному поведающему»: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность / Научн. совет «Роль религий в истории», ИРИ РАН 2012 / Отв. ред. Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 15–43.
- Баранкова Г. С. «Правила о черноризцах» в Кормчих книгах и сборниках // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. ХLI. 2017. № 1. С. 56–78.
- Баранкова Г. С. Текстологические и языковые особенности «Предсловия покаянию» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Мушинская М. С. Союз *то* в древнерусских памятниках // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А. А. Пичхадзе. СПб.: Нестор-История. 2020. С. 142–235.

Пичхадзе А. А. О значении и функциях союза *а* в древнерусском языке // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 28–36.

Попов П. В. Сочинительные конструкции с союзом «а» в древнерусском языке. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1952.

Попова И. А. Значения и функции союза *а* в древнерусском языке. Дис. ... канд. фил. наук. Л., 1945.

Юрьева И. С. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2. С. 85–124.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

Irina S. Yuryeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

iriwonok@yandex.ru

THE USE OF CORRELATIVES OF CONDITIONAL CONJUNCTIONS IN DIFFERENT GENRES OF ORIGINAL OLD RUSSIAN WRITTEN TEXTS

The article deals with the peculiarities of the use and reasons for the choice of one of the existing Old Russian relative conjunctions in the apodosis of the conditional period.

Generally speaking, the most prestigious genres (hagiography, homiletics) have a minimum number of conditional periods with correlatives, whereas works that are closer to the spoken language, on the contrary, tend to use correlative conjunctions in most of the conditional periods. Two main variants of correlatives *то* and *а* are distributed depending on the degree of bookishness of the text. In homilies, as well as in Old Russian pilgrimages and works by Daniel the Prisoner the variant *а* is absolutely prohibited, while in other works the percent of conditional periods with the conjunction *а* in the apodosis is the higher, the closer the text is to the Old Russian language. The variety of correlative conjunctions is also more characteristic of less bookish texts: the maximum number of correlatives (*а, да, и, ино, ти, то, то ти, то зже*) is typical of birch-bark letters, while in hagiography and homiletics only *то* and rarely *и* are possible.

In the original Old Russian texts we can notice a tendency to choose one or another correlative conjunction depending on the conditional conjunction and on the context: so, for example, *а* tends to *аче* and, probably, to conditional conjunctions on *-ли*;

correlate *da* is never found in contexts with negation, correlate *a* is not present in contexts with a conjunctive. There exist no compatibility restrictions only for the correlate *to* in Old Russian monuments, which indicates the initial stage of the modern situation with the absolute monopoly of the correlate *to*.

Keywords: Old Russian language, conditional sentences, correlative conjunctions, Old Russian writing genres

References

Barankova G. S. «Navedomykh sloves izlozhenno Georgiem, mitropolitom Kievskim, Germanu igumenu voprosheyushchu, onomu povedayushchu»: voprosy podlinnosti pamyatnika i osobennosti ego yazyka. *Religii mira: Istoriya i sovremennost*. Nauchn. sovet «Rol religiy v istorii», IRI RAN 2012. Otv. red. E. V. Belyakova, A. V. Nazarenko. Moscow; St. Petersburg, “Nestor-Istoriya” Publ., 2012, pp. 15–43. (In Russ.)

Barankova G. S. «Pravila o chernoriztsakh» v Kormchikh knigakh i sbornikakh. *Palaeobulgarica / Staroblgaristika*. XLI (1), 2017, pp. 56–78. (In Russ.)

Barankova G. S. Tekstologicheskie i yazykovye osobennosti «Predsloviya pokayaniyu». *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. № 16. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. 2016–2017*. Moscow, 2018. (In Russ.)

Mushinskaya M. S. Soyuz *to* v drevnerusskikh pamyatnikakh. In *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa*. A. A. Pichkhadze (ed.). St. Petersburg, “Nestor-Istoriya” Publ., 2020, pp. 142–235. (In Russ.)

Pichkhadze A. A. O znachenii i funktsiyakh soyuza *a* v drevnerusskom yazyke. In *Yazyk. Kultura. Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost*. Moscow, “Nauchnyy mir” Publ., 1999, pp. 28–36. (In Russ.)

Popov P. V. Sochinitelnye konstruksii s soyuzom «*a*» v drevnerusskom yazyke. Thesis avtoreferat. Leningrad, 1952. (In Russ.)

Popova I. A. Znacheniya i funktsii soyuza *a* v drevnerusskom yazyke. Thesis. Leningrad, 1945. (In Russ.)

Yuryeva I. S. Uslovnye soyuzy v originalnykh drevnerusskikh pamyatnikakh raznykh zhanrov. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 2022, pp. 85–124. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. 2-e izd. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista*. 3-e izd. Moscow, 2008. (In Russ.)

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2024 г., № 2 (40)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 25,0

Тираж 300 экз. Заказ №